(Годъ сороковой).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1902

9.

Приложеніе.

Дневникъ камеръ-юнкера Ф. В. Берхгольца. Новое изданіе. 1721 годъ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1902.

Архивъ князя Ѳ. А. Куракина. Книга десятая, изданная почетнымъ членомъ Археологическаго Института княземъ Ѳ. А. Куракинымъ, подъ редакціею В. Н. Смольянинова. Москва, 1902. 8-ка, XIV, XV, 478 и 2 нен. стр. съ гербомъ князей Куракиныхъ.

Эта книга содержитъ въ себѣ переписку съ разными лицами за 1714 годъ князя Бориса Ивановича Куракина (который, будучи свояксмъ Петра Великаго и участникомъ Полтавской побѣды, благоразумно уклонился отъ личной близости къ Преобразователю, но за то служилъ ему ревностно въ Голландіи и Англіи) и письма разныхъ лицъ за 1778 годъ къ его правнуку, великолѣпному князю Александру Борисовичу, соученику и другу цесаревича Павла Петровича.

Въ концѣ книги азбучный указатель, примѣчанія и перечневой сводъ бумагъ, помѣщенныхъ во всѣхъ десяти томахъ этого превосходнаго изданія, показывающій, какъ обиленъ историческимъ содержаніемъ Куракинскій архивъ, какъ полны были жизни и практической мудрости душесильные люди XVIII в. и какое богатое нравственное наслѣдство досталось имъ отъ временъ до-Петровскихъ, отъ старой Руси, которая накопила потомству всяческіе запасы отъ своего долголѣтняго сконидомства. Десятая книга Куракинскаго Архива снабжена любопытнѣйшими примѣчаніями ея редактора. Такъ на стр. 447 приведено письмо графа Н. И. Панина къ его внучатному племяннику князю А. Б. Куракину, очень цѣнное для біографіи цесаревича Павла Петровича. Оказывается, что уже на третій годъ послѣ его брака преданные ему люди „съ окровавленными сердцами видѣли его погружающимся въ ниже(по)слѣдующія бѣдствія". Понятно, почему Екатерина такъ обрадована была рожденіемъ своего внука и въ немъ стала готовить себѣ непосредственнаго преемника.

Десятою книгою заканчивается рядъ этихъ драгоцѣнныхъ вкладовъ въ Русскую историческую науку. Слѣдующія книги „Архива Князя Ѳ. А. Куракина" будутъ выходить уже сборниками, подъ названіями „Осмнадцатый Вѣкъ" и „Девятнадцатый Вѣкъ".

Честь и слава издателю: это своего рода панихиды по предкамъ, достойныя всякаго сочувствія и почтенія. Богъ на помощь редактору въ его ревностномъ, неустанномъ трудѣ.

Въ старину отдавались цѣлыя вотчины въ монастыри на поминъ души, воздвигались храмы во имя своего святого (которые у Сербовъ носятъ выразительное названіе *задушбинъ*, т.-е. за душу). Такое же значеніе въ наши дни имѣютъ издержки Воронцовыхъ, Шереметевыхъ, Юсуповыхъ, Мордвиновыхъ на изданіе въ свѣтъ своихъ архивовъ. Починъ данъ покойнымъ княземъ Семеномъ Михайловичемъ Воронцовымъ, который однажды сказалъ пишущему эти строки: „Если бы даже дѣла мои разстроились, то я скорѣе соглашусь ѣздить во второмъ классѣ желѣзной дороги, чѣмъ прекратить изданіе моего архива. П. Б.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ СОРОКОВОЙ.

1902.

3.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

Увы! На жизненныхъ браздахъ,
Мгновенной жатвой поколѣнья,
По тайной волѣ Провидѣнья,
Восходятъ, зрѣютъ и падутъ....

1902.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1902.

ДНЕВНИКЪ ИВАНА МИХАИЛОВИЧА СНѢГИРЕВА.

1834 годъ *).

Январь. 1. Послѣ ранней обѣдни въ своемъ приходѣ, на дому пѣли молебенъ съ водосвященіемъ. Въ церкви я получилъ четыре просфоры. Былъ съ поздравленіемъ у тестя, у г. Оппеля, у Я. Е. Арсеньева, у г.г. Каменскихъ, у Баталина, М. В. Бобарыкиной, княжны А. М. Черкаской, у В. М. Котельницкаго. Обѣдъ дома. Вечеръ провели на имянинахъ у Драчевскаго священника В. Александр. Морозъ до 29 гр.

3. Были у меня г. Закревскій съ своимъ сочин. *Царь-горохъ* и К. Лебедевъ съ 1 т. Исторіи (которую читалъ я Д. П. Гол.), Ѳ. Л. Морошкинъ; по просьбѣ его, я сообщилъ для рѣчи къ 12 Янв. объ успѣхахъ *Росс. юриспруденціи* разные матеріалы, рѣчи, каталоги и пр.

5. Въ засѣданіи Ценсурнаго Комитета новый членъ Каченовскій приведенъ былъ къ присягѣ. Послѣ Комитета я слушалъ вечерню съ водосвятіемъ, которое совершалъ пр. Николай.

7. Послѣ ранней обѣдни былъ у меня проф. М. Максимовичъ, который прочелъ со мною статью свою *о переходахъ царствъ природы*, при сынѣ И. Н. Царскаго. Справлялись съ изображеніемъ Воскресенія у Іезек., гл. 37.

8. Утромъ я былъ у Риса, купилъ книгу касат. Рим. Др. г. Their, Polyclète. У Я. Е. Арсеньева, которому при И. П. Ѳаворскомъ говорилъ о починкѣ Арбат. училища, на что онъ соглашался.

9. Былъ у меня И. И. Лажечниковъ и говорилъ со мною о своемъ романѣ изъ царствованія Анны Ивановны *Ледяной Домъ*. Я сдѣлалъ ему свои замѣчанія и сообщилъ нѣкоторые матеріалы. И. И. сказывалъ мнѣ о слѣд. словѣ Греча про Москву: «Москва разбросана, какъ будто ее Глинка строилъ, умна и полна». И. И. сообщилъ мнѣ эпиграмму кн. Ш. на Загоск. романъ Оскол. Могила:

---

*) Годы 1823—1825 этого „Дневника" напечатаны въ 6—8 выпускахъ „Русскаго Архива". За слѣдующія десять лѣтъ мы не могли его получить. Любопытно, что за 1834-й годъ, который здѣсь печатается, и Пушкинъ велъ свой дневникъ (къ сожалѣнію, не вполнѣ изданный). П. Б.

Вотъ здѣсь Оскольдова могила.
Она не очень глубока;
Ее Загоскина рука
Для славы автора изрыла.

На слова Государя Ермолову, что онъ теперь въ модѣ у Французовъ (платье à la Yermolof тамъ носятъ) Ермол. отвѣчалъ: «Я всегда былъ игрою моды; поносятъ, да и бросятъ». Я занимался своими лекціями; въ это время посѣтилъ меня духовникъ мой св. Н. А.

10. Съ г. Морошкинымъ я читалъ заключеніе III ч. своихъ Пословицъ, а онъ свою рѣчь о *юриспруд.* въ Моск. Универс. Изъ гражданской Палаты, гдѣ я написалъ довѣренность по своему дѣлу съ Батур., проѣхалъ въ Совѣтъ, изъ Совѣта на обѣдъ къ директору 1 гимн. И. А. Старынкевичу. Вечеръ у меня просидѣлъ Злотоуст. архимандритъ Даніилъ, съ которымъ я бесѣдовалъ о Китаѣ и о трехъ господствующихъ тамъ вѣрахъ: Конфуціевой для высшихъ чиновъ, Фоевой для средняго класса и Даевой (да-законъ). Современникъ Конфуція былъ Лаодзе, мудрецъ, первый былъ исправителемъ и обновителемъ древнихъ ученій. О. а. говорилъ о великолѣпіи императорскихъ кладбищъ, строющихся въ горахъ; для каждаго строится оно со вступленія на престолъ. Главное правило Кит. политики избѣгать войны, которую они почитаютъ зломъ и всегда винятъ императора или князя провинціи, если возникаетъ война или мятежъ. Торговля и промышленность въ цвѣтущемъ состояніи; банкротовъ нѣтъ. Куп. фамиліи существуютъ по нѣсколько вѣковъ, какъ касты.—Къ воротамъ подъѣзжалъ ко мнѣ П. П. Свиньинъ по дорогѣ, но не заходилъ, бывши въ дорожномъ платьѣ. Я возвратилъ о. Даніилу его рукоп. переводъ изъ Лаодзе и Франц. исторію Китая. Онъ хотѣлъ было продать въ Московскій Университетъ свою Кит. библіотеку, но ея не купили за недостаткомъ денегъ и знатоковъ.

11. Я послалъ къ Н. А. Полев. книгу Ивашковскаго *Греч. Синтаксисъ* съ просьбою написать на нее рецензію, достойную книги и издателя, достойнаго уваженія по своей учености и трудамъ.

12. Поутру былъ у П. П. Свиньина, который читалъ мнѣ отрывокъ изъ своего романа *Ермакъ*. Я просилъ его поговорить Дегаю о моемъ письмѣ касательно тестя; обѣщано. Отъ него я проѣхалъ въ Университетскую церковь къ обѣднѣ, послѣ коей говорилъ проповѣдь П. М. Терновскій о *просвѣщеніи*, которое выводилъ изъ чистоты сердечной. Въ залѣ Унив. Совѣта адьюнктъ Морошкинъ прочелъ рѣчь о *Россійской юриспруденціи* въ Моск. Ун. какъ наукѣ, при чемъ отдалъ должную справедливость Дилтею, Десницкому и Горюшкину; говорилъ о необходимости выводить юриспруденцію народную изъ поговорокъ

и пословицъ, сего говорящаго, чувствующаго и мыслящаго, еще живаго и дѣйствующаго, источника мыслей народныхъ. Послѣ ораторъ благодарилъ меня за доставленіе ему матеріаловъ для рѣчи его, которая принята съ похвалою. Въ собраніи было мало стороннихъ, проф. Симоновъ и пр. За завтракомъ пили здоровье молча. Вечеромъ у меня былъ П. И. Арсеньевъ; потомъ я написалъ письма въ С.-Петербургъ къ Д. Н. Каменскому, въ Харьковъ къ И. Петрову и въ Казань къ Рыбушкину. Первое послалъ съ П. П. Свиньинымъ, а два остальныхъ чрезъ Комитетъ.

13. Утромъ я былъ у Шевырева и Давыдова и обоихъ не засталъ, одинъ спалъ, другой выѣхалъ; потомъ заѣхалъ къ Ю. Н. Бартеневу, который хвалилъ мою статью *о древнемъ барельефѣ* въ М. У. соб. и вызывалъ меня на археолог. труды.

15. Съ Божіею помощію я началъ въ Московскомъ Университетѣ свои лекціи, послѣ коихъ взялъ въ Гр. Палатѣ вѣрющее письмо, заѣхалъ къ С. М. Ивашковскому, къ Я. Е. Арсеньеву и къ Д. Н. Каменскому, возвратившемуся изъ С. П. Онъ говорилъ со мною о свиданіи своемъ съ С. С. Уваровымъ, который думаетъ, что я способнѣе преподавать *Древности* и отдаетъ справедливость моему трудолюбію. Д. Н. опровергалъ первое и соглашался съ послѣднимъ, увѣривъ его, что это разглашаютъ мои завистники и недоброхоты. которыхъ предаю суду Божію. Я обѣдалъ у него.

16. Получено отъ Я. Е. А. 10 инд. и 4 утки. Черезъ его человѣка я совѣтовалъ ему сдѣлать вспоможеніе бѣднымъ своего прихода, о которыхъ онъ можетъ узнать отъ приходскаго священника. Это обязанность человѣка и христіанина помогать въ нуждѣ бѣднымъ: Христосъ за нихъ порука.

17. Изъ типографіи я заѣхалъ поздравить съ ангеломъ А. А. П., который былъ очень радъ и доволенъ, обѣщалъ пріѣхать ко мнѣ. Послѣ лекціи въ Совѣтѣ, гдѣ Павловъ съ Давыдовымъ недовольны были пропускомъ *Царя-Гороха*, гдѣ они себя узнали; но я возразилъ, что тамъ нѣтъ ни лица, ни ссылокъ на сочиненія, слѣд. въ силу § 14 Устава можетъ быть пропущенъ. Г. Каченовскому я сдалъ всѣ монеты и медали, также и ковшичекъ, принадлежавшіе Историческому Обществу; въ пріемѣ онъ росписался.

19. Лекція и засѣданіе Цензурнаго Комитета, въ коемъ разсуждали о пропускѣ мною Царя-Гороха; возражали Кач. и Цв. Я отвѣчалъ, что пропущено мною на точномъ смыслѣ Устава, и я не нашелъ въ книгѣ ни времени, ни мѣста, ни лицъ. Голохвастовъ защитилъ меня. По приглашенію графа Потемкина я у него обѣдалъ съ Загоскинымъ, В. М. Михайловымъ, С. П. Жихаревымъ.

20. По утру былъ я у П. Ѳ. Краузе, которому отдалъ листокъ *Всеобщей Исторіи Кирова* съ замѣчаніями духовной цензуры для исправленія и рукопись Самойлова *о Кіевѣ* съ рисунками для печатанія. Я ему замѣтилъ, что не получилъ ни одной книги изъ его тип., тогда какъ, можетъ статься, думаютъ, что я получаю по званію цензора. Обѣдалъ я у тестя, ввечеру былъ въ Обществѣ Л. Р. Сл., въ которое вступилъ предсѣдателемъ Загоскинъ. Ничего не дѣлали, но говорили только о томъ, что̀ и какъ дѣлать.

21. Заутреню я слушалъ у Николы въ Драчахъ и поздравлялъ священника съ набедренникомъ; обѣдню стоялъ у Адріана и Наталіи. Ауербархъ прислалъ мнѣ сервизъ чайный своего завода. Изъ Хотькова отъ схимницы Евпраксіи получили мы въ благословеніе три просфоры, да двѣ отъ преосвященнаго Діонисія. Я съ женою былъ въ концертѣ Генріетты. Голосъ сильный и гибкій, особливо въ треляхъ; не знаешь, чему отдать преимущество, природѣ или искусству.

22. Прочитавъ лекцію, я обѣдалъ у Д. Н. Каменскаго дома нашелъ у себя княгиню Шаховскую и г-жу Зассъ съ дѣтьми.

23. Дома и не такъ здоровъ. Вечеромъ были Ю. Бартеневъ и Куман.

24. Послѣ лекціи своей я навѣстилъ преосвященнаго Діонисія для справокъ о гражд. буквахъ при Петрѣ I, коего походный станокъ типогр. въ Синод. типографіи. Первымъ директоромъ былъ Ѳедоръ Поликарповъ, а послѣ него 1733 г. А. К. Барсовъ. При Петрѣ I управлялъ долго сею типографіею графъ И. А. Мусинъ-Пушкинъ*). На дворѣ донынѣ существуютъ *патріаршіе чертоги*, послѣ коихъ уже построены другіе при Успенскомъ соборѣ въ Кремлѣ. Церк. буквы назыв.: Евангельскія, Кутеинскія, Кіевскія, Библейскія, Осиповскія, Арсеньевскія, Воскресенскія.

25. У обѣдни я былъ съ женою на праздникѣ Утоленіе Печали, гдѣ архимандритъ Ѳеофилъ, служившій, звалъ меня къ старостѣ. Обѣдали у И. А. Двигубскаго. Вечеромъ дома я окончилъ статью: *Петръ I корректоръ* для Библіотеки и на другой же день послалъ ее при письмѣ къ Смирдину черезъ Ширяева. Въ этотъ день былъ у меня по утру ректоръ Харьковскаго Университета И. Я. Кронбергъ, проѣздомъ въ С.П.

26. У него я былъ утромъ и вмѣстѣ съ нимъ жалѣлъ, что философія, преподаваемая во всѣхъ университетахъ и духовныхъ академіяхъ, не преподается въ Московскомъ, тогда какъ дозволенъ выпускъ филос. книгъ изъ Франціи и Германіи, кои много дѣлаютъ вреда въ юношествѣ, читающемъ оныя безъ предварительнаго руководства. Кронбергъ между прочимъ сказалъ, что по привычкѣ къ родинѣ

*) Побочный братъ Петра Великаго. П. Б.

своей Москвѣ желалъ бы въ нее переселиться. Послѣ лекціи и Цензурнаго Комитета я отправился домой обѣдать не такъ здоровый; вечеромъ былъ у меня А. Закревскій, прочелъ со мною свой романъ *Идеалистъ*, въ коемъ много есть хорошаго въ неровныхъ позывахъ духа, видны умъ тонкій и проницательный, сила души и глубокая чувствительность сердца, прикрытая въ немъ юморомъ. Онъ обѣщаетъ въ себѣ автора оригинальнаго, если не будетъ раболѣпствовать иностр. писателямъ и если станетъ работать надъ собою и заниматься изученіемъ ума и сердца въ книгахъ, въ себѣ и въ другихъ. Его слогъ есть живое выраженіе его духа, тяготимаго плотью и разсѣваемаго свѣтомъ. Надобно собираться съ собою.

27. Утромъ за своимъ дѣломъ съ недугующимъ тѣломъ. Изъ Златоустинскаго монастыря отъ обѣдни я проѣхалъ въ Совѣтъ М. У., гдѣ разсматриванъ былъ уставъ Кіевскаго Университета Св. Владимира, присланный для примѣненія его къ настоящему положенію М. У. Оттуда я завернулъ къ архимандриту Даніилу, который сообщилъ мнѣ каталогъ своей Китайской библіотеки для извлеченія статьи объ оной. Поговорили о Китаѣ, который тѣмъ отличается отъ другихъ государствъ, что его побѣдители принимали законы побѣжденныхъ и тѣмъ сами покорялись или изгонялись. Такая участь постигла Монголовъ и ожидаетъ Манджуровъ. Послѣ я навѣстилъ П. И. Арсеньева, который былъ мнѣ радъ. Обѣдалъ дома. Получилъ я письма изъ Вильны отъ Лобойки и изъ Пирны отъ Дидриха.

28. Обѣдалъ я у Е. О. Мухина на имянинахъ, гдѣ встрѣтилъ многихъ знакомыхъ, Двигубскаго, Цвѣтаева, Давыдова, Перевощикова, Ловецкаго, Котельницкаго, Максимовича и пр.; я сидѣлъ между Морошкинымъ и Лебедевымъ и разговаривалъ съ ними. Угощеніе было богатое.

29. Нездоровый послѣ лекціи я былъ у ректора, который говорилъ мнѣ о ропотѣ Д., К. и П. на пропускъ к. *Царь-Гороха*, будто я зналъ о намѣреніи автора и о лицахъ; но я возразилъ, что не видалъ ни лицъ, ни мѣста, ни времени, и на основаніи § 14 устава не могъ не пропустить. Потомъ я заѣзжалъ къ Ивашковскому пригласить его на обѣдъ къ себѣ, къ Я. Е. Арсеньеву, къ Д. Н. Каменскому; обѣдалъ у Мельгунова съ Шевыревымъ. Вечеръ дома за своимъ дѣломъ.

30 Поутру пріѣзжала ко мнѣ съ братомъ А. П. Извольская проститься съ нами, она ѣдетъ въ Тамбовъ за 1050 въ годъ къ кн. . . . *) Я ей подарилъ *Франц. словарь* Т. на дорогу. Были у насъ Плетеневы, мать съ дочерью. Обѣдали князь Н. Н. Голицынъ, Д. Н. Ка-

---

*) Пропускъ въ подлинникѣ.

менскій, Н. Г. Головинъ, С. П. Шевыревъ и И. П. Ѳаворскій. Время прошло въ пріятной бесѣдѣ, всякій говорилъ о своемъ и много занимательнаго и важнаго пополамъ съ шутками; всѣ, кажется, были довольны одинъ другимъ. Князь Н. Н. разсказывалъ про мать князя Д. В. Г.*), что ее называютъ самою послушливою женою своему мужу; ибо съ тѣхъ поръ, какъ камердинеръ ея мужа доложилъ ей, что супругъ ея *приказалъ ей долго жить*, она слушается и живетъ 60 лѣтъ послѣ мужа. Она всѣ фамиліи бранитъ и выше Голицыныхъ никого не ставитъ и когда она предъ внучкою своей 6 лѣтней хвалила Іисуса Христа, то дѣвочка спросила: «Не изъ фимиліи ль Голицыныхъ І. X.?» Гости мои разъѣхались въ 8 часу, напившись чаю. Голов. замѣт., что Батый похороненъ въ Венгріи.

31. По нездоровью остался дома и за дѣлами: получилъ письмо отъ Золотова съ вызовомъ взять 100 экз. моей *Лат. Грам.* Съ Мих. Ст. Гастевымъ я разсуждалъ о *Русск. посл.*, кои, по его мнѣнію, болѣе образовались до Татарскаго періода на Руси, а при Татарахъ очень мало; о сходствѣ Слав. съ Латинскимъ не только въ словахъ звукоподражательныхъ, но и въ цѣлыхъ рѣченіяхъ и пословицахъ. Онъ одобрилъ намѣреніе мое написать *о сходствѣ Русскихъ примѣтъ съ Римскими*, сходствѣ обычаевъ. Трудно опредѣлить точку соприкосновенія сихъ народовъ; сходныхъ словъ Лат. съ Руск. около 300. Вечеромъ у меня были Я. Е. Арсеньевъ и о. Анастасій.

Февраль. 1. Изъ типографіи былъ въ засѣданіи Цензурнаго Комитета, въ который подалъ мнѣніе свое о романѣ *Соловецкій Инокъ*; опредѣлено остановить. У вечерни у Трифона въ Напрудной, гдѣ служили молебенъ сему святому. Морозы

2. Продолжаются. Утромъ занимался чтеніемъ, былъ у обѣдни на Тр. подв. и отдалъ о. эконому Ан. 169 р. за дрова, мукуи крупу. Миша мой пріобщался. Былъ у меня съ сыномъ ш. смотритель Ржевск. У. У. Вѣхиревъ.

4. У ранней обѣдни я былъ съ матушкой, женою и Ѳ. И. Ѳ. въ Драчахъ. Съ М. С. Гастевымъ я перечиталъ послѣдній листъ 3 части Р. П.; говорили о томъ, что Греки и Римляне ближе къ Славянамъ и ихъ языку, чѣмъ Германцы, кои по прикосновеніи съ послѣдними заимствовали отъ нихъ многія слова и понятія.

5 Послѣ лекціи своей я заѣзжалъ къ Я. Е. Арсеньеву, который объявилъ мнѣ, что хочетъ подавать въ отставку; я притакнулъ ему,

*) Княгиня Наталья Петровна († 1837), ур. графиня Чернышова. Сынъ ея, Московскій генералъ-губернаторъ, не смѣлъ при ней садиться. Она принадлежитъ XVIII-му вѣку, когда въ Россіи, въ теченіи слишкомъ 60 лѣтъ, царствовали женщины. П. Б.

сказавъ, что ему теперь всего нужнѣе быть спокойнымъ, молиться Богу и дѣлать добро. Отъ него заѣхалъ и побесѣдовалъ съ Д. Н. Каменскимъ; не засталъ дома кн. Н. Н. Голицына и М. В. Бобарыкиной. Занимался извлеченіемъ изъ *каталога Китайской библіотеки* о. архим. Даніила, бывшаго въ Китаѣ около 10 лѣтъ, для Уч. Зап. М. У. Навѣстилъ меня и побесѣдовалъ со мною духовникъ Николай.

6. Началъ съ Божіею помощію статью: *о сходствѣ Русскихъ повѣрьевъ съ Римскими*. Были А. А. Петровъ и С. И. Десницкій, котораго я просилъ пріискать мнѣ маленькій клочекъ земли, съ двумя - тремя дворами для лѣтняго пристанища; обѣщалъ.

7. Отъ Я. Е. Арс. присланъ возъ муки ржаной. Послѣ лекціи своей въ М. У. я заѣхалъ на четверть часа къ преосв. Николаю, который извинялся, что давно у меня не былъ. Былъ у намѣстника Воскр. мон. о. архим. Аполлоса, взялъ у часовщика обои свои часы и возвратилъ его часы, у меня бывшіе.

8. Обѣдалъ у насъ А. А. П. Вечеромъ былъ Я. Е. Арсеньевъ, а послѣ него изъ Варшавы отъ А. И. Соловьева съ письмомъ офицеръ Нелидовъ. Я процензуровалъ *Миѳологію Бланш.*

9. Послѣ лекціи (о календарѣ Рим.) въ Ценз. Комитетъ, изъ коего заѣзжалъ къ М. Окулову, Ивашковскому, Арсеньеву и не засталъ ихъ дома; обѣдалъ я у Д. Н. Каменскаго, съ которымъ прочелъ послѣдній листъ 3 ч. Р. П. Онъ разсказывалъ, что, во время пріема Государемъ Императоромъ Турецкаго посланника, у перваго упалъ султанъ изъ шляпы. В. К. Михаилъ П., поднявъ оный, сказалъ: Государь, *Султанъ у ногъ вашихъ*. Я слышалъ, что черныя ленты на жен. башмакахъ называются *Филаретами*. Вотъ вамъ мода!

10. Погода теплѣе вчера и нынѣ, снѣгъ шелъ утромъ. Я. Е. Арс. прислалъ ко мнѣ свою просьбу къ директору С. объ отставкѣ и о награжденіи его чиномъ с. с. Отъ матери сх. Евпраксіи получили при письмахъ просфоры намъ и Я. Е. Арсен.

11. Утромъ вьюга; я былъ у обѣдни на Тр. подв. и пилъ чай у эконома А; обѣдалъ дома; послѣ обѣда былъ К. Лебедевъ*) на счетъ перепечатокъ въ его книгѣ: *Введеніе въ Исторію*, гдѣ, вмѣсто политеизмъ, напечатано монотеизмъ. Отъ преосв. Діонисія получилъ я с. просфору и извѣстіе, что въ Андроньевскомъ монастырѣ зарѣзался монахъ. Вечеръ занимался я классическими дѣлами.

---

*) Это Касторъ Никифоровичъ Лебедевъ, человѣкъ большаго ума. Книга его здѣсь упоминаемая, намъ неизвѣстна. Любопытныя его Записки помѣщены (въ выдержкахъ) въ „Русскомъ Архивѣ“ 1888--1900 годовъ. П. Б.

12. Послѣ лекціи я слушалъ обѣдню и проповѣдь преосв. Николая въ Чудовѣ м., гдѣ и обѣдалъ у намѣстника Ѳеофила съ преосв. Діонисіемъ, котораго подвезъ я до Богоявл. м.

13. Письма къ Лобойкѣ въ Вильну и къ А. Ѳ. Кондратьевой въ Кинешму съ книгою *Месть за месть*, самъ я свезъ и отдалъ на почту. Съ Злат. архимандритомъ Даніиломъ перечиталъ ст. о Китайской его библіотекѣ; былъ у Я. П. Павлова для справокъ. Поутру былъ у насъ д. Георгіевскій и прописалъ лѣкарство мнѣ и двумъ дѣвочкамъ.

14. Съ лекціи своей въ Ценз. Ком. въ Совѣтъ, гдѣ возвратившійся изъ Спб. Надеждинъ объявилъ отъ Уварова поклонъ всему Совѣту профессоровъ. Я отдалъ Перевощикову статью свою о *Кит. библіотекѣ*, которую онъ хотѣлъ помѣстить въ № IX У. З. Послѣ Совѣта я заѣхалъ къ пр. Діонисію; отъ него домой, гдѣ нашелъ Царскаго-сына. Кн. С. М. Голицынъ пріѣхалъ наканунѣ изъ Спб. въ Москву. Я процензуровалъ *Заволжскій Муравей и Дѣдуш. Посидѣлки.*

15. Съ письмомъ я отослалъ Morgenblatt къ П. Краузе; поутру былъ Д. Н. Каменскій съ просьбою давать Латин. уроки сыну его; при Божіей помощи я обѣщалъ въ Пон. и Пятн.

16. Поутру былъ я по своимъ дѣламъ у Д. П. Г., который сказалъ мнѣ, что правое дѣло всегда готовъ защищать. Послѣ лекціи и Комитета я далъ урокъ І-й съ Божіею помощію сыну Д. Н. К. и у него обѣдалъ.

17. Началъ писать ст. о *Византійской скульптурѣ*. Послѣ обѣда я съ женою посѣтилъ С. И. Десницкаго, у котораго нечаянно встрѣтился съ женихомъ его дочери маіоромъ Мерениковымъ.

18. У ранней обѣдни я былъ въ Драчахъ, у поздней съ женою въ Заикон. монастырѣ, коего архимандритъ Исидоръ*) зазвалъ насъ къ себѣ на чай; потомъ были у П. Е. Толстой и обѣдали у г. Оппеля, который расказывалъ о жестокихъ поступкахъ Альфонскаго съ матерью и женою первою.

19. Послѣ лекціи заѣзжалъ на пять минутъ къ Я. Е. А. и далъ урокъ Каменскаго сыну. Ст. Троицкій занялъ у меня на нужду 21 р. Въ этотъ день утро было бурно и вьюжно, а къ вечеру разгулялось; я себя чувствовалъ не очень хорошо: боль и жаръ въ головѣ, ослабленіе въ тѣлѣ. Натершись уксусомъ съ виномъ, легъ въ постелю.

20. Утромъ чувствовалъ себя получше; подписалъ послѣдній листокъ 3. ч. Р. П. Мишу возила бабушка пріобщаться св. таинъ и поздравить отца крестнаго Л. А. Цв. съ ангеломъ. Съ Б. п. я началъ уроки Стрекалову.

---

*) Впослѣдствіи митрополитъ. П. Б.

22. Послѣ лекціи въ М. У. былъ я въ Почтамтѣ за посылкою изъ Харькова *Малор. посл.*; читалъ съ М. Скороспѣловымъ свою ст. *о Византійскомъ искусствѣ*, имъ расхваленную. Къ ней прибавить должно о характерѣ смиренія лицъ Св. Исторіи, которое чуждо было языческимъ художникамъ, какую-то безстрастность въ мирѣ и неподвижность въ тѣлѣ, о рѣзныхъ изъ дерева, на камняхъ, образахъ и лѣпныхъ, кои потомъ запрещены были. Онѣ западнаго происхожденія и появляются въ XVII в. у насъ въ Россіи. Ваяніе и потому болѣе преслѣдовалось, что оно ближе къ чувственности, болѣе дѣйствуетъ на воображеніе и способствуетъ къ развитію страстей. Я былъ утромъ у Морошкина, Чумакова и Меньщикова.

23. Послѣ лекціи изъ Рим. Др. de juxe publico, взялъ жалованье за Февраль, былъ въ засѣданіи Ц. Комитета, гдѣ не присутствовалъ Голохвастовъ; потомъ, купивъ на 11 р. винъ, далъ урокъ и обѣдалъ у Д. Н. Каменскаго, который подарилъ мнѣ письма собств. Державина, Завадовскаго и Аракчеева къ Кут. Вечеръ провелъ я съ женою на имянинахъ у сына И. Н. Царского, гдѣ слышалъ, что сенаторъ Башиловъ на своихъ билетахъ подписывается *начальникомъ Цыганскихъ таборовъ!*

24. Въ этотъ день я званъ на два обѣда къ И. А. Двигубскому и М. Я. Толстому; перваго, какъ имянинника и по старшинству приглашенія, должно предпочесть. По дурной дорогѣ ѣздили на обѣдъ къ имяниннику, гдѣ видѣлись съ Л. А. Цвѣтаевымъ, Перевощиковымъ; слышали о случившемся П. Калайдовичу ударѣ на экз. Екатеринин. Института и убійствѣ на Смолен. дорогѣ графа Каховскаго съ 14 чел. людей и хозяевъ на пост. дворѣ.

25. Я былъ у заутрени въ церкви у Николы въ Драчахъ, а у ранней обѣдни у Николы въ Дербенскомъ. Обѣдали у М. В. Бобарыкиной, праздновавшей рожденіе своего сына; тамъ познакомился съ Гессе.

Мартъ. 1. У с. Іоанна Воина я служилъ молебенъ Смоленской Бог. и с. Іоанну В. и панихиду о упокоеніи Евдокіи и тамъ погребенныхъ братій невѣдомыхъ. Въ Ценз. Комитетѣ я подарилъ 3 ч. Русск. Посл. Голохвастову, Цвѣтаеву, Болдыреву и Каченовскому. Съ женою я былъ у Авд. Ив. Арсеньевой; обѣдали у Окулова, гдѣ видѣлся съ С. М. Ивашковскимъ, который обрадованъ былъ пожалованіемъ своего сына офицеромъ гвардіи.

2. Поутру я самъ отдалъ свои книги для переплету, былъ у брата М. А. О. и у Н. Д. Иванчина-Писарева, которому читалъ свою ст. *о Византійскомъ штилѣ* въ искусствахъ, о трехъ главныхъ штиляхъ въ оныхъ. Ввечеру получилъ увѣдомленіе отъ дяди П. П. К. о новорожденномъ его сынѣ Геннадіѣ. У насъ ночевала Ѳ. И. Ѳедорова.

3. Я съ женою ѣздилъ поутру къ кн. Н. Н. Голицыну, котораго не засталъ дома, такъ равно М. В. Бобарыкину и М. А. Баталина; первому оставилъ 3 ч. *Русск. Пословицъ*, которую вручилъ Д. Н. Каменскому; у него ѣли блины. Я одинъ на минуту заходилъ къ Я. Е. Арсеньеву. Безъ меня были у насъ И. А. Двигубскій и Н. П. Ираклiонова, при мнѣ М. А. Окуловъ.

4. У заутрени былъ я въ Драчахъ, у ранней обѣдни у Спаса на Срѣтенкѣ; навѣстилъ богадѣленокъ, Ник. Дуб. съ женою и былъ у Плетеневыхъ, обѣдалъ у П. И. Арсеньева, гдѣ видѣлся съ Н. В. Постниковымъ (который пенялъ мнѣ, зачѣмъ я не ѣзжу къ кн. С. М. Голицыну) съ М. Ѳ. Прудниковымъ, который сказывалъ мнѣ, что въ новомъ Катихизисѣ, изд. въ Спб., пропущено въ Символѣ Вѣры *чаю воскресенія мертвыхъ.* Простясь съ хозяиномъ, были въ дiорамѣ и у тестя.

5. Первый день поста великаго. Утромъ я былъ у преосв. Дiонисiя, потомъ простился съ преосвящен. Евлампiемъ, который обошелся со мною очень ласково и просилъ вести съ нимъ переписку; я подарилъ ему разс. *о духоборцахъ*. Отъ него я проѣхалъ къ Д. Н. Каменскому и далъ урокъ сыну его; завернулъ въ Унив. типогр. По просьбѣ М. А. Максимовича, послалъ къ нему Добровскаго Сл. Грамматику. Я началъ переводить одно письмо изъ Поликлета *о Латин. языкѣ*. Вечеромъ у меня былъ Ник. Ѳед. Андреевъ съ рукописью своею; бесѣдовали о Русской исторiи. Я прочелъ рук. *Зодiакъ или Тайны судьбы*, сатир. повѣсть, остроумно написанную съ намеками, не совсѣмъ понятными.

7. Внесъ я въ Каз. Палату за приписныя души къ нашему дому. Отслушалъ обѣдню въ Донскомъ монастырѣ, гдѣ видѣлся съ П. В. Хавскимъ и Прудниковымъ и съ архим. Ѳеофаномъ, котораго благодарилъ за прекрасное пѣнiе и служенiе; зашелъ къ преосв. Аарону и прочелъ съ нимъ свою ст. *о Византiйскомъ искусствѣ*; онъ ее хвалилъ и сдѣлалъ нѣсколько хорошихъ замѣчанiй касательно частей. Преосв. сравнивалъ новое ученiе, имѣющее предметомъ одинъ умъ, съ древомъ познанiя добра и зла; такое ученiе безъ вѣры и любви болѣе вредно, чѣмъ полезно. По возвращенiи домой, я кончилъ статью *о Лат. языкѣ* изъ Voyage de Polyclète, par Their, t. 1. 1822, которую рекомендовалъ мнѣ И. И. Давыдовъ. Я прочелъ и подписалъ 1-й листъ описанiя Кiева Н. Самойл.

12. Лекцiя въ Моск. Унив. и урокъ у Д. Н. К., отъ котораго я проѣхалъ къ Н. Мельгунову и поговорилъ съ С. П. Шевыревымъ о Визант. иск. и корпорацiи Св. Луки въ Римѣ. Вечеромъ былъ у насъ духовникъ Н. А.

13. Цѣлый день дома за дѣлами своими; утромъ была у насъ

княгиня Шаховская. Послѣ обѣда и вечерни, лишь только сѣли мы за чай, какъ получилъ я отъ пр. Діонисія поздравленіе съ царскою и Божіею милостію, орден. Св. Станислава 3 ст., о чемъ прочелъ онъ въ Спб. газ. Марта 2. Черезъ о. Анастасія я отправилъ при письмѣ къ м. Филарету и А. П. Святославскому 2 и 3 ч. *Русскихъ Пословицъ* *).

14. Поутру привезъ ко мнѣ И. П. Ѳаворскій орденъ Св. Станислава 3 ст. Написавъ письма къ С. С. Уварову и кн. А. Н. Голицыну съ 3 ч. Рус. Посл., послалъ я въ Спб., туда же отправилъ экз. гг. Дегаю и Самойлову. Съ женою я былъ въ соборахъ, обѣдали у тестя.

16. Поутру я былъ у имянинниковъ съ поздравленіемъ, у кн. А. П. Мещерскаго, А. В. Болдырева и А. Н. Саблина. По книгѣ Самойлова я заѣзжалъ къ П. Краузе, который сообщилъ отзывы о проф. М. У. Былъ у кн. Н. Н. Голицына и не засталъ дома, у Я. Е. Арсеньева; вечеромъ у всенощной на Троицк. подв. Пріѣхали ко мнѣ съ поздравленіемъ духовникъ Н. А. и Я. П. Павловъ.

18. У ранней обѣдни я былъ у Спаса на Пескахъ, съ ректоромъ ѣздилъ благодарить кн. С. М. Голицына, слушалъ у него обѣдню, видѣлся съ награжденными, которыхъ поздравлялъ начальникъ и прочіе.

19. Послѣ лекціи я зашелъ поздравить съ ангеломъ Д. Е. Извольскую, сыну ея поручилъ послать 3 ч. Рус. Пос. Анастасевичу въ Спб. и преосв. Кириллу въ Каменецъ-Подольскъ. Слышалъ объ откушеніи носа купцу Баталину ямщикомъ Заварскимъ въ ..., гдѣ съ ними были на первой недѣлѣ поста въ Пятницу и другіе купцы женатые, Рогож. соглас. Теща Баталина при видѣ безносаго зятя умерла. Послѣ урока у Д. Н. К. обѣдалъ дома. С. И. Десницкій прислалъ съ поздравленіемъ мнѣ хорошій ландшафтъ.

21. Послѣ лекціи и дежурства въ Ценз. Комит. я поѣхалъ домой. Вечеру съ тестемъ былъ у меня К. А. Куманинъ, который мнѣ вручилъ 500 р. для уплаты за книгу Самойлова, отчего я было отговаривался. Тогда жъ былъ Я. Е. Арс.

22. За книгу и рисунки къ кн. Самойлова я отдалъ П. Ѳ. Краузе 200 асс. и взялъ съ него росписку. Въ гор. купилъ я рыбъ и соли на 65 р. М. Максимовичу я снесъ 3 ч. Русск. посл.

24. Утро дома за дѣлами; вечеромъ я былъ въ факульт. засѣд., гдѣ отдалъ И. И. Давыдову переводъ изъ *Тейра о Латин. языкѣ* съ примѣчаніями своими, 3 ч. Русск. Пословицъ и Lineamenta H. L. L., мною изданныя; онъ просилъ доставить ему для Исторіи Русской словесности мою рѣчь на юбилеѣ и каталоги лекцій. По окончаніи засѣ-

---

*) Тутъ начинаются сношенія Снѣгирева съ м. Филаретомъ. Святославскій долгое время былъ митрополичьимъ секретаремъ. П. Б.

данія я проѣхалъ ко всенощной къ преосв. викарію, у котораго встрѣтился съ П. И. Арсеньевымъ и Кашинцовымъ; первый звалъ меня обѣдать къ себѣ, а второй просилъ съ нимъ сблизиться. Послѣдній, пріѣх. съ М. Макар., вооружался противъ Телескопа, въ коемъ находилъ много безбожнаго, неприличнаго и противнаго духу правленія. Дамъ было множество.

25. Раннюю обѣдню я слушалъ съ женою у Спаса на Пескахъ, пилъ чай у о. Анастасія, обѣдали у П. И. Арсеньева.

26. Былъ въ Благов. соборѣ, оттуда въ Унив. на лекцію, послѣ коей къ Д. Н. К. на урокъ, оттуда къ К. А. Куманину, который съ женою принялъ меня ласково и повидимому радушно; жена его показывала мнѣ всѣ комнаты, гдѣ видны порядокъ и приличіе хозяйки[1]). Съ хозяиномъ и О. И. Бове потолковали и пошутили, я домой на дѣло.

28. Лекція, дежурство въ Ценз. Ком. и Совѣтѣ, гдѣ было прѣніе у Цвѣтаева съ Надеждинымъ и Павловымъ касательно адъюнкства Андросова, при чемъ первый сказалъ, что Н. забываетъ долгъ присяги и радѣетъ только своимъ знакомымъ. Они радовались, что Полевого взяли въ Спб. по имянному повелѣнію; а я подумалъ про себя, чтобы таже или хуже участь ихъ не постигла: на одномъ конѣ ѣздятъ. И. И. Давыдову я отдалъ по его просьбѣ: а) четыре первыхъ *каталога* Унив., b) одинъ томъ *Рѣчей*, катал. Моск. Унив., c) и *переводъ* моей Лат. рѣчи о первомъ семидесятипятилѣтіи Моск. Унив. Онъ обѣщалъ напечатать мои статьи въ З. М. У. Послѣ поздняго обѣда пріѣхалъ и посидѣлъ у насъ Я. Е. Арсеньевъ. Въ Самотекѣ нашли тѣло неизвѣстнаго человѣка.

29. Къ И. И. Давыдову я отправилъ при запискѣ 1 ч. Друга Просвѣщенія 1804 г., гдѣ находится планъ Ломоносовой рѣчи 1760 г. на открытіе Спб. Университета. Вяземскому далъ для его романа *Танька Ростокинская*[2]), стар. пѣсенникъ 2 т. и 3 ч. Трудовъ И. О.

31. Утромъ я занимался своими дѣлами, отослалъ при запискѣ къ Д. Н. Б.-К. 6 и 7 части *Исторіи Росс. Іерархіи и Цензурный Уставъ*. Съ женою я былъ у кн. Шаховской и у Засса. Подписанъ мною послѣдній листъ Самойл. книги: *Описаніе Золотыхъ Воротъ*.

Апрѣль. 1. У заутрени я былъ въ Драчахъ, у ранней обѣдни въ Рождественскомъ монастырѣ, гдѣ видѣлъ колокольню, разбитую громомъ прошлаго лѣта. Утромъ были отъ Я. Е. Арсеньева Марка касательно Десницкаго и М. Галаховъ просить о цензурованіи Географіи.

---

[1]) Она была родомъ Француженка. П. Б.

[2]) Въ печати не было никакого романа князя П. А Вяземскаго. П. Б.

2. Послѣ лекціи въ М. У. я поздравилъ Я. Е. Арсеньева со днемъ рожденія, далъ урокъ у Д. Н. Б. К., отъ него заѣхалъ къ кн. А. А. Шаховскому, съ которымъ бесѣдовалъ о Русской Исторіи, о единствѣ системы правленія у Славянъ съ Нѣмцами, о благородствѣ и великодушіи Россійскаго государя, о томъ, что въ Россіи церковь есть единственная подпора правленія, источникъ всѣхъ добродѣтелей, что Государь нашъ стоитъ на кормилѣ Европейской политики. Онъ сказывалъ, что, по свидѣтельству зятя Ломоносова Алексѣя Алекс. Константинова[1]), библіотекаря Екатерины II, онъ (Ломон.) написалъ *Логику*, доселѣ неизвѣстную; она занимала средину между Грамматикой и Риторикою. На дочери Константинова женатъ былъ Н. Раевскій. Ш. замѣтилъ, что должно начинать съ необходимаго, потомъ полезнаго, наконецъ удобнаго, напослѣдокъ съ пріятнаго; у насъ наоборотъ.

3. Къ преосвященному Евгенію Рязанскому я послалъ 3 ч. *Руcскихъ Пословицъ*, а къ Самойлову въ С.-П. одинъ экз. его *Описанія Кіева* и корр. *Золотыхъ Воротъ*.

8. Обѣдалъ у П. С. Полуденскаго. Говорено объ монахахъ.

9. Послѣ лекціи я былъ у Семена въ типографіи для справокъ объ Исторіи Р. Н. Полеваго, т. IV, который со 166 стр. ценсурованъ Двигубскимъ по случаю болѣзни моей. Въ канцеляріи попечителя я узналъ о запрещеніи Телеграфа и вручилъ свою книжку L. L. князю Н. Н. Голицыну и Ѳаворскому.

10. Я послалъ черезъ почту письмо къ преосвященному Евгенію Рязанскому; былъ у Краузе, гдѣ встрѣтился съ И. И. Кашинцовымъ, который просилъ меня быть съ нимъ знакомымъ.

11. Послѣ лекціи я экзаменовалъ въ Латинскомъ языкѣ студента Берлин. Университета, учителя у Новосильцова. Вечеръ провелъ я съ женою у Царскаго, гдѣ встрѣтился съ П. Ѳ. Степановымъ и Бове[2]), которому я вызвался пересмотрѣть надпись для Тріумф. воротъ.

13. Послѣ лекціи и Комитета Ценс. я подалъ ревизскую сказку о своихъ людяхъ.

14. Я самъ отправилъ письма къ преосв. Кириллу въ Каменецъ-Подольскъ и къ дядѣ П. П. Кондратьеву. Былъ съ женою и сыномъ на вербѣ, обѣдалъ у тестя. Всенощную слушалъ на Троицкомъ подворьѣ и 15 обѣдню. Вербное Воскресенье. Вечеромъ былъ и побесѣдовалъ у насъ С. М. Ивашковскій.

---

[1]) Константиновъ—Грекъ. У его внука А. Н. Раевскаго (Пушкинскаго Демона) и внучки, княгини М. Н. Волконской, въ чертахъ лица что-то нерусское. П. Б.

[2]) Бове—архитекторъ. П. Б.

16. Урокъ у Д. Н. К. Съ студентомъ Благонравовымъ отослалъ къ Н. Ѳ. Андрееву въ Тулу письмо и его рукопись *Претензія на дворянство*. Ввечеру былъ Вельтманъ, которому я отдалъ для поправки рукопись его: *Генералъ-губернаторъ*. Онъ у меня взялъ: Ihre, Glossarium.

17. Обѣдню я слушалъ у Харитона въ Огородникахъ, на память котораго царь Алексѣй Михайловичъ короновался; сія церковь сооружена симъ государемъ, какъ видно изъ иконъ и паникадила. Изъ первыхъ достопримѣчательны: 1) въ холодной церкви, сохранившей древній иконостасъ, древнѣйшій образъ Св. Харитона, въ Греческомъ стилѣ, весьма хорошій, повидимому XVI или XV в. 2) Владимирскія Богоматери, на коей прежде 1812 г. была золотая риза и при коей стояла огромная свѣча въ 5 пуд. и 3) Цар. комнатный образъ Тихвинскія Б. Замѣчательны по своей работѣ и царскія двери. Прежде престолъ во имя Св. Харитона былъ на колокольнѣ, откуда стараніемъ церковнаго старосты Василія Александровича Сухова-Кобылина, который мнѣ показывалъ все и разсказывалъ, перенесена въ теплую церковь, при немъ построенную и обширную. Въ ней замѣчательны образа: 1. Всемилостиваго Спаса, 2. Черниговскія Б. съ изображеніемъ осады Азова при Петрѣ I. 3. Покровъ Богом., представляющій Богоматерь съ крилами и одеждою Своею покрывающую святыхъ. Оттуда я въ Казенную Палату для полученія квитанціи; послѣ вечерни въ баню. Ко мнѣ заѣзжалъ Стрекаловъ съ извиненіемъ, что не былъ у меня.

18. Вчера и нынѣ погода хорошая. С. Адріана и Наталіи священникъ Александръ Родіоновъ, племянникъ м. Филарета, нынѣ умеръ горячкою, оставивъ жену 20 лѣтъ и трехъ челов. дѣтей. Недолго же пожилъ послѣ протоіерея Матвѣя Никол., служившаго при сей церкви около 60 лѣтъ. Я съ женою исповѣдывался въ Никитскомъ м. у о. Николая; у него же исповѣд. С. М. Ивашковскій. Вечеромъ былъ у насъ С. И. Десницкій, и присланы отъ схимницы Евпраксіи двѣ просфоры.

19. Богъ сподобилъ меня съ женою пріобщиться Св. Христовыхъ таинъ въ своемъ приходѣ. Время было ясное и благорастворенное. Тесть съ дочерью и сыномъ приходили поздравить меня съ пріобщеніемъ Св. Таинъ; Н. Н. Бобарыкинъ также ко мнѣ заѣзжалъ сказать, что ему поручено сбирать деньги къ торж. дню вступленія въ совершеннолѣтіе Наслѣдника Престола. Отъ а. Аполлоса я получилъ письмо и кадочку масла; его келейникъ сказывалъ, что нынѣ въ церкви С. Николая Большой Крестъ, послѣ заутрени и исповѣди, умерла вдругъ дѣвушка лѣтъ 20. Такъ быстро смѣняется жизнь смертію! У заутрени мы были на Троицк. подворьѣ, гдѣ я видѣлся съ граф. Потемкинымъ и Венелинымъ.

20. Я послалъ въ Воскр. м. письма къ архимандриту Аполлосу и намѣстнику Іоасону. Утро прекрасное. Я пошелъ пѣшкомъ, былъ въ Аглинской церкви, у полк. Вельтмана, съ которымъ поговорилъ о Скандинавской миѳологіи; онъ занимается Еддою, почитаетъ Кельтовъ Славянами, производитъ Усладъ отъ *усъ златъ*, о коемъ упоминаетъ Несторъ. Многія божества основываются на игрѣ словъ и каламбурахъ, на стремленіи народа все олицетворять и обоготворять силы природы. У него собрано много матеріаловъ для Ист. Руск. Я прошелъ въ Донской монастырь, гдѣ а. Ѳеофанъ говорилъ любопытную и прекрасную проповѣдь надъ плащаницею *о любви Божіей къ человѣку*. Свойства и отношенія оной искусно открыты, удачно сравненіе и противоп. побужденій Авраама и Бога пожертвовать чадами своими, замѣчателенъ вопросъ: почему Богъ не обратилъ Своей любви на падшихъ ангеловъ, существъ совершеннѣйшихъ и первозданныхъ, а на человѣка падшаго и грѣшнаго? Въ паденіи первыхъ гордость, а въ паденіи послѣдняго смиреніе. Доводы сильны по логикѣ, но многое оставлено на рѣшеніе Богу. Заключеніе утѣшительное и наставительное для грѣшника, которому витія открылъ въ вѣрѣ отрадныя средства безъ поблажки. Пѣніе и все служеніе хорошо настроены, гармонически. Если бъ въ движеніяхъ было меньше суетни: лучше было бы. О. архимандритъ Ѳеофанъ, въ этотъ день мірской имянинникъ, позвалъ меня къ себѣ на чай, радушно побесѣдовалъ и казалъ письмо о. Аполлоса, который проситъ его кланяться мнѣ, предполагая (и вѣрно), что я у него буду въ Великую Пятницу. Отъ него, взявъ Труды Кіев. Академіи, я зашелъ къ преосв. Аарону, поѣлъ его сухарей съ квасомъ; онъ расказывалъ мнѣ о послѣднемъ свиданіи съ м. Платономъ, который предрекалъ ему гоненіе и предписывалъ постоянство и терпѣніе, говоря, чтобы онъ не уклонялся отъ пути своего, а шелъ бы прямо; ибо душа имѣетъ свое зрѣніе и направленіе, стремленіе. При прощаніи преосв. желалъ мнѣ искать счастія извнутри, а не извнѣ.

21. Я былъ съ подпискою на день вступленія въ совершеннолѣтіе В. К. А. Н. у Жарни́ *), которая подписалась 25 р., потомъ на отпѣваніи священника с. Адріана и Наталіи. Начальствовалъ въ служеніи Андроньевскій архимандритъ Гермогенъ. Н. Полевой разсказывалъ мнѣ о поѣздкѣ своей въ С.-П. для объясненія по журналу своему графу Бенкендорфу и Уварову. Всенощную слушалъ я съ женою у тестя.

22. Свѣтлый день Воскресенія Спасителя; всенощную (заутреню) я слушалъ съ женою и матушкою въ своемъ приходѣ, а раннюю обѣдню на Троицкомъ подворьѣ. Послѣ домашняго чаю, я былъ у тестя, у профессора Цвѣтаева, у П. И. Арсеньева, у ректора Болды-

*) У нея былъ пансіонъ для дѣвицъ. П. Б.

рева, у проф. П. М. Терновскаго, у Д. П. Голохвастова, у С. М. Ивашковскаго, у И. И. Давыдова, у Я. Е. Арсеньева, у М. А. Баталина, у И. А. Двигубскаго, у М. В. Бобарыкиной, у М. Т. Каченовскаго. Разговѣвшись дома въ своей семьѣ, мы были у вечерни въ своемъ приходѣ, гдѣ служили новый молебенъ о вступленіи въ совершеннолѣтіе В. К. Александра. Ввечеру былъ у меня Д. Н. Каменскій съ сыномъ.

23. День моего рожденія; обѣдню я слушалъ у С. Николая въ Драчахъ; былъ у П. И. Кулжинскаго, у протоіерея В. И. Богданова, у И. В. Георгіевскаго, у Е. О. Мухина, у А. П. Дурасовой, у Х. Ѳ. Оппеля, у А. А. Писарева, у М. Я. Толстаго; потомъ я заѣхалъ къ о. архимандриту Исидору, у котораго нашелъ архим. Ѳеофана. По просьбѣ нашей, хозяинъ читалъ свою проповѣдь, много любопытнаго и важнаго въ себѣ заключающую, искусное и счастливое соображеніе обстоятельствъ и текстовъ.

24. У ранней обѣдни я былъ въ Рожественскомъ монастырѣ; оттуда зашелъ къ профессору Гейману, съ которымъ поговорилъ о дѣлахъ М. У., потомъ къ С. А. Маслову, который сказывалъ, что искалъ знакомства Полеваго Гумбольдъ, предупрежденный Европейскою молвою. Поутру посидѣлъ у меня М. А. Окуловъ. Съ женою я былъ съ поздравленіемъ у протопресвитера Якова Дмитріевича; обѣдали на имянинахъ жены Д. Н. Каменскаго и провели время пріятно. Безъ насъ были у насъ г.г. Мухинъ, Шевыревъ, П. Я. Толстая, архимандритъ Исидоръ и духовникъ Н. А. По дорогѣ мы заѣхали къ Г. Ѳ. Маркову, у котораго видѣли Оптинской пустыни старца, бывшаго въ Іерусалимѣ и на горѣ Аѳонской. Онъ видѣлъ схожденіе огня зеленоватаго цвѣта на гробъ Господень наканунѣ Св. Воскресенія, въ видѣ тумана, который претворяется въ мелкій огонь и запаляетъ хлопчатую бумагу, нарочно для сего разостланную; въ Великую Суботу гасятъ всѣ свѣчи и лампады, чтобы вновь ихъ засвѣтить отъ сего огня благодати.

25. Утромъ были у насъ генералъ М. А. Баталинъ, И. А. Двигубскій, д. Кистеръ съ женою, князья Друцкіе, г-жа Иракліонова, безъ насъ г-жи Каменскія, Н. В. Посниковъ и М. А. Толстой.

26. У ранней обѣдни я былъ у Адріана и Наталіи, гдѣ получилъ отъ дьякона св. просфору, а отъ преосв. Рязан. Евгенія письмо поздравительное. По утру я ѣздилъ къ С. П. Шевыреву, Н. А. Мельгунову, коему отдалъ Труды Кіев. Акад. 2 т. и къ В. М. Котельницкому, которому оставилъ 3 ч. *Рускихъ Пословицъ*. Послѣ обѣда были у насъ г. Баталинъ съ женою и Я. Е. Арсеньевъ.

27. Утромъ были у насъ профессоры П. Терновскій и Ивашковскій. Съ послѣднимъ я пошелъ къ П. М. Окулову поздравить его съ праздникомъ и съ нимъ поѣхалъ къ М. А. Окулову на обѣдъ званый. Съ нами былъ С. М. Ивашк. Хозяинъ показывалъ мнѣ свои картины хорошихъ художниковъ: Мурилло, Теньера, Грёза и пр. Я слышалъ у него о смерти графа Аракчеева, послѣдовавшей въ Лазареву Суботу и о намѣреніи г. Уварова быть въ Москву лѣтомъ.

28. У обѣдни я былъ съ женою на Троицкомъ подв. У эконома пили чай; потомъ я ходилъ поздравить съ праздникомъ И. М. Иракліонова, который сказывалъ мнѣ объ ожидаемой имъ наградѣ и звалъ на 1 Мая, его рожденіе. Послѣ обѣда я продолжалъ заниматься клас. дѣлами и цензурою. Всенощную слушали въ Драчахъ.

30. Съ Богомъ я началъ свои лекціи въ М. У. Посѣтилъ духовника своего, а съ нимъ вмѣстѣ имянинника Я. С. Арсеньева; послѣ урока у Д. Н. Каменскаго, который подарилъ мнѣ свой портретъ, заѣхалъ къ кн. Н. Н. Голицыну, который извѣстилъ меня о томъ, что С. С. Уваровъ сдѣланъ министромъ н. п., а графъ Строгановъ Сергѣй Григор. назначенъ ему товарищемъ. Оттуда я къ П. М. Попову, которому поручилъ пересмотрѣть его же переводъ моей Лат. *рѣчи* для помѣщенія въ У. З. по назначенію Давыдова. По возвращеніи своемъ я нашелъ дома письмо отъ г. Уварова съ вызовомъ поднести мою книгу о Р. п. Государю Императору.

Май. 3. Побывавъ въ Губерн. Правленіи для развѣданія о просьбѣ людей тестя моего, я взялъ въ Казенной Палатѣ пенсію матушкину; оттуда проѣхалъ къ преосв. викарію Николаю, который разсказывалъ мнѣ слѣд. происшествіе. Въ Великій Четвертокъ, среди бѣлаго дня, при нѣсколькихъ свидѣтеляхъ, въ окошкѣ подвала подъ домомъ вдругъ извнутри разбилось окно, изъ коего съ крикомъ высунулась младенческая рука. Бывшая близъ дверей женщина бросилась въ подвалъ и ничего не нашла, подобно другимъ, кои за нею слѣдовали. Я предложилъ догадку, что не Жиды ли это сдѣлали и что вѣрно есть тайные ходы, кои надобно осмотрѣть. Преосв. подтвердилъ мою догадку тѣмъ, что прошлаго года на кладбищѣ нашли Жида, терзавшаго младенца. Дай Богъ, чтобы злодѣйство обличилось!

6. Я былъ на обѣдѣ у А. С. Ширяева, торжествовавшаго свой чинъ коммерціи совѣтника. Пиръ былъ великолѣпный, гостей множество, между которыми встрѣтились три ректора М. У., два старыхъ и одинъ новый. За обѣдомъ пито за здоровье П., министра и попечителя, за М. Университетъ и хозяина. Послѣ обѣда гуляли и прохлаждались въ саду до ночи.

8. День моего ангела. Отслушавъ раннюю обѣдню въ своемъ приходѣ и молебенъ съ водосвятіемъ, я съ Мишею ѣздилъ въ богадѣльню Н. Д. съ малымъ подаяніемъ и къ И. М. Ираклiонову съ поздравленіемъ. Любящіе меня поздравляли; обѣдали у меня запросто тесть съ тещею, П. И. Кулжинскій и С. М. Ивашковскій.

10. Я послалъ письма къ М. Евгенію и Н. Самойлову; отдалъ г. Краузе 501 асс., былъ въ Губ. Пр. и у преосв. Николая, который подарилъ мнѣ службу на вступленіе въ совершеннолѣтіе В. К. А. Н. Не заставъ а. Исидора дома, вслѣдъ за нимъ отправился въ Донской мон., гдѣ слышалъ о случившемся ударѣ преосв. Кириллу, викарію Кіевскому, во время совершенія омовенія ногъ въ соборѣ. Я видѣлся тамъ съ преосв. Аарономъ и о. Ѳеофаномъ, побесѣдовали въ саду и въ кельѣ. Съ о. Исидоромъ я отправился домой.

11. Съ Б. п. я отправилъ къ С. С. Уварову по его вызову 3 ч. *Русскихъ Пословицъ* при письмѣ черезъ А. С. Ширяева; матушка пошла въ Сергіеву лавру на богомолье.

12. Утромъ принесли квитанцію на людей жены моей; былъ тесть по дѣлу объ нихъ, и просилъ меня объ отд. въ р. двухъ чел. Его воля! У меня былъ братъ дв. Павелъ Сем. Снѣгиревъ, съ которымъ я обѣдалъ у тестя. По просьбѣ сего послѣдняго мною и его сыномъ отданы на съѣзжую женка Василиса съ дѣтьми Сергѣемъ, Марьею, Парасковьею и Игнатьемъ.

13. Ко мнѣ пріѣзжали безъ меня преосв. Николай и о. архимандритъ Исидоръ, который меня дождался и со мною побесѣдовалъ въ саду и въ комнатѣ.

15. Поутру съ женою я былъ въ Архангельскомъ соборѣ и у архимандрита Даніила, который показывалъ намъ свою Китайскую библ., рисунки императорскаго дворца и храма небу. Маменька возвратилась изъ Троицк. лавры.

16. Лекція и Совѣтъ. Вечеръ я посидѣлъ у о. Анастасія и гулялъ съ нимъ по саду.

20. Обѣдню я слушалъ въ Чудовѣ монастырѣ; былъ съ В. И. Оболенскимъ на закускѣ у намѣстника.

21. Обѣдню я слушалъ въ своемъ приходѣ, гдѣ староста предложилъ мнѣ дать вкладу на ризу Св. Троицѣ, что̀ я и обѣщалъ. Послѣ лекціи въ Моск. Унив. и урока у Д. Н. К. я обѣдалъ у тещи-имянинницы, которой подарилъ бронзовую лампаду съ образомъ. Послѣ обѣда я съ преосв. Николаемъ и арх. Гавріиломъ ѣздилъ въ Черкизово и Измайлово; въ послѣднемъ не нашли дома священника. Осматривали всѣ церкви и мѣстоположеніе, при стеченіи всего села. Я совѣтовалъ только пробрать въ нѣкоторыхъ мѣстахъ соборъ, гдѣ нужно, и сохра-

нить древность, на что согласился и преосвященный, который тоже повторилъ при осмотрѣ придворной церкви с. Іосафа Царевича, куда мы съ трудомъ пробрались. На возвратномъ пути онъ довезъ меня домой.

22. Поутру у меня былъ М. А. Максимовичъ съ листомъ Малороссійск. пѣсень, который я, прочиталъ съ нимъ, подписалъ.

23. Послѣ лекціи я поздравилъ М. Я. Толстого съ ангеломъ. Въ Совѣтѣ я получилъ отъ М. Г. Павлова экз. сочиненія Глаголева: *Умозрительныя и опытныя основанія словесности.*

24. Я послалъ письмо къ а. Аполлосу и С. П. Шевыреву съ 3 книгами и бумагами И. О.

25. Лекція, засѣданіе Ценз. Комитета и урокъ у Д. Н. К. Вечеръ со мною провелъ о. архимандритъ Исидоръ, которому я подарилъ три книги богословскаго содержанія.

26. Мы получили извѣстіе о помолвкѣ сестры Надежды Андр. Озерецковской съ подпоручикомъ Щепотевымъ, о кончинѣ И. А. Засса и княгини Голицыной, супруги кн. Н. Н.—Я. Е. Арсеньевъ, отправляясь въ Троицк. лавру, заѣхалъ ко мнѣ проститься.

28. Послѣ своей лекціи я былъ на похоронахъ у И. А. Засса, потомъ у Д. Н. К. давалъ урокъ и обѣдалъ. Потолковавъ съ А. П. П. о своихъ дѣлахъ, я посидѣлъ съ матушкою и женою на сговорѣ у сестры своей Н. А. Озерецковской съ подпоручикомъ Василіемъ Андр. Щепотевымъ.

29. Весь день я дома. На возвратномъ пути изъ Тр. Лавры заѣхалъ ко мнѣ Я. Е. Арсеньевъ послѣ обѣда при Стрекаловѣ и А. И. Царскомъ, сказывалъ мнѣ, что схимница ждетъ меня къ себѣ и благословляетъ.

30. Отданіе празднику Пасхи, я былъ у ранней обѣдни въ своемъ приходѣ. Лекція и Совѣтъ, гдѣ споръ былъ о прозекторахъ Шмидѣ и Кривецкомъ, противъ коего подали голоса г. Страховъ и Альфонскій. Въ 11 часу утра пріѣхалъ въ Москву м. Филаретъ. Послѣ обѣда были у меня Ст. Панченко и Полуденскій по клас. дѣламъ. Послѣ всенощной я зашелъ къ А. П. Святославскому и поговорилъ съ нимъ о разныхъ дѣлахъ, болѣе или менѣе до меня касающихся.

31. У обѣдни я былъ въ своемъ приходѣ, гдѣ видѣлъ крещеніе Жида, нареч. Николаемъ; написалъ письма къ преосв. Евгенію въ Рязань и арх. Аполлосу.

Іюнь. 1. Репетиція въ классѣ и Ценз. Комитетъ, потомъ урокъ у Д. Н. К. и обѣдъ дома. Вечеромъ я былъ у м. Филарета, съ которымъ говорилъ о цензурѣ, о романѣ *Соловецкій монахъ* и *Описаніи*

Соловецкаго монаст. Онъ вызывалъ меня относиться къ нему, а я просилъ его милостиваго вниманія ко мнѣ. При Донскомъ архим. онъ сказалъ, что если бы у него какой архимандритъ выдалъ описаніе своего монастыря безъ его вѣдома, то онъ бы запретилъ ему служеніе. При разсужденіи о раскольникахъ, преосвященному я упомянулъ объ указѣ 1733 г. о хлыстахъ въ Иван. мон. Онъ просилъ меня доставить ему этотъ указъ, что̀ я и исполнилъ. Посидѣвъ у А. П. С. съ И. М. Ираклiоновымъ, я возвратился домой, гдѣ нашелъ Я. Е. Арс.

2. Я написалъ письма къ М. Евгенію и И. С. Самойлову; былъ въ Благородномъ Институтѣ на экзаменѣ, какъ депутатъ, отъ 10 до 4 час. пополуд.

3. Съ письмами я по̀слалъ къ Краузе 50 р. асс., а къ преосв. Николаю книги: *Географію Арс.* и *Грамматику Востокова.*

4. Послѣ лекціи я былъ на экзаменѣ въ Двор. Институтѣ. Пріѣхавъ домой, я получилъ письмо отъ г. министра просвѣщенія Уварова о томъ, что Государь удостоилъ благосклоннаго принятія мою книгу: *о Русскихъ Пословицахъ.* Съ женою, маменькой я ѣздилъ на свадьбу сестры Н. А. Озерецковской, благословлялъ ее къ вѣнцу. Она вѣнчалась у Покрова въ Левшинѣ благоговѣйно. Новобрачный тамъ потерялъ шляпу свою.

6. Лекція и Совѣтъ; вечеромъ были у меня Я. Е. Арсеньевъ, сен. Полуденскій и Знаменскій, съ которыми долго я занимался.

7. Семикъ. Я ходилъ пѣшкомъ къ Ивану Воину на убогихъ домахъ и тамъ служилъ панихиду по убогихъ собратіямъ. Вечеромъ я проѣхалъ съ женою на гулянье, оттуда къ тестю на ужинъ.

8. Утро прошло въ экзаменѣ въ Благор. Институтѣ, въ лекціи и Цензурномъ Комитетѣ.

9. Родительская Суббота. Въ Унив. экзаменъ изъ моего класса 2-хъ годичнымъ, на коемъ человѣкъ 9 отвѣчали очень хорошо въ замѣну слабыхъ. На экзаменѣ присутствовали профессоры Каченовскій, Болдыревъ, Давыдовъ, Шевыревъ, Надеждинъ, К. Лебедевъ и Максимовичъ. Наудачу раскрытыя оды Горація нѣкоторыми легко и удачно переведены. Я обѣдалъ у С. М. Ивашковскаго, отъ котораго прошелъ на экзам. въ Благ. Институтъ. Экзаменъ кончили VII классомъ. Вообще замѣтно, чѣмъ выше классы, тѣмъ хуже, потому что дурно приготовлены. Русскій и Латинскій языки, Исторія и Географія хорошо идутъ, но Франц. и Нѣмец. слабы; надобно усилить. У всенощной я былъ къ концу у преосв. викарія Н. Тамъ встрѣтился съ П. И. Арсеньевымъ, съ которымъ зашелъ вмѣстѣ къ преосвященному, пилъ чай, говорилъ о цензурѣ съ Кашинцевымъ. Преосв. Н. далъ мнѣ об-

разъ Калужскія Богоматери для благословенія отъ него сестры моей двоюр. Н. А. Озерецковской, нынѣ Щепотьевой.

11. У обѣдни я былъ въ Петровскомъ монастырѣ, гдѣ отпѣвали о. Ѳеофана на 80 г. отъ рожденія, старца благочестиваго и несчастнаго, нелюбимаго цѣлымъ монастыремъ. Тамъ я видѣлся и говорилъ съ М. В. Бобарыкиной. Съ женою я обѣдалъ у тестя на рожденіи Н. А. Ввечеру разсуждалъ съ м. Филаретомъ о томъ, можно ли допускать въ Исторіи противорѣчіе съ преданіями церковными по поводу VI т. Исторіи Р. Н. Полевого. Онъ согласился со мною, что не должно, и благодарилъ меня за мнѣніе мое въ пользу церкви; замѣтилъ, что и Ѳеофанъ Прок. много писалъ въ угожденіе Петру I противъ старыхъ обычаевъ въ Д. Регламентѣ. Я сказалъ, что за долгъ почелъ отнестись къ нему какъ архипастырю въ дѣлѣ, касающемся до церкви. При этомъ былъ М. М. Евреиновъ, мы пили чай и въ 10 часу вечера раскланялись.

12. Я написалъ и отдалъ на почту письма, одно къ г. министру Уварову, а другое къ графу*) съ книгою. Былъ въ М. У. на экзаменѣ П. И. Дав., потомъ въ городѣ за покупками себѣ и въ домъ, истр. 34 р.

13. По наряду отъ попечителя я съ Перевощиковымъ, Мих. Павловымъ, Васильевымъ и пр. былъ въ церемоніи похоронной князя Кочубея, коего тѣло провожали отъ церкви Благовѣщенія на Тверской до Чудова м. На этомъ пути не только улицы, но и окошки и кровли наполнены были народомъ; зрѣлище великолѣпное и разнообразное, порядокъ прекрасный. Отпѣваніе совершалъ м. Филаретъ съ преосв. Николаемъ; надгробное слово говорилъ архим. Ѳеофанъ, въ коемъ много было превосходнаго въ мысляхъ и чувствахъ и многимъ понравилось. Тамъ я встрѣтился и говорилъ съ И. И. Дмитріевымъ, Жихаревымъ и А. И. Тургеневымъ, который сказывалъ мнѣ, что у него есть списокъ рукописей Ватик. библ., касающихся до Русской исторіи и что онъ мою книгу о *Русскихъ Послов.* послалъ въ Парижъ.

14. Засѣданіе Слов. факультета о переводѣ 2-хъ годичныхъ, изъ коихъ 9 исключено, а 14 оставлено.

15. Экзаменъ изъ Росс. словесности и Цен. Комитетъ, послѣ коего я былъ у кн. Н. Н. Голицына и у Д. Н. Каменскаго. Къ Н. С. Самойлову послано мною въ Спб. по 29 экз. его двухъ книгъ: Описаніе Кіева и Золот. воротъ, черезъ контору дилиж. съ роспискою.

16. У ранней обѣдни я былъ въ своемъ приходѣ, гдѣ служилъ панихиду по батюшкѣ; потомъ дома чай пилъ съ о. Іассономъ, казначеемъ Воскр. мон.

---

*) Графу С. Г. Строгонову. П. Б.

21. Экзаменъ изъ Слов. отдѣленія, на коихъ сдѣлано 10 кандид. и 27 студ.

22. Экзаменъ изъ Богосл. класса, на коемъ были м. Филаретъ и преосв. Николай и Діонисій.

23. Факультетское собраніе для рѣшенія о канд. и студентахъ.

24. Послѣ ранней обѣдни, я былъ съ поздравленіемъ у И. И. Давыдова имянинника, уѣхавшаго въ Тр. Лавру. Потомъ у Ю. Н. Бартенева, который отправляется въ Кіевъ; я ему написалъ письмо къ м. Е.

27. Утромъ, въ раннія обѣдни, въ день Полтав. побѣды, Богъ далъ мнѣ сына Сергія, котораго я препоручилъ покровительству препод. Сергія. Молитва дана приходскимъ священникомъ. Я былъ на Совѣтѣ и отдалъ Каченовскому свой артикулъ лекцій на слѣдующій годъ.

28. Утро ясное. Было факульт. собраніе о распредѣленіи лекцій, Совѣтовано мнѣ препоручить правила слога Латин. помощнику, а только при чтеніи авторовъ примѣнять и выводить оныя, занимать слушателей переводами и сочиненіями; для сего я вызвался еще четвертый разъ читать лекцію для пользы слушателей. Шевыревъ и Погодинъ поссорились съ Давыдовымъ насчетъ лекцій. Пог. отказался отъ Статистики. Послѣ обѣда съ А. А. и П. И. Петровыми я отправился въ Троицкую лавру.

29. По дорогѣ я заѣхалъ къ А. А. Антонскому, который былъ мнѣ радъ, поилъ меня чаемъ. Въ Хотьковѣ м. я слушалъ обѣдню и былъ у схимн. Евпраксіи, которая чрезвычайно мнѣ обрадовалась, цѣловала и благословляла, поздравляя меня съ новорожденнымъ сыномъ Сергѣемъ; она прочла псалмы мнѣ, Сергѣю, матушкѣ: восплещите руками!

Іюль. 1. У ранней обѣдни я былъ, по возвращеніи изъ Тр. л., у Спаса во Спасской, послѣ коей зазвалъ меня къ себѣ М. Богдановъ; отъ него я узналъ, что на Балканѣ былъ кирпичный заводъ, гдѣ дѣлали кирпичи для стройки Сухаревой башни. Балканомъ прудъ*) называется отъ *бакалдинъ*, рытвинъ. Колоколенный заводъ древній былъ Маторина у Сергія въ Пушкаряхъ, а на Балканѣ Слизова. Сынъ Богданова въ Одессѣ вылилъ изъ Турецкихъ пушекъ колоколъ въ 1000 п., а отецъ его сдѣлалъ для Одесскаго собора паникадило; имъ же вылиты колокола для Измаила.

4. Окрещенъ сынъ мой Сергій въ церкви Св. Троицы что̀ въ Тр. п.; воспріемниками его были Д. Н. Бантышъ-Каменскій, старый мой пріятель, и сынъ мой Михаилъ, а воспріемницами матушка моя и своячина Н. А. съ кумомъ.

---

*) Нынѣ прудъ этотъ (за І-ю Мѣщанскою улицею) засыпанъ, на мѣстѣ его садъ; по близости Колокольный заводъ Финляндскаго. П. Б.

5. У обѣдни я былъ у с. Георгія на Кр. Г., гдѣ была читана проповѣдь св. П. Терновскимъ. Я отдалъ печатать съ Богомъ IV часть *Русск. Посл.* въ У. т. Торжеств. собраніе въ М. У. гдѣ читаны рѣчи Гейманомъ и Погодинымъ; послѣднему рукоплескали пансіонеры его, имъ подготовленные, чѣмъ недовольны были благомыслящіе.

6. Слышалъ о пожарѣ въ Тулѣ въ Петровъ д.; онъ истребилъ 9 церквей, 1000 домовъ и оруж. заводъ. Тогда въ городѣ не было ни губернатора, ни вицегубернатора, ни полиціймейстера.

8 Я былъ у ранней об. у Спаса на Пескахъ, купилъ сѣна два воза 9 р., и поговорилъ съ Я. С. Ширяевымъ и И. Калайдовичемъ, которые предпринимаютъ издавать журналъ въ М. по примѣру Библіотеки.

9. Я отправилъ письма въ Галичъ къ П. Свиньину, въ Нерехту къ М. Я. Діеву и въ Кинешму къ Кондратьевой, да рѣчи М. У. къ преосв. Евгенію въ Рязань. Дежурство въ Ценз. Ком. и урокъ у Д. Н. Каменскаго, который поручилъ мнѣ цензуровать своего *Мазепу*, біографію. Отъ него я слышалъ о взрывѣ порох. магазиновъ въ Спб.

10. Утро свѣжее, но холодное, какъ и вечеръ наканунѣ. Изъ Краснаго Села привозили къ намъ на домъ Тихвинскую Божію Матерь, которой пѣли молебенъ съ водосвятіемъ; я отправилъ письмо къ Новосельскому, самъ отнесъ къ М. М. Евреинову *Жизнь м. Платона*, коей онъ давно просилъ у меня, и поговорилъ съ Полевымъ о его Исторіи, познакомился съ его докторомъ Солнцевымъ; онъ обѣщалъ доставить мнѣ списокъ Езуитской инструкціи Димитрію самозв. Вечеромъ былъ у меня И. С. Мальцевъ съ братомъ С. С.

11. Я былъ въ Ценз. Комитетѣ, откуда отправилъ подписанную мною рукопись Д. Н. К. *Мазепа*, къ сочинителю, въ городѣ купилъ сахару, чаю, дичи, винъ и пр. 40 р. Въ 11 часу начался въ Покровскомъ сильный пожаръ, который перешелъ по вѣтру къ Семеновскому и Лафертову, истребивъ около 300 домовъ. Я туда ѣздилъ смотрѣть и жалѣть.

12. Съ сыномъ своимъ имянинникомъ Михаиломъ я былъ у обѣдни въ Драчахъ; служили панихиду объ упокоеніи дѣда и отца и молебенъ о здравіи имянинника. Съ Мишей я ѣздилъ на Лазар. кладбище поклониться праху отца своего, а его дѣда; велѣлъ поправить могилку опустившуюся дочери своей. У насъ обѣдали богадѣленки. Отъ С. Д. Нечаева получилъ при билетѣ образокъ С. Дмитрія сыну моему Сергію съ его надписью. Въ 9 часу вечера изъ Т. л. пріѣхалъ въ Москву м. Филаретъ. Съ письмомъ, картою 1705 и костюмами Тверскими былъ у меня отъ И. И. Лажечникова кандид. Пассекъ, отправляющійся въ Харьковъ профессоромъ Исторіи и Стат.

14. Утро дома за своими дѣлами; ввечеру былъ у насъ Я. Е. Арсеньевъ и сказывалъ мнѣ о поправленіи имъ Бутырскаго училища. У всенощной на Троицк. подв., послѣ коей посидѣлъ у А. П. С., который сообщилъ мнѣ копію съ письма Мельманова къ м. Платону.

15. Поутру я бесѣдовалъ съ И. И. Сахаровымъ *о Рус. Пословиц.*, кои онъ хотѣлъ дополнить своими наблюденіями. Касательно иконописи онъ различаетъ стиль Кіевскій отъ Новгородскаго и Суздальскаго и Устюжскаго, отъ коего произошелъ Строгоновскій. Византійскій или Восточный есть *Корсунскій*, а Западный или Латинскій есть *Фряжскій* Миѳы одни *физическіе*, а другіе *религіозные*; воздушные, земляные и водяные духи. Изъ Веневскаго монастыря ушли святые, когда погребли въ немъ губернатора Пашкова; изъ Жадовской пустыни Прасковью Пятницу прежде выносили на ярмарку, гдѣ ее покрывали холстами и полотенцами и служили молебны. Въ Мценскѣ есть рѣзное изображеніе Св. Николая такое жъ, какое и въ Веневѣ.

16. Поутру я написалъ письмо отвѣтное въ Копенгагенъ; получилъ отъ Говорецкаго свою тетрадку *о мѣстныхъ пословицахъ*. Отдавъ ревизскую сказку о Петрѣ П. въ Казенную Палату, я отправилъ свое дежурство въ цензурѣ и далъ урокъ Д. Н. Кам., у котораго встрѣтился съ П. И. Арсеньевымъ и его сестрою. Обѣдъ дома. Безъ меня былъ М. А. Баталинъ, при мнѣ Царскаго сынъ, съ которымъ матушка моя поѣхала навѣстить мать его.

17. Поутру были у меня Вадимъ Пассекъ, которому я отдалъ подписанныя мною *Повѣсти Фоа*, а отъ него получилъ его путевыя записки. Г. Кистеру я поручилъ для перевода свое письмо въ Копенгагенское Общество Древностей.

18. Написалъ я и послалъ въ отвѣтъ письмо къ И. Лажечникову въ Тверь, отправилъ чрезъ контору транспортовъ 200 экз. двухъ книжекъ Самойлова, заплатилъ за 2 п. 18 ф. Съ преосв. Аарономъ прочиталъ начало 4 ч. *Русскихъ Пословицъ*, на кои онъ сдѣлалъ свои замѣчанія; сказывалъ мнѣ о посѣщеніи его Нечаева съ Давыдовымъ. Дважды въ день шелъ дождикъ, оживившій землю и прозябеніе.

19. Утромъ дождь перемежающій и вѣтры. Я продолжалъ чтеніе Цезаря В. Ѳ. Послѣ обѣда я навѣстилъ жену и сына И. Н. Царскаго, описалъ у нихъ Русскій барельефъ Св. Георгія, сдѣлалъ выписку изъ Патерика о свободѣ и ужиналъ у нихъ.

20. Ильинъ день, у ранней обѣдни я былъ въ своемъ приходѣ, потомъ въ Цензурной Комитетъ и далъ урокъ у Д. Н. К.; обѣдалъ Каченовскій. На прощаньи со мною сказалъ, что Надеждинъ съ Болдыревымъ дурно разстанется. Вѣроятно. Ввечеру былъ у меня Я. Е. Арсеньевъ, которому сдѣлалось дурно и рвало. И. П. Сахаровъ при-

слалъ ко мнѣ любопытное письмо, содержащее въ себѣ замѣчанія на метереол., агроном. и медиц. пословицы. У сосѣда нашего, что̀ противъ насъ, въ домѣ бывшемъ Щедрина, открытъ поддѣлыватель серебрян. монеты, кр. человѣкъ Челяевой.

21. Я написалъ отвѣтныя письма къ Самойлову въ Спб. и пр. Рыбушкину въ Казань. Меня навѣстили д. Оппель, прописавшій мнѣ и малюткѣ С. лѣкарство и д. Кистеръ съ христоматіею. Утромъ я занимался своими дѣлами классич.; прочелъ въ Дерп. Зап. изъясненіе на нѣкоторыя мѣста Горація и разбиралъ Лат. идіотизмы. Была у меня попадья изъ Измайлова по своему дѣлу.

22. У обѣдни я былъ на Троицкомъ подворьѣ, послѣ коей зашелъ къ А. П. Св. и о. Анастасію. Изъ Кіева И. Н. Царскій привезъ намъ парамонъ и рукавичку С. Веніамина, просфору и кольцо Св. Варвары: онъ возвратился въ тотъ самый день ввечеру, какъ я у нихъ былъ.

23. Послѣ дежурства въ Цензурномъ Комитетѣ я былъ у Вельтмана и прочелъ съ нимъ 1 листъ IV части *Русскихъ Пословицы*, кои онъ весьма хвалилъ; казалъ мнѣ введеніе въ Валгагу, матеріалъ важный для Миѳологіи Слав., коею онъ занимается; онъ Славянскій языкъ почитаетъ однороднымъ съ Греческимъ. Послѣ урока у Д. Н. К. я заѣхалъ къ И. Н. Царскому, который разсказывалъ мнѣ о ласковомъ ему пріемѣ м. Евгенія, о Золотыхъ воротахъ, о Георгіевской при нихъ церкви, о превосходной мусіи въ Соф. соборѣ и Михайловскомъ мон.

25. Написавъ письмо къ С. Н. Глинкѣ, послалъ его съ книгами З. О. и Р. П. ч. 3, черезъ Ѳ. И. Краузе, былъ въ Ценз. Ком. и въ городѣ за покупками. Безъ меня былъ у насъ П. И. Арсеньевъ съ Е. И., съ княг. Мещерскою и ея женихомъ. М. Филаретъ прислалъ Сережѣ образъ преп. Сергія, а Мишѣ блюдо персиковъ. Поутру былъ у меня Герингъ съ своею Нѣм. Христоматіею, коей два листа я процензуровалъ, а вечеру о. а. Исидоръ и мой духовникъ съ просфорою матушкѣ.

26. Съ матушкою имянинницей я былъ у ранней обѣдни въ своемъ приходѣ; дома пѣтъ молебенъ съ водосвятіемъ. Имянинницѣ принесено было отъ поздравлявшихъ 27 просфоръ, въ томъ числѣ отъ преосв. Діонисія и протопресвитера Якова Дм. Поутру пріѣзжали поздравлять ее архимандритъ Аполлосъ и Драч. священникъ В. А., А. Озерецковскій. Я ѣздилъ благодарить за посѣщеніе А. И. Арсеньеву, у которой встрѣтился съ К. Н. Каменской и д. Бѣлявскимъ, и о. архим. Исидора, у котораго познакомился съ нареченнымъ въ Полтаву преосв. Гедеономъ Вишневскимъ; я ему рекомендовалъ архим. Гавріила, а онъ мнѣ сказывалъ о благорасположеніи ко мнѣ преосв. Кирилла и обѣщалъ быть у меня.

28. Всенощную я слушалъ на Троицкомъ п.

29. Въ Усп. соборѣ я былъ на посвященіи во епископа Полтавскаго Гедеона Вишневскаго. Кромѣ Московск. митрополита, рукополагали его архіепископъ Ѳаворскій Іероѳей, епископы Николай, Діонисій, Ааронъ. Оттуда я заѣхалъ къ М. А. Окулову, обѣдалъ у Д. Н. Каменскаго, которому отдалъ съ письм. образъ отъ архимандрита Аполлоса. Въ этотъ день отпѣвали въ В. Д. сенатора Саблина, внезапно умершаго въ Институтѣ Св. Е.

30. У ранней обѣдни я былъ у праздника С. Іоанна Воина. Съ Д. Н. Каменскимъ я былъ у И. И. Давыдова, который, по просьбѣ моей, сказалъ сыну его предметы экзамена; у него же встрѣтилъ я М. А. Окулова и просилъ его о П. В. Блязовѣ. Ввечеру были у меня архимандриты Аполлосъ и Исидоръ, которому я далъ *Jani* Buch. Bibl. Послѣ я ходилъ къ митрополиту Филарету благодарить за образъ, коимъ онъ благословилъ сына моего Сергія.

Августъ. 1. Утро свѣжее и свѣтлое. Былъ г. Галаховъ просить о братѣ своемъ, желающемъ поступить въ Универс. Прочитавъ 2 лист. Русск. Посл., я отослалъ въ типографію, изъ коей получилъ ввечеру одинъ экз., а другой препроводилъ на разсмотрѣніе къ г. Зернову. У обѣдни я былъ въ Покровскомъ соборѣ, что̀ въ селѣ Покровскомъ: оттуда былъ крестный ходъ на Яузу при великомъ стеченіи народа. Сей храмъ восточной архит., построенъ царемъ Михаиломъ 1618 г., какъ значится на надписи при входѣ, въ память изгнанія Владислава Королевича изъ Москвы 1 Окт. Императрица Елисавета П. жившая при этомъ соборѣ во дворцѣ, украсила оный высокаго письма образами Спасителя, Божіей Матери, Симеона Богопріимца, Св. Николая и пр. Три престола: одинъ Покрова, возобновленный послѣ 1812 г., другой Преп. Сергія, вновь сооруженный, и св. Царевича Димитрія древній. Въ главномъ храмѣ есть царское мѣсто и былъ портретъ императр. Елисаветы П. На колоколахъ есть надписи. Ст. Говорецкому я отдалъ для переписки тетрадку свою объ *Ист. мѣстныхъ пословицахъ* и предложилъ ему перевесть Бредерову кн. de ordine vocab., на что онъ согласился.

4. Съ Зиновіемъ Филипповичемъ Алѣевымъ я былъ у г. Рекка насчетъ продаваемаго имъ сельца Хорошева, но дома не засталъ. Оттуда я отправился къ г. Щасневу по дѣлу его съ игуменьею Вознесенскою о наймѣ дома; отвѣтъ данъ, что когда онъ внесетъ деньги, то и дѣло будетъ въ шляпѣ. Съ Даниломъ Аѳанас. я осматривалъ домъ Консисторіи, гдѣ прежде помѣщалась Тайная Канцелярія, жилъ Шишковскій, въ комнатахъ коего остались еще шкафы или каменныя

мѣшки, гдѣ содержались важные арестанты, одинъ шкафъ еще передѣланный подобно прочимъ, шириною около двухъ аршинъ, длиною около трехъ, въ ростъ человѣческій. На дворѣ еще есть зданіе въ два этажа, гдѣ есть погреба; оно построено Рязан. архіереемъ Мисаиломъ, какъ видно изъ надписи. Я поздравилъ съ ангеломъ А. И. Арсеньеву и съ Д. Н. Каменскимъ и его семействомъ отправился въ Воскресенскій монастырь, куда вечеромъ и пріѣхалъ. За недостаткомъ мѣста въ гостинницѣ, ночевалъ я съ докторомъ Ф. Бѣлявскимъ на дворѣ на соломенной постели и прозябъ.

5. Обѣдню слушали въ монастырѣ; ее служилъ соборнѣ архимандритъ Аполлосъ, который показывалъ намъ придѣлы и ризницу. Всѣхъ придѣловъ 38, оконъ въ храмѣ 600. Въ ризницѣ есть много достопамятныхъ образовъ и утварей, вещи патріарха Никона, Андреевская лента Петра I и Георгіевская Екатерины II, облаченія преосв. Амвросія Каменскаго; серебра болѣе, чѣмъ въ Троицкой Лаврѣ. Въ библіотекѣ находится Святославовъ сборникъ XI в. на пергаменѣ съ рисунками, разныя рукописи, творенія Еврема С., Іоанна Злат. и Августина. Потомъ были въ пустынькѣ и обѣдали у архимандрита. Я замѣтилъ на Голгоѳѣ по обѣ стороны распятія двѣ картины; на одной изъ нихъ изображенъ по лѣвую руку царь Константинъ, царь Алексѣй М. 29 лѣтъ и патріархъ Никонъ 50 л., одинъ выше другого головою; а на другой—царица Елена, царица Марья Ильинишна и царевичъ Алексѣй Алекс. Сіи картины, замѣчательныя въ археол. отношеніи, писаны на дскѣ, иконнымъ письмомъ, но близко къ портретному. Костюмы вѣрны. Въ Іерусалимѣ подлинникъ. Другая картина изображаетъ патр. Никона, окруженнаго своими учениками; лица хорошо обрисованы, такъ что можно различить Турка, Грека, Жида, Молдована. Архимандритъ насъ принялъ ласково и угощалъ усердно, проводилъ съ о. Іасономъ до св. воротъ. Въ полночь возвратились въ Москву.

6. Преображеніе Господне. Матушка моя пріобщалась Св. Тайнамъ Христ. въ своемъ приходѣ. У меня былъ изъ Пензы стат. сов. Ефимъ Моис. Яворскій съ сыномъ своимъ. Я обѣдалъ съ женою у тестя. Въ 9 часу вечера возвратился въ Москву митр. Филаретъ, обозрѣвавшій свою епархію.

7. Поутру я ѣздилъ къ Александру Отт. Рекку насчетъ продажи имъ сельца Хорошева по Волок. д. Онъ увѣрялъ, что оно можетъ приносить 1200 побору съ тягла по 60 лицъ, по 12 арш. холста, по полубарану, что можно болѣе пахать земли. Я зашелъ въ Единовѣрческую церковь къ обѣднѣ; обѣдалъ дома. Вечеромъ были Гусева зять

и о. Анастасій. Получены письма отъ профессора Рыбушкина, Новосильскаго и Самойлова.

11. По приглашенію Д. М. Львова я былъ съ Вяземскимъ у него; онъ предлагалъ мнѣ мѣсто инспектора Сиротскаго училища, гдѣ надобно устроить ученіе и подобрать учителей по моему расположенію до новаго штата, котораго ожидаютъ. Онъ предоставляетъ мнѣ посѣщать училище, когда можно безъ обремененія, обѣщаясь помогать мнѣ.

12. Съ А. П. Царскимъ я былъ въ Успенскомъ соборѣ на посвященіи Агапита епископомъ Томскимъ и Енисейскимъ.

13. Изъ Харькова былъ Ст. Хитрово съ просьбою давать ему Л. уроки, но я отговорился. Я былъ изъ Почтамта (куда отдалъ для посылки письма къ Діеву и Самойлову) у преосв. Діонисія, у котораго встрѣтился съ преосв. Агапитомъ и побесѣдовалъ съ нимъ. Въ Рогожской былъ сильный пожаръ, сгорѣла и церковь Св. Сергія; опасность угрожала Андроньеву мон. Отъ Д, Н. Каменскаго я проѣхалъ домой на обѣдъ. Получилъ письмо отъ м. Евгенія отъ 13 Іюля и 5 Авг. вмѣстѣ. Вечеру были у меня кандидатъ восточныхъ языковъ Никольскій, обѣщающій много хорошаго, и инспекторъ В. У. Яворскій.

14. Утро дома за своими дѣлами; послалъ въ Спб. къ Самойлову 200 экз. рисунковъ Васильевской Кіев. церкви и 3 часть *Рус. Пословицъ* къ П. М. Новосильскому. У меня были надзиратели сиротскаго заведенія рекомендоваться и доставили планъ. Съ женою я былъ у вечерни и молебна въ Усп. соборѣ, гдѣ служили м. Филаретъ, преосв. Николай, Ааронъ и Діонисій; оттуда проѣхали въ Рогожскую на пожарище, простирающееся на версту и представляющее ужасъ. Андроньевъ мон. нѣсколько разъ загорался, но утушали. Церковь св. Алексія М. сохранена твердою вѣрою священника Алексѣя Павл., который во время пожара въ ней былъ безвыходно, не смотря на то, что даже обгорѣли веревки у колоколовъ. Послѣ полудня шелъ дождь, который повторился и на другой день.

15. Поутру былъ у меня П. М. Поповъ, который совѣтовался со мною, переходить ли ему въ 1-ю гимназію. Съ женою я слушалъ обѣдню у Спаса на Пескахъ, былъ у Маркова и Красноглазова. Вечеру приходилъ ко мнѣ учитель Бѣлевичъ касательно помѣщенія его въ сирот. училище и показывалъ планъ словесности. Ночь третію проводимъ безъ сна: въ сосѣдствѣ нашемъ цѣлую ночь до разсвѣта ходили караульные, били въ ведра, лукошки, сковороды и палки, перекликивались.

16. Съ полночи до утра шелъ дождь, освѣжившій землю. Я былъ съ матушкою у обѣдни у Николы въ Драчахъ. Потомъ сидѣлъ цѣлый день за своими дѣлами; вечеру были у меня г. Герингъ за своею Н.

Христ. и Панкратьевскій священ. съ племянникомъ Ахлебининымъ.

19. У ранней обѣдни былъ я у С. Адріана и Наталіи. Поздравлялъ съ ангеломъ А. З. Дурасова. Поутру былъ у меня профессоръ Ришельевскаго Лицея Рожественскій и сказывалъ, что въ ихъ сообществѣ водворилось спокойствіе и согласіе.

20. Поутру я былъ въ Унив. типогр., куда отдалъ съ Б. п. печатать Бредер. сочиненіе de ordine vocabul.. Въ Цензур. Комитетѣ. У меня былъ съ учителемъ Метловымъ сынъ кн. Д. В. Голицына, котораго я экзаменовалъ изъ Лат. языка и показывалъ ему свои дипломат. рѣдкости, подарилъ ему волосы Петра I. По приглашенію Д. М. Львова, я ѣздилъ къ нему въ Сокольники на дачу, гдѣ видѣлъ и воспитанниковъ сирот. заведенія, которые поручаются моему начальству по ученой части. Я говорилъ съ нимъ насчетъ платы учителямъ, которые необходимы и нѣкоторыхъ рекомендовалъ, какъ-то: Попова, Сириннова и Петрова. Назначеніе себѣ жалованья я предоставилъ самому Л. Онъ опредѣляетъ на первый разъ 1000 р. съ предоставленіемъ мнѣ права избирать учителей и бывать въ заведеніи тогда, когда возможно. Послѣ обѣда заѣзжалъ къ намъ Воскресенскій архимандритъ Аполл., а безъ меня Исидоръ съ книгами для меня. Ввечеру былъ экзаменъ вступающимъ въ слов. отд. съ 5 до 11 час., въ присутствіи ректора, професс. Давыдова, Терновскаго и Павлова.

22. День коронаціи; дòма утромъ за своими дѣлами; обѣдали у тестя. Послѣ трехдневныхъ страданій скончался мой малютка Сергій въ 11 час. ночи. Всю ночь по улицамъ ѣздили и ходили патрули солдатъ для охраненія города отъ пожаровъ, коими угрожали подметныя письма.

23. Утро дòма за своими дѣлами; обѣдалъ у С. М. Ивашковскаго; послѣ обѣда экзамены медиц. студ. до 11 часу ночи.

24. Поутру до обѣдни вынесли въ церковь моего Сережу; образъ при гробѣ несъ крестный отецъ его Миша и тамъ отпѣвъ похоронили на Лазаревомъ подлѣ дѣда, брата и сестры. Цѣлый день экзаменъ студентовъ; поутру испытываны были сынъ кн. Д. В. Голицына Борисъ, сынъ кн. Черкасскаго, Бантыша-Каменскаго и пр. Вечерній экз. кончился въ 11 час. пополун.

31. Поутру я занимался своими дѣлами; былъ въ Ценз. Комитетѣ, а ввечеру съ 8 до 12 ч. въ комитетѣ для испытанія студентовъ, гдѣ присутствовали, кромѣ ректора, профессоры Павловъ, Давыдовъ, Ивашковскій, Погодинъ, Терновскій и лекторы Герингъ и Куртенеръ.

Сентябрь. 1. Я былъ у обѣдни ранней у Спаса на Срѣт., гдѣ получилъ просфору отъ дьякона.

7. Вечеромъ прибылъ въ Москву Государь, коего на другой день встрѣчалъ митрополитъ въ Успенскомъ соборѣ.

9. У ранней обѣдни въ своемъ приходѣ и цѣлый день дома; услышалъ о вторичномъ пожарѣ въ Тулѣ, всю ее истребившемъ.

10. Поутру я написалъ письмо въ Рязань къ преосв. Евгенію; былъ у меня о. Насонъ изъ Воскр. мон. Я ѣздилъ въ типографію и Цензурный Комитетъ.

13. Съ А. А. Петровымъ и Ѳедотомъ Парѳен. я отправился для осмотра продаваемаго сельца Рожествена-Пустое въ Переславскомъ уѣздѣ, у помѣщика Никол. Петр. Палицына.

14. Пріѣхали въ Хотьковъ мон. къ заутрени; былъ у схимницы Евпраксіи для испрошенія благословенія ея; она благословила меня образомъ Св. Николая, утѣшала и успокоивала меня. Изъ открытыхъ ею псалмовъ видно, что Господь посрамляетъ враговъ кичливыхъ и утверждаетъ и благословляетъ уповающихъ на него; она предсказывала, что Персія и Турція примутъ отъ Россіи св. вѣру и войдутъ съ нею въ союзъ, что Россія и Царь ея возьмутъ первенство въ цѣломъ свѣтѣ, одолѣвъ враговъ своихъ Французовъ, Поляковъ, поджигателей. Мнѣ обѣщала дать въ благословеніе Св. Евангеліе и Патерикъ. Въ окошко видѣлъ я Марѳу затворн., которая сказала мнѣ, что если будемъ твердо уповать на Бога, то Онъ низложитъ всѣхъ нашихъ супостатовъ.

15. Пріѣхали мы въ Рожествено, гдѣ церковь во имя Рождества Христова, коего образъ похитили Поляки въ 1611 г. и Св. Димитрія Ростовск. Хозяинъ насъ ласково принялъ, пригласилъ обѣдать и ночевать. Мы осматривали заведенія госп. дома, людскія, бани, конюшню, скотскій дворъ, избы крест., коихъ пять (кромѣ одной, всѣ новыя), двѣ риги, пашню, а послѣ обѣда ѣздили поглядѣть въ двухъ пустошахъ лѣсъ еловый и осиновый. На возвратномъ пути я былъ въ Тр. Лаврѣ у вечерни, прикладывался къ мощамъ Пр. Сергія, былъ у А. П. Святославскаго и пилъ у него чай; а 14 числа прежде слушалъ обѣдню и служилъ молебенъ Пр. Сергію. Гробовой монахъ Иннокентій выпросилъ у меня обѣщаніе доставить ему *Жизнь митр. Платона.* Тогда же пригласилъ меня къ себѣ архим. Антоній и сказывалъ, что въ мон. есть древняя пелена, на коей изображена исторія Ксеніи Борисовны и что на колоколѣ Годунова сбиты имена Бориса, котораго поминаютъ 1 Мая.

17. Я возвратился домой. Погода была вѣтреная и холодная.

18. Въ Моск. Унив. прочитавъ лекцію, заѣхалъ къ пр. Діонисію.

27. День рожденія моей жены. Министръ С. С. Уваровъ былъ въ Универс. на лекцію Каченовскаго и говорилъ студентамъ о томъ, что-

бы они прилежнѣе учились Русскому языку и Исторіи, потому что она половина души народн.; то и другое составляетъ народность въ высшемъ значеніи слова. Полузнаніе хуже невѣжества. Тѣ, которые все думаютъ знать, ничего не знаютъ и не находятъ себѣ мѣста въ обществѣ; космополитъ есть эгоистъ. «Что говоритъ онъ, тому научилъ его Государь, котораго образъ мысли теперь онъ лучше знаетъ, нежели прежде».

28. Послѣ лекціи я экзаменовалъ студентовъ Востокова и Мальцова, ищущихъ учительскаго мѣста.

29. Поутру я былъ у министра, но онъ не принималъ, а видѣлъ его на лекціи у И. И. Давыдова. Послѣ обѣда былъ совѣтъ объ ученыхъ степ. по новому уставу.

30. Въ Охотномъ ряду я купилъ капусты по 19 р. 50 к. за сотню. Поутру были у меня г. Мельгуновъ и Павловъ за повѣстью *Ятаганъ*, которую сомнѣвается пропустить Цензурный Комитетъ; я совѣтовалъ имъ поговорить съ г. Голохвастовымъ.

Октябрь. 1. Посланы мною письма къ архимандриту Антонію въ Троицк. Лавру и къ преосв. Евгенію Рязанскому съ рѣчью митр. Филарета и съ портретомъ грав. м. Платона. Я осматривалъ Набилкино заведеніе, гдѣ нашелъ порядокъ и опрятность.

3. М. Филаретъ отправился въ Тр. Лавру утромъ; съ А. П. Св. я послалъ къ схимн. Епраксіи 10 р. асс. Я былъ изъ типографіи Унив. у министра, но онъ не принималъ; послѣ лекціи я присутствовалъ въ Совѣтѣ, гдѣ С. Ивашк. изъявилъ мнѣ какую-то безразсудную привязчивость съ глупымъ смѣхомъ, похожимъ на сумасшествіе. Жаль его безтолковости и легкомыслія. Вечеромъ былъ Я. Е. Арсеньевъ.

4. Утро прекрасное, свѣтлое и свѣжее. Я отдалъ остатокъ оригинала 4 части *Русскихъ Пословицъ* наборщику. У меня былъ Морошкинъ съ вопросами отъ д. Рѣдкина объ исторіи юридическаго факультета; онъ выпросилъ у меня: 1) томъ профессорск. рѣчей, 2) Ест. Право Шлецера и 3) Canones Eccl. Biener. Вечеромъ былъ у меня студ. Классовскій, котораго я заставилъ повторить мою лекцію de Hermeneutica.

5. Получено письмо отъ Греча съ предложеніемъ участвовать въ Энцикл. Лексиконѣ. Послѣ лекціи я былъ въ Ценз. Комитетѣ, гдѣ слышалъ о посѣщеніи Государемъ Гимназіи, Комм. и Армян. училища. Подписаны прочтенныя мною рукописи: 1) Повѣсти Гофмана, 2) Мужъ въ каминѣ, вод. 3) III гл. 2 ч. Аббадоны и пр.

6. Поутру, отправивъ остальныя книги Самойлова черезъ контору дилиж. и взявъ билетъ, прочиталъ лекцію въ Моск. Унив. и былъ

у А. П. Павл. Въ вечерни возвратился въ Москву изъ Троиц. Лавры митр. Филаретъ.

7. У заутрени я былъ въ Драчахъ, у ранней обѣдни у Спаса на Пескахъ, гдѣ зазвалъ меня къ себѣ Пятницкій, у котораго я пилъ чай. Потомъ я былъ у обѣдни на Троицк. подв. и у митрополита Ф. пилъ чай; онъ обѣщалъ прочесть Жизнь Никона и сказать мнѣ свое мнѣніе.

8. Я написалъ и послалъ письма къ Соловецкому архимандриту Досиѳею объ его книгѣ черезъ Шпряева, къ Воскрес. архимандриту Аполлосу въ отвѣтъ на его письмо и къ Самойлову въ Спб. съ билетомъ конторы транспортовъ. Вечеромъ былъ у насъ о. архимандритъ Исидоръ, привезшій мнѣ мои книги. Остальное время я занимался лекціями своими и исторіею юрид. факульт. при Моск. Унив. для Морошкина и Рѣдкина.

9. Поутру былъ на лекціи въ Моск. Унив. и купилъ 13 б. винъ у Артò. Вечеръ провелъ у меня о. Клеопа изъ Воскресен. монаст. и ночевалъ.

11. Съ женою я былъ на освященіи церкви Св. Николы въ Берсеневкѣ преосв. митр. Филаретомъ, который при семъ случаѣ говорилъ проповѣдь объ освященіи Бога въ сердцѣ; обѣдали у А. З. Дурасова.

12. Лекція, экзаменъ двухъ кандидатовъ М. У. Загорскаго и П. Островскаго въ учители Бѣлоруск. и Ценз. Комитетъ, предъ коимъ я былъ у Д. П. Голохвастова, касательно пов. *Ятагана*, соч. Павлова.

13. Съ утра до вечера дождикъ. Съ корректурою Р. Гр. я заѣзжалъ къ И. Ѳ. Калайдовичу, который совѣтовалъ мнѣ взять дворянскую грамоту и гербъ, обѣщаясь способствовать. Я согласился. Послѣ лекціи своей я заѣзжалъ къ преосв. викарію, котораго не засталъ дома; въ Унив. типографіи встрѣтился съ Венелинымъ, который съ похвалою отзывался о 3 част. *Русск. Посл.* моихъ. Къ вечеру прояснилось на небѣ. Предъ всенощною я былъ у А. П. Святославскаго, который подарилъ нѣсколько азбукъ, св. исторій и святцы.

14. У меня были кандид. Артемовъ съ прибавленіями къ *Корсун. вор.*, кандид. Д. А. Загорскій, Кони, П. М. Поповъ, ст. Макса. Обѣдали у тестя. Въ этотъ день праздновали крестнымъ ходомъ изгнаніе Наполеоновыхъ войскъ изъ Москвы. Получено письмо отъ архіепископа Рязан. Евгенія.

15. Утромъ у меня былъ П. П. Томанскій отъ Д. М. Львова съ просьбою о вступленіи въ должность и объ открытіи училища. Съ женою я былъ на вечеринкѣ и ужинѣ у новобрачныхъ Ильина, женив-

шагося на Марковой дочери Аннѣ; до 4 часа утра пѣли, пили, ѣли и танцовали.

16. Лекція моя въ Моск. Унив., послѣ коей я былъ у преосв. викарія Николая, который объявилъ мнѣ о назначеніи его въ Калугу; у него я встрѣтился съ сенат. Штеромъ.

17. На почтѣ я получилъ при письмѣ м. Евгенія свое разсужд. *о Визант. штилѣ*, которое я отдалъ на разсмотрѣніе проф. Давыдову въ Совѣтѣ при Перевощиковѣ. Погодинъ подалъ въ отставку, при чемъ сказалъ Перевощ.: «однимъ мошенникомъ меньше». Ст. Стрекаловъ началъ у меня брать уроки. Въ Унив. я встрѣтился съ Д. Н. Б.-Каменскимъ, который сообщилъ мнѣ слова̀ г. министра С. С. У. обо мнѣ его сестрѣ, меня хвалившей: C'est un bon diable! Je suis content de lui, c'est moi qui a lui donné un croix de S. St. Спасибо и на томъ.

18. Въ словесномъ отд. былъ министръ, который слушалъ 1 студента отъ Каченовскаго, а 4 отъ Давыдова. Вечеромъ я съ женою былъ у И. Н. Царскаго, который на другой день прислалъ, по моему предложенію, два глобуса и два ящика съ инстр. для Сиротскаго дома! Я ему привезъ письмо отъ митрополита Евгенія.

19. Лекція, экзаменъ учителю Успенскому и Ценз. Комитетъ; я получилъ знакъ за XX лѣтъ. Послѣ обѣда я съ митрополитомъ Филаретомъ читалъ Аполл. *Жизнь Никона*, на которую онъ сдѣлалъ свои замѣчанія, изъявилъ согласіе пропустить ее въ цензурѣ и сказалъ, что онъ не будетъ въ претензіи. На предложеніе мое благословить сиротскій домъ, обѣщалъ прислать св. иконы. При мнѣ былъ преосв. Николай. Разсуждали о Нѣм. философіи, не свойственной Русскимъ, до коихъ доходитъ она, какъ до глухихъ вѣсти, о *духовной сторонѣ* человѣка и пр. Отъ него я проѣхалъ къ И. Ѳ. Калайдовичу, съ которымъ прочелъ листъ его Русск. Грамматики и Русскихъ своихъ пословъ. Написалъ прошеніе о дачѣ мнѣ двор. грамоты; къ нему приложилъ и свой послужной списокъ.

20. Поутру привезъ мнѣ отъ митрополита Ф. А—ъ Петр. Св. три иконы Св. Николая, Казанскія Б. и Св. Митрофана, для Сирот. училища. Послѣ лекціи въ Моск. Унив. былъ я у Бартенева, который подарилъ мнѣ два сер. кольца отъ Св. В. и шапочку Св. Іоанна Многостр. Шевыревъ предлагалъ мнѣ составить, по образцу Римск. древностей, изъ *Русскихъ* науку, систему, въ коей бы изображалась жизнь Русскаго народа.

21. Послѣ ранней обѣдни и чаю домашняго, я отвезъ на новоселье три иконы отъ митр. Филар. въ Сиротское училище и два глобуса, кои приняты были дѣтьми и надзирателями съ радостію. Обѣда-

ли у тестя. Отъ митрополита Фил. доставленъ мнѣ образъ Св. Димитрія, прекраснаго письма, для Сир. зав. Вечеръ дома.

25. Я былъ у М. А. Окулова, который сказывалъ мнѣ о выговорѣ министра ректору Б., обратившему оный на всѣхъ профессоровъ, о порученіи И. Давыдову вразумить ректора, котораго м. грозилъ согнуть въ бараній рогъ и намекалъ ясно объ отставкѣ. Вотъ плоды его связи съ Над., Пог. и братіею и наказаніе за предательство своихъ! Съ о. архимандритомъ Исидоромъ я прочелъ послѣдній листъ 4 ч. *Русск. Посл.*, который онъ одобрилъ. Ввечеру были у меня о. архимандриты Донской Ѳеофанъ и Воскресенскій Аполлосъ и Томанскій съ расписаніемъ жалованья инсп. и учит. Сиротскаго училища; ему я вручилъ образъ Св. Димитрія Рост., данный сему заведенію митрополитомъ Филар.

26. Поутру я былъ у Голохвастова, которому подарилъ рѣчь преосв. Филарета при встрѣчѣ Наслѣдника; послѣ лекціи Комит. Ценз.

27. Утромъ рано я былъ у Д. М. Львова, который заѣзжалъ ко мнѣ вчера; онъ меня благодарилъ за усердіе мое къ заведенію и обѣщалъ быть у митр. Фил., у котораго и былъ. Отъ него заѣхалъ я къ И. И. Давыдову, съ коимъ прочелъ послѣдній листъ Русск. Посл. Послѣ лекціи былъ у И. Калайдовича, съ коимъ прочелъ два листа его Русск. грамм. Именемъ кн. Д. В. Гл. благодарилъ меня за усердіе къ Сир. зав.; онъ хочетъ расцѣловать меня.

29. Утро пасмурное. У меня былъ учит. Сириновъ, котораго я пригласилъ въ Сир. учил. Мы разговаривали о *Латин. грамм.*

30. Послѣ лекціи въ Моск. Унив. было открытіе и освященіе Сирот. дома; молебенъ совершалъ протоіерей В. И. Б. Послѣ молебна я занялся съ новыми и прежними учителями объ устроеніи классовъ и порядкѣ ученія; мною приглашены и представлены были въ учители Панченко, Спекторскій, Петровъ, Володковичъ. Д. М. Львовъ благодарилъ меня за участіе и усердіе. У Шир. я купилъ книгъ учебныхъ около 400 р. Ввечеру у меня были архим. Исидоръ, который сообщилъ мнѣ извѣстіе о назначеніи его въ викаріи М.; я читалъ ему нѣкоторыя статьи о Визант. штилѣ. По своимъ дѣламъ пріѣзжали ко мнѣ полк. Высоцкій и Н. Павловъ.

31. Дождь и грязь. Лекціи и Совѣтъ, въ коемъ первый разъ заняли мѣста по старшинству, и мнѣ досталось ректор. мѣсто. Попавшій мнѣ у Никитскаго мон. Д. Н. Каменскій сказалъ, что кн. Д. В. Голицынъ хочетъ посѣщать мои лекціи. Въ этотъ день наказывали кнутомъ зажигателей на мѣстѣ преступленія. Послѣ Совѣта я покупалъ дичь и рыбу, на 13 р. 50 к.

Ноябрь. 1. Поутру я былъ въ Сир. заведенія, у о. архим. Исидора, съ которымъ прочелъ половину статьи своей о *Виз. иск.* Ввечеру былъ я съ женою у С. И. Десницкаго на серебряной свадьбѣ.

2. Изъ Унив. типографіи я проѣхалъ на свою лекцію и въ Ценз. Комитетъ, гдѣ, по прочтеніи повѣсти Павлова *Ятаганъ*, далъ мнѣніе Д. П. Голохвастовъ о пропускѣ оной, какъ не содержащей въ сей ничего противнаго; съ нимъ согласились и прочіе члены. Сверху переселились внизъ ближе другъ къ другу.

3. Послѣ лекціи я съ женою былъ у Д. Е. Извольской, съ которою мы прошли послѣ обѣда къ Надеждѣ Ант. На дорогѣ я встрѣтился и поговорилъ съ С. А. Масл., который совѣтовалъ мнѣ представить въ Земл. Общество свои *агрон. посл.* У всенощной на Тр. подв.

4. Завезъ къ С. А. Маслову книжку свою и съ женою проѣхалъ въ Успенскій соборъ, гдѣ служилъ обѣдню архіепископъ Евгеній, экзархъ Грузинскій; оттуда навѣстили г-жу Иракліонову. Вечеромъ были у меня Н. Ф. Павловъ за рукописью *Ятаганъ* и П. М. Поповъ.

5. Поутру я написалъ отвѣтныя письма гг. Гречу и Золотову; были у меня А. Петровъ, Панченко, Володковичъ и Богоявленскій съ просьбою о пріемѣ въ Сир. зав. родственника его Б. М. Долгополаго. Обѣдъ дома. Ввечеру ст. Говорецкому я далъ на разсмотрѣніе 3 ч. *Русск. Посл.* съ своими зам. письм. Былъ А. П. Павловъ насчетъ покупки дер. Куртасовой. Совѣтовалъ.

7. Подписалъ и отослалъ 4 ч. *Аббабоны Полевого.* Лекція и Совѣтъ, гдѣ сдѣлано распоряженіе о чтеніяхъ студентовъ ежемѣсячно. Перевощиковъ справедливо замѣтилъ, что это со стороны профессоровъ пожертвованіе и что самимъ себя не должно стѣснять правилами, кои можно почерпнуть изъ опыта.

8. Весь день дома; вечеромъ былъ преосв. Николай, е. Калужскій и Боровскій, побесѣдовавъ со мною, простился и желалъ, чтобы я пріѣхалъ визитаторомъ въ Калуж. г.; обѣщалъ писать ко мнѣ.

9. Лекція и Комитетъ Цензурный, гдѣ я предлагалъ на разсмотрѣніе рук.: *Черныя Книги*, которую за кощунство и личность присуждено запретить. Оттуда я заѣхалъ къ своему духовнику Н. А.; обѣдалъ у Д. Н. Каменскаго. Д. Бѣлявскій мнѣ написалъ рецептъ, по коему я принялъ лѣкарство дома. Вечеромъ А. П. Арсеньева прислала мнѣ записку, въ коей убѣдительно просила повидаться съ а. Антоніемъ.

10. Вечеромъ предъ всенощной былъ я у архим. Антонія, который принялъ меня ласково, обѣщалъ доставить мнѣ надпись съ пелены панихидной царевны Ксеніи; сказывалъ, что въ Пятницкой башнѣ въ Тр. Лаврѣ есть каменный мѣшокъ, въ который опускаются сверху, что

въ Ростовск. мон. есть монахъ, который лѣчитъ отъ пьянства, даетъ какіе-то порошки. Я заходилъ отъ всенощной къ А. П. Св.

11. Посвященіе архим. Исидора въ викарные еп. шестью архіереями въ Чудовѣ мон. День кончины м. Платона. Съ сего дня я вступилъ на седьмой годъ брачной жизни [1]). Завезши къ И. А. Мальцову письмо къ А. Муравьеву, я съ женою былъ у обѣдни въ церкви Зачатія Св. Анны въ Углу, гдѣ одинъ изъ четырехъ престоловъ, въ память празднуемыхъ въ этотъ день Св. муч. Мины, Виктора и Викентія. Церковь сія древняя, архитектура сходная съ Спасомъ на Бору, Уаромъ, Гребенскою; она возобновлена царемъ Іоанномъ Вас., коего тамъ и Ангелъ есть. Въ главной церкви иконостасъ съ древними иконами; замѣчательна икона Страстныя Богом., иконописью и чудомъ, съ какимъ она сохранена отъ пожара и царемъ И. В. поставлена здѣсь.

13. Послѣ лекціи своей, на коей былъ Д. П. Голохвастовъ, я проѣхалъ къ обѣднѣ въ Златоуст. мон., гдѣ служилъ на праздникѣ митрополитъ. По приглашенію архимандрита я былъ у него на закускѣ, получилъ двѣ просфоры. Во все время м. Филаретъ говорилъ со мною о упадкѣ двор. имѣній, а ненадежности купеч. капиталовъ и о гипотезѣ одного Француза, о долговременности Китайской имперіи и о неизмѣнности ея законовъ и нравовъ; то и другое произошло отъ того, что принесенныя къ нимъ праотцами рода человѣческаго правила они сохранили неизмѣнно и не безъ чистаго понятія о Богѣ.

17. Послѣ лекціи своей я былъ на экзаменѣ домашн. учителей, испытывалъ Соколова и Малиновскаго въ Латинск. языкѣ. Поутру свезъ 1 экз. Р. П. 4 части П. И. Кузминскому, отправилъ ихъ къ митр. Евгенію и Максимовичу въ Кіевъ. Безъ меня былъ у насъ пр. Исидоръ. Зашелъ послѣ всенощной къ Н. Пол. переговорить касательно ценз. дѣлъ; онъ сказывалъ мнѣ о намѣреніи издать планъ Рус. Сл.

18. Послѣ обѣдни, которую служилъ митр. Филаретъ, я зашелъ къ нему и поднесъ ему IV ч. *Русск. Послов.* Съ женою я поѣхалъ было къ Д. Н. К., но увидѣлъ уже гробъ его супруги Елисаветы Ив.[2]), скончавшейся благочестиво 16 ч. Обѣдали у М. В. Бабарыкиной.

19. За ранней обѣднею у св. Николы Явл. отпѣвалъ г-жу Каменскую Донской архим. Ѳеофанъ. Съ мужемъ, родными и друзьями я провожалъ тѣло до самаго мѣста пѣшкомъ; тамъ былъ поминальный столъ у архимандрита, отъ котораго я зашелъ на часъ къ преосв. Аарону.

---

[1]) Сколько намъ извѣстно, И. М. Снѣгиревъ женатъ былъ на красавицѣ-иноземкѣ, воспитанницѣ купца Перлова. П. Б.

[2]) Урожд. Бибикинской. Это лѣвая дочь князя И. Ѳ. Барятинскаго. П. Б.

20. Поутру былъ у М. А. Окулова, который вчера ко мнѣ пріѣзжалъ; онъ, по порученію кн. П. П. Гагарина, просилъ учить сына его, показывалъ мнѣ Римск. медали. Потомъ я былъ у кн. Н. Н. Голицына, подарилъ ему 4 ч. Р. П. Заѣзжалъ навѣстить Д. Н. Б. Въ Чудовѣ мон. я слушалъ проповѣдь митрополита *о чести.*

21. У заутрени я былъ у Николы въ Драчахъ, а у ранней обѣдни у Спаса въ Спасской, у поздней съ женою на Савинскомъ подворьѣ, гдѣ служилъ преосв. Исидоръ, который меня съ женою и сыномъ зазвалъ къ себѣ, благословилъ Мишу образомъ Св. Н. и просфорою; тамъ былъ о. протопресв. Я. Д.

22. Съ Д. М. Львовымъ я былъ у кн. Д. В. Голицына, который, ласково принявъ меня въ кабинетѣ, просилъ сблизиться съ нимъ, благодарилъ за усердіе Сиротскому дому. Разговоръ былъ о романтизмѣ и классицизмѣ, объ устроеніи дома Спр. и плана ученія наравнѣ съ гимназическимъ и правахъ питомцевъ. Кн. обѣщалъ посѣщать мои лекціи, потому что онъ любитъ Лат. языкъ и ученіе онаго почитаетъ наукою. Безъ меня былъ у меня кн. П. П. Гагаринъ просить о даваніи уроковъ его сыну Сергѣю. Вечеромъ я написалъ пи́сьма къ С. С. Уварову, кн. А. Н. Голицыну, П. Н. Новосельскому, И. Н. Лобойкѣ и И. И. Срезневскому; первымъ тремъ съ 4 ч. *Русск. Посл.*

24. Поутру былъ у Д. П. Голохвастова съ посл. гл. *Аббадоны*, романа Н. Полевова; замѣченныя мною мѣста объ Универс. и Гимн. онъ нашелъ несовмѣстными съ духомъ правленія и согласился, что цензору опасно пропустить это. Послѣ лекціи, взявъ жалованья 125 р., заѣхалъ къ Ю. Н. Бартеневу, у котораго жена имянинница; онъ мнѣ подарилъ гравир. картину 1702 г., изображающую свадьбу шута Петра I. Я поручилъ А. А. Горскому кланяться пр. Павлу и переслать мой пакетъ съ 4 ч. Р. П., съ рукоп. о *визахъ* и письмомъ къ М. Я. Діеву. Заѣзжалъ къ Д. Н. Кам., К. С. Барт. и Я. С. Арс. Изъ дому ѣздилъ въ Сиротскій домъ, посмотрѣлъ классы и ученіе, оттуда ко всенощной въ Шерем. бол.

25. Раннюю обѣдню я слушалъ въ Драчахъ, получилъ письма отъ С. Глинки съ Д. С. и отъ С. П. Шевырева, который отъ имени кн. Д. В. Гол. спрашивалъ, буду ли я въ Середу читать Горація. Отвѣчалъ утвердительно и съ благодарностью. Утромъ былъ у меня П. В. Киреевскій, которому я сообщилъ разныя пѣсни, Осташковскія и Кинешемскія и пр., потому что онъ издаетъ *Русскія пѣсни*, имъ собранныя. Я ему казалъ свои матеріалы, коими онъ занимался; сообщилъ ему свои замѣчанія о пѣсняхъ, о Корсун. и Александровскихъ вратахъ, кои почитаю привезенными царемъ Иваномъ В. изъ Новгорода въ любимый свой монастырь; надобно повѣрить эту догадку. Онъ сказывалъ,

что въ Новгор. древней церкви Св. Власія видѣлъ образъ сего святаго, который изображенъ сидящимъ на скалѣ, вокругъ его скотина, поднявшая къ нему головы, и онъ ее благословляетъ. Онъ согласенъ со мною касательно иконн. штиля Визант. въ нашей церкви. Вечеру я занимался окончаніемъ этой статьи.

Декабрь 1. Заѣхавъ поздравить съ ангеломъ м. Ф., отправился въ М. У. на лекцію свою, гдѣ дѣлалъ репетицію изъ Рим. Др.; былъ въ Сир. заведеніи, гдѣ встрѣтилъ Д. М. Львова, разсерженнаго шалостями учениковъ въ классѣ. У П. И. Туман. я взялъ сер. кружку для снятія надписи на оной. Ввечеру у меня были купецъ Зарайск. Аверинъ и П. И. Сахаровъ, которыхъ я познакомилъ; имъ я читалъ статью свою о *Византійскомъ штилѣ живописи и ваянія*, на которую они дѣлали свои примѣчанія и нашли ее любопытною. Аверину я поручилъ отдать преосв. Ряз. Евгенію письмо мое съ 4 ч. *Русск. Посл.* и календаремъ на 1834 г. Сахаровъ принесъ мнѣ свою рукопись о *Русскомъ чернокнижіи* и хотѣлъ меня познакомить съ купцомъ Рогожск. согласія Якимовымъ, знатокомъ въ иконописи.

2. У поздней обѣдни я былъ съ женою па Троиц. подворьѣ, гдѣ служилъ митрополитъ, потомъ у Д. Н. Каменскаго, у Бобарыкиной, у Баталина, наконецъ у И. Н. Царскаго.

3. Урокъ кн. Гагарину; у обѣдни былъ я на праздникѣ на Савинск. подворьѣ, гдѣ и обѣдалъ у преосв. Исидора съ архим. Даниломъ, ректоромъ Семинаріи и М. М. Евреиновымъ, который звалъ меня на освященіе церкви Тр. на Кап. и обѣщалъ доставить отъ кн. С. М. Г. свѣдѣніе о Строгон. иконописцѣ. Отъ И. Ѳ. Калайдовича получилъ двор. себѣ грамоту, за которую заплатилъ 30 р. асс., при архиман. Аполлосѣ.

9. День ангела жены моей. Мы были на освященіи м. Филаретомъ придѣла во имя Св. Митрофана въ ц. Троицы на Капелькахъ.

10. Урокъ кн. Гагарину; былъ тесть; съ Мишей я ѣздилъ въ Сир. заведеніе. Послѣ обѣда была у насъ М. В. Бобарыкина съ игрушками для крестника и съ чашкою для прош. имянинницы.

14. Вечеромъ были о. Анастасій и преосв. Исидоръ, съ которымъ я читалъ статью свою о *Византійскомъ стилѣ*; на нее онъ дѣлалъ свои замѣчанія.

15. Послѣ лекціи своей я посѣтилъ Вельтмана, съ которымъ поговорилъ о своихъ занятіяхъ, а онъ о своихъ, особенно о *Сканд. миѳологіи*, коею особенно занимается.

16. Я посѣтилъ Сир. заведеніе, гдѣ совѣтовалъ по Воскресеньямъ утромъ читать Св. Евангеліе и пѣть духовныя пѣсни; оттуда на освя-

щеніе церкви св. Сергія въ Рогожской, гдѣ служилъ и проповѣдывалъ митрополитъ Ф. Содержаніемъ прекрасной проповѣди было то, что мы должны и среди бѣдствій хвалить Бога, а не роптать. Послѣ обѣдни зазвали меня на закуску къ священнику и на обѣдъ къ старостѣ церковному Егору Алексѣеву, гдѣ былъ и митрополитъ съ двумя архимандритами Гермогеномъ и Арсеніемъ.

18. Былъ у Ширяева, который по вызову моему объ остающихся у меня 500 экз. *Жизни м. Пл.* 1 ч. предложилъ напечатать съ дополненіями новое изданіе 2 ч. Послѣ лекціи своей я прочелъ конецъ статьи своей о *Визант. худ.* съ П. М. Терновскимъ, который сказалъ мнѣ, что Морошкинъ выдаетъ на лекціяхъ умноженіе самоубійствъ за умноженіе просвѣщенія въ народѣ!! и начинаетъ общество челов. съ звѣря и скота вопреки Св. Писанію. Потомъ я былъ въ У. для экзамена въ учители Лат. яз. въ Бѣлоруссію студента Ксаверія Конопацкаго, который однакожъ не соотвѣтствовалъ требованію.

20. Урокъ кн. Гагарину. Поутру и послѣ обѣда я былъ въ Сиротскомъ домѣ, а вечеромъ на экзаменѣ у г-жи Жарни, гдѣ сидѣли до полночи; визитаторомъ былъ одинъ Давыдовъ.

21. Поутру я былъ у Д. П. Голохвастова поздравить его съ орденомъ Св. Владимира 3 ст. и переговорить касательно цензурныхъ дѣлъ, потомъ на лекціи и въ Ценз. Комитетѣ, въ который внесъ 2 часть *Жизни м. Пл.* для допечатанія недостающихъ экземпл.

22. Въ М. У. чтеніе студ. лекцій словеснаго отдѣленія, лучше чѣмъ при министрѣ; отъ меня изъ клас. читалъ Класовскій хорошо. Чтеніе кончилось въ 1 часу попол. Оттуда я заѣзжалъ въ домъ кн. Д. В. Гол., къ Аѳанасію Мих. Метлову, у котораго видѣлся съ обоими молодыми князьями; въ лавкѣ у К. П. за 12 р. взялъ 5 экз. календарей новыхъ. Послѣ обѣда былъ въ С. д. и въ первый разъ взялъ свое жалованье, потомъ у всенощной на Т. п.

23. Написалъ письмо къ И. Н. Ц. отъ имени кн. Д. В. Гл. и послалъ черезъ П. П. Т. къ Д. М. Львову, а къ Драч. священнику календарь черезъ матушку. Купивши возъ овса, я съ женою слушалъ обѣдню, совершенную митрополитомъ на Тр. подв., и обѣдалъ у тестя.

25. Рождество Христово. Многіе пріѣзжали ко мнѣ съ поздравленіями и я ѣздилъ къ тестю, къ Голохвастову, къ Б. Каменскому, къ М. А. Баталину, Арсеньеву, М. В. Бобарыкиной, кн. Н. Н. Голицыну, которому оставилъ экз. моего сочиненія Р. П. для кн. С. М. Г., у Д. М. Львова, у Н. И. Давыдова, у ректора, у А. А. Писарева, у М. Я. Толстого, у преосв. Исидора и Филарета, который празднуетъ въ этотъ день свое рожденіе. Обѣдали дома.

26. Я былъ у П. И. Кузминскаго, у И. Ѳ. Краузе, у П. Арсеньева, у М. А. Окулова, у стар. учителей, у А. З. Дурасова, у Л. Цвѣтаева.

27. Послалъ къ преосв. Кириллу въ Кам. Под. съ книжкою 4. Р. П. и къ Николаю въ Калугу съ письмомъ м. Платона, къ Д. И. Языкову съ кн. Р. П., къ С. Д. Нечаеву съ кн., къ Френу, къ А. Муравьеву, къ А. И. Соловьеву 6 экз. Самъ отвезши ихъ на почту, былъ у С. Селивановскаго и С. Маслова на имянинахъ, гдѣ встрѣтился съ Андросовымъ, Мельгуновымъ, Н. и К. Полевымъ, С. П. Фонвизинымъ. При подаваніи гостямъ кофе, на меня опрокинулся весь подносъ и облилъ; тутъ вспомнили о разбитіи подноса съ рюмками Петромъ I предъ Полтавскою битвою въ Кіевск. Лаврѣ. Вечеръ дома и скучно. Не введи насъ во искушеніе!

28. Весь день дома. Утромъ былъ Н. Полевой для прочтенія со мною трехъ листовъ своей исторіи Р. Н., коп, по выправкѣ имъ отмѣченныхъ мѣстъ, мною подписаны. Купленъ возъ сѣна по 85 к. пудъ. Безъ обѣда дома, скучно и грустно въ сердечномъ испытаніи. Вечеромъ пріѣзжали къ намъ П. А. Двигубскій и духовникъ Н. Я., которому я выслалъ календарь, но его, по состоянію разстроенному духа своего, не принялъ. Нѣсколько занимался своими дѣлами.

29. Утро съ Божіею помощію я началъ своими дѣлами. Были у меня о. Анастасій, Д. Н. Каменскій и П. С. Снѣгиревъ съ женою, они двое обѣдали у насъ. Вечеромъ я занимался клас. дѣлами.

30. У заутрени былъ въ Драчахъ; у обѣдни въ церкви Св. Филиппа митр., гдѣ отпѣвали іерея Ѳеодора, почтеннаго старца, духовника матушки моей; надгробное слово говорилъ его внукъ хорошо и близко къ сердцу. Послѣ обѣда я съ матушкою и женою навѣстили Царскихъ. Вечеромъ безъ насъ былъ арх. Аполлосъ, а при насъ преосв. Исидоръ.

31. Урокъ кн. Гагарину, отъ котораго получилъ деньги за уроки. Былъ на похоронахъ у Д. П. Тростина, заѣзжалъ къ архим. Аполлосу, который былъ у меня вечеромъ и къ преосв. Діонисію.

1835 годъ.

Январь. 1. Утромъ на дому у насъ служилъ священникъ прих. молебенъ съ водосвятіемъ. Я былъ у М. Т. Каченовскаго, В. М. Котельницкаго, у Н. С. Васильева, у Ю. Н. Бартенева, у П. Нахимова, у духовника, у священника Драчевскаго, имянинника, у В. И. протоіерея, у Н. С. Горина. Литургію я слушалъ въ Чудовѣ м., гдѣ былъ у митрополита Ф. на закускѣ; тамъ видѣлся съ преосвященными Исидоромъ, Аарономъ и Діонисіемъ, съ архим. Апполосомъ, Даніиломъ и

Θеофаномъ, котораго просилъ о доставленіи мнѣ замѣчаній на 2 ч. *Жизни м. П.* Вечеромъ я былъ у тестя съ женою, гдѣ встрѣтился съ Т. Каменецкимъ, который съ мировою звалъ къ себѣ.

2. Рано утромъ былъ отъ Я. Е. Арсеньева Марка съ поздравленіемъ и съ гостинц. отъ барина. Утромъ посѣщали меня кандидатъ Артемовъ съ книгою своей *о Корс. ворот.*, С. П. Шевыревъ съ рукописью *Исторіи* своей Лит. Евр. нар., П. И. Кузминскій, духовникъ Н. А., Цвѣтаевы дочери, канд. Лебедевъ. Говорено о Русскихъ лѣтоп.

3. Утромъ урокъ кн. С. Гагарину; былъ протопресвит. У. с. Яковъ Дмитріевичъ. Навѣстивъ Сиротскій домъ, я обѣдалъ съ женою у А. П. Павлова, съ которымъ читалъ начало своей *Лат. Грамматики.*

4. Поутру рано былъ у меня архим. Аполлосъ, съ которымъ я читалъ для повѣрки нѣкоторыя статьи изъ *Ж. м. Пл.*; безъ меня навѣстили насъ г. Каменскія, обѣ сестры съ племянницею. Послѣ ценз. комитета я заѣзжалъ съ архим. Аполлосомъ къ преосв. Исидору, обѣдалъ у арх. Александр. Ригельмана. Вечеръ провелъ дома пріятно въ своей семьѣ.

5. Сочельникъ. Утромъ прочелъ двѣ лекціи Шевырева о Еврейской поэзіи; былъ у него, прочелъ съ нимъ вступленіе въ Исторію *города Рима* и *Лат. Грамматику*; отдалъ ему обѣ его лекціи, съ тѣмъ, чтобы онъ одну представилъ въ дух. цензуру, а другую, по выправкѣ, я подпишу. Изъ города я проѣхалъ въ Почтамтъ, гдѣ взялъ письмо отъ м. Евгенія и при немъ 4 т. его *проповѣдей* мнѣ въ благословеніе.

8. Поутру были С. П. Шевыревъ, П. И. Кузминскій, Артемовъ, духовникъ; обѣдали у тестя. У. Совѣтъ, гдѣ Болдыревъ побранился съ Страховымъ, а Надеждинъ съ Васильевымъ.

12. Я свезъ къ Н. С. Лебедеву взятую изъ Ин. Кол. рѣчь Лангера 1775, de meritis юрисконсульта; отслушавъ божеств. литургію, проповѣдь и молебенъ въ унив. церкви, отправился къ преосв. Исидору и отъ него домой обѣдать. Послѣ обѣда, былъ я въ Сирот. заведеніи, гдѣ сдѣлалъ переводъ изъ классовъ для уравненія учащихся.

13. У заутрени я былъ въ Драчахъ, у ранней обѣдни у Спаса во Спасской, гдѣ далъ старостѣ деньги для сдѣланія стертой надписи на камнѣ надгробномъ отца митрополита Платона, св. Георгія Данилова. Съ женою и сыномъ я посѣтилъ протопресвитера Якова Дмитріевича, который сообщилъ мнѣ Греческ. письмо митрополита Платона къ архіеп. Никифору Θеотоки, бывшему Астраханскимъ, и разсказывалъ, что когда послѣ коронаціи Павла I во дворцѣ вмѣстѣ съ С. Сѵнодомъ назначено было и Римско-католическое духовенство съ митрополитомъ Сестренцевичемъ для принесенія поздравленія Государю, тогда

Платонъ, столь ревностный къ чести Православія, просилъ гофмаршала доложить императору, что несовмѣстно С. Сѵноду съ Римско-кат. духовенствомъ въ одно время поздравлять благочестивѣйшаго царя Русскаго. Павелъ I, внявъ сей просьбѣ своего наставника, повелѣлъ особенно представить сіе духовенство иновѣрное.

Отъ Я. Д. проѣхали къ Д. Н. Каменскому, съ которымъ я обѣдалъ у П. И. Арсеньева, гдѣ я получилъ обѣщаніе отъ консист. секретаря Данила Аѳан. отыскать мнѣ важнѣйшія резолюціи м. Платона.

26. Поутру въ слов. отдѣленіи были чтенія студентовъ, изъ которыхъ отличился Стрекаловъ отъ Шевырева; отъ меня читалъ Соловьевъ изрядно: de fontibus significationis vocabulorum. Жалко, что Толмачевъ отуманился Герм. ученіемъ и показалъ себя въ невыгодномъ видѣ. Вечеромъ у Ширяева я видѣлся съ Соловецкимъ архимандритомъ Досиѳеемъ, который позволилъ мнѣ напечатать о *библіотекѣ А. Палицына* въ Сол. м., гдѣ, по его сказанію, трудно отыскать его могилу. Въ библіотекѣ монаст. находится много книгъ. Въ Унив. я былъ на факульт. экзаменѣ кандидата Каст. Лебедева, противъ котораго сильно возсталъ И. И. Давыдовъ; правду сказать, что и я его хуже нашелъ въ Л. языкѣ, нежели какъ ожидалъ.

27. Утромъ рано ходилъ я къ Красн. вор. покупать сѣна и соломы. У меня были старый ст. унив. Бахтеяровъ и Н. Полевой, который читалъ мнѣ отрывки изъ Исторіи своей. Послѣ обѣдни въ Златоуст. м. я былъ у архимандрита Даніила и П. И. Арсеньева. Безъ обѣда, былъ у А. П. Святославскаго и имѣлъ совѣщаніе касательно цензуры съ посвященнымъ въ этотъ день архимандритомъ Филаретомъ.

Февраль. 2. Утромъ былъ у М. Поливанова и въ Дон. мон. у архим. Ѳеофана, а потомъ съ священникомъ Котельницкимъ, родственникомъ Рязанскаго архіеп. Евгенія и бывшимъ ун. студентомъ, у преосв. Аарона; на ихъ сужденіе я читалъ изображеніе нравств. свойствъ и заслугъ м. Платона. Они дѣлали свои замѣчанія, изъ коихъ иными я пользовался.

3. Переговорилъ съ Н. П.насчетъ его Исторіи, совѣтовалъ ему исторію съ Петра I представлять высшей цензурѣ, на что онъ согласился.

6. Послѣ лекціи и Совѣта, обѣдалъ у. Д. Н. Каменскаго съ бывшимъ Тобол. губ. Нагибинымъ. Ввечеру я былъ на экзаменѣ въ Набилкинской богадѣльнѣ.

7. Урокъ кн. Гагарину, съ которымъ было слово о философіи. Въ 12 часу поп. скончался профессоръ Л. А. Цвѣтаевъ. Я отнесъ

серебр. вѣнецъ на Корсун. Богоматерь въ Николодрач. ц. Подписка была, чтобы къ 1 Марта представить объ ученыхъ пособіяхъ соотвѣтственно современному состоянію наукъ съ означеніемъ приблизительно цѣны.

8. Лекція и Ценз. Комитетъ, а у меня пріятельскій обѣдъ, на коемъ были преосв. Исидоръ, о архимандритъ Донской Ѳеофанъ, П. П. Арсеньевъ съ Ѳ. Н. Глинкою, Д. Н. Каменскій, И. А. Двигубскій, Е. О. Мухинъ, кн. Н. Н. Голицынъ, Н. В. Посниковъ, М. Ѳ. Прудниковъ, тесть. Мои гости были веселы и разговорчивы, повидимому довольны.

10. Было отпѣваніе покойнаго Льва Ал. Цвѣтаева; отпѣвали преосв. Діонисій, архимандритъ Іосифъ, надгробное слово говорилъ протоіерей Василій Богдан. Профессоръ И. И. Давыдовъ просилъ меня написать некролог. свѣдѣніе о покойномъ товарищѣ для Уч. Зап., на что я охотно согласился, при сынѣ Цвѣтаева. Д. Н. Голохвастовъ дивился, что мало было профессоровъ. Послѣ отпѣванія, когда тѣло понесли на Дорогомиловское кладбище, заѣхалъ ко мнѣ Д. П. Горихвостовъ. Поздравивъ съ ангеломъ Порф. Матв. Окулова, я обѣдалъ у П. П. Арсеньева съ преосв. Исидоромъ, архимандритами Даніиломъ и Ѳеофаномъ, который до обѣда читалъ свою проповѣдь о *страшномъ судѣ*. Послѣ обѣда я говорилъ съ Ѳ. Глинкою о книгѣ Іова и о Русскихъ лѣтописяхъ.

15. Къ С. А. Маслову я завезъ корр. листы Земл. Ж. и *введеніе* въ *Русскія посл.*, написанное по его просьбѣ; у него засталъ С. П. Фонъ-Визина; на блинахъ былъ у М. Ѳ. Прудникова, гдѣ былъ и о. архим. Ѳеофанъ и его воспитанникъ студентъ М. А., который сказывалъ мнѣ, что профессоръ Голубинскій задавалъ въ классѣ написать разсужденіе на мою книгу.

18. Первый день в. поста начали молитвою; поутру я былъ въ унив. т., у Семена, у И. И. Давыдова, у П. М. Попова; потомъ у вечерни на Тр. подв., гдѣ читалъ канонъ митрополитъ.

20. Утромъ я прочелъ съ ст. Класовскимъ его переводъ Мельманова разс. объ *Овидіев. превр.* и свою корректуру статьи *о Лат. стилѣ* къ Уч. Зап. Пересмотрѣвъ и переправивъ некрологію профессора Цвѣтаева, отослалъ ее въ унив. типогр. Вечеромъ окончилъ ст. *о келарѣ Палицынѣ*, которую я 21 отослалъ къ Н. Ф. Павлову. Написалъ я письма къ профессору Рыбушкину къ Казань и А. В. Кондратьеву въ С. П. По утру былъ у насъ И. Н. Царскій, которому я предложилъ пожертвовать 5 т. р. на церковь Св. Николая въ Моск. сир. домѣ, на что повидимому онъ и согласился, сказавъ, что кн. Д. В. Голицынъ хочетъ представить его къ награжденію медалью, а онъ

желалъ бы лучше крестъ. По дѣлу ценз. заѣзжалъ ко мнѣ И. Ѳ. Краузе, отправляющійся въ С. П.

22. Поутру окончилъ статью *о городѣ Римѣ*, какъ введеніе въ Рим. древн. Былъ въ Цензурномъ Комитетѣ; дорога и погода тяжелыя. Я представилъ на разсужденіе мнѣніе свое о *Бельвильской Дѣвственницѣ* Поль-де-кока, ч. I и 3 части *Амиранте Кастильскаго*, находя первую очень необлагопристойною, а другую сомнительною по описанію заклинанія надъ королемъ и мятежа въ Мадритѣ. Члены и предсѣдатель согласились со мною, признавъ первую подлежащею запрещенію, а другую поправкѣ.

24. Въ Архангельскомъ соборѣ у ключаря спрашивалъ о томъ, былъ ли м. Платонъ въ Іюлѣ 1812 г. въ Москвѣ? Онъ обѣщалъ навѣдаться. Митроп. келейникъ Алексѣй, служившій при Платонѣ съ полгода, сказывалъ, что онъ точно былъ въ Москвѣ, останавливался въ Чудовѣ, прикладывался тамъ къ мощамъ Св. Алексѣя, а въ Успенск. соборѣ къ мощамъ святителей Моск., но не помнитъ, прежде или послѣ государева прибытія въ столицу; вѣроятнѣе прежде, что̀ подтвердилъ и священникъ соборный Илья Андреев.: тогда собрались толпы народа, сквозь кои едва могъ пройти митрополитъ.

25. Утро дома; былъ для урока кн. Гагаринъ и за книгою *Исторія Чингисъ-хана* д. с. с. Горловъ. Съ женою я обѣдалъ у М. В. Бобарыкиной, день рожденія сына ея; тамъ видѣлся съ кн. Н. Н. Голицынымъ, который сказывалъ, что министръ обратилъ вниманіе на пожертвованіе Я. Е. Арсеньева, котораго я извѣстилъ объ этомъ.

27. Лекція въ Университетѣ и Совѣтъ, въ который Надеждинъ подалъ просьбу въ отставку и тѣмъ исполнилъ мое предсказаніе, что онъ *ненадеженъ* для М. У.

Мартъ. 1. Ввечеру, когда сбирались мы къ П. Н. Царскому на имянины къ его женѣ, съ женою моей сдѣлалось дурно, и она выкинула. Въ это время былъ у насъ Я. Е. Арсеньевъ, коего карету посылали за бабкою.

3. У обѣдни я былъ въ Арханг. соборѣ, гдѣ съ ст. Полуденскимъ осматривалъ подземныя галлереи; въ Благовѣщ. соборѣ я служилъ молебенъ Спасителю; поздравилъ А. П. Дурасову съ днемъ ея рожденія, былъ у Ѳ. Н. Глинки и П. П. Арсеньева.

5. До лекціи былъ у Шевырева, которому отдалъ замѣчанія на его лекціи о Евр. поэзіи и его книгу о праздникахъ Итал.; поздравилъ его съ новорожденнымъ сыномъ Борисомъ. Послѣ лекціи, по просьбѣ И. И. Давыдова, для написанія рецензіи о Русск. пословицахъ, вручилъ ему: 1) рукопись Русск. посл., 2) собраніе Русск. по-

словицъ, изд. Новикова, 3) Богдановичево сочиненіе, ч. 3, 4) Княжевичево собраніе Русск. посл.

6. Заѣхалъ въ Моск. Сирот. Домъ, гдѣ замѣтилъ Бѣлоцвѣтова въ грубости, оттуда на лекцію и въ Совѣтъ, гдѣ Страхову возвратилъ прочтенную мною статью его *о свадьбахъ Русск.* Вечеромъ были П. Е. Арсеньевъ и Н. Стрекаловъ. Черезъ Уч. Комитетъ послана мною въ редакцію Д. М. П.*), для помѣщенія въ журналѣ онаго, моя лекція *о древнемъ Римѣ*, при письмѣ къ Януар. Мих. Невѣрову.

7. Урокъ кн. Гагарину. Былъ у меня Ѳ. Н. Глинка за справкой, сколько долженъ Ист. Обществу его тесть Кутузовъ: 5500 р. Послѣ обѣда я заѣзжалъ къ преосв. Исидору, но онъ не принималъ; отъ него я проѣхалъ къ И. И. Давыдову, у котораго нашелъ Твер. родныхъ его; съ нимъ перечиталъ *конспектъ* для экзамена изъ Латин. класса, имъ одобренный.

9. Былъ у Д. П. Голохвастова для совѣщанія о статьѣ *Жизнь м. П.*, въ коей сомнѣвался Каченовскій, и для переговора о дѣлахъ своихъ, въ коихъ принялъ участіе. Послѣ лекціи я былъ на экзаменѣ учителя Левенштейна, найденнаго мною хорошимъ. Послѣ обѣда дома навѣщалъ Моск. Сирот. Домъ, оттуда ко всенощной на Тр. подворье.

10. Послѣ ранней обѣдни у Спаса на Срѣтенкѣ, отдалъ граверу Аѳанасьеву выгравировать для Воскресенскаго архимандрита Апп. рескриптъ Имп. Николая I о сооруженіи въ Воскр. мон. престола во имя Св. Александра Невскаго. Чай пилъ у тестя, праздновавшаго полученіе грамоты на почетное гражданство. Смотрѣлъ продававшіяся вещи послѣ Демидова, но ничего не купилъ себѣ.

17. Заутреню слушалъ въ церкви Св. Николая въ Драчахъ, начало ранней обѣдни въ Рожеств. мон., откуда прошелъ я въ Алексѣевскій мон. помолиться. Поздравивъ ректь. Болд. съ ангеломъ, поспѣлъ къ ранней обѣднѣ къ Св. Николѣ Явленному, гдѣ слышалъ проповѣдь о *клеветѣ*.

18. Я написалъ письмо въ Дерптъ къ профессору Бунге въ отвѣтъ ему и въ Рязань къ преосв. Евгенію о свидѣтельствѣ сыну его.

30. Былъ я въ Кремлѣ въ соборахъ, оттуда въ Университетѣ на чтеніи студентовъ нашего факультета. Изъ моего класса читалъ хорошо Знаменскій de jure publico apud Romanos.

31. У обѣдни я былъ на Тр. подв. съ женою; оттуда прошелъ къ Каченовскому, съ которымъ поговорилъ о своихъ дѣлахъ; онъ подписалъ мой листъ Ж. м. П., а я его Греч. Хрестоматію. Я обѣдалъ у П. П. Арсеньева, гдѣ видѣлся съ Д. Н. Каменскимъ и Ѳ. Н. Глинкою.

---

*) Департамента Министерства Просвѣщенія. П. Б.

Вечеръ провели у И. М. Ираклiонова, который говорилъ со мною о духовной Я. Е. А., наканунѣ присылавшаго мнѣ для свѣдѣнiя реестръ своихъ людей, отпускаемыхъ на волю. Я велѣлъ сказать ему, что нынѣ по старому обычаю отпускаютъ на волю птичекъ.

Апрѣль. 2. Я былъ въ типографiи, у Сиринова, съ которымъ прочелъ 3 листа Л. гр., потомъ у Д. Н. Каменскаго, который послѣ вечерни ко мнѣ заѣзжалъ за справкою о гр. Заводовскомъ въ 1795 г.

4. Обѣщалъ мнѣ доставить сынъ Шумилина Библiю съ замѣтками Русск. и Лат. м. Платона.

5. Послалъ письма къ м. Евгенiю и отвѣтъ въ Спб. къ Невѣрову и къ архим. Аполлосу съ рисункомъ рескрипта И. Н. о рожденiи в. к. А. Н. Я былъ въ Усп. соборѣ на омовенiи св. мощей, которое совершалъ преосв. Исидоръ: получилъ стклянку св. воды и часть губки, коею окропились св. мощи.

9. Отъ секретаря конс. Счаснева я получилъ портфель съ дѣлами м. Платона, а отъ профессора Клоссiуса изъ Дерпта письмо. Вечеръ посидѣлъ у меня Н. В. Постниковъ, который разсказывалъ о преосв. Ряз. Евгенiи, что на приглашенiе Нечаева прiѣхать въ Донковъ къ нему, онъ отвѣчалъ: не могу, мой путь направо, а вашъ налѣво.

15. Утромъ урокъ кн. Гагарину; я подписалъ прочтенную мною I часть *Колумба*, соч. Полевого, былъ въ Сиротскомъ Домѣ. По приглашенiю Д. П. Голохвастова былъ у кн. С. М. Голицына, который объявилъ мнѣ предписанiе г. министра объ отъѣздѣ немедленномъ въ Спб. и обошелся ласково при кн. Н. Н. Голицынѣ; я ему обѣщалъ доставить Жизнь м. Пл. по возвращенiи моемъ въ Москву. Онъ обѣщалъ написать обо мнѣ письмо къ министру, къ коему посылаетъ Алекс. ленту со звѣздою.

16. Отвезъ рукопись къ Александру Марк. Полторацкому, у коего и обѣдалъ. Нашелъ его опытнымъ старцемъ съ дарованiями.

17. Былъ у Д. М. Львова, который поручилъ мнѣ кланяться отъ него министру Н. П. Въ Университетѣ взялъ себѣ билетъ и денегъ 340 р. на проѣздъ. Д. М. Перевощиковъ сказывалъ мнѣ, что министръ почитаетъ Моск. Университетъ нацiональнымъ и къ нему благорасположенъ, цензурою недоволенъ за ея строгость и снисхожденiе. Страховъ со мною видѣлся и совѣтовалъ быть осторожнымъ въ объясненiи объ товарищахъ. Изъ Восп. Дома я взялъ по тремъ билетамъ sex millia, ex quibus quinque millia 500 rub. dedi A. Pavlov, qui maximas mihi egit gratias.

18. Простясь съ матушкою и женою и отслуживъ молебенъ Христу Спасителю у Сп. вор. и Владимирской Богоматери, я отправился въ дилижансѣ; меня проводили Д. Н. Б. Кам. и Царскiй.

19. Изъ Городни пріѣхали въ Тверь на другой день.

21. Въ Новгородѣ, гдѣ осматривалъ я Кремль, соборъ Соф. и келіи Св. Іоанна Новгор. На станціи въ Померани я встрѣтился и поговорилъ съ А. А. Перовскимъ, прежнимъ товарищемъ.

22. Утромъ рано пріѣхали въ Спб., гдѣ по дѣламъ службы пробылъ я до 30 Апрѣля, а Мая 4 пріѣхалъ въ Москву.

Май. 4. Возвратясь въ нѣдра своего семейства, я отдохнулъ отъ дороги, но не могъ успокоиться отъ душевнаго волненія.

5. Послѣ ранней обѣдни въ своемъ приходѣ, я навѣстилъ А. П. Святославскаго больного; былъ у Д. П. Голохвастова, которому передалъ слова министра и свои дѣйствія въ Спб.; онъ изъявилъ мнѣ свое участіе и удовольствіе.

7. Поутру я былъ у Д. М. Львова, потомъ въ Охотномъ ряду за покупками для стола, въ В. Д., у А. Павлова, который предлагалъ мнѣ проценты за 14 д., но я не взялъ; сказывалъ, какъ доволенъ былъ Государь его распоряженіями при осмотрѣ воспитанниковъ.

9. Утро у меня посидѣлъ и поговорилъ Н. А. Полевой. Съ женою я поѣхалъ къ Х. Ф. Оппелю на имянины, у самаго его дома изломалась карета. Услышавъ съ верхняго этажа многіе голоса, меня зовущіе, я узналъ, что туда пріѣхали Б. Каменскіе, а у нихъ находился П. И. Арсеньевъ. Оставивъ жену у Оппеля обѣдать, я поѣхалъ поздравить П. Бобарыкина съ ангеломъ; но не засталъ его, обѣдалъ у П. А. Двигубскаго, отъ котораго я проѣхалъ за женою къ Оппелю.

10. Послѣ лекціи своей въ Моск. Унив. я отправился во дворецъ на Александр. дачу къ дядѣ, у котораго обѣдалъ съ Пименовскимъ священн. Александромъ Ильич.; его подвезъ до Самотеки, дорогой бесѣдуя о разныхъ предметахъ учености.

12. Поутру съ Т. Сириновымъ я читалъ корректуру Лат. грамматики, съ Кистеромъ поговорилъ о своихъ дѣлахъ; ходилъ проститься съ А. П. Святосл., cui crux. ab arch. Ap. exhibui.

13. Утромъ я подписалъ прочтенныя мною корректуры, далъ урокъ кн. Гагарину. Заѣзжалъ къ намъ протопресвитеръ Усп. соб. Яковъ Дмитріевичъ. Мой Миша съ калачами ходилъ къ митрополиту Филарету, который благословилъ его образомъ Св. Митрофана и далъ ему наставленіе: молиться Богу, слушаться бабушки, батюшки и матушки и желалъ расти ему великимъ и быть счастливымъ и велѣлъ ему кланяться намъ. Осмотрѣвъ Сиротскій Домъ, я обѣдалъ дома и послѣ обѣда съ женою былъ у И. Н. Царскаго. По возвращеніи домой, нашелъ Александра Арс., пріѣхавшаго изъ Тр. Лавры съ поклономъ и спискомъ надписи съ пелены отъ архим. Антонія. Схимница

Евпраксія читала мнѣ и женѣ первый псал. и сказала про меня: «Онъ всегда при Богѣ живетъ, любимъ многими и самимъ Государемъ»; а Марѳа затвор.: «Господне благословеніе отъ него неотступно». Аминь.

14. Преосв. Филаретъ выѣхалъ въ Спб. во 2 часу пополуд. Заказалъ себѣ вицмундиръ у Занфтлебена; послѣ лекціи въ М. У. былъ на дежурствѣ въ цензурѣ, въ городѣ и взялъ въ конторѣ дилиж. посылку съ книгами отъ графа *).

17. Лекція и засѣданіе Ценз. Комитета.

18. Я написалъ письма къ графу въ Спб. и къ А. Зиновьеву въ Ярославль. Въ Университетѣ были въ нашемъ факультетѣ чтенія; изъ моего предмета читалъ Н. Лавдовскій de Horatii carminibus.

19. Утромъ посидѣлъ у меня Г. И. Мягковъ, съ которымъ я читалъ его рѣчь о живописи и ваяніи и свою ст. о военной силѣ у Римлянъ. Былъ у меня П. Страховъ, которому я далъ Fabricii bibliotheca antiq. и Mangeldorfii Lexicon для диссертаціи его; потомъ Н. Полевой съ женою.

23. Семикъ. Я былъ у заутрени у Св. Іоанна Воина на Божедомкѣ, гдѣ служилъ молебенъ Смоленской Богоматерѣ и панихиду о убогихъ собратіяхъ, тамо лежащихъ; съ священникомъ осматривалъ церковь, похожую на соборъ, и погостъ. По преданію, церковь сія построена какимъ-то богатымъ купцомъ, у котораго въ горячкѣ зарѣзалась жена; придѣлъ же Іоанна Воина потому сооруженъ, что сей святой велѣлъ себя похоронить на убогомъ дому, какъ видно изъ житія его. *Старые убогіе домы* въ отношеніи ли къ мѣсту названы, или къ другимъ божедомкамъ? Отъ сего мѣста они перенесены были далѣе къ Марьиной рощѣ и къ камеръ-колл. валу, гдѣ и существовали до самаго мору. Я совѣтовалъ, собравъ кости убогихъ, похоронить ихъ при церкви въ особомъ мѣстѣ, на коемъ поставить памятникъ.

24. Лекція и Ценз. Комитетъ, въ коемъ Д. П. Голохвастовъ объявилъ, что кн. С. М. Голицынъ получилъ увольненіе отъ уп. Унив. На просительное его письмо Государь отвѣчалъ изъ Твери. Съ Ширяевымъ я рѣшился, уступивъ ему *Русск. Посл.* свои pro mille rub., при Смирдинѣ. Съ разрѣшенія Комитета Цензур. Каченовскій пропустилъ послѣдній листъ 2 ч. *Жизни м. П.*, который я и отдалъ въ Сем. типографію. Я былъ у Н. Полеваго, который при Самойловѣ читалъ мнѣ описаніе Московской выставки, порученное ему Государемъ.

25. Послѣ лекціи своей я былъ у духовника своего, просилъ И. И. Давыдова, Перевощикова, Декампа объ А. П. Извольской, которая держала экзаменъ.

*) Т. е. графа С. Г. Строгонова? П. Б.

26. Троицынъ день. У обѣдни я былъ на Троицк. подворьѣ, заходилъ въ приходскую церковь и къ Троицѣ на Листахъ, гдѣ видѣлся съ тестемъ и тещею. Дома обѣдалъ съ семьею своею. Вечеръ провели со мною Я. Е. Арсеньевъ, Ю. Н. Бартеневъ и кн. В. Друцкой.

27. Поутру бѣлъ Гастевъ съ книгою барона Мейндорфа: La Russie, la Pologne et la Finlande. Съ женою я ѣздилъ въ Измаилово, гдѣ у Рождества служилъ молебенъ Богоматери Іерусалимской и Казанской, потомъ панихиду, у дѣвицъ Антоновыхъ обѣдалъ, отдохнулъ, погулялъ, у священника Ивана Постникова встрѣтился съ протоіереемъ Осипомъ Мих. Погода была прекрасная, воздухъ наполненъ ароматами, свѣжо и тихо.

29. Лекція и Совѣтъ, въ коемъ прочтенъ рескриптъ Государя объ увольненіи кн. С. М. Голицына отъ должности попечителя М. У. Обѣдъ у Ширяева съ Смирдинымъ.

30. Былъ я въ Сир. Домѣ, гдѣ получено мною жалованье, на которое куплены двѣ головы сахару и два фунта кофе, да мыла на 28. И. Ѳ. Краузе, у котораго остановился М. Магницкій, я отдалъ Глинкины стишки для напечатанія. Вечеру были Я. Е. Арсеньевъ и И. М. Иракліоновъ для редакціи духовнаго завѣщанія, которое я далъ волю имъ дѣлать, не входя ни во что. Это былъ день рожденія Петра I. Мой почтенный Арсен., сдѣлавъ добро, отъ чистаго сердца веселился.

31. Лекція и Ценз. Комитетъ. По дорогѣ домой я подвезъ священника С. Іоанна Воина, которому далъ 10 р. ас. для годового поминовенія съ 1 Іюня за здравіе и за упокой; у него родился сынъ. Съ отъѣзжавшимъ въ Спб. Александромъ Арсеньев. я послалъ *Жизнь м. Платона*, нов. изд.: 1) къ К. С. Сербиновичу съ письмомъ и статьею *о Рим. др.*, 2) къ Д. И. Языкову, 3) кн. Шихматову, 4) къ Невѣрову съ письмомъ и съ экзем. для Красовскаго и Краевскаго, 5) къ А. П. Святославскому съ письмомъ; 6) къ С. Строеву съ письмомъ; еще письма къ Анастасевичу и Флоренцову.

Іюнь. Я получилъ просфору отъ священника С. Іоанна Воина, а отъ И. М. Иракл. духовную А. Е. Арс. для подписанія ему, которую онъ и подписалъ при писцѣ; ее утвердилъ также духовникъ его Ник. Алекс. и подполк. Вельтманъ. Потомъ я вечеромъ передалъ ее И. М. Иракліонову. По совѣту Д. П. Голохвастова, я присутствовалъ, какъ депутатъ, на экзаменѣ въ Дворянскомъ Институтѣ, гдѣ были преосв. Ааронъ, экзаменовавшій изъ Закона Божія, и Діонисій, архимандриты Симон. Мельхиседекъ и Іосифъ, протопресвитеръ Яковъ Дмитріевичъ и пр. Со мною былъ Ѳ. Морошкинъ. Экзаменъ изъ Зак. Бож. хотя и неровенъ былъ, но вообще хорошъ. Преосв. А. дѣлалъ довольно во-

просовъ и возраженій; кончился закуской. Изъ Копенгагена я получилъ черезъ Спб. Академію Наукъ дипломъ на званіе члена королевскаго Копенг. общества.

2. Утромъ былъ у ранней обѣдни, коей не засталъ, потомъ у поздней на Тр. подвор., побесѣдовалъ съ о. Анастасіемъ. Обѣдали дома съ П. С. и женою Снѣгиревыми; купилъ женѣ черную шаль съ каймами цвѣтными, 100 р. ас. Съ Царскими ѣздили въ Останкино, гдѣ довольно пріятно провели время; въ саду я любовался многовѣковымъ дубомъ, 5 аршинъ въ окружности.

5. Поутру я послалъ къ кн. Н. Н. Голицыну два экз. *Жизни м. Платона*, одинъ для него, другой для кн. С. М. Голицына, который изъявилъ желаніе имѣть сію книгу при моемъ отъѣздѣ въ Спб.; еще 1 экз. Д. М. Львову, который прислалъ мнѣ два билета на выставку.

8. При письмѣ къ профессору Клоссіусу я ему отправилъ свою Латин. рѣчь касательно исторіи М. Унив. Съ Я. Е. Арсеньевымъ я и жена ѣздили на Бутырки осматривать отстроенное имъ училище и паркъ, откуда для избѣжанія грозы заѣхали къ И. Н. Царскому.

9. Съ тестемъ ѣздилъ подъ Симоново на погребеніе Селивановскаго; съ М. И. Титовымъ, который звалъ меня къ себѣ обѣдать, П. Ѳ. Степановымъ и Воскресенскимъ поклонились праху Пересвѣта и Ослаби. Разнаго народа было множество. Я навѣстилъ П. П. Бекетова, который принялъ меня радушно. Тамъ встрѣтился я съ П. Строевымъ.

10. Отъ архимандрита Воскр. Аполлоса я получилъ письмо и долгъ. Я дочиталъ и подписалъ *Вольфову Исторію Словесности*, перев. Н. Лавдовскаго съ отмѣтками цензурными и литературными. Заплатилъ я остальныя деньги изъ 150 р. ас. За уроки кн. Г. 100 р. ас., Семену за напечатаніе 2 части *Ж. м. П.* Все утро проведено мною на экзаменѣ VI класса въ Двор. Институтѣ вмѣстѣ съ Морошкинымъ.

11. На экзаменѣ въ Двор. Институтѣ, гдѣ я познакомился съ графомъ Андреемъ Иван. Гудовичемъ, ученикомъ покойнаго батюшки моего; учителю Межевичу я подарилъ экз. *Жизни м. Платона*, нов. изд.

12. Репетиція въ классѣ и Совѣтъ, гдѣ сперва я, а потомъ ректоръ предложили избрать кн. С. М. Голицына въ почетные члены, написать его портретъ и поставить оный въ залѣ собраній.

13. За мѣдную доску, на коей вырѣзанъ рескриптъ в. к. Николая Павл. для арх. Аполлоса, я заплатилъ Аѳанасьеву 28, 50 к. Утро на экзаменѣ въ Дворян. Институтѣ, гдѣ былъ и Голохвастовъ. Графъ А. И. Гудовичъ сообщилъ мнѣ замѣчаніе, что *посолъ* разнится и тѣмъ отъ *посланника*, что имѣетъ у себя въ пріемной залѣ тронъ, кресла, обращенные къ стѣнѣ и портретъ своего государя, чего лишенъ по-

сланникъ. Chargé d'affaire и chargé des affaires также тѣмъ разнятся, что первый постоянно занимаетъ должность министра при дворахъ, а послѣднiй временно исправляетъ сiю должность. Экзаменъ былъ изъ Русскаго уголовнаго права и Римскаго, изъ политич. исторiи, дипломатiи и статистики отъ Iовскаго, Каченовскаго и Гастева. Я заѣзжалъ по просьбѣ къ А. А. Писареву, который просилъ меня разсмотрѣть объяснительный его словарь къ Своду Зак.

15. Заѣхавъ въ Успенскiй соборъ приложиться къ мощамъ Св. Iоны, я провелъ все утро на экзаменѣ въ Двор. Пансiонѣ, гдѣ кончили назначенiе классовъ 8-ми воспитанникамъ прежняго пансiона.

16. У ранней обѣдни я былъ въ своемъ приходѣ, гдѣ служилъ панихиду по батюшкѣ пок. Посидѣлъ у Д. Яворскаго, Ефима Моисеевича, отъ него прошелъ на кладбище, гдѣ также служили панихиду.

17. Изъ Спб. прiѣхалъ Александръ Арсеньевъ съ письмомъ Анастасевича и съ гостинцами. Побывавъ и посмотрѣвъ въ Сир. Домѣ, я послѣ урока кн. Гагарину и домашняго обѣда ѣздилъ въ церковь Св. Великом. Георгiя въ Ендовѣ, гдѣ отецъ мой принесъ вѣсть бабушкѣ моей о моемъ рожденiи у заутрени. Дьячку я оставилъ деньги для молебна. По внѣшности церковь древняя, а внутри все новое; потому что она въ 1812 г. вся сгорѣла. Въ Ендовѣ слыветъ отъ канавъ, издревле тамъ бывшихъ, по преданiю. Съ 5-ти часовъ до 11 полн. продолжался въ присутствiи Голохвастова и Каченовскаго экзаменъ двухъ студ. отъ Ивашковскаго и отъ меня по книгамъ Голохв. Переводили Телемака съ Фр. на Греч. и Латин.

18. Я ѣздилъ съ женою къ Боголюбской служить молебенъ и на выставку, гдѣ много блестящаго. Матушка моя отправилась пѣшкомъ въ Тр. Лавру.

19. Поутру я былъ въ Моск. Сир. Домѣ, оттуда въ Совѣтъ Универс. Вечеромъ посидѣлъ у меня Я. Е. Арсеньемъ, показавшiй мнѣ свою рядную, въ коей означено 20 т. р.

20. Утромъ урокъ кн. Гагарину; заплачено поземел. 26 р. на съѣзжемъ дворѣ и получена квитанцiя. По дѣламъ клас. были Говорецкiй и Полуденскiй, съ которымъ я послалъ къ Топорову пакетъ съ бумагами цензур.

21. Утромъ былъ экзаменъ отъ Погодина и отъ меня; отвѣчала большая часть хорошо въ присутствiи декана Каченовскаго, профессора Бунге, инспектора и субинспектора Өаворскаго; подъ конецъ пришелъ Д. П. Голохвастовъ.

22. Я написалъ письма въ отвѣтъ о. архим. Аполлосу и И. И. Тычинкину, послалъ 2 ч. Ж. м. П. новаго изд. къ митрополиту Евгенiю въ Кiевъ. Урокъ кн. Гагарину; потомъ я былъ у Я. Е. Арсень-

ева, отвезъ ему хлѣбъ отъ схимницы, не засталъ дома М. В. Бобарыкиной и сына ея, отъѣзжающаго въ Англію, на Трехъ Горахъ въ обсерваторіи у Перевощикова и Зернова. Послѣ обѣда я былъ въ Сир. Домѣ для распоряженія экзаменовъ, потомъ зашелъ къ Н. Полевому въ день его рожденія и нашелъ у него брата его Кс. У всенощной съ женою на Тр. Подв.

24. Отнесъ къ священнику Св. Іоанна Воина свое годовое поминанье о здравіи и за упокой, къ Д. М. Львову отвезъ списки ученикамъ пригот. класса и рапортъ, а къ Ю. Бартеневу экз. новаго изд. Ж. м. П. Между прочимъ, онъ сказалъ, что ему навѣрное извѣстны уваженіе и любовь студентовъ ко мнѣ, которые находятъ лекціи мои занимательными.

25. Изъ Краснаго села привезли къ намъ на домъ образъ Тихвинской Богоматери и служили молебенъ съ водосвященіемъ.

26. У ранней обѣдни я былъ у Спаса во Спасской, потомъ на Греческомъ экзаменѣ Ивашковскаго, у котораго съ Голохвастовымъ произошло было преніе по случаю выбора книгъ для перевода; онъ принесъ свои книги, изъ коихъ выбралъ статьи. Послѣ обѣда я на часъ заѣзжалъ въ Комм. Училище на экзаменъ по приглашенію директора, которому я подарилъ экземпляръ своей Ж. м. П. Тамъ видѣлся съ преосв. Исидоромъ, Діонисіемъ и Аарономъ и архим. Ѳеофаномъ. Оттуда я проѣхалъ въ факультетъ, гдѣ былъ экзаменъ кандидатовъ; по моему представленію, къ нимъ причисленъ Ѳ. Бѣляевъ, написавшій разсужденіе на Греческ. Нынѣшній выпускъ отличный. Тутъ же при Голохвастовѣ экзаменъ к. Гагарину, и продолжалось все до полночи.

27. Экзамены поутру и послѣ обѣда въ Моск. Сир. Домѣ, послѣ коихъ я былъ, по приглашенію И. И. Давыдова, на экзаменѣ въ Александр. Институтѣ, гдѣ познакомился съ кн. С. И. Гагаринымъ и видѣлся съ Шеншинымъ.

29. У обѣдни на Троицкомъ подворьѣ, гдѣ я, въ день рожденія Миши, самъ пріобщалъ его св. Тайнъ. Получилъ съ почты присланные изъ Спб. за статью свою въ Ж. Д. М. И. 50 р. асс. при бумагѣ. Вечеръ посидѣлъ съ нами Я. Е. Арсеньевъ, подарившій Мишѣ червонецъ Маріи Терезіи.

30. Утромъ я былъ у А. А. Краевскаго, въ пансіонѣ Фонъ-деръ-Паленъ *) и у обѣдни у XII Апостоловъ; заѣзжали съ поздравленіемъ къ Х. Оппелю, который сговорилъ дочь свою за Доброклонскаго; обѣдали у А. П. Павлова, съ которымъ я перечитывалъ Латин. дисс. Вечеромъ былъ у насъ преосв. Ааронъ, которому я показывалъ свои

*) Г-жа Фонъ-деръ-Паленъ—мать Андрея Александровича Краевскаго. П. Б.

драгоцѣнныя бумаги и подарилъ экз. *Жизни м. Пл.* Подаренный мнѣ Красноглазовымъ драгоц. цвѣтокъ я отослалъ А. И. Арсеньевой.

Іюль. 1. Вечеромъ были у меня профессоры Васильевъ и Страховъ; одинъ со мною читалъ свой *отчетъ* по М. У., а другой Латин. рѣчь. Что̀ я успѣлъ замѣтить, то сообщилъ имъ, повидимому, къ ихъ пользѣ и удовольствію.

3. Поутру рано былъ у меня отъ М. Павлова его пансіонеръ Коптевъ съ просьбою давать приготовительные уроки восьми пансіонерамъ, но я учтиво отказался. Былъ у меня канд. Бѣляевъ съ благодарностію за мое объ немъ ходатайство. Съ Андреемъ Александр. Краевскимъ я осматривалъ рѣдкости библіотеки у И. Н. Царскаго.

4. Поутру былъ у меня графъ А. Л. Санти, а потомъ урокъ сыну Царскаго.

10. Обѣдня въ Унив. церкви и проповѣдь; послѣ обѣда, съ сыномъ Царскаго я ѣздилъ на актъ, гдѣ вмѣсто профессора Н. Семенова, коему сдѣлалось дурно при началѣ чтенія рѣчи своей, я прочелъ рѣчь его и отчетъ, повидимому, къ удовольствію многихъ.

11. Съ А. А. Краевскимъ я ѣздилъ осматривать Измайлово, гдѣ съ священникомъ и Матвѣемъ Ѳ. обозрѣвали мѣстоположеніе, стеклянный прудъ, на коемъ былъ стеклянный заводъ, соборъ, дворецъ, зало Сената въ башнѣ. Разсказывали, что Импер. Анна Иван. велѣла повѣсить одного придворнаго за то, что подали ей дурные блины; что въ Преображенскомъ казнили невинныхъ, которыхъ погребли у Тихвинской въ Красномъ селѣ; что когда въ Измайловѣ родился Петръ I, тогда туда пріѣзжали три архіерея служить молебенъ благодарный. Таковы преданія Измайл.

12. У ранней обѣдни я былъ съ Мишею имен. въ Троицкой, гдѣ служили панихиду по батюшкѣ и молебенъ ангелу; потомъ я ѣздилъ въ Ценз. Комитетъ, гдѣ цензоръ Лазаревъ подалъ просьбу въ отставку.

13. Въ Совѣтѣ Ун., гдѣ проректоромъ выбранъ И. И. Давыдовъ, которому я отдалъ свою статью *о Псалтырѣ и Еванг.*; онъ предлагалъ мнѣ занять Лат. или Русск. классъ въ Алекс. Институтѣ.

14. У обѣдни у Стараго Вознесенія, гдѣ видѣлся съ М. В. Боб. и зашелъ по приглашенію настоятеля Іосифа Мих., который показывалъ мнѣ драгоцѣнные вѣнцы въ церкви*), мѣста домовъ Потемкина и Суворова, дворца царицы Наталіи Кириловны, гдѣ нынѣ съѣзжая. Онъ же разсказывалъ мнѣ, что главною причиною погибели князя Меншикова былъ сынъ Алексѣя Долгорукова кн. Иванъ, который въ

*) Это вѣнцы Екатерины и Потемкина, хранящіеся въ алтарѣ лѣваго придѣла. П. Б.

указѣ на содержаніе Меншикова положилъ 3 р. въ день, но отецъ упросилъ опредѣлить 30 р. и сія же самая сумма была опредѣлена Долгорукимъ при ссылкѣ ихъ въ Сибирь; двѣ дѣвицы сестры были насильно пострижены въ монахини въ одинъ изъ Иркут. мон., но послѣ при Екатеринѣ II вышли замужъ по разрѣшенію Св. Сѵнода.

15. Цѣлый день дома; утромъ давалъ урокъ сыну Царскаго, который моему Мишѣ привезъ чашечку хруст., какъ прошедшему имениннику. Третій день дома безъ обѣда и безпокойст. Боже утѣшителю, даруй покой мнѣ и дому моему! Вечеру былъ А. П. П., съ которымъ я прочелъ свой разборъ Латин. синонимовъ.

16. Написалъ и послалъ я письмо къ И. И. Давыдову въ отвѣтъ на его предложеніе мѣста въ Алекс. Инст. Студенту Окатову отдалъ для переписки свою статью о Латин. синонимахъ и для просмотрѣнія Bucchau de or. Moscoviae. Послѣ обѣда заѣзжалъ ко мнѣ кн. Ѳ. Голицынъ съ своею книгою, перев. изъ Гейнрота.

17. Утро провелъ съ преосв. Аарономъ въ бесѣдѣ о разныхъ предметахъ; отъ него я зашелъ къ П. В. Хавскому поздравить его со звѣздою.

18. Съ Царскими, женою и сыномъ, я отправился съ женою и сыномъ въ Троицкую Лавру; въ Хотьковѣ м. я видѣлся съ м. схимницею Епраксіею, которая пророчила мнѣ чины, раскрыла псал.: *да воскреснетъ Богъ и да расточатся врази Его,* потомъ: *Вси языцы восплещите руками;* при чемъ сказала: «Господь утѣшитъ тебя еще сыномъ». Видѣлъ и слышалъ Марѳу Герас., которая благословила меня и малютку сквозь окошко. Въ Лаврѣ ночевали въ томъ домѣ на Красной горѣ, гдѣ при насъ окончился свадебный пиръ.

Августъ. 1. Въ Кремлѣ, изъ Арханг. собора смотрѣли кр. ходъ. Протопопу А. Терехову я далъ для справокъ: 1) описаніе Русск. святыхъ, въ 4 и 2) Путеводитель по Моск. древн. ч. I. Обѣдъ у И. Н. Царскаго.

2. Послѣ Ценз. Комитета я обѣдалъ у Мусиной-Пушкиной по приглашенію ея сына, котораго я экзаменовалъ предварительно. При Я. Е. Арсеньевѣ и Краевскомъ былъ у меня преосв. Исидоръ.

3. Весь день дома за своими дѣлами, писалъ *Латин. конспектъ лекцій,* переправлялъ *Русск. Праздники.*

4. Послѣ ранней обѣдни я ѣздилъ съ Краевскимъ въ Архангельскій соборъ, гдѣ смотрѣли ризницу—Мстиславово рук. Евангеліе, драгоцѣнную рукопись XII в., на окладѣ вставлены по филигранному полю дробницы золотыя съ финифт. образами Визант. штиля; оно съ юсами по мѣстамъ, съ буквою ѥ, въ послѣсловіи упомянутъ дважды

царъ. Тамъ же видѣли Псалтырь въ листъ, данную на поминовеніе в. к. Ивана Васил. и Ѳеодора Иван. Дмитріемъ Годуновымъ; превосходно написано съ рисунками. Старѣйшая гробница въ этомъ соборѣ в. к. Іоанна Даниловича Калиты; смотрѣли мѣсто, гдѣ погребенъ былъ Б. Годуновъ близъ царя Іоанна Васил.

5. Утромъ были у меня изъ Одессы Мурзакевичъ, занимающійся Русскими древностями и Греческою нумизматикою, и Т. П. Смирновъ, потомъ М. Н. Загоскинъ съ просьбою объ экзаменѣ дѣтей его; наконецъ П. Іогель. Съ А. Царскимъ я ѣздилъ къ И. И. Давыдову, который обѣщалъ завтра быть къ П. М. вмѣстѣ со мною; я ему далъ для разсмотрѣнія конспектъ свой Лат. лекцій. Онъ показывалъ мнѣ письмо А. Болдырева изъ Спб., въ коемъ пишетъ, что Государь подписалъ уставъ М. Унив. 26 Іюля, слѣдов. въ день ангела матушки моей. Всенощную я слушалъ у Спаса на Бору, гдѣ видѣлся съ Толстыми.

6. Съ И. И. Давыдовымъ я обѣдалъ у И. Н. Царскаго, у котораго съ П. М. Поповымъ, Зерновымъ и Герингомъ экзаменовали сына его и провели время довольно пріятно въ разсматриваніи его библіотеки и въ саду.

7. Урокъ сыну Цар. и Совѣтъ; былъ въ Почтамтѣ для полученія 85 р. отъ Самойлова за книги изъ Спб. Вечеромъ были у меня Я. Е. Арсеньевъ, А. А. Писаревъ и А. Ѳ. Вельтманъ съ родственникомъ, заѣзжалъ Іогель; съ первыми тремя провелъ я время до полуночи въ разговорахъ о разныхъ предметахъ.

9. А. Ширяеву отдалъ изъ присланныхъ отъ Самойлова 85 р. асс. Дорóгой потерялъ двѣ книжки, взятыя у него для прочтенія. На прощаньи съ А. А. Краевскимъ отдалъ ему письмо къ Анастасевичу и посылку къ Святославскому; съ нимъ же послѣ обѣда былъ у Царскаго. Съ этого дня я началъ пить декоктъ по совѣту К. Лебедева.

10. Куплено сѣна 3 воза 78 п. по 62 к.=48 р. 36 к. Написавъ и отдавъ на почту письмо въ Кіéвъ къ м. Евгенію, я былъ въ сирот. заведеніи, отослалъ свой конспектъ. Вечеромъ были у меня Пятницкій и Вейдель съ Вельтманомъ для предварительнаго испытанія въ Латин. языкѣ.

11. Утромъ были Никол. Никифор. Мурзакевичъ, Загоскина дѣти, графъ Толстой мол. и П. Іогель, который возилъ съ собою Мишу къ дѣду.

16. Въ Цензурн. Комитетѣ подалъ объясненіе на просьбу А. Глазунова. По возвращеніи своемъ домой, нашелъ у себя А. Муравьева, пріѣхавшаго мириться и сказать мнѣ, что онъ нашелъ архим. Воскр. мон. Аполлоса умнымъ, дѣльнымъ и пріятнымъ, что имъ весьма дово-

ленъ и обѣщалъ замолвить доброе слово въ Св. С.; замѣтилъ, что у Ап. въ мон. есть пакостники ему, коихъ надобно остерегаться.

21. Утромъ были у меня архимандритъ Аполлосъ и полковникъ Сергѣй Олсуфьевъ изъ Пензы. Послѣ совѣта, во время коего услышали о прибытіи графа С. Строгонова, я обѣдалъ у С. П. Жихарева.

22. Я былъ съ поздравленіемъ у Д. П. Голохвастова, Д. М. Львова и И. И. Д.; потомъ у обѣдни въ Усп. соборѣ, гдѣ служилъ преосв. Исидоръ, а проповѣдь говорилъ о. архим. Аполлосъ. Послѣ обѣдни съ преосв. Исид. и Апол. я заѣхалъ къ протопресвит. Якову Дмитріевичу нездоровому, зять его Василій Иван. сказалъ мнѣ лѣкарство отъ простуды: пить разболтанное въ ромашковомъ отварѣ толокно.

23. Утромъ былъ у меня сынъ Абазы, котораго я экзаменовалъ по просьбѣ И. И. Давыдова. Послано мною письмо въ Спб. къ А. А. Краевскому. Въ Университетѣ мы представлялись всѣмъ корпусомъ въ большой залѣ графу С. Г. Строгонову, новому попечителю, который говорилъ слѣд: «Я давно смотрѣлъ на М. У. съ благоговѣніемъ и уважалъ его членовъ, которые принесли большую пользу своими трудами. Приближаясь къ нему, главными мыслями моими были благо и польза; для сего я избралъ особенно это мѣсто, на коемъ безъ вашего содѣйствія шагу я не сдѣлаю. Чего я не могу досказать вамъ по непривычкѣ говорить въ новомъ кругу, то вы легко поймете. Я самъ отецъ семейства, какъ и вы». Голохвастовъ представлялъ ему каждаго по факультетамъ; когда указалъ на меня, графъ сказалъ: *это мнѣ знакомый*. Послѣ того, онъ, раскланявшись, примолвилъ, что онъ готовъ принимать каждаго утромъ отъ 8 час. до 11 час.

29. Я былъ у ранней обѣдни у Св. Сергія въ Пушкаряхъ. Взявъ у Ширяева принадлежащій мнѣ экз. *Муравьева путешествія въ Іерусалимъ*, 3 изд., я навѣстилъ въ Донскомъ мон. преосв. Аарона, котораго нашелъ въ огородѣ съ заступомъ и въ самое время, какъ я подошелъ къ нему, увидѣли близъ насъ черную змѣю на дорожкѣ и тотчасъ ее убили заступомъ. Это мы приняли знаменіемъ того, что Богъ открылъ тайнаго врага и далъ силу истребить его. Раздѣливъ съ нимъ постную трапезу, я читалъ ему начало *Русскихъ Праздниковъ*, которое онъ одобрилъ. На дорогѣ отъ него я встрѣтился съ С. Глинкою, которому въ тотъ день я написалъ въ Смол. письмо, и послалъ въ Спб. письмо поздравительное съ ангеломъ къ кн. А. Н. Голицыну.

30. Весь день дома за своими дѣлами, кои прерывали генералъ-м. Владиміръ Иван. Пестель, С. П. Жихаревъ съ сыномъ, котораго я экзаменовалъ при отцѣ; послѣ обѣда были А. Царскій, Герингъ и генер.-лейтенантъ Ѳ. П. Талызинъ съ родственникомъ.

31. Утромъ и вечеромъ экзаменъ 82 чел.; на утреннемъ экз. присутствовалъ графъ С. Г. Строгоновъ, а на послѣобѣд. ректоръ при деканѣ Васильевѣ.

Сентябрь. 1. Съ И. П. Сахаровымъ, прочелъ начало о *Русск. Праздник.;* онъ обѣщалъ содѣйствіе. Былъ Н. В. Лазаревъ съ просьбою о М. Петровѣ, экзам. въ студенты. Послѣ обѣда я чувствовалъ непріятность въ душѣ; остатокъ дня провелъ въ трудахъ.

17. Послѣ обѣда экзаменъ въ студенты сына гр. С. Г. Строгонова, который показалъ себя отлично образованнымъ.

18. Съ Богомъ нáчалъ свои лекціи въ М. У., потомъ заѣхалъ къ княжнѣ Черкасской, которая дала 25 р. на строеніе церкви въ Моск. Сир. Домѣ; послѣ обѣда по приглашенію былъ я у княгини Урусовой, просившей меня учить ея дѣтей по лат. Я нашелъ ея мать Настас. Хитрову почтенною дамою; она казала мнѣ свои образа, между коими есть много древнихъ и рѣдкихъ. Отъ нихъ я проѣхалъ къ И. И. Давыдову, съ которымъ прочелъ 1 л. Латин. синт. и поговорилъ о своихъ дѣлахъ.

19. Нáчалъ я уроки свои съ кн. Урусовыми.

20. Лекція въ М. У. и Ценз. Комитетъ, изъ коего я заѣхалъ къ К. А. Куманину, подписавшемуся 100 р. на церковь въ Сир. Домѣ; отъ него я къ Алексѣю Семен. Медынцову, котораго не заставъ дома, познакомился съ его женою Елисаветою Петровною.

21. Съ смотрителемъ Дома Сир. и надзирателемъ и двумя воспитанниками, послѣ ранней обѣдни я ѣздилъ поздравить съ ангеломъ Д. М. Львова, которому отдалъ свое заемное письмо Демидова въ 500 руб. и собранныхъ мною 180 р. на строеніе церкви въ Сир. Домѣ. Одинъ изъ воспит. прочелъ стихи. Повидимому имянинникъ былъ доволенъ. Послѣ лекціи въ М. У. я ѣздилъ дать урокъ кн. Урусовымъ, и на обѣдъ къ Д. Н. Каменскому, а послѣ обѣда въ факульт. собраніе, гдѣ разсуждали о введеніи новаго устава и производимъ былъ экзаменъ сыну Курбатова.

22. Съ женою и Мишею я былъ у княгини Черкасской и обѣдалъ у М. В. Бобарыкиной, съ которою въ полночь ѣздили на обсерваторію смотрѣть комету и снаряды астроном., объясненные намъ Зерновымъ. Тамъ былъ и кн. Д. В. Голицынъ. Мы смотрѣли Юпитера съ 4 его спутниками—Плеяды, Кастора, Капеллу.

Октябрь. 1. У ранней обѣдни я былъ у Николы въ Толмачахъ, гдѣ жили Польскіе переводчики во время обладанія Москвы Поляками. Познакомившись съ старостою Алексѣемъ Семен. Медынцевымъ, былъ

у него въ домѣ и предлагалъ ему пожертвовать на строеніе церкви въ Сирот. Домѣ; обѣщался. Отъ него прошелъ къ Всескорбящей, гдѣ служилъ молебенъ.

13. По приглашенію И. И. Д. я былъ въ Александр. Инст. и сказалъ ему, что до рѣшенія своей судьбы по М. У. я не могу обѣщаться навѣрное, взять на себя Лат. классъ. Оттуда я прошелъ въ Кремль, гдѣ былъ крестный ходъ по случаю избавленія Москвы отъ враговъ 1812 г. Зашелъ къ М. Я. Толстому, обѣдалъ на новосельѣ у П. С. Снѣгирева съ матушкою и женою.

14. Поутру былъ а. Аполлосъ, которому я далъ для прочтенія проповѣди м. Е. 4 т. и отдалъ по препорученію Полевого Исторію для чтенія, 1 и 2 ч.

16. Лекція и совѣтъ, гдѣ профессоръ Ивашковскій подалъ просьбу объ увольненіи его отъ чтенія лекцій.

19. Ширяеву отдалъ для отсылки къ И. И. Лажечникову VI т. *Записокъ Туманскаго* на прочтеніе. Послѣ лекціи своей я заѣхалъ къ Д. И. Каменскому, который при мнѣ вызвался написать письмо къ С. С. Ув. касательно моей службы. Изъ Одессы я получилъ письмо отъ профессора Архангельскаго о кончинѣ друга моего профессора Курляндцева, 3 Окт. Сіе извѣстіе я долженъ былъ сообщить матери его и сестрамъ. Послѣ урока кн. Урусовымъ и послѣ обѣда дома я былъ въ Моск. Сир. Домѣ, гдѣ сдѣлалъ переводъ изъ класса въ классъ и потомъ ко всенощной къ А. и Н.

20. Утромъ были у меня А. Царскій и Н. Зассъ. Я былъ на освященіи придѣла у Св. Адріана и Наталіи, Св. Николая. Вмѣстѣ съ преосв. Исидоромъ я зашелъ къ священнику на чай, потомъ къ старостѣ Волчанинову на обѣдъ, послѣ коего съ нимъ же къ себѣ домой на чай, по приглашенію Миши, который, подошедши къ благословенію, сказалъ преосвященному: пожалуйте къ намъ! Весь день почти снѣгъ. Ввечеру узнали о кончинѣ нашего благодѣтеля врача Оппеля.

Ноябрь. 10. Лошадь у насъ пала.

11. День кончины м. Платона.

13. Въ Совѣтѣ Универс. съ Божія и архипаст. благословенія я подалъ просьбу объ увольненіи отъ лекцій.

26. Съ моими письмами поѣхалъ Александръ Ѳедор. въ Спб.

Декабрь. 9. Ангелъ жены моей, съ которою я былъ у ранней обѣдни въ Варсонофьевскомъ мон., гдѣ пріобщали Мишу и служили молебенъ; обѣдали у насъ тесть съ тещею; ввечеру были Я. Е. Арсеньевъ, П. И. Кузминскій, А. А. Верецковскій и И. М. Ираклıоновъ.

11. Возвратился изъ Спб. Александръ Өедор. съ письмами отъ Анастасевича и Невѣрова, съ 2 карт. табаку, 3 бут. рома, съ книгами отъ Грефе, которому онъ заплатилъ за меня 127 р. 35 к. по радушію Я. Е. Арс.

13. Окончивъ статью *о Благовѣщенскомъ соборѣ* по просьбѣ Краевскаго для Плюшара, послалъ ее къ нему при письмѣ черезъ А. Извольскаго.

14. Утромъ въ Александров. Институтѣ, послѣ обѣда въ Моск. Сиротскомъ домѣ. Я завезъ къ П. Ө. Калайдовичу заготовленное мною для кн. Д. В. Голиц. письмо отъ его имени къ Я. Е. Арс. съ благодарностью за пожертвованіе въ Моск. Сир. Д.

15. Отъ П. Н. Царскаго привезено 5½ саж. дровъ. Куплено сѣна два воза 33 р. Утромъ я побывалъ у А. А. Перовскаго, у А. М. Метлова; обѣдалъ у имянинника П. И. Арсеньева съ преосв. Исидоромъ, архимандритами Өеофаномъ, Даніиломъ и Іосифомъ. 13, 14, 15 и 16 морозы до 30 град. На улицахъ мерзли люди.

17. Сильный морозъ около 30 град. Я свезъ къ С. П. Шевыреву Нибби и Лудена съ отчетомъ лекцій съ 1834 по 35 г. Говорили съ нимъ о зодчествѣ Моск. соборовъ, въ коихъ Византійское смѣшано съ Итальянскимъ: они строены Итальян. зодчими въ XV в., когда вся Италія строилась и наполнена была великими художниками. Надобно узнать образцы Кремлевскихъ зданій въ Италіи, особенно въ Миланѣ и Болоньи, жизнь самихъ художниковъ, описанную ихъ соотечественниками и Русскими. Вѣроятно, впрочемъ, что зодчіе иностр. должны были сообразоваться съ духомъ Греко-росс. церкви, которая чуждалась Римско-катол.

18. Былъ у генерала Танберга, который сказывалъ мнѣ о планѣ Русскаго Словаря употребительнаго языка, и ввечеру онъ меня посѣтилъ при Я. Е. Арсеньевѣ. Осмотрѣвъ классы Сиротскаго Дома, заѣхалъ я къ полковнику на Сухаревой башнѣ Николаю Павл. Наумову, который обѣщалъ доставить мнѣ снимокъ съ надписи на воротахъ, показывалъ найденный имъ живоп. образъ на желѣзѣ Распятія съ предстоящими Св. Маріею и Іоанномъ; сказывалъ, что имъ открыто подъ поломъ одного магазина обширное подземелье.

19. Послѣ обѣда я былъ у Н. Полевого, который обѣщалъ доставить мнѣ Русскія пѣсни для Русскихъ Праздниковъ моихъ; у генерала А. Полторацкаго, который прочелъ мнѣ свои нравоописательныя статьи и звалъ меня къ себѣ, потомъ въ Александров. Институтъ, гдѣ получено мною жалованье, и наконецъ у П. Ө. Калайдовича, который сказывалъ мнѣ, что князь Д. В. Г. оставилъ у себя мое черновое письмо къ Я. Е. Арс. и благосклонно принялъ оное. Тамъ я

слышалъ отъ Классена, что во время морозовъ въ Москвѣ привезено въ Медико-хир. Академію до 300 труповъ, по большей части замерзшихъ. У П. Ѳ. К. было собраніе садоваго общества, гдѣ я видѣлся и съ А. С. Ширяевымъ. Ихъ совѣщанія кончились закускою. Ночь была вьюжная.

20. Въ Ценз. Комитетъ представлялъ я на разсмотрѣніе рукоп. Вельтмана: *Александръ Филипп. Македонскій*; въ духѣ ея сомнѣвались, находя смѣшеніе священнаго съ языческимъ и слѣды кощунства. Изъ Универс. я получилъ 490 р., Декабр. жалованье удержано до рѣшенія.

21. Съ И. П. Сахаровымъ я побесѣдовалъ о Русскихъ древностяхъ въ Москвѣ, о смѣшеніи разныхъ стилей иконописи, Греческомъ, Новгородскомъ, Кіевскомъ, Суздальскомъ въ иконахъ Успен. собора. Онъ почитаетъ Сухареву башню, окруженную чудесными сказаніями, мѣстомъ собранія Масон. Общества, какое учреждено Петромъ I по пріѣздѣ изъ Англіи, гдѣ онъ посвященъ былъ въ члены. Свѣдѣнія можно почерпать изъ фамильныхъ архивовъ Шереметева и другихъ. Есть записки Брюса. Всѣ почти мятежи въ Россіи производили раскольники; переводы еретическихъ книгъ распространяются въ народѣ неизвѣстными лицами. Я убѣждалъ И. П. скорѣе издать его Русскую демонологію. Отъ него я проѣхалъ въ Усп. соборъ приложиться и помолиться Св. мощамъ Петра м., въ этотъ день празднуемаго. Взявъ изъ Ценз. Комитета желованье свое 650 р., заѣхалъ къ И. И. Давыдову, у котораго встрѣтилъ я родственника его изъ Твери, сказавшаго, что Русскіе крестьяне надѣются имѣть *бѣлую землю* безданно и безпошлинно; по большей части, хитрецы и лукавцы. И. И. Д. предлагалъ мнѣ искать мѣста приличнаго, окружнаго инспектора училищъ, и вызывался предложить объ этомъ Голохвастову. Да будетъ воля Божія! Самъ набиваться не хочу. Отъ него завезъ я билетъ на Шевырева книгу къ его удовольствію.

22. Часа два провелъ съ П. А. Мухановымъ, который показывалъ мнѣ свое изданіе *грамотъ Русскихъ*, объясняющихъ Польскую и Литовскую исторію въ связи съ Русскою; я ему казалъ начало своихъ Русскихъ Праздниковъ, которое онъ повидимому одобрилъ и убѣждалъ скорѣе издать въ свѣтъ съ картинками, предлагая мнѣ путешествовать по Россіи для означенія разныхъ нарѣчій на картѣ и вызываясь достать мнѣ деньги на это предпріятіе. Подумаю, отвѣчалъ я. Отъ него я проѣхалъ поздравить съ ангеломъ княгиню Настасью Урусову, а молодыхъ князей Сергія и Дмитрія съ окончаніемъ ихъ экзамена, благополучнымъ.

23. У Ширяева я взялъ свои книги, заказалъ у Отто фракъ съ пантал. и жилеткою 220 р. и далъ задатку 50 р. асс. Купилъ картузъ за 14 р. Утромъ былъ у меня П. С. Полуденскій съ сыномъ.

24. Написалъ письма къ митрополиту Евгенію и И. Я. Мальцову, а къ М. Я. Діеву отправилъ по почтѣ записки Жолкевскаго въ подарокъ, также письмо къ преосв. Рязанскому Евгенію. Въ Казенной Палатѣ взялъ матушкину пенсію 165 р.

25. При встрѣчѣ съ Д. А. Счасневымъ у П. И. Арсеньева я просилъ его доставить *вѣдомость* о состояніи Московск. церквей послѣ 1812 года; обѣщалъ, замѣтивъ, что съ возобновленіемъ церквей началась болѣе строиться Москва.

26. У заутрени я былъ у Св. Николы Дербенскаго, у ранней обѣдни у Троицы на Листахъ, гдѣ взялъ для разсмотрѣнія записную книгу церковную у дьякона. Утромъ у меня были съ визитами И. Тычинкинъ изъ Галича, кн. Гагаринъ, князья Урусовы, А. Полуденскій, А. А. Кантемировъ, С. П. Шевыревъ, А. Царскій, Д. П. Голохвастовъ, который звалъ меня къ себѣ обѣдать.

27. Дѣлалъ выписку изъ церковной книги Троицы на Листахъ. Заѣхалъ утромъ къ С. П. Шевыреву поздравить его съ праздникомъ и ангеломъ. Онъ мнѣ казалъ велик. описаніе Ватикана и его библіотеки; тамъ есть произведенія и Византійскаго стиля, иконы и утвари церковныя, весьма похожія на церковныя наши, особливо сосуды и кресты; замѣчательно соединеніе символовъ языческихъ и христіан. въ надгробіяхъ и лампадахъ. Между памятниками древняго искусства замѣтилъ я аллег. изображенія Нила въ видѣ старца лежащаго, на коемъ сидятъ дѣти, имъ питаемые народы; Дана, похожаго на Русскаго мужика, Діанъ и т. д. Отъ него я проѣхалъ къ Т. П. Сиринову, которому отдалъ предпослѣдній корр. листъ своей Л. г. для прочтенія, отъ него къ С. А. Маслову на имянины, гдѣ и обѣдалъ съ Н. Полевымъ, Н. Муравьевымъ, Андросовымъ и пр. Отъ Полевого слышалъ, что въ Бѣлоруссіи хлѣбъ черный наз. *Борисъ*, а бѣлый *Глѣбъ*, по свидѣт. Ходаковскаго.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ПЕТРА ПЕТРОВИЧА ФОНЪ ГЁЦЕ.

Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ и его время.

Fürst Alexander Nikolaiewitch Galitzin und seine Zeit. Aus den Erlebnissen des Geheimraths Peter von Goecze. Leipzig, 1882. 8-ка, IX и 429 стр.

Подъ этимъ заглавіемъ, уже двадцать лѣтъ тому назадъ, вышла книга, достойная полнаго перевода на Русскій языкъ. Она подобна книгѣ Е. П. Ковалевскаго: „Графъ Блудовъ и его время", съ тою разницею, что Ковалевскій не кончилъ труда своего, остановившись на той именно порѣ, когда дѣятельность графа Блудова получила значеніе государственное, и писалъ по немногимъ, находившимся у него въ распоряженіи, бумагамъ и скуднымъ тогда печатнымъ сочиненіямъ о времени Александра Павловича, тогда какъ разсказъ П. П. фонъ-Гёце вполнѣ законченъ, и онъ окружилъ жизнеописаніе князя А. Н. Голицына своими личными воспоминаніями и наблюденіями, такъ что книга его вполнѣ можетъ быть названа его Записками.

Петръ Оттонъ фонъ Гёце (у насъ его звали Петромъ Петровичемъ) родился въ Эстляндской губерніи, 17 Октября 1793 (слѣд. сверстникъ князя П. А. Вяземскаго) и скончался въ Петербургѣ 20 Декабря 1880 года, тайнымъ совѣтникомъ. Въ замкѣ Фаллѣ подъ Ревелемъ есть комната, окно которой изъ разноцвѣтныхъ стеколъ съ гербами Ревельскихъ почетныхъ гражданъ, въ томъ числѣ Оомовъ и фонъ Гёце (Götze) Отъ нихъ ли происходилъ нашъ Петръ Петровичъ (фамильное имя котораго пишется не Götze, а Goecze), намъ неизвѣстно. Можетъ быть, предки П. П. фонъ Гёце были онѣмеченные Эстонцы, а мать Эстонка. Онъ воспитывался въ Дерптскомъ университетѣ, въ товариществѣ съ фельдмаршаломъ Ѳ. Ѳ. Бергомъ (на котораго однако вовсе не походилъ правомъ), а въ 1817 г. поступилъ на службу въ Департаментъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій. Въ молодости писалъ онъ и печаталъ стихи на Нѣмецкомъ языкѣ и перевелъ въ 1814 г. гимнъ Державина на изгнаніе Французовъ изъ Россіи. Въ 1829 году Россійская Академія назначила его своимъ почетнымъ членомъ, и въ 1840 онъ получилъ отъ нея золотую медаль, что̀ объясняется его сближеніемъ съ предсѣдателемъ этой Академіи А. С. Шишковымъ, котораго Разсужденіе о Россійскомъ языкѣ переведено имъ и издано по-нѣмецки. Напечаталъ онъ въ Штутгардѣ свой переводъ Русскихъ народныхъ пѣсень, а въ 1827 г. въ Дерптѣ переводъ пѣсень Сербскихъ и та-

кимъ образомъ познакомилъ съ ними Гёте, который, какъ извѣстно, воздалъ этимъ пѣснямъ должную похвалу. По-сербски учился онъ у знаменитаго Вука Степановича Караджича, который, можетъ быть, благодаря ему получилъ Русскую пенсію. Іезуиты перевезли къ себѣ въ Полоцкъ изъ Риги многія историческія бумаги, касающіяся Балтійскаго края. По изгнаніи Іезуитовъ изъ Полоцка эти бумаги поступили въ архивъ Министерства Внутреннихъ дѣлъ; на старости лѣтъ Гёце занимался ими и печаталъ нѣкоторыя изъ нихъ въ Запискахъ Рижскаго Общества Исторіи и Древностей (бумаги сгорѣли въ знаменитый пожаръ 1863 года). Такимъ образомъ, передъ нами человѣкъ съ образованіемъ широкимъ.

Записки П. П. фонъ-Гёце отличаются правдивостью и безпристрастіемъ, какъ читатели замѣтятъ по нижеслѣдующимъ выдержкамъ изъ нихъ. П. Б.

*

Предокъ князя Александра Николаевича Голицына былъ дядькою Петра Великаго, а отецъ, князь Николай Сергѣевичъ, отставной гвардейскій капитанъ, произвелъ его отъ своего третьяго брака съ дѣвицею Хитровой. Она впослѣдствіи вышла замужъ за вдовца гвардейскаго капитана Кологривова и отъ него имѣла дочь, Елисавету Михайловну, которая, будучи дѣвицею, проживала у своего единоутробнаго брата въ Петербургѣ и закрыла ему глаза въ Крыму.

Съ областью видѣній и предсказаній князь Александръ Николаевичъ могъ познакомиться съ ранняго дѣтства, по разсказамъ своей матери. Гёце передаетъ, что когда она жила въ Москвѣ еще дѣвушкою, нѣкто князь Чегодаевъ навѣщавшій ея родителей, составилъ для нея такъ называемый гороскопъ, т. е. черты ея будущности. По его выкладкамъ выходило, что она скоро выдетъ за вдовца, переживетъ его, вторично выйдетъ за вдовца, а сынъ ея отъ перваго брака займетъ важное положеніе въ государствѣ. Этотъ князь Чегодаевъ показывалъ собесѣдникамъ и свой собственной гороскопъ, предвѣщавшій ему ссылку въ Сибирь и возвращеніе оттуда: то и другое состоялось.

Когда князь Голицынъ, записанный съ колыбели въ сержанты Преображенскаго полка, подросъ, мать отправила его въ Петербургъ, подъ покровительство знаменитой Марьи Савишны Перекусихиной. Та полюбила бойкаго и вкрадчиваго мальчика и показала его Государынѣ, которой онъ тоже понравился. Его помѣстили на царскій счетъ въ Пажескій корпусъ, гдѣ тогда преподавался не только Французскій, но и Новогреческій языкъ, на случай занятія Царьграда. Если бы оно состоялось по замысламъ князя Потемкина (издавшаго въ свѣтъ путевыя записки пѣшехода Барскаго, дабы Русскіе люди могли

ближе познакомиться съ Турецкою имперіею), то Новогреческій языкъ пригодился бы пажамъ Русскаго двора. У Гёце объ этомъ не сказано; то тутъ, можетъ быть, находится объясненіе дѣятельному сочувствію князя Голицына къ Грекамъ, которое онъ заявилъ впослѣдствіи, когда сдѣлался вельможею, вопреки намѣреніямъ Александра Павловича, внимавшаго внушеніямъ не только Меттерниха, но и Пестеля: они нашептывали ему, что Греки, какъ и Карбонаріи, суть бунтовщики противъ законной власти.

Отрокъ-князь выдѣлялся изъ среды своихъ товарищей смѣтливостью, отличною памятью и разсудительностью. Проводя въ Зимнемъ дворцѣ воскресные и праздничные дни у Перекусихиной, онъ допущенъ былъ къ участію въ играхъ съ обоими внуками Государыни. Тутъ узналъ и полюбилъ его Александръ Павловичъ. Въ старости князь Голицынъ охотно разсказывалъ о той порѣ своей жизни. Память Екатерины была ему дорога̀, какъ и большинству его сверстниковъ. Не задолго до своей кончины, заказалъ онъ академику Уткину прекрасную гравюру съ ея прекраснаго портрета, работы Боровиковскаго. Государыня, уже въ лѣтахъ преклонныхъ гуляетъ въ Царскосельскомъ саду. Она въ утреннемъ платьѣ, съ палкою въ рукѣ, съ привѣтливостью во взорахъ. Двѣ любимыя собачки бѣгутъ передъ нею. Этотъ портретъ могъ внушить Пушкину извѣстную сцену въ «Капитанской дочкѣ». Прогулка начиналась въ 7 ч. утра. Однажды, разсказывалъ князь Голицынъ, она и сопровождавшая ее М. С. Перекусихина устали отъ ходьбы и присѣли отдохнуть на садовую скамейку. Идетъ охотникъ, довольно нагло посматриваетъ на нихъ и безъ поклона проходитъ мимо. Хочется намылить ему за это голову, сказала Государыня.—И, матушка, да онъ васъ не призналъ. — Все равно: догадаться-то онъ могъ, какого мы общества, и долженъ былъ поклониться. Впрочемъ, прибавила она съ улыбкою, обѣ мы состарѣлись; а будь мы помоложе, онъ конечно снялъ бы передъ нами шапку.

Императоръ Іосифъ II, будучи въ Царскомъ Селѣ, выразилъ Екатеринѣ свое удивленіе тому, что почти вовсе не видать стражи, которая бы ее охраняла. Меня сторожитъ вся Россія: это понадежнѣе, сказала ему Екатерина.

Въ плаванье по Днѣпру, однажды ночью, благодаря небрежности сторожевого офицера, царское судно столкнулось съ повстрѣчавшеюся рѣчною лодкою. Марья Савишна спала̀ за перегородкою въ царской каютѣ; она вскочила въ ужасѣ и стала спрашивать Государыню, не пойти ли ей узнать, что̀ за причина тому. Екатерина отказала строго,

такъ какъ строжевой офицеръ и безъ того уже самъ не свой, а если у него станутъ освѣдомляться отъ ея имени, то онъ придетъ въ отчаяніе. На другое утро этотъ офицеръ, убоявшись наказанія, которымъ грозилъ ему начальникъ флотиліи, бросился въ рѣку и въ ней погибъ. Екатерина приказала начальнику немедленно сойти на берегъ и ѣхать за границу, откуда не возващаться въ Россію безъ ея особаго позволенія.

Однажды за царскимъ обѣдомъ Суворовъ о чемъ-то все время разговаривалъ со своимъ сосѣдомъ и ничего не бралъ съ подаваемыхъ блюдъ. Государыня пожелала узнать причину. Онъ великій постникъ, отвѣчалъ вмѣсто Суворова князь Потемкинъ, и до звѣзды не станетъ ѣсть*). Тогда Екатерина мигнула стоявшему по близости камерпажу (это былъ нашъ кн. Голицынъ) и шепнула ему что-то на ухо. Пажъ вышелъ и скоро вернулся съ коробочкой въ рукѣ. Екатерина открыла ее и, подавая Суворову Андреевскую звѣзду съ бриліантами, сказала: «Надѣюсь, что теперь вы не откажетесь покушать за нашей трапезой».

Одной неимущей вдовѣ, Матренѣ Даниловнѣ, удалось получить доступъ къ двору и даже помѣщеніе во дворцѣ. Государыня иногда слушала отъ нея о томъ, что̀ дѣлается въ городѣ, а также ея злостные отзывы о нѣкоторыхъ лицахъ. Велась какая-то тяжба, дошедшая до Сената. Пронырливая старуха отважилась толковать о ней. Екатерина взглянула на нее строго и велѣла признаться, сколько ей дано за ея ходатайство. Та испугалась, упала на колѣни и призналась что ее подкупили. Разумѣется, что ее выселили и запретили пускать ко двору. Матрена Даниловна говорила потомъ: Отъ нея ничего н утаишь; она видитъ человѣка насквозь.

Придворную капеллу и императорскіе театры вѣдалъ въ то время обергофмейстеръ Елагинъ, имя котораго сохранилось за принадлежавшимъ ему островомъ на Невѣ, когда-то пустынномъ и болотистомъ, позднѣе обращенномъ въ прекрасное мѣсто для прогулокъ. Елагинъ былъ человѣкъ съ большими познаніями и съ характеромъ достойнымъ уваженія. Онъ пытался прославиться какъ писатель, но безуспѣшно. Государыня была къ нему очень милостива. Страсть къ прекрасному полу не покидала его. Уже на седьмомъ десяткѣ лѣтъ отъ роду, навѣщая одну изъ своихъ любимецъ - актрисъ, захотѣлъ онъ показать себя молодцомъ и выкидывалъ колѣнца передъ зеркаломъ,

---

*) Не ѣсть въ большіе постные дни до восхода вечерней звѣзды было и до сихъ поръ осталось въ нѣкоторыхъ семьяхъ благочестивымъ обычаемъ. Моя тетушка Надежда Петровна Бурцова не кушала до звѣзды пять разъ въ году. П. Б.

при чемъ такъ расшибъ себѣ ногу, что долго пролежалъ въ постелѣ и на всю остальную жизнь охромѣлъ. Государыня позволила ему являться ко двору съ палкою и даже сидѣть въ ея присутствіи, ни разу не намекнувъ ему, что ей извѣстна причина его хромоты. Въ 1795 года, послѣ взятія Варшавы, побѣдителю Суворову былъ устроенъ при дворѣ торжественный пріемъ. Всѣ стояли, одинъ Елагинъ не вставалъ. Екатерина замѣтила, что Суворовъ съ любопытствомъ глядитъ на него и, обратясь къ Суворову, сказала: Не дивитесь, что Иванъ Перфильевичъ принимаетъ васъ сидя; это отъ раны, которую онъ получилъ, но только не на войнѣ, а танцуя у актрисы.

Узнавъ, что молодой князь Голицынъ отлично умѣетъ прикидываться другимъ лицомъ, Государыня приказала ему прикинуться ею самою. Тщетно отказывался онъ и долженъ былъ повиноваться. Для этого одѣлся онъ въ салопъ и повелъ разговоръ между нею и старикомъ вицеканцлеромъ графомъ Остерманомъ. Императрица помирала съ хохоту. Искусстомъ передразнивать князь Голицынъ наживалъ себѣ враговъ, а потому, войдя въ лѣта, пересталъ упражняться въ немъ.

Въ 1794 г. кн. Голицынъ выпущенъ изъ Пажескаго корпуса и сталъ служить поручикомъ въ Преображенскомъ полку, но не имѣя военнаго призванія, попросился перейти въ службу статскую. Екатерина опредѣлила его камеръ-юнкеромъ ко двору только что женившагося старшаго своего внука, который на четыре года былъ его моложе, и назначила ему жалованье. Тутъ, въ тѣсномъ кругу Эрмитажа, сдѣлался онъ вполнѣ царедворцомъ и 23 лѣтъ отъ роду пожалованъ въ камергеры, т. е. по тогдашнему въ четвертый классъ служебной табели. Посреди развлеченій дворскихъ пришла къ нему вѣсть о кончинѣ его матери, и онъ получилъ отпускъ для приведенія въ порядокъ домашнихъ своихъ дѣлъ. Возвратившись въ Петербургъ, онъ уже не засталъ въ живыхъ своей благодѣтельницы. Вѣроятно отъ М. С. Перекусихиной получилъ онъ на память нѣсколько вещей, которыя были въ личномъ употребленіи Екатерины, ея трость, перчатки, опахало, ея нижнее платье. Все это доселѣ хранится въ селѣ Баловневѣ (Данковскаго уѣзда Рязанской губерніи), недавно перешедшемъ къ славному живописцу Волкову послѣ Леонида Матвѣевича Муромцова, супруга котораго Екатерина Николаевна была внучатною племянницею князя А. Н. Голицына.

При Павлѣ князь Александръ Николаевичъ уволенъ отъ двора съ запрещеніемъ оставаться въ столицѣ. Уѣзжая, лишился онъ и надежды снискать сочувствіе одной особы, въ которую былъ влюбленъ.

Фонъ-Гёце не передаетъ, за что именно Павель Петровичъ прогнѣвался на князя Голицына; но въ доказательство великодушія, которое иногда обнаруживалъ этотъ государь, онъ разсказываетъ слѣдующее.

Приглашенная на Французскій придворный театръ актриса Шевалье своимъ рѣдкимъ дарованіемъ и чарующею прелестью до того понравилась Государю, что могла испрашивать у него разнаго рода милости; но иногда случалось ей доводить до бѣды людей, которыхъ она не взлюбила. Ея вражду возбудилъ противъ себя находившійся въ Петербургѣ Французскій путешественникъ Матернъ. Она сказала Государю, что Матернъ человѣкъ опасный и яростный Якобинецъ. Его схватили, но онъ нашелъ способъ убѣжать и безъ слѣда куда-то пропалъ. Поиски тайной полиціи долго были напрасны. Наконецъ она открыла въ Москвѣ столяра, который тоже назывался Матерномъ и жилъ тамъ уже 20 лѣтъ. Его задержали и увезли въ Петербургъ. Онъ оказался ни въ чемъ не виновенъ. Тѣмъ не менѣе жена его со страху померла въ преждевременныхъ родахъ, и когда онъ возвратился въ Москву, навстрѣчу къ нему вышло семеро сиротъ. Узнавъ о томъ, Павелъ Петровичъ разстрогался до чрезвычайности. Любимому своему камердинеру Василью Степановичу Киселеву, велѣлъ онъ узнать отъ Матерна, чѣмъ бы можно было вознаградить его и когда Матернъ снова пріѣхалъ въ Петербургъ, Государь прошелъ тайною лѣстницею въ комнаты Киселева на третьемъ ярусѣ дворца и, стоя за перегородкою, слушалъ разговоръ его съ Матерномъ, а когда тотъ сказалъ, что матери семерымъ все-таки ничѣмъ не воротишь, быстро вышелъ изъ за перегородки и сказалъ Матерну (по нѣмецки): Да, мой любезнѣйшій, теперь вижу я и сожалѣю, что по моей горячности и по ошибкѣ произошла такая бѣда, которую ни одинъ монархъ, какъ бы ни былъ онъ силенъ, не можетъ поправить. Съ этими словами самодержавный Государь обнялъ плакавшаго бѣдняка и просилъ у него прощенія. Спустившись къ себѣ въ кабинетъ въ сопровожденіи Киселева, онъ подписалъ указъ въ государственное казначейство о выдачѣ Матерну 10.000 рублей, съ прибавленіемъ, что если этого мало, то выдать вдвое или вчетверо, лишь бы Матернъ былъ доволенъ. Его отвезли въ Москву на царскій счетъ, въ покойной повозкѣ, и Московскому магистрату велѣно освободить Матерна на всегда отъ уплаты казенныхъ и городскихъ податей. Этотъ разсказъ фонъ Гёце записалъ со словъ однаго вполнѣ правдиваго человѣка, который былъ другомъ В. С. Киселеву.

Вскорѣ по кончинѣ Павла Петровича, въ Петербургскомъ обществѣ ходили по рукамъ стихи:

On le connût trop peu, lui ne connût personne.
Actif, toujours pressé, bouillant, impérieux,
Aimable, séduisant, même sous la couronne,
Voulant gouverner seul, tout voir, tout faire mieux,
Il fit beaucoup d'ingrâts et mourut malheureux.

Кажется, что это сочинено графомъ Растопчинымъ.

*

Подвергшійся опалѣ князь А. Н. Голицынъ жилъ въ Москвѣ въ невольной праздности, но не безъ пользы для своего образованія. Тамъ онъ сблизился съ графомъ Д. П. Бутурлинымъ, пользовался его славною библіотекою, посѣщалъ и митрополита Платона, а съ Александромъ Павловичемъ находился въ постоянной перепискѣ. Когда тотъ, по воцареніи своемъ, спросилъ его, какую должность желалъ бы онъ занять, князь отвѣчалъ, что будетъ для него всего пріятнѣе ежедневно видѣть Государя, радоваться имъ, а когда нападетъ на него грусть, развлекать его. Государь поблагодарилъ и опредѣлилъ его состоящимъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ Сенатѣ. По случаю отъѣзда оберъ-прокурора графа Строганова, князь исправлялъ его должность и съ такимъ усердіемъ и успѣхомъ, что министръ юстиціи Державинъ полюбилъ его и ему исходатайствовалъ Владимирскій орденъ третьей степени, хотя Государь намѣренъ былъ дать ему лишь степени четвертой [1]). По образу мыслей былъ онъ тогда Волтеріанцемъ, а по жизни Эпикурейцемъ.

Въ исходѣ 1805 года, послѣ того, какъ дѣльный и честный оберъ-прокуроръ Св. Синода Яковлевъ палъ жертвою происковъ высшаго духовенства [2]), Государь, обѣдая въ Таврическомъ дворцѣ съ княземъ Голицынымъ вдвоемъ, сказалъ ему невзначай: «Послушай, Александръ Николаевичъ, у меня на тебя есть виды».—«Что̀ прикажете, ваше величество?»—«Ступай въ Синодъ оберъ-прокуроромъ». Голицынъ возразилъ, что онъ не годится туда и что Государю извѣстны и образъ его жизни, и его понятія. «Говори что̀ хочешь, но будешь оберъ-прокуроромъ». Видя невозможность отказаться, князь попросилъ, чтобы о синодальныхъ дѣлахъ ему дозволено было лично докладывать Госу-

---

[1]) Въ сочиненіяхъ Державина, изд. Грота напечатано въ VI-мъ томѣ письмо его къ П. П. Гёце, 1814 года.

[2]) См. рукопись, которая конечно никогда не появится въ печати: „Журналъ Яковлева, бывшаго въ Синодѣ оберъ-прокуроромъ съ 1-го Января по 7-е Октября 1803 г. и съ слѣдующими обстоятельствами, или исповѣдь честнаго человѣка, пострадавшаго за вѣрность къ своему Государю, начертанная единственно для собственнаго напоминанія". П. Г.

дарю. Послѣдовало согласіе, и для того князь назначенъ въ должность статсъ-секретаря.

Знакомясь съ церковными дѣлами, сталъ онъ читать Новый Завѣтъ, и чтеніе это ему полюбилось. Мало-по-малу втянулся онъ въ свою должность и уже рѣдко принималъ участіе въ общественныхъ развлеченіяхъ. Съ особеннымъ усердіемъ занялся онъ улучшеніями по части духовныхъ училищъ. Ему Россія обязана учрежденіемъ трехъ духовныхъ академій. Въ день имянинъ императрицы-матери въ 1804 г. Государь собственноручно написалъ на его имя рескриптъ и послалъ къ нему знаки Анненскаго ордена 1-го класса. Посланный съ ними фельдъегерь не засталъ князя дома, не подозрѣвавшаго, что онъ получитъ такое отличіе. За обѣдомъ на Каменномъ острову онъ сидѣлъ на обычномъ своемъ мѣстѣ насупротивъ Государя, который, будучи глуховатъ, когда чего-либо не дослышалъ изъ общаго разговора, глядѣлъ на князя и угадывалъ о чемъ идетъ рѣчь по впечатлѣнію, которое она производила на его лицѣ. Въ этотъ разъ, онъ посмотрѣлъ на него какъ-то неблагосклонно и сказалъ: «А вѣдь ко двору пріѣзжаютъ въ лентахъ». Князь молчалъ. «Такъ ты не получилъ моей посылки?» Оказалось, что князь, окончивъ свою работу, не заѣзжалъ домой и до обѣда пробылъ на дачѣ у Гурьевыхъ по близости отъ Каменнаго острова.

Въ 1808 году Государь бралъ его и Сперанскаго съ собою въ Эрфуртъ. Оба были тогда въ первый разъ въ чужихъ краяхъ. Александръ и Наполеонъ представляли другъ другу прибывшихъ съ ними лицъ. «Это синодальный?» спросилъ онъ, когда Александръ назвалъ ему князя Голицына, и началъ говорить объ учрежденіи Петромъ Великимъ должности оберъ-прокурорской и объ отмѣнѣ патріаршества въ Россіи. Творецъ Конкордата воздалъ полную справедливость геніальному Русскому государю, сознавшему необходимость такого преобразованія, котораго не могла добиться и революція со всѣми ея насиліями. Князь Голицынъ замѣтилъ Наполеону, что въ Россіи народъ сохранялъ святое убѣжденіе въ томъ, что всѣ дѣйствія Петра клонились къ общему благу и проводились твердою волею человѣка геніальнаго, въ которомъ сосредоточивалась неограниченная правительственная власть. Наполеонъ при этомъ вздохнулъ и сталъ говорить объ упрямствѣ Французскаго духовенства. Историки, добавилъ онъ, разбросали имена *великихъ* на многія лица; но по моему мнѣнію Петръ, какъ бы ни искажали его исторію, принадлежитъ къ тѣмъ, кто поистинѣ заслужилъ имя великаго. Князь Голицынъ былъ тонкимъ наблюдателемъ. Отъ него не укрылось, что посреди всякаго рода пировъ

Эрфуртскихъ Наполеонъ иной разъ бывалъ не по себѣ. Вопреки всему блеску и великолѣпію двора, которымъ онъ окружалъ себя, чувствовалось, что это празднества выскочекъ. Князь находилъ особенное удовольствіе бывать на театральныхъ драматическихъ представленіяхъ, въ которыхъ отличались Тальма̀ и лучшіе Французскіе актеры. Съ ними прибылъ въ Эрфуртъ и директоръ «Французскаго театра» старикъ Дезинкуръ, котораго Наполеонъ обыкновенно называлъ «старымъ подсвѣчникомъ». Изъ лицъ, приближенныхъ къ Наполеону, всѣхъ болѣе понравился князю Голицыну маршалъ Ланнъ, герцогъ Монтебелло. Съ солдатскою откровенностью и простотою, съ неприкрашеннымъ словомъ относился онъ къ Наполеону и когда это бывало при многихъ свидѣтеляхъ, гордый повелитель иной разъ морщился. Ланнъ не скрывалъ въ бесѣдахъ съ княземъ Голицынымъ, что безпрерывные походы были ему противны. На что мнѣ, говорилъ онъ, выслуженныя почести и богатство, когда я всю жизнь не имѣю возможности ими спокойно пользоваться! Ланнъ вмѣстѣ съ гофмаршаломъ Дюрокомъ завѣдывалъ въ Эрфуртѣ театромъ. Давали піесу, въ которой главную роль играть долженъ былъ Тальма. Указывая мѣста приглашеннымъ, Ланнъ позвалъ князя Голицына сѣсть въ креслахъ, назначенныхъ только для особъ, принадлежавшихъ къ владѣльческимъ дамамъ. Князь Голицынъ по скромности отказывался, но Ланнъ, усаживая его, сказалъ: Да вы тоже князь. Услыхавъ его имя, сосѣдъ обратился къ нему съ вопросомъ, въ родствѣ ли онъ съ княземъ Николаемъ Сергѣевичемъ Голицынымъ. Это мой отецъ, отвѣчалъ нашъ князь. Удивленіе его возросло, когда сосѣдъ этотъ началъ ему разсказывать про нѣкоторые случаи въ Голицынской семьѣ, происшедшіе еще до его рожденія. Оказалось, что это былъ принцъ Биронъ *), сынъ Карла Эрнста, который вмѣстѣ съ отцомъ своимъ, герцогомъ Іоанномъ Эрнстомъ, въ царствованіе Елисаветы Петровны жилъ въ Ярославлѣ, гдѣ семья Бироновъ встрѣчала ласковой пріемъ въ домѣ Голицыныхъ.

Въ 1810 году князь Голицынъ назначенъ, съ удержаніемъ прежнихъ должностей, директоромъ новоучрежденнаго Главнаго Управленія духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, т. е. Католическаго, Греко-уніатскаго, Армянскаго, Евангелико-лютеранскаго и Реформатскаго. Въ этомъ же учрежденіи вѣдались дѣла Іудеевъ и Магометанъ. Съ 1816 года онъ управлялъ и Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія. 1-го Января 1818 года учреждено вновь Министерство Просвѣщенія и Духовныхъ Дѣлъ. Тутъ соединены были всѣ прежнія его должности.

---

*) Братъ графини Луизы Карловны Вьельгорской. П. Б.

Новоназначенный оберъ-прокуроромъ Синода князь Мещерскій подчиненъ былъ князю Голицыну, какъ министру. Его министерство состояло изъ двухъ департаментовъ, духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія. Директоромъ втораго изъ нихъ былъ д. ст. с. Василій Михайловичъ Поповъ; а директоромъ департамента духовныхъ дѣлъ, куда вошла и прежняя канцелярія синодальнаго оберъ-прокурора, остался д. ст. с. Александръ Ивановичъ Тургеневъ. Этотъ департаментъ раздѣлялся на 4 отдѣленія: 1) Греко-Россійскаго, 2) Римско-католическаго, 3) Протестантскаго, 4) Іудейскаго и Магометанскаго. Права́ и власть Св. Синода нималѣйше не нарушались. Синодскія дѣла, подлежавшія рѣшенію или свѣдѣнію Государя, велись точно также, какъ прежде, въ канцеляріи оберъ-прокурора. До князя Голицына ни одинъ оберъ-прокуроръ не имѣлъ личнаго доклада у Государя; его отчеты и представленія посылались къ генералъ-прокурору, т. е. къ министру юстиціи, который представлялъ ихъ Государю. Какъ и прежде, при генералъ-прокурорахъ, въ случаѣ разногласія со стороны министра духовныхъ дѣлъ, отчеты и представленія оберъ-прокурора подлежали пересмотру. Какъ нуженъ былъ бы такой пересмотръ въ тѣ времена, когда синодальнымъ оберъ-прокуроромъ былъ графъ Протасовъ или Ахматовъ!

*

Князь Голицынъ былъ любезнѣйшимъ и добрѣйшимъ начальникомъ, какого можно пожелать себѣ. Это подтвердятъ конечно всѣ, имѣвшіе съ нимъ ближайшее сношеніе. Мнѣ памятны министры не безъ дарованій, но до такой степени вдававшіеся въ мелочи и несущественныя околичности, что суть дѣ́ла исчезала у нихъ изъ виду, и они не оправдали возлагаемыхъ на нихъ ожиданій. Не таковъ былъ князь Голицынъ. Въ образѣ мыслей его не было ничего мелочнаго, и никакихъ причудъ за нимъ не водилось. Онъ сносилъ противорѣчіе, къ чему не всѣ министры способны. Однажды, раздражившись сверхъ своего обыкновенія, поступилъ онъ несправедливо противъ Рижскаго генералсуперинтендента Зонтага, котораго онъ подозрѣвалъ въ преслѣдованіи лицъ, наклонныхъ къ піетизму. Будучи подчиненнымъ князю чиновникомъ, я долженъ былъ составить бумагу, какъ онъ приказалъ, но въ тоже время черезъ Тургенева представилъ ему записку съ разъясненіемъ, въ чемъ его несправедливость. На этотъ разъ не удалось мнѣ разубѣдить его, но мое противорѣчіе нисколько не повредило мнѣ, и онъ продолжалъ оказывать мнѣ попрежнему благорасположенное довѣріе. Даровитый по природѣ и пріобрѣтшій опытность въ дѣлахъ, онъ держался вѣрныхъ государственныхъ понятій, коль скоро не вводили его въ заблужденіе. Онъ умѣлъ цѣнить работу дѣльную

что̀ также дано не всѣмъ министрамъ. Онъ умѣлъ говорить прекрасно. Никогда не пользовался онъ своимъ положеніемъ для того, чтобы выдвигать своихъ родственниковъ. Съ утра до вечера занятый государственными дѣлами, онъ не брезгалъ навѣщать бѣдныхъ и раздавать щедрую милостыню.

Росту былъ онъ небольшого, лица подвижнаго и оживленнаго. Сѣрый фракъ былъ постояннымъ его одѣяніемъ, и онъ носилъ его до глубокой старости, когда никто уже не шилъ себѣ фраковъ такого цвѣта. Онъ вовсе не былъ суетенъ, ни честолюбивъ. День его всегда былъ точно распредѣленъ. Онъ вставалъ очень рано. Разъ или два въ недѣлю (въ царствованіе Александра I-го) занимался онъ дѣлами въ моемъ отдѣленіи департамента духовныхъ дѣлъ. Лѣтомъ, когда Государь жилъ на Каменномъ островѣ, а князь Голицынъ помѣщался въ павильонѣ дворца, окнами на улицу, мы съ Тургеневымъ, въ извѣстные дни, ѣздили къ нему туда съ докладомъ по вечерамъ и пили у него чай; зимою же онъ принималъ насъ около 8 час. утра, и часто выходилъ къ намъ уже напудренный, въ штиблетахъ и шелковыхъ чулкахъ, т. е. одѣтый по придворному, такъ что ему стоило сбросить съ себя шелковый халатъ и надѣть мундиръ, чтобы тотчасъ же, какъ только бумаги были готовы, ѣхать къ Государю. Работать съ нимъ было удовольствіемъ, не только по быстрому его соображенію, но и благодаря неизмѣнно любезному его нраву. Никогда не слышалъ я отъ него обиднаго слова, не видалъ на лицѣ его, чтобы онъ былъ недоволенъ мною. Случилось мнѣ вывихнуть себѣ руку, на Англійскихъ катальныхъ горахъ, и нѣсколько дней я долженъ былъ оставаться дома. Тургеневъ тоже лежалъ въ постели. Когда наступилъ день доклада, рука у меня была еще на перевязи, и въ такомъ видѣ я пріѣхалъ къ князю въ обычный ранній часъ утра. Онъ началъ любезно упрекать меня, зачѣмъ я выѣхалъ, зачѣмъ надѣлъ фракъ или по крайней мѣрѣ не явился въ сертукѣ и т. д.

Будучи холостякомъ, онъ не имѣлъ домашняго хозяйства. Въ дни воскресные и праздничные множество лицъ пріѣзжало въ его домовую церковь*) къ обѣднѣ, и послѣ нея собиралось въ пріемной залѣ, по стѣнамъ которой развѣшаны были портреты знаменитыхъ Русскихъ людей первой половины XVIII вѣка, современниковъ Петра Великаго. Другая зала, черезъ которую проходили къ нему въ рабочій кабинетъ, занята была большою библіотекою преимущественно Француз-

*) Церковь эта (съ мистическими изображеніями и лампадами въ видѣ слезъ) освѣщена была въ Августѣ 1812 года Филаретомъ (тогда еще архимандритомъ). П. Б.

скихъ и Итальянскихъ книгъ. Въ дни, когда не было ему приглашенія къ царскому столу, онъ всегда обѣдалъ у своего пріятеля, министра финансовъ графа Гурьева и принудилъ его брать за то по 4000 р. въ годъ. Иногда случалось ему обѣдать у другого пріятеля, стараго обергофмейстера слѣпого Кошелева, который былъ приверженцемъ Новикова. (Кошелевъ при Павлѣ поѣхалъ посланникомъ въ Копенгагенѣ. Въ первой своей депешѣ онъ увѣдомлялъ, что, передавъ свою вѣрительную грамоту и посѣтивъ нужныхъ лицъ, онъ ушелъ успокоиться въ свою раковинѣ (Je me suis retiré dans la coquille de mon repos). Павелъ возмутился и написалъ на депешѣ: Оставайтесь всегда въ раковинѣ и покойтесь въ ней. Я назначилъ на ваше мѣсто Лизакевича).

Князь Голицынъ былъ вѣрнымъ сыномъ своей церкви и выполнялъ всѣ ея предписанія, хотя и сознавалъ ея изъяны; но какъ министръ духовныхъ дѣлъ, онъ былъ справедливъ и благоволителенъ ко всѣмъ исповѣданіямъ, не нарушалъ ихъ правъ, не унижалъ одного передъ другимъ. Правительство Александра I-го неукоснительно держалось вѣроисповѣдной терпимости. Былъ даже такой случай, что одна дѣвушка въ Ригѣ, крещеная въ Греческой вѣрѣ, получила отъ Государя позволеніе конфирмоваться у Евангелическаго пастора. Съ консисторіями и городскими чинами Балтійскаго края князь Голицынъ велъ сношенія на Нѣмецкомъ языкѣ, и какъ онъ плохо зналъ по-нѣмецки, то для подписи бумагъ представляли ему ихъ и въ Русскомъ переводѣ.

Одолѣвъ Корсиканскаго завоевателя и находясь на высотѣ земной славы, Александръ исполненъ былъ благодарности къ Промыслу, столь явно охранявшему Россію, но въ тоже время убѣдился въ тщетѣ всякаго земного величія. Имъ овладѣла меланхолія, и возродилась въ немъ наклонность къ мистицизму. Юнгъ-Штиллингъ, Англійскіе квакеры, съ которыми онъ видался въ 1814 году въ Лондонѣ, и наконецъ госпожа Крюднеръ вполнѣ обратили его къ этому образу мыслей. Князь Голицынъ, обожавшій своего повелителя, послѣдовалъ за нимъ на такомъ пути. Піетизмъ скоро распространился въ высшихъ и среднихъ слояхъ столичнаго населенія. Юнгу-Штиллингу дано отъ Государя денежное вспомоществованіе, а сынъ его принятъ на службу, прямо въ коллежскіе асессоры, съ обходомъ низшихъ чиновъ. Зять госпожи Крюднеръ, баронъ Беркгеймъ, братъ Баденскаго министра, отказался служить въ Баденѣ и причисленъ къ министерству князя Голицына съ чиномъ статскаго совѣтника. Онъ тяжко заболѣлъ, и те-

ца его, въ началѣ 1821 года, пріѣхала по этому поводу въ Петербургъ.

«Вы также были у госпожи Крюднеръ? спросилъ меня однажды князь Голицынъ, «а мнѣ не удалось ее увидѣть, когда я недавно ѣздилъ къ ея дочери. Она точно умерла для свѣта. У нея даръ увлекательнаго краснорѣчія. Часто говоритъ она странности, но не касается до обыкновенныхъ житейскихъ предметовъ, а бесѣдуетъ только о вѣрѣ».

Черезъ нѣсколько время я опять былъ у Беркгеймовъ. На маленькой деревянной подножной скамейкѣ сидѣла г-жа Крюднеръ и безпрестанно возводила къ небу свои большіе голубые глаза. «Грѣхи и страданія, свѣтъ и судьба опредѣлили направленіе моего духа, заговорила она; мы переживаемъ великое время. Скалы вѣщаютъ, и земля разверзается. Цари падаютъ съ престоловъ своихъ, и въ исторію вступаютъ новые народы. Старое повсюду отжило, и въ литературѣ нѣтъ больше великихъ геніевъ. Молодой человѣкъ, сказала она ко мнѣ: съ вашимъ благородствомъ и душевнымъ величіемъ обратитесь вполнѣ къ Іисусу Христу. На васъ низойдетъ сладостной миръ, на самыя дѣла ваши, на всю вашу жизнь. Благо тому, кто совсѣмъ отречется отъ своего разсудка и станетъ ребенкомъ. О себѣ я скажу, что я люблю Его и познаю не столько какъ бы должна, но я стремлюсь къ тому. Часто убѣждала я людей, имѣвшихъ несчастіе родиться на престолѣ, чтобы они совершенно обратились ко Христу. Ахъ, Божіе милосердіе такъ велико, а человѣкъ такъ грѣховенъ! И реформація надѣлала зла, отмѣнивъ моленія за усопшихъ. Человѣчество ни въ чемъ такъ не нуждается, какъ во взаимной молитвѣ. О, падите ницъ передъ Господомъ, пока не одеревенѣли ваши колѣни, пока благородство не изсякло въ серцахъ вашихъ». Взявъ меня за руку, она прибавила: «Умилитесь тѣмъ, что̀ я вамъ говорила, или смѣйтесь надо мною; но слова мои идутъ отъ внутренняго убѣжденія и отъ Бога».

Черезъ нѣсколько дней потомъ я былъ у князя Голицына и на вопросъ его, что̀ думаю я о г-жѣ Крюднеръ, отвѣчалъ, что, видѣвъ ее одинъ только разъ, не могу о ней судить. Онъ спрашивалъ ее потомъ, понравился ли я ей; она отвѣчала утвердительно. Князь отрицалъ ходившіе слухи, будто ей позволено было пріѣхать въ Петербургъ подъ условіемъ, чтобы она никого къ себѣ не принимала для молитвенныхъ собраній, и сказалъ, что, напротивъ, Государь выразилъ неудовольствіе, когда узналъ, что маркизъ Паулуччи въ Ригѣ дѣлалъ ей непріятности. Да здѣсь она не имѣла бы успѣха, какъ за границей, гдѣ послушать ее приходили тысячи народа, такъ какъ по-русски она говорить не умѣла.

Нѣсколько разъ еще бесѣдовалъ я съ этой достопамятной женщиною. На молитвѣ съ нею я не бывалъ и частенько съ нею спорилъ; тѣмъ не менѣе она всякій разъ осыпала меня любезными упреками за рѣдкія посѣщенія и когда я уходилъ, она обыкновенно цѣловала меня въ лобъ. Тоже дѣлаю я, прибавляла она, съ княземъ Голицынымъ. Однажды, сидя со мною рядомъ, она восторженно говорила о своемъ призваніи и, можетъ быть, вспомнивъ, какъ бывало падали на колѣни подъ вліяніемъ ея рѣчей, внезапно воскликнула: Prosternez vous, jeune homme! (падите ницъ, молодой человѣкъ); но я не двинулся со стула. Разговоръ мало по малу перешелъ на другіе предметы, и мы, какъ всегда, распростились дружески.

Когда я познакомился съ этою внукою славнаго фельдмаршала Миниха (ур. б. Фитингофъ) и сочинительницею «Валеріи», ей было 57 лѣтъ отъ роду (род. 21 Ноября 1764 въ Ригѣ). Нѣкогда ласкаемая при дворахъ и честимая въ высшихъ кругахъ аристократіи, она презрѣла свѣтъ и смиренно предалась благочестію и благотворительности. При ней почти всегда кто нибудь находился духовнымъ совѣтникомъ и руководителемъ, сначала Женевскій богословъ Эмпайтацъ, а въ Петербургѣ Швейцарецъ Кельнеръ, послѣдователь Якова Бёма, т. е. мистико-піетистъ. Онъ не всегда умѣлъ охладить ея мечтанія, которыми и самъ увлекался. Но въ Петербургѣ, чего прежде не было, ея воззрѣнія принимали нѣсколько католическій оттѣнокъ, въ чемъ я скоро убѣдился. Однажды въ департаментъ пришелъ ко мнѣ человѣкъ, заявившій, что онъ домоправитель княжны Анны Сергѣевны Голицыной (у которой жила г-жа Крюднеръ), что имя его Гутманъ, что онъ Моисеева закона, желаетъ быть Христіаниномъ и креститься въ Аннинской церкви у пастора Рейнбота. Онъ принесъ мнѣ записку отъ князя Голицына съ приказаніемъ составить Гутману прошеніе о перемѣнѣ вѣроисповѣданія. Черезъ нѣсколько времени онъ подалъ это прошеніе, но въ немъ уже было сказано, что онъ желаетъ быть окрещенъ по Католическому обряду. Я узналъ отъ него, что его хозяйка-княгиня и г-жа Крюднеръ долго уговаривали его обратиться въ Католичество, и что онъ наконецъ согласился, «тѣмъ болѣе, прибавилъ онъ, лукаво улыбнувшись, что въ сущности для меня это все одно».

По этому можно бы подумать, что г-жа Крюднеръ, подобно Свѣчиной, княгинѣ Волконской, княгинѣ Гагариной и многимъ другимъ знатнымъ дамамъ, уловлена была Іезуитами; но это не такъ. Еще въ Лофштетенѣ въ Швейцаріи выражала она пастору Мауреру свое нерасположеніе къ Римскому католичеству, прибавляя, что она и не протестантка. Пасторъ сказалъ ей на это, что въ такомъ случаѣ отчего

бы ей не перейти къ Евангеликамъ, и она объявила ему, что вѣруетъ въ первобытную Евангелическую церковь. Но съ тѣхъ поръ, какъ она разошлась съ Эмпайтацемъ, послѣдовательности въ ея богословскихъ воззрѣніяхъ не было. Можно имѣть сильную вѣру и плохо знать богословіе.

Въ 1814 г. г-жа Крюднеръ жила въ Карсруе у Юнга-Штиллинга. Тамъ же находился государственный секретарь адмиралъ Шишковъ, явный противникъ мистицизма и Библейскаго Общества, которое и было закрыто въ 1826 году, благодаря ему. Онъ разсказываетъ въ своихъ Запискахъ, что взяло его любопытство повидать г-жу Крюднеръ, что онъ нашелъ въ ней женщину очень даровитую, но что ея мечтанія и суетное желаніе прослыть особою вдохновенною ему не понравились. Онъ отправился къ ней вторично и велъ долгую бесѣду, какъ вошла ея дочь Беркгеймъ и что-то шепнула ей на ухо. Оказалось, что ее ждутъ къ молитвѣ. Отчего же мнѣ съ вами не помолиться? сказалъ Шишковъ, я тоже христіанинъ. Они спустились внизъ въ просторную комнату, гдѣ находилось многочисленное собраніе мужчинъ и женщинъ изо всѣхъ сословій. Сидѣвшій у задней стѣны за столомъ съ бумагами началъ читать псаломъ Давида. Онъ останавливался на каждомъ стихѣ, и собравшіеся повторяли этотъ стихъ тихимъ напѣвомъ. Затѣмъ въ полнѣйшей тишинѣ произнесъ онъ долгую очень поучительную проповѣдь. Послѣ этого пропѣтъ еще псаломъ, и тѣмъ все кончилось. «Прощаясь съ г-жею Крюднеръ, говоритъ Шишковъ, я подумалъ про себя: пусть она считаетъ себя жрицею и посланницею Неба; но какъ въ ея молитвенныхъ собраніяхъ не происходитъ ничего кромѣ того, чему я былъ свидѣтелемъ, то нѣтъ тутъ ничего заслуживающаго порицанія».

Нѣкоторыя изъ ея предсказаній исполнились, а въ 1816 и 1817 годахъ, когда былъ недородъ хлѣба и когда она сама нерѣдко нуждалась, тысячи людей голодавшихъ и холодавшихъ находили у нея помощь.

Въ концѣ 1814 года, она писала къ своей пріятельницѣ Стурдзѣ (потомъ графинѣ Эдлингъ), что Наполеонъ возвратится съ острова Эльбы, что лилій опять не будетъ во Франціи и что наступитъ страшное время. Можно ли плясать и рядиться, когда милліоны людей страждутъ и человѣчество гибнетъ? Я давно знаю, что Господь утѣшитъ меня свиданіемъ съ Государемъ. На землѣ нѣтъ слаще долга, какъ любить и почитать тѣхъ, кого Богъ повелѣлъ любить и почитать. Да благословитъ и поведетъ Вышній того, у кого столь высокое призваніе».

У князя Меттерниха, на балу, разнесся первый слухъ о томъ, что Наполеонъ высадился въ Каннахъ и объ его изрѣченіи: Конгрессъ разстроился (le congrès est dissous). Войска союзниковъ приведены въ движеніе, и Александръ поѣхалъ въ главную свою квартиру въ Гейдельбергъ. Въ Гейльброннѣ, позднимъ вечеромъ сидѣлъ онъ погруженный въ думу, какъ постучался къ нему князь Петръ Михаиловичъ Волконскій и съ досадою на лицѣ доложилъ, что пришла дама, по имени Крюднеръ, и настойчиво желаетъ его видѣть. Государь велѣлъ ее впустить. Позднѣе онъ говорилъ объ этомъ первомъ свиданіи: «она обратилась ко мнѣ со словами сильными и утѣшительными». Баронесса Крюднеръ говорила ему про его заблужденія строго, но кротко. Мнимое обращеніе его къ Богу назвала она мечтаніемъ. «Нѣтъ, Государь, сказала она, вы еще не взывали къ Богочеловѣку съ мольбою о пощадѣ, какъ преступникъ. Вы еще не снискали себѣ милости отъ Того, Кто одинъ властенъ прощать грѣхи. Вы еще не смирились передъ Іисусомъ и не возопили къ нему какъ тотъ мытарь: Боже, милостивъ, буди мнѣ грѣшному! Оттого нѣтъ мира въ душѣ вашей *). Услышьте голосъ женщины, которая тоже была великою грѣшницею, но у подножія Креста Господня обрѣла прощеніе своимъ грѣхамъ».

Государь закрылъ лицо руками и разрыдался. Баронесса Крюднеръ, вдругъ одумавшись, стала просить извиненія въ своей дерзости, но Государь ее успокоилъ и просилъ говорить далѣе. Бесѣда продолжалась три часа. Прощаясь, онъ сказалъ ей: Вы открыли мнѣ въ моей душѣ то, о чемъ я не догадывался. Благодарю за то Бога; но мнѣ необходима чаще такая бесѣда, и я прошу васъ отъ меня не отстраняться. Въ Гейдельбергѣ онъ выбралъ себѣ для житья домъ за городомъ, и только что прибылъ туда, написалъ къ б-сѣ Крюднеръ письмо съ приглашеніемъ быть къ нему. Она прибыла 2 Іюня 1815 года съ своимъ спутникомъ Эмпайтацемъ, съ дочерью и ея супругомъ барономъ Беркгеймомъ и заняла домикъ у поселянина на берегу Неккара. Въ убогой хижинѣ могущественный Государь оставался иногда до 2 часовъ ночи, проводя время въ благочестивыхъ разговорахъ и въ чтеніи Библіи. Онъ самъ назначалъ главы Священнаго Писанія, которыя Эмпайтацъ объяснялъ ему. Онъ говорилъ, что ежедневно, даже на войнѣ во время походовъ, читаетъ три главы изъ Библіи, одну изъ Евангелія, одну изъ Посланій и одну изъ Пророковъ. Когда Эмпайтацъ спросилъ его, водворился ли въ душѣ его миръ Бо-

*) Вѣроятно, г-жа Крюднеръ намекала несчастному Государю про ночь 11 Марта 1801 года, къ событію которой имѣлъ онъ невольное и вполнѣ невинное прикосновеніе и о которой вспоминалъ и умирая въ Таганрогѣ (Записки Виллье). П. Б.

жій и убѣжденъ ли онъ въ прощеніи грѣховъ своихъ, Александръ на нѣсколько времени задумался, потомъ, возведя глаза къ небу, сказалъ, что благоговѣйно признаетъ себя грѣшникомъ, горячо раскаевается и славитъ милосеріе Божіе. Въ другой разъ онъ попросилъ Эмпайтаца помолиться вмѣстѣ съ нимъ, чтобы Богъ подалъ ему силъ всѣмъ жертвовать для Христа и открыто исповѣдывать Его передъ людьми. Эмпайтацъ палъ на колѣни и началъ громко молиться. Когда Александръ всталъ на ноги, глаза его были полны слезъ. Такъ молился онъ неоднократно съ Эмпатайцемъ. Онъ выражалъ сожалѣніе, что любимый братъ его Константинъ пребываетъ еще во тьмѣ грѣховной [1]).

Баронессу Крюднеръ въ ея Неккарскомъ домикѣ неоднократно навѣщали также Каподистрія и баронъ Штейнъ [2]). 22 Іюня 1815 г. уѣзжая изъ Гейдельберга, Александръ взялъ съ баронессы Крюднеръ слово, что она послѣдуетъ за нимъ въ Парижъ. Тамъ она остановилась въ гостинницѣ Моншеню, не подалеку отъ дворца Элизе-Бурбонъ, гдѣ жилъ Государь. У него былъ ключъ отъ двери сада, которымъ онъ незамѣтно проходилъ къ баронессѣ, большею частію днемъ. Въ это второе пребываніе свое въ Парижѣ, онъ не принималъ участія ни въ какихъ увеселеніяхъ. По его желанію, баронесса не разъ бывала, закрывшись, у обѣдни въ его походной церкви въ Элизе-Бурбонъ. Она ѣздила съ Государемъ и въ Вертю, на большой военный смотръ.

По заключеніи Священнаго Союза, когда Государь уѣхалъ изъ Парижа, б-са Крюднеръ писала ему: «Ваши намѣренія возвышенны и прекрасны, но вы еще не можете исполнить ихъ; вамъ необходимо самому возродиться, чтобы все кругомъ васъ возродилось. Долженъ произойти еще великій переворотъ. Германія чревата началами смуты. Появятся Турки, Англичане не надежны». Александръ звалъ ее къ себѣ въ Петербургъ; но онъ не зналъ, что ей не съ чѣмъ было ѣхать: обращая взоры къ небу, она вовсе не заботилась о земныхъ своихъ дѣлахъ, и ее безсовѣстно обкрадывали льстецы и проходимцы, въ особенности одинъ бывшій когда-то проповѣдникомъ Фонтень. Важную часть ея дохода составляла аренда, которую она получала по кончинѣ своего супруга. Срокъ этой аренды кончался, а попросить о продленіи ея она не рѣшалась. Въ 1816 и 1817 годахъ, въ Виртембергѣ, Баденѣ

---

[1]) Русскому читателю приходится отнестись съ упрекомъ къ памяти протоіерея А. А. Самборскаго, который былъ родоначальникомъ облегченнаго придворнаго благочестія и передъ судомъ исторіи, пожалуй, виновнѣе Надаржинскаго и другихъ забулдыгъ-іереевъ временъ Петра Великаго. П. Б.

[2]) Баронъ Бруновъ, тогда еще почти отрокъ, бывалъ на посылкахъ у баронессы Крюднеръ, когда они жили въ Лейпцигѣ (Записки Шишкова). П. Б.

и частью въ Швейцаріи она кормила голодавшихъ, и для этого продала свои бриліанты. Власти встревожены были толпами людей, собиравшихся къ ней. Подъ тѣмъ предлогомъ, что она пріучаетъ бѣдняковъ къ праздности и нищенству, подвергли ее полицейскому надзору и выпроваживали изъ одного мѣста въ другое до Русской границы.

Прибывъ къ брату своему, тайному совѣтнику фонъ-Фитенгофу въ Юнгфергофъ близъ Риги, она заявила, что исповѣдуетъ церковь первобытную и пророчески прибавила: «Востокъ отверзается, бѣдствія близятся къ Европѣ и къ здѣшней сторонѣ». Отъ брата уѣхала она въ свое помѣстье Коссе, близъ города Верро *).

Можетъ быть, пріѣхавъ въ Петербургъ въ 1821 году, надѣялась она возобновить свои сношенія съ Государемъ и склонить его къ освобожденію Грековъ отъ Турецкой неволи, которое стало ея любимою мечтою. Но Государь не захотѣлъ ее увидѣть. «А сколько разъ, бывало, говорила она мнѣ, онъ, склонившись ко мнѣ на грудь, проливалъ слезы умиленія!»

Въ то время часто видался съ Государемъ Французскій посолъ графъ де-ла-Ферроне́, человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ отличный (у него была одна только слабость, подмѣченная и Государемъ: онъ немного румянился). Въ одной своей депешѣ въ слѣдующихъ словахъ отзывается онъ про Александра Павловича:

«Я все болѣе и болѣе затрудняюсь понять, какого онъ характера. Онъ говоритъ съ откровенною простотою и достоинствомъ, и въ этомъ, я думаю, никто не превзойдетъ его. Бесѣда съ нимъ всегда очень пріятна: вы убѣждаетесь, что онъ настоящій рыцарь и въ тоже время великій монархъ, отмѣнно опытный и одаренный большою силою воли. Разсуждаетъ онъ удивительно, его доводы послѣдовательны, онъ выражается краснорѣчиво и съ горячностью человѣка убѣжденнаго. И однако событія его жизни и то, чему я свидѣтель ежедневный, заставляютъ меня не очень ему довѣряться. Многократныя проявленія слабости доказываютъ вамъ, что иногда слова одно, а дѣла—другое; но при этомъ слабомъ характерѣ вдругъ обнаруживается припадокъ силы и раздражительности, и этого достаточно для рѣшеній самыхъ насильственныхъ, съ послѣдствіями неисчислимыми. Словомъ, Императоръ въ высшей степени недовѣрчивъ, т. е. слабъ, и это горестно тѣмъ болѣе,

*) Баронесса Крюднеръ просила позволенія устроить для себя Православную церковь въ этомъ помѣстьи. Ей было отказано на томъ основаніи, что для этого нужно, чтобы въ церкви было не менѣе ста человѣкъ прихожанъ. П. Б.

что онъ (какъ по крайней мѣрѣ я думаю) самый честный человѣкъ изъ всѣхъ, кого я знаю. Можетъ быть, онъ часто дѣлаетъ зло, но у него всегда будетъ желаніе сдѣлать добро».

Александръ зналъ про неблагопріятные толки о сношеніяхъ его съ б-сою Крюднеръ. Ему Богъ вѣсть чего не наговорили о дѣятельности ея въ Вюртенбергѣ, Баденѣ и Швейцаріи. Одна ея пріятельница разъ спросила его, имѣетъ ли онъ отъ нея какія извѣстія; онъ сухо отвѣчалъ: «Боюсь, не на ложномъ ли она пути». Ему было извѣстно, что весь его народъ желаетъ освобожденія несчастныхъ единовѣрныхъ Грековъ; но вступиться за нихъ, по его понятію, значило не соблюсти обязательствъ Священнаго Союза, а Греческое возстаніе, какъ говорилъ онъ на Веронскомъ конгрессѣ Шатобріану, въ его глазахъ было мятежемъ противъ законной власти. Онъ опасался, что б-са Крюднеръ своими восторженными рѣчами еще сильнѣе распалитъ сочувствіе къ Грекамъ, и потому счелъ нужнымъ понудить ее къ молчанію; но по сердечной своей добротѣ и, можетъ быть, по несовсѣмъ угасшему благорасположенію къ ней, онъ рѣшился отнестись къ ней наиболѣе пощадливымъ образомъ. Онъ написалъ къ ней о томъ письмо на осьми страницахъ. Александру Тургеневу поручено было отвезти это письмо на Выборгскую сторону, на дачу Ланскихъ, гдѣ жила баронесса, прочитать его ей и затѣмъ взять назадъ для возвращенія Государю черезъ князя Голицына. Она выслушала его почтительно и просила Тургенева выразить сердечную признательность ея за милостивое оповѣщеніе царской воли; но письмо не убѣдило ея. Осенью того же года она уѣхала къ себѣ въ Коссе. Въ зиму съ 1822 на 1823 годъ стояли сильные холода; но она спала въ нетопленной безъ двойныхъ рамъ комнатѣ, дабы служить для бѣдныхъ примѣромъ самоотреченія, которое она имъ проповѣдывала. Ея спутникъ и послѣдователь Кельнеръ жестоко простудился и оттого умеръ. Собственное ея здоровье вполнѣ было потрясено. Будущая жизнь представлялась ей карою за содѣянные грѣхи; она приходила въ какое-то оцѣпенѣніе, и однажды ночью послышался ей голосъ, взывавшій: «Зачѣмъ боишься ты смерти? Ангелъ придетъ и возметъ твою душу въ сонмъ любящихъ». Послѣ этого возвратился къ ней прежній миръ душевный, и острый характеръ болѣзни миновалъ. Весною 1824 года, съ дочерью и зятемъ, уѣхала она въ Крымъ, по приглашенію княгини Анны Сергѣевны Голицыной, въ Карасубазаръ, гдѣ княгиня основала Нѣмецкій поселокъ. Тамъ она опять заболѣла ракомъ и написала сыну своему (нашему министру въ Швейцаріи): «Что̀ сдѣлала я добраго, то останется; содѣянное мною зло покроется Божіимъ милосердіемъ, а я нерѣдко при-

нимала плоды моего воображенія и гордыни за велѣнія Божіи. Прошу Бога и людей простить мнѣ многократныя мои прегрѣшенія; но кровь Христова омываетъ насъ ото всѣхъ грѣховъ». Съ полнымъ сознаніемъ и преданностью Богу она скончалась въ день Рождества Христова 1824 года.

(Къ этому разсказу Гёце прибавить должно, что въ Ноябрѣ мѣсяцѣ слѣдующаго года, не задолго до своей кончины, императоръ Александръ Павловичъ, проѣзжая черезъ Карасубазаръ, ходилъ на могилу баронессы Крюднеръ, одинъ, и провелъ на ней довольно долгое время. П. Б.).

*

Князь Голицынъ многократно выражалъ сожалѣніе о томъ, что въ его церкви испоконъ вѣку утвердился обычай, по коему епископства достигаютъ лица только чернаго духовенства и правятъ духовенствомъ бѣлымъ, о томъ, что не рѣдко достопочтеннѣйшіе священники принуждены рабски унижаться передъ монахами-владыками. По уставамъ Грекороссійской церкви, монашество не имѣетъ никакого преимущества передъ духовенствомъ свѣтскимъ, и каждый неженатый или вдовый священникъ можетъ быть посвященъ во епископа, а слѣд. митрополита и патріарха, и это повидимому справедливо, такъ какъ кругозоръ монаха обыкновенно ограниченъ, бѣлое же духовенство, находясь въ непосредственномъ общеніи съ жизнію и трудомъ людей, можетъ на нихъ дѣйствовать. Откуда это отклоненіе Русской церкви отъ Греческой? Нѣкоторые думаютъ, что оно началось въ тяжкое время Татарскаго ига. Однажды я и Тургеневъ были только двое у князя Голицына на докладѣ и когда зашла рѣчь объ этомъ преобладаніи чернаго духовенства, князь выразился, что это «какой-то пьяный патріархъ установилъ». Замѣчаютъ, что іерархи, наиболѣе отличавшіеся мягкостью управленія, были сначала изъ духовенства свѣтскаго и уже овдовѣвъ постригались въ монашество. Такимъ былъ Петербургскій митрополитъ и предсѣдательствующій въ Синодѣ Михаилъ, поистинѣ христіанскій духовный пастырь, весьма образованный и кроткаго нрава, что̀ обнаруживалось въ случавшихся столкновеніяхъ съ другими вѣроисповѣданіями.

Эстляндская и Лифляндская консисторіи спрашивали у министра, дозволяется ли найденышей въ Прибалтійскомъ краю крестить по евангелически. Министръ нашелъ нужнымъ снестись о томъ съ митрополитомъ, который отвѣчалъ, что съ его стороны препятствія не будетъ, и по докладу Государственнаго Совѣта состоялось высочайшее дозволительное повелѣніе.

Когда войска наши находились въ Германіи, одинъ полковникъ Бектабековъ женился на реформаткѣ-дѣвицѣ Фрезе. Позднѣе оказалось, что онъ Магометанинъ. У нихъ родился сынъ, и родители пожелали, чтобъ онъ принялъ исповѣданіе матери. Но ребенокъ былъ очень слабъ, и думали, что онъ не переживетъ дня, почему бабка совершила надъ нимъ «крещеніе по нуждѣ». Однако онъ выздоровѣлъ, и пасторъ отказался занести его имя въ церковную книгу, такъ какъ бабка окрестила по грекороссійски. Когда ему исполнилось семь лѣтъ, родители настаивали, чтобы онъ числился принадлежащимъ къ Протестантской церкви. Дѣло дошло наконецъ до рѣшенія министра, по моему докладу. Князь Голицынъ приказалъ мнѣ написать отъ его имени къ митрополиту Михаилу, чтобы узнать, какъ онъ думаетъ о такомъ необыкновенномъ случаѣ. Его высокопреосвященство отвѣчалъ, что конечно слѣдуетъ удовлетворить желанію родителей.

Однажды во время доклада, дошла рѣчь до раскольниковъ, какъ съ ними быть. Князь Голицынъ говорилъ такъ: «Всего лучше вовсе ихъ не касаться. Если правительство займется ими, то предстоятъ два пути: либо преслѣдовать ихъ, и тогда горе! они покажутся мучениками, и число ихъ послѣдовательно умножится; либо изъять ихъ вовсе изъ подъ надзора господствующей церкви, и тогда они сочтутъ, что правительство одобряетъ ихъ заблужденія. Касательно раскольниковъ надобно всего ожидать отъ Божіей милости, отъ времени и отъ стараній просвѣщеннаго духовенства. Одна Сибирская секта, слишкомъ сто тысячъ душъ, просила меня, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, взять ее подъ мое начальство. Я отклонилъ отъ себя эту честь, но вызвался быть посредникомъ между ними и Св. Синодомъ. Я предложилъ имъ, что, если не признаю́тъ они епископовъ, то подчинились бы по крайней мѣрѣ Св. Синоду, который къ тому же не сталъ бы вмѣшиваться въ ихъ дѣла, за дальностью ихъ мѣстожительства. Они ни за что не согласились, ссылаясь на то, что въ такомъ случаѣ имъ придется во время богослуженій молиться за Синодъ и епископовъ. Имъ напомнили, что подобныя молитвы были и въ старыхъ служебныхъ книгахъ, которыя не разнятся съ употребляемыми нынѣ и исправленными Никономъ отъ ошибокъ въ переводѣ, съ устраненіемъ ненужныхъ повтореній. Все понапрасну, сектанты стоятъ на своемъ».

Высшее духовенство не одобряло мыслей министра духовныхъ дѣлъ. Даже митрополитъ незадолго до своей кончины подалъ Государю бумагу, въ которой обвинялъ князя Голицына въ нерадѣніи ко благу господствующей церкви.

Харьковскій пасторъ Зедергольмъ *) напечаталъ катехизисъ столь раціоналистическій, что его лишили должности. Онъ потомъ заявилъ свое раскаяніе, представилъ одобрительныя о себѣ многія свидѣтельства духовныхъ и другихъ лицъ и просилъ, чтобы ему дали мѣсто гдѣ-либо въ другомъ городѣ. Я докладывалъ о томъ князю Голицыну. Онъ согласился тотчасъ же и по этому случаю разсказывалъ: «Государю было донесено про одного архіерея, что его Православіе въ нѣкоторыхъ предметахъ вѣры подозрительно. Государь приказалъ мнѣ объясниться съ нимъ. Вскорѣ я встрѣтилъ его въ придворной церкви по окончаніи литургіи, сказалъ ему, что мнѣ нужно съ нимъ поговорить отъ имени Государя и просилъ его войти для того въ алтарь, по близости котораго мы стояли. Архіерей выразился, что для этого нечего идти въ алтарь, такъ какъ и тутъ никто не помѣшаетъ. Всѣ взведенныя на него обвиненія назвалъ онъ клеветою. Мнѣ нельзя видѣть душу вашего преосвященства, замѣтилъ я ему; если вы говорите неправду, то обманываете не меня, а грѣшите противъ всевидящаго Бога; а тому, что̀ мнѣ говоритъ пастырь передъ святымъ алтаремъ, я долженъ вѣрить и попрошу Его Императорское Величество также вѣрить».

Молодой Полякъ, крещеный Католикомъ, но учившійся въ Слуцкой Реформатской гимназіи, заявилъ, что онъ скорѣе лишитъ себя жизни, нежели откажется отъ Евангелическаго исповѣданія. Его прошеніе отослано къ Католическому митрополиту Сестренцевичу-Богушу. Тотъ отвѣчалъ отрицательно, ссылаясь на то, что принадлежность къ исповѣданію опредѣляется крещеніемъ. Однако я нашелъ въ нашемъ архивѣ, что нѣсколько лѣтъ раньше, въ подобномъ случаѣ послѣдовало совсѣмъ иное рѣшеніе того же митрополита. Цырюльникъ въ Курляндіи, крещенный Евангеликомъ и выросши обращенный въ Католичество, просилъ, чтобы ему позволили оставаться въ той церкви, въ которой его крестили. Митрополитъ отказалъ, заявивъ, что обязательно не крещеніе, а исповѣданіе вѣры, и министръ долженъ былъ отказать бѣдному цырюльнику. Я не преминулъ указать князю Голицыну на противорѣчіе въ рѣшеніяхъ митрополита. Дѣло доложено Государю, который приказалъ, чтобы молодому Поляку дозволили перейти въ Евангелическую церковь.

Между нашими матросами много Татаръ и, бывая въ Ревелѣ, они нерѣдко женятся на Эстонкахъ. Но бракъ между Протестантами и Ма-

*) Отецъ филолога кандидата, восхваленнаго покойнымъ К. Н. Леонтьевымъ іеромонаха Оптиной пустыни Кирилла. П. Б.

гометанами не узаконенъ, и въ этихъ случаяхъ Татарскіе муллы совершали брачные обряды не иначе, какъ тайно. По донесеніи Эстонскаго пастора Лундберга, въ матроской казармѣ жило семь такихъ семействъ, нѣкоторыя съ дѣтьми, и матери просили окрестить этихъ дѣтей въ ихъ вѣру. Я докладывалъ князю Голицыну, что опытомъ узнана безплодность запрещенія такихъ браковъ и что такъ какъ Евангелическое ученіе не препятствуетъ сему, то лучше бы ихъ дозволять подъ условіемъ, чтобы Магометанинъ обязывался, по совершеніи брака христіанскаго, не имѣть еще другой жены, а дѣти крестились бы въ вѣру матерей или, если мужъ и жена пожелаютъ, въ вѣру Грекороссійскую; но если дозволить браки между Протестантами и Магометанами, то само собою разумѣется, что нельзя не дозволить таковыхъ между Протестантами и Евреями, съ тѣмъ же обязательствомъ воспитывать дѣтей въ христіанской вѣрѣ. Князь Голицынъ согласился и приказалъ мнѣ составить о томъ законоположеніе, которое подано было въ Государственный Совѣтъ и высочайше утверждено; пастору же Лундбергу еще до того дано знать, отъ имени князя Голицына, чтобы онъ крестилъ матроскихъ дѣтей. Прошло немного времени, какъ Лундбергъ явился ко мнѣ въ департаментъ въ страшномъ волненіи и объявилъ, что матросы отказываются отъ крещенія своихъ дѣтей и хотятъ, чтобы они были Магометанами. Что же мнѣ дѣлать? спрашивалъ онъ. Я отвѣчалъ, что волю правительства отмѣнить невозможно и посовѣтовалъ ему сказать матросамъ, что если, можетъ быть, имъ покажется лучше, чтобы крестилъ Русскій священникъ, таковой будетъ къ нимъ посланъ. Не успѣлъ Лундбергъ оповѣстить о томъ матросовъ, какъ они стали приводить къ нему дѣтей своихъ для немедленнаго окрещенія.

У Финскихъ общинъ въ Петербургской губерніи, еще со временъ Шведскихъ, были церковные колокола; но Евангелическія общины въ столицѣ и въ другихъ городахъ Россіи таковыхъ не имѣли; между тѣмъ никакого правительственнаго запрещенія по этому предмету не было. Въ 1820 г. Евангелическая община города Саратова попросила дозволенія повѣсить колокола на своей церкви. Департаментъ представилъ, что эта просьба не противорѣчитъ прежнимъ правительственнымъ распоряженіямъ. Докладѣ о томъ князя Голицына Комитету Министровъ немедленно былъ высочайше утвержденъ. (Позднѣе, при Александрѣ II-мъ, основываясь на этомъ примѣрѣ, удовлетворялись всякій разъ подобныя просьбы другихъ городовыхъ общинъ). Жалованье пасторамъ возвышено съ 300 на 600 р. асс., въ Саратовѣ и Одессѣ учреждены Евангелическія консисторіи и т. п. Новая

Лютеранская кирка въ Москвѣ для переустройства послѣ пожара 1812 года получила сначала 10 т., а потомъ 30 т. р. асс. У церкви были значительные долги, и ея прихожане крайне нуждались въ церковной школѣ, на учрежденіе которой не было средствъ. Поэтому Московскій генералъ-губернаторъ князь Голицынъ просилъ нашего министра, чтобы правительство не взыскивало дòлга, либо простило большую часть его. Я подалъ голосъ о прощеніи всей суммы, но съ тѣмъ, чтобы прихожане обязались устроить школу. По мнѣнію Тургенева слѣдовало простить только 10 т. р. Министръ согласился со мною, сказавъ: «уплаты всего долга вѣроятно не добьемся; если теперь простить часть его, то прихожане черезъ нѣсколько времени попросятъ простить имъ и остальную часть; лучше, чтобы правительство явилось щедрымъ и вызвало на свѣтъ полезное учебное заведеніе».

Изо всего вышесказаннаго видно, что князь Голицынъ, какъ министръ духовныхъ дѣлъ, былъ на высотѣ своего призванія. Этого нельзя сказать про него, какъ министра народнаго просвѣщенія. Отъ всей души желалъ онъ поднять общественное обученіе, но былъ неудачливъ въ выборѣ исполнителей доброй своей воли и подпалъ вліянію пройдохъ и враговъ просвѣщенія. Съ ограниченнымъ запасомъ знаній, лишенъ онъ былъ и способности къ настойчивому почину; но если бы ему посчастливилось имѣть начальникомъ департамента такого человѣка, какъ Тургеневъ, его управленіе пошло бы несравненно лучше. Василій же Михайловичъ Поповъ зналъ по-нѣмецки и по-англійски, писалъ искусно канцелярскія бумаги, но былъ человѣкъ безъ характера, безъ устоевъ нравственныхъ, безъ государственныхъ понятій, изувѣрливъ и доступенъ для всякихъ піетестическихъ нашептываній. Въ то время повсюду господствовалъ страхъ передъ демагогами. Цензурѣ велѣно было строжайше глядѣть не только за книгами, но и за иностранными газетами и театромъ. Строгость ея доходила иной разъ до глупости. На почтѣ задержанъ былъ номеръ Аугсбургской Всеобщей Газеты ради помѣщеннаго въ немъ объявленія о томъ, что гдѣ-то въ Германіи продается гравюра съ портретомъ Ріего. Министръ не дозволилъ мнѣ печатать старинные Лифляндскіе акты на томъ основаніи, что отъ того, пожалуй, начнутся нескончаемыя тяжбы о титулахъ и владѣніяхъ. (Впослѣдствіи я издалъ въ свѣтъ многіе изъ этихъ актовъ).

Александръ Гумбольдтъ издавна желалъ, чтобы Русское правительство дало ему средства совершить ученое путешествіе по Сибири. Еще 7 Января 1812 года писалъ онъ одному своему пріятелю, моему одноземцу, что ему нужно бы «проѣхаться по всей Азіи подъ 38—60

градусами широты, черезъ Екатеринбургъ, Тобольскъ, Енисейскъ, Якутскъ, къ вышинамъ Камчатки и къ берегу южнаго моря». Но въ то время, не смотря на всѣ о томъ хлопоты, не хотѣли понять, сколько пользы принесло бы это путешествіе наукамъ, сколько славы государству. Оно совершилось черезъ десять слишкомъ лѣтъ, благодаря Канкрину.

Князь Голицынъ заботился о распространеніи въ простонародьи умѣнья читать и писать, заводилъ, по возможности, народныя школы и покровительствовалъ славившемуся тогда Ланкастерскому способу обученія. Для того учрежденъ особый комитетъ, и въ немъ главнымъ дѣятелемъ былъ ректоръ Александровской Духовной Академіи Филаретъ, но въ числѣ членовъ Магницкій и Руничъ, уже успѣвшіе вкрасться въ довѣріе къ министру. Четверо студентовъ Педагогическаго Института посланы за границу для основательнаго изученія этого способа, по которому, независимо отъ министерства, завелись въ Петербургѣ школы для солдатъ. Будучи съ 1817 года предсѣдателемъ Человѣколюбиваго Общества, князь Голицынъ улучшилъ медицинскій отдѣлъ его. При его участіи и содѣйствіи учреждены приносящіе доселѣ пользу тюремные комитеты въ обѣихъ столицахъ и въ нѣкоторыхъ губернскихъ городахъ, также попечительные комитеты о бѣдныхъ и убѣжища для неизлѣчимо-больныхъ. Въ началѣ двадцатыхъ годовъ онъ собиралъ доброхотныя приношенія въ пользу бѣжавшихъ въ южную Россію отъ Турецкихъ насилій Грековъ и на выкупъ Греческихъ женщинъ и дѣтей. Въ 1823 году въ Бѣлоруссіи былъ голодъ, и князь Голицынъ выхлопоталъ сбавку податей для тамошнихъ жителей. Подъ его покровительствомъ въ 1816 году возникло Общество Любителей Россійской Словесности, изъ старательныхъ, большею частію молодыхъ, писателей *). Они издавали журналъ, доходъ съ котораго шелъ на вспомоществованіе бѣднымъ словесникамъ и студентамъ. Онъ всегда былъ отзывчивъ, когда дѣло касалось благотворенія или общей пользы.

Въ министерство князя Голицына процвѣталъ только одинъ университетъ, именно Дерптскій, попечителемъ котораго былъ генералъ-лейтенантъ графъ (позднѣе князь) Ливенъ, человѣкъ безъ ученой подготовки, но благовоспитанный и по счастію на столько умный, что слушался совѣтовъ ректора, незабвеннаго Густава Эверса.

Въ 1817 году въ Одессѣ открытъ Ришельевскій лицей, а въ 1819-мъ въ Петербургѣ университетъ. Съ самаго начала имѣлъ онъ нѣсколько человѣкъ отличныхъ профессоровъ и могъ уже тогда сдѣлаться значительнымъ разсадникомъ ученаго образованія, если бы вскорѣ не возобладали въ немъ Магницкій и Руничъ. Оба они умѣли

*) Вѣроятно по мысли и представленію В. А. Жуковскаго. П. Б.

красно говорить, а князь Голицынъ, къ сожалѣнію, не былъ довольно проницателенъ, чтобы распознать ихъ. Обоимъ хотѣлось быть попечителями университетовъ, и они начали съ того, что стали ему твердить о нихъ, какъ о гнѣздилищахъ невѣрія, о профессорахъ, какъ о людяхъ неспособныхъ, либо подозрительныхъ по революціонному образу мыслей. Терпѣть отъ того и защищаться пришлось въ особенности Уварову, который тогда былъ президентомъ Академіи Наукъ и попечителемъ новоучрежденнаго Петербургскаго университета (а позднѣе самъ министромъ народнаго просвѣщенія). При всѣхъ своихъ дарованіяхъ и учености, онъ имѣлъ мало способности къ управленію, и въ его распоряженіяхъ не было трудно указать на изъяны. Разъ-другой появлялся онъ тогда на воскресныхъ собраніяхъ у князя Голицына; но звѣзда его, какъ попечителя, уже меркла. Къ нему стали относиться неуважительно. Онъ довольствовался тѣмъ, что въ продолжительныя бесѣды съ нимъ пускался незначительный молодой чиновникъ, какимъ былъ я. Вскорѣ онъ вышелъ въ отставку.

Князь Голицынъ въ 1819 году временно управлялъ Министерствомъ Юстиціи, а позднѣе, въ отсутствіе князя Волконскаго, и Министерствомъ Императорскаго двора.

Подъ зловреднымъ вліяніемъ Магницкаго и его сподручника Рунича, князь Голицынъ принималъ въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія такія мѣры, которыя навредили ему въ общественномъ мнѣніи. Онъ прослылъ совсѣмъ не такимъ человѣкомъ, какимъ былъ *).

Михаилъ Леонтьевичъ Магницкій, нѣкогда пріятель и соучастникъ въ ссылкѣ Сперанскаго, который впослѣдствіи отзывался о немъ презрительно, служилъ вице-губернаторомъ въ Воронежѣ, а затѣмъ губернаторомъ въ Симбирскѣ, при полной неспособности къ управленію. Человѣкъ съ большими дарованіями, которыми умѣлъ блистать въ бесѣдѣ, онъ сгоралъ честолюбіемъ, не разбиралъ средствъ для его удовлетворенія и былъ во всякомъ случаѣ весьма опаснымъ пройдохою. Въ былое время велъ онъ жизнь разгульную, славился какъ пе-

---

*) Вспомнимъ стихи, приписываемые Пушкину:

Вонъ Хвостовой покровитель,
Вонъ холопская душа,
Просвѣщенія губитель и т. д.
Напирайте, Бога ради,
На него со всѣхъ сторонъ.

Александра Петровна Хвостова — писательница, благочестивая душа или „набожная лань“ по выраженію И. И. Дмитріева. П. Б.

ресмѣшникъ, а теперь приспособился къ боголюбивому направленію правительства и выставлялъ себя избраннымъ орудіемъ Промысла.

Чтобы расположить къ себѣ князя Голицына, онъ устроилъ въ Симбирскѣ отдѣленіе Библейскаго Общества, въ которомъ говорилъ назидательныя рѣчи. Вскорѣ его уволили отъ губернаторства, но, благодаря князю Голицыну, онъ не только не подвергся взысканію со стороны Комитета Министровъ, но сдѣлался членомъ Главнаго Правленія училищъ съ жалованьемъ въ 6 т. р. асс. Каждый воскресный и праздничный день являлся онъ къ обѣднѣ въ домовую церковь министра. Какъ теперь вижу его, на глазахъ князя Голицына кладущаго земные поклоны. Внѣшности былъ онъ привлекательной, строенъ, съ правильными, нѣсколько рѣзкими чертами лица. Мнѣ онъ былъ противенъ, и я всячески уклонялся отъ сношеній съ нимъ, часто видя его у моего министра.

Симбирскъ близко отъ Казани. Магницкій увѣрилъ князя Голицына, будто знаетъ отлично о состояніи Казанскаго университета, наговорилъ ему про него всевозможныхъ клеветъ, и въ Февралѣ 1819 года ему поручено обревизовать его. Онъ уѣхалъ въ Казань, пробылъ тамъ съ недѣлю времени и по возвращеніи доложилъ министру, что 25 профессоровъ Казанскаго университета, кромѣ 5-ти младшихъ, суть атеисты и деисты, что студенты не знаютъ даже десяти заповѣдей и что потому слѣдуетъ университетъ закрыть. Обольщенный мнимымъ благочестіемъ, великосвѣтскими пріемами и красноглагольствіемъ Магницкаго, добродушный министръ не усумнился представить Государю донесеніе его. То было время, когда въ Германіи преслѣдовали студентовъ и демanговъ. Судьба Казанскаго университета висѣла на волоскѣ; по его закрытіи приняты были бы конечно и другія мѣры противъ просвѣщенія. Но слава Александру Первому! «Зачѣмъ, отозвался онъ, разорять, когда можно поправить? Негодныхъ профессоровъ можно удалить и замѣнить ихъ хорошими, а за неимѣніемъ выписать изъ чужихъ краевъ».

Князь Голицынъ полагалъ, что преобразованіе Казанскаго университета всего лучше поручить тому же Магницкому. Въ Іюнѣ 1819 года онъ подалъ Государю къ подписанію указъ о назначеніи его попечителемъ Казанскаго учебнаго округа, и между ними произошелъ такой разговоръ:

Государь. Достаточно ли ты знаешь Магницкаго?

Кн. Голицынъ. Да, Ваше Величество, я знаю его уже съ давнихъ поръ. Мнѣ извѣстны и прежнія его заблужденія. Но теперь онъ исправился и вошелъ въ себя.

Государь. Итакъ, ты стоишь на томъ, чтобъ я назначилъ его попечителемъ?

Кн. Голицынъ. Если Ваше Величество благоволите его назначить, онъ хорошо исполнять будетъ свою должность, въ этомъ я увѣренъ.

Государь. Хорошо! Я держусь правила предоставлять моимъ министрамъ выборъ подчиненныхъ; но скажу тебѣ напередъ, что Магницкій будетъ первый на тебя доносчикъ.

Такъ вѣрно опредѣлилъ Государь свойства Магницкаго. Князь не придалъ значенія этому благоволительному предостереженію, и хотя зналъ Государя съ молодыхъ его лѣтъ, къ несчастію позабылъ про то, что всякій, самый лживый доносъ пробуждалъ его подозрительность.

Первымъ дѣломъ новаго попечителя было удалить всѣхъ дѣльныхъ профессоровъ, именно съ Нѣмецкими фамиліями и не принадлежащихъ къ Православной церкви и, вопреки мысли Государя, замѣстить ихъ личностями темными. Никого не пригласили изъ-за границы. Своими нелѣпыми мѣрами, въ шестилѣтнее управленіе округомъ Магницкій привелъ его въ полнѣйшее разстройство. Онъ приказалъ взять изъ университетской библіотеки казавшіяся ему подозрительными книги, именно на языкахъ иностранныхъ, и сжечь ихъ, а другія книги запереть и не давать ихъ никому, даже профессорамъ, хотя по закону имъ предоставлено право получать сочиненія и запрещенныя цензурою. Во все его управленіе не пріобрѣтено ни одной новой книги. Онъ хвастался введенною имъ дисциплиною. Всѣмъ его подчиненнымъ, профессорамъ, учителямъ и учащимся запрещалось пить вино, какъ грѣхъ. За здоровье предписано пить медъ. Если казенный студентъ приличился въ употребленіи вина, его сажали въ темный карцеръ, одѣвали въ мужицкій кафтанъ и обували въ лапти. Къ нему отряжался священникъ для поученія, и только тогда отпускали его на волю, когда онъ исповѣдался и причастился. Въ случаѣ преступленія болѣе тяжкаго, нежели употребленіе вина, Магницкій не стѣсняясь въ наказаніяхъ, даже, вопреки закону, безъ суда отдавалъ такихъ студентовъ въ солдаты. У каждаго учащаго и учащагося обязательно было по экземпляру Священнаго Писанія. Всѣ болѣзни, объявлялъ попечитель, суть ничто иное, какъ послѣдствія грѣховъ. Система тайныхъ доносовъ введена, какъ въ Іезуитской Коллегіи, и учащаяся молодежь конечно развращалась.

По примѣру Магницкаго дѣйствовалъ въ Петербургскомъ университетѣ Руничъ, временно занявшій мѣсто Уварова. Онъ удалилъ луч-

шихъ профессоровъ, въ томъ числѣ извѣстнаго въ Нѣмецкой литературѣ Эрнста Раупиха, Куницына, Германа, Арсеньева и др. Не препятствуя Магницкому и Руничу дѣйствовать по тамерлановски, князь Голицынъ не былъ однако врагомъ просвѣщенія. Онъ желалъ преуспѣянія университетовъ, и попечитель Дерптскаго университета графъ Ливенъ не встрѣчалъ у него отказа въ своихъ представленіяхъ; но, слишкомъ довѣрившись Магницкому, онъ считалъ, что принимаемыя имъ и Руничемъ мѣры необходимы, а директоръ Департамента Поповъ не въ состояніи былъ разубѣдить его. Магницкій ѣздилъ съ нимъ въ больницу къ какому-то мнимо-бѣсноватому, изъ котораго изгонялъ бѣсовъ своими заклинаніями и который корчился въ судорогахъ, когда Магницкій произносилъ имя Христа. Лишь впослѣдствіи князь узналъ, какая змѣя согрѣлась у него за пазухою.

Съ давняго времени Магницкій былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ архимандритомъ Фотіемъ и митрополитомъ Серафимомъ и подогрѣвалъ ихъ злобу противъ князя Голицына. Черезъ нихъ онъ подольстился и къ Аракчееву, которому хотѣлось, опираясь на духовенство, свергнуть князя Голицына и охладить къ нему Государя. Магницкій уже мечталъ, съ помощью Аракчеева, заступить мѣсто своего начальника и благодѣтеля. Нѣкоторые утверждаютъ даже, что у него была составлена уже записка, какъ управлять государствомъ по образцу преобразованнаго имъ Казанскаго университета.

Въ министерство Шишкова, Руничъ уволенъ отъ должности попечителя и отданъ подъ судъ за растрату денегъ, назначенныхъ для построекъ. О Магницкомъ разскажемъ далѣе.

*

Въ дни, когда предстояла война съ Наполеономъ на жизнь и на смерть, озабоченная душа императора Александра не могла знать покоя. На обычной прогулкѣ своей по набережной Фонтанки, онъ зашелъ однажды къ князю Голицыну (въ нынѣшній домъ Министра Императорскаго двора, насупротивъ Инженернаго замка). Въ князевомъ кабинетѣ лежала на столѣ Церковнославянская Библія. Государь сталъ говорить князю, что не находитъ себѣ отрады и, случайно раскрывъ Библію, прочиталъ слова Псалмопѣвца: «Живый въ помощи Вышняго въ кровѣ Господни водворится; речетъ Господеви: Богъ мой, крѣпость моя, и уповаю на Него». Черезъ нѣсколько дней послѣ того спросилъ онъ свою супругу, не дастъ ли она ему почитать Библію, и тутъ началъ узнавать, сколько утѣшенія и крѣпости можетъ почерпать человѣческое угнетенное сердце въ Словѣ Божіемъ. Поэтому онъ съ ду-

шевнымъ удовольствіемъ утвердилъ, 6 Декабря 1812 года, докладъ, представленный ему агентомъ Великобританскаго Библейскаго Обще ства пасторомъ Пинкертономъ объ учрежденіи таковаго въ Петербургѣ. Это общество состояло сначала изъ лицъ свѣтскихъ и нѣкоторыхъ протестантскихъ пасторовъ подъ предсѣдательствомъ князя Голицына. Кругъ его дѣйствій сталъ расширяться, а денежныя средства потекли къ нему. Въ 1814 году оно устроилось подъ именемъ Россійскаго Библейскаго Общества и выбрало своимъ предсѣдателемъ опять князя Голицына. Въ распорядительномъ комитетѣ его появились членами представители Православной церкви на ряду съ таковыми же другихъ вѣроисповѣданій.

Первоначально, это Общество должно было распространять Ветхій и Новый Завѣты на языкахъ иностранныхъ; изданіе же Библіи на языкѣ Церковнославянскомъ для употребленія Православной церкви оставалось неприкосновенною собственностію Святѣйшаго Синода. Поэтому Общество сначала покупало Славянскую Библію въ Синодальной книжной лавкѣ и перепродавало ее или разсылало безденежно. Пользуясь щедротами Государя и пособіемъ Великобританскаго Общества, оно проявило дѣятельность по истинѣ достойную признательности. Оно покупало библейскія книги въ чужихъ краяхъ, само печатало ихъ на всякихъ языкахъ, даже на языкахъ народовъ обитающихъ въ Россіи мусульманскихъ и языческихъ.

Въ 1814 году вицепрезидентами общества были всѣ митрополиты, архіепископы и епископы. По кончинѣ достопочтеннаго и высокообразованнаго митрополита Михаила, Петербургскимъ митрополитомъ и въ тоже время первоприсутствующимъ въ Синодѣ назначенъ Московскій митрополитъ Серафимъ. Это назначеніе состоялось по указанію Аракчеева, который вѣроятно разсчиталъ, что онъ будетъ врагомъ князя Голицына. Слухъ ходилъ, что въ своей прежней дѣятельности онъ нестрого исполнялъ шестую заповѣдь. Армянскій архіерей Іоаннъ и Римско-католическій Сестренцевичъ-Богушъ поступили также въ вицепрезиденты Библейскаго Общества (послѣдній вопреки заявленному неодобренію папской куріи). Константинопольскій патріархъ Григорій одобрялъ изданный Виликобританскимъ Библейскимъ Обществомъ переводъ Новаго Завѣтъ на языкѣ Новогреческомъ, и Россійское Библейское Общество распространяло этотъ переводъ между многочисленнымъ Греческимъ народонаселеніемъ на Югѣ Россіи и между Греками въ Турціи.

Когда императоръ Александръ Павловичъ прибылъ въ Лондонъ въ 1814 году, его привѣтствовали выборные изъ Великобританскаго

Библейскаго Общества, председатель его лордъ Шовзендъ, несколько епископовъ, лицъ государственныхъ и другихъ членовъ, въ томъ числѣ благородный другъ человѣчества Вильберфорсъ. Это были люди, посвятившіе себя, благу человѣчества изъ чистой христіанской любви къ ближнему, безъ всякой посторонней мысли и безъ всякаго отношенія къ вѣроисповѣдному разномыслію. Они должны были полюбиться Государю. Онъ объявилъ имъ, что почитаетъ Библейское Общество благодѣтельнѣйшимъ учрежденіемъ и что оно въ особенности нужно для Россіи. Выборные стояли рядами. Александръ каждому пожалъ руку. Когда очередь дошла до Вильберфорса, онъ остановился передъ нимъ на нѣсколько мгновеній, какъ бы желая запечатлѣть въ памяти лицо человѣка, великая душа котораго жила въ столь неприглядномъ тѣлѣ. Затѣмъ частыя свиданія съ баронессою Крюднеръ утвердили Государя въ библейско-христіанской набожности или, какъ другіе называютъ, въ мистическомъ піетизмѣ.

По возвращеніи въ Петербургъ, князь Голицынъ, какъ оберъ-прокуроръ, объявилъ Св. Синоду слѣдующее. «Его Императорское Величество съ грустью усматриваетъ, что многіе Русскіе, вслѣдствіе воспитанія своего, не имѣвъ случая познакомиться со Славянскимъ языкомъ, весьма затрудняются понимать издаваемыя на этомъ языкѣ священныя книги, и оттого иные изъ таковыхъ прибѣгаютъ къ переводамъ чужеязычнымъ, а другіе и этого не могутъ. Такъ какъ, ради той же причины, Цареградскій патріархъ благословилъ чтеніе Новаго Завѣта, переведеннаго съ Старогреческаго на Новогреческій языкъ, то Его Императорское Величество считаетъ благовременнымъ, чтобы, подъ наблюденіемъ духовныхъ лицъ, сдѣланъ былъ и для Русскаго народа переводъ Новаго Завѣта съ Славянскаго на современный Русскій языкъ и чтобы Библейское Общество издало въ свѣтъ такой переводъ вмѣстѣ съ Славянскимъ подлинникомъ, въ томъ же видѣ, какъ уже обнародовано Св. Синодомъ Посланіе Апостола Павла къ Римлянамъ. Само собою разумѣется, что переводъ Славянскій остается неприкосновеннымъ въ церковномъ богослуженіи».

Синодъ поручилъ эту важную работу профессорамъ Александроневской Духовной Академіи подъ надзоромъ ея ректора, архимандрита Филарета, который былъ личнымъ другомъ князя Голицына. Ниже мы еще не разъ встрѣтимся въ нашемъ разсказѣ съ этимъ достойнѣйшимъ, высокообразованнымъ, одареннымъ государственными способностями пастыремъ. Онъ долженъ былъ утверждать переводы къ печати и съ неутомимымъ усердіемъ занялся возложеннымъ на него дѣломъ.

Почти во всѣхъ большихъ городахъ возникали непрерывно отдѣленія Библейскаго Общества, и дѣятельность его простиралась за предѣлы Россіи. Кишеневскій митрополитъ Гавріилъ писалъ Обществу, что Болгары настоятельно желаютъ имѣть Священное Писаніе на своемъ нарѣчіи, такъ какъ Церковно-славянскій переводъ для нихъ не вразумителенъ. Неутомимый пасторъ Пинкертонъ, объѣздившій въ 1819 году Турцію и Грецію, представилъ просьбу Болгаръ Цареградскому патріарху Григорію (тому самому, котораго умертвили Турки, какъ только началось Греческое возстаніе). Онъ поручилъ переводить книги на Болгарскій языкъ архимандриту Ѳеодосію въ одномъ изъ Валашскихъ монастырей. Извѣстный Вукъ Степановичъ Караджичъ (которому я обязанъ тѣмъ, что знаю Сербскій языкъ) сдѣлалъ Сербскій переводъ и приготовилъ его на просмотръ знатоковъ дѣла.

Итакъ начатый въ IX вѣкѣ Меѳодіемъ и Кирилломъ переводъ на Болгарскій языкъ сдѣлался невразумителенъ для Русскихъ, Болгаръ и Сербовъ. Конечно, этотъ переводъ имѣлъ великое вліяніе на языкъ Русскій; но языки измѣняются съ теченіемъ вѣковъ, сообразно историческому развитію народовъ, и нынѣ самому Болгарину непонятно его древнее нарѣчіе. Едва ли есть народъ, который бы такъ строго держался внѣшнихъ церковныхъ обрядовъ, какъ Русскіе, но едва ли какому народу труднѣе обучаться истинамъ вѣры *). Чтобы понимать сколько-нибудь Библію, Катехизисъ и богослуженіе, Русскій человѣкъ долженъ выучиться древнему Болгарскому нарѣчію, т. е. языку церковному съ его особенною азбукою и граматикою. Переводъ Новаго Завѣта на Русскій языкъ былъ настоятельною народною потребностью, и достоинъ признательности Катехизисъ, написанный Филаретомъ по-русски и съ благословенія Сvнода введенный въ училища. Но уже черезъ немного лѣтъ этотъ Катехизисъ и Русскій переводъ Священнаго Писанія подверглись преслѣдованію, и обнаружилась разница между воззрѣніями Фотіевъ и просвѣщеннаго патріарха Григорія.

Послѣ великихъ политическихъ потрясеній пробудилась повсюду въ душахъ потребность вѣры, чѣмъ и объясняется сочувствіе всѣхъ сословій общества къ распространеніи Слова Божія. Невозможно же было отрицать его силы въ ограждамствованіи и облагороживаніи народовъ. Воспитаніе по Евангельскому ученію было въ понятіи Государя вѣрнѣйшею основою народнаго благоденствія и государственной силы.

*) Вспомнимъ, что это пишетъ Лютеранинъ; а для Лютеранъ всего важнѣе внѣшній, умственный толкъ Слова Божія, и они забываютъ, что оно дано не уму только, а всему внутреннему бытію человѣка. П. Б.

26 Іюня 1822 г. Библейское Общество, съ кн. Голицынымъ во главѣ, собралось на засѣданіе въ той самой залѣ Таврическаго дворца, гдѣ князь Потемкинъ 8 Апрѣля 1791 г. угощалъ свою Государыню знаменитымъ праздникомъ, на которомъ былъ и нашъ князь Голицынъ камеръ - пажемъ Екатерины II-й. Приходилъ ли ему на память этотъ праздникъ? Между вице - президентами первенствовалъ новый митрополитъ Серафимъ, впослѣдствіи снискавшій столь печальную извѣстность. Я видѣлъ, какъ другой вице-президентъ, 90-лѣтній католическій митрополитъ Сестренцевичъ-Богушъ подошелъ къ нему, съ виду точно скелетъ, съ усиліемъ наклонился и поцѣловалъ у него руку. Серафимъ не счелъ для себя нужнымъ взаимствовать и только кивнулъ головою. Президентъ, въ рѣчи своей, говорилъ, что въ Библейскомъ Обществѣ соучаствуютъ всѣ христіанскія вѣроисповѣданія, такъ какъ основою для всѣхъ служитъ Священное Писаніе, что Общество распространяетъ Библію безъ толкованій и объясненій. Къ этому онъ некстати присовокупилъ (рѣчь была сочинена вѣроятно Поповымъ), что противникомъ Библейскаго Общества можетъ быть развѣ тотъ, кто не знаетъ Слова Божія или враждебенъ ему, и намекнулъ, что таковыми руководитъ врагъ человѣческаго рода. Подобные рѣзкіе отзывы нерѣдко раздавались въ Библейскомъ Обществѣ и въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія. Каково было слушать ихъ людямъ неотуманеннымъ, посреди господствовавшаго піетизма! Самое важное, что̀ мы узнали въ этомъ засѣданіи, было сообщеніе о выходѣ въ свѣтъ полнаго Новаго Завѣта и Псалтыри на Русскомъ языкѣ. Секретарями были Тургеневъ и Поповъ. Сей послѣдній—низкорослая, поджарая фигура съ богомольнымъ до глупости выраженіемъ лица. Докладывая о томъ, сколько и въ какомъ переплетѣ разошлось по государству Библій и Евангелій, онъ не удовольствовался должностнымъ отчетомъ, но прибавилъ отъ себя, возведя глаза къ потолку: Боже, велики чудеса Твои! Послѣ него читалъ Тургеневъ о дѣятельности Великобританскаго и другихъ заграничныхъ библейскихъ обществъ, равно и объ ихъ сношеніяхъ съ Россійскимъ. Въ составленіи этого отчета нѣсколько участвовалъ, по желанію Тургенева, и я, хотя не принадлежалъ къ Библейскому Обществу.

Россійское Библейское Общество издало Библію или отдѣльныя книги ея на слѣдующихъ языкахъ или нарѣчіяхъ: Церковно-славянскомъ, Русскомъ, Финскомъ, Дерптско-эстонскомъ, Ревельско-эстонскомъ, Латышскомъ, Грузинскомъ, Армянскомъ, Турецко-армянскомъ, Самоѣдскомъ, Корельскомъ, Черемискомъ, Чувашскомъ, Персидскомъ, Калмыцкомъ, Монголо-бурскомъ, Татаро-турецкомъ, Оренбурго-татар-

скомъ и Еврейско-татарскомъ. Нѣкоторыя изъ этихъ книгъ еще печатались, напр. на языкѣ Ново-болгарскомъ. Хотя Священное Писаніе стало доступнымъ не для всѣхъ 47 народностей, входящихъ въ составъ Россіи, но слѣдуетъ отдать справедливость Россійскому Библейскому Обществу: оно сдѣлало все для него возможное. Конечно въ немъ работали люди искренніе и самоотверженные. Назовемъ напримѣръ Шотландца Патерсона и присланныхъ позднѣе Великобританскимъ обществомъ пасторовъ Пинкертона и Гендерсона. Самъ президентъ одушевленъ былъ благороднѣйшимъ усердіемъ къ дѣлу, но къ сожалѣнію подпалъ вліянію такихъ лицъ, которыхъ слѣдовало ему не допускать до себя. Съ пшеницею произросли и плевелы. Въ Библейское Общество прокрались мистическіе мечтатели, изувѣры, невѣры, оглупѣлые піетисты и пронырливые льстецы, наружнымъ благочестіемъ добивавшіеся земныхъ выгодъ.

Появилось немало богословскихъ и мистическихъ книгъ въ Русскомъ переводѣ. Лабзинъ, издатель Сіонскаго Вѣстника и одинъ изъ директоровъ Библейскаго Общества, издалъ по-русски нѣкоторыя сочиненія Эккартсгаузена и Юнга-Штиллинга и по представленію князя Голицына былъ за то всемилостивѣйше награжденъ. Во множествѣ распространились благочестивыя книжки, изъ которыхъ нѣкоторыя написала княгиня Мещерская. Фотій клеймилъ ихъ названіемъ *бѣсовскія книги*. Директоръ Петровской школы, Шубертъ, человѣкъ въ сущности хорошій, вздумалъ издать по-нѣмецки съ цензурнаго дозволенія, старинные довольно нелѣпые стихи, которые я сохранилъ въ память того времени. Заглавіе ихъ «Паспортъ Христіанина».

Къ противникамъ Библейскаго Общества принадлежали и весьма достойные люди, какъ адмиралъ Шишковъ, который не отрицалъ, что человѣчество идетъ впередъ, но ко всякой новизнѣ относился съ недовѣріемъ. Онъ и его единомышленники полагали, что простой народъ можетъ довольствоваться внѣшними церковными обрядами, а нравственности христіанской обучаться у духовенства, что этого до сихъ поръ было ему достаточно, при чемъ Россія стала велика и могущественна, что церковь внутренняя, къ которой должно вести чтеніе Библіи, равнозначительна съ невѣріемъ, и что въ простонародьѣ размножатся отъ того секты, какъ показываетъ примѣръ Казанскаго есаула Котельникова. Но вѣдь много сектъ было и до Библейскаго Общества, а по закрытіи его, не смотря на преслѣдованіе свѣтскою властью, возникали новыя секты.

Шишковъ и приверженцы старины негодовали на введеніе въ школахъ Филаретова Катихизиса, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, молитвы на языкѣ церковномъ одинаково понятны, какъ и на Русскомъ, еже-

дневномъ. Развѣ, говорили они, «Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ», менѣе понятно, чѣмъ «сущій на небесахъ?» Эдакъ, пожалуй, переведутъ и обѣдню по-русски; но каково жо будетъ услышать вмѣсто *Азъ глаголю вамъ—Я говорю вамъ*? Доведенный до свѣдѣнія митрополита незначительный случай усилилъ его нерасположеніе къ Библейскому Обществу. Нѣсколько человѣкъ Англійскихъ миссіонеровъ и другихъ агентовъ Библейскаго Общества собрались покушать въ гостинницѣ насупротивъ Казанскаго собора, и когда они расходились по домамъ, кто-то изъ нихъ, указывая на соборъ, неосторожно выразился, что и тутъ будутъ молиться духомъ и истиною, когда населеніе города просвѣтится Словомъ Божіимъ. Въ архивѣ Св. Синода сохранилась отъ того времени записка о козняхъ враговъ Россіи. Она напечатана въ І-й книжкѣ «Русскаго Архива» 1868 года. Говорятъ, что ее написалъ князь Платонъ Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ (Татарскаго происхожденія) бывшій правителемъ канцеляріи Шишкова, позднѣе заступившій Уварова въ должности министра народнаго просвѣщенія, человѣкъ хорошій, но находившійся подъ вліяніемъ Магницкаго. Въ этой запискѣ къ самымъ опаснымъ противъ Россіи врагамъ причислены члены Библейскаго Общества и приверженцы вѣроисповѣдной терпимости *). Много позднѣе пасторъ Пинкертонъ, въ книгѣ своей «Россія» (стр. 58) показываетъ, что Православной церкви нечего было опасаться дѣятельности Библейскаго Общества. Онъ пишетъ: «Студенты Александро-невской Духовной Академіи, которые готовились быть преподавателями въ семинаріяхъ, пока они находились подъ руководствомъ Филарета, весьма охотно занимались разслѣдованіями Библіи и были хорошо знакомы съ лучшими сочиненіями по этой части. Нѣкоторые изъ нихъ успѣли уже познакомиться съ современными Нѣмецкими толкованіями, и я нерѣдко предостерегалъ ихъ отъ увлеченія ими. Горестно будетъ, если эти преподаватели, приготовляя священниковъ и дьяконовъ для 26-ти слишкомъ тысячъ церквей и отказавшись отъ накопившихся вѣками суевѣрій, перейдутъ въ противоположную крайность, т. е. въ разсудочность и невѣріе».

Церковники (клерикалы) твердили, что князь Голицынъ губитъ Православную вѣру; люди благоразумные и умѣреннаго образа мыслей не довольны были тѣмъ, что Магницкій и Руничъ гонятъ профессоровъ. Въ 1822 году, когда въ Государственномъ Совѣтѣ обсуждалось составленное Сперанскимъ по образцу Наполеонова Кодекса Граждан-

*) Іезуиты и Римская курія точно также о томъ думаютъ. Въ посланіи папы Григорія XVI отъ 8 Августа 1832 года сказано, что свобода совѣсти есть устарѣлое и безумное ученіе, самое опасное изъ всѣхъ заблужденій.

ское уложеніе *), возникло несогласіе между Сперанскимъ и княземъ Голицынымъ. Сей послѣдній утверждалъ, что въ главѣ о брачныхъ законахъ недостаточно охранена святыня брака. Сперанскій обидился и написалъ къ Государю письмо, въ которомъ выразился, что если князь Голицынъ заподозриваетъ его вѣру, то ханжи, конечно, причислятъ его къ безбожникамъ, и намекнулъ на преслѣдованіе профессоровъ. Говорили, но я не совсѣмъ этому вѣрю, будто Сперанскій очень встревожился и что ему представилась возможность вторичной ссылки.

Но прежде чѣмъ продолжать разсказъ, попробую въ общихъ чертахъ изобразить человѣка, который пользовался самымъ сильнымъ вліяніемъ на рѣшенія Государя.

*

Графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ (р. 1769), единственный изъ временщиковъ царствованія Александра пользовавшійся постояннымъ его благорасположеніемъ и неограниченною довѣренностью, былъ человѣкъ самый заурядный. Основою его характера была неумолимая, часто доходившая до жестокости строгость. По свидѣтельству графа Толя (въ его Запискахъ, которыя издалъ Бернгарди), Аракчеевъ, будучи молодымъ офицеромъ, уже вырывалъ у солдатъ усы за какую-нибудь ошибку въ полковомъ ученьи. Онъ презиралъ людей вообще, чиновниковъ въ особенности, и придавалъ цѣну только соблюденію внѣшности и предписаній. Унизить кого-либо, надѣлать кому-либо непріятностей было для него наслажденіемъ. Но если кто изъ подчиненныхъ показывалъ, что его не боится, того онъ оставлялъ въ покоѣ. Аракчеевъ не могъ внушать къ себѣ пріязни. Старый генералъ Бухмейеръ считался якобы другомъ его молодости, но и тому жестоко доставалось отъ него, въ случаѣ неисправности.

Французскій языкъ зналъ онъ очень плохо, за то любилъ похвастать знаніемъ Нѣмецкаго языка. Выписалъ онъ къ себѣ въ военныя поселенія молодаго врача изъ Германіи, и когда тотъ ему представлялся, онъ спросилъ его: Sind sie junger Mann? (молодой ли вы человѣкъ?). Это онъ хотѣлъ узнать, женатъ ли врачъ или нѣтъ.

Во внѣшнемъ видѣ Аракчеева не было ничего внушительнаго. Онъ глядѣлъ пожилымъ гарнизоннымъ офицеромъ; но его появленіе наводило страхъ и ужасъ. Александръ считалъ, что безъ его помощи ему не усмотрѣть за тѣмъ чтȍ дѣлается въ государствѣ, и непреклонная строгость Аракчеева служила Государю ручательствомъ въ уничтоженіи всякаго мятежнаго зуда.

---

*) Оно не было утверждено.

Аракчеевъ жилъ на Литейной, на углу Кирочной, насупротивъ нынѣшняго Главнаго Казначейства, въ принадлежавшемъ артилерійскому вѣдомству деревянномъ домѣ, въ залѣ котораго были зеркальныя стекла [1]). У подъѣзда появлялись иногда царскія сани, и довольно часто являлись туда высокіе сановники на поклонъ къ всесильному временщику. Прохожіе, зная, кто тутъ обитаетъ, пробирались мимо него тихонько, а иные и не безъ страха.

При Павлѣ, Аракчеевъ былъ уже барономъ, потомъ графомъ, имѣлъ Александровскую звѣзду и получилъ въ подарокъ Грузино, бывшее нѣкогда помѣстье князя Меншикова, въ 200 душъ мужского пола (женскій полъ при крѣпостномъ правѣ не считался). Крестьянъ этихъ считалъ онъ своимъ рабочимъ скотомъ, угнеталъ ихъ барщиною и поборами. Личная прислуга получала пощечины и палочные удары даже безъ вины, а просто, когда онъ былъ не въ духѣ. Въ такъ называемомъ арсеналѣ стояли всегда бочки съ соленою водою, въ которой мочились розги и палки для наказанія за малѣйшую оплошность. Если кто провинялся въ третій разъ, того наказывали въ барскомъ кабинетѣ, стѣны котораго дрожали отъ стука ударовъ и оглашались криками наказуемыхъ. За особенное упущеніе отсылалъ онъ виновныхъ въ казарму, гдѣ должность палача исполняли самые коренастые изъ солдатъ, а когда наказанные возвращались домой, то Аракчеевъ осматривалъ окровавленныя ихъ спины [2]).

Хотя Павелъ указывалъ своему наслѣднику на Аракчеева, какъ на особенно надежнаго слугу, однако при немъ онъ два раза подвергся опалѣ и былъ увольняемъ отъ службы. Первая опала продолжалась всего нѣсколько недѣль и состоялась по прихоти Государя, вторая вызвана самимъ Аракчеевымъ.

Въ артилерійскомъ арсеналѣ сберегалась, въ числѣ всякаго старья, повозка, въ которую ставились знамена и которая за ветхостью больше не употреблялась. Кто-то изъ солдатъ, тайкомъ отъ часовыхъ, пролѣзъ за рѣшетку, ободралъ съ повозки бархатъ, золотыя кисти и позументы и былъ таковъ. Тогда о самомъ незначительномъ проступкѣ надо было докладывать Государю, что̀ и слѣдовало сдѣлать Арак-

---

[1]) Въ 1873 году роковой одноэтажной домъ этотъ перестроенъ подъ военную гимназію, и недавно на мѣстѣ его воздвигнуто огромное зданіе Офицерскаго Собранія. П. Б.

[2]) У покойнаго Кокорева въ Ушакахъ былъ старикъ-садовникъ, въ молодости своей находившійся въ числѣ домашней прислуги Аракчеева. Онъ разсказывалъ, что Аракчеевъ, не задолго до своей смерти, приказывалъ ему (тогда еще мальчику) становиться противъ его креселъ и, сидя въ нихъ, желѣзнымъ аршиномъ теребилъ ему по носу до тѣхъ поръ, пока начинала капать кровь. За такимъ занятіемъ засталъ его присланный къ нему отъ императора Николая Павловича знаменитый и столь близко ему знакомый врачъ, баронъ Вилье. П. Б.

чееву, какъ инспектору артилеріи. Начальникъ отвѣчалъ за проступки своихъ подчиненныхъ, а начальникомъ того батальона, изъ котораго были ротозѣи-часовые, служилъ тогда родной братъ Аракчеева. Чтобы не подвергать его взысканію, Аракчеевъ доложилъ, что часовые были взяты изъ полка, которымъ командовалъ генералъ Вильде. Сей послѣдній, немедленно дневнымъ приказомъ уволенный отъ службы, обратился къ графу Кутайсову, прося его доложить Государю, какъ несправедливо съ нимъ поступлено.

Кутайсовъ, нѣкогда плѣнный Турчонокъ, камердинеръ и брадобрѣй императора Павла, до того ему полюбился, что въ короткое время получилъ графское достоинство и сталъ вліятельнымъ лицомъ при дворѣ; но, будучи вельможею, онъ продолжалъ брить Государя, который однажды выразился: Въ Россіи нѣтъ вельможъ кромѣ тѣхъ, съ кѣмъ я разговариваю и покуда я съ ними разговариваю. Впрочемъ всѣ, близко находившіеся къ Павлу, утверждаютъ, что, вопреки своему странному нраву, въ домашнемъ быту, въ обращеніи съ людьми онъ всегда былъ человѣкомъ вѣжливымъ; но относительно Кутайсова онъ не забывалъ, что этотъ новый графъ былъ прежде камерлакеемъ, и когда случалось ему этого лукаваго и хитраго человѣка уличить во лжи, то онъ изволилъ всемилостивѣйше колотить его изъ собственныхъ рукъ палкою, какъ нѣкогда Петръ Великій Меншикова. Кутайсовъ, поссорившись недавно съ Аракчеевымъ, радъ былъ случаю ему повредить и потому исполнилъ желаніе генерала Вильде. Въ тотъ же вечеръ, на балу въ Гатчинѣ, Государь увидѣлъ Аракчеева и приказалъ флигель-адъютанту немедленно выпроводить его изъ дворца, а на слѣдующій день, 1 Октября 1799 года, высочайшимъ дневнымъ приказомъ Аракчеевъ уволенъ отъ службы за фальшивый рапортъ Его Императорскому Величеству. Онъ болѣе не видалъ Павла. Собравшіеся къ дневному вахтпараду офицеры поздравляли другъ друга съ удаленіемъ ненавистнаго Аракчеева. Къ нимъ подошелъ Наслѣдникъ и спросилъ генерала Тучкова, слышалъ ли онъ, что Аракчеевъ уволенъ, и кто на его мѣсто. Тучковъ назвалъ генерала Амбразанцова. Каковъ онъ? спросилъ великій князь. Тучковъ отвѣчалъ, что Амбразанцовъ пожилой человѣкъ, вѣроятно мало смыслитъ во фронтовой службѣ, но нрава честнаго. Наслѣдникъ замѣтилъ, что назначенія дѣлаются большею частью наудачу и прибавилъ: «Слава Богу, что на этотъ разъ выборъ палъ не на такого мерзавца, какъ Аракчеевъ».

Послѣ того понятно, что Александръ, вступивъ на престолъ и возвративъ на службу всѣхъ уволенныхъ отцомъ его, не вызвалъ Аракчеева. Не раньше 1803 года вспомнилъ онъ, что̀ нѣкогда говорилъ ему Павелъ про Аракчеева. 14 Мая Аракчеевъ принятъ вновь на службу и

въ прежнюю должность. Однакоже прошло еще нѣсколько лѣтъ, прежде чѣмъ Аракчеевъ появился на виду, и никто не могъ тогда предвидѣть, какое исключительное положенiе займетъ онъ въ царствованiе Александра.

Въ противоположность извѣстнымъ по исторiи любимцамъ счастiя, которые съ ненасытностью пользовались милостями своихъ государей, Аракчеевъ не старался о своемъ внѣшнемъ возвышенiи, не накоплялъ богатства и постоянно отклонялъ царскую щедроту. Въ 1807 году онъ отказался отъ Владимирскаго ордена I-го класса, въ 1808 году отъ ордена Андреевскаго и взялъ себѣ на память только рескриптъ, орденскiе же знаки возвратилъ, отозвавшись, что не почитаетъ себя достойнымъ носить украшенiе, какое присвоено его государю. Въ то время жива была еще старуха-мать его. Чтобы почтить заслуги сына, управлявшаго тогда Военнымъ Министерствомъ, хотѣли назначить ее статсъ-дамою. Аракчеевъ отклонилъ и эту милость. «И такъ ты не желаешь ничего принять отъ меня?» съ упрекомъ сказалъ ему Государь. Аракчеевъ заявилъ на это, что мать его постоянно живетъ въ деревнѣ, не знаетъ придворнаго быта и будетъ только посмѣшищемъ для дворцоваго женскаго общества. Александръ пожаловалъ ему свой портретъ для ношенiя на груди; онъ отослалъ въ Кабинетъ драгоцѣнные бриліанты, которыми осыпанъ былъ портретъ, и носилъ его въ простой золотой оправѣ. Въ 1813 году онъ отказался отъ званiя фельдмаршала. Правда, онъ никогда не командовалъ лично и армейскимъ корпусомъ въ военное время, но самые озлобленные его противники отдаютъ справедливость его заслугамъ по артилерiйской части и сознаются, что благодаря ему Русская артилерiя доведена была до высокой степени совершенства.

Особенно ненавидѣли его за военныя поселенiя. Говорятъ, что первая мысль о нихъ принадлежала самому Александру и что Аракчеевъ сначала даже не соглашался приводить ее въ исполненiе. Но при устройствѣ поселенiй и въ управленiи ими онъ дѣйствовалъ съ безпощадною жестокостью. По его понятiю, крестьянинъ долженъ былъ считать себя счастливымъ, мѣняя свою избу на новой домъ. Но въ этомъ наскоро построенномъ холодномъ домѣ нельзя было согрѣться и высушить перемокшую въ полѣ отъ дождя и тумана одежду. Доселѣ и крѣпостной крестьянинъ, отбывъ барщину, былъ хозяиномъ у себя въ избѣ и въ своей семьѣ. Крестьянину же поселенцу педантически указанъ весь распорядокъ дня, и за всякое уклоненiе отъ этого порядка его жестоко наказывали. Бабу штрафовали за неподтертое пятно въ избѣ или за несметенную пыль, за сбѣжавшую курицу, за то что горшокъ поставленъ не на предписанномъ мѣстѣ. Неудивительно,

что крестьянинъ-поселенецъ чувствовалъ себя злосчастнѣе каторжника, который по крайней мѣрѣ въ тюрьмѣ своей могъ двигаться какъ хотѣлъ. Заведены были таблицы бракоспособныхъ дѣвокъ и вдовъ, которыхъ вѣнчали по опредѣленію начальства, нисколько не справляясь о взаимной склонности брачующихся.

Аракчеевъ постоянно доносилъ Государю объ успѣхахъ и процвѣтаніи военныхъ поселеній. Однако, напр. въ отчетахъ за 1821 годъ значится въ поселеніяхъ 69 случаевъ внезапной смерти и 12 самоубійствъ. По деревнямъ выли, какъ скоро приходила вѣсть, что ихъ отдадутъ подъ военное поселеніе, и когда Государю, въ его путешествіяхъ по Россіи, случалось проѣзжать по такимъ деревнямъ, его, вмѣсто обыкновенныхъ радостныхъ криковъ, встрѣчали молчаніемъ. [1]) Государь не могъ не знать, что, вопреки докладамъ Аракчеева, мужики волновались и приходилось ихъ обуздывать. Явное возмущеніе произошло, когда заводились поселенія въ казацкихъ селахъ близъ Чугуева. Туда двинули значительное число войска. Аракчеевъ доложилъ Государю, что бунтующіе вообразили, будто обращаютъ ихъ въ военныхъ поселянъ по требованію его Аракчеева, и потому грозились убить его. Поэтому онъ не ѣздилъ въ Чугуевъ, а оставался въ Харьковѣ, а когда бунтъ былъ подавленъ, нарядилъ военный судъ, которымъ приговорено къ смерти 275 человѣкъ. Казнь замѣнена прогономъ сквозь строй въ 12 тысячъ ударовъ [2]).

---

[1]) Александръ I совершалъ свои поѣздки всегда въ открытой коляскѣ и почти всякій разъ въ сопровожденіи кого-либо изъ высшихъ особъ. Разъ, передъ Французскою войною, я видѣлъ съ нимъ оберъ-гофмаршала графа Толстого; всего чаще ѣздили съ нимъ начальникъ Главнаго Штаба князь П. М. Волконскій, а потомъ его преемникъ Дибичъ. Высокая честь сидѣть рядомъ съ Государемъ конечно обязуетъ къ нѣкоей принужденности. Государь молодъ, крѣпокъ, здоровъ, не терпитъ нисколько отъ усталости или отъ дурной погоды. Спутнику не подобаетъ жаловаться. Ни табачку понюхать, ни покурить нельзя: Государь терпѣть не могъ ни того, ни другого. Въ 1823 году, ѣдучи съ Государемъ по Орловской губерніи и пользуясь тѣмъ, что Государь задремалъ, князь Волконскій осторожно вынулъ золотую съ бриліантами табакерку и только что хотѣлъ понюхать, какъ Государь вырвалъ ее у него изъ руки и забросилъ въ кусты. По прибытіи въ Орелъ князь просилъ тамошняго гражданскаго губернатора Шрёдера послать людей на поискъ табакерки и обѣщалъ щедро наградить за находку; но табакерка такъ и пропала.

[2]) См. подробности въ Апрѣльской книжкѣ Русской Старины 1870 года. О военныхъ поселеніяхъ и объ ужасахъ аракчеевщины издано статей и бумагъ, за послѣдніе тридцать лѣтъ, на цѣлыя книги. Гораздо менѣе извѣстно въ печати о другаго рода поселеніяхъ, заведенныхъ въ Смоленской и Саратовской губерніяхъ Воспитательными Домами. Тамъ селили незаконнорожденныхъ питомцевъ, и точно также, какъ у Аракчеева, взыскивалось за поставленную не на указанномъ мѣстѣ квашню или повѣшенную вопреки предписанію

Самъ Аракчеевъ могъ обольщаться мнимыми успѣхами своей дѣятельности по этой части, и тутъ дивиться нечему, потому что никто не осмѣливался говорить ему о военныхъ поселеніяхъ иначе, какъ съ величайшею похвалою. Сперанскій, нѣкогда его совмѣстникъ въ милости царской, благодаря ему возвращенный изъ незаслуженной ссылки и обязанный ему за то благодарностью, объѣзжалъ въ 1822 году военныя поселенія. Суть дѣла не могла отъ него укрыться, и въ дневникѣ своемъ онъ записалъ слова: fumus ex fulgore; Аракчееву же твердилъ онъ иное, и позднѣе даже напечаталъ (но не пустилъ въ свѣтъ) книжку о военныхъ поселеніяхъ. Житейская мудрость превозмогла въ немъ надъ любовью къ правдѣ, ибо противорѣчить Аракчееву значило погубить себя въ мнѣніи Государя. Даже Кочубей, гордый Кочубей, въ одномъ дошедшемъ до насъ письмѣ къ временщику, воскурялъ ѳиміамъ устройству и управленію поселеній [1]). Прошло немного лѣтъ, и Аракчеевъ былъ еще живъ, когда произошли Старорусскіе кровавые ужасы [2]).

Впрочемъ Аракчеевъ не чуждъ бывалъ государственныхъ соображеній. Онъ умѣлъ довольно удачно отыскивать и употреблять нужныхъ для дѣла людей. Надо также отдать ему справедливость въ томъ, что онъ не дѣлалъ столько зла, сколько могъ и конечно зная, какъ ненавидятъ его тѣ самые люди, которые предъ нимъ преклонялись, онъ не пользовался своею силою, чтобы раздавить ихъ. А вѣдь у него были бланкеты съ царскою подписью, и ему ничего не стоило отправить въ ссылку неугоднаго человѣка. При суровости нрава ему однако знакомо было чувство благодарности. Люди, принимавшіе его дружески въ то время, когда онъ былъ незначущимъ офицеромъ, пользовались и позднѣе его расположеніемъ и покровительствомъ. Память

дѣтскую люльку. Тутъ также, говорятъ, были возмущенія, и эти заведенія, вызванныя страстью счастливить людей по личному усмотрѣнію благотворителя или благотворительницы, скоро были закрыты; Аракчеевскія же поселенія просуществовали до самаго 1856 года. П. Б.

[1]) Покойная княгиня Е. Г. Хилкова, урожд. княжна Волконская, бывшая фрейлиною императрицы-матери, передавала намъ, что Аракчеевъ, когда приходилъ къ Государынѣ, становился обыкновенно передъ нею на колѣни. Тѣмъ не менѣе императрица однажды собралась навѣстить Грузино. Фрейлины единогласно умоляли ее не дѣлать этого, и поѣздка была отмѣнена. П. Б.

[2]) Много позднѣе, баронъ Ливенъ (нѣкогда нашъ консулъ въ Сербіи) возвратившись послѣ долговременнаго отсутствія въ Петербургъ, представлялся Николаю Павловичу. Государь спросилъ его: А что, Ливенъ, ты давно не видалъ меня, очень я постарѣлъ? На утвердительный отвѣтъ Государь сказалъ, указывая на свою лысину: „Это все старая Руса!" (Со словъ барона Ливена покойному С. Д. Полторацкому). П. Б.

Павла была для него священна, и онъ обожалъ Александра, который неизмѣнно къ нему благоволилъ, не смотря даже на то, что прекрасная Марья Антоновна Нарышкина иной разъ не скрывала своего отвращенія къ этому его любимцу.

Не зная благороднѣйшихъ человѣческихъ ощущеній, не нуждаясь въ любви, дружбѣ, общеніи съ людьми и развлеченіи, Аракчеевъ съ желѣзною настойчивостью занимался дѣлами, которыя поручалъ ему его повелитель. Имъ обладала одна только мысль, какъ бы сохранить за собою исключительную милость его. Совмѣстниковъ онъ не терпѣлъ и сумѣлъ отстранить двухъ людей, пользовавшихся значительнымъ вліяніемъ на Александра: начальника главнаго штаба князя П. М. Волконскаго и министра финансовъ графа Гурьева. Ихъ мѣста заняли Дибичъ и Канкринъ. Что онъ помогъ возвыситься этимъ людямъ, надо причислить къ его государственнымъ заслугамъ. Совмѣстникомъ въ царской милости оставался для него только князь А. Н. Голицынъ. Къ его устраненію Аракчеевъ воспользовался негодованіемъ той части духовенства, которая желала, чтобы Министерство Духовныхъ Дѣлъ было упразднено, находя, что лицо, управлявшее этимъ министерствомъ, тоже для Св. Сѵнода, что̀ министръ юстиціи для Сената. Не надо впрочемъ думать, чтобы Аракчеевъ сочувствовалъ монашескому изувѣрству. Оно ему было нужно только какъ орудіе.

Незлобивый князь Голицынъ и не подозрѣвалъ, какія облака сгущались надъ головою его. Именно тогда передавалъ онъ Тургеневу и мнѣ, въ день нашего доклада, что онъ велъ съ Аракчеевымъ долгую бесѣду, и что Аракчеевъ сообщалъ ему забавный анекдотъ о государственномъ канцлерѣ графѣ Румянцовѣ. Этотъ человѣкъ, какъ извѣстно, отмѣнно богатый, тратилъ большія деньги для цѣлей ученыхъ, но, хотя не имѣлъ прямыхъ наслѣдниковъ, отличался иногда необыкновенною мелочною скупостью. Одинъ офицеръ мелкаго чина, израненный на войнѣ и получавшій ничтожную для него и для его семейства пенсію изъ инвалиднаго комитета, обратился къ нему съ просьбою о пособіи. Эту просьбу графъ Румянцовъ переслалъ при письмѣ своемъ къ Аракчееву, который, разсказывая о томъ князю Голицыну, выражалъ удивленіе, какъ графъ Румянцовъ не усмотрѣлъ изъ самой просьбы офицера, что отъ казны ему дается все что̀ слѣдуетъ и что офицеръ обращается къ его благотворительности, а онъ Аракчеевъ тутъ не при чемъ. Князь Голицынъ сказалъ на это, что если бы графъ Румянцовъ обратился къ нему съ такою бумагою, онъ отвѣчалъ бы просто увѣдомленіемъ, что по его мнѣнію слѣдуетъ послать инвалиду столько-то денегъ.

(Продолженіе будетъ).

ИЗЪ ПИСЕМЪ КОНСТАНТИНА ЯКОВЛЕВИЧА БУЛГАКОВА КЪ БРАТУ ЕГО АЛЕКСАНДРУ ЯКОВЛЕВИЧУ [1]).

Snamenskoe [2]). Lundi soir, 1810.

Jusqu'à présent nous ne voyageons pas trop vite, mon cher, excellent frère, et c'est le premier moment que je commence à respirer. Il me fallait une réception comme celle que nous a fait le bon Jeannot pour m'ôter de la tristesse inconcevable ou plustôt très concevable dans laquelle je me suis trouvé toute la journée. Мы съ тобою часто разставались, но никогда мнѣ не было такъ больно—да и не можетъ быть иначе: никогда не оставлялъ я тебя въ такихъ обстоятельствахъ [3]). Дай Боже, чтобы ты скоро изъ нихъ былъ выведенъ. Я тебя заклинаю стараться все кончить, не смотря на пожертвованія, кои я всѣ на себя беру, какъ, кажется, тебѣ сказано.—Parlons de notre voyage. Arrivés au pont de Dragomiloff nous l'avons trouvé rompu: premier obstacle. Il a fallu traiter longtemps avec un bas-officier, qui voulait faire passer avant 200 barques et nous proposait d'attendre jusqu'au lendemain soir. Le nom de Volkoff [4]) nous a sauvé, et nous avons été quitte aprés avoir attendu une heure à peu près, tant qu'il fallait absolument pour remettre le pont. Partis de là, nous ne sommes arrivés à la première porte que vers les six heures. Pendant que je dormais, un cheval d'un обозъ qui passait alla de son lourd chariot casser quelques rayons à une des roues de ma britzka: second accident qui m'a retenu pendant deux heures. Ensuite une riviere à passer à Podolsk.

---

[1]) См. „Русскій Архивъ" сего года, выпускъ 8-й, стр. 609.

[2]) Знаменское подъ Тарусою, имѣніи Ивана Васильевича Нарышкина (нижеупоминаемый Jeannot), о которомъ часто говорится въ Запискахъ графа М. Д. Бутурлина, не забытыхъ конечно читателями „Русскаго Архива".

[3]) Относится къ тяжебному дѣлу между братьями Булгаковыми и двоюродною сестрою ихъ Колтовскою, которая оспаривала у нихъ наслѣдство скончавшагося за годъ передъ тѣмъ ихъ отца. Старшій изъ братьевъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ женился на княжнѣ Натальѣ Васильевнѣ Хованской, а младшій, котораго письма теперь печатаются, ѣхалъ на службу въ Турцію, занять мѣсто Д. Н. Блудова въ управленіи дипломатическою канцеляріею главнокомандовавшаго Русскими войсками графа Н. М. Каменскаго.

[4]) Московскій комендантъ, другъ Булгаковыхъ.

Une foule de voitures et de charriots attendaient, j'ai du faire du train, une querelle avec un seigneur de Moscou, ce qui était aussi plaisant, menacer un bon officier et pourtant j'ai perdu une heure. Ce n'est donc que vers les neuf heures du soir que nous sommes arrivés à Snamenskoe. Jeannot était dans la cour; il entend une sonnette et ne croyait pas que c'était nous. Il fut enchanté de nous voir, et on nous a recu comme des parens bien, bien aimés.

*

28 Мая 1810. Нѣжинъ.

Мы только что плотно поѣли, а уже и лошади готовы. Ежели же отсюда не писать, то Богъ знаетъ откуда удастся: ибо до Кіева нѣтъ городовъ, а можетъ быть Кіевъ ночью проѣдемъ. Дороги такъ дурны, что вообразить себѣ нельзя. Третью уже ночь какъ насъ валяютъ, милый и любезный братъ. Въ первую ночь Климъ удержалъ кстати лошадей, во вторую лежали мы во рву, а въ эту ночь совсѣмъ насъ опрокинули. Мазаровичъ[1]) повалился на меня и лежа вздумалъ толковать, отчего насъ опрокинули. Кое-какъ вылѣзли безъ всякаго вреда для насъ и для коляски. Бричка также очень хорошо себя ведетъ; по сію пору ничего не изломано. Дай Богъ не сглазить.

*

29 Мая. Кіевъ, 7 часовъ утра.

Насилу мы сюда доѣхали, милый и любезный братъ; но я не сожалѣю, что пріѣхали мы ночью, а то бы лишился я прекраснаго вида, который Кіевъ представляетъ при восхожденіи солнца. Мы переѣхали въ самое это время Днѣпръ. Я съ своею трубочкою все время о васъ думалъ. Этотъ видъ, эта тишина, шумъ вёселъ, мысль, что я съ вами разлученъ, такъ меня растрогали, что полились слезы, хотя я и не Карамзинъ; но право, со всѣмъ тѣмъ провелъ я пріятную минуту. Мы остановились въ Подолѣ возлѣ почты. Пещеры въ Пещерскомъ 3 версты отсюда, да многія изъ нихъ и обрушились въ прошломъ году, такъ что мы и отложили попеченіе ихъ видѣть. Тороплюсь чрезвычайно. Чувствую, что пора пріѣхать на мѣсто. Я было хотѣлъ отъ имени Наташи[2]) самъ сходить спѣть панихиду по ея матери, но некогда, а препоручилъ здѣсь хозяину, человѣку доброму, который самъ ѣдетъ въ Бухарестъ и ищетъ моего *покровительства*. Прошу не шутить!

За здравіе тетушки и васъ всѣхъ также споютъ молебенъ.

*

---

[1]) Извѣстный позднѣе дипломатическій чиновникъ. Его дружественныя приписки въ этихъ письмахъ по-итальянски.

[2]) Племянница фельдмаршала князя Репнина, мать Натальи Васильевны Булгаковой (ур. Нарышкина), описанная Вигелемъ, похоронена въ Кіевѣ.

Могилевъ на Днѣстрѣ, 31-го Мая.

Намъ, видно, положено было въ Россіи всякую ночь имѣть приключеніе. Въ эту ночь бричка моя вдребезги разбилась, и я принужденъ былъ, простоя 12 часовъ на станціи, промѣнять ее или лучше сказать купить другую за 15 р., что̀ совсѣмъ непріятно мнѣ было. Черезъ нѣсколько минутъ мы будемъ въ Молдавіи, которая отдѣлена однимъ Днѣпромъ. Могилевъ уже похожъ на безтолковый городъ. Здѣсь мнѣ сказывали на почтѣ, что маіоръ Хрущовъ проѣхалъ курьеромъ въ Петербургъ съ 75 знаменами, взятыми у Турокъ съ городомъ Базарджикомъ. Онъ отправленъ былъ изъ подъ Силистріи, и мнѣ туда ѣхать, а какъ онъ сюда проѣхалъ за два дни, то можетъ и я дня въ три поспѣю въ свое мѣсто.

*

Яссы, 2 Іюня 1810.

Вчерась прибыли мы сюда, мой милый и любезный братъ. Я тотчасъ пошелъ къ Василію Ивановичу*), который очень мнѣ обрадовался и такъ милостиво со мною обходился, что я не знаю какъ его благодарить. Мазаровича онъ обласкалъ; я надѣюсь, что они поладятъ. Здѣсь мы съ Мазаровичемъ разстаемся, но и я не на Бухарестъ ѣду, а по совѣту В. И. прямо къ Силистріи, гдѣ главная квартира. Прежде всего скажу тебѣ славную вѣсточку, о которой мы сегодня и молебенъ спѣли. Во-первыхъ, что̀ я тебѣ писалъ о взятіи Рущука или Тыртова (не помню) не правда, а Пеливанъ точно взятъ въ плѣнъ. Мы забрали нѣсколько городковъ по Дунаю къ Шумлѣ, между прочимъ Туртукай. Сегодня поутру В. И. прислалъ ко мнѣ своего секретаря спросить о здоровьи и поздравить съ побѣдою, со взятіемъ *Силистріи* 30-го Мая. Я тотчасъ пошелъ къ В. И. его поздравить и съ нимъ ѣздилъ къ молебну, который служилъ митрополитъ. Послѣ молебна были мы у него, гдѣ видѣлъ я здѣшнихъ и нѣсколько изрядныхъ женщинъ. В. И. завезъ меня домой и непремѣнно хотѣлъ войти ко мнѣ въ премерзкій трактиръ; насилу его удержалъ. Какой онъ добрый человѣкъ! Съ какимъ живымъ участіемъ говорилъ о нашемъ дѣлѣ! Въ два часа у него обѣдаю, а тамъ пускаюсь далѣе. Теперь мой путь гораздо сократился: можно ѣхать прямо на Силистрію. Багратіонъ похвасталъ, а Каменскій взялъ крѣпость, которую мы еще никогда не брали. Теперь только взять Варну и Рущукъ, такъ и всѣ крѣпости. Право, молодецъ! Всѣ его хвалятъ, и надѣюсь, мы уживемся. Я свои вещи и коляску оставляю здѣсь, а ѣду въ одной бричкѣ налегкѣ. Вещи и Васька будутъ покуда у Мазаровича, а В. И. обѣщалъ все это ко мнѣ доставить при первомъ письмѣ. На Бухарестъ

*) Милашевичу.

было бы напрасно, кругъ, а мнѣ же пора спѣшить и къ мѣсту. Здѣсь такая дороговизна, что ни съ чѣмъ сравниться не можетъ, даже въ вещахъ, кои бы должны, кажется, быть дешевы, какъ-то чубуки и мунштуки. Вообрази, мунштуки янтарные, какъ мои, 80 fr. Пожалуйста, не растеряйте вы моихъ. Пусть часть у тебя, часть у Фаста берегутся, только никому не дарите. Твоя трубка стала красавица. Оставлю ее здѣсь, чтобы оправили и прислали.

По Молдавіи ѣхали мы очень скоро. Здѣсь заведено очень умно. Въ Атакѣ, что̀ противъ Могилева по той дорогѣ Днѣпра, платятся деньги за всю дорогу до Яссъ вдругъ, такъ что на станціяхъ предъявляешь только Молдаванскую записку, и тотчасъ запрягаютъ, пяти минутъ не ждешь, не такъ какъ у насъ, гдѣ безпрестанныя остановки.

Ничего съ собою не беру въ армію, а портретъ Наташи со мною. Онъ мнѣ долженъ принести счастье. Обнимай ее почаще за меня, и будьте оба увѣрены, что ваше счастье и спокойствіе для меня дороже моего. Только у меня и желанія, чтобы вы скорѣе успокоены были. Чуръ, братъ, меня не жалѣть! Ежели ты меня любишь, то сдѣлаешь, что̀ я тебѣ говорилъ. Устрой себѣ состояніе, хотя бы и все мое пропало; все что̀ въ свѣтѣ называютъ *délicatesse* съ твоей стороны теперь приму я за знакъ недружбы и нелюбви ко мнѣ.

*

Силистрія, 7-го Іюня 1810.

Je suis au camp du comte Langéron devant Silistrie, qui a été prise, comme je vous l'ai marqué dans ma dernière lettre; avec elle 200 canons, 500 tonneaux de poudres, 500 m. cartouches de faites et quantité d'autres choses. Je suis arrivé ici avant-hier dans la matinée, espérant repartir tout de suite; au lieu de cela, j'ai rencontré tant de difficultés qu'à peine je suis parvenu à les vaincre pour aujourd'hui. Le comte Kamensky est déjà devant Schoumla. D'ici à Schoumla 90 verstes; on n'a pas encore établi de postes, et les courriers vont à cheval. J'ai du acheter des chevaux, ce qui était extrêmement difficile, car les Turcs, qui doivent quitter Silistrie, ont tout acheté au poids de l'or; aussi avec bien de la peine je suis parvenu à avoir 3 chevaux pour mon бричка. J'ai du les payer 30 fr., et ce n'est rien en comparaison des prix des Turcs, qui payent une paire de boeufs 25 fr. Quant au comte Langéron, tout est arrangé, et je pars demain de grand matin. Le comte, que j'ai un peu connu aux pays étrangers et sa femme, qui est ici, m'ont comblé d'amitiés et de politesses. Me voilà campé, et je vous avoue qu'outre l'impatience d'arriver à mon but, je m'amuse beaucoup

ici. Le comte et toutes nos troupes sont campés devant la ville. C'est charmant, surtout avec le temps délicieux qu'il fait. Silistrie est très agréablement située sur les bords du Danube; derrière la ville commencent des montagnes que je serai obligé de traverser jusqu'au camp du comte Kamensky. Hier nous avons été en ville avec le général. Nous avons fait une visite au métropolite grec et au fameux *Ilik - Oglou*, qui commandait Silistrie. Il nous a donné, d'après l'usage Turc, du caffé et des pipes. Votre pipe, que je n'ai pas pu me décider à laisser à Yassy, a fait l'admiration de toutes ces barbes; ils en ont tous fumé à tour de rôle. Vous savez combien les Turcs sont superstitieux, en voilà une preuve. Pendant le bombardement un de nos boulets a atteint le croissant qui est au haut d'un metschet et l'a courbé vers Russie. On prétend qu'entre autre ceci les a décidé à se rendre. Ilik est un peu triste, les autres Turc pas du tout, mais tous désirant et espérant la paix. Le grand visir était à Schoumla; on ne peut pas dire qu'il y soit encore, car avec le comte Kamensky on ne peut parier de rien: il met tant d'activité et de talent qu'à peine il se montre, et il est maître des places. Dieu donne qu'il détruisse l'armée du visir, dernier espoir des Turcs, et alors ils seront forcés à la paix à moins de vouloir nous faire aller jusqu'à Constantinople, ce qui n'est plus si difficile. Здѣсь нашелъ я много знакомыхъ и со многими познакомился. Право, славно жить въ арміи. Je ne saurais vous dire toutes les attentions qu'a pour moi le comte Langéron. Je vous assure que j'aurai de la peine à le quitter. Il a été longtemps à Vienne, et c'est notre sujet de conversation favorite, mais demain il faut décamper. Il a la bonté de me donner une escorte de 25 dragons avec un officier et de quelques cosaques. Je ne pourrai être chez le comte Kamensky qu'après demain ou dans deux jours, et j'ai un pressentiment que tout ira bien. Tout le monde en dit le plus grand bien.

Вотъ, милый братъ, моя реляція. Какъ я радъ, что такъ скоро нашелъ случай все тебѣ написать, но не знаю еще, какъ это письмо пойдетъ, можетъ и чрезъ Петербургъ. Что же дѣлать? Когда-то отъ тебя будутъ письма? Этого только недостаетъ къ моему спокойствію. Надѣюсь скоро получить. Ради Бога, пиши чаще. Дорога сюда изъ Яссъ довольно пріятна. Я видѣлъ Рымкинъ, который сдѣлалъ Суворова Рымникскимъ. Всякій день вижу что-нибудь достопамятное и чрезвычайно доволенъ моимъ путешествіемъ. Право, славно быть въ арміи, особенно когда дѣла идутъ такъ хорошо, какъ наши здѣсь. Что-то вы, мои любезные, дѣлаете? Всю дорогу о васъ продумалъ и положилъ рѣшительно, что я пресчастливый человѣкъ, имѣя тебя, Наташу и дру-

зей, какъ безцѣнный Фастъ. Обними его за меня. Писать некогда, негдѣ и не на чемъ. Пишу въ палаткѣ у Коронеллія, и поминутно вѣтеръ уноситъ бумагу.

*

Au camp devant Schoumla, le 14 (26) Juin 1810.

Наконецъ, милый и любезный братъ, добрался я до своего мѣста и не опоздалъ, какъ мы всѣ того боялись. Изъ Силистріи поѣхалъ я въ своей бричкѣ съ тремя новокупленными лошадьми и съ большою эскортою конницы и пѣхоты. Такимъ образомъ отъѣхалъ я верстъ съ 50 въ два дня. Тутъ мы простояли почти цѣлый день для отдыха людей и лошадей. Ввечеру проѣхалъ адъютантъ графа Ланжерона изъ лагеря графа Каменскаго и сказалъ мнѣ, что Турки, которымъ главнокомандующій далъ 4 дня сроку, дабы рѣшиться на подписаніе мира, по прошествіи срока отказались отъ подписанія и что графъ послѣзавтра, 11-го, намѣренъ былъ идти атаковать непріятеля. Я тотчасъ же рѣшился оставить Клима съ бричкою и ѣхать верхомъ, дабы быть при этомъ дѣлѣ. На другой день, т. е. 10-го поутру, взялъ я казачью лошадь и эскорту и, проѣхавъ верхомъ верстъ съ 80, благополучно въ тотъ же вечеръ прибылъ въ лагерь графа, которому отдалъ всѣ пакеты и коимъ былъ хорошо принятъ. Графъ съ арміею стоялъ на бивакѣ, и я тутъ мой первый опытъ сдѣлалъ. Блудовъ мнѣ уступилъ половину своего ковра на чистомъ воздухѣ. Я такъ усталъ, что не чувствовалъ даже, что во всю ночь шелъ дождь и весьма удивился, увидѣвъ себя совсѣмъ вымоченнаго. Въ 4 часа всѣ встали. Блудовъ мнѣ уступилъ одну изъ своихъ лошадей, а въ 5 часовъ гауптквартира выступила. Армія пошла къ Шумлѣ тремя колоннами. Графъ со всѣми нами пошелъ съ центромъ. Въ восьмомъ часу приблизились мы къ высотамъ, окружающимъ городъ. Турки тотчасъ оттуда были сбиты и прогнаны въ ретраншементы. Сіи весьма крѣпки, ибо три года какъ непріятель занимается укрѣпленіемъ города и весьма успѣлъ. Мы стали на горѣ близъ праваго фланга. Цѣлый день этотъ флангъ былъ въ весьма сильной перепалкѣ, а въ лощину, которая между нами и городомъ, высыпало множество конницы Турецкой. Она нѣсколько разъ пробовала атаковать нашу конницу, но была прогоняема тотчасъ. Не повѣришь, какъ весело было смотрѣть на всѣ эти дѣла, въ которыя мы взяли три знамя. Одинъ нашъ каре егерей весьма меня позабавилъ. Онъ стоялъ впереди, немного влѣво конницы, между нами и графомъ Каменскимъ 1-мъ *). Турки, его увидя, тотчасъ устремились его атаковать съ ужасною яростью. Каре весьма хладнокровно подпустило

*) Это былъ старшій братъ главнокомандовавшаго, графъ Сергій Михаиловичъ.

его на картечный выстрѣлъ, да какъ вдругъ грянуло на нихъ изъ пушки и ружей, такъ куда дѣвалась храбрость Турецкая: всѣ кинулись назадъ съ большей еще поспѣшностью, какъ туда летѣли. Подобная же атака была ими сдѣлана и на Александрійскій полкъ гусаровъ, кои также ихъ подпустили весьма близко и столь же славно прогнали.

Право, братъ, здѣшняя жизнь мнѣ весьма нравится. На другой день также дрались правый флангъ цѣлый день, а прочіе временно, но ничего рѣшительнаго не было; ибо Турки не дерутся въ полѣ и тотчасъ улепетываютъ въ ретраншементы. Въ эти два дни мы ихъ сбили съ высотъ и много имъ вреда причинили. Ночи провели мы подъ чистымъ небомъ у огня всѣ вмѣстѣ. Графъ весьма мнѣ полюбился, человѣкъ безъ всякихъ церемоній. Надобно видѣть, какъ онъ хладнокровно всѣ распоряженія дѣлаетъ. На другой день послѣ пришествія къ Шумлѣ, хотѣлъ уже онъ меня послать парламентёромъ къ визирю, но послѣ раздумалъ. Мнѣ здѣсь очень хорошо. О мнѣ не безпокойтесь. Всѣ почти люди знакомые и приняли дружески. Я не могу нахвалиться Блудовымъ: онъ всѣ услуги, которыя можетъ, мнѣ дѣлаетъ и теперь раздѣлилъ со мною свою палатку. Вчерась наконецъ ночью мы перешли влѣво противъ самаго города и стали лагеремъ. Надобно будетъ еще хорошенько побить визиря, чтобы принудить къ миру; но на это надобно время, ибо Турки не выходятъ изъ укрѣпленій, а ихъ взять весьма трудно. Я здѣсь нашелъ Рѣзваго, Валуева, Волконскаго, Трубецкаго, однимъ словомъ, множество знакомыхъ, а въ арміи всѣ за панибрата. Здѣсь также принцъ Мекленбургскій, мой старый знакомый. Я ищу себѣ купить верховую лошадь. Ланской обѣщалъ мнѣ сыскать. Я вездѣ ѣздилъ съ графомъ верхомъ. Je sens que c'est mon élément. Vous êtes capable de craindre pour moi, mon bon ami; vous auriez bien tort. Vous sentez bien que le commendant en chef ne s'expose pas, mais il est partout et voit tout, et c'est très amusant. Un événement nous a fait beaucoup de peine et à moi surtout, qui ai connu à Corfou le général Popandopolo. Il a été tué le premier jour par un boulet. C'était un excellent général. Que faire! Troubezkoy a été deux jours au feu. Il se porte très bien. A propos. En allant avec le comte dans les montagnes, j'y ai trouvé qui? Inzoff, qui y était avec son commandement. Nous avons été très étonnés et très contents de nous revoir. Je n'ai pas encore vu Woronzoff, qui est dans le corps de Kamensky 1-er. Je devais aller dîner chez eux aujourd'hui, mais j'ai retardé. J'ai vu Balmaine. Je vois sourir mademoisel-

le Marie[1]), à qui je vous prie de rapporter tout de suite ce que je vous dis. Je lui ai envoyé ses lettres, mais comme tout le monde était à sa place sans pouvoir la quitter, je n'ai pu le voir qu'hier. Il est venu au quartier-général. Il se porte très bien; il a été enchanté des lettres de m-elle Marie et de tout le mal que je lui en ai dit. Aujourd'hui il m'a donné rendez-vous à dîner pour se rassasier de ce que j'avais à lui dire et lui à me demander. Malheureusement cela à manqué. Il s'est extrêmement distingué, et il va lui pleuvoir des récompenses. S'il n'écrit pas, il n'y a pas de sa faute: n'étant pas au quartier - général, ils ne savent jamais quand partent nos courriers et ils n'ont pas le temps d'écrire; mais il m'a beaucoup prié de ne pas laisser passer une occasion sans donner de ses nouvelles à Marie. Je commence aujourd'hui. Les courriers d'ici partent d'une moment à l'autre. Je ne puis pas beaucoup écrire, mais je vous écrirai toujours à vous, et il y aura toujours un petit mot qui intéressera l'excellente m-elle Marie. Or, Balmaine se porte très bien et l'aime beaucoup. Le reste par le courrier prochain. Embrassez Jeannot à cette occasion, présentez mes respects à m-me Henriette [2]) et à ses demoiselles. О себѣ, милый другъ, сказать еще нечего. Слава Богу, здоровъ. La vie de camp me fait du bien et si j'avais de vos lettres, mon cher ami, je serais tout-à-fait content. A propos, n'oubliez pas, si vous êtes à Pétersbourg, de m'envoyer le plein-pouvoir pour mes appointements, mais je vous prie que cela soit en règle. J'ai montrée le portrait de la bonne et cher Nathalie à Bagration, qui l'a trouvé très ressemblant. Cela vous prouve qu'il ne me quitte pas.

*

Au camp de Schoumla, le 22 Juin (4 Juillet) 1810.

Encore un courrier, et encore une occasion de vous écrire, mon cher et bon frère. Il n'y a rien eu de positif entre nous et les Turcs. Ils commencent à manquer de vivres et même d'eau, parce que ces nigauds, en travaillant à leurs retranchements, ont détruit plusieurs tuyaux qui conduisaient l'eau dans leurs reservoirs. Il nous passe journellement des habitants de la ville, qui la quittent, craignant la faim, et d'après leurs rapports, qui sont tous à peu près d'accord, au moins dans l'essentiel, les chevaux sont nourris de feuilles de vignes, les janissaires seuls reçoivent leurs portions, les habitants souffrent beaucoup; on se bat pour avoir du pain, et on est obligé de leur faire des contes pour

---

[1]) Невѣста графа Бальмена, Марья Васильевна Нарышкина, во второмъ бракѣ Олсуфьева.

[2]) Супруга И. А. Нарышкина.

les appaiser. Le comte Kamensky cherche à leurs couper tous les chemins; celui du Constantinople est déjà occupé par nous, et il ne leur reste que des sentiers par lesquels ils ne peuvent pas transporter des charriots. Nous attendons notre artillerie de siège, et alors je ne sais vraiment pas ce que les Turcs feront. Il n'est pas agréable de recevoir des bombes dans une ville Turque, où il y a des femmes et des enfants et où les maisons ne peuvent nullement servir d'abris. Probablement nous resterons encore quelque temps ici, peut-être même les forcerons nous à signer la paix, si le grand visir pourra prendre cela sur lui. Il ne se décidera pas à faire une sortie, car il a la certitude d'être battu. S'il prendra la partie de s'enfuire dans le Balcan, les habitants de Schoumla propablement l'empêcheront de les abandonner, ou il sera obligé de nous laisser touts les canons, et puis il n'est pas probable que le comte leur laisse la possibilité d'effectuer ce projet. En un mot, grâce au Ciel, tout va bien. Hier on a pris Giuma, et par là on leur coupe encore une grande route. Tous les jours nous faisons quelques progrès, tous les jours les Turcs perdent quelque ressource. Ils n'osent plus mettre le nez hors des retranchements sans qu'on les chasse. Ils ne peuvent plus faire paître leurs bestiaux, car nos cosaques leurs enlèvent toujours quelque chose, et dès qu'ils sortent avec des troupes pour protéger leurs fourageurs, ils sont attaqués et fichent le camp ou sont chassés par nos boulets, pour lesquels ils ont une anthipatie décidée. Voilà notre bulletin. Il est pour vous et nos amis; mais je ne voudrais pas que cela courre la ville: car vous savez que je n'aime pas à faire le rôle d'Odoeffsky.

Enfin j'ai été chez Woronzoff et Balmaine, qui sont éloignés à peu près cinq verstes de chez nous. J'ai été joliment mouillé en revenant, et ce sont ces pluies continuelles que nous avons depuis quelques jours qui m'empêchent d'aller les voir aussi souvent que je le désire. Tout le monde était chez Woronzoff, quand je suis arrivé; tout le monde a été bien aise de me voir, mais Balmaine sur tout s'est emparé de moi et m'a conduit dans sa tente où il m'a tenu longtemps pour me parler de sa bonne Marie, et surtout pour me questionner. Il l'aime beaucoup et ne désire que la fin de la guerre pour aller la retrouver. Il se porte bien, il s'est beaucoup distingué, c'est tout ce que je puis dire de lui. Son frère, que j'ai aussi vu, part aujourd'hui pour Yassy. J'espère que m-elle Marie verra dans l'empressement que je mets à vous donner des nouvelles de B., combien je suis bon commissionnaire.

Pour ce qui me regarde, mon bon ami, je me trouve très bien ici, aussi bien que je puis l'être loin de vous. Demain il y aura un

mois que j'ai quitté Moscou. Le temps passe bien vite; hé bien, il me ramenera vers vous et peut-être nous ne serons plus malheureux alors. J'aime à espérer, et ce ne sera pas toujours inutilement que j'espérerai. Je n'ai pas encore de vos nouvelles, cela ne m'inquiète pas, mais je suis très impatient de savoir ce que vous faites et ce qu'on fait avec vous. Je vous ai écrit d'ici il y a quelques jours par un courrier. J'ai adressé ma lettre à Tourguéneff; peut-être que celle-ci vous sera envoyée par Milaschéwiz et si vous êtes encore à Moscou, vous me direz laquelle des deux aura été plus vite. Voulez-vous savoir ce que je fais? Je me porte bien, je joue tous les soirs au boston avec Rodofinikine*), qui me traite avec beaucoup d'amitié, avec Fonton, avec lequel je suis lié depuis Ténédos, et avec Bloudoff, dont je suis tous les jours plus content. C'est un excellent garçon. J'ai appris à le connaître. Je demeure avec lui, cela m'épargne une tente que j'aurais du acheter. Ba! Voilà du canon, il faut voir ce que c'est.

Les Turcs venaient de sortir pour fourager en grand nombre. Le comte Stroganoff et Woynoff leur ont donné le temps de couper le blé et de le charger sur leurs chevaux, après quoi il les ont attaqués, leurs ont pris tout le fourage, leurs ont tué plus de 150 h. et fait 69 prisonniers, parmi lesquels se trouve aussi un page du grand-visir, âgé de 60 ans. Le pauvre diable commandait la sortie et a été blessé à l'épaule. Nous avons eu un homme de tués et deux de blessés. C'est un plaisir de voir ces affaires, c'est absolument comme une chasse où les Turcs remplacent les lièvres. Zoukato, qui commande un détachement pas loin du Danube, a pris un retranchement Turc. Il a ensuite été attaqué en rase campagne par 4 m. Turcs, et avec 4 bataillons et un régiment des cosaques il les a repoussé; on a fait un grand carnage et pris deux drapeaux. Wlodek commandait un des bataillons et s'est très-bien conduit.

Je dîne ou chez le comte, ou chez quelqu'un de ces messieurs, et la matinée se passe à jaser, à voir les sorties des Turcs, à questionner les prisonniers. On dîne à midi, après dîner un petit sommeil; moi je profite de ce temps pour fair un petit tour de promenade seul et pour pouvoir librement penser à vous. Tout le monde me comble d'amitiés. Je vous assure que je suis très content de mon séjour.

---

*) Родофиникинъ былъ нашимъ консуломъ въ Сербіи, а позднѣе, въ теченіи долгаго времени, управлялъ въ Петербургѣ Азіатскимъ Департаментомъ Министерствъ Иностранныхъ Дѣлъ.

30-го Іюня 1810.

Бѣдный Воронцовъ очень боленъ. Вчерась былъ одиннадцатый день его горячки, но перелома не было. Сегодня докторъ мнѣ сказывалъ, что ему легче, но все онъ еще въ опасности. Я ему послалъ 15 лимоновъ, кои съ трудомъ сыскать могъ, заплативъ 3 фр. Я надѣюсь, что онъ спасенъ будетъ.

*

6-го Іюля 1810, въ лагерѣ близъ Шумлы.

Мы теперь стоимъ нѣсколько далѣе и болѣе вправо отъ Шумлы; авось либо зайцы выйдутъ изъ укрѣпленій своихъ, но тогда уже туда болѣе не возвратятся. Сегодня въ ночь часть нашего войска и самъ графъ Н. М. идетъ къ Рущуку, гдѣ мы марша черезъ четыре будемъ. Приготовляйте плошки. Съ помощію Божіею и онъ скоро въ нашихъ рукахъ будетъ. Между тѣмъ остается здѣсь съ сильнымъ корпусомъ графъ Каменскій для принятія визиря, ежели ему вздумается выйти. Усердіе и дѣятельность нашего главнокомандующаго не позволяютъ ему терять минуты времени: пока Шумла истощается, онъ возметъ Рущукъ, который, подобно Силистріи, никогда взятъ еще не былъ. На сихъ дняхъ курьеръ изъ Петербурга привезъ награжденія за прошедшія дѣла. Ну, братъ, надо было видѣть всеобщее восхищеніе, чтобы судить, какъ пріятенъ долженъ быть знакъ, кровію заслуженный. Но какія лестныя получены награжденія! Графъ читалъ списокъ милостямъ, особливо тѣмъ, кои сдѣланы полкамъ, живо былъ тронутъ, нѣсколько разъ принужденъ былъ останавливаться. У насъ много новыхъ генераловъ, въ числѣ коихъ Воронцовъ, С. Пріестъ и Башиловъ. Графъ получилъ 1-го Владимира, но вамъ все это должно уже быть извѣстно. Воронцовъ, слава Богу, вышелъ уже изъ опасности, но еще очень слабъ. Долго отчаявались въ его жизни; его вылѣчилъ графскій докторъ, одинъ изъ тѣхъ, которыхъ мы изъ Вѣны прислали.

*

Въ лагерѣ предъ Рущукомъ, 12-го Іюля 1810.

Je vous écris au bruit des canons et au milieu d'une terrible bombaidement, mon cher et bon ami. Un courrier part sur-le-champ pour P.-bourg, et j'abandonne le beau spectacle que nous offre une pauvre ville obligée de recevoir quelques millions de bombes, boulets, grenades, etc. etc., pour vous écrire. Je vois d'ici quatres maisons qui brûlent. Pauvres habitans, je vous plains, mais je vous souhaite tout le mal possible! Nous sommes ici depuis avant-hier. Le c-te est décidé à laisser devant Schoumla son frère avec un corps considérable et de venir lui-même hâter la prise de Roustchouk, qui, j'espère, aussi dans

quelques jours, malgré la fierté et la bravoure de Bosniak-aga, qui y commande, perdra son innocence. Depuis Schoumla jusqu'ici nous avons marché très vite, nous avons fait en 48 h. plus de 100 verstes. Je vous avoue, que j'étais rendu de fatigue. Ce n'est pas une plaisanterie que de rester 10 heurs à cheval et de recommencer le même train après cinq ou six heures de repos. Mais aussi quel beau pays nous avons parcouru!

Maintenant nous sommes sur une hauteur qui domine Roustchouk, nous avons la ville comme sur la main; plus loin est le cher Danube, cette ancien ami, avec qui j'ai passé huit ans dans la même ville. Il coule en deux bras, qui forment entre Giurgevo et Roustchouk une ville coupée par une espece de canal, au moyen du quel les deux villes communiquent. Elles sont peut-être à 3 verstes de distance l'une de l'autre et pas même. Un bombardement est une bien belle chose, surtout la nuit. Vous voyez voler les boulets rouges, tomber, éclater et souvent allumer une maisou. Tout cela est l'affaire d'une seconde. Les Turcs ne se trouvent pas bien de cette affaire-là, et cela ne les amuse pas autant que nous autres.

On m'a apporté ce matin une lettre, je me jette hors de mon lit pour la recevoir, croyant qu'elle est de vous, et c'etait du p-ce Kourakine. Elle ne m'a pas moins fait plaisir par l'intérêt qu'il prend à moi. Il a écrit au c-te pour me recommander, comme il aurait recommandé son fils. Quel brave homme! Il est impossible de ne pas lui être attacher de coeur et d'âme, aussi je le suis et je regarde comme ma vraie consolation, dans notre malheureuse situation, d'avoir des protecteurs et des amis, comme nous en avons.

*

Au camp devant Roustchouk, le 23 Juillet 1810.

Это письмо повезетъ Блудовъ, который возвращается въ Россію и, между нами сказать, навсегда. Я занимаю его мѣсто и принимаю отъ него всѣ бумаги. Здѣшняя жизнь ему наскучила, къ тому же случились у него важныя домашнія дѣла, которыя требуютъ его присутствія въ Спб. и Москвѣ*). Ежели онъ у васъ будетъ, приласкайте его; онъ меня здѣсь очень обласкалъ, и право мнѣ жаль, что онъ ѣдетъ. Малый прекрасный.

Я пишу у бѣднаго Влодека, который раненъ пулею въ плечо. Не могли еще вырѣзать пули, отъ чего онъ весьма страдаетъ. Я у него вчерашнюю ночь просидѣлъ, да и сегодня тоже сдѣлаю, ибо

*) Предстоявшая женитьба на княжнѣ Аннѣ Андреевнѣ Щербатовой.

ночь онъ не можетъ спать, боль дѣлается ощутительнѣе и когда онъ одинъ, то отчаевается. Мы съ нимъ здѣсь подружились еще больше Виленскаго. Онъ безъ меня не можетъ быть часа.

*

Au camp de Roustchouk, le 2 Août 1810.

Меня все зовутъ въ Вѣну, но теперь не то у меня въ головѣ. Меня уговариваютъ проситься послѣ мира секретаремъ посольства въ Царьградъ, и я не прочь отъ этого. Какъ ты думаешь?

*

Au camp de Roustchouk, le 6 Août 1810.

Le temps passe dans les plaisires comme dans la tristesse, il passe et emporte tout avec lui; c'est ma philosophie et ma consolation, quand je suis bien triste. J'aurais tort de me plaindre de ma situation ici. Un beau climat et des lettres de Moscou; en faut-il d'avantage à celui qui ne peut pas vivre à la Slabode? *) Je puis ajouter à cela de l'occupation que me donne ma place actuelle, l'intérêt que me marquent toutes les personnes du quartier-général et l'amitié de quelques individus bien respectables, tels que le vieux Fonton que j'ai connu sur mer. Son neveu est un excellent garçon que j'aime beaucoup et qui me gronde toutes les fois qu'il me voit triste. Il chante joliment, je lui ai appui mia bella et lorsque je n'ai rien à faire, nous allons nous promener dans les belles contrées avec nos pipes. Il me chante des airs que je vous ai entendu chantés, nous finissons par nous taîre tous les deux: il pense à Constantinople, et moi à vous, mes bons amis.

Изъ письма къ Натальѣ Васильевнѣ Булгаковой.

Je me lève de très bonne heure. Quelques fois à 5 heures je suis déjà sur pied. Une belle matinée me fait du bien; je vais m'assoir sous des grands cerisiers, où on a fait un banc. J'ai sous les yeux deux villes Rouschtchouk, Giurgevo, séparés par le Danube. Tout cela me fait faire des réflexions. Cette ville qu'on assiège, ce Danube qui passe par le Prater à Vienne, qui quitte la plus belle promenade du monde, des gens qui ne pensent qu'à s'amuser, pour venir voir le triste tableau de la guerre!! Je reviens chez moi, je me mets à mon travail avec l'exactitude à la quelle m'a habitué ma missiou de Vienne; puis je relis vos lettres (ce que je fais journellement); arrivent 9 heures et la parade. Je raffole d'une marche qu'on a fait de deux journées «o mon

---

*) Т. е. въ Москвѣ, въ Нѣмецкой Слободѣ, въ родительскомъ домѣ у Салтыкова моста. Старшій братъ Александръ и его молодая супруга жили еще тамъ.

libérateur»; je ne connais rien de plus joli. Je tâcherai de me la procurer pour vous l'envoyer. Après la parade, ou avant s'il me fait appeller, je finis mon travail avec le c-te et si je n'en ai pas de nouveau, je vais chez quelqu'un de ces messieurs; il y en a de raisonnables, de gaies, de foux, de drôles, et je choisis pour la matinée une société d'après mon humeur ou ma disposition. Arrive l'heure du dîner, c'est 11 heures ou midi au plustard. Quand je ne suis pas invité ailleurs, je vais dîner chez le c-te, la société n'y manque pas: il y a toujours quarante ou cinquante personnes à table. Je mange beaucoup à mon ordinaire, je me fâche contre un essaim de mouches, j'écoute de la musique et souvent de la musique que j'aime. Le dîner fini, je rentre chez moi, le sommeil combat avec les mouches, je me couvre d'une coussinnière et je finis par m'endormir. Fonton vient me reveiller, nous causons ensemble, la chaleur est excessive, nous allons jouer au boston, ne pouvant pas faire autre chose, et puis le canon de la retraite nous apprend que le soleil est couché. Nous nous acheminons vers les fameux cerisiers où se trouve ordinairement le c-te et autour de lui tout le quartier-général. Bientôt après il va souper, et notre promenade commence, car moi je soupe ordinairement chez les Fontons et bien plus tard.

*

10-го Августа 1810, въ лагерѣ предъ Рущукомъ.

Depuis deux jours nous avons des dames ici; aussi nous commençons à nous faire la barbe, à mettre un uniforme aulieu de surtout que nous portons toujours et à devenir tout-à-fait élégants. Les dames sont la c-sse Langéron qui a été connue il y a quelques années de cela pour sa beauté et qui pourrait encore l'être pour son amabilité, et puis m-me Manteufel, Polonaise un peu sur son retour, très aimable et encore assez jolie. C'est chez ces dames que nous passons nos soirées, et c'est aumoins du temps de tué. Du reste je n'ai pas raison de me plaindre du temps, il passe assez vite, car j'ai toujours quelquex chose à faire. Je suis très content de ma place, elle me donne de l'occupations, et le travail est très agréable, avec le comte naturellement; cela m'a tout-à-fait rappoché à lui, et je l'aime tous les jours d'avantage.

J'ai vu partir Bloudoff avec beaucoup de regret, mais ses affaires l'ont exigé, et puis il a un bien malheureux caractère: il est continuellement dans une inquiètude, dans une agitation, qui le tuera un jour. Imaginez-vous ce que c'est peut être avec un tel caractère à la guerre?

Nous sommes toujours à bloquer Roustchouk. D'après tout ce que disent des transfuges, la faim commence à se faire sentir d'une belle

manière; les pauvres meurent de faim et les riches sont réduits à du biscuit. Voilà toutes nos nouvelles pour le moment.

Il y a quelque jours que j'ai assisté à une entrevue de deux frères qui s'aiment et qui ne s'étaient pas vu depuis des années. Ce sont les frères Michaux, excellents officiers.

Chez nous ou dîne quelque fois à 10. A présent qu'il n'est que 6 heures, m-me Manteufel a déjà passée devant ma tente pour aller voir son mari à quelques verstes d'ici. Nous avons à présent ici un pont sur le Danube, cela fait que nous ne manquons de rien; nous faisons excellente chère, et puis quels fruits! Nous sommes campés dans des vignes. Le raisin commence à murir, et hier j'ai déjà mangé une grande assiette. Dans les vignes il n'y a pas d'autres arbres que des abricotines, des pêches, des noyers, cerisiers, pruniers etc., et c'est avec ce bois que nous ferons la cuisine. Tous les jours je mange des noix fraîches. То-то бы къ вамъ послалъ!

*

Съ поля сраженія при деревнѣ Батинѣ, 27-го Августа 1810.

Мой милый, безцѣнный братъ. Узнавъ, что Кушниръ-Али, сераскиръ Дунайскій, Мухтаръ-паша, сынъ Янинскаго Али-паши, и другіе паши и аяны собрали болѣе 70,000 войска, дабы идти на помощь къ Рущуку и что они уже въ 35 верстахъ отъ насъ, графъ напередъ послалъ брата своего пріудержать ихъ, а третьяго дня прибылъ самъ сюда для нападенія на Турецкія толпы, которыя весьма сильно укрѣпились въ трехъ лагеряхъ, выбравъ и позицію весьма отъ натуры крѣпкую; но онъ сдѣлалъ какъ Кесарь: пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ! Третьяго дня въ вечеру мы сюда прибыли, вчерась побили непріятеля, сегодня убираемъ пушки, плѣнныхъ и знамена, а завтра возвращаемся къ Рущуку. Но какая побѣда! Турковъ и слѣда не осталось. Болѣе 5000 плѣнныхъ, болѣе 8000 убитыхъ, не считая тѣхъ, кои поранены были кавалеріею нашею, ихъ преслѣдовавшею. Кушниръ-Али убитъ, паша трехбунчужный съ 4000 принужденъ былъ положить оружіе и просить пощады; по сіе время 176 знамени, три начальныхъ знака у насъ. Подробности еще неизвѣстны, а я увѣренъ, что всего еще болѣе. Побѣда была 26-го, въ самые имянины милой Наташи: она намъ принесла счастье. Въ вечеру предъ сраженіемъ графъ призвалъ меня и отдалъ мнѣ письмо отъ тебя, № 6-й. Ну, братъ, что̀ я почувствовалъ, читая его, и въ какое время! Оно еще для меня драгоцѣннѣе было. Я ночевалъ у Бальмена, а въ 7 часовъ утра армія пошла на непріятеля, превосходившаго гораздо насъ числомъ и засѣвшаго въ укрѣпленіяхъ. Но что̀ можетъ противиться храбрости Русскихъ войскъ? Въ одинъ день войско Турецкое разбито, укрѣпленія взяты, и вечеръ

провели мы въ ихъ укрѣпленіяхъ. Я во все время былъ съ графомъ, а онъ цѣлый день на пушечномъ и ружейномъ выстрѣлѣ отъ непріятеля. Ихъ ядры и пули летали, свистѣли около насъ, но слава Богу никого изъ графскаго штата не ранили,—и я живъ, здоровъ, милый другъ. Графъ въ вечеру, называя меня diplomate-guerrier, хвалилъ мое хладнокровіе, говоря: vous êtes fait pour le militaire, quoique très à votre place comme diplomate; vous avez été toujours avec moi *).

Не повѣришь, братъ, какъ сердце радостно послѣ такой побѣды и какъ я радъ, что себя испыталъ, что я не трусъ. Ядры летятъ, а я трубку курю на своемъ борзомъ конѣ и не нагнусь даже, а около бьютъ людей и лошадей. Но, милый мой, это пишу для тебя; а не то сочтутъ меня фанфарономъ.

*

Въ лагерѣ предъ Рущукомъ, 4-го Сентября 1810.

Я описалъ тебѣ вкратцѣ, въ послѣднемъ письмѣ моемъ, наше славное дѣло. То-то я думаю добрые Москвичи ему порадовались, да и есть чему. Сильныя укрѣпленія, защищаемыя съ упорностью, великое превосходство въ силахъ, сильная позиція, ничто не могло противостоять мудрымъ распоряженіямъ новаго Суворова и храбрости Русскаго солдата. Въ девять часовъ 40000 Турокъ совершенно разбиты, прогнаны, истреблены. Надобно было видѣть, какъ всѣ поля и лощины, по которымъ конница наша преслѣдовала бѣжавшихъ, устлана еще трупами, и это вѣдь на 15 верстъ разстоянія. Сверхъ того лагерь еще наполненъ убитыми, не считая тѣхъ, которыхъ они зарыли. Плѣнныхъ болѣе пяти тысячъ. 176 знаменъ, трехбунчужный Махметъ-паша въ числѣ плѣнныхъ, а также и двухбунчужный и командовавшій флотиліею, которая разсѣяна, много лодокъ взято и много потоплено. Весь непріятельскій лагерь, вся артиллерія, оружіе, все намъ досталось. На другой день умора было смотрѣть на солдатъ и казаковъ въ Турецкихъ платьяхъ, шубахъ.

*

11 Сентября 1810 предъ Рущукомъ.

Mon genre d'occupation ici, mon cher ami, est toute la poste diplomatique. Il me semble que le c-te n'est pas mécontent de moi, à juger au moins par sa manière d'être avec moi. Moi, de mon côté, je mets tous mes soins à être plus qu'exacte, et il aime cela. Entre nous

*) Въ краткой біографіи К. Я. Булгакова, въ Словарѣ дост. людей Бантыша-Каменскаго, читаемъ: „Въ Батинской битвѣ онъ бросился, въ числѣ первыхъ, въ Турецкій ретраншементъ, и на дружескій упрекъ, сдѣланный ему фл.-адъютантомъ графомъ Де-Бальменомъ, который нашелъ уже его въ кровавой сѣчѣ, за чѣмъ онъ подвергается такимъ опасностямъ безъ всякой нужды и пользы для себя, отвѣчалъ съ улыбкою: „Пустяки! Пули бьютъ только вашу братью военныхъ, а какое имъ дѣло до насъ дипломатовъ?“ Такой же отвѣтъ давалъ князь В. А. Черкаскій Скобелеву подъ Плевною 30 Августа 1877 г. П. Б.

soit dit, mon prédécesseur ne l'était pas. Il était frappé de ses idées noires et négligeait un peu le travail, ce qui m'a donné du fil à retordre. Il a laissé tout dans le plus grand désordre, et ce n'est qu' à présent que je commence à voir clair. Завелъ свой порядокъ, и все идетъ какъ по маслу. Возможно ли главнокомандующему, который занятъ безпрестанно важнѣйшими дѣлами, вспомнить о каждой бумагѣ? Это наше дѣло очищать ихъ, а у меня ни одна бумага не остается безъ отвѣта и безъ рѣшенія. Графъ любитъ порядокъ, а я думаю, нельзя ему не примѣтить, что теперь все идетъ порядочнѣе. Ce que je vous écrits de B. c'est pour vous seul, mon cher ami. Je l'ai même caché ici à tout le monde pour ne pas lui faire du tort.

Въ Вѣну ждали Нарышкину. Тамъ теперь множество Русскихъ: Бибиковъ, Новосильцовъ, Бауеръ, Кутайсовъ, Браницкіе пр. пр. Живутъ тамъ очень весело. Княгиня наняла*) загородный домъ, и у нея по обыкновенію много народу. Отъ Мальи я получилъ также предружеское письмо. Мнѣ прислали книгу Vertraute Briefe geschrieben aus einer Reise nach Wien, von Reichsandt. Я былъ въ то время въ Вѣнѣ и на всѣхъ ужинахъ, концертахъ, балахъ, кои онъ описываетъ. Преріятное чтеніе для меня. Онъ же, всѣхъ называя, про всѣхъ моихъ знакомыхъ говоритъ. Я къ тебѣ со временемъ пришлю эту книгу, и тебя она будетъ интересовать.

Блудову я точно отдалъ для тебя № 17, въ коемъ я писалъ тебѣ о полученіи двухъ твоихъ писемъ. Жаль, что онъ его потерялъ, но совсѣмъ тому не удивляюсь, ибо онъ поѣхалъ отсюда весь не свой. Богъ знаетъ, что̀ съ нимъ сдѣлалось. Онъ всѣ генерально письма потерялъ и никому не отдалъ. Экая головушка!

У насъ, братъ, все идетъ лихо. Крѣпость Кладова сдалась. Всякій день что нибудь новаго и пріятнаго. Ну ужъ достается Туркамъ отъ насъ. Но все это не мѣшаетъ мнѣ желать миру. Послѣ него тотчасъ къ вамъ, и надѣюсь пожить долѣе, чѣмъ въ послѣдній разъ. Тогда надобно будетъ думать о мѣстѣ и опять на годокъ разстаться. Неужели мы никогда не поживемъ вмѣстѣ порядочно? Неужели никогда не кончится горестное наше положеніе? Что̀ мы сдѣлали, чтобы такъ долго быть наказаными!

Le pauvre Dolgorouky (fils de prince Юрій Влад.) est mort d'une fievre chaude à Bucarest.

*

Въ палаткѣ между Рущукомъ и лагеремъ, 15-го Сентября 1810.

Наконецъ, милый, любезный братъ, гордость Рущука усмирена. Сейчасъ подписана капитуляція, которою сдается онъ побѣдоносному

*) Княгиня Багратіонъ, супруга героя 1812 года.

оружію Г. И., и въ какой день? Въ имянины Государя!*) Турокъ было четверо полномоченныхъ, а съ нашей стороны г.-м. кн. Вяземскій, Родофиникинъ, старикъ Фонтонъ и я, et c'est moi qui ai dressé l'acte de reddition. Чтó взялъ Боснякъ съ своимъ упорствомъ? Принужденъ былъ просить пощады. Это еще не все: теперь составляемъ мы капитуляцію Журжи, которая сегодня также подписана будетъ. Поздравляю васъ, мои милые, съ сими двумя важными пріобрѣтеніями. Нашему начальнику предоставлено было взять крѣпости, которыя никогда еще въ рукахъ нашихъ не были. Журжа держится съ начала войны, пресильная крѣпость, Рущукъ преогромный городъ, гораздо болѣе и важнѣе Силистріи; взяты въ одинъ день.

Это еще не все, но еще были взяты корпусомъ, который состоялъ подъ начальствомъ покойнаго Цукато, а теперь коимъ г. л. Зассъ командуетъ, крѣпости: Орява, Краова и Неготинъ. Какова кампанія? Славнѣй этой не бывало и во времена Суворовыхъ, Репниныхъ. Сочтите, сколько дѣлъ было выиграно, городовъ взято. Туртукай, Силистрія, Коварна, Разградъ, Базарчикъ и Журжа. А побитіе визиря, а Батинское сраженіе, а дѣло графа Ланжерона? Mais il faut que je vous quitte pour mettre la dernière main à la capitulation de Silistrie. Hier nous avons été occupés avec la première depuis 9 h. du matin jusqu'au soir. On a dressé une tente tout près de la ville, où nous nous sommes réunis. Quand je pense qu'il y a deux jours que dans cette place où on nous aurait criblés de balles, on demande grâce! Valoueff porte cette importante nouvelle à S-t Péterb.

*

Предъ Рущукомъ, 21-го Сентября 1810.

О моихъ упражненіяхъ я уже писалъ. Дѣла иногда очень много иногда же проходятъ цѣлые сутки, и пера въ руки не возьму. Здѣсь главное работать скоро и ясно, писать иногда лежа на голой землѣ и стараться сколь возможно, даже въ перевозкахъ, имѣть въ бумагахъ порядокъ. Канцеляріею я управляю, и это очень для меня должно быть легко, ибо графъ мнѣ это препоручилъ, а въ оной есть камеръ-юнкеръ Багрѣевъ, который нѣсколько уже лѣтъ при здѣшней арміи. Для переписки и порядка канцелярскаго у меня славный человѣкъ, Яковенко, сверхъ того переводчикъ Меликовъ и какой-то губ. секр., коего имени не могу затвердить. Для списыванія же Фр. бумагъ переводчикъ Списъ, а для Турецкихъ переводовъ пер. Фонтонъ и Деодати. Вотъ, сударь, всѣ наши чиновники и всѣ подробности, которыя ты же-

---

*) К. Я. Булгаковъ хотѣлъ сказать: въ день вѣнчанія на царство.

лалъ имѣть о мнѣ и о нашей канцеляріи. Ma place est très agréable, parce que on peut obliger presque tous les généraux ou en leur envoyant les gazettes ou en expédiant leurs lettres, знаешь, маленькими услугами, qui ne coûtent rien et qu'on regarde toujours comme une attention. Grâce au Ciel, je n'ai qu'à me louer de tout le monde à commencert de g-l en chef jusqu'au dernier officier. Съ этой стороны я весьма счастливъ и доволенъ и надѣюсь всегда себя такъ вести, чтобы всѣ мною довольны были и не ходя ко мнѣ однакоже по ногамъ.

*

Въ лагерѣ предъ Никополемъ, 17-го Октября 1810.

9-го числа оставили мы Рущукъ, и Богъ далъ намъ прекрасное время и прекрасныя дѣла. На походѣ получили мы ключи крѣпости Турны, которую взялъ кн. Вяземскій 1-й. Теперь у Турокъ нѣтъ ни одного твердаго пункта на всемъ лѣвомъ берегу Дуная.

Приближаясь къ Никополю, выслали къ намъ депутатовъ, и на другой день въ палаткѣ, поставленной предъ нашими аванпостами, посланы были отъ графа г.-м. Фредериксъ, Фонтонъ старикъ и я для заключенія капитуляціи, которую мы въ тотъ же день окончили. Итакъ, эта сильная крѣпость 15-го числа, ровно мѣсяцъ послѣ взятія Рущука, намъ досталась со всею артилеріею и множествомъ военныхъ и съѣстныхъ припасовъ. Теперь и на этомъ берегу Дуная одинъ только Видинъ. Прежде Турны взяты также были корпусомъ г.-л. Засса укрѣпленія Брегово и Зибры. Каковъ нашъ молодой герой! Была ли когда нибудь такая блистательная кампанія?

*

19-го Октября 1810. Въ лагерѣ предъ Никополемъ.

Сегодня ѣздилъ я съ графомъ смотрѣть Никополь. Какое мѣстоположеніе! Городъ премерзскій расположенъ на четырехъ горахъ, на самомъ берегу Дуная. Много видѣлъ я женщинъ, но закрытыхъ, а только видны прекрасные глаза; иныя будто ненарочно открываются, что̀ за личики! Ужъ мы лазили, лазили по горамъ, такъ что я смертельно усталъ.

Воронцовъ былъ посланъ съ отрядомъ въ Ловчу и взялъ это Турецкое укрѣпленіе, сдѣлалъ плѣнныхъ послѣ маленькаго дѣла, которое тамъ имѣлъ. Между тѣмъ сегодняшній курьеръ привезъ ему за Систовъ 3-го Влад., а С.-Пріесту 1 Анну. Какіе лихіе офицеры!

Скажу тебѣ, мой другъ, подъ секретомъ, что графъ представилъ меня къ 2-й Аннѣ за Рущукскую капитуляцію и прописалъ въ де-

пешѣ, что я былъ съ нимъ въ Батинскомъ сраженіи. Не говори объ этомъ, ибо еще крестъ не полученъ. Курьеръ отсюда поѣхалъ, кажется, 7-го числа сего мѣсяца; можетъ-быть, ты прежде меня узнаешь, когда я его получу. Онъ ко мнѣ чрезвычайно милостивъ и даже отлично со мною обходится. Я его нѣсколько разъ просилъ о милостяхъ для другихъ, и онъ всегда дѣлалъ et de la manière la plus obligeante. Кажется, онъ доволенъ моею работою, которую приношу я ему всегда прямо къ подписи, и по сіе время не перемѣнялъ онъ ни одной бумаги, а иногда отдавалъ мнѣ бумаги, кои совсѣмъ до моей части не касаются. Однимъ словомъ, я чрезвычайно доволенъ своимъ положеніемъ; дай Богъ, чтобы онъ всегда ко мнѣ столь же былъ милостивъ. Онъ со мною обходится съ большею довѣренностью и никогда не будетъ имѣть причины раскаиваться; вѣдь я былъ въ школѣ у Разумовскаго. Подчиненные меня любятъ и, между нами сказать, очень рады, что Блудовъ уѣхалъ.

Сегодня паши, т.-е. двое трехбунчужныхъ и одинъ двухбунчужный, были съ визитомъ у графа.

*

Изъ письма къ Фасту Петровичу Макеровскому.

Въ лагерѣ предъ Никополемъ, Октября 19-го 1810.

Ужъ я дожидался, дожидался писемъ отъ милаго, безцѣннаго моего друга, но видно терпѣніемъ ничего не возмешь съ нимъ; дай-ка его поругаю. Шельма, срамецъ, мерзкій человѣкъ, не стыдно ли тебѣ совсѣмъ меня забыть? Неужели, лѣнивецъ, не найдешь ты минуты написать ко мнѣ хоть строчку? Это, братъ, не по-пріятельски—что ты глаза-то вытаращилъ? Кричи виноватъ, а не то тотчасъ на палочный караулъ. Ну ужъ такъ и быть, еще разъ тебя прощу, только въ послѣдній.

Я не хотѣлъ пропустить вѣрнаго случая, не написавъ къ моему милому другу, котораго все люблю, не смотря на его молчаніе. Я братъ, слава Богу здоровъ, не смотря на безпокойную лагерную жизнь. Ну, братъ, былъ я на струженьи; право хорошо, surtout lorsqu'on en est revenu. Я своимъ положеніемъ очень доволенъ. Графъ ко мнѣ милостивъ, и всѣ окружающіе обходятся со мной дружно.

Экономическія мои дѣла также идутъ изрядно. Я нашелъ почти способъ жить одними столовыми деньгами, не смотря на дороговизну. Я уже получилъ предписаніе объ одномъ курсѣ или прибавочныхъ къ жалованью; это дѣлаетъ кажется 1,300 р., которые коль скоро приму, то пришлю къ брату.

*

1-го Ноября 1810, въ Рущукѣ.

Теперь и герой Батинской Бальменъ у васъ. Онъ вамъ разскажетъ, какое славное было дѣло. Вѣрно, что васъ порадовали наши побѣды. Воронцовъ славно заключилъ кампанію взятіемъ Ловчи, Плевны и Сельвы. Онъ было забрался къ Софіи. Le c-te est extrêmement content de lui; il m'en a parlé comme d'un homme qui ira loin. Il a montré dans cette affaire des qualités de général, du calme, de la détermination et du jugement. D'où avez-vous pris que j'ai signé la capitulation de Roustschouk? Mon cher, il faut être général pour cela; mais je l'ai fait et j'ai arrangé celle de Nicopolis, ce qui est déjà beaucoup. Nous voilà enfin dans une ville, et c'est d'une chambre que je vous écris; il est vrai qu'aulieu de vitres il y a des papiers collés, mais nous croyons être dans des palais après tant de mois d'habitation sous des tentes. Je loge dans un harem; j'ai une chambre arrangée à la turque, un divan tout autour et cent milles armoires. Michaud demeure avec moi (Balmain vous dira quel excellent garçon c'est); au milieu est une espèce de salon auquel aboutissent de quatre coins 4 chambres; l'une est la mienne, l'autré du vieux Fonton, la troisième de chancellerie, la quatrième aux gens. Imaginez-vous, que dans toutes les maisons Turques vous ne trouverez pas deux chambres en file. La ville a été abymée par nos bombes et boulets.

*

Букарестъ, 13 Ноября 1810 г.

Я тебѣ давно не писалъ, милый другъ. При концѣ кампаніи всегда хлопотъ много, къ тому же мы были на пути сюда, а я безпрестанно занятъ. Наконецъ попали мы на квартиры. Букарестъ показался мнѣ Вѣною, а моя квартира нашимъ Московскимъ домомъ. Ну, братъ, посмотрѣлъ бы ты, какіе мнѣ почеты отъ всѣхъ бородачей: провожаютъ до кареты, кормятъ на убой, а визитами своими замучили. Voilà c'est que c'est que les hommes! Tout dépend de la place qu'on occupe. Видятъ, что графъ отмѣнно ласково со мною обходится, и всѣ у ногъ; чуть не такъ, тебѣ никто и не поклонится. Они меня боятся; знаютъ, что я для нихъ гроза и теперь занимаюсь планомъ, который много отыметь у нихъ способы красть, а казнѣ прибыли будетъ, можетъ быть, дѐ милліона. Я уже говорилъ объ этомъ графу, и онъ велѣлъ мнѣ написать мой проектъ, который ему понравился. Прошу, братъ, много не шутить: я здѣсь родъ канцлера. Графъ ежедневно болѣе и болѣе имѣетъ ко мнѣ довѣренность и такъ со мною обходится, что не оставляетъ мнѣ ничего желать. Я его склонилъ давать всякую недѣлю балы, и онъ мнѣ препоручилъ устраивать реестры приглашеній. Однимъ словомъ, чрез-

вычайно доволенъ своимъ мѣстомъ; дай Боже всегда такъ пріятно служить. Я это тебѣ говорю, зная, что тебя обрадуетъ; но это для тебя одного. Квартиру мнѣ приготовили преславную. Въ цѣломъ домѣ живу одинъ, и канцелярія со мною. Здѣсь у насъ клубъ; третьяго дня былъ уже балъ; женщины есть очень хорошенькія, того и смотри, что заведу волокитства.

Встрѣча намъ была славная, тріумфальные вороты, надписи, иллюминація три дня. Готовятся обѣды, балы; веселись сколько душѣ угодно!

Вообрази, милый, что одинъ здѣшній хватъ успѣлъ уже мнѣ пропозировать 1000 р., прося моего ходатайства о доставленіи ему мѣста. Je l'ai arrangé d'une belle manière et j'espère que cele les corrigera tous. Je sui gueux, mais ma consience est riche.

*

Букарестъ, Ноября 24-го 1810.

Ну, милый братъ, я теперь при великихъ хлопотахъ; но хлопоты другого рода, и сегодня послѣдній день имъ. У насъ преогромный балъ. Le c-te m'a chargé des invitations, et ici c'est une mer à boire. Il y a plus d'intrigues que dans une grande ville; mais tout cela est vaincu, et ce soir je recueille les fruits de mes peines. Le bal est dans l'étage d'en haut, qui est magnifique; il y aura plus de 300 personnes. Dernièrement nous avous eu un bal au clob. Je vous assure qu'il était charmant; il y avait une dixaine de dames et demoiselles qui auraient pn paraître partout, а ужъ какая докторша была, demie-Française, demie-Allemande и танцуетъ безподобно! Я со всѣми почти познакомился и предвижу, что мы весело проведемъ малое время, которое должны здѣсь остаться.

Ну ужъ, милый другъ, балъ былъ у насъ вчера! Набралось болѣе 300 человѣкъ, и танцовали до 4-хъ часовъ безъ отдыха кромѣ ужина, и я на старости лѣтъ пустился. Графъ чрезвычайно былъ веселъ и съ дамами любезенъ. Весь домъ, дворъ былъ иллюминованъ прекрасно, такъ что тѣ изъ жителей, которые не были званы, пріѣзжали смотрѣть иллюминацію. Однимъ словомъ, весь городъ былъ въ движеніи. Дамъ было множество, много хорошихъ и нѣсколько прекрасныхъ. Опять, какой ужинъ! Я знаю, что съ тѣхъ поръ чтò Бухарестъ стоитъ, Валахи ничего подобнаго не видали нашему празднику. Я такъ себѣ ноги отбилъ, что насилу всталъ и ходить не могу, а долженъ ѣхать обѣдать къ Варлааму, у котораго дочь имянинница.

Весело, весело было въ Екатерининъ день, но нельзя мнѣ было не погрустить, вспоминая о милой маменькѣ, у которой мы, бывало, этотъ день обѣдывали.

*

Бухарестъ, 6-го Декабря 1810.

Небольсинъ все собирался и насилу собрался ѣхать, милый и любезный братъ, и оттого-то дней съ десять какъ я къ тебѣ не писалъ. Послѣ моего 25-го Ноября, въ самый день бала у вестіара Варлаама, проклятая щека у меня раздулась и не только не допустила туда поѣхать, но дней съ пять я сидѣлъ съ нею дома и вчера въ первый разъ выѣхалъ. Жаль очень; говорятъ, что балъ былъ очень веселый. J'ai retiré aumoins de ma maladie l'avantage de voir que je ne suis pas détesté ici: je n'ai pu être un moment seul dans ma chambre. Je vous dirai même plus, m-r: j'ai eu des dames chez moi et même des demoiselles. Je n'ai pas reçu ces dernières; aussi elles sont fâchées contre moi. Вотъ, сударь, какъ мы здѣсь живемъ! Третьяго дня наконецъ пріѣхали ко мнѣ Италинскій, а съ нимъ Бобровъ и Фонтонъ Петраки. Я у него былъ вчера; онъ много спрашивалъ о тебѣ, и я ему много отвѣчалъ. Онъ совсѣмъ послѣ Неаполя не перемѣнился, et ce qui surtout est très bien, il a son excellent cuisinier et son confiseur avec lui, de manière que nous fesons de bons dîners. Hier déjà il ne s'inquiétait que de la cuisine, qui est trop loin de lui, ce qui fait que les plats arrivent froids. На сихъ дняхъ также будетъ сюда Милашевичъ. Я его жду съ нетерпѣніемъ и когда пріѣдетъ, устрою съ нимъ какъ къ тебѣ писать. Сегодня маленькій балъ у графа. Я надѣюсь, что будетъ весело. J'ai choisi ce qu'il y a de jolies femmes et de demoiselles sans m'embarrasser des classes de noblesse, dont il y a ici trois. On ne peut pas dire ici les vieilles perruques, mais les vieilles barbes s'en fâcheront; tant pis pour eux. Pour moi, pourvu que le bal réussisse, je suis content. J'ai reçu deux lettres charmantes, l'une de m-r Alexéyeff et l'autre de sa femme. J'en ai aussi une de Wlodek, qui c'est attaché à moi.

Nébolcine vous remettra, mon cher ami, ou dans cette lettre ou séparement, les 1300 roubles dont je vous ai parlé. C'est mon tiercal de Mai. A la fin du moi j'espère vous envoyer celui de Septembre. Nébolcine pourra me rapporter de chez vous un peu de thé. Je vous le recommande beaucoup, mon cher ami; c'est le meilleur enfant du monde et un de ceux avec qui je suis le plus lié. Il ira vous trouver. Полюбите его, познакомьте съ княземъ Вас. Алек. *), коему прошу его также и отъ меня порекомендовать.

*) Кн. Вас. Алексѣевичемъ Хованскимъ, тестемъ старшаго Булгакова.

Графъ давно уже поговариваетъ, чтобы я взялъ къ себѣ и внутреннюю часть. Я долго отговаривался и старался отвлечь отъ себя, какъ вдругъ приходитъ ко мнѣ правитель канцеляріи внутреннихъ дѣлъ Сиракузскій и говоритъ, что графъ велѣлъ ему ко мнѣ являться и состоять подъ моимъ вѣдомствомъ, но онъ хочетъ, чтобъ онѣ частью были у меня. Que faire? Должно повиноваться и стараться сдѣлаться достойнымъ такой довѣренности.

*

Букарестъ, 9-го Декабря 1810.

J'ai beaucoup plus à faire à présent depuis la réunion de deux chancelleries, diplomatique et civile, sous ma direction.

Qui diable a été conter que j'ai eu le bonnet percé? C'est vrai, mon cher ami, mais c'est une vieille histoire. C'était à l'assaut de Rouschtschouk. J'étais à la tranchée avec le c-te. Fonton le jeune était à côté de moi; nous passions d'une batterte à l'autre, et probablement c'est alors que cela m'est arrivé. Du reste je ne me suis apperçu qu'à notre retour avec Wlodek blessé, que mon bonnet était percé d'une balle, je ne sais pas même dans quel moment. C'est une bêtise dont je n'ai pas même crû devoir parler ni ici, ni vous le dire à vous, car vous seriez capable de vous imaginer que je m'étais exposé. On a montré mon bonnet au c-te. Je le garde comme souvenir. Je vous prie en grâce encore une fois de ne pas croire à tout ce qu'on débitera sur mon comte. Je vous ai toujours dit la vérité moi-même, et ne vous faites pas donner des inquiétudes par des exagérations. Je vous aime trop pour m'exposer mal à propos et puis je ne suis pas militaire; ce n'est pas mon affaire. Si vous écoutez les contes de Moscou, vous ne serez jamais tranquilles; vous voyez que je suis revenu de la campagne sain et sauf. Je vous promets d'en faire autant pendant toute la guerre.

Woronzoff a reçu l'ordre de S-t Anne 1-re classe. Il va partir pour P-bourg, ainsi que Lanskoy, ils ont obtenu des congés de semestre.

Вѣрю, что вамъ въ Слободѣ весело. Можно ли скучать посреди добрыхъ и милыхъ людей, каковы Слободскіе жители? Я бы съ ними вѣкъ прожилъ. Какъ Волкова благодарить, я ужъ и не знаю. Богъ ему заплатитъ за его добрыя дѣла. Онѣ никогда не пропадаютъ, да дай мнѣ Богъ только найти случай показать ему, сколько я чувствую его дружескія за насъ старанія и услуги. Обними его покрѣпче и скажи, что, право, люблю его душевно.

ВАСИЛІЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ РАГОЗИНЪ,

дьячекъ-партизанъ и развѣдчикъ въ Отечественную войну 1812 года.

Василій Григорьевичъ былъ сынъ священника села Покровскаго, Клинскаго уѣзда; родился онъ около 1768 года. Не окончивъ курса Звенигородской семинаріи, онъ поступилъ дьячкомъ въ село Рюховское, въ 12-ти верстахъ отъ Волоколамска. Лѣтъ восемнадцати, онъ женился на дочери священника изъ Рузскаго уѣзда (Матренѣ Антипьевнѣ), завелъ отличное въ его положеніи хозяйство, усердно занимался пчеловодствомъ, имѣлъ пристрастіе къ разведенію цвѣтовъ, которыми, особенно краснымъ макомъ, ежегодно украшалъ свой палисадникъ. Въ 1812 году ему было около 43 лѣтъ, и у него было пятеро дѣтей, изъ которыхъ старшая дочь Прасковья (моя бабушка) была уже замужемъ.

Дѣло, съ котораго начались военные подвиги Василія Григорьевича, произошло въ селѣ Рюховскомъ. Заѣхало туда семь Французовъ, вѣроятно изъ того отряда, который наступалъ къ Волоколамску. Василій Григорьевичъ возбудилъ крестьянъ напасть на нихъ. Вооружившись вилами, крестьяне окружили Французовъ и троихъ изъ нихъ закололи. Остальнымъ Французамъ хотя и удалось ускакать вонъ изъ села, по дорогѣ къ деревнѣ Корсаковой; но крестьяне, подъ предводительствомъ Василія Григорьевича, бросились на лошадяхъ за ними въ погоню и загнали ихъ съ дороги къ рѣкѣ, которая была запружена и глубока. Французы кинулись съ конями въ рѣку, но выбраться на другой берегъ не могли и всѣ утонули. Эта удача въ первомъ столкновеніи съ Французами ободрила Василія Григорьевича, и онъ началъ съ помощію крестьянъ преслѣдовать и истреблять непріятеля въ окрестностяхъ своего села. Слухъ о смѣлости и находчивости Рюховскаго дьячка дошелъ до Волоколамска, куда въ то время пришелъ нашъ отрядъ.

Начальникъ отряда (полковникъ Бенкендорфъ) лично явился въ Рюховское и просилъ Василія Гр. заняться развѣдываніемъ непріятеля съ тѣмъ, чтобы потомъ забирать его въ плѣнъ, при помощи не однихъ крестьянъ, а и военной силы. Съ полной охотой Василій

Гр. предался дѣлу выслѣживанія непріятеля. Обыкновенно онъ отправлялся одинъ, пробираясь верхомъ на своей лошадкѣ лѣсами, которыхъ тогда было немало между Рюховскимъ, Рузой и Можайскомъ. Узнавъ отъ скрывавшихся въ лѣсу крестьянъ, что въ такой-то деревнѣ расположился непріятель, Василій Гр. пряталъ свою лошадку въ лѣсу, наряжался нищимъ, выходилъ на дорогу и спокойно шелъ въ занятую непріятелемъ деревню, ходилъ между Французами и выпрашивалъ у нихъ, какъ умѣлъ, подаянія. Французы всегда добродушно относились къ мнимому нищему. Только разъ, заподозрѣвъ въ немъ шпіона, они едва не убили его. Это случилось во Французской стоянкѣ на рѣкѣ Зернѣ, недалеко отъ Рузы. Самообладаніе и смѣлость спасли здѣсь Вас. Григорьевича. Когда Французскіе солдаты хотѣли его зарубить, онъ быстро бросился въ рѣку и переплылъ на другой берегъ; въ него начали стрѣлять, но онъ счастливо добѣжалъ до кустарника, гдѣ была спрятана его лошадка, и ускакалъ въ лѣсную чащу. Узнавъ точно, сколько въ данной мѣстности Французовъ, Василій Григ. поспѣшно возвращался къ мѣсту, гдѣ стоялъ Русскій отрядъ (въ деревнѣ Порховѣ, верстахъ въ 6-ти отъ Волоколамска); тотчасъ же съ нимъ отправлялись солдаты и забирали въ плѣнъ Французовъ. Всего въ разное время подъ руководствомъ Василія Григ. было взято въ плѣнъ *семьсотъ человѣкъ*.

Насколько вѣрныя и точныя свѣдѣнія доставлялъ Василій Григ. о числѣ непріятеля и мѣстѣ его стоянки, видно изъ того, что Французовъ брали въ плѣнъ всегда безъ потерь съ нашей стороны. За это очень цѣнили Рюховскаго дьячка въ Русскомъ отрядѣ; самъ полковникъ (Бенкендорфъ) давалъ ему денежныя награды и каждый разъ письменно удостовѣрялъ *), сколько по его указанію взято непріятелей въ плѣнъ.

Василій Григорьевичъ, какъ разсказывала его старшая дочь (моя бабушка Прасковья, пережившая всѣхъ своихъ братьевъ и сестеръ и ум. въ 1871 г.), увлекался войной и любилъ смотрѣть на бой нашихъ съ непріятелемъ. Въ день Бородинскаго сраженія онъ былъ въ Можайскѣ, гдѣ съ колокольни Успенской церкви смотрѣлъ на передвиженія войскъ. По уходѣ Русскихъ изъ Можайска, онъ остался въ немъ, притворившись больнымъ нищимъ. Съ немалымъ трудомъ выбрался онъ

*) По преданію, удостовѣренія, какія получалъ Василій Григорьевичъ отъ военныхъ начальниковъ о своихъ подвигахъ, представлены были имъ впослѣдствіи архіепископу Августину и преемственно перешли въ архивъ митрополита Филарета, изъ котораго куда поступили, намъ неизвѣстно.

изъ занятаго непріятелемъ города и изъ любопытства, а можетъ быть и ради безопасности, направилъ путь свой домой чрезъ страшное Бородинское поле, при чемъ видѣлъ, какъ рѣка текла еще кровью. Не разъ онъ навѣщалъ лагерь духовенства Можайскаго и Рузскаго у., устроенный въ лѣсу около села Казанова (въ 15 верст. отъ Волоколамска), принося туда утѣшительныя извѣстія объ истребленіи непріятеля. Кстати упомянуть: духовенство, собравшееся въ Казановскомъ лѣсу, на первыхъ порахъ не бѣдствовало, жило даже весело, такъ какъ припасовъ свезено было довольно, было что поѣсть и попить, а погода стояла теплая. Бѣда настала для Казановскаго лагеря, когда наступили холода: въ немъ появился тифъ. Съ уходомъ непріятеля, лагерь разошелся, но насельники его не спаслись отъ тифа: всѣ потомъ переболѣли имъ, и много народу отъ того умерло.

Военные подвиги Василія Гр. не остались безъ награды. Въ 1818 году онъ былъ представленъ въ Клину императору Александру Павловичу. Государь пожаловалъ ему тогда крестъ *) на Аннинской лентѣ. Кромѣ того, спустя нѣкоторое время послѣ этого, Василій Гр. былъ вызванъ къ Московскому архіепископу Августину, который вручилъ ему назначенные по высочайшему повелѣнію 400 рублей и предложилъ съ своей стороны въ награду мѣсто священника; но онъ отказался, ссылаясь на то, что недостоинъ священства, какъ проливавшій кровь христіанскую.

Василій Григорьевичъ Рагозинъ продолжалъ быть дьячкомъ до 1834 года, когда онъ сдалъ мѣсто мужу дочери своей Марины. Послѣ того онъ ушелъ въ Москву, гдѣ заболѣлъ и поступилъ въ Шереметевскую богадѣльню, въ которой и скончался около 1838 года, лѣтъ 70 отъ роду. Похоронили Василія Григорьевича на Дорогомиловскомъ кладбищѣ.

С. Уклонскій.

Ташкентъ.

---

*) Мнѣ кажется, медаль.

ПРОШЕНІЕ БОЯРИНА ѲЕДОРА ИВАНОВИЧА ШЕРЕМЕТЕВА ЦАРЮ АЛЕКСѢЮ МИХАИЛОВИЧУ [1].

(1647)

Царю, государю и великому князю Алексѣю Михайловичу всея Русіи бьетъ челомъ холопъ твой Ѳедька Шереметевъ [2]). Въ нынѣшнемъ, государь, во 155 году Генваря въ 10 день, билъ челомъ тебѣ государю я холопъ твой, что ссваталъ у меня холопа твоего твой государевъ бояринъ князь Дмитрей Мамстрюковичъ Черкаской племянника своего князя Григорья Черкаского на внукѣ моей на князь Никитинѣ дочери Ивановича Одоевскаго [3]) женить. А отецъ, государь, еѣ, а мой зять, бояринъ князь Никита Ивановичъ на твоей государевѣ службѣ; а мнѣ, государь, холопу твоему за старостью своею и за увѣчьемъ на свадьбѣ никакъ не мочь быть, и твоихъ государскихъ очей болѣзньми своими и увѣчьи отбылъ, а срокъ свадьбѣ ближаетъ, а выдать некому. Чтобъ ты государь меня холопа своего пожаловалъ: для моей старости и увѣчей и за службишка мои, отца еѣ, боярина князя Никиту Ивановича для свадьбы дочери его съ своей государевы службы велѣлъ отпустить къ Москвѣ. И твое государево милостивое слово было, что пожалуешь, велишь зятя моего боярина князя Никиту Ива-

---

[1]) Московскій Архивъ Министерства Юстиціи. Столбецъ Бѣлгородскаго стола, разряда № 225, склейки 223—224.

[2]) Знаменитый дѣятель Смутнаго времени, оберегавшій въ Кремлѣ царскія сокровища въ осажденномъ Поляками Кремлѣ, откуда онъ переписывался съ находившимся въ нынѣшнемъ Маріенбургѣ родственникомъ своимъ Филаретомъ Никитичемъ (объ этой перепискѣ, доселѣ къ сожалѣнію не отысканной, отзывается съ отмѣнною похвалою Екатерина Великая въ своемъ „Антидотѣ") скончался, принявъ монашество съ именемъ Ѳеодосія, 17 Февраля 1650 года, т. е. черезъ три года по написаніи этого своего прошенія. Онъ не оставилъ по себѣ прямаго мужскаго потомства. Подробности о немъ въ книгѣ А. П. Барсукова: „Родъ Шереметевыхъ" и въ „Исторіи города Москвы" И. Е. Забѣлина, стр. 356—363. П. Б.

[3]) Князь Н. И. Одоевскій былъ близкій человѣкъ ко второму царю изъ рода Романовыхъ, что́ показываютъ письма къ нему царя. (См. наше изданіе „Письма царя Алексѣя Михайловича". М. 1856). Выходившая за князя Григорья Сунгулѣевича Черкаскаго внучка Ѳ. И. Шереметева была Марѳа Никитична Одоевская. П. Б.

новича для свадьбы дочери его отпустить къ Москвѣ. А срокъ, государь, свадьбѣ быть Февраля въ 7 день, а всего, государь, оставаетца до свадьбы отъ Воскресенья три недѣли. Милосердый государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всеа Русіи! Соверши государь свое государево милостивое слово: вели, государь, зятя моего боярина князя Никиту Ивановича для свадьбы дочери его, а моей внуки, съ своей государевы службы отпустить къ Москвѣ. А будетъ, государь, меня холопа своего не пожалуешь, не повелишь съ своей государевы службы князя Никиту для свадьбы дочери его, а моей внуки, отпустить къ Москвѣ, пожалуй меня холопа своего, вели государь сю мою челобитенку подписать, чтобъ я холопъ твой по рядной записи срокомъ ряднымъ виноватъ не былъ, что я холопъ твой внуки своей на договорной срокъ не выдамъ. Царь, государь смилуйся, пожалуй!

На оборотѣ помѣты:

1) «155 г. Генваря въ 18 день, Государь пожаловалъ, велѣлъ ево съ своей государевы службы отпустить».

2) «155 г. Генваря въ 18 день, послать государеву грамоту тотчасъ, велѣть боярину князю Никитѣ Ивановичу ѣхать къ Москвѣ, а государеву казну и служилыхъ людей вѣдать товарищемъ ихъ до государеву указу».

«Отъ царя и великого князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи на Ливны боярину нашему и воеводѣ князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому. Пожаловали есмя тебя боярина нашего и воеводу князя Никиту Ивановича, по челобитью боярина нашего, а твоего тестя, Ѳедора Ивановича Шереметева, для свадьбы дочери твоей, велѣли съ нашей службы отпустить къ Москвѣ. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бъ нашу денежную казну и нашихъ ратныхъ всякихъ чиновъ людей и списки имянъ ихъ и всякія наши дѣла велѣлъ вѣдать товарищемъ своимъ, окольничему нашему и воеводамъ князю Дмитрію Петровичу да князю Семену Львовымъ да дьяку нашему Александру Дурову, а самъ ѣхалъ къ намъ къ Москвѣ. Писанъ на Москвѣ лѣта 7155 г. (1647) Генваря въ 18 день.

Такова послана съ Карпомъ Желтухинымъ тово жъ числа».

ЧЕЛОБИТНАЯ БОЯРИНА ВАСИЛІЯ ПЕТРОВИЧА ШЕРЕМЕТЕВА ЦАРЮ АЛЕКСѢЮ МИХАЙЛОВИЧУ *).

(1657)

Государю, царю и великому князю Алексѣю Михайловичу, всеа Великія, и Малыя, и Бѣлыя Росіи самодержцу, бьетъ челомъ холопъ твой Васька Шереметевъ.

Въ нынѣшнемъ, государь во 165 году на твоей государевѣ службѣ сынишка моего Матюшку Нѣмецкіе люди взяли въ полонъ, а жена его и людишка нынѣ во Псковѣ. И вѣдомо мнѣ холопу твоему учинилось, что многіе людишка, чая себѣ воли, хотятъ разбрестись. А по твоему государеву указу, по челобитью сынишка моего Петрушки, велѣно ѣхать во Псковъ по жену и по людей сынишка моего Матюшки дворянину Томилѣ Дивову. Милосердный государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всеа Великія, и Малыя, и Бѣлыя Росіи самодержецъ, пожалуй меня холопа своего: вели, государь тѣхъ людей, которые будутъ женѣ сынишка сына моего и Томилу Дивову непослушны и къ Москвѣ ѣхать не похотятъ, метати по городомъ въ тюрьму до своего государства указу. И о томъ вели государь дать къ боярину и воеводамъ свою государеву грамоту. Царь, государь смилуйся!

(Рукоприкладства на оборотѣ нѣтъ).

Отъ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Великія, и Малыя, и Бѣлыя Росіи самодержца въ нашу отчину въ Великій Новгородъ боярину нашему и воеводамъ князю Григорью Семеновичу Куракину съ товарыщи. По нашему указу и по челобитью боярина нашего Петра Васильевича Шереметева отпущенъ во Псковъ по жену и по люди стольника нашего Матвѣя Васильевича дворянинъ Томило Дивовъ. И билъ челомъ намъ великому государю бояринъ нашъ Василій Петровичъ Шереметевъ. (Прописывается вышеизложенная че-

*) Московскій Архивъ Министерства Юстиціи столбецъ Бѣлгородскаго стола Разряда № 383, склейки 354—355.

лобитная). И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, аТомило Дивовъ изо Пскова съ Матвѣевою женою Шереметева поѣдетъ къ намъ къ Москвѣ, а люди его ѣхать съ женою его къ Москвѣ не похотятъ и Томилу Дивову будутъ непослушны, и вы бъ тѣхъ людей велѣли имать и сажать въ тюрьму, да о томъ писали бъ къ намъ великому государю, а отписку велѣли подать въ Разрядъ окольничему нашему Ивану Аѳанасьевичу Гавреневу, да дьякомъ думному Семену Заборовскому, да Василью Обрехову, да Григорью Богданову. Писанъ на Москвѣ лѣта 7165 (1657) г. Іюля въ 5 день.

Сынъ боярина Василія Петровича Шереметева, Матвѣй Васильевичъ Шереметевъ, былъ любимымъ стольникомъ царя Алексѣя Михайловича. 9 Іюня 1657 года, его смертельно ранили въ ожесточенномъ бою со Шведами, при мѣстечкѣ Валкѣ, въ Ливоніи. Онъ начальствовалъ отдѣльнымъ отрядомъ. Шведскіе драгуны тотчасъ же подхватили раненаго начальника отряда и унесли съ поля битвы въ свой станъ. Тамъ Матвѣй Васильевичъ и скончался ровно черезъ сутки, находясь какъ бы въ плѣну у Шведовъ. Отецъ его Василій Петровичъ Шереметевъ написалъ свою челобитную тотчасъ же по полученіи извѣстія, что его сынъ унесенъ Шведами въ свой станъ. Отсюда и выраженіе въ челобитной: „Нѣмецкіе люди взяли въ полонъ“.

Жена погибшаго героя, Анастасья Ѳедоровна, рожд. княгиня Черная-Оболенская, съ своими людьми, находилась, въ ожиданіи окончанія кампаніи, во Псковѣ.

Петръ Васильевичъ Шереметевъ, прозывавшійся Большимъ, отецъ фельдмаршала Бориса Петровича, былъ старшимъ сыномъ Василья Петровича Шереметева. А. Б. *).

---

*) За сообщеніе этихъ двухъ бумагъ, а также и письма́ Дорошенки, обязаны мы благодарностью прямому потомку В. П. Шереметева въ седьмомъ колѣнѣ, графу С. Д. Шереметеву, а за примѣчанія—Александру Платоновичу Барсукову, автору монументальнаго труда „Родъ Шереметевыхъ“. П. Б.

ПИСЬМО ГРИГОРІЯ ДОРОШЕНКА КЪ КІЕВСКОМУ ВОЕВОДѢ БОЯРИНУ ПЕТРУ ВАСИЛЬЕВИЧУ ШЕРЕМЕТЕВУ *)

(1667).

Ясневельможный милостивый пане воевода Кіевскій, вельце милостивый пане и благодѣтелю!

Въ памяти мнѣ не ино что есть, только твоя добродѣтель, что по твоему заступленію его пресвѣтлое царское величество государь и монархъ великаго милосердія отпустить меня съ Москвы изволилъ. И за то благодареніе воздавъ, Творца моего молю, чтобы Онъ вельможности твоей, буде я услугами своими воздать не возмогу, съ Вышняго Своего сокровища воздати изволилъ. А господину гетману, брату моему, объявити обѣщаюсь добродѣтельствомъ. А пріѣхавъ въ Чигиринъ, тѣхъ людей, которые по твоему приказу меня провожали, назадъ тотчасъ на городокъ Черкасы для лучшаго безопаства отъ Татаръ въ цѣлости отпустилъ есмы, давъ имъ провожатыхъ до самаго Днѣпра. А брата своего не заставъ въ Чигиринѣ и нисколько не отдохнувъ, тотчасъ къ нему поѣхалъ. И какъ къ нему пріѣду, о чемъ мнѣ приказано было, то все ему возвѣщу и надѣюсь, что милостиво свое ухо приклонитъ, и о томъ о всемъ къ тебѣ отпишу. А изъ Хмельницкаго, по желанію твоему выразумѣлъ есмы подлинно, что Ляхи, миръ имѣя съ царскимъ пресвѣтлымъ величествомъ и недобрѣ смотря на Православіе, чтобъ размножалось, радѣютъ, чтобъ приклонить себѣ войско Запорожское и орду; а приклонивъ ни на кого иного идти войною, только на пресвѣтлое царское величество. Разсуждай же, вельможность твоя, какая ихъ хитрость и обманъ! А о Момотенкѣ съ Яновичемъ Хмельницкимъ, наказнымъ гетманомъ, говорилъ есмы, что мимо уговору гетманскаго съ вельможностію твоею посылалъ подъ Каневъ и подъ Кіевъ орду, котораго истязавъ немного не казнилъ: а онъ сказалъ за клятвою, что безъ его вѣдома ходили по обыкновенію своему,

---

*) Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, столбецъ Бѣлгородскаго стола Разряда № 153, склейки 48—49.

волчьимъ обычаемъ. Однако обнадеживаетъ панъ гетманъ, что нынѣшняго времени не будетъ никакихъ загоновъ и подъѣздовъ; а къ тому остеречься надобно, потому что Татарину ни переправа, ни рѣки не мѣшаютъ; а полонъ обѣщается отыскать. Я вельможности твоей въ любовь себя предаю. Изъ Чигирина, 6 Октября 1667 года. Григорій Дорошенко.

На оборотѣ письма, гдѣ виднѣются слѣды красновосковой печати подпись:

«Ясневельможному моему вельце милостивому пану и благодѣтелеви, его милости пану Петру Васильевичу Шереметеву, великому бояринови, воеводѣ Кіевскому и намѣстнику Смоленскому».

На оборотѣ же списка съ этого письма надпись:

«Великому государю и бояромъ чтено».

Братъ гетмана Петра Дороѳеевича Дорошенка, Григорій Дорошенко, находившійся въ плѣну въ Москвѣ въ 1667 году, былъ освобожденъ изъ плѣна и отпущенъ въ Малороссію съ тѣмъ, чтобъ онъ уговаривалъ брата своего Петра отстать отъ Татаръ и быть подъ рукою великаго Государя. Любопытно признаніе самого Дорошенка, что своимъ освобожденіемъ онъ обязанъ Кіевскому воеводѣ боярину Петру Васильевичу Большому Шереметеву. Въ письмѣ къ нему, Дорошенко прямо говоритъ, что „въ память его не ино что́ есть, только его (Шереметева) добродѣтель, что по заступленію его царское величество, *отпустить его съ Москвы изволилъ*". А. Б.

КЪ ПРОСЛАВЛЕНІЮ СВЯТОЙ ПАМЯТИ СЕРАФИМА САРОВСКАГО.

Благочестіе православныхъ людей обрадовано появленіемъ въ печати слѣдующаго правительственнаго сообщенія.

«Въ православномъ Русскомъ народѣ съ глубокимъ благоговѣніемъ чтится память скончавшагося 2-го Января 1833 года подвижника Саровской пустыни іеромонаха Серафима. Къ мѣсту иноческихъ подвиговъ его и вѣчнаго упокоенія непрестанно во множествѣ стекаются изъ разныхъ мѣстъ Россіи богомольцы, прося предстательства и молитвъ его предъ Господомъ и, по вѣрѣ своей, получая или исцѣленіе отъ болѣзней, или чудесную помощь въ нуждахъ житейскихъ. Болѣе ста случаевъ благодатной помощи по молитвамъ старца Серафима внесено уже, по бывшимъ съ 1895 года предписаніямъ Святѣйшаго Синода, въ особыя ведущіяся при Саровской обители записи. Вѣру народную въ святость старца Серафима и его предстательство предъ Богомъ за притекающихъ къ нему съ молитвою раздѣляетъ и Вѣнценосный Вождь Русскаго народа Благочестивѣйшій Государь Императоръ Николай Александровичъ. Нынѣ, въ день рожденія старца Серафима, 19-го Іюля, Его Величеству благоугодно было вспомянуть и молитвенные подвиги почившаго, и всенародное къ памяти его усердіе, и выразить желаніе, дабы доведено было до конца начатое уже въ Святѣйшемъ Синодѣ дѣло о прославленіи благоговѣйнаго старца. Святѣйшій Синодъ призналъ нынѣ благовременнымъ приступить къ потребнымъ для сего распоряженіямъ, каковыя употреблялись прежде сего въ подобныхъ случаяхъ».

Къ прославленію святой памяти Саровскаго молитвенника служитъ помѣщаемый ниже разсказъ, за который обязаны мы благодарностью камерфрейлинѣ высочайшаго двора, дочери поэта, Дарьѣ Ѳеодоровнѣ Тютчевой. Ея Императорское Высочество Герцогиня Эдинбургская Марія Александровна благоволила разрѣшить напечатаніе онаго, о чемъ «Русскій Архивъ» увѣдомленъ телеграммою отъ 28-го Августа сего года. П. Б.

Разсказъ Д. Ѳ. Тютчевой.

1860.

Сестра моя Анна Ѳедоровна[1]) завѣдывала воспитаніемъ Великой Княжны Маріи Александровны. Въ началѣ Октября, пятилѣтняя Великая Княжна заболѣла воспаленіемъ въ горлѣ, и болѣзнь эта сдѣлалась вскорѣ опасною. Сестра моя очень встревожилась; къ тому же въ это самое время Императрица-мать еще не оправилась послѣ рожденія Великаго Князя Павла Александровича (20 Сентября). Къ вечеру Великой Княжнѣ стало хуже: она безпрерывно стонала и жаловалась на нестерпимую боль въ горлѣ. Докторъ имѣлъ очень озабоченный видъ, и сестра моя приходила въ отчаяніе. У нея гостила тогда[2]) сестра наша Екатерина Ѳеодоровна[3]). Въ 9 часовъ вечера она сошла въ покои Великой Княжны и сказала Аннѣ, что изъ Петербурга пріѣхала монахиня Лукерья и привезла съ собою епанечку[4]) отца Серафима. Анна велѣла принести эту епанечку и накрыла имъ больную. Великая Княжна немедленно успокоилась, заснула и, въ теченіи ночи просыпаясь, искала руками этого покрывала. «Подайте черную эту вещь», говорила она, и сама ею закрывалась. На утро пришелъ докторъ Гартманъ и удивился, найдя ее на пути къ выздоровленію. Болѣзнь перешла въ сильный насморкъ, который миновалъ черезъ два дня, такъ что Великая Княжна покинула постель и вполнѣ выздоровѣла. Радость Государя и Государыни была безмѣрна.

Императрица Александра Ѳеодоровна вѣровала въ молитвы отца Серафима. Она говорила: «Я знаю, что этотъ добрый старичекъ поможетъ мнѣ хорошо умереть» (Je sais que ce petit vieux m'aidera à bien mourir). Государь позволилъ, чтобы положили Серафимову епанечку на постель умиравшей его матери. Ея Величество тотчасъ почувствовала облегченіе, а вслѣдъ за тѣмъ пожелала проститься со своимъ дворомъ. То было зрѣлище величественное и поучительное: каждый и каждая изъ насъ подходили къ постели, на которой лежала съ закры-

---

[1]) А. Ѳ. Тютчева (съ 12 Января 1866 года супруга И. С. Аксакова) род. въ 1823 году, скончалась 11 Августа 1889 года. П. Б.

[2]) Въ Александровскомъ Царскосельскомъ дворцѣ. П. Б.

[3]) Род. 29 Окт. 1835 † 11 Марта 1852. См. ея некрологъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1882, I, 560.

[4]) Короткая накидка, чернаго цвѣта, надѣваемая на плечи. Въ ней, на извѣстной литографіи, старецъ Серафимъ изображенъ, сгорбившійся и опирающійся на посохъ. П. Б.

тыми глазами Императрица, мы поочередно цѣловали у нея руку и уходили изъ спальни въ другую дверь. Умиравшая обращала къ нѣкоторымъ лицамъ по нѣскольку словъ, и это продолжалось до трехъ часовъ пополудни. Извѣщенныя по телеграфу лица пріѣзжали для того изъ Петербурга [1]). На другой день, въ 8 часовъ утра, Императрица скончалась (20 Октября). Я была въ этотъ день дежурная и должна была находиться при покойницѣ. Выйдя на минуту къ себѣ, я зашла къ маленькой Великой Княжнѣ. Тамъ былъ уже священникъ, приглашенный отслужить панихиду по отцѣ Серафимѣ. Панихида еще не начиналась, когда я сообщила собравшимся о кончинѣ Императрицы. За панихидой священникъ поминалъ вмѣстѣ и ее, и святаго старца, такъ что душа только что скончавшейся Царицы возносилась къ Небу на крыльяхъ молитвы, посвященной Серафиму.

Сама я обязана жизнію молитвамъ отца Серафима. На первомъ году моего фрейлинства, на вечерѣ у Императрицы Маріи Александровны, я вдругъ заболѣла страшными конвульсіями, такъ что меня безъ памяти отвели въ мою комнату. Къ часу ночи, доктора, которые употребляли всѣ средства, объявили, что кончина моя неминуема. Императоръ и Императрица приходили ко мнѣ, и Императрица молилась передъ моими иконами. Въ промежутокъ между двумя конвульсіями, сестра моя Анна Ѳедоровна склонилась ко мнѣ и сказала: Promets au père Séraphim, si tu ne meurs pas, d'aller prier sur sa tombe [2]). Единственно эти слова я услышала и сдѣлала знакъ головою. Въ ту минуту я заснула крѣпкимъ сномъ, и хотя послѣ того я долго еще болѣла, но въ 1863 году могла исполнить мое обѣщаніе и побывать въ Саровѣ.

---

[1]) Въ Большой Царскосельскій дворецъ. П. Б.

[2]) Дай обѣтъ отцу Серафиму, если ты не умрешь, съѣздить помолиться на его могилѣ.

ТУРГЕНЕВЪ И ДОСТОЕВСКІЙ.

Тридцать пять лѣтъ тому назадъ, осенью 1867 года, когда доканчивался печатаніемъ пятый годъ „Русскаго Архива“, основаннаго при Чертковской Библіотекѣ и при ней издаваемаго, прислано было изъ Петербурга, отъ неизвѣстнаго лица, въ архивъ „Русскаго Архива“ для храненія на будущія времена въ спискѣ, письмо Ѳ. М. Достоевскаго къ лицу тоже мнѣ неизвѣстному. Въ то время не былъ я знакóмъ лично ни съ Достоевскимъ, ни съ Тургеневымъ. Вскорѣ за тѣмъ получилъ я письмо отъ Тургенева изъ Баденъ-Бадена. Оба эти письма доселѣ были оставлены мною въ рукописи, но къ оглашенію ихъ побуждаетъ меня невѣрный разсказъ Е. М. Гаршина, повторяемый въ печати, хотя́ возраженіе на него уже было помѣщено въ „Р. Архивѣ“ 1884 (III, 238). Приводимъ этотъ разсказъ.

Это было въ Баденъ-Баденѣ, въ 1868 году, когда только что вышелъ „Дымъ“. Въ это время Достоевскій былъ сильно увлеченъ игрой. былъ въ большомъ выигрышѣ, увѣрился, что онъ попалъ на счастливые номера и .. проигралъ все до копѣйки. Находясь въ затруднительномъ положеніи, Достоевскій взялъ взаймы у Тургенева какую-то незначительную сумму денегъ. Вскорѣ затѣмъ онъ отыгрался, пересталъ играть и привезъ Тургеневу свой долгъ. Но уже отдавъ деньги, Достоевскій все-таки, по замѣчанію Тургенева, чувствовалъ тяжесть своего обязательства относительно человѣка, котораго онъ не любилъ, а тутъ какъ нарочно пищею для этого раздраженія оказался злополучный „Дымъ“.—Эту книгу надо сжечь рукою палача, сказалъ Достоевскій, взявъ книгу въ руки. Тургеневъ (къ сожалѣнію, вся эта сцена происходила одинъ на одинъ) скромно освѣдомился о причинахъ и въ отвѣтъ услышалъ цѣлую обвинительную рѣчь на тему: вы ненавидите Россію, вы не вѣрите въ ея будущее и т. д. Однимъ словомъ, Достоевскій отождествлялъ Потугина съ самимъ Тургеневымъ. Иванъ Сергѣевичъ разсказывалъ, что онъ предпочелъ выслушать все молча и дождаться пока Достоевскій кончитъ и уйдетъ. Такъ дѣйствительно и было сдѣлано. Но, спустя нѣсколько времени, Иванъ Сергѣевичъ получилъ извѣщеніе *) отъ издателя „Русскаго Архива“ г. Бартенева, что Достоевскій обратился къ нему съ письмомъ, въ которомъ воспроизведенъ вышеупомянутый монологъ, но не какъ обвиненіе противъ Тургенева, а какъ его личная исповѣдь, въ формулѣ: „Я ненавижу Россію“ и д. т. При этомъ Достоевскій просилъ опубликовать это его письмо никакъ не ранѣе извѣстнаго срока (сколько помню 10—15 лѣтняго). На вопросъ

*) Никакого извѣщенія не находилъ я нужнымъ дѣлать, о чемъ свидѣтельствуетъ самое письмо, полученное мною отъ Тургенева; Достоевскій же ко мнѣ ни съ чѣмъ не относился, и кто прислалъ мнѣ его письмо, до сихъ поръ я не знаю. П. Б.

Бартенева, какъ ему поступить въ данномъ случаѣ, Иванъ Сергѣевичъ отвѣчалъ, что это для него совершенно безразлично. Сообщаю этотъ фактъ такъ, какъ я его слышалъ отъ Ивана Сергѣевича, особенно въ виду того, что въ настоящее время, въ числѣ матеріаловъ для біографіи Достоевскаго, кажется, находится письмо къ А. Н. Майкову, относящееся къ этому самому эпизоду, только что мною разсказанному.

(Историческій Вѣстникъ 1883 г.. т. XIV, стр. 387. Разсказъ повторенъ въ Русскомъ Обозрѣніи 1894 г., ч. I, стр. 28 и въ Русской Старинѣ 1902 г. № 2 въ статьѣ Н. Гутьяра).

Письмо Достоевскаго къ неизвѣстному лицу.

Изъ Женевы, отъ 16 Августа 1867.

Въ самомъ началѣ, какъ только я пріѣхалъ[1]), на другой же день, я встрѣтилъ на вокзалѣ Гончарова. Какъ конфузился меня въ началѣ Иванъ Александровичъ! Этотъ статскій или дѣйствительный статскій совѣтникъ тоже поигрывалъ. Но такъ какъ оказалось, что скрываться нельзя, а къ тому же я самъ играю съ слишкомъ грубою откровенностью, то онъ и пересталъ отъ меня скрываться. Игралъ онъ съ лихорадочнымъ жаромъ (въ маленькую, на серебро), игралъ всѣ двѣ недѣли, которыя прожилъ въ Баденѣ и ,кажется, значительно проигрался. Но дай Богъ ему здоровья, милому человѣку: когда я проигрался до тла (а онъ видѣлъ въ моихъ рукахъ много золота), онъ далъ мнѣ по просьбѣ моей 60 франковъ взаймы. Осуждалъ онъ, должно быть, меня ужасно: «Зачѣмъ я все проигралъ, а не половину, какъ онъ?» [2]).

Гончаровъ все мнѣ говорилъ о Тургеневѣ, такъ что я, хотя и откладывалъ заходить къ Тургеневу, рѣшился, наконецъ, ему сдѣлать визитъ. Я пошелъ утромъ въ 12 часовъ и засталъ его за завтракомъ. Откровенно вамъ скажу: я и прежде не любилъ этого человѣка лично. Сквернѣе всего то, что я еще съ 1857 года, съ Wisbaden'а, долженъ ему 50 талеровъ (и не отдалъ до сихъ поръ!) Не люблю также

[1]) Въ Баденъ-Баденъ. П. Б.

[2]) Въ первомъ томѣ Собранія сочиненій Достоевскаго, изданнаго вскорѣ по его кончинѣ, помѣщена обширная его біографія, составленная изъ его писемъ къ разнымъ лицамъ. Это скорбная лѣтопись постоянныхъ денежныхъ затрудненій. Благодѣтельнымъ ему геніемъ былъ товарищъ его отрочества Михаилъ Никифоровичъ Катковъ, часто выручавшій его изъ бѣды. Но Достоевскій, сынъ мелкаго чиновника, съ раннихъ лѣтъ жизни и почти до смерти оставался бѣднякомъ; Тургеневъ же (прямой потомокъ императрицы Елисаветы Петровны отъ неоглашеннаго ея брака съ графомъ А. Г. Разумовскимъ) былъ человѣкъ богатый и безсемейный; а посмотрите его письма къ Краевскому въ Отчетѣ Императорской Публичной библіотеки за 1890 годъ! Больно было слышать (у Н. А. Милютина), какъ онъ негодовалъ на книгопродавца Московскаго Салаева, заплатившаго ему меньше за собраніе его повѣстей, чѣмъ вдовѣ Ушинскаго за педагогическія сочиненія ея супруга. П. Б.

его аристократически-фарисейское объятіе, съ которымъ онъ лѣзетъ цѣловаться, но подставляетъ вамъ свою щеку. Генеральство ужасное; а главное, его книга Дымъ меня раздражила. Онъ самъ говорилъ мнѣ, что главная мысль, основная точка его книги, состоитъ во фразѣ: «Если бы провалилась Россія, то не было бы никакого ни убытка, ни волненія въ человѣчествѣ». Онъ объявилъ мнѣ, что это его основное убѣжденіе о Россіи. Нашелъ я его страшно раздраженнымъ неудачею Дыма. А я, признаюсь, и не зналъ всѣхъ подробностей неудачи. Вы мнѣ писали о статьѣ Страхова въ Отечественныхъ Запискахъ; но я не зналъ, что его вездѣ отхлестали и что въ Москвѣ, въ клубѣ кажется, собирали уже подписку именъ, чтобъ протестовать противъ его Дыма*). Онъ это мнѣ самъ разсказывалъ. Признаюсь вамъ, что я никакъ не могъ представить себѣ, что можно такъ наивно и неловко высказывать всѣ раны своего самолюбія, какъ Тургеневъ. И эти люди тщеславятся между прочимъ тѣмъ, что они атеисты! Онъ объявилъ мнѣ, что онъ окончательно атеистъ. Но Боже мой: деизмъ намъ далъ Христа, т. е. до того высокое представленіе человѣка, что его понять нельзя безъ благоговѣнія и нельзя не вѣрить, что идеалъ человѣчества вѣковѣчный! А что же они-то, Тургеневы, Герцены, Утины, Чернышевскіе намъ представили? Вмѣсто высочайшей красоты Божіей, на которую они плюютъ, всѣ они до того пакостно-самолюбивы, до того безстыдно-раздражительны, легкомысленно - горды, что просто непонятно, на что они надѣются и кто за ними пойдетъ? Ругалъ онъ Россію и Русскихъ безобразно, ужасно. Но вотъ что я замѣтилъ: всѣ эти либералишки и прогрессисты, преимущественно еще школы Бѣлинскаго, ругать Россію находятъ первымъ своимъ удовольствіемъ и удовлетвореніемъ. Разница въ томъ, что послѣдователи Чернышевскаго просто ругаютъ Россію и откровенно желаютъ ей провалиться (преимущественно провалиться!), эти же отпрыски Бѣлинскаго прибавляютъ, что они любятъ Россію. А между тѣмъ, не только все что есть въ Россіи чуть-чуть самобытнаго имъ ненавистно, такъ что они его отрицаютъ и тотчасъ же съ наслажденіемъ обращаютъ въ карикатуру, но что еслибъ дѣйствительно представить имъ наконецъ фактъ, который бы ужъ нельзя опровергнуть или въ карикатурѣ испортить, а съ которымъ надо непремѣнно согласиться, то мнѣ кажется, они бы были до муки, до боли, до отчаянія несчастны. Замѣтилъ я, что Тургеневъ, напримѣръ (равно какъ и всѣ долго не бывшіе въ Россіи) рѣшительно фактовъ не знаютъ (хотя и читаютъ газеты)

*) Въ какихъ-то стихахъ о Тургеневѣ припоминается намъ выраженіе: „И смраднымъ дымомъ онъ отечество коптитъ“. П. Б.

и до того грубо потеряли всякое чутье Россіи, такихъ обыкновенныхъ фактовъ не понимаютъ, которые даже нашъ Русскій нигилистъ уже не отрицаетъ, а только карикатуритъ по своему. Между прочимъ Тургеневъ говорилъ, что мы должны ползать передъ Нѣмцами, что есть одна общая всѣмъ дорога и неминуемая—это цивилизація, и что всѣ попытки руссизма и самостоятельности—свинство и глупость. Онъ говорилъ, что пишетъ большую статью на всѣхъ Руссофиловъ и Славянофиловъ. Я посовѣтовалъ ему, для удобства, выписать изъ Парижа телескопъ. Для чего? спросилъ онъ. Отсюда далеко, отвѣчалъ я. Вы наведите на Россію телескопъ и разсматривайте насъ; а то, право, разглядѣть трудно. Онъ ужасно разсердился. Видя его такимъ раздраженнымъ, я дѣйствительно съ чрезвычайно удавшеюся наивностью сказалъ ему: «А вѣдь я не ожидалъ, что всѣ эти критики на васъ и неуспѣхъ Дыма до такой степени раздражатъ васъ; ей Богу не стоитъ того, плюньте на все!»—«Да я вовсе не раздраженъ, что̀ вы?» покраснѣлъ онъ.

Я перебилъ разговоръ; заговорили о домашнихъ и личныхъ дѣлахъ, я взялъ шапку и какъ-то совсѣмъ безъ намѣренія, къ слову, высказалъ что̀ накопилось въ три мѣсяца въ душѣ отъ Нѣмцевъ. «Знаете-ли, какіе здѣсь плуты и мошенники встрѣчаются? Право, черный народъ здѣсь гораздо хуже и безчестнѣе нашего, а что̀ глупѣе, то въ этомъ сомнѣнія нѣтъ. Ну вотъ вы говорите про цивилизацію; ну что̀ сдѣлала имъ цивилизація и чѣмъ они могутъ передъ нами похвастаться!» Онъ поблѣднѣлъ (буквально ничего, ничего не преувеличиваю) и сказалъ мнѣ: «Говоря такъ, вы меня лично обижаете. Знайте, что я здѣсь поселился окончательно*), что я самъ считаю себя за Нѣмца, а не за Русскаго и горжусь этимъ!» Я отвѣтилъ: «Хоть я читалъ Дымъ и говорилъ съ вами теперь цѣлый часъ, но все-таки я никакъ не могъ ожидать, что вы это скажете, а потому извините, что я васъ оскорбилъ».

Затѣмъ мы распрощались весьма вѣжливо, и я далъ себѣ слово болѣе къ Тургеневу ни ногой никогда. На другой день Тургеневъ, ровно въ 10 часовъ утра, заѣхалъ ко мнѣ и оставилъ хозяевамъ для передачи мнѣ свою визитную карточку. Но такъ какъ я самъ сказалъ ему наканунѣ, что я раньше 12 часовъ принять не могу, и что спимъ

*) Извѣстно, что у Тургенева былъ свой домъ въ Баденъ-Баденѣ, гдѣ жилъ онъ вмѣстѣ съ Віардо-Гарсіей и ея семействомъ. На бывшихъ у него драматическихъ представленіяхъ и концертахъ бывала пріѣзжавшая къ своей дочери Руссофобка Аугуста (позднѣе Германская императрица). П. Б.

мы до 11-ти, то пріѣздъ его въ 10 часовъ утра я принялъ за ясный намекъ, что онъ не хочетъ встрѣчаться со мной и сдѣлалъ мнѣ визитъ въ 10 часовъ именно для того, чтобъ я это понялъ. Во всѣ семь недѣль я встрѣтился съ нимъ одинъ только разъ въ вокзалѣ. Мы поглядѣли другъ на друга, но ни онъ, ни я не захотѣли другъ другу поклониться.

Можетъ быть, вамъ покажется непріятною эта злорадность, съ которою я вамъ описываю Тургенева, и то, какъ мы другъ друга оскорбили. Но ей Богу, я не въ силахъ: онъ слишкомъ оскорбилъ меня своими убѣжденіями. Лично мнѣ все равно, хотя съ своимъ генеральствомъ онъ и не очень привлекателенъ; но нельзя же слушать такія ругательства на Россію отъ Русскаго измѣнника, который бы могъ быть полезенъ. Его ползаніе передъ Нѣмцами и ненависть къ Русскимъ я замѣтилъ давно, еще четыре года назадъ. Но теперешнее раздраженіе и остервенѣніе до пѣны у рта на Россію происходятъ единственно отъ неуспѣха Дыма и что Россія осмѣлилась не признать его геніемъ. Тутъ одно самолюбіе, и это тѣмъ пакостнѣе.

Письмо И. С. Тургенева къ издателю „Русскаго Архива“.

Милостивый государь Петръ Ивановичъ!

До свѣдѣнія моего дошло, что въ Чертковскую библіотеку прислано на ваше имя письмо съ подписью г-на Ѳ. М. Достоевскаго и что въ этомъ письмѣ, которое должно явиться въ свѣтъ не ранѣе 1890 года, изложены имъ мнѣнія возмутительныя и нелѣпыя о Россіи и Русскихъ, которыя онъ приписываетъ мнѣ. Эти мнѣнія, составляющія будто-бы мое задушевное убѣжденіе, были высказаны мною, по увѣренію г-на Ѳ. Достоевскаго, въ его присутствіи, въ Баденѣ, нынѣшнимъ лѣтомъ, во время единственнаго посѣщенія, которымъ онъ меня почтилъ. Не говоря уже о томъ, насколько можетъ быть оправдано подобное злоупотребленіе довѣрія, я вынужденнымъ нахожусь объявить съ своей стороны, что выражать свои задушевныя убѣжденія предъ г. Достоевскимъ я уже потому полагалъ бы неумѣстнымъ, что считаю его за человѣка, вслѣдствіе болѣзненныхъ припадковъ и другихъ причинъ, не вполнѣ обладающаго собственными умственными способностями; впрочемъ это мнѣніе мое раздѣляется многими другими лицами. Видѣлся я съ г-мъ Достоевскимъ, какъ уже сказано, всего одинъ разъ. Онъ высидѣлъ у меня не болѣе часа и, облегчивъ свое сердце жестокою бранью противъ Нѣмцевъ, противъ меня и моей послѣдней книги, удалился; я почти не имѣлъ времени и никакой охоты

возражать ему: я, повторяю, обращался съ нимъ какъ съ больнымъ. Вѣроятно, разстроенному его воображенію представились тѣ доводы, которые онъ предполагалъ услыхать отъ меня, и онъ написалъ на меня свое... донесеніе потомству.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ 1890 году и г-нъ Достоевскій, и я—мы оба не будемъ обращать на себя вниманія соотечественниковъ; а если мы и не будемъ совершенно забыты, то судить о насъ станутъ не по одностороннимъ извѣтамъ, а по результатамъ цѣлой жизни и дѣятельности; но я все-таки почелъ своей обязанностью теперь же протестовать противъ подобнаго искаженія моего образа мыслей.

Мнѣ остается просить васъ извинить меня, что я рѣшился обратиться къ вамъ, не имѣя чести быть лично вамъ знакомымъ, а также принять выраженіе совершеннаго уваженія и преданности, съ которыми остаюсь вашимъ покорнѣйшимъ слугою. Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ, Schillerstrasse, 7.
3-го Янв. 1868. (22 Дек. 1867).

*

Въ 1868 году Тургеневъ, пріѣхавъ въ Москву, посѣтилъ меня, былъ очень любезенъ, но ни слова не сказалъ объ этихъ письмахъ; я тоже молчалъ о нихъ. За тѣмъ онъ прислалъ мнѣ отрывокъ изъ своихъ воспоминананій „Литературный вечеръ у Плетнева“ („Русскій Архивъ“, 1869, 1665).

П. Б.

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ М. П. ПОГОДИНА.

Николая Барсукова (книга XVI, Спб. 1902, 8-ка X и 602 стр.).

Появившаяся въ нынѣшнемъ году XVI книга труда Н. П. Барсукова: „Жизнь и труды М. П. Погодина“, налагаетъ на насъ пріятную обязанность побесѣдовать съ читателями „Русскаго Архива“ объ этомъ капитальномъ произведеніи. Мы уже имѣли случай заявлять не разъ, что по мѣрѣ того, какъ повѣствованіе Н. П. Барсукова приближается къ нашему времени, оно становится все болѣе и болѣе интереснымъ и, такъ сказать, захватываетъ душу читателя этимъ интересомъ; тоже слѣдуетъ сказать и о XVI книгѣ. Въ ней авторъ приступилъ къ повѣсти объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи. Хотя Погодинъ и не былъ въ числѣ лицъ, принимавшихъ въ этомъ событіи непосредственное участіе, но онъ, въ силу своего характера, не преминулъ содѣйствовать ему и устнымъ, и печатнымъ словомъ. Однимъ изъ главныхъ источниковъ почтеннаго автора былъ трудъ Н. П. Семенова, изданный подъ заглавіемъ „Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Императора Александра II“. Н. П. Семеновъ прочелъ въ рукописи все, написанное Н. П. Барсуковымъ объ этомъ освобожденіи и даже сдѣлалъ необходимыя добавленія и исправленія. Сверхъ сего, счастливый случай открылъ Барсукову доступъ къ князю Ѳ. И. Паскевичу, который вполнѣ одобрилъ написанное авторомъ и призналъ, что изложеніе Барсукова совершенно правильно и что онъ, князь, не имѣетъ ничего ни прибавить, ни убавить въ сказанномъ.

Въ XVI книгѣ мы знакомимся съ первыми шагами новой дѣятельности I. И. Ростовцева, съ его Вильдбадскими письмами; тутъ же мы узнаемъ о трудахъ Кокорева, объ его статьѣ, надѣлавшей большого шума „Милліардъ въ туманѣ“. Къ этому же времени относится и перемѣна, происшедшая въ личномъ составѣ правительства: выходъ въ отставку министра народнаго просвѣщенія А. С. Норова и его товарища, князя П. А. Вяземскаго (мѣсто Норова было занято Е. П. Ковалевскимъ). Тогда же Русская наука понесла тяжкую утрату въ лицѣ П. Н. Кудрявцева, хотя одновременно пріобрѣла и новыхъ работниковъ въ лицѣ С. А. Рачинскаго и Ѳ. М. Дмитріева. Къ той порѣ относится и прогулка Погодина въ Новгородъ, которая свела его съ извѣстнымъ археологомъ И. К. Купріяновымъ; здѣсь же Н. Барсуковъ сообщаетъ объ экспедиціи по Новгородской и Псковской губерніямъ П. И.

Якушкина и о достопамятномъ столкновеніи его съ Псковской полиціей. Высокимъ интересомъ полна исторія о выходѣ въ свѣтъ извѣстнаго труда С. П. Шевырева „Исторія древней Русской словесности", труда, вызвавшаго много неодобрительныхъ отзывовъ по адресу самого автора. Далѣе такимъ же интересомъ проникнута повѣсть объ изданіи газеты „Парусъ", которая появилась лишь въ двухъ номерахъ. По поводу этого изданія, въ которомъ наибольшее неудовольствіе правительства возбудила статья Погодина „Прошедшій годъ въ Русской Исторіи", вызвавшая замѣчательное письмо Погодина къ министру народнаго просвѣщенія, письмо, гдѣ авторъ проявилъ сознаніе собственнаго значенія, г. Барсуковъ сообщаетъ много любопытныхъ подробностей, которыя всѣ полны непосредственности и новизны. Къ этой же порѣ относится и изданіе Погодинымъ его альманаха „Утро", по поводу котораго сообщается переписка Погодина съ И. С. Аксаковымъ. Въ 1856 году возникаетъ „Русское Слово", издаваемое графомъ Кушелевымъ-Безбородко; говоря объ этомъ изданіи, г. Барсуковъ приводитъ интересныя письма покойнаго А. А. Григорьева къ Погодину. Но если возникновеніе „Русскаго Слова" и обогатило нашу журналистику, то съ другой стороны она понесла потерю вслѣдствіе прекращенія изданій „Атенея" и „Московскаго Обозрѣнія"; прекращеніе это предшествовало концу „Русской Бесѣды", заключительное слово о которой приводится г. Барсуковымъ. Тогда же возникла мысль о возстановленіи „Паруса" подъ измѣненнымъ названіемъ „Парохода", съ порученіемъ редакціи его Ѳ. В. Чижову. Интереснымъ письмомъ на программу „Парохода" обогатилъ книгу Барсукова князь Горчаковъ, сообщавшій на высочайшее имя любопытныя замѣчанія по поводу этой программы. Къ этому же времени относятся и письма пріѣзжавшаго въ Россію извѣстнаго Славянскаго дѣятеля Смсляра. По этому поводу г. Барсуковъ приводитъ въ высшей степени любопытныя выдержки изъ соборнаго посланія къ Сербамъ, написаннаго Хомяковымъ. Наконецъ въ тотъ же періодъ Погодинъ издаетъ свой „Норманскій періодъ Русской Исторіи", встрѣченный своеобразной рецензіею покойнаго К. Н. Бестужева-Рюмина. Г. Барсуковъ отмѣчаетъ также и возгорѣвшійся споръ по поводу Московской Типографской Библіотеки, говоря также о Библіотекѣ Чертковской и о библіотекарѣ ея, П. И. Бартеневѣ. Въ концѣ книги повѣствуется о выходѣ въ свѣтъ второго изданія труда Н. И. Костомарова „Богданъ Хмѣльницкій", говорится о вступленіи Костомарова на каѳедру Русской Исторіи въ С.-Петербургскомъ университетѣ, затѣмъ приводятся драгоцѣнные документы по поводу статьи Погодина о Тройцкой дорогѣ. Книга оканчивается разсказомъ объ освященіи обновленнаго придѣла церкви Саввы Освященнаго на Дѣвичьемъ полѣ.

И. Помяловскій.

ИСТОРІЯ ГОРОДА МОСКВЫ. СОЧИНЕНІЕ ИВАНА ЗАБѢЛИНА.

(Часть первая, съ приложеніемъ древняго плана Кремля. М. 1902, 8-ка, XX и 635 стр.).

Сочиненіе это было поручено И. Е. Забѣлину Московской Городской Думою еще въ 1881 году. Трудность собиранія матеріала, разбросаннаго по разнымъ мѣстамъ и почти неразработаннаго, и самая обширность програмы были причиной, почему книга эта не могла быть готова раньше. Дѣйствительно, намѣченная программа необыкновенно обширна. Краткій перечень предметовъ, которые входятъ въ нее, помѣщается на шести страницахъ и заключаетъ 115 отдѣловъ, относящихся къ разнообразнымъ явленіямъ старой Московской жизни. Такой обширной задачи не ставилъ себѣ никто изъ изслѣдователей Московской древности. Первый томъ Исторіи Москвы посвященъ Кремлю.

Первое лѣтописное слово о Москвѣ: „Приди, брате, ко мнѣ на Москву“, то-есть извѣстное приглашеніе Суздальскаго князя Юрія Владимировича Долгорукаго Сѣверскому князю Святославу Ольговичу къ себѣ на пиръ, какъ бы пророчески обозначаетъ всю исторію Москвы, собирательницы земли Русской, зовущей всѣхъ къ себѣ. Пиръ этотъ, „сильный обѣдъ“, свидѣтельствовалъ о значительности поселка и принадлежности его, какъ вотчины, князьямъ Суздальскимъ а слѣдовательно и о томъ, что Москва существовала гораздо ранѣе 1147 года, что̀ подтверждается случайнымъ открытіемъ въ 1847 году памятниковъ языческаго времени при постройкѣ Оружейной Палаты (большая серебрянная шейная гривна и двѣ серебрянныя серьги-рясы) и при рытьѣ фундамента для храма Спасителя (двѣ Арабскихъ диргемы, одна 862 г., битая въ Мервѣ, другая 866 г.). Находки эти по своей массивности выходятъ изъ ряда такихъ же предметовъ, найденныхъ въ другихъ многочисленныхъ курганахъ и указываютъ на особое богатство жителей этого мѣста.

Множество поселковъ было разбросано по всему этому краю Россіи. Почему же всѣ они исчезли, а Москва разрослась и сдѣлалась столицею могущественнаго государства? Причина такой жизненности лежитъ въ условіяхъ мѣстности, которая была естественнымъ узломъ торговыхъ и промысловыхъ путей. „Городъ и своимъ зарожденіемъ, и своимъ богатствомъ всегда является только выразителемъ проходящихъ въ этой мѣстности торговыхъ и промысловыхъ народныхъ сношеній и связей“ (стр. 7). Промысловое и торговое движеніе Европы на Востокъ, въ Закаспійскія страны и Индію проходило чрезъ Русскую равнину. Путь шелъ чрезъ Смоленскъ и прямо на Востокъ къ Болгарамъ, которые въ IX и X вѣкахъ вла-

дѣли всей восточною торговлей. Дорога шла именно по Москвѣ-рѣкѣ, а потомъ черезъ переволокъ по Клязьмѣ. По этимъ рѣкамъ шелъ и иной путь изъ Кіева и Чернигова въ Суздальскую область. Когда вся Московская сторона была покрыта лѣсомъ, такъ что и прозывалась Лѣсной землею, рѣки были единственнымъ надежнымъ путемъ сообщенія. По сухому пути, хотя и прокладывались дороги, но лѣса были до того непроходимы, что иногда цѣлыя рати заблуждались. Такъ, напримѣръ, въ 1176 году, во время междоусобія, двѣ рати, шедшія одна на другую „Божьимъ Промысломъ минустася въ лѣсѣхъ“.

Особое значеніе имѣла рѣка Всходня, впадающая въ Москву рѣку и служившая путемъ къ переволоку на Клязьму. Тамъ съ незапамятныхъ временъ устроивалось первоначальное гнѣздо Москвы, свидѣтелями чего являются многія группы кургановъ и городищъ, раскиданныя въ той мѣстности. Затѣмъ историческія причины, въ которыхъ главную роль играло созданіе Суздальскаго княжества, указали Москвѣ быть на сліяніи Москвы-рѣки съ Яузою, которая служила болѣе удобнымъ путемъ при сношеніяхъ Владимирцевъ съ Югомъ Россіи.

Не только новыя зданія послѣдовательно покрывали мѣста древнихъ строеній Кремля, но и сама поверхность Кремлевской горы измѣнялась съ теченіемъ вѣковъ. Густой боръ, покрывавшій ее, исчезъ; высокій обрывъ, выходящій угломъ къ Боровицкимъ воротамъ, постепенно сгладился и окончательно выровненъ только въ 1847 году по случаю постройки Большого Дворца. Лишь слово, этотъ самый прочный памятникъ, указываетъ намъ на прежнюю топографію Кремля. Названіе „Боровицкіе ворота“ и храмъ „Спаса на Бору“ свидѣтельствуютъ о томъ борѣ, который вольно росъ и украшалъ это мѣсто. Самое слово Кремль значитъ ничто иное, какъ именно боръ: на сѣверномъ областномъ языкѣ боръ такъ и зовется „Кремь“. Названіе Моховой улицы указываетъ на то, что подъ горою, покрытой боромъ, была болотистая мѣстность, покрытая мхомъ.

Первая на Москвѣ церковь была Рождества Іоанна Предтечи. Она стояла у Боровицкихъ воротъ. Лѣтописецъ говоритъ по поводу постройки каменной церкви на мѣстѣ прежней, что та церковь „была прежде деревянная, первая церковь на бору, въ томъ лѣсу и рублена“. При разборкѣ этой церкви въ 1847 году подъ кирпичнымъ поломъ жертвенника нашли лошадиный черепъ и двѣ голени. Находку скотскихъ костей подъ алтаремъ христіанской церкви можно объяснять тѣмъ, что христіанскія церкви сооружались во время борьбы съ язычествомъ на мѣстѣ идольскихъ капищъ. Не подтвержденіемъ ли этому положенію служатъ слова перваго митрополита-Русина, Иларіона: „Начатъ мракъ идольскій отъ насъ отходити; уже не сатанинскія капища сограждаемъ, но Христовы церкви зиждемъ. . . . . Капища разрушаются и церкви поставляются?“

Церковь Рождества Предтечи была главнымъ въ поселкѣ храмомъ, и потому можно предположить, что она стояла въ серединѣ городка, который слѣдовательно былъ очень невеликъ. Остатки его ограды были найдены при

постройкѣ Большого Дворца. Валъ и ровъ проходили не доходя собора Спаса на Бору, который, такимъ образомъ, оставался внѣ черты города. Постройка Большого Дворца рѣшила участь этой древнѣйшей на Москвѣ церкви. Она мѣшала виду на дворецъ съ Замоскворѣчья, и по высочайшему повелѣнію была сломана и перенесена въ Боровицкіе ворота (съ ея придѣломъ мученика Уара). Дворъ св. Петра Чудотворца (основателя величія и могущества Москвы) находился рядомъ съ этою церковью, и несомнѣнно тутъ же былъ и великокняжескій дворецъ Юрія Владимировича Долгорукаго, въ которомъ онъ устраивалъ „сильный обѣдъ“ князю Святославу Ольговичу въ 1147 году. Вѣроятно этотъ дворецъ, уступленный Іоанномъ Калитою св. Петру, и обратился во дворъ митрополита.

Въ 1156 году князь Андрей Боголюбскій обнесъ городъ стѣнами, и съ той поры начинается устройство Москвы, какъ настоящаго города, начинается ростъ ея силы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и безчисленныя бѣдствія этого многострадальнаго сердца Россіи въ видѣ пожаровъ, осадъ и разгромовъ. И. Е. Забѣлинъ указываетъ на 22 большихъ пожара, когда выгоралъ почти весь городъ до тла. Нѣкоторые были такъ сильны, что распадались каменныя церкви и стѣны, а мѣдь и желѣзо текли „аки олово“.

Будучи сначала во владѣніи Владимирскихъ князей, Москва при Данилѣ Александровичѣ становится самостоятельнымъ Московскимъ княжествомъ; переселеніе же въ Москву св. Петра митрополита дѣлаетъ ея сосредоточіемъ духовной власти, чѣмъ возвышается ея государственное значеніе.

Особою заботою св. Петра было созданіе каменнаго храма, именно во имя Успенія Богоматери, который и былъ имъ собственноручно заложенъ 4-го Августа 1326 года.

И. Е. Забѣлинъ придаетъ особенное значеніе созданію собора и гробницамъ св. Петра и князя Юрія Даниловича, считая ихъ основными камнями будущаго величія Москвы. Такое сопоставленіе, даже взаимная зависимость между сооруженіемъ храмовъ съ государственнымъ ростомъ Москвы И. Е. Забѣлинъ дѣлаетъ очень часто. Такъ, позднѣе, онъ проводитъ послѣдовательную паралель между постройкою новаго Успенскаго собора Аристотелемъ Фіоравенти и покореніемъ Новгорода Іоанномъ Третьимъ. Очень художественное сопоставленіе, но производящее нѣсколько странное впечатлѣніе. Какъ будто авторъ видитъ какую-то внутреннюю зависимость между постройкою храма и сооруженіемъ государства: такъ настойчиво сравниваетъ онъ тѣ и другіе періоды въ работѣ по сооруженію Успенскаго собора и въ мѣропріятіяхъ Іоанна, клонившихся къ присоединенію Новгорода. Наоборотъ, впечатлѣніе стройное, логическое выноситъ читатель отъ выясненія причинъ созданія Московскаго единодержавія. Маститый историкъ высказываетъ такой свѣтлый, ясный взглядъ, такое проникновеніе въ духъ народа! „Единеніе, единство жизненныхъ и всякихъ другихъ силъ, говоритъ онъ, гдѣ бы оно ни возрождалось, отъ малаго до великаго, повсюду и всегда является созидающей міровой силою въ противуположность всякой рознѣ, которая въ свой чередъ является вездѣ и всегда міровой силою разложенія и гніенія и, слѣ-

довательно, неминуемой гибели и смерти. Хорошо понималъ и хорошо чувствовалъ жизненное дѣйствіе этихъ міровыхъ законовъ именно здравый смыслъ народа" (стр. 111). Читатель постепенно примиряется съ суровыми мѣрами, которыми достигали единенія собиратели земли Русской. Они понимали его необходимость и дѣлали свое дѣло, опираясь на сочувствіе народа.

Въ 1339 г. 25-го Ноября Иванъ Калита заложилъ „градъ Москву дубовый". Этотъ дубовый кремникъ, по нѣкоторымъ даннымъ, занималъ слѣдующее пространство. Съ восточной стороны его предѣльная линія доходила до Малаго Дворца (гдѣ родился императоръ Александръ II) со включеніемъ самаго Дворца и Чудова монастыря. Свидѣтельствомъ тому служатъ слѣды рва, направлявшіеся къ церкви св. Константина и Елены, найденные подъ слоемъ мусора при обновленіи Дворца въ 1874 году. Съ сѣверо-западной стороны межа дубоваго города оканчивалась у нынѣшняго грота Александровскаго сада, почти противъ Большой Никитской улицы. Сама Никитская улица указываетъ, что тутъ шла дорога, торговый путь изъ Новгорода къ древнему Замоскворѣцкому торговому пристанищу. Продолженіе этой дороги составляла Большая Ордынка. Кремль, расширившись, прервалъ эту прямую дорогу, когда его пространство было увеличено при постройкѣ каменныхъ стѣнъ Дмитріемъ Донскимъ и еще увеличено до современнаго его размѣра при Іоаннѣ Ш. Такое увеличеніе вызывалось съ одной стороны ростомъ населенія, а съ другой—необходимостью сохранять нетронутыми старыя стѣны во время постройки новыхъ на случай внезапнаго нападенія непріятелей, вслѣдствіе чего новыя стѣны сооружались вокругъ старыхъ.

Вскорѣ послѣ постройки Дмитріемъ Донскимъ каменныхъ стѣнъ, Москву постигли страшныя бѣдствія: Ольгердово нашествіе, несчастная по послѣдствіямъ Куликовская битва и разгромъ Тохтамыша. Незадолго предъ этими событіями явились угрожающія явленія на небѣ и такія атмосферическія условія, какія не случались за всю тысячу лѣтъ Русской исторіи. Въ 1370 году зимою и лѣтомъ бывали на небѣ кровавые столбы, все небо являлось кровавымъ, такъ что и снѣгъ видѣлся кровавымъ, и люди ходили красные, аки кровь, и хоромы представлялись какъ бы въ крови. „Се же проявленіе, замѣчаетъ лѣтописецъ, проявляетъ скорбь великую и хотящу быти ратныхъ нашествію и кровопролитію и междоусобныя брани, еже и бысть". А лѣтомъ въ 1371 году „явились на солнцѣ мѣста черны, яко гвозди, и почти два мѣсяца стояла по землѣ великая, непроглядная мгла, нельзя было видѣть и за двѣ сажени человѣка въ лицо; птицы не видѣли летать, ударялись о головы людей, падали на землю и ходили только по землѣ; звѣри, не видя свѣта, ходили по селамъ и городамъ, мѣшаясь съ людьми, медвѣди, волки, лисицы и прочіе звѣри. Сухмень стоялъ необычайный, зной, жаръ; хлѣбъ, трава погорѣли, озера и болота пересохли, лѣса и боры, и высохшія болота горѣли, насталъ голодъ велій". Эти предзнаменованія оправдались. Оскудѣніе рати послѣ Куликовской битвы имѣло послѣдствія Тохтамышевъ погромъ. Погромъ этотъ лѣтописецъ описываетъ въ словахъ, которыя и теперь равнодушно читать невозможно. „Былъ дотолѣ Москва градъ

великъ, градъ чуденъ, градъ многолюденъ, кипѣлъ богатствомъ и славою, превзошелъ честію всѣ города земли Русской, и что же: въ одинъ день или полдня мгновенно измѣнилась вся доброта его, и слава его исчезла, повсюду пусто, одна горѣлая земля, дымъ, пепелъ, да лежатъ во множествѣ трупы мертвыхъ“. Тогда было погребено 24 тысячи человѣкъ. Немного лѣтъ спустя, Москва подвергалась опасности еще бо́льшаго разгрома. Надвигалась гроза, какой еще не было на Руси. Шелъ Тамерланъ съ намѣреніемъ все разорить и обратить въ пепелъ. Онъ былъ уже близко и раскинулся станомъ около Ельца. Московскій народъ въ отчаяніи надѣялся лишь на заступничество небесныхъ силъ. Всѣ храмы были открыты, и день и ночь народъ молился объ избавленіи отъ смертельной опасности. Рѣшено было послать посольство во Владиміръ, чтобы перенести чудотворную икону Богоматери. Плача отпускали ее Владимирцы, со слезами надежды Москвичи выходили всѣмъ народомъ за городъ навстрѣчу. Въ тотъ же день и часъ Тамерланъ внезапно отложилъ свое намѣреніе идти на Москву и побѣжалъ поспѣшно прочь. По народному преданію онъ видѣлъ во снѣ множество небеснаго воинства „претящаго ему зѣло“ и Жену „претящу ему лютѣ“. На мѣстѣ встрѣчи иконы былъ сооруженъ Срѣтенскій монастырь. Вообще монастыри и храмы воздвигались въ память великихъ историческихъ событій. Безмолвные камни представляютъ собой живой языкъ исторіи: они говорятъ о томъ, какой вѣрою бились сердца нашихъ предковъ, какъ живо и сильно они чувствовали присутствіе невидимой, небесной силы, избавляющей ихъ отъ бѣдъ. Напримѣръ, храмъ во имя Положенія Ризы Богоматери возникъ въ память избавленія отъ нашествія Татарскаго князя Мазовши, нашествія, называемаго вслѣдствіе его кратковременности „скорою Татарщиной“. Церковь во имя Похвалы Богородицы, нынѣ въ одной изъ главъ Успенскаго собора, служитъ памятникомъ побѣды вел. кн. Ивана Васильевича надъ Татарами Седи-Ахматовой орды, въ 1459 году. Наконецъ, взятіе Казани увѣковѣчено Василіемъ Блаженнымъ.

За сто лѣтъ, протекшихъ отъ Мамаева побоища до окончательнаго сверженія Татарскаго ига, вслѣдствіе постоянныхъ нашествій и всяческихъ бѣдствій, Москва не могла собраться съ силами, и бѣдность ея выразилась въ незначительномъ количествѣ каменныхъ построекъ. Они были такъ рѣдки, что лѣтописцы заботливо упоминали о нихъ. За цѣлое столѣтіе ихъ было выстроено всего двѣнадцать. Внушительное впечатлѣніе произвело сооруженіе въ 1404 году княземъ Василіемъ Дмитріевичемъ чудныхъ часовъ съ луною. Они были поставлены у Благовѣщенскаго собора. Лѣтописецъ описываетъ ихъ подробно. „Въ лѣто 6912 (1404) князь великій замысли часникъ и постави на своемъ дворѣ за святымъ Благовѣщеньемъ. Сей же часникъ наречется часомѣріе; на всякій бо часъ ударяетъ молотомъ въ колоколъ, размѣряя и разсчитая часы нощные и дневные; не бо человѣкъ ударяше, но человѣковидно, самозвонно и самодвижно, страннолѣпно нѣкако, сотворено есть человѣческою хитростью, преизмечтано и преухищрено“...

Но Татарская гроза была сокрушена, и настало совсѣмъ иное время, время Іоанна III. При немъ весь Кремль былъ перестроенъ заново. По-

стройка Успенскаго собора была сначала поручена Русскимъ мастерамъ Ивашкѣ Кривцову да Мышкину. Они похвалялись, что выстроятъ соборъ шире и выше, чѣмъ даже Владимирскій соборъ, который былъ, по заявленію Аристотеля, осматривавшаго его по пріѣздѣ въ Россію „нѣкакихъ нашихъ мастеровъ дѣло“ (т. е. Итальянцевъ). Русскіе мастера не сомнѣвались въ успѣхѣ превзойти Итальянцевъ, и уже черезъ три года къ веснѣ 1474 года церковь „видѣлась чудна вельми и превелика зѣло“. Оставалось лишь свести куполъ. И вотъ 20 Мая вечеромъ она внезапно рухнула. По свидѣтельству одного лѣтописца въ этотъ день „бысть трусъ во градѣ Москвѣ, и церковь Богоматери, сдѣлана бысть до верхнихъ каморъ, падеся въ 1 часъ нощи, и храми вси потрясошася, яко и землѣ поколебатися“. Конечно, виною несчастія было не землетрясеніе, а главнымъ образомъ неискусство Русскихъ мастеровъ „каменносѣчной хитрости“. Строительное искусство находилось въ то время на Руси въ жалкомъ состояніи. Способъ кладки стѣнъ состоялъ въ томъ, что между двухъ рядовъ бѣлаго камня сыпался бутовый камень и заливался известкой. Такая кладка годилась для маленькихъ зданій, какія только и строились въ то время, но не для большого собора, гдѣ стѣнамъ приходится выдерживать сильное давленіе сводовъ и купола. Кромѣ того самъ матеріалъ не отличался прочностью. Вызванный изъ Италіи архитекторъ Муроль Фіоравенти, за свое искусство прозванный Аристотелемъ, изслѣдовалъ сначала рушившійся соборъ и объявилъ, что онъ не берется его возстановить изъ того же матеріала. Камень, по его мнѣнію былъ не прочень, известка не клеевита. Однако, онъ похвалилъ гладость кладки. Муроль рѣшилъ все разрушить и начать все сызнова, замѣнивъ камень кирпичемъ для толщи стѣнъ. „Чудно было видѣть, говоритъ лѣтописецъ: что́ три года дѣлали, то онъ въ одну недѣлю и даже меньше развалилъ, такъ что не успѣвали выносить камень, а то бы въ три дня хотѣлъ развалить“. Пріемы, которыми Муроль пользовался 500 лѣтъ тому назадъ, могли бы быть рекомендованы и теперь. Машиною („бараномъ“, какъ ее называли тогдашніе книжники) онъ разбивалъ стѣны, машиною при стройкѣ подавался наверхъ и камень. Не варварство ли въ сравненіи съ этими пріемами хотя бы практикуемое у насъ ношеніе кирпича на спинахъ рабочихъ?! Весь снарядъ для поднятія тяжести состоялъ изъ большаго и нѣсколькихъ маленькихъ колесъ. Легкость, съ которой производилась работа, изумляла Москвичей. „Чудно было видѣти!“

Черезъ четыре года соборъ оконченъ, и Московскіе люди, по словамъ лѣтописца „видяще превеликое созданіе соборной церкви и многочудную подпись и великихъ чудотворцевъ цѣльбоносные гробы, и воистину мняшеся, яко на небеси стояти“. Однако было нѣчто въ соборѣ, что́ вызвало негодованіе православныхъ людей. Муроль въ алтарѣ истесалъ на камени „Лятскій крыжъ“. Митрополитъ велѣлъ его уничтожить. Ревность нашихъ предковъ къ своей вѣрѣ была непоколебима и не допускала ничего, что́ имѣло поползновеніе нарушить ея неприкосновенность. Каждое таковое встрѣчало рѣшительный отпоръ. Царевна Греческая Софія, невѣста Іоанна III, прибыла въ Россію изъ Рима. Папа отрядилъ сопровождать ее въ этомъ путе-

шествіи своего легатоса Антонія и велѣлъ нести передъ нимъ во все время пути „крыжъ“. Латинскій крестъ. Когда шествіе приблизилось къ Москвѣ, то великому князю донесли, что идетъ папскій легатосъ и предъ нимъ несутъ Латинскій крестъ. Великій князь обратился къ митрополиту за совѣтомъ, что̀ дѣлать, допустить ли легатоса взойти въ Москву съ „крыжемъ“ или нѣтъ. Святитель не колеблясь отвѣчалъ: „Не можно тому быть! Не только въ городъ ему войти, но и приблизиться ему не подобаетъ. Если позволишь ему такъ учинить, то онъ въ ворота въ городъ, а я въ другіе ворота изъ города выйду. Не достойно намъ того и слышать, не только видѣть; потому что возлюбившій и похвалившій чужую вѣру тотъ всей своей вѣрѣ поругался“. И легатосу было воспрещено взойти съ Латинскимъ крестомъ въ православную Москву.

Сооруженіе стѣнъ началось съ Тайницкой башни. Башня эта называлась дотолѣ Чешьковыми воротами. Названіе Чешьковы происходило по всей вѣроятности отъ имени близъ лежавшаго боярскаго двора Данилы Чешка, какъ и Свибловская башня получила свое названіе отъ сосѣдняго двора боярина Ѳеодора Свибла. Тайницкими ворота стали называться по тайнику, который строитель башенъ Фрязинъ Алевизъ вывелъ въ нихъ для добыванія изъ Москвы-рѣки воды во время осады. Кремлевскія укрѣпленія, по окончаніи ихъ постройки въ 1508 году, представляли совсѣмъ иной видъ, чѣмъ теперь. Со стороны Красной площади былъ выкопанъ глубокій ровъ, соединившій Москву-рѣку съ Неглинной, такъ что Кремль сдѣлался островомъ. Ровъ былъ выложенъ бѣлымъ камнемъ и имѣлъ съ наружной стороны, то есть со стороны Красной площади, рядъ зубцовъ; къ Никольскимъ и Спасскимъ воротамъ были перекинуты мосты. Со стороны Москвы-рѣки шелъ второй рядъ стѣнъ, а со стороны Неглинной были вырыты обширные, глубокіе пруды. Стѣны были облицованы бѣлымъ камнемъ и украшались карнизами и поясами. Башни имѣли не остроконечные, какъ теперь, верхи, а шатровыя крыши. Сами стѣны были защищены навѣсомъ. Конечно, при этихъ сооруженіяхъ пришлось снести многія церкви и кладбища, стоявшія близъ старыхъ стѣнъ, и такое уничтоженіе древнихъ памятниковъ вызывало охулку со стороны ревнителей старины, какъ это происходитъ и нынѣ въ подобныхъ случаяхъ. Архіепископъ Новгородскій Геннадій писалъ по этому поводу къ митрополиту Зосимѣ: „А нынѣ бѣда стала земская, да нечесть государская великая; старыя церкви извѣчныя выношены изъ города вонъ, да и монастыри старые, извѣстные съ мѣста переставлены“... Это мнѣніе, конечно, раздѣлялось многими.

Между тѣмъ потребность перестроить Кремль по-новому была такъ велика, что правители дѣлали все возможное для пріобрѣтенія нужныхъ на это мастеровъ. Приходилось выписывать ихъ изъ Италіи, и трудность найти охотниковъ ѣхать въ далекую Московію усугублялась еще трудностью привезти въ Москву согласившихся на это путешествіе: сосѣди наши всячески препятствовали ихъ проѣзду. Они задерживали ихъ по дорогѣ. Напримѣръ, въ 1493—1495 году нашихъ пословъ съ мастерами не пропустили Поляки.

Послы повернули къ Стефану, воеводѣ Валашскому. Тотъ по-просту ихъ задержалъ и заставилъ работать на себя. Надо было просить Крымскаго хана Менгли-Гирея, чтобы тотъ выручилъ ихъ изъ плѣна. Прошло четыре года, пока это удалось сдѣлать, и при этомъ Стефанъ насчиталъ себѣ 150 тысячъ убытку, причиненному будто бы содержаніемъ пословъ, имъ же задержанныхъ.

Даже Новгородцамъ и Псковичамъ, находившимся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Нѣмцами, сіи послѣдніе отказывали въ мастерахъ. Въ 1420 г. Псковичи посылали къ Нѣмцамъ за кровельнымъ мастеромъ, но „поганіи не даша мастера". По счастью таковой нашелся въ Москвѣ.

Василій Ивановичъ продолжалъ строительство своего отца и оставилъ Кремль трехлѣтнему сыну своему Ивану въ полномъ устройствѣ и благолѣпіи. Но никто не проявилъ такой дѣятельности въ постройкахъ, какъ Борисъ Годуновъ. Въ царствованіе Өедора Ивановича, онъ всячески старался отвлечь народъ отъ политики. Послѣ каждаго своего злодѣянія, когда подымался ропотъ въ народѣ, онъ предпринималъ большую постройку. Такъ, въ 1586 году, послѣ гоненія на знатныхъ боярскихъ родовъ и на самого митрополита, онъ предпринялъ постройку Бѣлаго Города.

Послѣ убіенія Дмитрія царевича (которое народъ приписывалъ ему) Борисъ, по словамъ хронографа Кубасова, „повелѣлъ многіе славные домы въ царствующемъ градѣ запалити, дабы люди о своихъ напастяхъ попеченіе имѣли, и тако симъ ухищреніемъ преста миромъ волненіе о царевичѣ убіеніи", а затѣмъ щедро выдалъ пособіе на постройку новыхъ хоромъ и сейчасъ же, кромѣ того, предпринялъ постройки деревянныхъ стѣнъ вокругъ всего города. Какъ энергично велась эта постройка, видно изъ того, что 14 верстъ стѣнъ было выстроено въ одинъ годъ. Вслѣдствіе такой скорости городъ получилъ прозваніе Скородомъ, Скородумъ. Можно предположить, что и колокольня Иванъ Великій построена съ той же цѣлью занять народъ и закупить его. Приверженецъ Годунова, архіепископъ Еласонскій Арсеній, восхваляя его за необыкновенную дѣятельность по украшенію города, перечисляетъ его постройки и художественныя вещи, имъ устроенныя. Въ этомъ перечнѣ, между прочимъ, упоминаются многіе золотые ковчеги для мощей, плащаница съ золотымъ изображеніемъ Христа и 12 апостоловъ, на что пошло 2,600 литръ чистаго золота.

Всѣ труды Бориса были уничтожены въ Смутное время, во время этой „Московской Разрухи", какъ говорили Москвичи. Весь городъ былъ разрушенъ, и „всюду стояху Литва и Нѣмцы и все свое скаредіе творяху". Разрушеніе началось съ паденія Спасской башни въ то самое время, какъ убитаго Разстригу поволокли съ Красной площади за городъ. Это внезапное и безпричинное паденіе главныхъ воротъ Кремля знаменательно, особенно для насъ, ибо теперь все болѣе распространяется мнѣніе, что Самозванецъ не былъ Самозванцемъ, а былъ настоящимъ сыномъ Грознаго.

Въ теченіе царствованій Михаила Өеодоровича и Алексѣя Михайловича Кремль былъ приведенъ въ порядокъ. При Алексѣѣ Михайловичѣ стѣны чинились нѣсколько разъ. Время Петра I для Москвы было временемъ окон-

чательнаго счета съ ея стариною. Съ перенесеніемъ столицы въ Петербургъ Москва опустѣла, самый дворецъ стоялъ въ полномъ разорѣ, безъ дверей и оконъ. Однако, въ 1701 году. Петръ озаботился произвести точный и подробный счетъ оставшейся къ этому году наличности по всѣмъ вѣдомствамъ управленія. По этому счету въ Кремлѣ числилось 9 подворій и 43 обывательскихъ двора, во всей же Москвѣ 16,358 дворовъ. Не смотря на такое количество дворовъ, общій характеръ города былъ вполнѣ деревенскій. Тысячи дворовъ представляли собою простыя избы, вымощены были лишь главныя улицы. и то не камнемъ, а деревяннымъ помостомъ. Благочестивые Нѣмцы, подъѣзжая къ городу, говорили, что это Іерусалимъ. а въѣхавши, убѣждались, что это скорѣе Виѳлеемъ или просто большая деревня.

Постройка цейхауза въ 1705 году и особенно зданія для присутственныхъ мѣстъ въ 1785 году опустошила Кремль: нѣсколько церквей и старинныхъ боярскихъ дворовъ были снесены. Еще болѣе способствовала къ уничтоженію памятниковъ древности дѣятельность главнаго начальника дворцоваго вѣдомства П. С. Валуева: для чистоты и опрятности, по его настоянію, были снесены Срѣтенскій соборъ, Троицкое подворье и Гербовая башня. Наконецъ исчезла и наиболѣе древняя, первая церковь Рождества Іоанна Предтечи. Нѣтъ сомнѣнія, что предполагаемая постройка Екатериною II сказочнаго дворца, долженствовавшаго покрыть собою весь Кремль, произвела бы еще больше опустошеній памятниковъ старины и изгладила бы еще больше воспоминаній о прежней, кипѣвшей здѣсь нѣкогда, жизни. Но при закладкѣ этого дворца у Тайницкихъ воротъ Архангельскій соборъ далъ трещину и грозилъ сползти внизъ по откосу, чтобы рушиться на то мѣсто, гдѣ былъ заложенъ дворецъ. Такимъ образомъ, гробницы создателей Кремля какъ бы воспротивились сооруженію, долженствовавшему исказить древній обликъ сердца Россіи. Послѣ нашествія Наполеона въ 1812 году и его неудавшейся попытки взорвать Кремль на воздухъ, такъ чтобы камня на камнѣ не осталось, Кремль былъ обновленъ и получилъ своей современный видъ, правда, теперь сильно обветшалый.

Двѣнадцатымъ годомъ кончается въ книгѣ И. Е. Забѣлина общій обзоръ Кремля. Далѣе слѣдуетъ описаніе отдѣльныхъ зданій, подворій, улицъ, площадей, существующихъ и исчезнувшихъ. При этомъ И. Е. Забѣлинъ касается связанной съ этими мѣстами исторіи боярскихъ родовъ, описываетъ подробно строенія, имущества монастырей, касается быта обитателей, приводя множество показаній современниковъ. Описаніе преисполнено всевозможныхъ подробностей, многія изъ которыхъ впервыя вышли изъ мрака доселѣ неразобранныхъ источниковъ. Слѣдовать за нимъ въ этой статьѣ невозможно: она разрослась бы въ цѣлую книгу даже при сжатой передачѣ. Можно и надобно посовѣтовать всякому любителю родной и любезной старины самому прочитать это замѣчательное сочиненіе. Одно изъ наиболѣе цѣнныхъ достоинствъ его—это здравый, истинно-Русскій смыслъ, которымъ оно проникнуто съ начала до конца. Жаль, что при книгѣ нѣтъ азбучнаго указателя.

Сергѣй Бартеневъ.

ДНЕВНИКЪ
БЕРХГОЛЬЦА

ДНЕВНИКЪ

КАМЕРЪ-ЮНКЕРА

Ф. В. БЕРХГОЛЬЦА.

1721—1725.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

И. Ѳ. Аммона.

Новое изданіе

съ дополнительными примѣчаніями.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1902.

ПРЕДИСЛОВІЕ ИЗДАТЕЛЯ.

Можно собрать цѣлую библіотеку изъ книгъ и статей, на Русскомъ и Европейскихъ языкахъ, о Петрѣ Великомъ, и однако мы все-таки не имѣемъ полной, обстоятельной и безпристрастной его біографіи. Н. Г. Устряловъ не кончилъ прекраснаго труда своего (въ которомъ особенно цѣнны приложенія), и неизвѣстна судьба оставшихся по кончинѣ его бумагъ. Въ Исторіи Россіи С. М. Соловьева не означено даже, когда Петръ Великій родился, и при томъ изложеніе его пристрастно. Предпринятое еще при Николаѣ Павловичѣ изданіе писемъ Петра Великаго, содержащихъ въ себѣ настоящую его автобіографію, давно пріостановилось на первыхъ годахъ XVIII вѣка, и надежда имѣть его продолженіе ослабѣла съ кончиною А. Ѳ. Бычкова, умѣвшаго какъ никто разбирать почеркъ Петра. Покойный С. М. Соловьевъ передавалъ намъ, что у него бывали подъ руками цѣлые вороха Петровскихъ бумагъ; но пользоваться ими онъ не могъ, такъ какъ они не поддавались прочтенію. Въ почеркахъ отражается время: судорогамъ въ лицѣ Преобразователя соотвѣтствовалъ его почеркъ. Въ послѣднее время начали появляться письма и дѣла того времени. Въ особенности важны по множеству новыхъ показаній Записки князя Б. И. Куракина и его переписка. Нѣтъ сомнѣнія, что существовали Записки и другихъ лицъ, относившихся, подобно князю Куракину, къ преобразованіямъ Петра безъ восторга; но они либо утратились, либо хранятся подъ спудомъ. Покойный П. В. Киреевскій унаслѣдовалъ такого рода Записки своего прадѣда и горевалъ о томъ, что онѣ у него пропали во время его переѣздовъ по собиранію народныхъ пѣсень. Памятныя записи по монастырямъ прятались и уничтожались: не повадно было вести ихъ въ то кровавое время, когда высочайше запрещалось монахамъ держать въ келіяхъ перо и бумагу. Потомство принуждено узнавать про Петровское время по иностраннымъ показаніямъ. Такихъ показаній имѣется много, но почти всѣ они относятся къ Россіи отрицательно, и Русскіе люди изображаются въ нихъ варварами. Для историка важны не столько Записки иностранцевъ, какъ Дневники ихъ, и чѣмъ ограниченнѣе кругозоръ того, кто велъ дневникъ, тѣмъ цѣннѣе его отмѣтки. Таковъ Дневникъ Датскаго посланника при Петрѣ Великомъ Юста Юля, относящійся къ 1707—1711 годамъ и напечатанный въ „Русскомъ Архивѣ“ 1893 года. Таковъ же и появляющійся нынѣ въ новомъ изданіи дневникъ Голштинца Берхгольца. Онъ не обсуждаетъ своихъ записей, а просто заноситъ въ нихъ, что̀ самъ видѣлъ и слышалъ, и подъ перомъ его возстаетъ воочію та среда, въ которой онъ

вращается. Читатель подъ часъ можетъ издѣваться надъ простодушіемъ Берхгольца, но не можетъ отказать въ нѣкоторомъ сочувствіи усердію, съ какимъ онъ служилъ своему герцогу и своему покровителю графу Бассевичу, для Записокъ котораго (помѣщенныхъ въ „Русскомъ Архивѣ" 1865 года) его дневникъ служитъ живою рамкою. Отецъ Берхгольца жилъ сначала въ Ревелѣ, стало-быть въ Шведскомъ подданствѣ, служилъ у насъ дивизіоннымъ генераломъ, находился съ Русскими войсками подъ Прутомъ, стоялъ съ полкомъ своимъ въ Черниговской губерніи. Мать Берхгольца умерла въ Новгородѣ-Сѣверскомъ. По-русски онъ не выучился, и это не служило ему особеннымъ стѣсненіемъ. Кажется, съ Бассевичемъ переѣхалъ онъ въ Стокгольмъ и опредѣлился ко двору проживавшаго тамъ съ малолѣтства Голштинскаго герцога Карла Фридриха. Этотъ герцогъ (р. 1700 г.), круглый сирота, воспитывался у своей бабки, матери холостяка-Карла XII-го. Онъ былъ ему роднымъ дядею и возилъ его съ собою въ предсмертный свой Норвежскій походъ. Но по кончинѣ сѣвернаго героя Шведскій престолъ заняла вторая его сестра Ульрика-Элеонора. Она вышла за Гессена-Кассельскаго принца, добилась для него королевскаго титула и возненавидѣла племянника. Еще не достигнувъ полнаго совершеннолѣтія, онъ былъ выпровоженъ изъ Швеціи. Его родовыми Голштинскими владѣніями, разоренными во время Сѣверной войны и ограбленными Даніею, управлялъ его дядя по отцу Христіанъ епископъ Любскій, дочь котораго—родная мать нашей Екатерины Великой. Герцогство Голштинское входило въ составъ Германо-Римской Имперіи, и его молодой герцогъ поѣхалъ въ Вѣну хлопотать, чтобъ императоръ призналъ его совершеннолѣтіе. Въ Вѣнѣ былъ тогда нашъ Ягужинскій, и онъ-то вмѣстѣ съ Меншиковымъ, находившимся въ Шведской Помераніи, возымѣлъ мысль женить Карла-Фридриха на старшей нашей царевнѣ. Этимъ удовлетворялось самолюбіе ея матери: ей, бывшей Шведской подданной, было лестно увидать свою дочь Шведскою королевою. Мысль эта улыбалась и Петру Великому, который уже обезпечилъ для себя Курляндію бракомъ старшей своей племянницы и выдалъ другую за герцога Мекленбургскаго. Швеція подчинялась его вліянію, коль скоро въ его распоряженіи находился будущій ея государь. Эти разсчеты не удались, точно такъ какъ впослѣдствіи Екатеринѣ Великой не пришлось имѣть въ Швеціи королевою свою старшую внучку.

Въ 1856 году, служа въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ вмѣстѣ съ достопочтеннымъ Иваномъ Ѳедоровичемъ Аммономъ и зная, что онъ перевелъ по-русски Дневникъ Берхгольца, я предложилъ ему напечатать этотъ переводъ на средства „Русской Бесѣды", которою я тогда завѣдывалъ и которой издателемъ былъ А. И. Кошелевъ.

Нынѣ драгоцѣнный Дневникъ этотъ выходитъ третьимъ изданіемъ.

Петръ Бартеневъ.

1721-й годъ.

ДНЕВНИКЪ КАМЕРЪ-ЮНКЕРА БЕРХГОЛЬЦА.

Предисловіе Русскаго переводчика.

Дневникъ Берхгольца, безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ числу любопытнѣйшихъ матеріаловъ для исторіи послѣднихъ годовъ царствованія Петра Великаго. Напечатанный въ 1785—1788 гг. въ „Magazin für die neue Historie und Geographie“ Бюшинга (сборникѣ, нынѣ весьма рѣдкомъ и дорогомъ) онъ до сихъ поръ, къ сожалѣнію, оставался у насъ если не неизвѣстнымъ, то по крайней мѣрѣ очень мало доступнымъ. Въ Русскомъ переводѣ читатели знаютъ его только по тремъ небольшимъ отрывкамъ, помѣщеннымъ въ журналѣ „Отечественныя Записки“, 1843 года, № 1, и 1853 года, №№ 3 и 4. Поэтому болѣе близкое и полное знакомство съ нимъ, конечно, доставитъ удовольствіе не только занимающимся изученіемъ отечественной исторіи, но и всѣмъ сколько-нибудь интересующимся нашею стариною.

Фридрихъ Вильгельмъ фонъ-Берхгольцъ былъ сынъ Голштинскаго дворянина и генералъ-лейтенанта Русской службы. Онъ долго жилъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ, состоя въ свитѣ герцога Голштинскаго Карла Фридриха *), при которомъ былъ сперва гофъ-юнкеромъ, потомъ камеръ-юнкеромъ и подъ конецъ камергеромъ. Въ это-то время, именно съ 1721 по 1725 годъ. онъ велъ свои записки, отмѣчая ежедневно все, что ему случалось видѣть и слышать, не пропуская часто и мелочей, для него одного интересныхъ. Впослѣдствіи, уже въ званіи оберъ-камергера, онъ опять пріѣзжалъ въ Россію съ сыномъ герцога, бывшимъ потомъ императоромъ Петромъ III; но въ 1746 году вышелъ въ отставку и жилъ до своей кончины въ Висмарѣ. Тамъ, въ 1765 году, познакомился съ нимъ извѣстный любитель и собиратель древностей Бюшингъ, который, узнавъ о Дневникѣ, употребилъ всѣ усилія для пріобрѣтенія этого драгоцѣннаго памятника и наконецъ, уже послѣ смерти Берхгольца, напечаталъ его въ своемъ Magazin (томы 19, 20, 21 и 22).

Вотъ собственныя слова ученаго издателя о пріобрѣтеніи имъ „Дневника“, которыя покажутъ также, какъ онъ цѣнилъ его. „Я узналъ, говоритъ Бюшингъ, что г. Берхгольцъ въ молодости, состоя кам.-юнкеромъ при отцѣ императора (Петра III) и живя въ Петербургѣ, велъ Дневникъ, въ который вносилъ все достопримѣчательное тогдашняго времени. Не смотря на сильное мое желаніе получить этотъ Дневникъ, онъ не далъ мнѣ положительнаго обѣщанія, но и не отказалъ совершенно, такъ что я принужденъ былъ

---

*) Герцогъ Голштинскій пріѣхалъ въ Россію въ началѣ 1721 года. Онъ сватался за старшую дочь Петра Великаго, царевну Анну Петровну, и искалъ его покровительства для возвращенія своихъ владѣній отъ короля Датскаго и для предъявленія правъ на Шведскій престолъ. Бракосочетаніе его совершилось въ 1725 году, уже послѣ кончины императора.

уѣхать, не узнавъ его настоящихъ мыслей. Впослѣдствіи я писалъ къ нему и опять упоминалъ о Дневникѣ; но отвѣтъ его былъ такъ неясенъ, что даже нельзя было понять, у него ли онъ еще въ рукахъ или уже отданъ кому-нибудь другому. Вскорѣ послѣ того г. Берхгольцъ умеръ; но мнѣ удалось узнать, кому достались его важнѣйшія бумаги. Пользуясь благосклонностію этой особы, я безъ труда уговорилъ ее уступить мнѣ Дневникъ и нѣсколько лѣтъ тому назадъ получилъ его въ восьми футлярахъ. Г. Берхгольцъ давалъ его переписывать очень плохому переписчику и потомъ собственноручно дѣлалъ поправки. Это трудъ его молодости, когда онъ былъ еще далекъ отъ скрытности и осторожности, свойственныхъ придворнымъ и государственнымъ людямъ, и записывалъ все, что видѣлъ и слышалъ. Какъ молодой человѣкъ, онъ очень словоохотенъ и вдается въ большія подробности, для него, конечно, интересныя, но для другихъ не всегда занимательныя; поэтому я кое-что выпустилъ. Нѣкоторые скажутъ, можетъ быть, что не мѣшало бы сократить и еще многое; но такихъ я прошу принять во вниманіе, что неинтересное для нихъ можетъ быть весьма интересно для другихъ, и что особенно нѣсколько болѣе подробное описаніе празднествъ необходимо для полнаго знакомства съ нравами и обычаями тогдашняго времени. Недаромъ цѣнятъ дневникъ Брауншвейгскаго резидента Вебера, изъ котораго можно многое позаимствовать; но Дневникъ Бергольца, почти одновременный съ Веберовымъ, еще подробнѣе и богаче, и можетъ открыть историку и политику не одно любопытное обстоятельство. Покойный Русскій исторіографъ, Миллеръ, очень дорожилъ журналами Вебера, Гордона и Петра Великаго; по двумъ послѣднимъ онъ исправилъ даже многія хронологическія ошибки, сдѣланныя въ Русской исторіи иностранцами, и вывелъ нѣкоторые факты, для которыхъ нѣтъ другихъ историческихъ доказательствъ. Дневникъ Берхгольца, поэтому, очень занялъ бы его, еслибы онъ дожилъ до его изданія. Во всякомъ случаѣ, историки Россіи всегда будутъ ссылаться на этотъ Дневникъ, потому что авторъ его записывалъ только то, что́ видѣлъ самъ, или слышалъ отъ очевидцевъ“... (См. Büsching's Mag. f. die neue Hist. и Geogr., предисловіе къ XIX-му тому).

Въ самомъ дѣлѣ, записки Берхгольца, не смотря на нѣсколько сухую форму дневника, отличаются разнообразіемъ, необыкновенною подробностію и почти всегда большою точностію въ описаніяхъ. Составлялись онѣ не съ цѣлію появиться въ свѣтъ, а какъ простыя воспоминанія человѣка, попавшаго въ среду для него новую и интересовавшагося по преимуществу тѣмъ, что̀ непосредственно окружало его. Авторъ ихъ, поэтому, мало касается политической стороны Россіи. Главный, почти исключительный предметъ его описаній и разсказовъ—внутренній бытъ тогдашняго общества (въ особенности высшаго), его нравы, обычаи, празднества, увеселенія и т. п. Находясь постоянно при дворѣ герцога Голштинскаго, онъ имѣлъ случай видѣть вблизи всѣхъ замѣчательныхъ людей того времени окружавшихъ великаго преобразователя Россіи, и сообщаетъ множество любопытныхъ подробностей, относящихся къ ихъ частной, семейной жизни, кромѣ другихъ интересныхъ свѣдѣній, которыми такъ богаты его ежедневныя отмѣтки. Въ этомъ отношеніи Дневникъ его составляетъ источникъ драгоцѣнный и единственный въ своемъ родѣ, отличающійся отъ всѣхъ доселѣ извѣстныхъ намъ сочиненій иностранныхъ писателей о Россіи.

И. А.

1721-й ГОДЪ.

Апрѣль 13. Я получилъ [1]), черезъ тайнаго совѣтника Клауссенгейма, приказаніе его королевскаго высочества герцога Голштинскаго ѣхать за нимъ въ Ригу.

22. Былъ я съ посланникомъ Дюмономъ у барона Бентенрейтера (императорскаго полномочнаго министра въ Парижѣ), чтобъ взять у него паспортъ и въ тоже время проститься съ нимъ.

23. Я простился съ царскимъ посломъ, княземъ Долгоруковымъ [2]), и посломъ Голландскимъ, барономъ Гоопомъ, который также снабдилъ меня паспортомъ для свободнѣйшаго проѣзда черезъ Голландію, и этотъ паспортъ впослѣдствіи мнѣ очень пригодился.

24. Я въ послѣдній разъ обѣдалъ у посланника Дюмона и, простясь со всѣми своими друзьями, отвезъ вещи, купленныя мною для тайнаго совѣтника Клауссенгейма и моихъ кузинъ, къ купцу Давиду для отправленія ихъ водою, черезъ Руанъ, въ Гамбургъ.

25. Я отправился съ почтою изъ Парижа въ Брюссель, куда прибылъ только 27-го Апрѣля, потому что принужденъ былъ остаться почти цѣлый день въ Валансьеннѣ для вымѣна старыхъ Французскихъ денегъ на новыя. Вскорѣ по выѣздѣ изъ этого города я пріѣхалъ въ мѣстечко Кёвренъ, гдѣ соединяются Французская и Брабантская границы. Здѣсь находились императорскіе таможенные пристава, имѣвшіе строжайшее предписаніе не пропускать изъ Франціи никакихъ новыхъ вещей, кому бы онѣ ни принадлежали, безъ особеннаго дозволенія изъ Вѣны или отъ Брюссельскаго губернатора маркиза де-Пріè, что̀ они и исполняли во всей точности, не пропуская никого безъ обыска. Многіе изъ пассажировъ лишились необходимаго, потому что всѣ бывшія у нихъ новыя вещи были конфискованы и тутъ же сожжены. Не подлежали конфискованію только массивное золото и серебряная и золо-

[1]) Берхгольцъ находился въ это время въ Парижѣ.

[2]) Извѣстный князь Василій Лукичъ Долгоруковъ, который впослѣдствіи игралъ важную роль при воцареніи Анны Іоанновны. Въ 1731 г. онъ, вмѣстѣ съ другими членами рода Долгорукихъ, подвергся ссылкѣ и наконецъ былъ казненъ въ Новгородѣ въ 1739 г.

тая посуда; но галуны, серебряныя и золотыя кружева и т. п. подвергались одинаковой участи съ шелковыми матеріями, сукнами и другими новыми, еще неупотребленными вещами. Думали, что такая мѣра была принята изъ предосторожности отъ чумы, свирѣпствовавшей въ Провансѣ. Я въ этомъ случаѣ былъ особенно счастливъ, потому что проѣхалъ даже безъ надлежащаго обыска, чему много способствовалъ паспортъ отъ императорскаго министра въ Парижѣ, барона Бентенрейтера. Пристава̀ принялись было тотчасъ же обыскивать меня, но я представилъ имъ всю поспѣшность моего дальняго путешествія, показалъ всѣ свои паспорты и увѣрилъ ихъ, что изъ контрабандныхъ вещей ничего новаго со мною не было; сверхъ того, обѣщалъ объявить добровольно все, за что̀ нужно заплатить пошлину. Они повѣрили мнѣ на-слово, и я не остался въ убыткѣ: иначе, еслибъ они осмотрѣли весь мой сундукъ, я непремѣнно потерялъ бы двѣ совершенно новыя пары платья. Избавясь наконецъ отъ этихъ опасныхъ рукъ безъ потери и съ весьма небольшими издержками, я поѣхалъ прямо въ Брюссель, куда прибылъ 27-го Апрѣля, въ полдень. Размѣнявъ вексель и сходивъ вечеромъ во Французскій театръ (который очень плохъ въ сравненіи съ Парижскимъ), я въ полночь отправился на трекшёйтѣ въ Антверпенъ, одинъ, потому что человѣкъ мой захворалъ, и я принужденъ былъ оставить его въ Брюсселѣ. Изъ Антверпена поѣхалъ я сухимъ путемъ, въ кабріолетѣ, на Морвикъ, а оттуда въ особой яхтѣ поплылъ въ Роттердамъ. Здѣсь я узналъ, что Амстердамская почта, съ которою я предполагалъ ѣхать, уже отошла въ Гамбургъ, а потому долженъ былъ взять экстра-почту, съ которою и ѣхалъ, черезъ Утрехтъ и Бременъ, до самаго Гамбурга, куда благополучно прибылъ 4-го Мая.

Май. 12. Въ 11 часовъ вечера я пріѣхалъ въ Берлинъ и остановился недалеко отъ почтоваго дома.

13. Я ѣздилъ къ нашему министру, полковнику Платену, и къ г. Негелейну, котораго, впрочемъ, не засталъ дома, потому что онъ рано куда-то уѣхалъ.

14. Былъ я опять у полковника Платена, у котораго обѣдалъ и встрѣтилъ г. Негелейна. Послѣ обѣда осматривалъ *Монбижу* (Monbioux), лѣтній дворецъ ея величества королевы, находящійся недалеко отъ городскихъ воротъ. Это очень веселое и пріятное мѣсто, гдѣ, говорятъ, лѣтомъ у королевы собирается общество два раза въ недѣлю. Вечеромъ я ѣздилъ на мѣсто, гдѣ обыкновенно бываютъ гулянья; оно само по себѣ прекрасно, но въ этотъ разъ, не смотря на хорошую погоду, тамъ не было ни одного экипажа, кромѣ моего, а потому я

скоро уѣхалъ оттуда. На обратномъ пути осмотрѣлъ цейхгаузъ и огромную пушку, которые стоитъ посмотрѣть.

15. Передъ обѣдомъ, осматривалъ я кунсткамеру и оружейную палату. Первую показывалъ мнѣ одинъ надворный совѣтникъ, состоящій при ней инспекторомъ. Она помѣщается въ новомъ великолѣпномъ, но не совсѣмъ еще отдѣланномъ дворцѣ, и наполнена многими прекрасными вещами и рѣдкостями, между которыми находятся чрезвычайно похожія восковыя статуи покойнаго короля и нѣкоторыхъ маленькихъ принцевъ. Король изображенъ въ натуральную величину и сидитъ на стулѣ, одѣтый въ одинъ изъ собственныхъ его парадныхъ мундировъ. Оружейную палату я осмотрѣлъ подъ руководствомъ одного изъ приставленныхъ тамъ людей. Внизу у крыльца стоитъ подаренная царемъ шлюпка собственноручной его работы, а вверху, на томъ же крыльцѣ, чучело бѣлаго медвѣдя, также подарокъ царя. Въ передней комнатѣ, на стѣнѣ, красуется Прусскій гербъ, чудесно вышитый по бархату золотомъ, серебромъ и жемчугомъ; тутъ же стоитъ нѣсколько великолѣпныхъ саней, которыя до сихъ поръ иногда употребляются для зимней ѣзды. Отсюда меня ввели въ галлерею, состоящую изъ трехъ отдѣленій, гдѣ прежде всего показывали великолѣпную каретную и санную упряжь, надѣтую на нѣсколько лошадиныхъ чучелъ; но бо́льшая часть ея хранится въ находящемся тутъ же сундукѣ. Дальше стояло еще около двѣнадцати превосходныхъ лошадиныхъ чучелъ, украшенныхъ богатыми сѣдлами, чепраками и уздечками. За ними лежали въ большомъ количествѣ роскошныя покрывала и другія принадлежности. Во второмъ и третьемъ отдѣленіяхъ галлереи помѣщено безчисленное множество всякаго рода превосходнаго и рѣдкаго оружія. Я долженъ признаться, что никогда не видалъ такой полной и такъ хорошо устроенной оружейной палаты. Въ среднемъ отдѣленіи галлереи, между прочими вещами, находится одежда для 12 матросовъ, подаренная царемъ вмѣстѣ съ шлюпкою и сдѣланная вся на Русскихъ фабрикахъ. Она изъ зеленаго бархата съ золотыми галунами, и на видъ очень красива. Мои вожатые съ восторгомъ разсказывали, съ какимъ тщаніемъ его величество царь, въ бытность свою здѣсь, разсматривалъ всѣ вещи и какъ подробно обо всемъ разспрашивалъ, и увѣряли, что не помнятъ, чтобъ когда нибудь видѣли человѣка до такой степени любознательнаго и терпѣливаго. Осмотрѣвъ все это, я въ тоже утро ѣздилъ съ Платеномъ къ его двоюродному брату, Шведскому министру графу Поссе, и остался тамъ обѣдать. Послѣ обѣда мы съ Платеномъ были у Русскаго министра, графа Головкина *), ко-

*) Графъ Александръ Гавриловичъ, второй сынъ великаго канцлера графа Гаврилы Ивановича Головкина.

торый говорилъ, что очень желаетъ поручить мнѣ посылку къ царицѣ. Но я былъ такъ несчастливъ, что ни въ этотъ разъ, ни вечеромъ ни на слѣдующее утро не засталъ его дома. Онъ самъ, наконецъ, прислалъ къ полковнику Платену оба пакета, которые я долженъ былъ взять съ собою и изъ которыхъ одинъ былъ къ царицѣ, съ орденомъ подъ адресомъ Толстаго, а другой къ генералъ-маіору Ягужинскому. За день до моего отъѣзда, графъ прислалъ ко мнѣ одного изъ своихъ людей поблагодарить меня и изъявить сожалѣніе, что не могъ самъ вручить мнѣ пакетовъ, пожелать счастливаго пути и просить, чтобъ я, въ случаѣ иного предписанія относительно моего путешествія или вообще какого-нибудь препятствія, отправилъ ихъ по назначенію при первой возможности, потому что они очень важны, и ея величество уже давно ихъ ожидаетъ.

16. Рано утромъ, я смотрѣлъ на пѣшее и конное ученіе кадетовъ и жандармовъ; они превосходно исполняли свое дѣло, и я съ удовольствіемъ слѣдилъ за движеніями этихъ красивыхъ людей и ихъ лошадей. Потомъ я простился съ Платеномъ, отъ котораго поѣхалъ къ Негелейну, чтобъ, по обѣщанію, завтракать у него передъ моимъ отъѣздомъ. Но изъ завтрака вышелъ цѣлый обѣдъ. Покуда готовили кушанье, г. Негелейнъ размѣнялъ мнѣ нѣсколько червонцевъ на серебряныя деньги и при этомъ случаѣ показалъ свое богатое собраніе старинныхъ золотыхъ и серебряныхъ монетъ. Этимъ онъ выразилъ, не смотря на всю краткость нашего знакомства, особенную ко мнѣ довѣренность и дружбу: меня увѣрили, что очень немногіе могутъ похвалиться этимъ такъ-называемымъ счастьемъ. Не помню, видѣлъ ли я когда нибудь столько прекрасныхъ и рѣдкихъ монетъ въ рукахъ частнаго лица (кромѣ, развѣ, аббата Локкумскаго въ Ганноверѣ). Послѣ завтрака пришелъ почталіонъ и объявилъ мнѣ, что пора ѣхать.

20. Я пріѣхалъ на почтовыхъ въ Данцигъ, гдѣ, недалеко отъ почтоваго дома, видѣлъ дѣвицу Ростгартенъ и младшаго Геклау. Я писалъ имъ изъ Берлина, что 20-го Мая (нов. ст.), около полудня, буду въ Данцигѣ и что немедленно, съ тою же почтою, поѣду дальше, потому что путешествіе мое не терпитъ отлагательства. Геклау далъ мнѣ письмо къ оберъ-камергеру и гофмаршалу Рёнсдорфу и сказалъ, что писалъ недавно къ его превосходительству, тайному совѣтнику Бассевичу, который въ проѣздъ свой черезъ Данцигъ помогъ ему 20-ю червонцами и вообще былъ къ нему чрезвычайно милостивъ; братьями же своими, какъ статскимъ совѣтникомъ, такъ и камеръ-юнкеромъ, онъ былъ очень недоволенъ, особенно послѣднимъ, который проѣхалъ черезъ Данцигъ съ экстра-почтою и даже не освѣдомился о немъ; жаловался также на крайне-непристойные его отвѣты на свои письма.

Послѣ многихъ другихъ разговоровъ мы сѣли за столъ и принялись за заказанный мною маленькій обѣдъ. Между прочимъ Ростгартенъ разсказала мнѣ о постигшемъ ее недавно несчастіи: Жидъ, которому она поручила что-то продать, исчезъ съ данными ею вещами. Ровно въ три часа вошелъ почталіонъ и объявилъ, что все готово къ моему отъѣзду. При прощаніи съ Ростгартенъ я подарилъ ей 12 червонцевъ, и далъ бы охотно болѣе, еслибъ позволилъ мой кошелекъ. Геклау проводилъ меня до экипажа, и я 20-го числа уѣхалъ съ почтою изъ Данцига.

21. Рано утромъ, пріѣхалъ я въ Пиллау, въ семи миляхъ отъ Кёнигсберга. Здѣсь я встрѣтилъ штурмана и нѣсколькихъ матросовъ, съ которыми 20-го Декабря 1717 года, на возвратномъ пути изъ Стокгольма, попалъ на мель недалеко отъ берега и въ виду здѣшней гавани. Съ 4-хъ часовъ послѣ обѣда до 8-ми часовъ утра мы находились въ величайшей опасности, потому что до этого времени не могло быть никакой помощи изъ города по причинѣ темноты и свирѣпствовавшей бури. Насъ успѣли спасти, но вещи наши погибли; нашли только кое-что на другой день, когда миновала буря. Вошедши къ этому штурману, который тогда принялъ меня къ себѣ полумертваго и цѣлую недѣлю держалъ въ своемъ домѣ, я спросилъ чего-нибудь поѣсть, а потомъ обратился къ нему съ вопросомъ, узнаётъ ли онъ меня. Онъ давно позабылъ обо мнѣ; но какъ скоро услышалъ о нашемъ кораблекрушеніи, тотчасъ вспомнилъ и спросилъ, не родственникъ ли мнѣ тайный совѣтникъ Бассевичъ, у котораго въ 1714 году бездѣльникъ-секретарь похитилъ письма и бумаги и который недавно опять здѣсь проѣхалъ. На мой утвердительный отвѣтъ онъ началъ выхвалять тайнаго совѣтника и говорилъ, что онъ сдѣлалъ ему много добра въ послѣдній проѣздъ свой черезъ Пиллау. Пообѣдавъ, я сѣлъ опять въ почтовый экипажъ и въ тотъ же день, 21-го, пріѣхалъ въ Кёнигсбергъ, гдѣ тотчасъ послалъ къ тайному совѣтнику Негелейну засвидѣтельствовать свое почтеніе и спросить, могу ли я посѣтить его. Онъ велѣлъ мнѣ сказать, что ему во всякое время будетъ очень пріятно меня видѣть. Такъ какъ на почтѣ мнѣ не позволяли вынуть что-нибудь изъ моихъ чемодановъ безъ осмотра всѣхъ моихъ вещей, то я отправился какъ былъ. Онъ принялъ меня очень ласково, потому что братъ его съ послѣднею почтою писалъ ему обо мнѣ изъ Берлина и, кромѣ того, далъ мнѣ письмо, которое я теперь лично вручилъ ему. Стараясь по возможности скорѣе ѣхать далѣе, я спросилъ тайнаго совѣтника, какимъ образомъ мнѣ лучше и удобнѣе доѣхать до Риги. Онъ отвѣчалъ, что другого способа нѣтъ, какъ ѣхать на наемныхъ, въ особомъ экипажѣ, потому что туда нѣтъ постоянной почты, и обѣщалъ дать мнѣ

извощика, который недавно возилъ въ Ригу оберъ-егермейстера Альфреда, и подрядить его для меня съ тѣмъ, что если тотъ въ 6 дней довезетъ меня до Риги (отъ которой до Кёнигсберга 64 мили), то получитъ за экипажъ въ 6 лошадей 75 талеровъ. Тайный совѣтникъ убѣждалъ меня отложить отъѣздъ мой дня на два или, покрайней мѣрѣ, переночевать у него и побесѣдовать съ нимъ. Но я зналъ, что супруга его очень больна, и потому не хотѣлъ согласиться на это предложеніе. Между тѣмъ онъ велѣлъ принести бутылку превосходнаго Венгерскаго вина (котораго у него, говорятъ, всегда большой запасъ) и разсказалъ мнѣ, какъ его высочество *) проѣхалъ инкогнито черезъ Кёнигсбергъ съ оберъ-камергеромъ, выдавая себя за слугу послѣдняго. Отъ него же я узналъ, что черезъ Кёнигсбергъ проѣхали недавно оберъ-егермейстеръ Альфредъ и бригадиръ Ранцау. Какъ ни желалъ я видѣть семейство тайнаго совѣтника, зная, что у него прекрасныя взрослыя дочери, однакожъ это было невозможно по причинѣ болѣзни ихъ матери. Когда мы роспили бутылку и распрощались, онъ послалъ со мною одного изъ своихъ людей сказать на почтѣ, чтобъ тамъ не осмѣливались осматривать моихъ вещей и тотчасъ бы пропустили ихъ. Я велѣлъ перенести свои чемоданы въ одинъ изъ ближайшихъ домовъ, который называли гостинницею; тамъ меня приняли очень учтиво и спросили, чтò я прикажу подать себѣ. Но спросивъ, прежде всего, о постели, я получилъ отвѣтъ, что хозяинъ гостинницы еще вновѣ, а потому не обзавелся постелями, и на первый разъ можетъ служить проѣзжающимъ только столомъ. Это мнѣ было крайне непріятно, и я рѣшительно не зналъ, чтò дѣлать; наконецъ явился самъ хозяинъ и сказалъ, что можетъ помочь моему горю: онъ предложилъ мнѣ на ночь свою собственную постель, а людей моихъ обѣщалъ помѣстить въ одномъ изъ сосѣднихъ домовъ, гдѣ они переночуютъ. Я долженъ былъ согласиться, потому что было уже слишкомъ поздно отыскивать другую квартиру. Съ разсвѣтомъ я всталъ (отъ усталости я спалъ не слишкомъ-то хорошо) и сталъ дожидаться моего извощика. Онъ наконецъ явился, но не съ тѣмъ экипажемъ, въ которомъ уговорился везти меня. Когда я спросилъ его, какъ онъ смѣетъ являться ко мнѣ съ фурою, вмѣсто крытой коляски, онъ отвѣчалъ, что, сверхъ чаянія, не могъ достать коляски, но что мы найдемъ ее въ 17-ти миляхъ отсюда, въ Мемелѣ, гдѣ я могу ее взять, если не буду доволенъ фурою, и увѣрялъ, что послѣдняя гораздо теплѣе, лучше и покойнѣе коляски, въ которой очень бываетъ холодно во время ѣзды по морскому берегу.

---

*) Его высочествомъ и его королевскимъ высочествомъ Берхгольцъ вездѣ называлъ герцога Голштинскаго Карла Фридриха, при которомъ находился.

Всему этому я сперва не хотѣлъ вѣрить и говорилъ, что очень хорошо знаю, почему онъ привезъ фуру, что, вѣрно, думалъ возвратиться изъ Риги съ поклажей, которой въ коляску много не положишь; но онъ клялся, что мы непремѣнно найдемъ требуемую коляску въ Мемелѣ и что, въ противномъ случаѣ, *поставщикъ* (Schaffer, такъ называется человѣкъ, отправляющійся съ фурою для заготовленія по дорогѣ припасовъ и присмотра за вещами) будетъ обязанъ занять у кого-нибудь коляску или купить на свой счетъ новую. Я погрозилъ, что ему будетъ худо, если онъ меня обманываетъ, и что если онъ не достанетъ коляски, то я буду каждый день вычитать у него по 10-ти талеровъ, на что̀ онъ и согласился, продолжая увѣрять, что я буду имъ доволенъ и не захочу другого экипажа. Затѣмъ я велѣлъ дать моимъ людямъ по стакану вина и спросилъ у хозяина счетъ, который онъ тотчасъ и принесъ. Отъ роду я не встрѣчалъ такой безсовѣстной дороговизны, какъ въ этомъ счетѣ. Расплатившись, я отправился въ путь 22-го числа по новому стилю.

23. Вечеромъ пріѣхалъ я въ Мемель послѣ чрезвычайно тяжелой и утомительной дороги: всѣ 17 миль мы безпрерывно ѣхали по морскому берегу и послѣдній день даже принуждены были кормить лошадей подъ открытымъ небомъ, потому что не нашли ни одного дома, гдѣ бы можно было остановиться. Такъ какъ безъ моей большой закрытой повозки я замерзъ бы до полусмерти, и кромѣ того не нашелъ въ Мемелѣ обѣщанной коляски, то легко далъ убѣдить себя неотступными просьбами извозчика ѣхать въ повозкѣ далѣе. На другой день мы выѣхали изъ Мемеля. По дорогѣ было такъ много воды, что въ небольшомъ экипажѣ было бы до крайности трудно проѣхать.

27. Рано утромъ, я видѣлся, въ 17-ти миляхъ отъ Риги, на постояломъ дворѣ, гдѣ ночевалъ, съ оберъ-камергеромъ и гофмаршаломъ фонъ-Рёпсдорфомъ, который 26-го выѣхалъ изъ Риги и отправлялся въ Гамбургъ. Наканунѣ вечеромъ я встрѣтилъ одного изъ людей его высочества, именно придворнаго лакея Классена, котораго онъ послалъ впередъ съ своими вещами и отъ котораго я узналъ, что оберъ-камергеръ ѣдетъ вслѣдъ за нимъ, а потому я велѣлъ смотрѣть, чтобъ онъ не проѣхалъ мимо. Кромѣ желанія засвидѣтельствовать ему мое почтеніе, мнѣ хотѣлось отдать ему бывшія со мной письма на его имя. Оберъ-камергеръ спалъ, когда я остановилъ его карету; камердинеръ его тотчасъ увидѣлъ меня и разбудилъ своего господина. Онъ долго со мной разговаривалъ и, между прочимъ, спросилъ, отправилась ли въ путь тайная совѣтница Бассевичъ? Я отвѣчалъ, что при отъѣздѣ моемъ изъ Гамбурга ничего о томъ не слыхалъ, и что мнѣ вовсе неизвѣстно, куда она должна ѣхать. «Не можетъ быть, сказалъ онъ,

тайный совѣтникъ давно ужъ приказалъ ей ѣхать къ нему и каждый день ожидалъ ея». Но я увѣрялъ, что рѣшительно ничего не знаю объ этомъ путешествіи, которое, вѣроятно, съ намѣреніемъ не разглашаютъ прежде времени. Зная по опыту, какъ трудно найти по дорогѣ въ Кёнигсбергъ (черезъ Курляндію) что-нибудь хорошее изъ съѣстныхъ припасовъ, я предложилъ оберъ-камергеру пару молодыхъ жирныхъ утокъ, застрѣленныхъ дорогою камердинеромъ тайнаго совѣтника Бассевича, ѣхавшимъ со мной; но онъ не согласился принять ихъ, говоря, что дорога эта ему очень хорошо извѣстна, и что онъ запасся въ Ригѣ хорошимъ холоднымъ кушаньемъ. Въ свою очередь, онъ велѣлъ достать для меня двѣ бутылки превосходнаго Венгерскаго вина. Я также не хотѣлъ брать ихъ и говорилъ, что онѣ могутъ очень пригодиться ему во время такого продолжительнаго пути, и что мнѣ уже недалеко до Риги. Однакожъ онъ принудилъ меня взять ихъ. Между тѣмъ мою повозку подмазали, и такъ какъ все было готово къ отъѣзду, то я поспѣшилъ еще разъ проститься съ оберъ-камергеромъ и пожелать ему счастливаго пути, а онъ, уѣзжая, просилъ меня быть всегда увѣреннымъ въ его дружбѣ. Извозчикъ его получилъ за 40 миль (отъ Митавы до Мемеля) 100 рейхсталеровъ и долженъ былъ получить вознагражденіе за каждую лошадь, которая падетъ на дорогѣ. Такимъ образомъ можно ѣхать очень легко и скоро. На другой день проѣхалъ я черезъ Митаву, гдѣ его высочество герцогъ недѣли двѣ пробылъ подъ именемъ прапорщика, въ ожиданіи пріѣзда царя въ Ригу, и много шутилъ съ своимъ старымъ хозяиномъ. Пробывъ тамъ нѣсколько часовъ, я отправился въ путь, и въ тотъ же день вечеромъ, 28-го по новому, или 17-го по старому, стилю благополучно пріѣхалъ въ Ригу. Тотчасъ взялъ я слугу и велѣлъ вести себя въ домъ тайнаго совѣтника Бассевича, гдѣ прежде всѣхъ увидѣлъ у входа камеррата Негелейна и асессора Сурланда, которыхъ поздравилъ съ новымъ повышеніемъ. Тайный совѣтникъ, стоявшій у окна, принудилъ меня войти къ нему; съ нимъ были генералъ Штенфлихтъ, посланникъ Штамке и асессоръ Сурландъ. Всѣ они были со мной чрезвычайно ласковы и спрашивали, отъ чего я такъ долго не ѣхалъ. Я разсказалъ имъ всѣ причины и передалъ Гамбургскіе поклоны. Оставшись вдвоемъ съ тайнымъ совѣтникомъ, я вручилъ ему всѣ бывшія со мною письма; онъ выбралъ адресованныя на его имя, а тѣ, которыя были къ его королевскому высочеству, приказалъ мнѣ тотчасъ же отвезти ко двору. Я поколебался было исполненіемъ этого приказанія, говоря, что мнѣ нужно подождать сундука съ платьемъ, потому что не смѣю явиться къ его королевскому высочеству въ дорожномъ костюмѣ; но онъ отвѣчалъ, что это ничего не значитъ, и что его высочеству бу-

детъ пріятно скорѣе видѣть меня и принять привезенныя мною письма. Такъ какъ пажъ Геклау въ эту минуту былъ у тайнаго совѣтника, то ему приказано было проводить меня ко двору. Тамъ я прежде всѣхъ увидѣлъ полковника Лорха и подполковника Сальдерна: первый немедленно отправился въ герцогскіе покои и доложилъ обо мнѣ.

Его королевское в-ство тотчасъ вышелъ самъ и принялъ меня необыкновенно милостиво; я поцѣловалъ край его кафтана, а потомъ руку, которую онъ подалъ мнѣ очень благосклонно и спросилъ, какъ идутъ мои дѣла, и охотно ли я оставилъ Парижъ. Я съ поклономъ отвѣчалъ, что Парижъ мнѣ такъ понравился, что еслибъ не счастіе выразить мою вѣрноподданническую преданность и не высокая честь сопровождать его высочество въ путешествіи, то мнѣ очень чувствительно было бы такъ скоро оставить этотъ городъ, но что теперь мнѣ это не стоило ни малѣйшаго труда. Затѣмъ я вручилъ его высочеству письма и доложилъ о вѣрноподданническихъ поклонахъ оберъ-камергера, тайнаго совѣтника Клауссенгейма, посланника Дюмона, Платена и многихъ другихъ, которые на-крѣпко наказывали мнѣ о томъ. Его королевское высочество благодарилъ и спросилъ, гдѣ я видѣлъ оберъ-камергера и когда выѣхалъ изъ Парижа. Я отвѣчалъ, что изъ Парижа выѣхалъ 25 (14) Апрѣля, но, по причинѣ отсутствія тайнаго совѣтника Клауссенгейма, принужденъ былъ пробыть около недѣли въ Гамбургѣ, особенно потому, что, по словамъ тайной совѣтницы, супругъ ея, для сбереженія почтовыхъ денегъ, приготовилъ для меня много писемъ и вещей, которыхъ она безъ него трогать не можетъ; что, выѣхавъ изъ Гамбурга, продолжалъ путь скоро и безъ всякаго задержанія; что оберъ-камергера встрѣтилъ вчера утромъ въ 18-ти верстахъ отсюда и отдалъ ему много писемъ, чтенія которыхъ навѣрно станетъ ему на половину дороги до Гамбурга, куда онъ ѣдетъ чрезвычайно скоро. «Да, да», сказалъ его высочество, «я увѣренъ, что онъ не станетъ мѣшкать въ пути или жалѣть издержекъ». Сдѣлавъ мнѣ еще нѣсколько вопросовъ, его высочество пожелалъ дежурнымъ кавалерамъ доброй ночи и удалился въ свои покои, а я отправился опять къ тайному совѣтнику Бассевичу, у котораго нашелъ столъ ужъ накрытымъ. Мы скоро принялись за ужинъ, и я особенно отличался хорошимъ аппетитомъ, потому что отъ самаго Кёнигсберга не ѣлъ ничего порядочнаго. Послѣ ужина меня проводили на назначенную мнѣ квартиру, которая была недалеко отъ тайнаго совѣтника, въ домѣ купца Гейдфогеля.

18. Рано утромъ, ѣздилъ я съ тайнымъ совѣтникомъ къ генералу Ягужинскому, которому вручилъ посылку, присланную къ нему со мною отъ Русскаго министра въ Берлинѣ, графа Головкина. Онъ при-

нялъ меня какъ нельзя лучше; вообще, всѣ справедливо хвалятъ его за привѣтливость и ласковое обращеніе. Онъ недавно только возвратился изъ Вѣны, гдѣ, будучи нѣсколько времени царскимъ министромъ, очень подружился съ тайнымъ совѣтникомъ Бассевичемъ. Говорятъ также, что онъ очень преданъ его королевскому высочеству. Вышедши отъ него, я проводилъ до дому тайнаго совѣтника, а потомъ, сдѣлавъ визиты конференціи-совѣтнику Алефельду, бригадиру Ранцау и генералъ-маіору Штенфлихту, поѣхалъ ко двору слушать молитву. По окончаніи богослуженія, его высочество тотчасъ сѣлъ за столъ, потому что обѣщалъ царю пріѣхать послѣ обѣда на смотръ шести полковъ, расположенныхъ близъ города. Откушавъ, его высочество, съ большею частію бывшихъ при немъ кавалеровъ, отправился верхомъ въ лагерь, а каммерратъ Негелейнъ, асессоръ Сурландъ и придворный проповѣдникъ Ремаріусъ поѣхали за нимъ въ каретѣ тайнаго совѣтника Бассевича. Они очень просили меня сѣсть съ ними (въ торопяхъ, я не досталъ себѣ лошади, а у нихъ было порожнее мѣсто); но я, противъ воли, долженъ былъ отказаться, потому что тайный совѣтникъ приказалъ мнѣ въ тотъ же день самому отвезти къ тайному совѣтнику Толстому бывшую у меня посылку, о которой царица уже нѣсколько разъ спрашивала, равно и о моемъ пріѣздѣ, зная изъ донесенія графа Головкина, что она послана со мною. Раза три былъ я въ этотъ день у Толстого, но все понапрасну, и узналъ наконецъ, что онъ также уѣхалъ на смотръ. Около вечера его королевское высочество возвратился домой и, казалось, былъ очень доволенъ видѣннымъ; бывшіе съ нимъ за городомъ съ восторгомъ разсказывали мнѣ, какъ ласковы были съ его королевскимъ высочествомъ ихъ величества царь и царица. По окончаніи смотра полки салютовали выстрѣлами и гренадеры бросали гранаты, а послѣ того царственныя особы съ знатнѣйшими изъ присутствовавшихъ отправились къ обширной палаткѣ князя Репнина [1]), гдѣ приготовленъ былъ большой столъ (но безъ скатерти), уставленный холоднымъ кушаньемъ. Придворный проповѣдникъ разсказывалъ мнѣ также, что царица въ палаткѣ замѣтила герцогу, что кафтанъ на его величествѣ царѣ Шведскаго или синяго цвѣта, а на его высочествѣ—зеленаго или Русскаго, на что̀ его высочество отвѣчалъ, что надѣется, съ Божіею помощью, видѣть скоро соединенными эти оба цвѣта [2]). Его величество царь, очень много разговаривавшій за столомъ съ его королевскимъ высочествомъ, по-

---

[1]) Князь Аникита Ивановичъ Репнинъ въ это время былъ Рижскимъ ген.-губернаторомъ. См. „Дѣянія полководцевъ Петра В.“, Бант.-Каменскаго, 1812 г., ч. I, стр. 257.

[2]) Миръ со Швецію еще не былъ тогда заключенъ. П. Б.

казывалъ сдѣланную имъ самимъ черепаховую табакерку съ прекрасными рельефными изображеніями, и такъ какъ она очень нравилась нашему герцогу, то онъ подарилъ ее ему. Князь Репнинъ также подарилъ его королевскому высочеству красивую сѣрую лошадь, которую одолжилъ ему передъ тѣмъ на этотъ день. Царь, по своему обыкновенію, былъ въ кабріолетѣ, царица же съ большимъ поѣздомъ и въ богатомъ нарядѣ. Всего этого мнѣ не удалось видѣть.

19. Я былъ у Толстого и передалъ ему привезенное мною изъ Берлина; потомъ навѣстилъ камеръ-юнкера Геклау, который былъ нездоровъ: нѣсколько дней передъ тѣмъ фельдшеръ, призванный имъ для кровопусканія, такъ разрѣзалъ ему ланцетомъ руку, что она совершенно онѣмѣла.

20. Еще до молитвы, пріѣхалъ къ его королевскому высочеству Датскій министръ Вестфаленъ и остался у него обѣдать. Онъ довольно долго находился при Русскомъ дворѣ и теперь собирался чрезъ нѣсколько дней ѣхать обратно въ Данію.

21. Его королевское высочество ужиналъ у тайнаго совѣтника Бассевича и произвелъ тамъ корнета Рейнке (который въ 1714 году, когда мы возвращались изъ Петербурга, былъ шталмейстеромъ тайнаго совѣтника и ѣздилъ вмѣстѣ съ нами въ Мекленбургъ) въ поручики: иначе онъ не могъ бы ѣхать до заключенія мира въ Лифляндскую деревню къ своему отцу, потому что недавно вышелъ указъ его царскаго величества, которымъ повелѣвается всѣмъ Шведскимъ офицерамъ, пріѣхавшимъ сюда для поступленія на службу, въ положенный срокъ выѣхать изъ Россіи; а такъ такъ онъ былъ въ числѣ послѣднихъ, то и просилъ тайнаго совѣтника ходатайствовать о принятіи его въ нашу службу, которая дастъ ему возможность ѣхать къ отцу. Говорятъ, его царское величество потому издалъ этотъ указъ, что вдругъ наѣхало множество Шведскихъ офицеровъ, и стали носиться слухи, что между ними очень много шпіоновъ.

22. Утромъ, собрались граждане въ полномъ вооруженіи и заняли улицы, чрезъ которыя должны были ѣхать въ Ревель ихъ величества царь и царица. Послѣ обѣда, часу въ четвертомъ или въ пятомъ, царь пріѣзжалъ къ его высочеству проститься. Его высочество встрѣтилъ его на крыльцѣ и поцѣловалъ ему руку, а царь обнялъ его и поцѣловалъ въ губы; послѣ этого герцогъ опять поцѣловалъ ему руку и повелъ его въ комнату, гдѣ была приготовлена закуска. Они тотчасъ сѣли и стали кушать. Въ это время ея величество царица выѣхала изъ города, о чемъ было возвѣщено большимъ числомъ пушечныхъ выстрѣловъ. Его величество царь, пробывъ за столомъ довольно долгое время, въ продолженіе котораго былъ очень милостивъ

къ его королевскому высочеству, всталъ и, по обыкновенію своему, сталъ поспѣшно прощаться, прося его высочество пріѣхать поскорѣе въ Ревель, что̀ и было обѣщано. Затѣмъ его высочество проводилъ царя до его дорожнаго кабріолета, заложеннаго четверней, гдѣ они еще разъ обнялись и потомъ разстались. Около 8-ми часовъ его царское величество выѣхалъ изъ Риги при пушечныхъ выстрѣлахъ и звонѣ всѣхъ колоколовъ. Онъ принялъ очень милостиво бургомистровъ и ратсгеровъ, собравшихся у городскихъ воротъ, что̀ произвело повсюду несказанную радость.

23. Герцогиня Курляндская, сестра нынѣшней герцогини Мекленбургской и дочь вдовствующей царицы, супруги роднаго брата царя, выѣхала изъ Риги въ Курляндію, о чемъ было дано знать нѣсколькими пушечными выстрѣлами.

24. Его королевское высочество поѣхалъ вслѣдъ за царемъ въ Ревель, взявъ съ собою тайныхъ совѣтниковъ Бассевича и Геспена (который за день передъ тѣмъ пріѣхалъ изъ Вѣны), посланника Штамке, камеррата Негелейна и ассесора Сурланда. Съ его высочествомъ въ каретѣ сидѣли: царскій камергеръ Нарышкинъ, состоящій при его особѣ, оберъ-егермейстеръ Альфельдъ и полковникъ Лорхъ. Возлѣ кареты ѣхали верхомъ подполковникъ Салдернъ, два пажа и камеръ-лакей. Кромѣ того, за его высочествомъ слѣдовалъ конвой, состоявшій изъ одного поручика и 8-ми или 10-ти драгунъ. Когда герцогъ выѣхалъ изъ города, послѣдовало 33 пушечныхъ выстрѣла, какъ и при отъѣздѣ самого царя.

28. Въ часъ по полудни, генералъ-маіоръ Штенфлихтъ отправился за ними верхомъ, и 29-го, около 4-хъ часовъ послѣ обѣда, прибылъ въ Ревель.

29. Бригадиръ Ранцау, вмѣстѣ съ камеръ-юнкеромъ и со мною, ѣздилъ въ садъ совѣтника Фитингофа; пробывъ тамъ нѣсколько времени и освѣдомившись о нужныхъ для нашего путешествія лошадяхъ, мы простились, и бригадиръ, у котораго все ужъ было готово къ отъѣзду, немедленно поѣхалъ въ Ревель, а мы возвратились въ городъ.

30. Праздновали день рожденія царя, которому пошелъ 51 г. [1]). У князя Репнина былъ обѣдъ для всѣхъ тамошнихъ знатныхъ особъ. Офицеры стоявшихъ въ Ригѣ полковъ угощали солдатъ пивомъ и виномъ, а въ ратушѣ и въ домѣ *Черноголовыхъ* [2]) играла цѣлый день музыка, состоявшая изъ литавръ и трубъ; словомъ, весь городъ былъ въ веселіи и радости. Въ этотъ день я осматривалъ остатки церкви

---

[1]) Это невѣрно: 30-го Мая 1721 года Петру Великому исполнилось 49 лѣтъ.

[2]) Домы *Черноголовыхъ* существуютъ и понынѣ въ городахъ Ригѣ и Ревелѣ. Берхгольцъ далѣе говоритъ объ этомъ обществѣ подробнѣе.

Св. Петра, которая, дня за два до моего пріѣзда, почти совершенно сгорѣла отъ молніи. Говорятъ, она была красивѣйшею церковью во всемъ городѣ, и всѣ особенно сожалѣютъ о ея высокой башнѣ съ превосходными курантами.

31. Мы получили, наконецъ, сто лошадей для отправленія поклажи, и въ тотъ же день вся наша свита отправилась изъ Риги. Ее составляли нѣсколько кавалеровъ и слугъ, именно: к.-юнкеръ Геклау, придворный проповѣдникъ Ремаріусъ, поручикъ Бассевичъ (пріѣхавшій изъ Любека за нѣсколько дней до отъѣзда его высочества), гофмейстеръ Дюваль, секретарь тайн. совѣтника Геспена Швингъ и я, одинъ пажъ, одинъ камеръ-лакей и нѣсколько другихъ слугъ.

Іюнь 2. Вечеромъ, мы пріѣхали въ Пернау, гдѣ намъ тотчасъ отвели квартиры. Такъ какъ дорогою у насъ сломалось нѣсколько экипажей, то мы должны были здѣсь ночевать. По приглашенію старшаго бургомистра, мы собрались у него къ ужину. Въ его домѣ я нашелъ лошадей его высочества и тайнаго совѣтника, съ двумя конюхами, которые отправились изъ Риги въ одинъ день съ его высочествомъ. Они здѣсь находились уже 8 или 10 дней, потому что дорогой одна изъ каретныхъ лошадей (которую тайный совѣтникъ купилъ въ день своего отъѣзда изъ Риги) заболѣла, и они все это время проводили въ надеждѣ, что она скоро оправится; но ожиданія эти были напрасны: лошадь, въ день нашего пріѣзда, издохла. По просьбѣ кузнеца, я на другой день, рано утромъ велѣлъ вскрыть ее за городскими воротами, любопытствуя узнать причину ея болѣзни, которой онъ не умѣлъ объяснить. Однакожъ вскрытіе нисколько не подвинуло впередъ дѣла, въ которомъ, какъ оказалось, мой кузнецъ ничего не смыслилъ. Наконецъ на лѣвой сторонѣ, между ребрами, мы открыли рану, глубоко проходившую внутрь, но снаружи почти вовсе незамѣтную. Я спросилъ у кучера, не замѣтилъ ли онъ прежде опухоли на этомъ мѣстѣ; но тотъ отвѣчалъ, что не замѣтилъ ничего, кромѣ того, что лошадь въ послѣднее время безпрестанно оглядывалась на лѣвую сторону, какъ бы показывая тѣмъ, гдѣ ей больно; но что такъ какъ ничего не было видно, то никто и не обратилъ на это вниманія. Одни думали, что кто нибудь съ намѣреніемъ испортилъ ее; другіе, что рана сдѣлалась отъ удара чѣмъ-нибудь остроконечнымъ или угловатымъ; но какъ бы то ни было, лошадь издохла, и всѣ розысканія ни къ чему не послужили. Къ обѣду мы опять собрались у бургомистра, которому должны были обѣщать это наканунѣ вечеромъ. Послѣ обѣда, когда все было готово къ отъѣзду, мы снова сѣли въ экипажи и отправились въ путь. Передъ тѣмъ я приказалъ конюхамъ не спѣша слѣдовать за

нами до Ревеля; но узнавъ отъ бургомистра, что оба они негодяи и очень не ладятъ другъ съ другомъ, я сталъ опасаться, чтобъ отъ ихъ невниманія не пострадали и другія лошади, и потому оставилъ съ ними писаря Христіана Пеля, который, впрочемъ, скоро освободился отъ этого труда, потому что на первой же станціи нашелъ одного изъ лакеевъ, отправленнаго тайнымъ совѣтникомъ Бассевичемъ въ Пернау только за этими лошадьми.

5. Рано утромъ, вся наша свита благополучно прибыла въ Ревель. Мы могли бы пріѣхать гораздо скорѣе, если бъ лошади не были до крайности измучены тяжелою поклажею царскаго двора и голодомъ, который терпѣли на станціяхъ, гдѣ не было достаточно корму для двухсотъ лошадей; кромѣ того, во время нашего проѣзда, лошади стояли на станціяхъ уже около шести недѣль, къ немалому ущербу бѣднымъ крестьянамъ. На каждыхъ трехъ миляхъ, въ мѣстахъ для смѣны лошадей, по распоряженію мѣстнаго начальства, находилось по два чиновника для встрѣчи царя, царицы и его высочества; имъ было предписано оставаться тамъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ провезена вся наша поклажа. Немедленно до прибытіи моемъ въ Ревель, я отправился къ тайному совѣтнику Бассевичу, а отъ него, около полудня, ко двору, и нашелъ его высочество въ добромъ здоровьѣ и хорошемъ расположеніи духа. По окончаніи молитвы, герцогъ сѣлъ за столъ, а я вышелъ въ одну изъ смежныхъ комнатъ, чтобъ со вниманіемъ послушать обоихъ валторнистовъ, привезенныхъ его высочествомъ изъ Вѣны. Они всегда должны играть во время обѣда, чего при мнѣ еще не было, потому что въ Ригѣ одинъ изъ нихъ былъ боленъ. Съ невыразимымъ наслажденіемъ слушалъ я этихъ людей; съ первымъ изъ нихъ едва ли кто въ свѣтѣ можетъ сравниться. Всѣ слушавшіе его признавались, что никогда не слыхали такой нѣжной и такъ превосходно исполняемой игры на валторнѣ. Онъ аккомпанируетъ ею всѣ инструменты и можетъ выдержать, не останавливаясь, до 85 тактовъ, что̀ производитъ необыкновенное дѣйствіе на слушателей. Они не носятъ мундировъ и получаютъ въ годъ по 100 червонцевъ жалованья, не считая другихъ стороннихъ доходовъ, которые могутъ имѣть при разныхъ случаяхъ. Первый, по имени Іоганъ Лейтенбергеръ, лѣтъ семь тому назадъ, былъ довольно долго въ услуженіи у тайнаго совѣтника Бассевича, который его очень любилъ и неохотно съ нимъ разстался. Когда, въ 1720 году, тайный совѣтникъ опять былъ съ его высочествомъ въ Вѣнѣ и съ нимъ тамъ встрѣтился, онъ уговорилъ его вступить съ однимъ изъ своихъ товарищей въ службу нашего герцога.

Въ тотъ же день, послѣ обѣда, его высочество поѣхалъ къ т. совѣтнику Бассевичу и открылъ у него въ первый разъ собраніе, по-

лучившее названіе *тостъ-коллегіи.* Какъ скоро собрались всѣ къ тому приглашенные, статскій совѣтникъ Штамке, въ качествѣ архиваріуса коллегіи, прочелъ ея уставъ (сочиненный тайнымъ совѣтникомъ Бассевичемъ и утвержденный его королевскимъ высочествомъ), а мы всѣ должны были подавать свой голосъ и принимать каждую отдѣльную статью большинствомъ голосовъ. Его королевское высочество, какъ президентъ, имѣлъ три голоса, ординарные члены—два, а экстраординарные—одинъ. Ординарными членами назывались тѣ, которые въ продолженіе всего года должны были находиться при президентѣ и по вечерамъ, по-очередно, держать у себя тостъ-колегію. Такими были: тайные совѣтники Бассевичъ и Геспенъ, конференціи-совѣтникъ Альфельдъ, генералъ-маіоръ Штенфлихтъ, бригадиръ Ранцау и посланникъ Штамке. Экстраординарными членами названы были тѣ, у которыхъ колегія назначалась только четыре раза въ годъ, но всякій разъ должна была начинаться съ обѣда. Къ числу такихъ принадлежали: полковникъ Лорхъ, подполковникъ Сальдернъ, камеръ-юнкеръ Геклау, камеррат Негелейнъ, асессоръ Сурландъ и я. Впрочемъ, было положено избирать впредъ еще и другихъ членовъ, съ согласія свѣтлѣйшаго президента (serenissimus dominus praeses) и всей колегіи. Въ этой колегіи все было устроено надлежащемъ образомъ, и постановленій ея никто не долженъ былъ нарушать, подъ страхомъ тяжкаго наказанія. Она всегда начинается съ 5-ти часовъ послѣ обѣда и продолжается никакъ не долѣе 11-ти; до 9-ти часовъ, то есть времени, когда садятся за ужинъ, всякій имѣетъ полную свободу курить табакъ, играть или гулять. Кушанья назначены разъ навсегда одни и тѣже, безъ малѣйшей перемѣны. Пить никто не принуждается. Поручикъ Бассевичъ, не принадлежащій къ нашему обществу, получилъ на этотъ разъ позволеніе остаться и ужинать съ нами, потому что былъ у тайнаго совѣтника въ то самое время, когда началась колегія.

6. Была въ первый разъ тостъ-колегія у Геспена. Въ этотъ день мнѣ съ поручикомъ Бассевичемъ отвели квартиру у городоваго бухгалтера Блума, который, вскорѣ послѣ нашего пріѣзда къ нему, сказалъ мнѣ, что онъ женатъ на двоюродной сестрѣ оберъ-камергера Рёпсдорфа. Я сначала не хотѣлъ этому вѣрить, полагая, что онъ ошибается и рѣшительно не понимая, какъ она могла сюда попасть; однакожъ, освѣдомившись у другихъ, я узналъ, что это правда и что отецъ ея долго жилъ въ Лифляндіи, потомъ занимался торговлею въ городкѣ недалеко отъ Ревеля, гдѣ и умеръ.

7. Мой хозяинъ попросилъ меня войти къ нему и представилъ мнѣ свою жену, женщину тихую, кроткую и очень недурную собою. Онъ имѣлъ отъ нея двухъ или трехъ дѣтей и разсказывалъ мнѣ такъ

много подробностей о семействѣ оберъ-камергера, что я наконецъ удостовѣрился, что жена его изъ фамиліи Рёпсдорфовъ и дѣйствительно двоюродная сестра оберъ-камергера. Онъ очень просилъ меня сказать ему, когда послѣдній опять пріѣдетъ въ Россію, потому что желалъ бы наконецъ видѣться съ нимъ; но такъ какъ я увѣрялъ его, что и самъ того не знаю, то онъ обратился ко мнѣ съ просьбою представить его тайному совѣтнику Бассевичу, что̀ я и обѣщалъ. Въ тотъ же день я сказалъ объ этомъ тайному совѣтнику, который поручилъ мнѣ привести его къ нему при первой возможности и увѣрить его, что если онъ можетъ быть ему чѣмъ-нибудь полезенъ, то сдѣлаетъ съ удовольствіемъ все отъ него зависящее. Вечеромъ мы ужинали у конференціи-совѣтника Алефельда (у котораго въ этотъ разъ была тостъ-колегія), и я имѣлъ честь сидѣть за столомъ вмѣстѣ съ другими.

8. Утромъ, отправляясь со двора, я спросилъ моего хозяина, не хочетъ ли онъ идти со мною къ тайному совѣтнику Бассевичу; но онъ поблагодарилъ меня и сказалъ, что, къ сожалѣнію не можетъ сегодня воспользоваться этою честью, потому что жена его за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ родила дочь; это меня крайне удивило, тѣмъ болѣе, что вчера, разговаривая съ нею, я вовсе ничего не замѣтилъ. Вечеромъ было обыкновенное общество у генералъ-маіора Штенфлихта, и мы провели время очень весело.

9. Рано утромъ, были заблаговременно отправлены въ Петербургъ двѣ повозки съ поклажею его высочества и одна съ вещами тайнаго совѣтника Бассевича, потому что на станціяхъ было такъ мало лошадей, что его высочество нанималъ другихъ на свои деньги, а отправить вещи водою ему не было угодно. Въ тоже утро его величество царь изволилъ быть у *Черноголовыхъ*, гдѣ его угощали. (Это общество состоитъ изъ многихъ молодыхъ неженатыхъ купцовъ и прикащиковъ, которые имѣютъ для своихъ собраній особенный домъ со многими рѣдкостями и пользуются, какъ говорятъ, значительными привилегіями за то, что въ прежнія времена, своими частыми вылазками, причиняли много вреда войску царя Ивана Васильевича; обыкновенно они приглашаютъ къ себѣ всѣхъ проѣзжающихъ здѣсь знатныхъ иностранцевъ). Его королевское высочество, нѣсколько дней передъ тѣмъ, также былъ приглашенъ на ихъ празднество двумя присланными отъ нихъ депутатами; но, страдая во весь тотъ день сильною головною болью, не выходилъ никуда изъ комнаты и посылалъ къ нимъ съ извиненіемъ полковника Лорха. Царица, узнавъ объ этомъ, тотчасъ прислала къ его высочеству освѣдомиться о его здоровьи. Въ этотъ же день я отправлялся гулять за городъ и видѣлъ небольшую мызу, гдѣ жилъ нѣкоторое время мой покойный отецъ; она находится возлѣ са-

мого города. Видѣлъ также издали вновь разведенный царемъ садъ, названный Катериненталемъ, гдѣ помѣщается теперь царская свита, и находящуюся недалеко оттуда гавань.

10. Рано утромъ, при мнѣ смѣнили караулъ у дома его королевскаго высочества, стоявшій цѣлую недѣлю; онъ былъ изъ одного поручика и сорока рядовыхъ, нѣсколькихъ унтеръ-офицеровъ и одного барабанщика (въ Ригѣ же я видѣлъ у его королевскаго высочества только двухъ гренадеровъ передъ комнатами и двухъ мушкетеровъ у подъѣзда). Послѣ обѣда, приготовивъ все къ моему отъѣзду (я охотнѣе согласился ѣхать съ лошадьми сухимъ путемъ, чѣмъ водою съ нашимъ багажемъ, потому что, со времени моей послѣдней поѣздки изъ Швеціи, очень боялся воды), я отправился на верхъ къ его королевскому высочеству, чтобъ узнать, не будетъ ли мнѣ какихъ-нибудь приказаній въ Петербургъ или Нарву; но его высочество отвѣчалъ, что, вѣроятно, и самъ скоро отправится въ путь и что поэтому надѣется быть еще прежде меня въ Петербургѣ. Такъ какъ его высочество имѣлъ въ этотъ день у себя тостъ-колегію (которой бы слѣдовало быть у посланника Штамке, еслибъ онъ наканунѣ не уѣхалъ впередъ съ камеръ-юнкеромъ Геклау, назначеннымъ для приготовленія квартиръ въ Петербургѣ), то я получилъ приказаніе остаться еще нѣсколько часовъ, чтобъ присутствовать при принятіи или, лучше сказать, введеніи въ наше общество полковника Тизенгаузена. Церемонія эта происходила слѣдующимъ образомъ. Я, какъ младшій экстраординарный членъ, долженъ былъ встрѣтить его и проводить до комнаты, гдѣ стояли по обѣ стороны всѣ члены колегіи; здѣсь свѣтлѣйшій президентъ тотчасъ взялъ его за руку и повелъ въ другую комнату, гдѣ были поставлены стулья по числу наличныхъ членовъ, также столъ, на которомъ лежали бумага и перья и стояли бутылка вина и бокалъ; мы всѣ попарно шли впередъ и стали на свои обыкновенныя мѣста. На первомъ мѣстѣ, отдѣльно, стояли кресла, въ которыя сѣлъ его королевское высочество и подалъ намъ знакъ также сѣсть по своимъ мѣстамъ; новый же ординарный членъ долженъ былъ стоять у креселъ президента вмѣстѣ съ ассесоромъ Сурландомъ, вице - архиваріусомъ колегіи, пока читали регламентъ и реверсъ, который слѣдовало подписать полковнику, какъ ординарному члену. Когда все это кончилось и реверсъ былъ подписанъ, я поднесъ полковнику бокалъ вина и просилъ его пить за здоровье его королевскаго высочества и всѣхъ ординарныхъ и экстраординарныхъ членовъ. Затѣмъ свѣтлѣйшій президентъ взялъ бокалъ и, выпивъ за здоровье новаго ординарнаго члена, передалъ его старшему ординарному члену, который, въ свою очередь, передалъ его далѣе, и такимъ образомъ онъ обошелъ всѣхъ по порядку. Послѣ того

всѣ стали вокругъ новоизбраннаго и, трижды провозгласивъ громко въ одинъ голосъ: dignus est intrare in nostram societatem (достоинъ вступить въ наше общество), начали его поздравлять, за что онъ поцѣловалъ руку его высочеству и перецѣловался со всѣми нами. По окончанiи всей этой церемонiи, когда стало уже довольно темно, я еще разъ откланялся его высочеству, который допустилъ меня къ рукѣ и пожелалъ мнѣ счастливаго пути. Простившись со всѣми прочими, я вышелъ на дворъ, гдѣ мои люди, совсѣмъ готовые, уже нѣсколько часовъ ждали меня. Тайный совѣтникъ Бассевичъ, увидѣвъ, что все готово къ моему отъѣзду, вышелъ еще разъ проститься со мною и поручить мнѣ своихъ людей и лошадей. Затѣмъ я, съ Божiею помощiю, отправился въ путь и ѣхалъ верхомъ до первой станцiи, которая отъ Ревеля всего въ 20-ти верстахъ; здѣсь я остался до вечера слѣдующаго дня, потому что не хотѣлъ ѣхать днемъ по причинѣ жара. Со мною были двое конюховъ тайнаго совѣтника, мой человѣкъ и десять верховыхъ лошадей, изъ которыхъ три принадлежали его высочеству и семь тайному совѣтнику.

12. Вечеромъ, когда я готовился выѣхать изъ Кагаля, второй станцiи отъ Ревеля, прiѣхали туда тайный совѣтникъ Геспенъ и генералъ-маiоръ Штенфлихтъ, отправившiеся изъ Ревеля въ тотъ же день послѣ обѣда. Они сказали мнѣ, что были наканунѣ въ рыцарскомъ домѣ (auf dem Ritterhause), гдѣ дворянство великолѣпнѣйшимъ образомъ принимало весь царскiй дворъ и нашъ, что высокiе гости очень веселились и протанцовали до самаго утра. Пили тамъ, по обыкновенiю, очень много, отчего одинъ изъ господъ ландратовъ, который слишкомъ усердно исполнялъ должность маршала (при чемъ долженъ былъ ужасно пить), провожая царицу до кареты, имѣлъ несчастiе упасть и больно ушибиться.

13. Около полудня, Геспенъ и Штенфлихтъ опять догнали меня на 3-й станцiи; прошедшую ночь они отдыхали, а теперь, закусивъ и приказавъ покормить немного лошадей, тотчасъ же уѣхали. Они очень удивлялись, что я ѣду такъ медленно, то-есть не болѣе одной станцiи въ день, говоря, что съ моими праздными лошадьми можно бы ѣхать по крайней мѣрѣ вдвое скорѣе, и что они съ тяжелою повозкою проѣзжаютъ не менѣе двухъ станцiй. Но я отвѣчалъ, что между ихъ лошадьми и моими большая разница; тѣ привыкли къ подобной ѣздѣ, а эти, напротивъ, вовсе нѣтъ, и что, кромѣ того, одна изъ нихъ, подаренная тайному совѣтнику Бассевичу въ Ревелѣ полковникомъ Тизенгаузеномъ, уже совсѣмъ измучилась, потому что не привыкла къ дорогѣ. На этой же станцiи видѣлъ я сына полковника Тизенгаузена, который былъ капитаномъ Шведской службы и долго находился въ

плѣну. Онъ былъ со мною очень привѣтливъ, потому что хорошо зналъ моего покойнаго отца. Вечеромъ, уже почти въ полночь, я снова встрѣтилъ на четвертой станціи Геспена и Штенфлихта, которые сидѣли здѣсь до поздней ночи въ ожиданіи своихъ лошадей, разбѣжавшихся по лугу, тогда какъ я выѣхалъ сюда ранѣе обыкновеннаго. Они очень удивились, когда опять увидѣли меня. Вскорѣ они уѣхали, а я, пробывъ на этой станціи до вечера слѣдующаго дня, продолжалъ свой путь.

17. Я встрѣтилъ въ Вайварѣ, въ 18-ти верстахъ отъ Нарвы, часть царицыной свиты, отъ которой узналъ, что ея величество хотѣла выѣхать съ нею въ одинъ день, но что почему-то это было отложено до слѣдующаго дня, то есть до нынѣшняго. Говорили также, что его королевское высочество пробудетъ еще два дня въ Ревелѣ у ея величества царицы, чтобъ дать немного отдохнуть лошадямъ, но что его величество царь уже 16-го, рано утромъ, отплылъ на фрегатѣ, и что корабль для прислуги и вещей его королевскаго высочества совсѣмъ готовъ и ждетъ только попутнаго вѣтра. Вечеромъ того же дня пріѣхалъ я въ Нарву; но такъ какъ было уже поздно и городскіе ворота давно заперли, то мы остановились передъ городомъ, на дачѣ бургомистирши Геттенъ. Я и безъ того хотѣлъ остановиться тамъ, потому что слышалъ отъ многихъ попадавшихся мнѣ на станціяхъ свитскихъ кавалеровъ, что во всемъ городѣ нельзя найти дома съ конюшнею о десяти стойлахъ, а мнѣ не хотѣлось раздѣлять моихъ лошадей изъ опасенія безпорядковъ; кромѣ того, я зналъ, что будетъ много непріятностей съ конюхами, которые оба были пьяницы; на этой же дачѣ какъ разъ была превосходная конюшня для 10-ти лошадей. Изъ города (гдѣ увидѣли, какъ я проѣхалъ мимо городскихъ воротъ) тотчасъ прислали ко мнѣ караульнаго солдата съ вопросомъ, кто я такой и есть ли у меня паспортъ? Я отвѣчалъ, что принадлежу къ свитѣ его высочества герцога Голштинскаго и паспортъ имѣю. Вслѣдъ за тѣмъ комендантъ, выславъ ко мнѣ своего адъютанта, велѣлъ сказать, что если я хочу въѣхать въ городъ, то ворота тотчасъ отворятъ, и спросить, не знаю ли я, когда пріѣдетъ въ Нарву его королевское высочество. Я сказалъ, что выѣхалъ изъ Ревеля еще въ прошедшую Субботу и потому не знаю, когда будетъ сюда его высочество; за предложеніе же въѣхать въ городъ велѣлъ благодарить и отозвался, что уже слишкомъ поздно, что лошадей давно отложили, и что, кромѣ того, я располагаю на другой же день, немедля, ѣхать дальше. Такъ какъ во всемъ предмѣстьи не было возможности купить ни сѣна, ни травы, а у меня былъ паспортъ отъ Рижскаго губернатора Лёвена, гдѣ предписывалось выдавать мнѣ ихъ по всей дорогѣ сколько будетъ нужно и безденежно, то я показалъ его адъютанту, котораго просилъ

приказать людямъ принести для моихъ лошадей немного сѣна, или указать, гдѣ бы я могъ достать его на ночь. Прочитавъ мой паспортъ, онъ объявилъ мнѣ чрезъ извощика (служившаго мнѣ переводчикомъ), что документъ этотъ былъ дѣйствителенъ только до послѣдней станціи, что дальше онъ не имѣетъ никакой силы, потому что Нарва принадлежитъ къ другой губерніи; но что я и безъ того могу положиться на г. коменданта, который немедленно приметъ всѣ мѣры для доставленія мнѣ необходимаго; чтобъ я сказалъ только, сколько именно овса и сѣна мнѣ нужно, и онъ тотчасъ же велитъ взять того и другого изъ царскихъ магазиновъ, а что купить нечего не только въ предмѣстьи, но и въ самомъ городѣ. Поблагодаривъ за такую готовность, я просилъ его засвидѣтельствовать мое почтеніе г. коменданту и сказать ему, что я очень сожалѣю о безпокойствѣ, сдѣланномъ ему для меня въ ночную пору, и что не замедлю на другой день явиться къ нему и лично благодарить его. Выпивъ у меня рюмку водки, адъютантъ ушелъ и, по его распоряженію, я скоро получилъ требуемое.

На слѣдующее утро я отправился въ городъ и встрѣтился съ молодымъ купцомъ изъ Риги, который въ одно время со мною былъ въ Парижѣ, гдѣ мы и познакомились. Онъ повелъ меня на свою квартиру и былъ вообще чрезвычайно любезенъ; безъ него мнѣ очень трудно было бы отыскать капитана Рамзе, къ которому я имѣлъ порученія отъ полковника Брокендаля, и если бъ онъ не пригласилъ меня отобѣдать съ нимъ вмѣстѣ, то мнѣ не удалось бы даже поѣсть порядочно. Нарва была въ такой бѣдности, что я не могъ достать на дорогу чего-нибудь съѣстного и принужденъ былъ уѣхать безо всего. Мнѣ указали гостиницу, гдѣ я надѣялся получить что-нибудь; но и тамъ отвѣчали, что господа Голштинцы, недавно здѣсь проѣхавшіе (они разумѣли посланника Штамке, генерала Штенфлихта и тайнаго совѣтника Геспена) захватили весь запасъ, такъ что осталось только немного копченаго мяса и говяжій языкъ, которые необходимы для ежедневныхъ посѣтителей. Я просилъ уступить ихъ мнѣ и представлялъ, что по всей дорогѣ до Петербурга рѣшительно ничего нельзя достать; но мнѣ отказали, подъ предлогомъ, что эти ежедневные посѣтители должны имѣть передо мною преимущество. Однимъ словомъ, Нарва была такъ бѣдна съѣстными припасами, что сказать нельзя. Говорятъ, это отъ того, что отсюда все отправляется въ Петербургъ. Распорядившись покупкою овса и разныхъ вещей, нужныхъ въ дорогѣ, я спокойно и хорошо пообѣдалъ съ моимъ старымъ знакомымъ и съ капитаномъ Рамзе. Послѣ обѣда мы отправились съ послѣднимъ къ коменданту, который принялъ меня какъ нельзя лучше. Такъ какъ онъ не говорилъ ни по-нѣмецки, ни по-французски, то я поручилъ

капитану просить его о выдачѣ мнѣ точно такого же паспорта, какой я получилъ въ Ревелѣ, и сказать ему, что мнѣ иначе нѣтъ возможности ѣхать съ лошадьми, для которыхъ и за деньги нельзя достать сѣна, тогда какъ съ паспортомъ это будетъ легко, потому что на всѣхъ станціяхъ большіе запасные магазины. Онъ отвѣчалъ, что не можетъ исполнить моей просьбы, потому что паспортъ его не будетъ имѣть никакой силы по дорогѣ въ Петербургъ, которая принадлежитъ къ другой губерніи; что если бъ это только отъ него зависѣло, то онъ не замедлилъ бы выдачею, имѣя предписаніе всѣми средствами облегчать проѣздъ свиты его королевскаго высочества, но что подобный паспортъ можетъ быть высланъ только изъ Петербурга. Однакожъ, онъ вызвался снабдить меня видомъ, какимъ могъ, и, когда я охотно принялъ такое предложеніе, написалъ его своею рукою. Русскіе незадолго передъ тѣмъ сдѣлали въ Швецію высадку, о которой комендантъ только наканунѣ получилъ извѣстіе; объ этомъ зашелъ разговоръ, онъ велѣлъ принести ландкарту и показывалъ намъ мѣста, опустошенныя Русскимъ войскомъ. Пробывъ нѣсколько времени у коменданта и поговоривъ довольно долго по-французски съ его сыномъ, я спѣшилъ откланяться. На прощаньи, комендантъ просилъ меня извинить его передъ тайнымъ совѣтникомъ Геспеномъ и генералъ-маіоромъ Штенфлихтомъ, которымъ онъ, по болѣзни, не могъ представиться, когда они пріѣхали въ Нарву. Поблагодаривъ его еще разъ за оказанное мнѣ содѣйствіе, я отправился къ себѣ на квартиру и вскорѣ выѣхалъ изъ Нарвы.

Недалеко отъ города встрѣтилъ я багажъ генерала Аллара, около 60-ти подводъ, а нѣсколько верстъ далѣе—карету, въ которой сидѣла генеральша съ обыкновеннымъ своимъ спутникомъ, пасторомъ *). Она спросила меня, гдѣ мы хотимъ остановиться на ночь. Я отвѣчалъ, что такъ какъ ужъ поздно, то не желалъ бы ѣхать далѣе ближайшей станціи; но что если и она думаетъ остановиться тамъ же и опасается, что въ конюшнѣ будетъ мало мѣста для всѣхъ лошадей, то я охотно поѣду до другой станціи. Поблагодаривъ меня, она просила не стѣсняться для нея и сказала, что, имѣя отъ мужа приказаніе спѣшить, рѣшилась ѣхать въ эту же ночь до второй станціи. По прибытіи на ночлегъ, я скоро замѣтилъ огромную разницу между этою станціею и станціями по ту сторону Нарвы: тамъ было во всемъ изобиліе, здѣсь недостатокъ. Когда я спросилъ о конюшнѣ, мнѣ отвѣчали, что ея вовсе

*) Точно также нѣкогда и наши боярыни и богатыя помѣщицы брали съ собою въ дорогу, въ особой повозкѣ, священника съ запасными дарами на случай потребности въ исповѣди и причащеніи Св. Таинъ. П. Б.

нѣтъ; на вопросъ мой, гдѣ станціонный домъ, сказали, что онъ хотя и недалеко, однакожъ войти въ него нельзя, потому что онъ вычищенъ и приготовленъ для царицы, которую ожидаютъ всякій часъ. Что̀ касается до сѣна и травы, то меня увѣряли, что до слѣдующаго утра всѣ мои хлопоты будутъ напрасны: все свое сѣно крестьяне свезли въ магазинъ, а косить траву было уже слишкомъ поздно. Такимъ образомъ я принужденъ былъ устроить конюшню изъ стараго крестьянскаго хлѣва, въ которомъ, къ счастію, нашлось именно столько корытъ, сколько требовалось стойлъ. Мнѣ очень не хотѣлось провести ночь въ этомъ хлѣвѣ, гдѣ передъ тѣмъ пробыли довольно долго болѣе 50-ти крестьянъ съ своими лошадьми и оставили послѣ себя множество маленькихъ непріятныхъ насѣкомыхъ; однакожъ дѣлать было нечего, я разостлалъ себѣ тамъ постель; другого мѣста рѣшительно не было, да и къ тому же шелъ сильный дождь. Я легъ на соломѣ возлѣ лошадей, которымъ велѣлъ дать немного травы, къ счастію, уцѣлѣвшей въ моей повозкѣ. Утромъ получилъ я наконецъ, съ помощью денегъ и просьбъ, столько травы, сколько было нужно; но самъ долженъ былъ удовольствоваться молокомъ и нѣсколькими яйцами: другаго ничего не нашли. Сначала я надѣялся достать что-нибудь на стеклянномъ заводѣ, принадлежащемъ государынѣ, но напрасно. На этомъ заводѣ, въ ожиданіи пріѣзда ея величества, дѣлались приготовленія къ работѣ. Говорятъ, онъ приноситъ значительный доходъ, потому что поставляетъ ежегодно большое количество бутылокъ, оконныхъ стеколъ и разной мелкой посуды. Возвращаясь на свою квартиру, я увидѣлъ у стоявшей недалеко отъ нея житницы стараго Русскаго дворянина, который также ожидалъ царицу. Онъ успѣлъ уже узнать отъ одного изъ моихъ людей, кто я такой, и когда я проходилъ мимо его, пригласилъ меня въ свою комнату, гдѣ тотчасъ предложилъ мнѣ рюмку вина, отъ которой я отказался качаньемъ головы, потому что говорить съ нимъ не могъ и, кромѣ того, очень хорошо зналъ, что въ ней простое хлѣбное вино. Его Русскія, а мои Нѣмецкія слова какъ-то вовсе не клеились, и мы поэтому стояли нѣсколько времени и молча глядѣли другъ на друга; наконецъ онъ спросилъ меня по-русски, не хочу ли я поиграть съ нимъ въ карты. Но я тогда только понялъ его вопросъ и увидѣлъ въ чемъ дѣло, когда онъ вытащилъ изъ кармана колоду картъ и, показавъ ее мнѣ, сказалъ: *изволишь?*—слово, которое я уже зналъ. Любопытствуя знать, что̀ изъ этого будетъ, я согласился сказавъ: *ja*, которое онъ также хорошо понялъ, какъ я его *изволишь*. Мы сѣли за какой-то старый обломокъ стола, и я былъ въ большомъ нетерпѣніи въ ту минуту, когда онъ началъ сдавать: мнѣ очень хотѣлось узнать поскорѣе, что̀ это будетъ за игра; я непремѣн-

но призвалъ бы одного изъ конюховъ, знавшаго немного по-русски, если бъ тотъ не ушелъ на стеклянный заводъ. Но какъ скоро мой партнёръ сдалъ себѣ и мнѣ только шесть картъ и одну выбралъ, я тотчасъ же понялъ, что игра наша марьяжъ, особенно когда онъ, послѣ первой же взятки, открылъ настоящій марьяжъ. Тогда игра пошла у насъ легко, тѣмъ болѣе, что я, послѣ отъѣзда моего изъ Петербурга съ тайнымъ совѣтникомъ Бассевичемъ, не забылъ еще считать по-русски. Сказавъ, что я играю мастерски, не хуже его, и славно считаю по-русски, онъ такъ увлекся игрою, что вѣрно просидѣлъ бы за ней до другого дня, если бъ я согласился продолжать. Когда мы сыграли нѣсколько игръ, онъ досталъ свой кошелекъ и, вынувъ изъ него двѣ копѣйки, далъ мнѣ понять, что, если я хочу, онъ готовъ играть и на деньги, чтобъ видѣть, кто сколько выиграетъ. Но такъ какъ въ это время вошелъ конюхъ и спросилъ, не пора ли сѣдлать лошадей, то я положилъ карты и хотѣлъ уйти. Тогда мой старикъ началъ считать свои деньги и видя, что ихъ все столько же, сколько и было, остановилъ меня за руку и велѣлъ мнѣ сказать черезъ конюха, что вѣдь мы другъ у друга ничего не выиграли, и что онъ проситъ меня сыграть съ нимъ еще одинъ разъ. Я согласился. Счастіе до того благопріятствовало ему, что онъ выигралъ двѣ полныя, наличныя копѣйки, которыя принялъ съ радостью и завернулъ въ особую бумажку. На мой вопросъ, для чего онъ это дѣлаетъ, онъ отвѣчалъ, что будетъ всю жизнь беречь эти копѣйки, выигранныя честно въ карты у иностранца, который не могъ даже говорить съ нимъ. Когда все было готово къ отъѣзду, я отправился вечеромъ

20. Изъ Шабиной (Жабиной) въ Кипенскую (Kypenska), куда прибылъ довольно скоро, потому что эта станція отъ первой только въ 22-хъ верстахъ, которыя между Нарвою и Петербургомъ гораздо короче, чѣмъ между Нарвою и Ревелемъ. Въ туже ночь пріѣхала въ Кипенскую ея величество царица со всею своею свитою и осталась тамъ до утра. Тутъ я имѣлъ счастіе въ первый разъ видѣть ея величество послѣ моего отъѣзда изъ Петербурга, потому что не видалъ ея ни въ Ригѣ, ни въ Ревелѣ. Проѣзжая мимо меня, государыня благосклонно кивнула головою на мой почтительный поклонъ. Я познакомился здѣсь съ берейторомъ князя Меншикова, готовившимъ по всей дорогѣ до Петербурга лошадей для кареты ея величества (вся земля, начиная отсюда до 30-й версты передъ Петербургомъ, принадлежитъ князю) и получилъ отъ него столько фуража, сколько мнѣ было нужно. Онъ родомъ Нѣмецъ и человѣкъ очень услужливый. На слѣдующій день

21. Я въ восемь часовъ утра выѣхалъ верхомъ изъ Кипенской, намѣреваясь въ тотъ же день проѣхать двѣ станціи, чтобъ поскорѣе

кончить это скучное путешествіе. Лишь только мы пріѣхали на первую станцію, какъ вслѣдъ затѣмъ прибыла туда ея величество и остановилась съ своими дамами въ станціонномъ домѣ; но, покушавъ и приказавъ перемѣнить лошадей, тотчасъ изволила уѣхать далѣе. Немного спустя, явился ко мнѣ упомянутый берейторъ и сказалъ, что сейчасъ получилъ предписаніе отъ его свѣтлости князя Меншикова оставить на станціяхъ всѣхъ лошадей до проѣзда его королевскаго высочества герцога Голштинскаго, котораго ему приказано провожать точно также, какъ ея величество, и что поэтому, проводивъ государыню до послѣдней станціи, онъ опять отправится на первую, гдѣ мы пробыли прошедшую ночь. Отъ него же узналъ я, что ея величество лично изволила ему приказать распорядиться на станціяхъ, чтобъ я безденежно получалъ все требуемое, и сказать мнѣ, чтобъ я не обижался, если на станціяхъ меня не вездѣ принимали такъ, какъ бы слѣдовало, что тамъ не знали, кто я и отъ кого ѣду. Затѣмъ мы простились, и онъ поскакалъ за ея величествомъ. Послѣ обѣда, около 5-ти часовъ, я отправился далѣе и пріѣхалъ на слѣдующую станцію довольно рано. Трава и овесъ были уже заранѣе для меня приготовлены, потому что ея величество, садясь въ карету, изустно подтвердила почтовому комиссару, чтобъ я хорошо былъ принятъ и ни въ чемъ не имѣлъ недостатка. Конюшня была чиста, но такъ мала, что я принужденъ былъ половину лошадей велѣть привязать на дворѣ, изъ опасенія, чтобъ онѣ ночью не причинили одна другой вреда. Прежде чѣмъ я легъ спать, берейторъ ужъ опять возвратился, проводивъ государыню только до ближайшей станціи и получивъ отъ ея величества приказаніе ѣхать назадъ и съ такимъ же усердіемъ провожать его высочество. На другое утро

22. Я продолжалъ путь отъ Каскова до Кипени, куда благополучно прибылъ около полудня. Конюшни здѣсь вовсе не было, и я велѣлъ привязать лошадей у забора; даже не нашлось корытъ, за которыми я отправилъ въ ближайшую деревню драгуна съ нѣсколькими крестьянскими телѣгами, и пока онъ возвратился, прошло много времени. Овса нашлось довольно, но травы вовсе не было не только на станціи, но и на 5 или на 6 верстъ въ окружности. Поэтому очень пригодилась трава, бывшая у меня въ повозкѣ: я всегда, на всякій случай, бралъ ея нѣсколько съ собою, чтобъ, до полученія свѣжей, было чѣмъ покормить лошадей, которымъ безъ того овесъ бываетъ вовсе невкусенъ. Спустя нѣсколько времени послѣ моего пріѣзда, на станцію прибылъ поручикъ съ однимъ унтеръ-офицеромъ и 12-ю рядовыми, которые сопровождали ея величество и теперь возвращались для сопровожденія его высочества. Поручикъ этотъ пріѣхалъ прямо

изъ Петербурга и говорилъ, что ея величество благополучно прибыла туда еще вчера вечеромъ, 21-го числа, и приказала ему приготовить для меня и моихъ лошадей помѣщеніе въ 15-ти верстахъ отсюда, въ Красномъ Селѣ (большой красивой деревнѣ, принадлежащей царю), у тамошняго управляющаго, потому что на станціи ровно ничего нѣтъ. Онъ далъ мнѣ письмо къ послѣднему и увѣрялъ, что я ни въ чемъ не буду имѣть недостатка, что тамъ всего въ изобиліи по случаю приготовленнаго ночлега для ея величества. Поговоривъ немного и выпивъ по рюмкѣ водки, мы разстались: поручикъ отправился далѣе съ своею командою, а я вскорѣ также пустился въ путь и благополучно пріѣхалъ въ Красное Село, гдѣ тотчасъ явился къ управляющему, къ которому имѣлъ письмо. Это былъ человѣкъ уже пожилой и очень обязательный: онъ принялъ меня съ радостью и старался угостить какъ можно лучше. Прежде всего онъ велѣлъ поставить лошадей въ конюшню и принести для нихъ корму, сколько было нужно на то короткое время, которое я располагалъ здѣсь остаться, потомъ повелъ меня въ красивую палатку, поставленную на большомъ дворѣ, гдѣ тотчасъ приказалъ накрыть столъ и готовить кушанье, но покамѣстъ предложилъ мнѣ трубку табаку, которую я принялъ съ большимъ удовольствіемъ, потому что въ дорогѣ охотно курю. Онъ былъ страстный любитель табаку, и мнѣ очень пріятно было выкурить съ нимъ трубки двѣ-три, не смотря на то, что я уже порядочно накурился во время моей скучной ѣзды. Съ нами былъ его сынъ, который провелъ нѣсколько времени въ Германіи и говорилъ немного по-нѣмецки. Узнавъ отъ людей мою фамилію, онъ спросилъ меня, не родственникъ ли я генералъ-лейтенанту Берхгольцу, бывшему въ Русской службѣ, и когда услышалъ, что я сынъ его и былъ уже въ Россіи 7 лѣтъ тому назадъ, бросился ко мнѣ на шею и сказалъ, что видѣлъ меня много разъ, находясь въ полку моего отца, что часто хаживалъ въ нашъ домъ и былъ въ Новгородѣ, въ землѣ Казаковъ*), когда хоронили тамъ мою покойную мать. Между тѣмъ подали кушанье, до котораго я поспѣшилъ добраться, потому что съ самаго утра ничего не ѣлъ. Вообще въ дорогѣ у меня славный аппетитъ, и я готовъ обѣдать хоть десять разъ въ день. Но, подойдя къ столу, я увидѣлъ, что всѣ кушанья постныя (а Русскіе посты гораздо строже католическихъ, потому что запрещается ѣсть яйца, молоко и масло). Блюдъ было множество (если Русскіе угощаютъ, то обыкновенно подаютъ на столъ второе болѣе, чѣмъ у насъ), но изъ нихъ были мнѣ по вкусу только вареная въ водѣ рыба и икра, приправленная лукомъ, которой я не ѣлъ 7 лѣтъ.

*) Новгородъ-Сѣверскъ (въ Черниговской губ.).

Я обратилъ, между прочимъ, вниманіе на одно странное смѣшеніе, которымъ занялся мой старый хозяинъ: онъ влилъ въ стаканъ пива нѣсколько ложекъ рыбнаго бульона и выпилъ все это съ большимъ аппетитомъ. Сынъ его, считавшій себя гораздо умнѣе отца, спросилъ съ насмѣшкою, для чего онъ дѣлаетъ такую странную смѣсь. Тотъ отвѣчалъ, что этимъ способомъ согрѣваетъ пиво, для него слишкомъ холодное, и увѣрялъ, что такой напитокъ чрезвычайно вкусенъ, и что онъ, при случаѣ, всегда будетъ употреблять его; но когда сынъ не хотѣлъ этому вѣрить, онъ поспѣшно приготовилъ еще стаканъ и принудилъ насъ обоихъ попробовать свой составъ, который былъ такъ вкусенъ, какъ ударъ по уху. Послѣ обѣда я отправился въ особую комнату, гдѣ для меня приготовили небольшую постель. Русскіе пуховиковъ вовсе не употребляютъ, по крайней мѣрѣ очень рѣдко, замѣняя ихъ большею частію набитыми тюфяками, на которые кладутся небольшая подушка и легкое одѣяло. Людей моихъ вечеромъ угощали ужиномъ, но они еще менѣе меня могли удовольствоваться постнымъ кушаньемъ. На другой день рано утромъ,

23. Поблагодаривъ отъ души моихъ хозяевъ за ихъ ласковый пріемъ, я отправился въ путь и около полудня пріѣхалъ въ Красный Кабачокъ, находящійся въ 15-ти верстахъ отъ Петербурга и принадлежащій великому адмиралу Апраксину. Вскорѣ послѣ меня пріѣхалъ туда же съ почтою изъ Ревеля нашъ Жидъ Липманъ и немедленно отправился дальше. Позавтракавъ и уже совсѣмъ изготовясь къ отъѣзду, я замѣтилъ, что одна изъ верховыхъ лошадей, которая во всю дорогу была очень утомлена, едва могла встать и идти; это было мнѣ очень непріятно, особенно потому, что то была лучшая изъ лошадей тайнаго совѣтника. Приказавъ людямъ вести ее потихоньку въ городъ, я отправился впередъ съ человѣкомъ тайнаго совѣтника, чтобъ узнать, все ли приготовлено для лошадей. Около вечера прибыли мы благополучно въ Петербургъ, который, со времени моего отъѣзда оттуда, такъ измѣнился, что я вовсе не узнавалъ его. Съ самаго начала мы въѣхали въ длинную и широкую аллею, вымощенную камнемъ и, по справедливости, названную проспектомъ *), потому что конца ея почти не видно. Она проложена только за нѣсколько лѣтъ и исключительно руками плѣнныхъ Шведовъ. Не смотря на то, что деревья, посаженныя по обѣимъ ея сторонамъ въ три или четыре ряда, еще не велики, она необыкновенно красива по своему огромному протяженію и чистотѣ, въ которой ее содержатъ (плѣнные Шведы должны каждую

*) Невскій проспектъ. Начало его относится къ 1713 г. См. Описаніе С.-Петербурга съ 1703 по 1751 годъ, сочиненное Богдановымъ и пополненное Рубаномъ. Спб. 1779, стр. 181.

Субботу чистить ее) и дѣлаетъ чудесный видъ, какого я нигдѣ не встрѣчалъ. На Адмиралтействѣ, красивомъ и огромномъ зданіи, устроенъ прекрасный и довольно высокій шпицъ, который выходитъ прямо противъ проспекта. Миновавъ эту аллею[1]), я проѣхалъ черезъ подъемный мостъ, по лѣвую сторону котораго стоитъ новая биржа, четыреугольный и также очень красивый домъ. Отсюда я велѣлъ везти себя къ дому, отведенному для его королевскаго высочества, онъ находился недалеко отъ царскаго лѣтняго дворца и возлѣ самаго Почтамта[2]). По пріѣздѣ туда, я тотчасъ отправился въ комнату камеръ-юнкера Геклау, чтобъ узнать гдѣ конюшня. Оказалось, что она очень плоха, не вычищена, даже еще не совсѣмъ отдѣлана. Пославъ одного изъ бывшихъ со мною слугъ навстрѣчу другимъ для указанія квартиры, я пошелъ къ посланнику Штамке, у котораго нашелъ тайнаго совѣтника Геспена, генералъ-маіора Штенфлихта, одного плѣннаго Шведа, графа Бонде и нѣкоторыхъ изъ нашихъ. Только что я успѣлъ сообщить посланнику, что корму для лошадей нѣтъ, и что государыня приказала мнѣ сказать, чтобъ я тотчасъ же далъ знать о своемъ пріѣздѣ ея шталмейстеру, который приметъ всѣ нужныя мѣры, какъ явился недавно нанятый камеръ-юнкеромъ лакей и объявилъ, что господинъ его извѣщаетъ посланника о моемъ пріѣздѣ, равно и о прибытіи въ Петербургъ придворнаго Жида, который говоритъ, что его королевское высочество будетъ сюда не прежде 28-го числа, почему всѣ полученныя наканунѣ письма нужно отправить къ его высочеству съ лакеемъ Кеемъ (Кеу). Камеръ-юнкеръ велѣлъ также сказать, что послалъ уже другого лакея къ шталмейстеру просить фуража. Послѣднее было очень непріятно посланнику, хорошо знавшему Русскихъ, съ которыми надобно обращаться крайне осторожно, чтобъ не оскорбить ихъ. Поэтому онъ приказалъ отвѣчать камеръ-юнкеру, что о моемъ пріѣздѣ онъ уже знаетъ, потому что я нахожусь у него; Жиду же просилъ сказать, что посылаетъ его къ чорту за распространеніе ложныхъ слуховъ, будто его высочество еще долго не пріѣдетъ, что это неправда, и что онъ (посланникъ) имѣетъ совсѣмъ другія извѣстія; что если камеръ-юнкеру хочется посылать Кея, то пусть посылаетъ, а здѣсь нѣтъ писемъ для отсылки по одному словесному приказанію какого-нибудь лысаго Жида; но что удивительно, какъ онъ рѣшился послать къ шталмейстеру сво-

---

[1]) Петербургскій Почтамтъ или *Почтовый Дворъ* (деревянный) былъ выстроенъ въ 1714 г. и находился на мѣстѣ нынѣшняго Мраморнаго дворца (начатаго въ 1768 г.). Тамъ же, стр. 124, 148. Царскій лѣтній дворецъ, о которомъ говоритъ здѣсь Берхгольцъ, былъ каменный и стоялъ на берегу Невы и Фонтанки, у Лѣтняго Сада. Тамъ же, стр. 56.

[2]) Невскій проспектъ доходилъ тогда только до Аничкина моста. Далѣе за Фонтанку была уже слобода. П. Б.

его лакея, когда для этого нужно было употребить по крайней мѣрѣ дорожнаго фурьера. Хотя посланникъ и очень хорошо зналъ, что его высочество дѣйствительно намѣревался быть здѣсь не прежде 28-го числа, боясь слишкомъ сильной попойки по случаю празднованія Полтавской побѣды и имѣя къ тому еще другія причины; однакожъ его очень разсердило, что Жидъ разглашаетъ это, особенно когда и безъ того ужъ всѣ здѣшніе замѣчали, что его высочество, противъ своего обыкновенія, ѣдетъ такъ медленно, и когда тайный совѣтникъ Геспенъ употреблялъ всевозможныя старанія, чтобъ разувѣрить здѣшнихъ вельможъ, которые, равно какъ и самъ царь, могли бы оскорбиться, что герцогъ съ намѣреніемъ избѣгаетъ этого дня. Выходя отъ посланника, чтобъ отправиться на минуту въ домъ герцога, я немало удивился, когда увидѣлъ на дворѣ Савойяра съ разными животными; мнѣ и въ голову не приходило, что эти господа могутъ быть и въ Петербургѣ, такъ далеко на Сѣверѣ! Посланникъ, замѣтивъ мое удивленіе, сказалъ: «А вы думали, что Савойяры водятся только въ Парижѣ?» и чтобъ показать мнѣ, что здѣшніе не хуже другихъ, приказалъ выпустить и заставить танцовать сурка, который отлично исполнилъ свое дѣло и заработалъ бѣдняку денегъ на цѣлую недѣлю. Когда я пришелъ къ дому его высочества, лошадей только что отвели въ конюшню, и мнѣ было очень пріятно, что больная лошадь добрела наконецъ до Петербурга. Я тотчасъ велѣлъ обложить ей ноги коровьимъ навозомъ, который и въ дорогѣ помогалъ всего лучше. Спросивъ у камеръ-юнкера о своей квартирѣ, я получилъ въ отвѣтъ, что для меня еще не приготовлено никакой и что я долженъ покамѣстъ прожить гдѣ-нибудь. Это меня очень раздосадовало, тѣмъ болѣе, что онъ давно зналъ объ отправленіи меня впередъ, и что почти всѣ квартиры для нашей свиты были ужъ готовы. Я возвратился къ посланнику, пригласившему меня къ ужину, и разсказалъ ему о своемъ горѣ. Онъ тотчасъ вызвался помочь этому и предложилъ мнѣ въ своемъ домѣ постель, которая служила нѣсколько ночей, до пріисканія квартиры, поручику Бассевичу, пріѣхавшему сюда еще 20-го Іюня. Въ это время домъ посланника былъ полнѣе лучшей гостиницы во всемъ городѣ; вся герцогская свита останавливалась у него до полученія квартиръ, отчего самъ онъ былъ такъ стѣсненъ, что собственно для себя имѣлъ только свою спальню. Когда я пріѣхалъ въ Петербургъ, у него были еще на шеѣ тайный совѣтникъ Геспенъ и г.-м. Штенфлихтъ съ своими людьми. Но этого мало, что добрый посланникъ давалъ намъ квартиру и постели: онъ долженъ былъ еще всѣхъ насъ кормить. Все это онъ дѣлалъ съ величайшею готовностью и добродушіемъ. Вообще трудно найти человѣка, который бы такъ хорошо умѣлъ принимать своихъ гостей, какъ онъ.

Послѣ ужина, за которымъ мы весело пили за здоровье отсутствующихъ и находившихся въ дорогѣ, всѣ разошлись по своимъ мѣстамъ.

24. У посланника обѣдалъ Прусскій министръ при здѣшнемъ дворѣ, баронъ Мардефельдъ, котораго я имѣлъ честь видѣть въ первый разъ. Я ужъ прежде слышалъ о немъ много хорошаго и потому очень желалъ съ нимъ познакомиться, чтобъ иногда проводить у него по нѣскольку пріятныхъ часовъ. Говорятъ, онъ часто имѣетъ у себя музыку и самъ превосходно играетъ на лютнѣ. Онъ былъ такъ предупредителенъ, что тотчасъ просилъ меня посѣщать его. Къ этому обѣду собралось у посланника большое общество: кромѣ нашихъ кавалеровъ, которые заняли за столомъ довольно мѣста, тамъ были еще гвардіи у.-оф. баронъ Рённе и младшій баронъ Лёвенвольде, съ которымъ я уже за 7 лѣтъ познакомился въ Петербургѣ. Пили довольно много, потому что нашлось нѣсколько любителей, хорошо умѣвшихъ подстрекать другихъ. Послѣ обѣда я всячески старался найти себѣ квартиру, однакожъ принужденъ былъ ночевать у посланника: всѣ квартиры, на которыя мнѣ было указано, рѣшительно никуда не годились.

25. Рано утромъ для меня нашли наконецъ двѣ маленькія плохія комнатки, въ которыхъ жилъ недавно переселившійся въ Петербургъ Нѣмецъ, пряничникъ, съ женою, очень хорошенькою Француженкою. Хотя мнѣ было крайне непріятно вытѣснять этихъ бѣдныхъ людей изъ только что нанятыхъ ими комнатъ, тѣмъ болѣе, что они заплатили за нихъ впередъ и слѣдовательно имѣли полное право жаловаться, что отдали деньги за три комнаты, а жить должны въ одной, однакожъ я принужденъ былъ къ нимъ переѣхать. Имъ объявили, чтобъ къ вечеру двѣ комнаты были очищены, что̀ они и исполнили. Передъ обѣдомъ, около половины одиннадцатаго часа, когда царь возвращался изъ церкви, съ крѣпости стрѣляли изъ всѣхъ пушекъ, чѣмъ и началось празднованіе коронаціи по случаю наступленія 39-го года царствованія его величества, вступившаго на престолъ 10-ти лѣтъ отъ роду. Говорили, что нынѣшній годъ день этотъ празднуется вовсе не великолѣпно; но почему, никто не зналъ. Услышавъ пушечную пальбу, я тотчасъ отправился вмѣстѣ съ т. с. Геспеномъ, посланникомъ Штамке и другими нашими кавалерами на встрѣчу царю, котораго мы увидѣли на рѣкѣ. Когда онъ вошелъ въ длинную галерею, стоящую въ аллеѣ, идущей къ царскому лѣтнему дворцу, всѣ собравшіеся тамъ Русскіе, посланникъ Штамке и т. с. Геспенъ подошли къ нему съ поздравленіемъ. Спросивъ послѣднихъ, когда пріѣдетъ его королевское высочество и получивъ въ отвѣтъ, что они ожидаютъ его всякій часъ, царь пошелъ съ княземъ Меншиковымъ и со всею свитою на

находящееся близъ сада большое открытое мѣсто *), гдѣ стояли въ строю оба гвардейскіе полка, Преображенскій и Семеновскій. Первый состоялъ изъ четырехъ батальоновъ, второй изъ трехъ. Въ обоихъ, какъ говорятъ, до 7000 человѣкъ, не считая нестроевыхъ. Бо̀льшая часть рядовыхъ, по крайней мѣрѣ очень многіе изъ нихъ, князья, дворяне или унтеръ-офицеры изъ армейскихъ полковъ. Оба полка имѣютъ зеленые мундиры съ красными отворотами, но воротники у Преображенскаго красные, а у Семеновскаго голубые, равно какъ, для бо̀льшаго отличія, у перваго зеленыя, а у послѣдняго синія шинели. У унтеръ-офицеровъ отвороты и воротники (которые также разныхъ цвѣтовъ, смотря по полку) обшиты узкимъ золотымъ галуномъ. Всѣ об.-офицеры, отъ полковника до прапорщика, имѣютъ одинакій мундиръ, зеленаго цвѣта, обложенный кругомъ золотымъ галуномъ; только шарфы и значки отличаютъ ихъ другъ отъ друга. Гренадеры носятъ шляпы, похожія на шлемы древнихъ Римлянъ и имѣющія видъ касокъ; но онѣ сдѣланы не изъ желѣза, а изъ толстой кожи и украшены сзади большимъ перомъ бѣлаго и краснаго цвѣтовъ, что̀ дѣлаетъ особенно хорошій видъ, когда ихъ много вмѣстѣ. Спереди на шляпахъ у нихъ оловянный, а у офицеровъ серебряный гербъ Россіи; точно такая же и обдѣлка широкаго патронташа, висящаго на правой сторонѣ, поверхъ котораго подпоясывается съ лѣвой стороны другой, маленькій. Гренадерскіе офицеры, какъ и другіе, носятъ еще черезъ правое плечо шарфы голубого, бѣлаго и краснаго цвѣтовъ и серебряные значки (рингкрагены) съ изображеніемъ Андреевскаго креста, съ короною наверху и лавровымъ вѣнкомъ вокругъ. Подъ крестомъ написано выпуклыми буквами: *19-е Ноября 1700 года*—день несчастнаго Нарвскаго сраженія, въ которомъ оба эти полка особенно отличились. Многіе изъ рядовыхъ имѣютъ также въ петлицахъ медали съ портретомъ царя, который, говорятъ, награждаетъ ими всѣхъ особенно отличающихся въ сраженіяхъ; но, кромѣ того, всѣ бывшіе въ Полтавской битвѣ украшены такими медалями. Офицеры этого корпуса имѣютъ высокіе чины: поручики равняются капитанамъ армейскихъ полковъ; капитаны поступаютъ въ другіе полки полковниками, а маіоры обыкновенно въ тоже время бригадиры или генералъ-маіоры и имѣютъ большой вѣсъ. Самъ царь—полковникъ Преображенскаго полка. Когда царь пришелъ къ мѣсту, гдѣ выстроились оба полка, образуя изъ себя огромный кругъ, они отдали ему честь и, исполнивъ по его командѣ обыкновенные пріемы, производили бѣглый огонь изъ ружей. Послѣ троекратной стрѣльбы царь удалился, пригласивъ самъ нашихъ кавалеровъ

*) Нынѣшній Царицынъ лугъ.

собраться послѣ обѣда, въ пять часовъ, въ Лѣтнемъ Саду. Я отправился домой и смотрѣлъ дорогою, какъ гордые полки, въ стройномъ порядкѣ, уходили назадъ. Каждый изъ батальоновъ имѣетъ своихъ гобоистовъ и валторнистовъ. Они проходили по крайней мѣрѣ часъ, но на это было вовсе не скучно смотрѣть, потому что солдаты всѣ видные и красивые люди, набранные изъ многихъ полковъ. Собравшись, по обыкновенію, къ обѣду у нашего благодѣтеля, мы сѣли за столъ, и только-что отобѣдали, какъ пріѣхалъ подполковникъ Сальдернъ, посланный его королевскимъ высочествомъ изъ Нарвы съ письмами къ т. с. Геспену и посланнику. Когда онъ вручилъ мнѣ письмо отъ т. с. Бассевича, я уступилъ ему свое мѣсто за столомъ, потому что онъ былъ очень голоденъ. Мы спросили его, когда пріѣдетъ его королевское высочество и узнали, что не прежде будущаго Четверга, отъ того что проѣзжаетъ въ день не болѣе двухъ станцій. Т. с. Бассевичъ велѣлъ меня просить, чтобъ я въ Четвергъ, рано утромъ, былъ съ его каретными лошадьми въ Красномъ Кабачкѣ; но это было невозможно по причинѣ болѣзни одной изъ шести лошадей, которую замѣнить другою было рѣшительно нельзя. Впрочемъ, я былъ твердо убѣжденъ, что ея величество царица пошлетъ на встрѣчу герцогу довольно лошадей и каретъ, такъ что его собственныя, требуемыя только на всякій случай, вѣроятно, вовсе не понадобятся. Послѣ обѣда мнѣ очень хотѣлось тотчасъ же исполнить одно порученіе, о которомъ тайный совѣтникъ писалъ мнѣ въ своемъ письмѣ, но въ этотъ день ничего нельзя было сдѣлать. Въ 5 часовъ я со многими изъ нашихъ отправился въ садъ. Подойдя къ мѣсту, гдѣ утромъ была стрѣльба, мы опять нашли тамъ, въ томъ же порядкѣ, оба гвардейскіе полка, но только съ нижнимъ оружіемъ; верхнее они оставили въ лагерѣ. Когда я спросилъ, для чего они здѣсь собрались, мнѣ отвѣчали, что царь обыкновенно въ такіе праздники угощаетъ ихъ пивомъ и виномъ, которое самъ имъ подноситъ въ деревянныхъ чашкахъ величиною въ большой стаканъ. Его величество именно этимъ и былъ занятъ, когда мы пришли. Тамъ же увидѣлъ я необыкновенно большого росту Чухонку, которую царь, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, выдалъ замужъ за огромнаго Француза, привезеннаго имъ изъ Франціи. Они имѣли уже ребенка, и теперь она снова была беременна. Этотъ Французъ не такъ высокъ, какъ неестественно толстъ; онъ самъ говоритъ, что Австрійскій посланникъ въ Парижѣ, баронъ Бентенрейтеръ, еще повыше его, въ чемъ я теперь, разсмотрѣвъ его хорошенько, также убѣдился. Онъ не имѣетъ никакой должности (впрочемъ по толстотѣ своей и неспособенъ ни на что) и всю жизнь только и дѣлалъ, что показывалъ себя за деньги. Ему даютъ въ годъ 300 рублей жалованья

и даровую квартиру. Царь, тотчасъ послѣ его пріѣзда, подарилъ ему домъ и держитъ его, какъ говорятъ, только для того, чтобъ имѣть отъ него рослыхъ людей. Съ теперешнею его женою его соединили еще до брака, и государь только тогда приказалъ обвѣнчать ихъ, когда убѣдился, что они могутъ имѣть дѣтей; въ противномъ случаѣ она досталась бы одному изъ царицыныхъ гайдуковъ, также огромнаго роста, но весьма красивому [1]). Войдя въ садъ и осмотрѣвъ его немного, я до того былъ удивленъ перемѣнами въ немъ въ послѣднія семь лѣтъ, что едва узнавалъ его. Мы сперва отправились туда, гдѣ думали найти лучшее, то-есть, царскій дворъ, который очень желали видѣть, и пришли наконецъ въ среднюю широкую аллею. Тамъ, у прекраснаго фонтана, сидѣла ея величество царица въ богатѣйшемъ нарядѣ. Взоры наши тотчасъ обратились на старшую принцессу [2]), брюнетку и прекрасную какъ ангелъ. Цвѣтъ лица, руки и станъ у нея чудно-хороши. Она очень похожа на царя и для женщины довольно высока ростомъ. По лѣвую сторону царицы стояла вторая принцесса, бѣлокурая и очень нѣжная; лицо у нея, какъ и у старшей, чрезвычайно доброе и пріятное. Она годами двумя моложе и меньше ростомъ, но гораздо живѣе и полнѣе старшей, которая немного худа. Въ этотъ разъ онѣ были одѣты одинаково, но младшая имѣла еще позади крылышки; у старшей же они были недавно отрѣзаны, но еще не сняты, а только зашнурованы. Сдѣланы эти крылышки прекрасно. Платья

---

[1]) Для любопытныхъ выписываемъ нѣкоторыя дополнительныя свѣдѣнія объ этомъ Французѣ, которыя заимствуемъ изъ книги *Кабинетъ Петра Великаго*, изданной въ 1800 году О. Бѣляевымъ: „Въ нижнемъ отдѣленіи кунсткамеры сохраняется, между прочими анатомическими препаратами, *чучело великана*, бывшаго при Петрѣ Великомъ. Великанъ сей родомъ Французъ и назывался *Буржуа*. Онъ былъ ростомъ 3 аршинъ и 3 вершка; голова, руки и верхняя часть туловища у него были чрезвычайно велики и съ прочими частьми его тѣла никакой почти соразмѣрности не имѣли. Государь Петръ I принялъ его къ себѣ въ городѣ Кале, гдѣ онъ съ своею матерью, которая была весьма малаго роста и имѣла четыре грудные сосца, показывалъ себя за деньги. Государь, взявъ его къ себѣ, опредѣлилъ ему жалованья по 600 рублей въ годъ, а матери его приказалъ отсылать также достаточную сумму денегъ, которою она и жила въ своемъ отечествѣ безъ всякой нужды. По прибытіи въ Санктпетербургъ, государь женилъ его на Чухонкѣ чрезвычайно великаго жъ роста, съ которою онъ прижилъ одного сына и двухъ дочерей. По смерти его, случившейся скоропостижно, вскрыто было его тѣло, и главнѣйшія его части отосланы на сохраненіе въ кунсткамеру, Мая 3 числа 1724 года: 1) выдѣланная его *кожа*, изъ которой сдѣлано чучело такъ, какъ нынѣ въ кунсткамерѣ видимо; 2) цѣлый его *остовъ*, у котораго черепъ находится безъ шва, а грудь безъ хряща; 3) *сердце*, величиною едва ли воловьему уступить можетъ; 4) огромной величины *желудокъ* съ проходною кишкою; 5) *почка* и 6) *печень*, которыя, по чрезвычайной величинѣ своей, многихъ обращаютъ на себя вниманіе. См. „Кабинетъ Петра Великаго", отд. I, стр. 190—192.

[2]) Принцессами Берхгольцъ называетъ старшихъ дочерей Петра I, великихъ княженъ Анну Петровну и Елисавету Петровну. *Маленькая принцесса*, о которой онъ упоминаетъ ниже, была в. к. Наталья Петровна (род. въ Маѣ 1718, скони. въ Мартѣ 1725 г.).

принцессъ были безъ золота и серебра, изъ красивой двухцвѣтной матеріи, а головы убраны драгоцѣнными камнями и жемчугомъ, по новѣйшей Французской модѣ и съ изяществомъ, которое бы сдѣлало честь лучшему Парижскому парикмахеру. Близъ ея величества царицы стояли еще маленькій великій князь и его сестра, дѣти покойныхъ принцессы Вольфенбюттельской и наслѣднаго принца [1]); они какъ вылитые изъ воску и ангельской красоты. Великому князю, говорятъ, только шестой годъ, а сестрѣ его осьмой, но они ужъ довольно велики для своихъ лѣтъ. Они имѣютъ свой особенный столъ, также какъ и обѣ старшія принцессы. У царицы есть еще маленькая принцесса, лѣтъ четырехъ, которую еще носятъ на рукахъ; она также прехорошенькій ребенокъ. Здѣсь же была вдовствующая царица съ дочерью своею, принцессою Прасковіею, находящеюся еще при ней. Она была одѣта въ черномъ и имѣла на головѣ большую шапку, какую обыкновенно носятъ старыя Русскія дамы. Эго вдова Ивана, брата нынѣшняго царя; старшаго его брата звали Ѳедоромъ. У нея, кажется, осталось теперь въ живыхъ только три дочери, изъ которыхъ одна за теперешнимъ герцогомъ Мекленбургскимъ, другая—герцогиня Курляндская, которую мы видѣли въ Ригѣ, а третья та самая, которая была съ нею въ саду и которой лѣтъ пять [2]); она брюнетка и недурна собой. Вдовствующая царица Прасковья—урожденная Салтыкова. Между бывшими здѣсь другими дамами мнѣ особенно понравилась княгиня Черкасская [3]), которая, какъ меня увѣряли, считается при дворѣ первою красавицей. Но я насчиталъ еще до тридцати хорошенькихъ дамъ, изъ которыхъ многія мало уступали нашимъ дамамъ въ привѣтливости, хорошихъ манерахъ и красотѣ. Признаюсь, я вовсе не ожидалъ, что здѣшній дворъ такъ великолѣпенъ. У ея величества царицы четыре камеръ-юнкера, все красивые и статные молодые люди; изъ нихъ двое Русскіе, Шепелевъ и Чевкинъ, и двое Нѣмцы, Балкъ и Монсъ (двоюродный братъ госпожи Балкъ, очень, говорятъ, любимый царицею). Первый изъ этихъ двухъ—сынъ генеральши Балкъ, состоявшей, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ качествѣ оберъ-гофмейстерины при дочери вдовствующей царицы, нынѣшней герцогинѣ Мекленбургской. Теперь она снова статсъ-дамою при здѣшнемъ дворѣ, имѣетъ еще

---

[1]) В. к. Петръ Алексѣевичъ, впослѣдствіи императоръ Петръ II, и великая княжна Наталья Алексѣевна (сконч. въ 1728 году), дѣти царевича Алексѣя Петровича.

[2]) Въ подлинникѣ такъ; но это, безъ сомнѣнія, опечатка: Берхгольцъ хотѣлъ сказать *лѣтъ 25*.

[3]) Княгиня Марья Юрьевна, вторая супруга князя Алексѣя Михайловича Черкасскаго, бывшаго впослѣдствіи канцлеромъ, и дочь дѣйств. т. сов. и сенатора князя Юрія Юрьевича Трубецкаго. См. „Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи", соч. А. Терещенко, 1837, ч. II, стр. 58.

дочь, которая замужемъ за флотскимъ капитаномъ Лопухинымъ. Къ штату царицы принадлежатъ еще: гофмаршалъ Олсуфьевъ (братъ гофмаршала царя), Русскій и очень незнатнаго происхожденія, шталмейстеръ и многіе другіе. Пажи ея величества имѣютъ зеленые мундиры съ красными отворотами и золотыми галунами на всѣхъ швахъ, какъ и трубачи и валторнисты; но лакеи и конюхи, которыхъ у ея величества множество, не имѣютъ этихъ галуновъ; однакожъ все-таки одѣты прекрасно. Въ оркестрѣ государыни много хорошихъ Нѣмецкихъ музыкантовъ, обязанныхъ также носить красивые зеленые кафтаны (ливрей они вообще не любятъ). Однимъ словомъ, дворъ царицы такъ хорошъ и блестящъ, какъ почти всѣ дворы Германскіе. У царя же, напротивъ, онъ чрезвычайно простъ: почти вся его свита состоитъ изъ нѣсколькихъ денщиковъ (такъ называются Русскіе слуги), изъ которыхъ только немногіе хорошихъ фамилій, бо́льшая же часть незнатнаго происхожденія. Однакожъ, почти всѣ они величайшіе фавориты и имѣютъ большой вѣсъ. Теперь особенно въ милости три или четыре. Первый—племянникъ генерала Бутурлина [1]), другой—Травеникъ [2]), одинъ изъ двухъ близнецовъ, до того другъ на друга похожихъ, что ихъ различаютъ только по платью. Говорятъ, его величество царь, проѣзжая черезъ Данцигъ, взялъ ихъ къ себѣ единственно по причинѣ этого необыкновеннаго сходства. Родители ихъ простаго происхожденія. Того изъ нихъ, который не сумѣлъ поддѣлаться подъ его вкусъ, онъ отдалъ царицѣ. Третій фаворитъ и денщикъ — Татищевъ, изъ Русской фамиліи; четвертый и послѣдній—Василій [3]), очень незнатнаго происхожденія и человѣкъ весьма невзрачный. Царь помѣстилъ его, какъ бѣднаго мальчика, въ хоръ своихъ пѣвчихъ, потому что у него былъ, говорятъ, порядочный голосъ; а такъ какъ его величество самъ, по Воскресеньямъ и праздникамъ, становится въ церкви съ простыми пѣвчими и поетъ вмѣстѣ съ ними, то онъ скоро взялъ его къ себѣ и до того полюбилъ, что почти ни минуты не можетъ быть безъ него. Оба послѣдніе самые большіе фавориты, и хотя Татищева считаютъ величайшимъ, потому что онъ почти всегда обѣдаетъ съ царемъ, когда его величество бываетъ одинъ или въ небольшомъ обществѣ, однакожъ я думаю, что тотъ имѣетъ передъ нимъ

---

[1]) Извѣстнаго Петровскаго генерала, Ивана Ивановича Бутурлина, подполковника гвардіи Семеновскаго полка. Этотъ племянникъ былъ впослѣдствіи генералъ-фельдмаршаломъ.

[2]) Фамилія его была *Древникъ*. Онъ потомъ былъ камергеромъ. См. Голикова. „Дѣянія Петра Великаго", ч. IV, стр. 378.

[3]) Къ сожалѣнію, мы нигдѣ не могли найдти болѣе подробныхъ свѣдѣній объ этомъ денщикѣ Петра Великаго.

большое преимущество: царь иногда разъ по сту беретъ его за голову и цѣлуетъ, также оставляетъ знатнѣйшихъ министровъ и разговариваетъ съ нимъ. Удивительно, какъ вообще большіе господа могутъ имѣть привязанность къ людямъ всякаго рода. Этотъ человѣкъ низкаго происхожденія, воспитанъ какъ всѣ простые пѣвчіе, наружности весьма непривлекательной и вообще, какъ изъ всего видно, простъ, даже глупъ,—и не смотря на то, знатнѣйшіе люди въ государствѣ ухаживаютъ за нимъ. Г-нъ Ягужинскій, который еще до сихъ поръ въ большой милости, былъ сперва также деньщикомъ царя; одни говорятъ, что онъ бѣдный Польскій дворянинъ, другіе увѣряютъ, что сынъ Нѣмецкаго кистера въ Москвѣ. У него есть братъ, полковникъ здѣшней же службы, который однакожъ далеко не можетъ равняться съ нимъ умомъ и способностями.—Вскорѣ послѣ нашего прихода въ садъ, его величество оставилъ гвардейцевъ и пошелъ къ ея величеству царицѣ, которая осыпала его ласками. Побывъ у нея нѣсколько времени, онъ подошелъ къ вельможамъ, сидѣвшимъ за столами вокругъ прекраснаго водомета, а государыня между тѣмъ пошла съ своими дамами гулять по саду. Послѣ этого я сталъ разсматривать мѣстоположеніе сада и, между прочимъ, увидѣлъ прелестную молодую дубовую рощицу, насаженную большею частію собственными руками царя и находящуюся прямо противъ оконъ царскаго лѣтняго дворца. Такъ какъ здѣшнее духовенство обыкновенно также принимаетъ участіе во всѣхъ празднествахъ, то оно и въ этотъ день собралось въ большомъ числѣ и для своего удовольствія выбрало самое живописное и пріятное мѣсто, именно эту рощу. Я нарочно оставался тамъ нѣсколько времени, чтобъ отчасти полюбоваться на многія молодыя и чрезвычайно прямыя деревья, отчасти посмотрѣть хорошенько на духовенство, сидѣвшее за круглымъ столомъ со многими кушаньями. Духовныя лица носятъ здѣсь одежду всѣхъ цвѣтовъ, но знатнѣйшія изъ нихъ имѣютъ обыкновенно черную, въ видѣ длиннаго кафтана, и на головѣ длинныя монашескія покрывала, закрывающія плеча и спину. Многіе своими бородами и почтеннымъ видомъ внушаютъ къ себѣ какое-то особенное уваженіе. Наконецъ я очутился опять на томъ мѣстѣ, гдѣ остался царь, и нашелъ его тамъ сидящимъ за столомъ, за который онъ помѣстился съ самаго начала. Постоявъ здѣсь съ минуту, я услышалъ споръ между монархомъ и его шутомъ Ла-Костою *), который обыкновенно оживляетъ общество. Этотъ Ла-Коста изъ Жи-

*) См. Голикова, „Дѣянія Петра Великаго“, ч. VII, стр. 36 и 37. Тамъ, между прочимъ, сказано, что Петръ Великій сдѣлалъ Ла-Косту главнымъ надъ шутами и въ шутку называлъ графомъ.

довъ и человѣкъ чрезвычайно хитрый; прежде онъ былъ маклеромъ въ Гамбургѣ. Дѣло было вотъ въ чемъ. Ла-Коста говорилъ, что въ Св. Писаніи сказано, что «многіе пріидутъ отъ Востока и Запада и возлягутъ съ Авраамомъ,Ісаакомъ и Іаковомъ»; царь опровергалъ его и спрашивалъ, гдѣ это сказано. Тотъ отвѣчалъ: въ Библіи. Государь самъ тотчасъ побѣжалъ за Библіею и вскорѣ возвратился съ огромною книгою, которую приказалъ взять у духовныхъ, требуя, чтобы Ла-Коста отыскалъ ему то мѣсто; шутъ отозвался, что не знаетъ, гдѣ именно находятся эти слова, но что можетъ увѣрить его величество, что они написаны въ Библіи. «Еу, еу», отвѣчалъ государь, по своему обыкновенію, по-голландски: «dat is naar apraht, jy saudt ju Dage nieht darin finden (все вздоръ, тамъ нѣтъ этого). Въ это самое время проходила мимо царица съ принцессами, и такъ какъ для меня гораздо любопытнѣе было видѣть ихъ, чѣмъ слушать этотъ споръ, то я послѣдовалъ за дамами и старался познакомиться съ нѣкоторыми изъ нихъ. Когда всѣ онѣ опять сѣли, я возвратился на свое прежнее мѣсто, но царя тамъ уже не было. Меня увѣряли, что Ла-Коста правъ, что приведенныя имъ слова дѣйствительно находятся въ Библіи, именно у Матѳея, гл. 8, ст. 11 и 12. Вскорѣ послѣ того появились дурные предвѣстники, вселившіе во всѣхъ страхъ и трепетъ, а именно человѣкъ шесть гвардейскихъ гренадеръ, которые несли на носилкахъ большія чаши съ самымъ простымъ хлѣбнымъ виномъ; запахъ его былъ такъ силенъ, что оставался еще, когда гренадеры уже отошли шаговъ на сто и поворотили въ другую аллею. Замѣтивъ, что вдругъ очень многіе стали ускользать, какъ будто завидѣли самого дьявола, я спросилъ одного изъ моихъ пріятелей, тутъ же стоявшаго, что̀ сдѣлалось съ этими людьми и отчего они такъ поспѣшно уходятъ. Но тотъ взялъ меня уже за руку и указалъ на прошедшихъ гренадеръ.

Тогда я понялъ въ чемъ дѣло и поскорѣе отошелъ съ нимъ прочь. Мы очень хорошо сдѣлали, потому что вслѣдъ за тѣмъ встрѣтили многихъ господъ, которые сильно жаловались на свое горе и никакъ не могли освободиться отъ непріятнаго виннаго вкуса въ горлѣ. Меня предувѣдомили, что здѣсь много шпіоновъ, которые должны узнавать, всѣ ли отвѣдали изъ горькой чаши; поэтому я никому не довѣрялъ и притворился страдающимъ еще больше другихъ. Однакожъ одинъ плутъ легко сумѣлъ узнать, пилъ я или нѣтъ: онъ просилъ меня дохнуть на него. Я отвѣчалъ, что все это напрасно, что я давно уже выполоскалъ ротъ водою; но онъ возразилъ, что этимъ его не увѣришь, что онъ самъ цѣлые сутки и болѣе не могъ избавиться отъ этого запаха, который и тогда не уничтожишь, когда накладешь въ ротъ корицы и гвоздики, и что я долженъ также подвергнуться испы-

танію, чтобъ имѣть понятіе о здѣшнихъ празднествахъ. Я всячески отговаривался, что не могу никакъ пить хлѣбнаго вина; но все это ни къ чему бы не повело, еслибъ мнимый шпіонъ не былъ хорошимъ моимъ пріятелемъ и не вздумалъ только пошутить надо мною. Если же случится попасться въ настоящія руки, то не помогаютъ ни просьбы, ни мольбы: надобно пить во что бы то не стало. Даже самыя нѣжныя дамы не изъяты отъ этой обязанности, потому что сама царица иногда беретъ немного вина и пьетъ. За чашею съ виномъ всюду слѣдуютъ маіоры гвардіи, чтобы просить пить тѣхъ, которые не трогаются увѣщаніями простыхъ гренадеръ. Изъ ковша, величиною въ большой стаканъ (но не для всѣхъ одинаково наполняемаго), который подноситъ одинъ изъ рядовыхъ, должно пить за здоровье царя или, какъ они говорятъ, ихъ полковника, что все равно. Когда я потомъ спрашивалъ, отчего они разносятъ такой дурной напитокъ, какъ хлѣбное вино, мнѣ отвѣчали, что Русскіе любятъ его болѣе всѣхъ возможныхъ Данцигскихъ аквавитъ и Французскихъ водокъ (которыя, однакожъ, здѣшніе знатные очень цѣнятъ, тогда какъ простое вино они обыкновенно только берутъ въ ротъ и потомъ выплевываютъ) и что царь приказываетъ подавать именно это вино изъ любви къ гвардіи, которую онъ всячески старается тѣшить, часто говоря, что между гвардейцами нѣтъ ни одного, которому бы онъ смѣло не рѣшился поручить свою жизнь. Находясь въ постоянномъ страхѣ попасть въ руки господъ маіоровъ, я боялся всѣхъ встрѣчавшихся мнѣ и всякую минуту думалъ, что меня ужъ хватаютъ. Поэтому я бродилъ по саду какъ заблудшійся, пока наконецъ не очутился опять у рощицы близъ царскаго лѣтняго дворца. Но на этотъ разъ я былъ очень пораженъ, когда подошелъ къ ней поближе: прежняго пріятнаго запаха отъ деревьевъ какъ не бывало, и воздухъ былъ тамъ сильно зараженъ виннымъ испареніемъ, очень развеселившимъ духовныхъ, такъ что я чуть самъ не заболѣлъ одною съ ними болѣзнію. Тутъ стоялъ одинъ до того полный, что, казалось, тотчасъ же лопнетъ; тамъ другой, который почти разставался съ легкими и печенью; отъ нѣкоторыхъ шаговъ за сго несло рѣдькой и лукомъ; тѣ же, которые были покрѣпче другихъ, превесело продолжали пировать. Однимъ словомъ, самые пьяные изъ гостей были духовные, что очень удивляло нашего придворнаго проповѣдника Ремаріуса, который никакъ не воображалъ, что это дѣлается какъ грубо и открыто. Узнавъ, что въ открытой галереѣ сада, стоящей у воды, танцуютъ, я отправился туда и имѣлъ наконецъ счастіе видѣть танцы обѣихъ принцессъ, въ которыхъ онѣ очень искусны. Мнѣ больше нравилось какъ танцуетъ младшая принцесса; она отъ природы нѣсколько живѣе старшей. Когда стало смеркаться, принцес-

сы удалились съ своими дамами. Такъ какъ царь и царица (оставившая, впрочемъ, своихъ дамъ) также въ это время отлучились, то насъ стали увѣрять, что мы возвратимся домой не прежде слѣдующаго утра; потому что царь, по своему обыкновенію, приказалъ садовымъ сторожамъ не выпускать никого безъ особаго дозволенія, а часовые, говорятъ, въ подобныхъ случаяхъ бываютъ такъ аккуратны, что не пропускаютъ рѣшительно никого, отъ перваго вельможи до послѣдняго простолюдина. Поэтому знатнѣйшіе господа и всѣ дамы должны были оставаться тамъ такъ же долго, какъ и мы. Все это бы ничего, еслибъ, на бѣду, вдругъ не пошелъ проливной дождь, поставившій многихъ въ большое затрудненіе: вся знать поспѣшила къ галереямъ, въ которыхъ заняла всѣ мѣста, такъ что нѣкоторые принуждены были стоять все время на дождѣ. Эта непріятность продолжалась часовъ до двѣнадцати, когда наконецъ пришелъ его величество царь, въ простомъ зеленомъ кафтанѣ, сдѣланномъ наподобіе тѣхъ, которые носятъ моряки въ дурную погоду (передъ тѣмъ же на немъ былъ коричневый съ серебряными пуговицами и петлицами); шляпу онъ почти никогда не надѣваетъ, приказывая носить ее за собою одному изъ своихъ денщиковъ. Войдя въ галерею, гдѣ всѣ ждали его съ большимъ нетерпѣніемъ и потому чрезвычайно обрадовались этому приходу, въ надеждѣ скоро освободиться, онъ поговорилъ немного съ нѣкоторыми изъ своихъ министровъ и потомъ отдалъ приказаніе часовымъ выпускать. Но такъ какъ выходъ былъ только одинъ и притомъ довольно тѣсный, то прошло еще много времени, пока послѣдніе выбрались изъ сада. Кромѣ того, надобно было также проходить, недалеко отъ сада, черезъ небольшой подъёмный мостъ на маломъ каналѣ, и только пройдя черезъ него всякій могъ безъ затрудненія спѣшить домой.

Всѣ мы порядочно проголодались и были въ большомъ затрудненіи найдти что-нибудь поѣсть. Къ счастію, намъ попался одинъ почтенный знакомый каммеррата Негейлена, также спѣшившій домой съ своею женою. Будучи знакомъ еще съ нѣкоторыми изъ нашихъ и очень хорошо видя нашу невзгоду, онъ пригласилъ насъ всѣхъ къ себѣ на холодное жареное и прочую закуску; мы, разумѣется, не церемонились и, не дожидаясь вторичнаго приглашенія, съ радостію послѣдовали за нимъ. Этотъ сострадательный человѣкъ былъ чиновникъ Коммерцъ-Коллегіи, по фамиліи Гольштейнъ. Братъ его каморъ-пажомъ у царицы и, говорятъ, довольно любимъ царемъ. Когда мы проходили мимо квартиры асессора Сурланда, которая была недалеко отъ дома этого чиновника, тотъ увидѣлъ насъ и тотчасъ вышелъ къ намъ на улицу, но уже въ халатѣ. Мы спросили его, когда онъ успѣлъ такъ скоро раздѣться и почему мы не догнали его, не смотря на то, что изъ сада вышли въ

числѣ первыхъ и на дорогѣ были вовсе не долго, онъ отвѣчалъ, что сидитъ дома ужъ слишкомъ часъ, успѣвъ тайно выбраться изъ сада вмѣстѣ съ Голландскимъ резидентомъ Вильде, который нашелъ къ тому средство, если не ошибаюсь, при помощи садовника, имѣющаго при садѣ свой домъ. Плохо пришлось бы этому человѣку, еслибъ про то узналъ царь, и я не желалъ бы подѣлиться съ нимъ вырученными имъ деньгами; асессоръ поэтому и былъ такъ скроменъ, что тогда никому изъ насъ не назвалъ своего благодѣтеля, избавляя его такимъ образомъ отъ всякой непріятности. Наѣвшись и напившись у почтеннаго чиновника, мы всѣ отправились по домамъ. Мнѣ, несчастному, приходилось идти дальше другихъ и, кромѣ того, надобно было пробыть еще нѣсколько времени въ сосѣдствѣ посланника (Штамке). Не смотря на то, что тайный совѣтникъ Бассевичъ обѣщалъ мнѣ еще въ Ревелѣ, что меня помѣстятъ здѣсь въ его домѣ вмѣстѣ съ Сурландомъ (о чемъ и отдалъ надлежащее приказаніе к.-ю. Геклау, который распоряжался квартирами), мы оба принуждены были, по недостатку мѣста въ плохомъ деревянномъ домикѣ, назначенномъ для тайнаго совѣтника и рѣшительно для него негодномъ, взять отведенныя намъ маленькія и дурныя квартиры, въ надеждѣ, что тайный совѣтникъ получитъ скоро другое помѣщеніе. Этотъ домикъ асессоръ занялъ для него только на всякій случай, чтобъ ему по крайней мѣрѣ было гдѣ остановиться и поставить свои вещи. Еслибъ положиться на распоряженія нашего квартирмейстера, то тайный совѣтникъ, первый министръ, долженъ былъ бы на первый разъ остановиться на улицѣ: не смотря на продолжительное время, назначенное для пріисканія квартиръ, ни одна не была еще готова, когда наша свита начала съѣзжаться, и за дѣло принимались только тогда, когда всякій, по пріѣздѣ, самъ начиналъ хлопотать о квартирѣ.

26. Проснувшись на моей новой квартирѣ и потомъ напившись чаю у посланника, я навѣстилъ подполковника Сальдерна, который въ тотъ же вечеръ, какъ я съѣхалъ отъ посланника, занялъ въ его домѣ мою комнату и постель. Послѣ того я принялся исполнять порученія тайнаго совѣтника, о которыхъ онъ мнѣ писалъ въ послѣднемъ своемъ письмѣ, и въ тоже время закупилъ разныя вещи, необходимыя для моего хозяйства: на новой моей квартирѣ, кромѣ стараго стола, такого же стула и четырехъ голыхъ выбѣленныхъ стѣнъ, ничего не было. Подъ одною изъ комнатъ былъ пустой ледникъ, а подъ моею спальнею—болото, отчего полы, не смотря на лѣто, никогда не были сухи и имѣли у скважинъ широкія коймы, которыя были до того черны отъ сырости, что казались накрашенными. Къ счастью, мнѣ не нужно было принимать у себя дамъ въ башмакахъ съ острыми

каблуками; иначе я боялся бы, что онѣ на каждомъ шагу будутъ попадать въ большія щели, которыхъ между половицами было множество. Легко вообразить, какъ здорово такое помѣщеніе и каково бы мнѣ пришлось, еслибъ я принужденъ былъ провести тамъ зиму, тѣмъ болѣе, что у меня не было даже и печи. Не имѣя постели, я былъ въ большомъ затрудненіи, и потому камердинеръ Штамке оказалъ мнѣ особенную услугу, доставъ для меня за деньги тюфякъ и снабдивъ меня однимъ изъ одѣялъ своего господина и двумя простынями; отъ хозяйки своей я получилъ подушку, а такимъ образомъ на первый разъ могъ какъ-нибудь управиться. Въ 11 часовъ утра, въ то самое время, какъ я находился въ домѣ герцога, тамъ смѣнили караулъ, который начали ставить еще съ 24-го числа, потому что ожидали его высочество каждую минуту. Онъ состоялъ изъ одного капитанъ-поручика, одного прапорщика съ знаменемъ, шести унтеръ-офицеровъ, двухъ трубачей, восьмидесяти гренадеръ и рядовыхъ, и при нихъ находились восемь гобоистовъ и два валторниста, которые, какъ и солдаты, должны были оставаться въ караулѣ 24 часа, и избирались только изъ обоихъ гвардейскихъ полковъ. За обѣдомъ у посланника Штамке мы узнали, что его величество царь, наканунѣ, въ саду, отдалъ приказаніе отправить къ его королевскому высочеству курьера съ просьбою пріѣхать поскорѣе, чтобъ на слѣдующій день, 27-го числа, участвовать въ праздновании Полтавской побѣды. Посланный, какъ я узналъ послѣ, явился къ его высочеству въ Нарвѣ, откуда герцогъ, во исполненіе воли царя, приказалъ ѣхать какъ можно скорѣе. Мы ужъ напередъ знали, что такъ случится, потому что отсутствіе его королевскаго высочества въ такой день показалось бы здѣсь очень страннымъ. Посланникъ немедленно сталъ хлопотать о паспортѣ для подполковника Сальдерна, которому было приказано встрѣтить его высочество; а какъ достать паспортъ здѣсь очень нелегко, то подполковникъ выѣхалъ изъ города только къ вечеру и притомъ долженъ былъ пять верстъ (до Ямской слободы) ѣхать на нашихъ собственныхъ лошадяхъ. Въ Почтовомъ домѣ здѣсь не держатъ лошадей на-готовѣ и всегда посылаютъ за ними въ слободу; поэтому пришлось бы потерять еще болѣе времени, еслибы ждать ихъ оттуда. Между тѣмъ т. с. Геспенъ, г.-м. Штенфлихтъ и посланникъ Штамке были приглашены пріѣхать на другой день, въ 4 часа, въ царскій садъ. Для этого къ нимъ присылали чиновника канцеляріи: церемонія, которую обыкновенно соблюдаютъ здѣсь съ иностранными министрами.

27. Рано утромъ, отправивъ моего человѣка и узнавъ отъ посланника, что ночью пріѣхали поваръ Шлапколь и пажъ Тихъ съ извѣстіемъ, что его высочество будетъ сегодня же утромъ, я велѣлъ

сѣдлать верховую лошадь тайнаго совѣтника Бассевича и, чтобы поскорѣе управиться, вышелъ самъ помогать конюхамъ: насъ увѣряли, что его высочество ужъ подъѣзжаетъ къ городу. Такъ какъ посланникъ съ т. с. Гесценомъ, г.-м. Штенфлихтомъ и каммерратомъ Негелейномъ уже отправились встрѣчать его королевское высочество, то я спѣшилъ нагнать ихъ, чтобы не быть послѣднимъ при встрѣчѣ нашего государя. Я скакалъ не останавливаясь. Недалеко отъ дома, назначеннаго для герцога, я встрѣтилъ уже часть нашей свиты, отправленную впередъ; потомъ на проспектѣ я пагналъ нашихъ кавалеровъ, которые не могли ѣхать скоро, потому что имѣли только двухъ лошадей и тяжелую карету. Они просили меня спѣшить и, если его королевское высочество будетъ о нихъ спрашивать, сказать, что они ожидаютъ его высочество въ концѣ проспекта, гдѣ остановились изъ опасенія, что потомъ будутъ не въ состояніи слѣдовать за поѣздомъ въ тяжелой каретѣ посланника. Я поскакалъ и встрѣтилъ его высочество въ Ямской Слободѣ, гдѣ его принималъ отъ имени царя генералъ-полиціймейстеръ съ довольно многочисленною свитою. Передъ одною изъ лучшихъ каретъ царицы, въ шесть красивыхъ лошадей, въ которой сидѣлъ его высочество вмѣстѣ съ оберъ-полиціймейстеромъ, ѣхали унтеръ-офицеръ съ восемью драгунами и четыре конюха, по два въ рядъ; потомъ слѣдовала эта карета, при которой спереди стояли два пажа царицы, а на запяткахъ шесть лакеевъ; около дверецъ, съ правой стороны, ѣхалъ верхомъ царскій кавалеръ, а съ лѣвой его высочество подалъ знакъ ѣхать мнѣ. За каретой ѣхали верхомъ же еще нѣсколько человѣкъ изъ прислуги царицы, наши пажи, каммеръ-лакей, егерь его высочества и нѣкоторые другіе; затѣмъ вели восемь красивыхъ лошадей, и наконецъ ѣхали еще три кареты царицы, каждая въ шесть лошадей; въ первой сидѣлъ т. с. Бассевичъ съ каммергеромъ Нарышкинымъ, состоявшимъ при особѣ его высочества съ самой Риги; въ двухъ послѣднихъ находились прочіе наши кавалеры, по чинамъ. Лишь только я подъѣхалъ къ каретѣ герцога, его высочество подозвалъ меня и спросилъ, почему его кавалеры еще не выѣхали къ нему навстрѣчу? Я отвѣчалъ, что они не ожидали такъ скоро его высочества, однакожъ находятся уже за городомъ и будутъ имѣть честь встрѣтить его у конца проспекта, откуда далѣе ѣхать не могутъ, потому что въ карету ихъ запряжены только двѣ лошади. Его высочество былъ тѣмъ доволенъ и приказалъ мнѣ ѣхать поскорѣе къ назначенному для него дому и сказать полковнику Лорху, отправленному туда впередъ, чтобъ онъ не присылалъ платья, потому что его высочество намѣренъ переодѣться уже на квартирѣ. Тайный совѣтникъ Бассевичъ, замѣтивъ, что я уѣзжаю, послалъ за мною сво-

его скорохода узнать, куда я ѣду и, получивъ мой отвѣтъ, просилъ сказать также его каммердинеру, чтобъ онъ съ вещами оставался дома. Стремглавъ поскакалъ я къ полковнику и засталъ его за укладкой. Исполнивъ данное мнѣ приказаніе, я опять поѣхалъ навстрѣчу его высочеству, который, при стеченіи множества народа, подъѣзжалъ уже къ Адмиралтейству. Когда поѣздъ поравнялся съ Почтовымъ домомъ, съ крѣпости начали палить изъ всѣхъ пушекъ, что̀ продолжалось довольно долго. По прибытіи его высочества въ назначенный для него и вполнѣ меблированный домъ, о.-полиціймейстеръ Девьеръ и его провожатые откланялись, и полковникъ Лорхъ былъ посланъ извѣстить ихъ величества о пріѣздѣ герцога. Онъ засталъ государя и государыню въ церкви, гдѣ и исполнилъ возложенное на него порученіе. Вслѣдъ затѣмъ царица прислала къ его высочеству съ привѣтствіемъ одного изъ своихъ каммеръ-юнкеровъ. Послѣ того, едва успѣли мы одѣться въ парадное платье, какъ къ его высочеству явился съ поздравленіемъ отъ царя г.-м. Ягужинскій, съ которымъ, около полудня, герцогъ отправился въ баркѣ или гондолѣ, принадлежащей царицѣ, на другую сторону рѣки, въ Русскую слободу [1]) чтобы представиться ихъ величествамъ и поздравить ихъ съ нынѣшнимъ праздникомъ. Вышедъ изъ барки, мы отправились къ мѣсту, гдѣ совершалось въ присутствіи ихъ величествъ богослуженіе. Это мѣсто было прямо противъ новой Биржи, передъ церковью Св. Троицы [2]), на большой площади, гдѣ стояла обширная палатка съ алтаремъ внутри, передъ которымъ собралось все знатнѣйшее духовенство и совершало торжественную литургію. Шагахъ въ пятидесяти отъ алтаря стоялъ его величество царь, въ томъ самомъ одѣяніи, которое было на немъ въ день Полтавскаго сраженія, то-есть въ зеленомъ кафтанѣ, съ небольшими красными отворотами, поверхъ которыхъ была надѣта простая черная кожаная портупея. На ногахъ у него были зеленые чулки и старые изношенные башмаки. Въ правой рукѣ онъ держалъ пику, какъ полковникъ гвардіи, а лѣвою придерживалъ подъ мышкой старую, очень простую шляпу. Позади его стояли подполковники гвардіи: по правую сторону князь Меншиковъ, по лѣвую—генералъ Бутурлинъ, а за ними, въ три или четыре ряда, большое число оберъ-офицеровъ, всѣ съ пиками въ рукахъ и шляпами подъ мышкой. Какъ въ

---

[1]) Эта слобода называлась *Московскою Ямскою*, потому что туда были переведены на житье ямщики изъ разныхъ ямовъ. См. „Историч., географ. и топограф. описаніе С.-Петербурга". Рубана, стр. 186.

[2]) Церковь Св. Троицы построена въ 1710 году и была сначала деревянная. Въ ней совершались всѣ благодарственные молебны, и ее обыкновенно посѣщалъ Петръ Великій во время обѣдней и всенощныхъ. См. у Рубана, стр. 291—293.

день празднованія коронаціи, и теперь вся гвардія была въ сборѣ и стояла въ строю поодаль. Ея величество царица, съ вдовствующею царицею и всѣми придворными дамами, находилась въ это время на небольшомъ балконѣ, устроенномъ передъ входомъ въ церковь, и когда его королевское высочество проходилъ мимо, она привѣтствовала его самымъ милостивымъ поклономъ. Когда мы были шагахъ во ста отъ царя, его высочество остановился, чтобы не помѣшать богослуженію. Но лишь только его величеству былъ данъ знакъ, что мы здѣсь, онъ тотчасъ, отдавъ свою пику одному изъ офицеровъ, пошелъ на встрѣчу его высочеству и дружески его обнялъ; однакожъ послѣ того немедленно возвратился на свое прежнее мѣсто. Князь Меншиковъ и всѣ прочіе вельможи, стоявшіе по обѣ стороны палатки, подходили одинъ за другимъ и поздравляли его высочество съ счастливымъ пріѣздомъ. Такъ какъ тайный совѣтникъ Бассевичъ почти со всѣми былъ уже знакомъ, то они обращались къ нему съ необыкновеннымъ радушіемъ, особенно князь, давно знавшій его здѣсь и въ Штеттинѣ и чрезвычайно къ нему благоволившій. Богослуженіе, когда мы вошли, подходило уже къ концу, и при насъ продолжалось только нѣсколько времени пѣніе, изъ котораго я ничего не могъ понять. Послѣ того одинъ изъ духовныхъ началъ читать изъ книги въ золотомъ переплетѣ, которую другой держалъ передъ нимъ на бархатной подушкѣ. Въ продолженіе этого чтенія царь и всѣ присутствовавшіе (исключая иностранцевъ) стояли на колѣняхъ, и когда была пущена ракета, съ крѣпости послѣдовало три залпа изо всѣхъ пушекъ, которымъ отвѣчали орудія стоявшія за палаткою и вся гвардія — троекратнымъ бѣглымъ огнемъ изъ ружей, исполненнымъ со всевозможною точностью; наконецъ, стрѣляли также съ галеръ, расположенныхъ у берега. Когда все это кончилось и многочисленное духовенство, въ великолѣпныхъ облаченіяхъ, въ предшествіи распятія и восковыхъ свѣчъ, возвратилось въ церковь, начался обратный маршъ гвардіи, подъ предводительствомъ самого царя, какъ полковника, къ рѣкѣ, на которой стояли галеры, перевезшія его опять на другую сторону, гдѣ гвардія стояла лагеремъ. Послѣ царь подходилъ еще разъ къ его высочеству, приглашалъ его пріѣхать послѣ обѣда въ садъ и спрашивалъ, какъ ему понравились гвардейскіе полки. Его высочество, конечно, хвалилъ ихъ сколько могъ. Когда ея величество царица собралась ѣхать обратно во дворецъ, его высочество пошелъ къ ней на встрѣчу и, проводивъ ее до барки, откланялся и самъ поѣхалъ домой. На рѣкѣ, передъ царскимъ садомъ, стоялъ красиво-вызолоченный фрегатъ, украшенный сотнею или болѣе флаговъ и вымпеловъ, съ котораго палили изъ пушекъ во весь этотъ день.

Его выс—во обѣдалъ у посл. Штамке, и послѣ обѣда, когда Нарышкинъ доложилъ, что его в—во царь уже всталъ (онъ обыкновенно отдыхаетъ нѣсколько часовъ послѣ обѣда) и отправился въ садъ, герцогъ немедленно собрался со всею своею, довольно многочисленною, свитою и поѣхалъ въ той же самой баркѣ, которая до обѣда привезла его домой, къ маленькому каналу, примыкающему ко входу въ садъ. Когда мы вошли въ садъ, раздались чудные звуки трубъ, и вскорѣ мы увидѣли царя, шедшаго къ намъ на встрѣчу. Онъ обнялъ герцога и привѣтливо поклонился всѣмъ намъ; потомъ взялъ его высочество за руку и повелъ къ мѣсту, гдѣ находились ея величество царица, обѣ старшія принцессы, маленькій великій князь съ своею сестрою, вдовствующая царица съ дочерью, всѣ здѣшнія знатныя дамы и множество кавалеровъ. Всѣ были въ самыхъ парадныхъ костюмахъ, дѣлавшихъ собраніе особенно блестящимъ, и я никогда не видалъ вдругъ столько драгоцѣнныхъ камней, какъ при этомъ первомъ свиданіи его королевскаго высочества съ царскою фамиліею, или если видѣлъ, то развѣ только на аудіенціи Турецкаго посла въ Парижѣ, въ началѣ нынѣшняго года. Герцогъ поклонился сперва царицѣ, отвѣчавшей съ ласковою улыбкой на его поклонъ, потомъ принцессамъ. Такъ какъ царь въ это время куда-то удалился, то государыня съ четверть часа разговаривала съ его высочествомъ, но потомъ незамѣтно обратила рѣчь къ нашимъ министрамъ, давая тѣмъ случай герцогу сблизиться съ старшею принцессою. Онъ и началъ говорить съ нею, но оба были довольно застѣнчивы, такъ что если бъ на ихъ устахъ не пробѣгала по-временамъ легкая улыбка, то нельзя было бы и узнать, разговариваютъ они или нѣтъ. Когда ея величеству показалось, что для перваго раза этого довольно, она снова обратилась къ его высочеству. Тутъ подошелъ опять его величество царь, и государыня подала стаканъ вина сперва ему, потомъ его высочеству и наконецъ т. с. Бассевичу и Геспену. Послѣ того царь показывалъ герцогу садъ, птичникъ, въ которомъ было множество прекрасныхъ рѣдкихъ птицъ, и красивый гротъ, несовсѣмъ еще отдѣланный; наконецъ, они сѣли вмѣстѣ съ нѣкоторыми вельможами за столъ, и его величество провозгласилъ тостъ, который его высочество долженъ былъ принять, но за тѣмъ получилъ свободу пить столько вина или воды, сколько ему было угодно.

По уходѣ царя, князь Меншиковъ долженъ былъ занимать его высочество. Т. с. Бассевичъ пошелъ въ это время съ царемъ на лугъ (nach der Pleine), гдѣ принужденъ былъ пить простое вино. Между тѣмъ ген. Ягужинскій напомнилъ его высочеству, что теперь пора просить царя о дарованіи свободы взятому подъ Полтавою въ

плѣнъ графу Бонде, который, по желанію его высочества и по просьбѣ ген. Ягужинскаго, привезенъ былъ къ здѣшнему двору изъ Москвы. Онъ принадлежалъ къ одной изъ знатнѣйшихъ Шведскихъ фамилій, почему герцогъ и хотѣлъ сдѣлать удовольствіе Шведамъ, въ особенности своимъ приверженцамъ*). За нимъ тотчасъ послали, и когда онъ явился, герцогъ представилъ его царю, находившемуся въ это время въ небольшой пріятной аллеѣ, гдѣ стояла превосходная мраморная статуя *Вѣры* (Fides), съ покрытымъ лицомъ, и просилъ даровать ему свободу, на что̀ его величество сейчасъ же и согласился. Его высочество много благодарилъ за такую милость, равно и графъ Бонде, цѣловавшій у царя руки и по́лы кафтана. Такъ какъ не нашлось подъ рукою лишней шпаги, то его высочество, забывшись отъ большой радости, снялъ свою собственную и отдалъ графу, тогда какъ ему слѣдовало поднести ее сперва царю, который взялъ шпагу Ягужинскаго и подалъ графу, послѣ чего послѣдній возвратилъ взятую имъ отъ его высочества.

Около девяти часовъ, когда вынесли вонъ столы, уставленные сластями, начались танцы въ той же галереѣ, гдѣ танцовали въ день празднованія коронаціи. Его величество царь съ царицею, его высочество съ старшею принцессою и князь Меншиковъ съ младшею, открыли балъ Нѣмецкимъ танцемъ, послѣ котораго его высочество танцовалъ съ старшею принцессою менуэтъ. Потомъ танцовали: они же съ ген. Ягужинскимъ, младшая принцесса сперва съ нимъ, потомъ съ его высочествомъ, его высочество съ одною изъ дамъ, и такъ какъ общество было многочисленно, то танцы продолжались до двѣнадцатаго часа ночи. Но его величество царь, тотчасъ послѣ перваго танца (то-есть перваго менуэта, который его высочество танцовалъ съ старшею принцессою) удалился къ мущинамъ. Около двѣнадцати часовъ зажгли фейерверкъ, устроенный передъ самою галереею на нѣсколькихъ, для того приготовленныхъ, большихъ баркахъ. Между прочимъ горѣло изображеніе человѣка съ бороною (Egge) на головѣ для защиты отъ дождя и съ Русскою надписью наверху: *Дурное прикрытіе*. Нѣкоторые думали, что это намёкъ на Англійскую эскадру, высланную для прикрытія Швеціи. Покамѣстъ горѣлъ этотъ девизъ, было пущено множество ракетъ, водяныхъ шаровъ и маленькихъ бомбъ или бураковъ. Во все время фейерверка подлѣ меня стоялъ нѣкто Бюлау, о которомъ я еще въ Парижѣ читалъ въ газе-

*) Герцогъ, родной племянникъ, по матери своей, Карла XII-го воспитавшійся въ Швеціи у своей бабки, имѣлъ право на престолъ Шведскій, занятый въ то время теткою его, которая вышла замужъ за принца Гессенъ-Кассельскаго. Подробности см. въ Запискахъ Бассевича въ „Русскомъ Архивѣ" 1865 года. П. Б.

тахъ, что онъ, по контракту, заключенному съ царемъ, взялся зажигать корабли на разстояніи тысячи шаговъ, пускать пушечныя ядра на версту и болѣе и дѣлать множество другихъ неслыханныхъ опытовъ съ порохомъ. Царь письменно обѣщался за исполненіе всего этого выплатить ему тотчасъ же восемьдесятъ тысячъ червонцевъ. Этотъ баронъ Бюлау завязалъ со мною разговоръ, смѣялся надъ фейерверкомъ и увѣрялъ, что хотя въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ онъ знаетъ, такой фейерверкъ не больше, какъ дѣтская игрушка, однакожъ и ту заимствовали у него. Я всячески старался поблаговиднѣе отдѣлаться отъ несноснаго болтуна, который говоритъ безъ умолку, особенно когда бываетъ пьянъ, и наконецъ успѣлъ отвязаться отъ него, заговоривъ съ однимъ изъ моихъ пріятелей, тутъ же стоявшимъ. Но только что я обратился къ другому, онъ подошелъ къ князю Меншикову, который стоялъ близко отъ насъ, и началъ съ нимъ толковать. Князь, зная его характеръ, также искалъ поскорѣе развязаться съ нимъ; однакожъ, не смотря на то, скоро вовлекся въ споръ и долженъ былъ выслушать много пустыхъ словъ, за которыя десятеро другихъ могли бы попасть въ Сибирь; но князь не обращалъ на нихъ вниманія, слѣдуя примѣру царя, который все спускаетъ этому человѣку, пока не окончилось его предпріятіе. Говорятъ, однакоже, что въ этотъ день, не смотря на такое терпѣніе царя, онъ сильно разсердилъ его величество тѣмъ, что во время разговора не давалъ выговорить ему ни одного слова и не обращалъ никакого вниманія на многократную просьбу замолчать хоть на секунду и выслушать отвѣтъ, такъ что государь плюнулъ ему наконецъ въ лицо и удалился. Царица съ дамами оставалась въ саду до конца фейерверка, но принцессъ, по причинѣ вечерней прохлады, давно уже не было. Такъ кончилось празднованіе Полтавскаго сраженія, и мы разошлись всѣ по домамъ.

28. Его высочество произвелъ графа Бонде въ полковники и генералъ-адъютанты. Графъ принадлежитъ къ одной изъ древнѣйшихъ фамилій въ Швеціи и довольно богатъ; онъ имѣлъ брата и сестру при Шведскомъ дворѣ, которые были очень привержены къ его высочеству, но его самого герцогъ до сихъ поръ не зналъ, потому что онъ находился ужъ 12 лѣтъ въ плѣну, а передъ тѣмъ долго путешествовалъ по Франціи и Германіи. Замѣчательно, что онъ получилъ свободу въ тотъ самый день, въ который за 12 лѣтъ попался въ плѣнъ въ Полтавскомъ сраженіи, будучи капитаномъ лейбъ-регимента и адъютантомъ фельдмаршала Реншильда.—Его высочество приказалъ мнѣ объявить, чтобъ я всегда, когда онъ будетъ кушать не дома, стоялъ у стола, подавалъ супъ и потомъ удалялся. Но это распоряженіе, по представленію т. с. Бассевича, было оставлено и замѣнено

слѣдующимъ порядкомъ для нашихъ кавалеровъ: всякій день трое должны находиться на дежурствѣ и оставаться въ покояхъ его высочества, когда онъ дома, и всюду слѣдовать за нимъ, когда онъ выѣзжалъ со двора,—одинъ какъ генералъ-адъютантъ, другой какъ камеръ-юнкеръ, третій какъ гофъ-юнкеръ. Генералъ-адъютантами были графъ Бонде, дѣйствительнымъ, и полковникъ Лорхъ исправляющимъ эту должность; но камеръ-и гофъ-юнкеровъ было только двое, именно Геклау и я; поэтому подполковнику Сальдерну приказали замѣнить камеръ-юнкера, а маіору Эдеру гофъ-юнкера. Послѣдній только послѣ моего отъѣзда изъ Ревеля пріѣхалъ туда изъ Вѣны, гдѣ въ прошедшемъ году принятъ его высочествомъ въ нашу службу; до тѣхъ поръ онъ служилъ въ Австріи кирасирскимъ ротмистромъ. Только изъ Риги, какъ я слышалъ, получилъ онъ приказаніе ѣхать сюда. Графъ Бонде, к.-ю. Геклау и я остались вмѣстѣ, а трое другихъ начали въ этотъ день въ первый разъ свое дежурство. Генералъ-адъютантъ, по прочтеніи пажемъ молитвы, принималъ отъ его высочества шляпу, а камеръ-юнкеръ подавалъ ему стулъ, позади котораго оставался вмѣстѣ съ гофъ-юнкеромъ до тѣхъ поръ, пока его высочество не выпилъ (?) и не подалъ имъ знака отойти, послѣ чего камеръ-юнкеръ прислуживалъ государю по заведенному порядку. Другой камеръ-юнкеръ, не дежурный, сидѣлъ за столомъ вмѣстѣ съ прочими, но долженъ былъ постоянно накладывать и подавать кушанья. Когда отобѣдали, пажъ подаетъ шляпу полковнику, который подноситъ ее его высочеству. По уходѣ герцога въ свои покои, кушанье немного разогрѣвали, и дежурные, вмѣстѣ съ другими придворными служителями, садились за тотъ же столъ.

29. Въ день св. Петра и Павла было тезоименитство царя, которое здѣсь почти болѣе празднуется, чѣмъ день его рожденія. Около 11 часовъ утра его высочество съ камергеромъ Нарышкинымъ и со всею своею свитою отправился въ длинную галерею, находящуюся въ аллеѣ, которая ведетъ къ царскому саду. Тамъ они остались и ожидали его величество царя, который скоро приплылъ на верейкѣ съ противоположной стороны, изъ церкви, при пушечной пальбѣ съ крѣпости. Когда царь подъѣхалъ къ галереѣ, его высочество, съ иностранными министрами и нѣкоторыми изъ нашей свиты, сошелъ внизъ по маленькой лѣстницѣ, ведущей къ водѣ, и встрѣтилъ его величество, который, по своему обыкновенію, тотчасъ нѣжно обнялъ и поцѣловалъ его, поблагодаривъ за поздравленіе. Отсюда царь пошелъ скорыми шагами (такъ, что немногіе поспѣвали за нимъ) къ площадкѣ противъ галереи, гдѣ стояла въ строю вся гвардія, какъ въ день праздкованія коронаціи. Послѣ перваго залпа изъ ружей онъ хотѣлъ

поспѣшно удалиться: вѣроятно, ему или очень хотѣлось кушать (такъ какъ онъ обыкновенно обѣдаетъ въ 11 часовъ), или онъ былъ занятъ какими-нибудь мыслями и забылъ про обычный порядокъ, по которому эти залпы повторялись три раза. Но князь Меншиковъ побѣжалъ за нимъ и спросилъ, не угодно ли ему будетъ остаться до окончанія стрѣльбы. Тогда царь воротился, выждалъ, пока все кончилось, и ушелъ, попросивъ его высочество опять пріѣхать въ садъ послѣ обѣда. Уходя, онъ сильно трясъ головой и подымалъ плечи, что̀ было признакомъ, что мысли его заняты чѣмъ-нибудь и что онъ въ дурномъ расположеніи духа. Его высочество, поэтому, тотчасъ отправился домой и смотрѣлъ изъ окна на гвардейскіе полки, проходившіе съ громкою музыкой мимо его дома. Мнѣ очень хотѣлось знать, какъ офицеры отдадутъ честь его высочеству; но они не салютуютъ никому, не исключая и царя, а потому только наклонили немного впередъ свои пики и потомъ сняли шляпы; гренадерскіе же офицеры только прикоснулись къ своимъ. Послѣ обѣда его высочество опять отправился въ царскій садъ со всѣми своими кавалерами, въ парадныхъ платьяхъ. При входѣ туда мы услышали обыкновенную музыку—трубы, которыя привѣтствовали его высочество. Въ саду не было еще ни царя, ни царицы, ни принцессъ; поэтому герцогъ пошелъ въ красивую рощицу передъ царскимъ дворцомъ, гдѣ мы нашли множество дамъ, ожидавшихъ, какъ и мы, выхода царицы. При появленіи его высочества онѣ встали и, несмотря на всѣ его просьбы, никакъ не хотѣли опять сѣсть. К.-юнк. Балкъ и царскій камергеръ Нарышкинъ представляли ихъ герцогу, желавшему съ ними немного познакомиться. Хотя многія изъ нихъ говорили по-нѣмецки, однакоже почти всѣ притворялись, что не понимаютъ этого языка и еще менѣе въ состояніи говорить на немъ, и отвѣчали всякій разъ, когда къ нимъ обращались: *не знаю, не понимаю* (nisnay). Старшая Головкина была одна изъ тѣхъ, которыя довольно свободно и хорошо говорятъ по-нѣмецки; другихъ же дамъ, хорошо знающихъ этотъ языкъ и изъ которыхъ многія Шведки и Нѣмки, въ этотъ разъ не было ни одной. Наконецъ царица вышла, и его высочество поспѣшилъ къ ней навстрѣчу съ привѣтствіями. Съ нею вышли и принцессы, прекрасно одѣтыя, особенно старшая, на которой было желтое, богато вышитое платье. Его высочество гулялъ съ ними нѣсколько времени по саду, а когда царь возвратился съ луга, гдѣ, какъ и въ предшествовавшія празднества, стояла гвардія, которую его величество, по обыкновенію своему, угощалъ водкою, онъ пошелъ съ нимъ къ тому мѣсту, гдѣ министры и другія знатныя особы сидѣли за стаканомъ вина и курили табакъ. Ея величество царица, узнавъ, какъ легко и охотно согласился царь въ

день празднованія Полтавской побѣды на просьбу его высочества возвратить свободу графу Бонде, и желая такимъ же образомъ помочь одной особѣ, приказала освѣдомиться, не согласится ли герцогъ для нея исходатайствовать у царя свободу и прощеніе еще одному плѣннику, присовокупивъ, что, съ своей стороны, она увѣрена, что его величество царь не откажетъ въ этой просьбѣ. Его высочество, конечно, никакъ не могъ отказаться сдѣлать угодное государынѣ, тѣмъ болѣе, что она сама хотѣла навести его на удобный случай заговорить объ этомъ съ царемъ, и потому обѣщалъ употребить все стараніе для исполненія ея воли. Особа эта — Шведскій графъ Дугласъ, который хотя и находился нѣсколько времени въ плѣну въ Россіи, однакожъ скоро былъ освобожденъ царемъ и сдѣланъ губернаторомъ всей Финляндіи. Незадолго онъ имѣлъ несчастіе заколоть въ собственномъ своемъ домѣ одного Русскаго капитана, который, если не ошибаюсь, служилъ въ гвардіи; вслѣдствіе того его арестовали и привезли сюда. На военномъ судѣ, состоявшемъ изъ четырехъ членовъ, именно двухъ иностранныхъ и двухъ Русскихъ офицеровъ, первые приговорили его къ аресту на извѣстное время, на томъ основаніи, что убитый имъ капитанъ оскорбилъ его и напалъ на него въ его домѣ; но оба Русскіе присудили его къ смерти, говоря, что если капитанъ и напалъ на него, то напалъ въ его домѣ, гдѣ Дугласъ, какъ полный хозяинъ, легко могъ, при помощи постоянно находившагося у него караула, арестовать виновнаго или выгнать его вонъ, вовсе не имѣя надобности прибѣгать къ убійству. Не смотря на справедливость такого приговора въ глазахъ безпристрастныхъ людей, царь былъ до того милостивъ къ графу, что приказалъ только на три недѣли арестовать его и заставить работать въ саду царицы, по истеченіи же этого срока освободить. Наказаніе, слѣдовательно, было такъ легко, какъ только могъ желать подсудимый. Но этотъ графъ никогда не бывалъ доволенъ оказываемою ему милостью и всегда хотѣлъ еще большей, хотя не разъ убѣждался, что съ нимъ поступали милостивѣе, чѣмъ онъ заслуживалъ. Точно такъ онъ былъ недоволенъ и въ этотъ разъ: приговоренный, противъ всякаго ожиданія, къ столь умѣренному наказанію, онъ началъ хлопотать черезъ своихъ родныхъ и знакомыхъ, въ особенности черезъ семейство Балкъ, очень любимое царицею, о полученіи полной свободы; а какъ государыня вообще чрезвычайно милостива и сострадательна, особенно къ Шведамъ, то и приняла въ немъ живое участіе. Герцогъ только что хотѣлъ идти къ ея величеству и переговорить съ нею о томъ какъ лучше начать дѣло, какъ встрѣтилъ ген. Ягужинскаго, къ которому онъ, равно какъ и тайный совѣтникъ Бассевичъ, имѣетъ неограниченное довѣріе. Его вы-

4*

сочество тотчасъ же разсказалъ ему о желаніи царицы, но генералъ зналъ уже обо всемъ отъ нея самой. Желая искренно добра его высочеству, онъ говорилъ, что не совѣтуетъ исполнять эту просьбу, которая можетъ повлечь за собою непріятныя послѣдствія. Но такъ какъ герцогъ не находилъ средства поблаговиднѣе уклониться отъ возложеннаго на него порученія, то Ягужинскій просилъ предоставить дѣло ему, и обѣщалъ все такъ устроить, что государыня не захочетъ болѣе настаивать на своемъ намѣреніи и, кромѣ того, не замѣтитъ, что они сговорились, или что его высочество неохотно исполняетъ ея желаніе. Они пошли вмѣстѣ къ царицѣ, и когда она опять заговорила о своей просьбѣ, генералъ началъ представлять ей, какъ дурны могутъ быть послѣдствія, если его высочество, испросивъ только за два дня свободу графу Бонде, снова станетъ подобною же просьбою утруждать царя, тѣмъ болѣе, что всѣмъ извѣстно, какъ милостивъ былъ его величество съ этимъ Дугласомъ и какъ недовольны остались Русскіе избавленіемъ его отъ смертной казни, замѣненной весьма легкимъ наказаніемъ, неудовольствіе, которое еще болѣе усилится, когда они узнаютъ, что онъ совершенно освобожденъ по просьбѣ его высочества. Къ этому онъ прибавилъ еще, что удивляется желанію Дугласа освободиться отъ такого незначительнаго наказанія, какъ его краткій арестъ, который вовсе не позоренъ и послѣ котораго, какъ онъ очень хорошо знаетъ, царь возвратитъ ему прежнюю должность, что три недѣли нетрудной работы не изнурятъ его и не лишатъ хорошей пищи и питья; что онъ, Ягужинскій, увѣренъ, впрочемъ, въ полной готовности его высочества ходатайствовать за арестанта, если это только непремѣнно угодно ея величеству; но что, наконецъ, еще вопросъ, согласится ли царь исполнить такую просьбу, и можетъ ли онъ исполнить ее благовиднымъ образомъ. Государыня вполнѣ согласилась съ генераломъ и приказала оставить это дѣло.—Погулявъ немного въ саду съ ея величествомъ, его высочество пошелъ въ галерею, гдѣ обыкновенно танцуютъ, и когда царь также туда пришелъ, начали танцовать какъ въ послѣдній разъ, то-есть царь съ царицею, его высочество съ старшею принцессою, а князь Меншиковъ съ младшею. По окончаніи этого веселаго танца, выбирали нѣкоторыхъ изъ нашихъ кавалеровъ, въ томъ числѣ и меня, а потомъ я имѣлъ еще честь танцовать съ младшею принцессою Англійскій танецъ. Послѣ бала, продолжавшагося довольно долго, всѣ отправились до домамъ, и мы радовались, что можемъ отдохнуть послѣ всѣхъ этихъ празднествъ. Въ этотъ день графъ Бонде, камеръ-юнкеръ Геклау и я въ первый разъ были дежурными при его высочествѣ.

30. Князь Меншиковъ и большая часть министровъ и Русскихъ вельможъ были съ визитами у его высочества, который принималъ каждаго по чину. Послѣ обѣда царь прислалъ просить его высочество пріѣхать въ Адмиралтейство *). Въ этотъ день я не былъ дежурнымъ и, къ несчастію, ушелъ со двора, пропустивъ такимъ образомъ удобный случай побывать тамъ. Послѣ я сожалѣлъ о томъ еще болѣе, узнавъ, что его величество царь самъ водилъ вездѣ его высочество и показывалъ ему все до малѣйшей подробности. Бывшіе съ его высочествомъ превозносили необыкновенный порядокъ, въ которомъ содержится тамъ множество большихъ и мелкихъ вещей, необходимыхъ для кораблестроенія. Всѣ онѣ тамъ же и приготовляются. Не смотря на то, что Русскій флотъ состоитъ изъ тридцати слишкомъ линейныхъ кораблей и снабженъ всѣмъ въ изобиліи, въ Адмиралтействѣ собрано, говорятъ, такое количество матеріаловъ, что можно снарядить еще почти такой же флотъ.

Іюль. 1. Нашъ придворный проповѣдникъ Ремаріусъ въ первый разъ говорилъ въ Петербургѣ проповѣдь. Послѣ обѣда пріѣхалъ въ Почтовый домъ т. с. Клаусенгеймъ съ капитаномъ Шульценомъ; я тотчасъ побѣжалъ туда и прежде другихъ имѣлъ честь привѣтствовать его. Онъ выѣхалъ изъ Гамбурга 16(5) Іюня, но принужденъ былъ почему-то пробыть 8 дней въ Данцигѣ. Мы отправились было вмѣстѣ къ дому его высочества, но недалеко отъ Почтоваго дома встрѣтили самого герцога, который уже узналъ какъ-то о пріѣздѣ тайнаго совѣтника и спѣшилъ къ нему навстрѣчу. Тайный совѣтникъ поцѣловалъ ему руку, а онъ, схвативъ его за голову, разцѣловался съ нимъ и, казалось, былъ очень обрадованъ его пріѣздомъ. Не смотря на дождь и дурную погоду, его высочество пошелъ съ нимъ въ Почтовый домъ, откуда тотчасъ приказалъ перенести его вещи на свою квартиру, гдѣ для тайнаго совѣтника уже было приготовлено нѣсколько комнатъ. Покамѣстъ они разговаривали, подъѣхалъ т. с. Бассевичъ, бывшій у князя Меншикова. Его высочество, узнавъ, что князь еще дома, поѣхалъ къ нему съ обоими тайными совѣтниками и еще нѣсколькими кавалерами своей свиты. Мы отправились на гондолѣ, которая, вмѣстѣ съ двумя верейками, дана была герцогу царемъ и всегда стояла на каналѣ противъ его дома. Она была красиво вызолочена и украшена разною рѣзьбою; устроенная въ ней комната, гдѣ лежали бархатныя подушки, обшитыя галуномъ, могла вмѣщать семь человѣкъ и завѣшивалась снаружи, во всю длину, зеленымъ бархатомъ съ богатою

*) Адмиралтейство заложено въ 1705 году и сначала было мазанковое. См. о немъ подробнѣе у Рубана, стр. 66—70.

золотою бахромою; 10 гребцовъ и квартирмейстеръ или кормчій имѣли красные камзолы съ широкою серебряною оторочкою, и т. д. Когда мы подъѣхали къ дому князя, обширнѣйшему и великолѣпнѣйшему во всемъ Петербургѣ, но отъ насъ очень отдаленному [1]), князь встрѣтилъ насъ внизу у крыльца и отсюда повелъ черезъ прекрасный большой залъ въ свою пріемную комнату, гдѣ сѣлъ съ его высочествомъ, представившимъ ему г-на Клауссенгейма, и съ обоими тайными совѣтниками. За нами вошелъ туда и осьмилѣтній его сынъ, котораго онъ поспѣшилъ представить нашему герцогу. Тайные совѣтники встали, когда увидѣли, что маленькій князь не садится; почему его высочество просилъ князя приказать ему сѣсть; но тотъ, съ своей стороны, упрашивалъ тайныхъ совѣтниковъ не церемониться и говорилъ, что сынъ его еще очень молодъ. Послѣ того онъ послалъ его распорядиться, чтобы подали вина (то было превосходное Венгерское) и велѣлъ ему самому подносить его всѣмъ намъ. Немного спустя, князь сталъ приглашать герцога къ себѣ къ обѣду на другой день, въ Воскресенье; но такъ какъ его высочество обыкновенно въ этотъ день постится, то и просилъ назначить другое время, присовокупивъ впрочемъ, что если князю угодно, онъ можетъ и отложить свой постъ. Князь назначилъ однако вмѣсто Воскресенья Понедѣльникъ, и его высочество обѣщалъ ему быть. Когда мы собрались ѣхать домой, хозяинъ проводилъ насъ только до крыльца своего дома; его высочество никакъ не хотѣлъ допустить его идти съ нами до воды. На возвратномъ пути я съ удивленіемъ смотрѣлъ на выстроенные вдоль канала новые великолѣпные дома, изъ которыхъ одинъ былъ красивѣе другого.

2. Послѣ обѣда, пріѣзжалъ въ его высочеству князь Меншиковъ и еще разъ приглашалъ его къ себѣ на обѣдъ на слѣдующій день. Посидѣвъ немного у герцога и выпивъ стакана два вина, онъ откланялся, и его высочество проводилъ его до передней [2]).

3. Его высочество поѣхалъ къ князю Меншикову въ 11 часовъ утра, потому что тамъ хотѣлъ быть царь, который обыкновенно кушаетъ въ это время. Изъ опасенія, что у князя будетъ слишкомъ много гостей, его высочество приказалъ мнѣ остаться дома, и потому я не знаю хорошенько, чтò тамъ происходило. Но я слышалъ послѣ отъ г. Геклау, который былъ на этомъ обѣдѣ, что ихъ угощали необыкновенно роскошно: подавали страшное множество блюдъ и три раза

[1]) „Каменный большой домъ князя Меншикова зачатъ строиться 1710 году, онаго съ лица поперешнику 57 саженъ. . . .“ Рубанъ, стр. 164. Онъ былъ на Васильевскомъ острову, на мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится Первый Кадетскій Корпусъ.

[2]) По Запискамъ Бассевича видно, что у князя Меншикова, долго находившагося съ Русскими полками въ сѣверной Германіи, были съ Голштинцами свои счеты. П. Б.

вновь накрывали на столъ. Извѣстно, что нигдѣ въ Петербургѣ такъ хорошо не обѣдаютъ, какъ у князя. Общество, говорятъ, было у него очень многочисленно: кромѣ его высочества, были царь, царица и много дамъ и кавалеровъ. Послѣ обѣда гости осматривали домъ, въ которомъ множество прекрасныхъ комнатъ; потомъ ходили въ садъ, считающійся, послѣ царскаго, обширнѣйшимъ и лучшимъ въ Петербургѣ. Его высочество возвратился домой очень веселый.

4. Около полудня, меня послали къ великому адмиралу Апраксину, близкому родственнику царя [1]), предувѣдомить о пріѣздѣ къ нему его высочества. Онъ только что отобѣдалъ, когда я подъѣхалъ къ его дому [2]), откуда мнѣ еще издали слышались звуки столовой музыки, состоявшей изъ литавръ и трубъ. Какъ скоро я нашелъ человѣка, который могъ меня понять и доложить обо мнѣ, великій адмиралъ приказалъ ввести меня въ свой кабинетъ, гдѣ было множество гостей, изъ которыхъ я ни съ кѣмъ не былъ знакомъ, кромѣ г.-л. Бонне и г.-м. Лефорта, служившаго прежде бригадиромъ въ дивизіи моего покойнаго отца. Зная, что адмиралъ не говоритъ по-нѣмецки, я сталъ искать глазами переводчика, и такъ какъ никого не находилъ, то Лефортъ самъ вызвался быть имъ и просилъ меня сказать, въ чемъ состоитъ мое порученіе, что̀ я и сдѣлалъ, поблагодаривъ его за такую дружескую готовность. Въ отвѣтъ на мои слова великій адмиралъ просилъ благодарить герцога за честь, которую его высочеству угодно сдѣлать ему своимъ высокимъ посѣщеніемъ, пріятнымъ для него во всякое время. Послѣ того генералъ-маіоръ спросилъ меня, когда будетъ его высочество, и я отвѣчалъ, что, вѣроятно, въ половинѣ четвертаго или въ четыре часа; но онъ далъ мнѣ замѣтить, что великій адмиралъ обыкновенно отдыхаетъ часа два послѣ обѣда, изъ чего я и понялъ, что пріѣхать къ нему до четырехъ часовъ будетъ неловко. Будучи хорошо знакомъ со мною, генералъ-маіоръ представилъ меня великому адмиралу, который зналъ моего покойнаго отца и, казалось, былъ радъ меня видѣть. По его приказанію мнѣ тотчасъ подали стаканъ вина, который я выпилъ за его здоровье. Потомъ онъ самъ и всѣ гости пили за здоровье его королевскаго высочества. Наконецъ я откланялся и отправился домой. Около четырехъ часовъ его высочество поѣхалъ къ нему въ одной изъ каретъ ея величества царицы, имѣя подлѣ себя молодого графа Пушкина, замѣнявшаго уже нѣсколько дней Нарышкина, которой заболѣлъ. Мы ѣхали позади въ нѣсколькихъ придворныхъ каретахъ. При въѣздѣ нашемъ во дворъ, раздались чуд-

---

[1]) Великій адмиралъ Апраксинъ былъ родной братъ царицы Марѳы Матвѣевны, второй супруги царя Ѳеодора Алексѣевича.

[2]) На мѣстѣ нынѣшняго Зимняго дворца. П. Б.

ные звуки литавръ и трубъ, и вслѣдъ за тѣмъ вышелъ самъ великій адмиралъ и принялъ его высочество у кареты. Они поцѣловались и вошли въ одну изъ ближайшихъ комнатъ, гдѣ уже накрытъ былъ столъ, уставленный сластями и фруктами, для которыхъ тутъ же были поставлены прекрасныя серебряныя вызолоченныя тарелки и положены такіе же ложки, вилки и ножи. Его высочество сѣлъ за этотъ столъ съ великимъ адмираломъ и нашими тайными совѣтниками. Мы, прочіе свитскіе кавалеры, оставались сперва въ сторонѣ; но потомъ, по убѣдительной просьбѣ адмирала, приказано было и намъ сѣсть съ ними. Уже начали было сильно пить, но къ счастію это продолжалось недолго: скоро всѣ встали и пошли смотрѣть недавно разведенный хозяиномъ садъ, очень красивый и имѣющій много большихъ аллей. Адмиралъ показывалъ намъ между прочимъ и свою оранжерею, которая невелика, но очень недурна. Т. с. Клауссенгеймъ немало удивлялся, что группы деревьевъ въ этомъ саду, не смотря на отдаленный Сѣверъ, разрослись такъ скоро въ ширину и въ вышину; но это былъ родъ деревьевъ въ нашихъ странахъ, кажется, неизвѣстный: листья ихъ похожи на виноградные. Покамѣстъ мы гуляли по саду и издали слушали въ аллеяхъ музыку на трубахъ и валторнахъ (которая шла превосходно, потому что одинъ изъ трубачей, говорятъ, лучшій во всемъ Петербургѣ), на галереѣ, устроенной передъ домомъ со стороны сада, накрыли небольшой столъ на 8 или на 10 приборовъ, за который сѣли его высочество, великій адмиралъ и нѣкоторые кавалеры нашей свиты. Полковникъ Лорхъ, который ужасно боится попоекъ, хотѣлъ незамѣтно ускользнуть; но великій адмиралъ, замѣтивъ это, тотчасъ послалъ за нимъ двухъ изъ своихъ адъютантовъ и велѣлъ привести его назадъ. Такъ какъ за столомъ для него не было мѣста, то хотѣли сѣсть потѣснѣе; но полковникъ воспротивился этому и сказалъ, что помѣстится за другой столъ (только что поставленный), гдѣ и сѣлъ вмѣстѣ съ Геклау, со мною и нѣсколькими флотскими офицерами, все Русскими, изъ которыхъ, впрочемъ, одинъ говорилъ довольно хорошо по-французски. Подполковникъ Сальдернъ и маіоръ Эдеръ, бывшіе въ этотъ разъ дежурными, стояли все время позади его высочества и думали, что избавятся отъ обязанности пить (они знали уже, что у великаго адмирала обыкновенно пьютъ много); но и имъ пришлось выпить по нѣскольку стакановъ. Сосѣдъ мой, полковникъ Лорхъ, щадя себя, бралъ не всѣ стаканы; великій адмиралъ (неусыпно за всѣмъ смотрѣвшій) скоро замѣтилъ это и немного нахмурился, потому что его высочество самъ пилъ все и вообще пить никто не отказывался. Но когда и послѣ того полковникъ еще разъ не рѣшался пить и половину стакана вылилъ, адмиралъ всталъ съ своего мѣста

и подошелъ къ нему съ новымъ стаканомъ вина, который тотъ хотя и принялъ, однако выпить колебался и поставилъ на столъ. Тогда великій адмиралъ поднялъ вверхъ обѣ руки и согнулъ колѣна, какъ бы показывая тѣмъ, что проситъ его умилостивиться, чему всѣ отъ души начали смѣяться, потому что добрый и веселый старичокъ сдѣлалъ при этомъ такую странную мину! Герцогъ между тѣмъ незамѣтно подалъ знакъ полковнику выпить вино, что́ тотъ и исполнилъ, но съ большимъ отвращеніемъ, а великій адмиралъ испустилъ такое радостное а! какъ будто Богъ знаетъ что́ случилось. Послѣ того, когда было роспито еще нѣсколько стакановъ, тайный совѣтникъ Бассевичъ провозгласилъ тостъ за здоровье всѣхъ храбрыхъ солдатъ, а великій адмиралъ отвѣчалъ тостомъ за здоровье хорошихъ министровъ. Однимъ словомъ, мы нигдѣ еще въ Петербургѣ такъ много не пили, какъ здѣсь; и надобно отдать справедливость великому адмиралу: едва ли найдется во всемъ городѣ хозяинъ радушнѣе и пріятнѣе его. Первый нашъ визитъ былъ поэтому не Французскій, а даже больше, чѣмъ обыкновенный Нѣмецкій, потому что продолжался 4 или 5 часовъ.

5. Утромъ, маіоръ Эдеръ былъ посланъ къ великому канцлеру Головкину и вице-канцлеру Шафирову съ увѣдомленіемъ о посѣщеніи ихъ его высочествомъ. Послѣ обѣда мы отправились на баркѣ (потому что они оба живутъ по ту сторону рѣки и недалеко другъ отъ друга), сперва къ великому канцлеру, домъ котораго былъ дальше [1]). Внизу у моста насъ встрѣтилъ одинъ изъ его сыновей [2]), который говоритъ по-нѣмецки и только недавно окончилъ свои путешествія. Послѣ того, на возвышеніи передъ домомъ, заиграли на трубахъ, уже слышанныхъ нами день передъ тѣмъ у великаго адмирала (которому онѣ и принадлежали). Признаюсь, при этомъ воспоминаніи мнѣ сдѣлалось немножко страшно: я боялся, что опять будутъ пить по вчерашнему. Однакожъ все обошлось сухо и хорошо. На крыльцѣ, внизу, у входныхъ дверей, великій канцлеръ самъ встрѣтилъ его высочество и повелъ насъ въ одну изъ комнатъ, гдѣ главнѣйшимъ украшеніемъ былъ длинный бѣлокурый парикъ, повѣшенный тамъ, впрочемъ, только для виду,—хозяинъ, изъ непомѣрной скупости, ни-

---

[1]) Домы графа Гаврила Ивановича Головкина и барона Петра Павловича Шафирова, каменные, были на Петербургской сторонѣ, на берегу Большой Невки, недалеко отъ впаденія ея въ Неву. См. у Рубана, стр. 158 и 160. О домѣ барона Шафирова тамъ между прочимъ сказано: „Въ сихъ палатахъ первое свое начало возъимѣла Императорская Академія Наукъ въ 1726 году и первое свое публичное собраніе въ нихъ учинила, при присутствіи самой Ея Императорскаго Величества Екатерины Алексѣевны Первыя, со всею высочайшею фамиліею и всего Сѵнода, Сената и генералитета собраніемъ“.

[2]) Меньшой сынъ канцлера, графъ Михаилъ Гавриловичъ, бывшій впослѣдствіи вице-канцлеромъ и кабинетъ-министромъ.

когда его не носитъ. Я думаю, что этотъ парикъ, противъ его воли, привезенъ ему сыномъ или подаренъ кѣмъ-нибудь, потому что самъ онъ, судя по тому, что̀ я о немъ слышалъ, никакъ не рѣшился бы пріобрѣсть его и, еще менѣе, износить. Канцлеръ высокаго роста, но очень худъ. Одѣтъ онъ всегда какъ нельзя хуже: большею частію на немъ бываетъ старомодный коричневый кафтанъ. О скупости его можно бы много разсказать; меня увѣряли, что если онъ не превосходитъ «Скупаго» во Французской комедіи, то по крайней мѣрѣ и не уступаетъ ему. У него есть старая жена, которая, говорятъ, еще скупѣе его, и двѣ очень милыя дочери. Изъ нихъ старшая высока ростомъ и сложена прекрасно; лицомъ она, хотя и рябовата нѣсколько, но очень недурна и имѣетъ чрезвычайно много пріятнаго въ обращеніи, притомъ танцуетъ въ Петербургѣ лучше всѣхъ. Нѣкоторые говорятъ, что она уже сговорена съ к.-ю. Балкомъ; но отъ другихъ я слышалъ, что это неправда. Сыновей у канцлера трое: одинъ посланникомъ въ Берлинѣ, другой—тотъ самый, о которомъ сказано выше, а третій служитъ полковникомъ въ землѣ казаковъ. Его высочество, пробывъ нѣсколько времени у великаго канцлера и поговоривъ съ нимъ стоя, сталъ прощаться, и былъ провоженъ имъ до крыльца, гдѣ они расцѣловались и окончательно простились; сынъ же его проводилъ насъ до рогатки, отдѣляющей ихъ домъ отъ дома вице-канцлера. Разсказываютъ, что оба эти вельможи страшно, почти смертельно ненавидятъ другъ друга и что отъ того очень многіе страдаютъ. Лишь только мы оставили владѣнія одного, какъ уже были на землѣ другого.

Еще издали увидѣли мы бѣжавшаго намъ на встрѣчу сына в канцлера; онъ почти цѣлою головою ниже меня, но такъ толстъ, что изъ него можно выкроить троихъ такихъ, какъ я. Ему не болѣе 24-хъ или 25-ти лѣтъ, однако онъ уже женатъ *). Посланникъ Штамке и многіе другіе, бывшіе на его свадьбѣ, разсказывали мнѣ о немъ презабавную исторію, которая заслуживаетъ, чтобъ упомянуть о ней здѣсь. На свадьбѣ этотъ молодой господинъ, по принятому обычаю, долженъ былъ напиться до-пьяна,—безъ того женихъ не имѣетъ права отправляться въ спальню невѣсты. Вечеромъ, когда всѣ предавались веселью, а посланникъ игралъ въ карты съ Мардефельдомъ и, кажется, съ г.-м. Лефортомъ, въ домѣ вдругъ дѣлается шумъ, какъ будто произошелъ пожаръ. Особенно дамы и дѣвицы со страхомъ бѣгали взадъ и впередъ, чуть не сбивая одна другую съ ногъ. Одна спрашивала уксусу, другая Венгерской воды, третья Шпанской соли. На вопросы гостей,

---

*) Единственный сынъ Шафирова, баронъ Исай Петровичъ (р. 1699) женатъ былъ на Евдокіи Андреевнѣ Измайловой (р. 1704). П. Б.

что̀ такое случилось, на силу одна изъ нихъ отвѣчала, что женихъ опасно заболѣлъ и умираетъ. Это чрезвычайно поразило родителей и всѣхъ присутствовавшихъ; все пришло въ безпорядокъ, всѣхъ занимала одна мысль—помочь больному и успокоить его. Между тѣмъ гости мало-по-малу разъѣхались, молодому сдѣлалось немного лучше, и бѣдная невѣста должна была лечь съ нимъ, хоть въ этотъ разъ, конечно, ожидала отъ него мало хорошаго. На другой день друзья его стали посмѣиваться надъ нимъ и говорить, что вчера всѣ гости очень жалѣли о бѣдной молодой, которая встанетъ утромъ такою же, какою была наканунѣ. Но онъ отвѣчалъ имъ: «дураки вы, держи́те себя только такъ, какъ я,—невѣсты ваши останутся вами очень довольны, и вамъ вѣрно стыда не будетъ». Однакожъ такъ какъ тѣ не переставали его дразнить, желая непремѣнно узнать, какъ онъ велъ себя съ своею невѣстою, то онъ сказалъ наконецъ: «я ее поцѣловалъ и оборотилъ 11 разъ». Имъ показалось это невѣроятнымъ послѣ того состоянія, въ которомъ они видѣли его наканунѣ. Когда слухъ о томъ дошелъ до царя, его величество, принимая эти слова за простое хвастовство, спрашивалъ самъ молодого, но, получивъ отъ него тотъ же отвѣтъ, повѣрилъ ему только тогда, когда разспросилъ самоё молодую, подтвердившую сказанное ея мужемъ. У входа самъ вице-канцлеръ встрѣтилъ его высочество. Онъ очень малъ ростомъ и такъ неестественно толстъ, что едва можетъ двигаться; но при всемъ томъ человѣкъ необыкновенно пріятный. Въ 1714 году онъ былъ посланникомъ въ Константинополѣ, гдѣ вмѣстѣ съ Толстымъ сидѣлъ нѣсколько времени въ Семибашенномъ Замкѣ, находился при царѣ во многихъ морскихъ и сухопутныхъ сраженіяхъ и въ послѣднемъ сраженіи съ Турками, при Прутѣ, оказалъ его величеству значительную услугу. Это сраженіе было въ 1711 году; въ немъ участвовалъ также покойный мой отецъ, которому царь пожаловалъ за отличіе свой портретъ, осыпанный брилліантами и стоившій болѣе 1000 рублей, и сверхъ того подарилъ одну изъ лучшихъ своихъ лошадей. Лошадь эта, буланый Турецкій жеребецъ, до сихъ поръ жива: отецъ, когда она совершенно ослѣпла, продалъ ее одному Лифляндскому дворянину, для завода, за 100 рейхсталеровъ. Т. с. Бассевичъ, въ проѣздъ свой черезъ Ревель, получилъ лошадь этой породы отъ полковника Тизенгаузена (которому и принадлежитъ Турецкій жеребецъ). Вице-канцлеръ провелъ насъ черезъ необыкновенно большую залу (если не самую обширную и лучшую въ Петербургѣ, то навѣрно одну изъ лучшихъ) въ другую комнату, хорошо меблированную, гдѣ его высочество остановился съ нимъ. Они говорили между прочимъ и о плѣнѣ графа Пипера (умершаго въ Шлюссельбургѣ въ 1716 году), который былъ взятъ со мно-

гими другими послѣ Полтавскаго сраженія. На этомъ графѣ видѣли примѣръ, что можно быть очень богатымъ и все-таки умереть съ голоду. Говорятъ, что по случаю взятія въ Швеціи царской галеры, его принудили здѣсь, для вознагражденія этой потери, выдать векселей на 30000 рейхсталеровъ, и что такъ какъ въ Швеціи графиня Пиперъ не приняла векселей, то плѣнникъ будто бы до тѣхъ поръ сидѣлъ на хлѣбѣ и на водѣ, пока не захворалъ и не умеръ [1]). Замѣтно было, что Шафировъ вовсе не принадлежалъ къ числу друзей покойнаго графа, который, говорятъ, для плѣнника, былъ слишкомъ упрямъ. Послѣ прощанія, вице-канцлеръ, не смотря ни на какіе протесты его высочества, самъ проводилъ насъ до конца моста, ведущаго къ тому мѣсту, гдѣ стояла наша барка.

6. Начались опять засѣданія тостъ-коллегіи. Его высочество открылъ ихъ въ квартирѣ тайнаго совѣтника Клауссенгейма, который жилъ въ верхнемъ этажѣ, гдѣ посторонніе могли меньше мѣшать, чѣмъ внизу. Въ этотъ день т. с. Клауссенгеймъ, съ обыкновенными, уже описанными мною (въ Ревелѣ) церемоніями, былъ принятъ въ нашу коллегію и единогласно признанъ ея ординарнымъ членомъ.

7. Сегодня наконецъ и полковникъ графъ Бонде былъ принятъ въ нашу коллегію экстраординарнымъ членомъ. Но при чтеніи устава и подписаніи клятвы его высочество лично не присутствовалъ (этимъ отличіемъ пользуются только ординарные члены): то и другое происходило при нѣсколькихъ депутатахъ нашей коллегіи, а на мѣстѣ президента лежала его шляпа. Послѣ чтенія и подписанія новаго члена повели въ другую комнату, гдѣ мы всѣ собрались и пропѣли надъ нимъ: dignus est intrare in nostram societatem. Затѣмъ всѣ мы вмѣстѣ отправились на квартиру тайнаго совѣтника Клауссенгейма, у котораго весело и радостно праздновали тостъ-коллегію, при чемъ и графъ Бонде въ первый разъ участвовалъ, какъ собратъ всего общества и какъ экстраординарный его членъ.

8. Его высочество былъ у юстицъ-президента и сенатора Матвѣева [2]), бывшаго прежде посланникомъ въ Гаагѣ, человѣка довольно пріятнаго, недурнаго собою и хорошо образованнаго. Онъ говоритъ хорошо по-французски и, кажется, немного по-итальянски или по-нѣмецки. Второй визитъ, сдѣланный въ тотъ же день его высочествомъ,

---

[1]) У Голикова дѣло это разсказано совершенно иначе. См. Дополн. къ Дѣяніямъ Петра Великаго, т. XI, стр. 246—249. Берхгольцъ передаетъ только тогдашніе толки иностранцевъ о смерти Пипера.

[2]) Андрей Артемоновичъ Матвѣевъ (съ 1715 года графъ), сынъ знаменитаго боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева, погибшаго въ первый Стрѣлецкій бунтъ (1682 г.). Онъ оставилъ любопытныя записки о Стрѣлецкихъ смутахъ.

былъ старому Пушкину[1]), отцу молодого, состоящаго при особѣ герцога вмѣсто камергера Нарышкина. Говорятъ, онъ занимаетъ по службѣ какое-то важное мѣсто и имѣетъ чрезвычайно много дѣла. Это старикъ высокаго роста, но уже очень согнувшійся [2]). У него, если не ошибаюсь, только одинъ сынъ и одна дочь, которая сговорена съ сыномъ князя Репнина.

9. Герцогъ, покушавъ въ 4 часа, ходилъ въ царскій Лѣтній садъ [3]), находящійся прямо противъ дома, занимаемаго его высочествомъ. Онъ хотя уже прежде былъ тамъ на двухъ празднествахъ, но видѣлъ все только мелькомъ, и потому захотѣлъ теперь, будучи одинъ и на досугѣ, съ бо́льшимъ противъ прежняго удовольствіемъ осмотрѣть хорошенько весь садъ. Ни царя, ни царицы не было въ Петербургѣ: они уже нѣсколько дней находились въ своихъ увеселительныхъ дворцахъ въ окрестностяхъ города. Но принцессы только въ этотъ день поѣхали въ Екатерингофъ, откуда ихъ ожидали къ вечеру. Т. с. Клаусенгейму (который думалъ, что долженъ будетъ скоро опять уѣхать изъ Петербурга) очень хотѣлось хорошенько видѣть царскій Лѣтній садъ, и онъ уговаривалъ его высочество разсматривать въ немъ все въ подробности.

Садъ этотъ имѣетъ продолговатую форму; съ восточной стороны къ нему примыкаетъ лѣтній дворецъ царя, съ южной — оранжерея, съ западной — большой красивый лугъ (на которомъ, при всѣхъ празднествахъ, обыкновенно стоитъ въ строю гвардія и о которомъ было уже говорено выше), а съ сѣверной онъ омывается Невою, въ этомъ мѣстѣ довольно широкою. Разскажу по порядку все, что̀ тамъ есть замѣчательнаго. Съ сѣверной стороны, у воды, стоятъ три длинныя открытыя галереи, изъ которыхъ длиннѣйшая средняя, гдѣ всегда, при большихъ торжествахъ, пока еще не начались танцы, ставится столъ со сластями (mit Confect). Въ обѣихъ другихъ помѣщаются только столы съ холоднымъ кушаньемъ, за которые обыкновенно садятся офицеры гвардіи. Въ средней галереѣ находится мра-

---

[1]) Это—сынъ царя Алексѣя Михайловича. Его сына, графа Платона Ивановича, самъ Петръ Великій называетъ своимъ племянникомъ (см. „Архивъ Князя Ѳ. А. Куракина“ II. 124. Потомство этихъ Мусиныхъ-Пушкиныхъ пресѣклось. П. Б.

[2]) Сенаторъ графъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ былъ въ это время президентомъ статсъ-конторы и камеръ-конторы. Сынъ его, графъ Платонъ Ивановичъ, состоявшій нѣкоторое время при особѣ герцога Голштинскаго, былъ впослѣдствіи также сенаторомъ. Въ 1740 году, замѣшанный въ дѣлѣ Волынскаго, онъ, послѣ казни послѣдняго, былъ лишенъ чиновъ и сосланъ въ вѣчную ссылку.

[3]) Лѣтній садъ разведенъ, по указу Петра Великаго, въ одно время съ построеніемъ лѣтняго дворца, въ 1711 г. См. „Описаніе города С.-Петербурга“, соч. І. Г. Георги, 1794, стр. 68 и 69, и „Описаніе С.-Петербурга“ И. Пушкарева, 1839, стр. 308. У Рубана, стр. 56.

морная статуя Венеры, которою царь до того дорожитъ, что приказываетъ ставить къ ней, для охраненія, часового. Она въ самомъ дѣлѣ превосходна, хотя и попорчена немного отъ долгаго лежанія въ землѣ. Противъ этой галереи аллея, самая широкая во всемъ саду: въ ней устроены красивые фонтаны, бьющіе довольно высоко. Вода для нихъ проводится въ бассейны изъ канала, съ помощью большой колесной машины, отъ чего въ ней никогда не можетъ быть недостатка. У перваго фонтана мѣсто, гдѣ обыкновенно царица бываетъ съ своими дамами, а далѣе, у другаго, стоятъ три или четыре стола, за которыми пьютъ и курятъ табакъ,—это мѣсто царя. Вправо отъ этой круглой и раздѣленной четырьмя аллеями площадки съ одной стороны стоитъ прекрасная статуя съ покрытымъ лицемъ, у подножія которой течетъ, или, лучше сказать, бьетъ вода со всѣхъ концовъ, а съ другой находится большой птичникъ, гдѣ многія птицы частію свободно расхаживаютъ, частію заперты въ размѣщенныхъ вокругъ него небольшихъ клѣткахъ. Тамъ есть орлы, черные аисты, журавли и многія другія рѣдкія птицы. Тутъ же содержатся, впрочемъ, и нѣкоторыя четвероногія животныя, какъ напр. очень большой ёжъ, имѣющій множество черныхъ и бѣлыхъ иглъ до 11-ти дюймовъ длиною. Въ день празднованія Полтавскаго сраженія царь, показывая этого ежа его высочеству, приказалъ вынуть нѣсколько такихъ иглъ, которыя уже слабо держались. Изъ нихъ одну я сберегъ для себя. Кромѣ того тамъ есть еще синяя лисица, нѣсколько соболей и проч. Въ высокомъ домикѣ съ восточной стороны множество прекрасныхъ и рѣдкихъ голубей. На другой сторонѣ фонтана, противъ упомянутой статуи, устроена въ кущѣ деревьевъ небольшая бесѣдка, окруженная со всѣхъ сторонъ водою, гдѣ обыкновенно проводитъ время царь, когда желаетъ быть одинъ, или когда хочетъ кого-нибудь хорошенько напоить, потому что уйдти оттуда нѣтъ никакой возможности, какъ скоро отчалитъ стоящій вблизи ботикъ, на которомъ переправляются къ бесѣдкѣ. На водѣ плаваетъ здѣсь большое количество самыхъ рѣдкихъ утокъ и гусей, которые до того ручны, что позволяютъ кормить себя изъ рукъ. По берегу, вокругъ, разставлены маленькіе домики, гдѣ они, вѣроятно, запираются на ночь. Здѣсь же красуется вполнѣ снаряженный корабликъ, на которомъ иногда потѣшается карла царя. Противъ большого птичника устроенъ еще, въ видѣ водопада, красиво вызолоченный мраморный фонтанъ, украшенный многими позолоченными сосудами. Это мѣсто (гдѣ находится также и оранжерея), безспорно, одно изъ лучшихъ въ саду; все оно обсажено кустарникомъ и окружено рѣшеткою, которая запирается. Далѣе отсюда, вправо, стоитъ большая, сплетенная изъ стальной проволоки, клѣтка съ круглымъ верхомъ, наполненная вся-

каго рода маленькими птицами, которыя цѣлыми группами летаютъ и садятся на посаженныя внутри ея деревца. Еще далѣе, налѣво, строится новый гротъ, который снаружи уже почти совсѣмъ готовъ, но внутри не сдѣлано еще и половины того, что̀ предположено сдѣлать. Онъ будетъ очень красивъ и великолѣпенъ, потому что для покрытія его стѣнъ и потолка назначается безчисленное множество разныхъ превосходныхъ раковинъ, пріобрѣтеніе которыхъ стоило большихъ издержекъ. Кромѣ того, въ этомъ саду находится пріятная рощица, о которой я уже прежде не разъ говорилъ, и устроено еще нѣсколько фонтановъ; однимъ словомъ, тамъ есть все, чего только можно желать для увеселительнаго сада. Особенно украшаютъ его драгоцѣнные мраморные фонтаны и находящаяся между ними статуя Венеры, которой будто бы 2000 лѣтъ и которая, какъ говорятъ, куплена у папы за 3000 скуди и подарена царю. Когда мы пересмотрѣли все и роспили нѣсколько бутылокъ хорошаго Венгерскаго вина, герцогъ поѣхалъ домой, потому что становилось уже поздно. При отъѣздѣ его высочество приказалъ вручить нѣсколько червонцевъ кунстмейстеру, который всюду водилъ насъ и открывалъ фонтаны. Онъ сначала отказывался принять ихъ, но наконецъ взялъ съ радостью. Такимъ образомъ мы пріятно окончили день, по крайней мѣрѣ для меня: я всегда особенно радуюсь, когда успѣю разсмотрѣть что-нибудь любопытное. Уже прежде я нѣсколько разъ собирался въ этотъ садъ, но намѣреніе мое все оставалось безъ исполненія, потому что туда пускаютъ только по Воскресеньямъ, и то не всѣхъ.

10. Передъ обѣдомъ я былъ посланъ къ Кантемиру, князю Валашскому, съ увѣдомленіемъ о намѣреніи его высочества быть у него послѣ обѣда. Черезъ одного изъ его переводчиковъ я передалъ наказанное мнѣ привѣтствіе, которое князь принялъ съ почтеніемъ и благодарностію. Послѣ обѣда его высочество отправился къ нему на своей баркѣ, потому что онъ живетъ по ту сторону рѣки и очень далеко отъ дома герцога. Когда мы пріѣхали, князь встрѣтилъ насъ у моста своего дома (стоящаго близко къ рѣкѣ), и такъ какъ онъ говоритъ довольно хорошо по-латыни и вообще очень пріятный и живой человѣкъ, то его королевскому высочеству не нужно было переводчика. Они обнялись и поцѣловались, послѣ чего князь повелъ его высочество въ свою спальню (обитую краснымъ сукномъ), гдѣ княгиня, его супруга, лежала, одѣтая, на парадной постели: она уже нѣсколько времени чувствовала себя нездоровою и по возвращеніи царя изъ Риги не была ни на одномъ празднествѣ. Когда его высочество сдѣлалъ ей реверансъ, его просили сѣсть въ кресла возлѣ нея; князь же и наши тайные совѣтники помѣстились у нея въ ногахъ на обык-

новенныхъ стульяхъ. Герцогъ началъ говорить съ нею по-шведски и по-нѣмецки. Они были уже знакомы въ Швеціи, гдѣ она долго жила съ отцомъ своимъ, г.-л. Трубецкимъ. Пробывъ здѣсь нѣсколько времени и выпивъ за здоровье обоихъ супруговъ стаканъ Венгерскаго, его высочество простился съ ними; но передъ тѣмъ, по убѣдительной ихъ просьбѣ, далъ обѣщаніе пріѣхать къ нимъ на обѣдъ со всею своею свитою, въ Понедѣльникъ, 17-го числа (герцогъ просилъ не назначать Воскресенья, потому что въ этотъ день обыкновенно постится). Отъ князя его высочество поѣхалъ къ т. с. Бассевичу, у котораго въ тотъ вечеръ была тостъ-коллегія. Мы всѣ собрались тамъ, но тотчасъ послѣ 11-ти часовъ разошлись, потому что господинъ хозяинъ не преминулъ, по уставу, запѣть въ положенное время: «Ihr lieben Herren, lasset euch sagen» (господа, позвольте вамъ сказать...), чтó нашему герцогу и нѣкоторымъ изъ гостей было не очень пріятно; однакожъ они не осмѣлились противиться правиламъ устава,—встали изъ-за стола и отправились по домамъ; иначе должны были бы подвергнуться положенному штрафу.

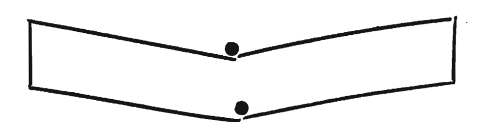
11. Его высочество посѣтилъ оберъ-полиціймейстера, который, отъ имени царя, встрѣчалъ его за нѣсколько верстъ отъ города. Онъ же смотрѣлъ и за назначеніемъ квартиръ для нашей придворной свиты; поэтому и ему также старались оказать вниманіе. Родомъ онъ Итальянецъ и еще молодой человѣкъ лѣтъ 30-ти, худой, но красивый собою. Сперва онъ былъ скороходомъ, потомъ, если не ошибаюсь денщикомъ царя, у котораго, кажется, и до сихъ поръ въ большой милости. Строгій и быстрый въ исполненіи царскихъ приказаній, онъ внушаетъ здѣшней черни и вообще всѣмъ обывателямъ города такой страхъ, что они дрожатъ при одномъ его имени. Отъ него его высочество поѣхалъ къ князю Долгорукову, сенатору и Андреевскому кавалеру, бывшему прежде посломъ въ Варшавѣ [1]). Онъ уже пожилой, но очень пріятный человѣкъ, хотя далеко не такъ живъ, какъ тотъ князь Долгоруковъ, у котораго я не разъ бывалъ въ Парижѣ, въ бытность его тамъ посломъ [2]). Когда мы подъѣхали къ его дому (который отъ насъ неслыханно далеко), онъ встрѣтилъ его высочество у входа и повелъ въ комнату, гдѣ, по его просьбѣ, герцогъ съ графомъ Пушкинымъ и послѣдовавшею за нимъ свитою долженъ былъ сѣсть; мы же, дежурные, остались въ другой комнатѣ. Вмѣстѣ съ прочими сѣлъ позади князя и сынъ его, молодой человѣкъ лѣтъ 18-ти; но тотъ, уви-

---

[1]) Князь Григорій Ѳедоровичъ, меньшой братъ извѣстнаго князя Якова Долгорукова. 18-ти-лѣтній сынъ, о которомъ упоминается далѣе былъ, вѣроятно, младшій изъ его сыновей, Александръ. См. Сказанія о родѣ кн. Долгоруковыхъ. Спб. 1840, стр. 88—89.

[2]) Т. е. князь Василій Лукичъ. П. Б.

дѣвъ это, незамѣтно, по своему, сдѣлалъ ему знакъ встать. Юноша этотъ говорилъ немного по-французски и, кажется, уже окончилъ свои путешествія, которыя однакожъ, повидимому, принесли ему мало пользы. Здѣсь его высочество пригласили сѣсть въ первый разъ послѣ визитовъ князю Валашскому, князю Меншикову и великому адмиралу, у котораго онъ кушалъ. По окончаніи этого визита герцогъ отправился обратно на своей баркѣ и потомъ ходилъ въ садъ царицы, который недалеко отъ дома его высочества. Онъ разведенъ очень недавно, и потому въ немъ нечего еще было смотрѣть, кромѣ уже довольно большихъ деревьевъ. Нѣтъ сомнѣнія, что со временемъ онъ будетъ весьма хорошъ, потому что царица любитъ великолѣпіе, да и мѣста довольно, чтобы сдѣлать что-нибудь порядочное. Графъ Пушкинъ, бывшій съ нами, водилъ его высочество въ маленькій домикъ, находящійся на сѣверной сторонѣ этого сада, и когда мы осмотрѣли его внизу, просилъ насъ взойдти на чердакъ, откуда видна бо́льшая часть Петербурга. Онъ указалъ намъ, къ Югу, большое зданіе, построенное, по приказанію, царя, за проспектомъ, для поощренія жителей строиться и тамъ. Его величество думаетъ продолжить городъ и въ ту сторону, хотя онъ и безъ того уже необыкновенно обширенъ; собственно же ему угодно заложить настоящій городъ за рѣкою, на Васильевскомъ острову, гдѣ находится домъ князя Меншикова. Осмотрѣвъ этотъ небольшой, но красивый домикъ, въ которомъ прекрасная танцовальная зала, его высочество поѣхалъ домой. При садѣ, по приказанію царицы, строится огромная конюшня, состоящая изъ шести фасовъ; изъ нихъ четыре необыкновенно велики, и остальные два очень малы. Форма всего строенія, приблизительно, такая

потому что оно идетъ по направленію канала, на берегу котораго находится. По обѣимъ нижнимъ линіямъ расположены только стойла для большаго числа лошадей. Мнѣ не понравилось, во-первыхъ, что лошадямъ будетъ слишкомъ свѣтло отъ множества на обѣихъ сторонахъ оконъ, которыя, въ добавокъ, спускаются гораздо ниже головъ лошадей, и во-вторыхъ, что по срединѣ конюшни поставлено слишкомъ много большихъ каменныхъ столбовъ, которые мѣшаютъ видѣть вдругъ оба ряда лошадей. По верхнимъ линіямъ будутъ устроены каретные сараи и комнаты для конюховъ; оба боковые фаса также займутся комнатами. Все зданіе окружено окнами въ два свѣта. Мнѣ ка-

жется, поэтому, что при случаѣ его легко можно бы было устроить внутри иначе и сдѣлать изъ него лазаретъ или что-нибудь подобное [1]).

12. У его высочества случайно обѣдало нѣсколько человѣкъ гостей, въ числѣ которыхъ были: вице-к. Шафировъ съ сыномъ и Прусскій министръ бар. Мардефельдъ. За обѣдомъ в.-канцлеру, для отличія, прислуживалъ пажъ, стоявшій за его стуломъ, тогда какъ обыкновенно пажи прислуживаютъ только его высочеству. Во время и послѣ стола пили довольно много. Около вечера отъ царицы присланъ былъ къ его высочеству к.-ю. Балкъ съ поклономъ и спросомъ о здоровьи. Это былъ старый знакомый тайнаго совѣтника Бассевича, который, когда тотъ, по приглашенію его высочества, выпилъ за здоровье царицы, не преминулъ поднести ему еще нѣсколько бокаловъ.

13. Его высочество ѣздилъ къ т. с. Толстому [2]), съ которымъ познакомился еще въ Ригѣ, потому что онъ почти всюду слѣдуетъ за царемъ. Онъ человѣкъ привѣтливый и пріятный, говоритъ хорошо по-итальянски, и по происхожденію собственно Грекъ, но давно обрусѣлъ. Царь его очень любитъ. Жены у него нѣтъ [3]), но есть любовница, которой содержаніе, говорятъ, обходится ему весьма дорого. Онъ принялъ его высочество чрезвычайно учтиво и повелъ въ свою комнату, гдѣ они долго разговаривали съ помощью графа Пушкина, служившаго имъ переводчикомъ. Его высочество тотчасъ же обратилъ вниманіе на двѣ совершенно различныя картины, повѣшенныя въ противоположныхъ углахъ его комнаты: одна изображала кого-то изъ Русскихъ святыхъ, а другая нагую женщину. Тайный совѣтникъ, замѣтивъ, что герцогъ смотритъ на нихъ, засмѣялся и сказалъ, что удивляется, какъ его высочество такъ скоро все замѣчаетъ, тогда какъ сотни лицъ, бывающихъ у него, вовсе не видятъ этой обнаженной фигуры, которая нарочно помѣщена въ темный уголъ. Пробывъ здѣсь нѣсколько времени, его высочество простился съ хозяиномъ и поѣхалъ домой; но вскорѣ опять собрался и посѣтилъ в.-адмирала Крюйса [4]), почтеннаго старика, который родомъ Голландецъ. Послѣ этого визита его в—во поѣхалъ къ бар. Лёвольду [5]), близкому сосѣду

---

[1]) У Рубана, стр. 147, упоминается „конюшенный дворъ императорскій, каменный и съ жилыми покоями, построенный въ 1721 году"; но описаніе его несовсѣмъ согласно съ Берхгольцевымъ, да и не сказано, гдѣ находился этотъ дворъ.

[2]) Петръ Андреевичъ Толстой, впослѣдствіи графъ, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ Петра Великаго, по смерти котораго пострадалъ вмѣстѣ съ Девьеромъ и другими, по проискамъ кн. Меншикова.

[3]) Кто была супруга знаменитаго графа Петра Андреевича, отъ которой имѣлъ онъ двухъ сыновей, доселѣ не разыскано. П. Б.

[4]) Бюшингъ, въ примѣчаніи къ „Дневнику", говоритъ, что Крюйсъ былъ не Голландецъ, а Норвежецъ.

[5]) Лёвольдъ или Лёвенвольдъ, Лифляндскій дворянинъ; впослѣдствіи онъ и братъ его были графами и играли важную роль въ царствованіе императрицы Анны.

в.-адмирала, гдѣ нашелъ всѣхъ своихъ тайныхъ совѣтниковъ и другихъ особъ, которыхъ желалъ видѣть, и остался тамъ до поздней ночи.

14. Его высочество былъ съ тайными совѣтниками у Прусскаго министра барона Мардефельда, который еще вчера вечеромъ, у барона Лёвольда, приглашалъ ихъ къ себѣ на обѣдъ.

15. Рано утромъ, я съ подполковникомъ Сальдерномъ ѣздилъ верхомъ въ Екатерингофъ, до котораго отъ города не болѣе 5 или 6 верстъ. Онъ принадлежитъ царицѣ, почему и называется по ея имени. Мѣсто это разведено недавно и до сихъ поръ стоило еще немного. Оно расположено около пріятной рощицы, на Невѣ, и туда въ короткое время можно доѣхать изъ Петербурга какъ сухимъ путемъ, такъ и водой. За исключеніемъ красивой окрестности, тамъ еще нѣтъ покамѣстъ ничего замѣчательнаго, кромѣ развѣ небольшого домика, гдѣ въ лѣтнее время часто бываютъ и ночуютъ ихъ величества царь и царица. Отъ этого домика проведенъ къ Невѣ прекрасный маленькій каналъ, такъ что ихъ величества, сойдя съ крыльца, тотчасъ могутъ садиться въ ботикъ. Есть тамъ также и садъ или, лучше сказать, огородъ, но далеко отъ дома, и наконецъ небольшой, но очень хорошенькій звѣринецъ, наполненный многими звѣрьми, которые необыкновенно ручны: 12-ти-рогіе олени подходили къ намъ на зовъ и позволяли себя гладить. Кромѣ большого числа обыкновенныхъ оленей, мы насчитали тамъ съ дюжину ланей, потомъ смотрѣли на особомъ дворѣ двухъ старыхъ и двухъ молодыхъ лосей, довольно большихъ и ручныхъ. У старыхъ лосей шерсть черносѣрая, а у молодыхъ земляного цвѣта. Съ виду они похожи на средняго роста лошадей, но хвостъ имѣютъ, какъ простые олени, едва замѣтный. Ноги у нихъ высоки и копыта сильно раздвоены; брюхо, сравнительно съ ростомъ, вовсе не велико; уши очень длинныя, какъ у лошаковъ. Самецъ отличается отъ самки тѣмъ, что у него рога выше и крѣпче, но за то менѣе развѣтвлены, чѣмъ у самки. Осмотрѣвъ все это, мы пустились въ обратный путь. Дорога въ Екатерингофъ одна изъ самыхъ пріятныхъ *).

16. Его высочество, откушавъ, какъ заведено имъ въ постные дни, часа въ 4 или въ 5, ѣздилъ въ царскій садъ, гдѣ нѣсколько часовъ гулялъ съ своею свитою, и потомъ возвратился домой, потому

*) Рубанъ, стр. 62, говоритъ о Екатерингофѣ слѣдующее: „Дворецъ приморскій Екатеринговъ при Калинкиной деревнѣ, построенъ деревяннымъ строеніемъ въ 1711 году. Сей императорскій домъ построенъ на семъ мѣстѣ въ достопамятную славу; оное самое то мѣсто, на которомъ стоитъ дворецъ, на томъ мѣстѣ была баталія государя Петра Великаго со Шведами 1703 году Мая 6 дня, на которой взято въ полонъ Шведскихъ два корабля. И для сей преславной морской баталіи, въ знакъ сей побѣды, построить изволилъ его величество дворецъ на имя государыни императрицы Екатерины Алексѣевны Первыя“.

что ни царя, ни царицы не было въ городѣ. Когда его высочество спросилъ о принцессахъ, ему отвѣчали, что онѣ также куда-то уѣхали, что, однакожъ, было очень сомнительно.

17. Утромъ, пріѣзжалъ сынъ в.-канцлера Шафирова и, отъ имени своего отца, приглашалъ его высочество на обѣдъ, назначенный у нихъ на слѣдующій день, 18-го числа. Герцогъ обѣщалъ ему пріѣхать. Около полудня его высочество отправился на обѣдъ къ князю Кантемиру Валашскому, съ тайными совѣтниками и со всѣми прочими придворными кавалерами, на двухъ баркахъ, изъ которыхъ одна принадлежала герцогу, а другая была прислана княземъ для нашей свиты. Вчера онъ именно приглашалъ весь нашъ дворъ, почему насъ и была порядочная толпа; въ свитѣ герцога недоставало только Сурланда и Негелейна. Такъ какъ барка его высочества ушла немного впередъ, то мы не успѣли нагнать ее и пріѣхали къ князю Валашскому тогда уже, когда его высочество вошелъ въ домъ. Въ большой комнатѣ, передъ гостиной, гдѣ всѣ собрались, накрытъ былъ столъ на 16 приборовъ, за который вскорѣ и сѣли. Войдя туда, гдѣ стояла княгиня Валашская, я былъ пораженъ красотою ея стана и лица: она, безспорно, одна изъ прекраснѣйшихъ женщинъ во всемъ Петербургѣ. Хотя я и прежде имѣлъ счастіе видѣть ее въ Швеціи (гдѣ она нѣсколько лѣтъ находилась въ плѣну съ отцомъ своимъ, генераломъ княземъ Трубецкимъ, и одною или двумя*) сестрами) при бракосочетаніи нынѣшней королевы и кромѣ того не разъ, и она тогда уже слыла за красавицу: однакожъ теперь нашелъ ее еще красивѣе и пріятнѣе. Она блондинка, высока ростомъ и имѣетъ прекрасныя руки и чудный цвѣтъ лица. На вѣкѣ лѣваго глаза у нея маленькое черное пятно, издали похожее на мушку; но оно нисколько не вредитъ красотѣ и живости ея глазъ, напротивъ дѣлаетъ ихъ еще болѣе выразительными. Когда обѣдъ былъ готовъ, его высочество повелъ ее, а т. с. Бассевичъ дочь князя (отъ перваго брака, лѣтъ 20-ти и незавидной наружности, но, говорятъ, очень ученую, знающую отлично языки Греческій и Итальянскій) въ столовую, гдѣ, послѣ краткой молитвы, сѣли за столъ, и герцогу пришлось сидѣть между этими двумя дамами; да другихъ и не было. Такъ какъ за большимъ столомъ приборовъ недостало для всѣхъ, то я съ маіоромъ Эдеромъ и двумя или тремя Валашскими офицерами помѣстился за другой, поставленный возлѣ большого. Занявъ мѣсто нѣсколько прежде маіора, бывшаго дежурнымъ и

*) Въ Родословной Книгѣ кн. П. Долгорукова показана только одна сестра княгини Анастасіи Ивановны Кантемиръ Раиса Ивановна, за Антоніемъ Дунинымъ-Скржинскимъ. П. Б.

обязаннаго прислуживать его высочеству въ началѣ обѣда, я выбралъ себѣ лучшее, т. е. то, съ котораго могъ видѣть княгиню, и когда явился мой товарищъ съ словами: «пріятель, подвигайся дальше», я, разумѣется, поблагодарилъ его и указалъ на ожидавшее его порожнее мѣсто, объявивъ, что вовсе не такъ глупъ, чтобъ уступить пріятную позицію, занимаемую мною. Но она скоро сдѣлалась бы весьма непріятною, если-бъ сосѣди мои во-время не сказали мнѣ, что платье мое съ одной стороны сверху донизу мокро. Какъ это случилось, я сначала не могъ себѣ объяснить, потому что сидѣлъ спиною къ стѣнѣ, гдѣ никто не могъ меня облить; но не успѣлъ я оглянуться, какъ почувствовалъ на носу паденіе холодной капли, которая вскорѣ и объяснила, отчего меня всего вымочило. Все утро шелъ дождь, отъ котораго въ плохомъ, деревянномъ и неплотно построенномъ домѣ князя сдѣлалась течь. Сначала меня это немного озадачило, да и жаль было лѣтняго платья, которое я надѣвалъ не болѣе 8-ми разъ; но товарищи мои увѣряли меня, что пятенъ не будетъ, и въ самомъ дѣлѣ ихъ не было. За столомъ сидѣли очень долго, потому что обѣдъ, по здѣшнему обычаю, состоялъ изъ множества горячихъ и холодныхъ блюдъ. Пили также довольно много, хотя всѣ вина, которыми насъ угощали, были не изъ лучшихъ. Послѣ обѣда пошли опять въ гостиную, гдѣ всякій, по желанію, пилъ чай или кофе. Князь Валашскій, страстный любитель табаку, велѣлъ подать трубки для себя и для тѣхъ, которые также любили покурить; къ нимъ, одинъ изъ первыхъ, присоединился тайный совѣтникъ Бассевичъ, большой цѣнитель этого удовольствія. Между тѣмъ его высочество пошелъ съ княгинею въ ея спальню, гдѣ она въ первый визитъ герцога лежала на парадной постели. Комната эта, довольно чистая и устланная зелеными половиками, была открыта и ни на минуту не оставалась пустою, потому что гости постоянно входили и выходили. Его высочество, знавшій княгиню еще въ Швеціи, очень занимался ею, и такъ какъ она женщина весьма пріятная и образованная, то они хорошо проводили время, разговаривая то по-шведски, то по-нѣмецки. Вскорѣ послѣ обѣда пріѣхала княжна Трубецкая съ своею племянницею и ея Француженкою. Эта княжна родная сестра княгини Черкасской, но далеко не такъ хороша собою, какъ послѣдняя, хотя также недурна. Она сильно румянится. Впрочемъ, почти всѣ здѣшнія дамы такъ хорошо умѣютъ раскрашивать себя, что мало уступаютъ Француженкамъ; но княжна одна изъ тѣхъ, которыя наиболѣе слѣдуютъ этой дурной и отвратительной модѣ. Маленькой княжнѣ Черкасской лѣтъ 8 или 9, и она для своихъ лѣтъ такъ мила и пріятна, что можно подумать, что она наилучшимъ образомъ воспитана во Франціи. Но она здѣсь не единственный ре-

бенокъ, о воспитаніи котораго такъ тщательно заботятся. Вообще надобно отдать справедливость здѣшнимъ родителямъ: они не щадятъ ничего для образованія своихъ дѣтей. Вотъ почему и смотришь съ удивленіемъ на большія перемѣны, совершившіяся въ Россіи въ столь короткое время. Русская женщина, еще недавно грубая и необразованная, такъ измѣнилась къ лучшему, что теперь мало уступаетъ Нѣмкамъ и Француженкамъ въ тонкости обращенія и свѣткости, а иногда, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, даже имѣетъ передъ ними преимущество. Когда, по распоряженію князя, явилось 6 или 8 музыкантовъ царицы, а мы кончили пить изъ разныхъ вещицъ, стоявшихъ на ночномъ столикѣ княгини, какъ напр. изъ маленькаго стекляннаго башмачка и другихъ, его высочество съ хозяйкою дома открылъ танцы, которые продолжались нѣсколько часовъ, не смотря на то, что дамъ было всего четыре, со включеніемъ и маленькой княжны Черкасской. Если-бъ Трубецкая не уѣхала съ своею молоденькою племянницею (становилось уже поздно), то протанцовали бы и еще, потому что всѣ были очень веселы. Послѣ танцевъ опять накрыли на столъ, и пока дѣлались приготовленія къ ужину, мы слушали какого-то слѣпого казака, игравшаго на бандурѣ, инструментѣ, который похожъ на лютню, съ тою только разницею, что не такъ великъ и имѣетъ меньше струнъ. Онъ пѣлъ множество пѣсенъ, несовсѣмъ, кажется, пристойнаго содержанія, аккомпанируя себѣ на этомъ инструментѣ, и выходило недурно. Наконецъ, когда столъ былъ готовъ, всѣ отправились ужинать и послѣ танцевъ кушали съ большимъ аппетитомъ. Т. с. Бассевичъ не ужиналъ съ нами, потому что уже часа за два до того уѣхалъ. Тѣ немногіе бокалы, которые были роспиты, разносили четыре сына князя, довольно тщательно наблюдавшіе за тѣмъ, чтобы всѣ пили пóровну. Эти молодые князья были одѣты очень просто. Всѣ они служатъ въ гвардіи—трое рядовыми и одинъ унтеръ-офицеромъ *). Самъ князь, какъ я уже говорилъ прежде, человѣкъ очень пріятный, красивый собою и образованный. Въ послѣднюю Турецкую войну онъ отдался подъ покровительство царя, отъ котораго получилъ нѣсколько помѣстій въ землѣ казаковъ (Малороссіи), приносящихъ, какъ говорятъ, до 20,000 рублей доходу. Отъ теперешней своей супруги онъ имѣетъ дочь, которую носятъ еще на рукахъ. Разсказываютъ, что онъ ужасно ревнивъ, и мнѣ кажется, что это правда. По окончаніи ужина, когда всѣ начали вставать изъ-за стола, я отправился къ мѣсту, гдѣ положилъ свою шляпу и палку, но не нашелъ тамъ ни той, ни другой. Шляпу, впрочемъ, мнѣ скоро удалось отыскать; палки же съ золо-

*) Въ числѣ первыхъ былъ и князь Антіохъ Кантемиръ, которому въ это время было не болѣе 12-ти лѣтъ.

тымъ набалдашникомъ нигдѣ не было. Я обратился къ графу Пушкину, который могъ говорить съ людьми, и просилъ его приказать имъ поискать ее, что̀ онъ и сдѣлалъ, даже жаловался самому князю, что изъ столовой, со стула, пропала моя палка. Князь сказалъ, что она будетъ отыскана, потому что у него никакъ не могла пропасть,

18. Его высочество ѣздилъ на обѣдъ къ вице-канцлеру барону Шафирову, куда я однакожъ не попалъ. Послѣ мнѣ говорили, что царица была тамъ съ большою свитою дамъ и кавалеровъ, и что угощеніе было превосходное. Погребъ вице-канцлера славится винами, какихъ нѣтъ ни у кого въ Россіи. Около вечера пріѣхалъ и его величество царь, только что возвратившійся въ Петербургъ изъ Петергофа и Кронслота. Танцовали очень весело, и царь былъ необыкновенно милостивъ къ его высочеству. Г-на Бассевича это такъ радовало, что онъ нѣсколько разъ предлагалъ его величеству разные тосты (которые были очень хорошо приняты), и отъ удовольствія напился болѣе, чѣмъ до полупьяна, почему, впрочемъ, и уѣхалъ раньше другихъ. Когда онъ уѣзжалъ, царь съ его высочествомъ и нѣкоторыми другими стоялъ на балконѣ. Услышавъ, что тамъ кто-то заговорилъ о его отъѣздѣ, тайный совѣтникъ поспѣшилъ было воротиться, но царь сдѣлалъ ему знакъ, что онъ можетъ ѣхать, почему его высочество послалъ къ нему пажа и приказалъ сказать, чтобъ онъ взялъ свою барку и отправлялся домой, что̀ тотъ наконецъ и исполнилъ. Утромъ я посылалъ своего лакея въ домъ князя Кантемира за палкой, которую, послѣ многихъ разспросовъ, нашли.—Въ тотъ же день, послѣ обѣда, я ѣздилъ съ нѣкоторыми изъ нашихъ въ Русскую Слободу смотрѣть князя Гагарина, повѣшеннаго недалеко отъ большой новой Биржи. Онъ былъ прежде губернаторомъ всей Сибири и дѣлалъ, говорятъ, очень много добра сосланнымъ туда плѣннымъ Шведамъ, для которыхъ, въ первые три года своего управленія, истратилъ будто бы до 15,000 рублей собственныхъ денегъ. Его вызвали сюда, какъ говорятъ, за страшное расхищеніе царской казны. Онъ не хотѣлъ признаваться въ своихъ проступкахъ, и потому нѣсколько разъ былъ жестоко наказываемъ кнутомъ. Кнутъ есть родъ плети, состоящей изъ короткой палки и очень длиннаго ремня. Преступнику обыкновенно связываютъ руки назадъ и поднимаютъ его кверху, такъ что онѣ придутся надъ головою и вовсе выйдутъ изъ суставовъ; послѣ этого палачъ беретъ кнутъ въ обѣ руки, отступаетъ нѣсколько шаговъ назадъ и потомъ, съ разбѣгу и припрыгнувъ, ударяетъ между плечъ, вдоль спины, и если ударъ бываетъ силенъ, то пробиваетъ до костей. Палачи такъ хорошо знаютъ свое дѣло, что могутъ класть ударъ къ удару ровно, какъ бы размѣряя ихъ циркулемъ и линейкою. Наказа-

ніе кнутомъ бываетъ двоякое: одно употребляется при допросахъ и замѣняетъ пытку, а другое есть собственно такъ называемое наказаніе кнутомъ, которое отъ перваго отличается только тѣмъ, что преступника одинъ изъ палачей держитъ на спинѣ. Царь, говорятъ, прежде очень часто приказывалъ наказывать кнутомъ. Года полтора или два тому назадъ здѣсь публично наказывали такимъ образомъ одного капитана гвардіи, который, будучи въ нетрезвомъ видѣ, дурно говорилъ о его величествѣ. Мнѣ разсказывали это очевидцы. Когда князь Гагаринъ былъ уже приговоренъ къ висилицѣ и казнь должна была совершиться, царь, за день передъ тѣмъ, словесно приказывалъ увѣрить его, что не только даруетъ ему жизнь, но и все прошлое предастъ забвенію, если онъ признается въ своихъ, ясно доказанныхъ, преступленіяхъ. Но не смотря на то, что многіе свидѣтели, и въ томъ числѣ родной его сынъ, на очныхъ ставкахъ, убѣждали въ нихъ болѣе, нежели сколько было нужно, виновный не признался ни въ чемъ. Тогда, въ самый день отъѣзда царя въ нынѣшнемъ году въ Ригу, онъ былъ повѣшенъ передъ окнами Юстицъ-Коллегіи, въ присутствіи государя и всѣхъ своихъ здѣшнихъ знатныхъ родственниковъ. Спусти нѣсколько времени, его перевезли на то мѣсто, гдѣ я видѣлъ его висящимъ на другой, большой висѣлицѣ. Тамъ, на обширной площади, стояло много шестовъ съ воткнутыми на нихъ головами, между которыми, на особо устроенномъ эшафотѣ, виднѣлись головы брата вдовствующей царицы и еще четырехъ знатныхъ господъ *). Говорятъ, что тѣло этого князя Гагарина, для бо̀льшаго устрашенія, будетъ повѣшено въ третій разъ по ту сторону рѣки и потомъ отошлется въ Сибирь, гдѣ должно сгнить на висѣлицѣ; но я сомнѣваюсь въ этомъ, потому что оно теперь уже почти сгнило. Лицо преступника, по здѣшнему обычаю, закрыто платкомъ, а одежда его состоитъ изъ камзола и исподняго платья коричневаго цвѣта, сверхъ которыхъ надѣта бѣлая рубашка. На ногахъ у него маленькіе круглые Русскіе сапоги. Росту онъ очень небольшаго. Онъ былъ однимъ изъ знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ вельможъ въ Россіи; оставшійся послѣ него сынъ женатъ на родной дочери вице-канцлера Шафирова и есть тотъ самый, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ долго путешествовалъ и много промоталъ денегъ. Разсказываютъ, что нашъ к.-ю. Геклау находился одно время при немъ и, по увѣренію многихъ, былъ у него въ услуженіи; но самъ Геклау говоритъ, что жилъ у него только для компаніи. Какъ бы то ни было, этотъ молодой Гагаринъ теперь далеко не въ томъ положеніи, въ ка-

*) Т. е. Лопухина (брата не вдовствующей царицы, а царицы Евдокіи Ѳеодоровны, первой супруги Петра В.), Кикина и другихъ, казненныхъ въ 1718 году по дѣлу царевича Алексѣя Петровича.

комъ былъ въ Германіи: послѣ смерти отца, его разжаловали въ матросы, и онъ, какъ говорятъ, находится на дѣйствительной службѣ при Адмиралтействѣ. Онъ лишился также всего состоянія, потому что всѣ большія помѣстья и вообще все имущество его отца были конфискованы. Исторія несчастнаго Гагарина можетъ для многихъ служить примѣромъ; она показываетъ всему свѣту власть царя и строгость его наказаній, которая не отличаетъ знатнаго отъ незнатнаго.

19. У герцога обѣдалъ каб.-секретарь Макаровъ *), который въ большой милости у царя. Въ его вѣдѣніи значительныя суммы денегъ и всѣ дѣла секретныя и такія, о которыхъ ничего не дается знать Сенату. Вечеромъ была тостъ-коллегія у тайнаго совѣтника Геспена, и его высочество передъ ужиномъ много шутилъ, потому что былъ въ хорошемъ расположеніи духа. Въ этотъ разъ насъ было немного, и мы ужинали позднѣе обыкновеннаго, поджидая прочихъ членовъ коллегіи. Его высочество потерялъ наконецъ терпѣніе и приказалъ подавать кушанья. Но только-что мы сѣли за столъ, явился г.-м. Штенфлихтъ, который тотчасъ подошелъ къ его высочеству и, отъ имени тайнаго совѣтника Бассевича, сталъ ему говорить что-то на ухо. Замѣтивъ, что его высочество покачалъ головою и не рѣшался на то, о чемъ шепталъ г.-м., т. с. Геспенъ понялъ, что послѣдній пришелъ съ какою-нибудь просьбой, потому что часто повторялъ слова: ó, komm, min nädige Herre» (о, пойдемте, государь), и спросилъ наконецъ, въ чемъ дѣло. Мы узнали, что тайный совѣтникъ Бассевичъ у Макарова и, по убѣдительной просьбѣ его, умоляетъ герцога также пожаловать туда. Т. с. Геспенъ замѣтилъ въ шутку, что онъ и самъ могъ бы придти сюда съ своими гостями, а потомъ обратился ко всему обществу съ вопросомъ: не требуетъ ли справедливость наказать того, кто осмѣливается дѣлать такія предложенія во время засѣданія тостъ-коллегіи? Но тутъ явился другой посланный, бригадиръ Ранцау, который обратился къ его высочеству съ тою же просьбою, присовокупивъ, что Макаровъ умоляетъ его объ этомъ и клянется, что если оба посланные не будутъ имѣть успѣха, онъ пришлетъ свою жену, которой, вѣроятно, его высочество ужъ не откажетъ. Герцогъ спросилъ этихъ господъ, какъ они попали къ Макарову. Тѣ увѣряли, что намѣрены были идти прямо къ намъ, но что за невозможностію пройти черезъ маленькіе мосты воротились и отправились другою дорогою, которая идетъ позади дома Макарова, находящагося наискось противъ дома г. с. Бассевича. Макаровъ стоялъ въ это время на балконѣ и послалъ

*) Алексѣй Васильевичъ Макаровъ, тайный кабинетъ-секретарь, былъ однимъ изъ любимцевъ Петра. При императрицѣ Аннѣ онъ былъ два года (1734—1736) президентомъ Каммеръ-Коллегіи. См. Словарь Бантышъ-Каменскаго, ч. III, стр. 277 и 278.

къ нимъ черезъ каналъ свой ботикъ, съ просьбою зайти на минуту къ нему, чтò они и сдѣлали. Потомъ, когда они хотѣли проститься съ нимъ, подъ предлогомъ, что должны спѣшить къ его высочеству, который ожидаетъ ихъ въ одномъ изъ сосѣднихъ домовъ, онъ началъ говорить, какъ счастливъ былъ бы, еслибъ его высочество удостоилъ его своимъ посѣщеніемъ. Тайный совѣтникъ Бассевичъ отвѣчалъ ему, что желаніе его скоро исполнится; но онъ сталъ просить, чтобъ уговорили его высочество оказать ему эту честь сегодня вечеромъ. Герцогъ, зная, что Макаровъ одинъ изъ величайшихъ фаворитовъ царя, и желая, поэтому, сдѣлать ему удовольствіе, рѣшился исполнить просьбу обоихъ посланныхъ и пошелъ съ ними пѣшкомъ, взявъ съ собою одного только дежурнаго полковника. По окончаніи ужина наши члены принялись опять курить трубки, а я съ ассесоромъ Сурландомъ нарочно пораньше отправился домой. Проходя мимо дома Макарова, мы увидѣли, что тамъ веселились на славу. Посланникъ Штамке, уѣзжавшій въ это самое время домой, былъ въ полномъ опьяненіи, потому что еще за обѣдомъ у герцога для гостя пили необыкновенно много. Добрый посланникъ сталъ какъ-то слабъ.

22. Была тостъ-коллегія у г.-м. Штенфлихта, который жилъ еще у посланника Штамке, и мы, по обыкновенію, провели время очень весело. Намъ было уже не такъ трудно, какъ сначала, выбирать тосты за здоровье хорошенькихъ женщинъ, потому что мы все болѣе и болѣе знакомились здѣсь, да и какъ-то стало легче удерживать въ памяти имена здѣшнихъ дамъ.

23. Утромъ, пріѣхалъ графъ Пушкинъ и объявилъ, что его величество царь намѣренъ устроить послѣ обѣда увеселительное катанье по Невѣ на всѣхъ здѣшнихъ баркахъ и верейкахъ, на которое приказалъ пригласить и его высочество. Онъ (Пушкинъ) хотѣлъ заѣхать за нами, когда выкинутъ флагъ. Здѣсь такъ заведено, что если въ двухъ или трехъ опредѣленныхъ мѣстахъ города вывѣшиваются флаги, то всѣ барки и верейки, или, смотря по флагу, всѣ яхты, торншхоуты и буеры, должны собираться по ту сторону рѣки, у крѣпости. Для неявляющихся по этому знаку положенъ большой штрафъ. Послѣ обѣда, въ назначенный часъ, явился графъ Пушкинъ, и мы отправились, взявъ съ собою какъ барку, такъ и обѣ наши верейки. Подъѣхавъ къ рѣкѣ, мы увидѣли, что всѣ ушли уже довольно далеко, почему велѣли грести сильнѣе, и скоро догнали флотилію. Впереди ея плылъ адмиралъ *маленькаго флота* *) который составляютъ всѣ упомянутыя

*) Указомъ 18-го Апрѣля 1718 года, Петръ Великій, „для увеселенія народа, наипаче же для лучшаго обученія и искусства по водамъ и смѣлости въ плаваніи“, повелѣлъ изготовить большое число парусныхъ и гребныхъ судовъ и роздать ихъ всѣмъ вельмо-

небольшія суда, имѣвшій на своемъ суднѣ, для отличія, большой флагъ. Прочія суда должны слѣдовать за нимъ и не имѣютъ права обгонять его. Царь ѣхалъ недалеко позади, на баркѣ царицы; онъ стоялъ у руля, а царица, съ обѣими принцессами, своими дамами и каммеръ-юнкерами, сидѣла въ каютѣ. Проплывъ довольно далеко, адмиралъ поворотилъ назадъ, а всѣ слѣдовавшіе за нимъ остановились и выждали, пока онъ не прошелъ мимо. Въ это время мы поравнялись съ царскою баркой, и его высочество, вышедъ изъ задней каюты, кланялся царю, царицѣ и принцессамъ, которыя отвѣчали на его поклоны изъ своихъ оконъ. Мы постоянно оставались потомъ близъ этой барки съ правой стороны. Валторнисты царицы, данные ей Ягужинскимъ, играли поперемѣнно съ нашими, которые на баркѣ стояли позади, царскіе же впереди. Чудный видъ представляла наша флотилія, состоявшая изъ 50-ти или 60-ти барокъ и верeекъ, на которыхъ всѣ гребцы были въ бѣлыхъ рубашкахъ (на баркахъ ихъ было по 12-ти человѣкъ, а на самыхъ маленькихъ верейкахъ не менѣе 4-хъ). Удовольствіе отъ этой прогулки увеличивалось еще тѣмъ, что почти всѣ вельможи имѣли съ собою музыку: звуки множества валторнъ и трубъ безпрестанно оглашали воздухъ. Мы спустились до самаго Екатерингофа, куда пріѣхали очень скоро, потому что плыли по теченію рѣки, да и кромѣ того водою туда отъ города не болѣе четырехъ верстъ. Когда его высочество проѣзжалъ мимо Адмиралтейства, царь закричалъ ему, что въ Четвергъ будетъ спущенъ на воду новый корабль. По пріѣздѣ въ Екатерингофъ, мы вошли на небольшую гавань, въ которую едва ли могутъ свободно пройти два судна рядомъ. Все общество, по выходѣ на берегъ, отправилось въ находящуюся передъ домомъ рощицу, гдѣ былъ накрытъ большой длинный столъ, уставленный холодными кушаньями, за который однакожъ порядочно не садились; царь и нѣкоторые другіе ходили взадъ и впередъ и по временамъ брали что-нибудь изъ поставленныхъ на немъ плодовъ. Царица была такъ милостива, что собственноручно подала каждому изъ нашей свиты по стакану превосходнаго Венгерскаго вина. Каммеръ-юнкеры ея величества также не оставляли усердно угощать насъ. Когда обѣ принцессы пошли немного гулять, его высочество, по совѣту г.-м. Ягужинскаго, испросилъ у царицы позволеніе быть вмѣстѣ съ ними, на что ея величество и согласилась. Герцогъ послѣдовалъ за принцессами, и когда онѣ, увидавъ его, остановились, сдѣлалъ имъ реверансъ и пошелъ съ обѣими подъ

жамъ и нѣкоторымъ другимъ лицамъ, постановивъ вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы всѣ они, въ воскресные дни, по данному сигналу, собирались кататься по Невѣ. Собраніе этихъ судовъ называлось *Невскимъ флотомъ*, а командующій надъ нимъ *Невскимъ адмираломъ*. См. у Рубана, стр. 237, и у Голикова, Дѣян. Петра В., т. VI., стр. 77—99.

руку. Передъ ними шелъ каммеръ-юнкеръ царицы, а позади ихъ слѣдовала большая свита дамъ. Разговаривали во время этой прогулки мало, потому что его высочество и принцессы были еще нѣсколько застѣнчивы между собою, а наши кавалеры не могли много занимать дамъ по незнанію Русскаго языка. Походивъ немного, они воротились и подошли къ царицѣ, которая пригласила герцога сѣсть на свою скамейку вмѣстѣ съ обѣими принцессами. Рядомъ съ нимъ, по правую руку, сѣла старшая, а подлѣ нея меньшая; налѣво же возлѣ его высочества сидѣла царица. Вдовствующей царицы съ дочерью и великаго князя съ его сестрою въ этотъ разъ не было, но придворныя дамы почти всѣ участвовали въ нашей поѣздкѣ. Такъ какъ царь разговаривалъ съ своими приближенными, а другія царственныя особы сидѣли довольно смирно, то Ягужинскій, замѣтивъ, что онѣ со вниманіемъ слушаютъ трубачей, игравшихъ въ рощѣ (изъ которыхъ одинъ былъ отличный) подошелъ и сказалъ царицѣ, что у его высочества есть два валторниста, которымъ едва ли найдутся подобные. Ея величество пожелала ихъ слышать; они явились и превосходно сыграли нѣсколько пьесъ. Царица и принцессы слушали съ большимъ вниманіемъ и восхищались ихъ игрою. Между тѣмъ стало уже становиться довольно поздно. Ея величество встала, чтобы напомнить царю, что пора ѣхать назадъ, и въ это время незамѣтно вручила к.-ю. Монсу двѣнадцать червонцевъ для передачи валторнистамъ. Но такъ какъ государю не хотѣлось еще ѣхать, то начали опять разносить большіе стаканы съ Венгерскимъ, отъ котораго мы порядочно опьянѣли. Наконецъ собрались въ обратный путь. Его высочество хотѣлъ вести къ баркѣ царицу, но она, какъ бы не замѣчая того, обернулась и подала руку другому, чѣмъ доставила случай герцогу вести старшую принцессу. Назадъ мы поѣхали совсѣмъ иначе—черезъ каналъ, и вошли опять въ рѣку только позади лѣтняго дворца царицы. Было уже темно, и вода стояла совершенно спокойно. Передъ окнами принцессъ мы велѣли гребцамъ остановиться, и валторнисты, по приказанію его высочества, сыграли прекрасный ноктюрнъ. Послѣ того мы отправились домой. Гребцы, отъ усиленной работы, были такъ утомлены, что едва могли говорить, почему его высочество приказалъ выдать имъ нѣсколько червонцевъ на водку. Валторнистамъ, которые въ этотъ день очень много играли, герцогъ велѣлъ также дать 10 червонцевъ. Они, слѣдовательно, всего получили 22 червонца. Пожелавъ его высочеству доброй ночи, я отправился домой; но проходя мимо квартиры бригадира Ранцау, увидѣлъ тамъ гостей и вспомнилъ, что утромъ его высочество приказалъ, чтобъ у него была тостъ-коллегія, на которую самъ, по причинѣ нашей поздней поѣздки, не могъ пріѣхать. Я во-

шелъ, думая, что они скоро разойдутся; но оказалось, что они только-что сѣли за ужинъ, къ которому поджидали насъ. Мы просидѣли до поздней ночи, и такъ какъ у меня еще до этого шумѣло въ головѣ, то я воротился домой полупьяный.

24. Я съ придворнымъ проповѣдникомъ и съ Дювалемъ ходилъ въ Адмиралтейство смотрѣть новый корабль, который, какъ говорилъ вчера его величество царь, назначался къ спуску со штапеля 27-го числа. Корабль этотъ 64-хъ пушечный и построенъ Французскимъ мастеромъ, присланнымъ царю на нѣсколько лѣтъ изъ Франціи. Мы застали тамъ переводчика этого мастера, съ которымъ Дюваль былъ знакомъ, и онъ водилъ насъ по всему кораблю. Послѣ того мы осмотрѣли нѣсколько и самое Адмиралтейство. Оно имѣетъ внутри большое, почти совершенно четыреугольное мѣсто (которое съ трехъ сторонъ застроено, а съ четвертой открыто на Неву), гдѣ корабли строятся и потомъ спускаются на воду. Противъ открытой стороны находится большой въѣздъ или главные адмиралтейскіе ворота; надъ ними устроены комнаты для засѣданій Адмиралтействъ-Коллегіи и поднимается довольно высокая башня, выходящая, какъ я говорилъ уже прежде, прямо противъ аллеи, называемой проспектомъ, черезъ который въѣзжаютъ въ Петербургъ и который въ серединѣ вымощенъ камнемъ, а съ боковъ имѣетъ красивыя рощицы и лужайки. Обѣ стороны адмиралтейскаго зданія, идущія флигелями къ водѣ и окаймляющія вышеупомянутое четыреугольное мѣсто, наполнены огромнымъ количествомъ корабельныхъ снарядовъ—парусовъ и канатовъ, хранящихся въ большомъ порядкѣ. По мѣрѣ того, какъ ихъ употребляютъ въ дѣло, комнаты, ими занимаемыя, наполняются новыми. Тамъ же живутъ и работаютъ всѣ принадлежащіе къ Адмиралтейству мастеровые. Подлѣ зданія стоятъ большія кузницы. Въ одномъ изъ флигелей устроена обширная зала, гдѣ рисуютъ и, если нужно, перерисовываютъ меломъ видъ и устройство всѣхъ кораблей, назначаемыхъ къ стройкѣ. Внѣ и внутри адмиралтейскаго зданія наложено множество всякаго рода корабельнаго лѣса; но еще большее его количество лежитъ въ ближайшихъ каналахъ, откуда его берутъ по мѣрѣ надобности. Онъ пригоняется большими плотами изъ дальнихъ мѣстъ Россіи и обходится царю несравненно дешевле, нежели въ другихъ государствахъ. Все это огромное Адмиралтейство обведено снаружи валомъ (съ бастіонами со стороны рѣки), который окруженъ довольно широкимъ и глубокимъ каналомъ, а съ внутренней стороны обрытъ небольшимъ рвомъ. Близъ зданія Адмиралтейства, по направленію къ галерной гавани, строится прекрасная каменная церковь, которая будетъ принадлежать къ нему;

послѣ крѣпостной [1]) церкви она, говорятъ, будетъ лучшею въ Петербургѣ, потому что всѣ прочія, исключая церкви князя (Меншикова), плохія деревянныя. Кромѣ этихъ двухъ церквей, т. е. крѣпостной и адмиралтейской, самыя красивыя здѣсь—церковь Св. Троицы и та, которую выстроилъ князь Меншиковъ на Васильевскомъ острову, недалеко отъ своего дома. Послѣдняя каменная; но первая, находящаяся по ту сторону рѣки, у зданія Коллегій, деревянная, съ широкою открытою колокольнею, на которой много колоколовъ и небольшіе куранты, играющіе сами собою черезъ каждую четверть часа «Господи помилуй». Ее обыкновенно посѣщаетъ царь во время богослуженій [2]). На церкви князя Меншикова, внутри хорошо расписанной и вызолоченной, есть также небольшая красивая башня съ порядочными курантами. Крѣпостная церковь, какъ я уже сказалъ, самая большая и красивая въ Петербургѣ; при ней высокая колокольня въ новомъ стилѣ, крытая мѣдными, ярко вызолоченными листами, которые необыкновенно хороши при солнечномъ освѣщеніи. Но внутри этотъ храмъ еще несовсѣмъ отдѣланъ. Куранты на его колокольнѣ также велики и хороши, какъ Амстердамскіе, и стоили, говорятъ, 55,000 рублей. На нихъ играютъ каждое утро отъ 11-ти до 12-ти часовъ; кромѣ того, каждые полчаса и часъ, они играютъ еще сами собою, приводимые въ движеніе большою желѣзною машиною съ мѣднымъ валомъ. Эта прекрасная церковь построена вся изъ камня и не въ Византійскомъ, а въ новомъ вкусѣ, внутри съ крѣпкими сводами и колоннами, снаружи съ великолѣпнымъ портикомъ, находящимся подъ колокольнею. Но кромѣ сводовъ, колоннъ и оконъ, въ ней еще ничего не готово. Осмотрѣвъ Адмиралтейство, мы отправились къ упомянутому корабельному мастеру и роспили у него нѣсколько стакановъ Шампанскаго и Бургонскаго. Потомъ я пошелъ къ посланнику Штамке, у котораго вечеромъ назначена была тостъ-коллегія.

25. Его королевское высочество поѣхалъ на обѣдъ къ вел. канцлеру Головкину (куда былъ приглашенъ еще наканунѣ), нарочно пораньше, потому что тамъ ожидали также и царскую фамилію. Его высочество, какъ и въ первый разъ, былъ встрѣченъ молодымъ Головкинымъ на мосту передъ домомъ, послѣ чего на балконѣ заиграли на трубахъ. Самъ великій канлцеръ встрѣтилъ герцога внизу на крыльцѣ и повелъ его въ комнату, гдѣ былъ накрытъ царскій столъ и гдѣ со-

---

[1]) Т. е. Петропавловскаго собора, который сначала, до 1714 года, былъ деревянный. См. о немъ подробнѣе у Руб., стр. 34 и 245—290.

[2]) „Соборная церковь Святыя Живоначальныя Троицы, деревянная, построена въ 1710 году на Санктпетербургскомъ острову на берегу недалеко отъ Петровскаго мосту“. Рубанъ, стр. 291.

брались уже почти всѣ здѣшніе вельможи, которые, одинъ за другимъ, подходили и привѣтствовали его высочество. Вслѣдъ за тѣмъ пріѣхалъ царь, и хозяинъ встрѣтилъ его, также при звукахъ трубъ, внизу передъ домомъ. Его высочество, узнавъ объ его пріѣздѣ, тоже поспѣшилъ къ нему на встрѣчу. Въ сѣняхъ государь нѣжно обнялъ его и потомъ, по обыкновенію своему, пошелъ прямо къ столу, на которомъ были уже поставлены холодныя кушанья. Царицу также ожидали, но пришло извѣстіе, что она не будетъ по причинѣ нездоровья, почему дамы сейчасъ же сѣли за столъ. Когда царь сѣлъ на свое мѣсто, подлѣ него съ правой стороны, безъ церемоній, помѣстился одинъ изъ его любимцевъ, Ив. Мих. Головинъ (учившійся вмѣстѣ съ царемъ кораблестроенію), такъ что его высочество долженъ былъ сѣсть подлѣ царя съ лѣвой стороны. Возлѣ его высочества сѣлъ князь Меншиковъ, а возлѣ него т. с. Бассевичъ. Прочіе здѣшніе вельможи и наши кавалеры размѣстились какъ кому пришлось. Дамы сидѣли въ смежной комнатѣ совершенно отдѣльно, за большимъ круглымъ столомъ; у нихъ не было никого изъ мущинъ, кромѣ молодаго Трубецкаго, который разрѣзывалъ имъ кушанья. Въ другихъ комнатахъ было накрыто еще два стола для тѣхъ, кому не достало мѣста за царскимъ столомъ. Каммеръ-юнкеръ и я во все время обѣда стояли позади герцога, и когда онъ всталъ, домашній секретарь канцлера повелъ насъ къ одному изъ названныхъ столовъ; но мы недолго занимались своимъ обѣдомъ, потому что подавали намъ плохія кушанья. Хозяинъ съ сыномъ во весь обѣдъ ходилъ вокругъ царскаго стола и самъ подавалъ напитки государю, а раза два и его высочеству. Полный оркестръ царицы, за отсутствіемъ ея величества, началъ было играть недалеко отъ мужскаго стола, но скоро долженъ былъ умолкнуть по приказанію царя, который небольшой охотникъ до музыки. У дамскаго стола, гдѣ на первыхъ мѣстахъ сидѣли княгиня Меншикова, княгиня Черкасская и сестра Меншиковой *), прислуживали обѣ дочери канцлера. Къ концу обѣда тамъ подавали разныя сласти, чего за столомъ царя никогда не бываетъ. За обѣдомъ его величество забавлялся съ царицынымъ кухмистеромъ, который накрывалъ на столы и распоряжался при подачѣ кушаній. Когда тотъ хотѣлъ поставить какое-то блюдо, царь схватилъ его за голову и началъ приставлять къ ней пальцы въ видѣ роговъ. Дѣло въ томъ, что когда-то у него была очень распутная жена; но это обстоятельство, должно быть, не слишкомъ огорчало его, потому что на воротахъ его дома до сихъ поръ красуются оленьи рога, прибитые туда по приказанію царя. Государь всякій разъ, какъ

---

*) Арсеньева.

увидитъ его, показываетъ ему пальцами рога; а если поймаетъ, то держитъ съ четверть часа и все дразнитъ этимъ, такъ что тотъ, чтобъ освободиться, иногда сильно бьетъ его величество по пальцамъ, и только тѣмъ отъ него избавляется [1]). Въ этотъ разъ за него ухватились также Ив. Мих. и царскіе деньщики, которые помогали держать его сзади. Нѣсколько времени ему было очень трудно вырваться; по совсѣмъ тѣмъ онъ хваталъ царя за руки съ такою силою, что я каждую минуту боялся, что онъ переломаетъ ему пальцы (человѣкъ этотъ очень силенъ, и если что̀ схватитъ, то хорошо схватитъ). Вскорѣ послѣ обѣда царь уѣхалъ опять въ своей шлюпкѣ домой на послѣ-обѣденный отдыхъ; онъ никогда не ѣздитъ въ баркахъ, какъ здѣшняя знать, употребляющая ихъ для бо̀льшаго удобства. Хотя его величество и увѣрялъ, что скоро возвратится, однакожъ опять не пріѣхалъ. Когда столы вынесли вонъ, начались танцы, и его высочество показывалъ особенное усердіе, потому что нѣкоторыя дамы ему очень нравились, какъ напр. младшая Головкина[2]), въ которую онъ въ этотъ день былъ смертно влюбленъ. Она небольшого росту, пріятна и недурна собою, только до того румянится, что лицо ея блеститъ какъ ни у одной изъ здѣшнихъ дамъ. Говорятъ, она знаетъ немного Нѣмецкій языкъ; однакожъ не хотѣла вдаваться въ разговоръ ни съ его высочествомъ, ни съ кавалерами нашей свиты. Мы протанцовали до вечера, и хотя великій канцлеръ вовсе не намѣренъ былъ дѣлать для своихъ гостей ужина, но, по настоянію генералъ-маіора Ягужинскаго, приказалъ таки опять накрыть два стола, которые, впрочемъ, стоили ему немного, потому что поданы были одни только холодныя и разогрѣтыя кушанья. Танцы отъ того такъ долго продолжались, что сошлись все молодые дамы и кавалеры, которые любили потанцовать и притомъ старались замучить другъ друга. Мы танцовали по два Польскихъ и по два Англійскихъ танца сряду, и наконецъ начали одинъ такой, который продолжался болѣе получаса: десять или двѣнадцать паръ связали себя носовыми платками, и каждый изъ танцовавшихъ, попеременно, идя впереди, долженъ былъ выдумывать новыя фигуры. Особенно дамы танцовали съ большимъ удовольствіемъ. Когда очередь доходила до нихъ, онѣ дѣлали свои фигуры не только въ самой залѣ, но и переходили изъ нея въ другія комнаты; нѣкоторыя водили въ садъ, въ другой этажъ дома и даже на чердакъ. Словомъ, одна не уступала другой. При всѣхъ этихъ переходахъ одинъ изъ музыкантовъ со скрип-

[1]) Въ Даніи, въ подобномъ же случаѣ, такая оборона графа Бранда отъ короля Христіана VII была вмѣнена первому въ число преступленій, за которыя онъ подвергся смертной казни. *Примѣч. Бюшинга.*

[2]) Анастасья Гавриловна, въ слѣдующемъ году супруга кн. Ю. Н. Трубецкаго. П. Б.

Архивъ графовъ Мордвиновыхъ. Предисловіе и примѣчанія В. А. Бильбасова. Спб. 1901—1902. Большая 8-ка. Томъ первый XXVIII, 711 и 2 нен. стр. Томъ второй VII, 614 и 2 нен. стр. Томъ третій XIV, 706 и 2 нен. стр. съ гербомъ графовъ Мордвиновыхъ („Вѣрностью и Правдою").

Образцовое изданіе и по обилію обстоятельныхъ примѣчаній перваго нынѣ знатока Русской новой исторіи. Это въ родѣ примѣчаній Я. К. Грота къ сочиненіямъ Державина. Въ первомъ томѣ помѣщены бумаги Семена Ивановича, Александра и Николая Семеновичей Мордвиновыхъ (послѣдняго до царствованія Павла включительно). Въ предисловіи издатель противополагаетъ Мордвиновыхъ, „людей труда и дѣла", нашей аристократіи. „Мордвиновымъ, говоритъ онъ, была ненавистна какъ придворная жизнь, этотъ омутъ, по компетентному слову Великой Княгини Маріи Николаевны, такъ и столичная, это вѣчное толченіе въ пустой ступѣ, по мѣткимъ словамъ князя Вяземскаго". Въ блестящихъ страницахъ о графѣ Н. С. Мордвиновѣ не упомянуто, что онъ получилъ графское достоинство, благодаря содѣйствію находившагося съ нимъ въ родствѣ многосильнаго тогда (1834) Л. В. Дубельта.

Второй томъ состоитъ изъ приложеній къ первому и относится преимущественно къ Черноморской дѣятельности Н. С. Мордвинова. Онъ не любилъ излишества въ канцелярской перепискѣ. Сохранилось преданіе, что поступавшіе къ нему чиновники обязывались такъ называемымъ реверсомъ не писать бумагъ свыше четверти страницы безъ оборота на другую сторону, гдѣ за каждую строку съ нихъ взыскивался денежный штрафъ въ размѣрѣ получаемаго жалованья. Нынѣ, у иныхъ чиновниковъ не достало бы всего жалованья на уплату такой пени.

Третій томъ занятъ бумагами Н. С. Мордвинова съ 1801 по 1809 годъ. Позволимъ себѣ сдѣлать поправку къ VIII стр. предисловія: сына княгини Дашковой звали не Дмитріемъ, а Павломъ Михайловичемъ.

Судя по ссылкамъ издателя, видно, что Мордвиновскій Архивъ займетъ еще нѣсколько томовъ, появленіе которыхъ желательно для всѣхъ занимающихся Русскою Исторіею XIX вѣка. П. Б.

*

Вторая дополнительная полемика по вопросамъ Варяго-Русскому и Болгаро-Гуннскому. *Д. Иловайскій.* Посвящается двѣнадцатому Археологическому съѣзду. Москва 1902. 8-ка, IV и 106 стр. Цѣна 40 к.

ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1902 года.

(Годъ 40-й).

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1902 году, за **двѣнадцать выпусковъ**, съ пересылкой и доставкой **девять** рублей; для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива» на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и автографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву" для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» прошлыхъ лѣтъ получаются по слѣдующимъ цѣнамъ: **1874** годъ, съ двумя гравированными на стали портретами (Ѳ. И. Тютчева и князя В. Ѳ. Одоевскаго), за 6 р., съ пересылкою 7 р.; годы **1877**, **1879**, **1884** и **1886—1889** по 5 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 6 р.; годы **1890—1892**, **1894** и **1895** по 6 р., съ пересылкою по 7 р.; годы **1898—1901** по 8 р., съ пересылкою 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Оставшіеся въ розбити выпуски можно получать по **1 р.** съ перес.

Роспись содержанію Русскаго Архива за первыя 30 лѣтъ изданія (1863—1892) съ Азбучнымъ Указателемъ. М. 1894. 240 стр. Цѣна **три** рубля.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногороднаго на иногородный и заграничнаго на заграничный — **30** копѣекъ; Московскаго на иногородный—**90** копѣекъ; иногороднаго на Московскій—**40** копѣекъ (*по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ*).

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, отъ 9 часовъ утра до 5 часовъ по полудни.

Составитель и издатель „Русскаго Архива" Петръ Бартеневъ.

Открыта подписка на 1903-й годъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1902

10.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1902.

Списокъ городовыхъ воеводъ и другихъ лицъ воеводскаго управленія. Московскаго Государства XVII столѣтія, по напечатаннымъ правительственнымъ актамъ. Составилъ Александръ Барсуковъ членъ Археографической Комиссіи. Спб. 1902 г. IX+611.

Издано Археографической Комиссіей.

Если изданный въ 1877 г. той же Археографической Комиссіею трудъ Строева: „Списки іерарховъ и настоятелей монастырей“, представляетъ необходимую принадлежность каждой ученой библіотеки, то и трудъ А. П. Барсукова „Списки воеводъ XVII в.“, является теперь такой же книгой, безъ которой едва ли обойдется ученый историкъ. Масса потраченнаго авторомъ труда и огромная его начитанность, которую онъ уже не разъ проявлялъ въ своихъ прежнихъ работахъ, заставляютъ насъ быть глубоко признательными ему за его новый капитальный трудъ.

Въ предисловіи А. П. Барсуковъ говоритъ, что при собираніи матеріаловъ для исторіи рода Шереметевыхъ, онъ записывалъ на карточкахъ всѣхъ встрѣчающихся въ напечатанныхъ документахъ XVII в. городскихъ воеводъ. Объ извлеченіяхъ же изъ рукописныхъ архивныхъ источниковъ онъ не смѣлъ и думать: ибо это, по словамъ его „цѣлый океанъ, который не одолѣть единичному пловцу.“ Но и то, что сдѣлалъ А. П. Барсуковъ, есть уже великая заслуга. Имъ показанъ путь и то направленіе, котораго уже легко держаться въ дальнѣйшихъ работахъ по разбираемому вопросу. Теперь есть возможность, пользуясь книгой А. П. Барсукова, для справокъ, производить дальнѣйшія пополненія его списка. Всѣ Архивныя Комиссіи, имѣющія въ своемъ распоряженіи богатый областной матеріалъ XVI—XVIII в., полагаемъ, не откажутся воспользоваться трудомъ А. П. Барсукова и дополнять его работу списками воеводъ XVI—XVIII в. по архивнымъ матеріаламъ, напечатавъ списки въ своихъ помѣстныхъ изданіяхъ.

Попытки печатанія списковъ воеводъ были съ давняго времени, но они были отрывочны и разбросаны въ разныхъ изданіяхъ.

Однимъ изъ болѣе основательныхъ списковъ воеводъ былъ списокъ составленный въ 1793 г. корреспондентомъ Академіи Наукъ штабъ-лекаремъ Яковомъ Фризъ—по городу Великому Устюгу. Работа Фриза была перепечатана нами къ Великоустюжской лѣтописи *). При сравненіи его съ списками А. П. Барсукова, оказывается, что Як. Фризъ помѣстилъ не всѣхъ Великоустюжскихъ воеводъ XVII в.; но съ другой стороны и списокъ А. П. Барсукова долженъ быть пополненъ слѣдующими воеводами: Михаилъ Ивановичъ Щенятьевъ около 1640, Андрей Васильевичъ Волынскій 1650, Петръ Тимоѳеевичъ Измайловъ 1670, Амвросій Ивановичъ Ладыженскій 1676, Иванъ Романовичъ Селивановъ 1685 г., Дмитрій Ивановичъ Лихаревъ 1695 г., Иванъ Петровичъ Матюшкинъ 1699 г.

Въ г. Ростовѣ, кромѣ помѣщенныхъ въ книгѣ А. П. Барсукова воеводъ, были еще: князь Иванъ Засѣкинъ 1644 г., Иванъ Елецкій 1662, Михаилъ Юрьевичъ Татищевъ былъ дважды: въ 1670 и въ 1676 г. Никита Ивовскій 1672 г., Андріанъ Бестужевъ 1674, Петръ Новосильцовъ 1688, Григорій Новосильцовъ 1689, Иванъ Кафтыревъ 1690, Василій Каф-

*) Лѣтопись Великоустюжская. М. 1889.

ДНЕВНИКЪ ИВАНА МИХАИЛОВИЧА СНѢГИРЕВА *).

1836-й годъ.

Январь. 1. Въ своемъ приходѣ съ матушкою я былъ у обѣдни; дома служили у насъ молебенъ съ водосвятіемъ. Утромъ я ѣздилъ съ поздравленіемъ къ имянинникамъ. Помолился въ соборахъ и приложился къ св. мощамъ и иконамъ.

2. Обѣдалъ у тестя, къ которому преосвященный Исидоръ прислалъ за мною свою карету. Вечеръ у меня посидѣлъ онъ съ Греческ. архимандритомъ и Я. Е. Арсеньевымъ. При немъ принесли ко мнѣ изъ Совѣта объявленіе благоволенія отъ г. министра за участіе въ журналѣ Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія и приглашеніе въ Совѣтъ М. У. на выборъ новаго ректора. Поутру А. П. Павловъ извѣстилъ меня о кончинѣ Ю. Ульрихса наканунѣ и поставилъ мнѣ на видъ его мѣсто, какъ приличнѣйшее для меня. Я сказалъ, что удобнѣе мнѣ по сосѣдству Институтъ.

3. Съ С. П. Шевыревымъ я прочиталъ 1-ю тетрадь *Русскихъ праздниковъ народныхъ*, которую онъ одобрилъ, сообщивъ мнѣ два замѣчанія.

9. Въ лавкѣ Ширяева я узналъ отъ Осипова о кончинѣ Пл. П. Бекетова въ Крещенскій Сочельникъ.

10. Въ Цензурномъ Комитетѣ, я узналъ, что Государемъ назначена мнѣ пенсія 2000 р. съ правомъ удержанія оной при переходѣ въ другую службу и предоставлена возможность остаться цензоромъ. Я поздравлялъ А. А. Писарева съ 2 ст. Владиміра, а А. З. Дурасова съ 4 ст. Георгія и обѣдалъ у него.

11. Помолясь въ церкви Трехъ Радостей, я былъ въ новой Лютеранской церкви на отпѣваніи бывшаго профессора Ю. Ульрихса, который умеръ при самомъ послѣднемъ концѣ 1835 г., въ самую полночь. Церемонія была великолѣпная и проповѣдь продолжительная Гёринга. Тамъ видѣлся я съ кн. С. М. Голицынымъ и съ Т. Каменецкимъ, который изъявлялъ мнѣ участіе.

---

*) См. выше, стр. 5-я.

12. Отслушавъ заутреню въ Драчахъ, раннюю обѣдню стоялъ въ Егорьевскомъ мон., гдѣ видѣлъ въ теплой церкви за лѣвымъ клиросомъ образъ мѣстный Св. Георгія на бѣломъ конѣ, съ непокровенною главою, въ панцырѣ и съ мантіею на плечахъ, копіемъ поражаетъ дракона, коего держитъ на веревкѣ царевна съ лѣвой стороны, стоящая въ нижнемъ этажѣ терема; въ верхнемъ смотрятъ два лица; подъ всадникомъ Спаситель. Заходилъ въ церковь въ Живорыбномъ ряду Николы Мокраго, гдѣ видѣлъ образъ Св. Николая Кіевскій, исцѣлившій В. К. Юрія Мстисл., и Визант. стиля образъ Св. Іоанна Богосл. Поздравилъ кн. П. П. Гагарина съ орденомъ Бѣлаго Орла.

16. Намъ сдѣлали посѣщеніе А. Н. Б.-Каменская съ племянницею. Послѣ обѣда были Я. Е. Арсеньевъ, а послѣ него кн. Дм. Влад. Голицынъ съ Прудниковымъ. Говорено объ изданіи въ Москвѣ журнала историко-нравственнаго, который бы имѣлъ вліяніе на нравственность, вкусъ и языкъ Русскій, искаженный журналистикою, который былъ бы проводникомъ полезныхъ свѣдѣній. Князь изъявилъ на это свое согласіе и готовность поговорить со мною особенно объ этомъ, такъ равно о Сирот. домѣ. Онъ желаетъ, чтобы Латинскій языкъ былъ основаніемъ изученія иностранныхъ и Русскаго языковъ и чтобы преподаванію дано было классическое направленіе [1]). Спрашивалъ моего мнѣнія о духѣ ученія м. Филарета. Я отрекся быть судіею архипастыря и уклонился отъ собственныхъ сужденій. Я казалъ князю рѣдкія Русскія гравюры [2]) и волосы царей Русскихъ. Онъ простился со мною послѣ часовой бесѣды очень благосклонно и милостиво.

18. Утромъ я былъ у С. П. Шевырева и въ Алекс. инст. Получивъ пригласительную записку отъ кн. Д. В. Г., я отъ Я. Е. Арсеньева пріѣхалъ къ нему и посидѣлъ у него въ кабинетѣ около 2 час. Говорено о Сирот. М. домѣ и объ изданіи журнала: Московской Библіотеки для Русскихъ. Для перваго онъ обѣщалъ исходатайствовать пособія, спрашивалъ объ учителяхъ, которыхъ службу я особенно рекомендовалъ его вниманію, и вызвался обезпечить мою службу при этомъ заведеніи жалованьемъ. Касательно второго спрашивалъ о сотрудникахъ. Я назвалъ Д. Н. Б.-Каменскаго, о трудахъ и нравств. достоинствахъ котораго сказалъ все, что внушили справедливость и моя къ нему преданность. При этомъ говорено о цѣли и направленіи сего журнала, который былъ бы противодѣйствіемъ вредному вліянію

---

[1]) Князь Д. В. Голицынъ получилъ образованіе въ Парижѣ. П. Б.

[2]) Куда перешло Снѣгиревское собраніе старинныхъ Русскихъ гравюръ? Между ними случилось мнѣ видать рѣдчайшую: это бракосочетаніе Петра и Екатерины (1712); съ боковъ стоятъ дѣвочки, Анна и Елисавета Петровна, и на обѣихъ вѣнцы. П. Б.

юной словесности и духу безбожія и безначалія. За этимъ слѣдовалъ вопросъ князя, не знаю ли я такого скопища въ Москвѣ и не имѣю ли какихъ либо положительныхъ фактовъ и свидѣтельствъ? Отвѣчалъ, что кромѣ внѣшнихъ признаковъ и слуховъ, всѣмъ и слѣд. ему самому извѣстныхъ, ничего не знаю. Тоже сказалъ и о м. Филаретѣ, которому я обязанъ благодарностію за его одолженія, но ничего другого не могу сказать о немъ, кромѣ того, что онъ несчастенъ тѣмъ, что возбудилъ сильное въ народѣ противъ себя подозрѣніе; справедливо ли оно или нѣтъ, не вѣдаю; вѣдаетъ Сердцевѣдѣцъ. На слова кн. Д. В., что слышалъ онъ, будто и я принадлежалъ къ Баварской ложѣ, но вмѣстѣ съ Блудовымъ отпалъ, я возразилъ, что это чистая клевета недобросовѣстныхъ и что Блудова я только однажды и видѣлъ. У Филарета бываю по сосѣдству и по знакомству, бесѣдую съ нимъ объ ученыхъ дѣлахъ, а въ тайны его не проникалъ и ни къ какимъ тайнымъ обществамъ не принадлежалъ. Въ заключеніе просилъ князь, если можно будетъ, доставить ему акты; а я просилъ о его покровительствѣ.

19. Я отвезъ къ А. М. Метлову *Рѣчь о библ. общ.* для доставленія кн. Д. В. Г. по моему обѣщанію; оттуда заѣхалъ на имянины къ Греч. архимандриту Макарію, съ которымъ разговаривалъ объ Иверскомъ м. въ Аѳонскихъ горахъ, а съ братомъ преосв. Іероѳея объ Іерусалимѣ, гдѣ онъ родился. Смотрѣли планъ Аѳонскихъ горъ.

Я обѣдалъ у П. И. Арсеньева съ Д. Н. Бант.-Кам. и тамъ слышалъ, что на мѣсто Блудова опредѣляется гр. С. Строгановъ, непрочный попечитель М. У. Носк. и Пр. сказывали, что онъ въ Литвѣ такое показалъ пристрастіе къ Полякамъ мятежнымъ, что тамъ въ домахъ вездѣ выставлялись его портреты. И такъ, онъ искалъ себѣ славы у враговъ, а не у соотечественниковъ! Будто графъ А. Панинъ на мѣсто его.

20. Мать-схимница изъ Хотькова прислала просфору съ благословеніемъ. Я прочелъ послѣдній листъ Лат. грамм. своей. Вечеръ со мною провелъ архимандритъ Макарій, который привезъ мнѣ розовой воды изъ Аѳонск. горы и мыла изъ Іерусалима. М. Ѳ. Прудниковъ заѣзжалъ ко мнѣ переговорить касательно кн. Д. В. и предлагалъ мнѣ пособія, отъ коихъ я отказался.

Февраль. 5. У меня были на блинахъ преосв. Исидоръ, подарившій моему Мишѣ прекрасную чашку съ ложечкою и померанцевъ, П. И. Арсеньевъ, Д. М. Львовъ, Д. П. Горихвостовъ; обѣдали Д. Н. Б.-Каменскій, архимандриты Даніилъ и Макарій, тесть, М. Ѳ. Прудниковъ съ сыномъ. Говорено о блинахъ, кои подъ именемъ *млиновъ ско-*

вредныхъ встрѣчаются въ В. Завѣтѣ; о. Даніилъ замѣтилъ, что они есть въ Китаѣ.

6. Я послалъ письма въ Спб. къ Д. И. Языкову, Анастасевичу, П. И. Кеппену и А. П. Святославскому*) съ просьбою о защитѣ схимницы Евпраксіи отъ притѣсненія игум.; потомъ былъ съ благодарностію у Д. М. Львова и навѣстилъ больную Д. И. Снѣгиреву.

8. Былъ у Н. А. Полевого, пріѣхавшаго изъ Спб. съ пріятными надеждами: ему поручено Государемъ писать *Исторію Петра I* по ходатайству Бенкендорфа. Обо мнѣ замѣтилъ, что въ Спб. есть люди ко мнѣ благорасположенные, которые меня уважаютъ и готовы мнѣ служить; совѣтовалъ мнѣ туда съѣздить. Я съ нимъ прочелъ I-й листъ *Русск. народн. праздниковъ* и получилъ отъ него собраніе *Русск. пѣсенъ.*

9. Услышалъ, что въ Спб. сгорѣлъ балаганъ большой на Исак. пл., гдѣ погибло до 200 чел. народу. Государь самъ разбиралъ тѣла и горько плакалъ, потомъ служилъ панихиду. Послѣ домашняго обѣда, я отвезъ портфель съ бумагами консист. о состояніи церквей и монастырей послѣ нашествія враговъ въ 1812 г. Потомъ я на блинахъ былъ у П. И. Арсеньева, гдѣ видѣлся съ преосв. викаріемъ Исидоромъ, архимандритами Гермогеномъ и Іосифомъ; тамъ встрѣтилъ А. П. Ермолова. Послѣ этого былъ въ соборахъ и у тестя.

10. Получено письмо отъ Плюшара съ приглашеніемъ участвовать въ Энц. Слов. и съ просьбою о доставленіи статей; послалъ я къ нему отвѣтъ и 1 л. корректуры Р. Праздн. къ М. Діеву.

12. Въ Патріарш. библіотекѣ разсматривалъ рукописи характ., служебники Св. Антонія Римлянина, Св. Варлаама Хутынскаго и Макар. Минею, изъ коихъ сдѣлалъ для себя выписки. Съ И. П. Сахаровымъ я перечиталъ I листъ *Русск. Праздн.*, который онъ весьма одобрялъ. Встрѣтясь въ Кремлѣ съ Н. Д. Бант.-Каменскимъ, пошелъ съ нимъ на праздникъ въ Чудовъ, гдѣ была чрезвычайная жара и тѣснота.

13. Утромъ я былъ у пр. Морошкина, съ которымъ прочелъ I л. Русск. Праздн., коихъ основная идея въ народѣ. Праздники—училища нравственности и образованія. Они развиваютъ и возбуждаютъ чувства и мысли въ народѣ. Славяне, жившіе подъ именемъ Руси въ Помераніи (Меря) и Силезіи на берегу рѣкъ Одера, Эльбы, Варты, перенесли на нашъ Сѣверъ свои обычаи и повѣрья и даже дали имена городамъ и мѣстечкамъ тѣже, какія носили они на ихъ пепелищахъ. Съ Д. М. Львовымъ поговорилъ о Екатеринѣ II, о Пушкинѣ и Сир. домѣ. Я

*) Секретарю митрополита Филарета, находившемуся тогда съ нимъ въ Петербургѣ на Троицкомъ подворьѣ.

объяснилъ ему причины нехожденія учителей, просилъ о замѣнѣ матем. и Франц. яз.; согласился, если станетъ жалованья; назначилъ экзаменъ предъ Страстною недѣлею.

14. Отправилъ по почтѣ въ Спб. статью свою о *патріаршей ризницѣ* къ Плюшару.

15. Отъ тестя, котораго поздравилъ я съ окончаніемъ говѣнья, услышалъ объ убійствѣ у Тріумф. воротъ большого волка, который искусалъ до 15 чел. и въ томъ числѣ священника ц. Св. Николая на Мясницк. Былъ у Д. Н. Каменскаго, обѣдалъ у М. Ѳ. Прудникова, который въ этотъ день пріобщался съ женою.

16. Отъ м. Евгенія я получилъ письмо, въ коемъ онъ проситъ позволенія прислать ко мнѣ свой *Слов. Русск. свѣт. писателей* для изданія.

21. Съ С. П. Шевыревымъ я прочелъ первый л. *Русск. Праздниковъ* и оставилъ ему продолженіе оныхъ. Послѣ Ценз. Комитета я взялъ изъ унив. библіотеки 6 т. *Трудовъ* Вольн. Росс. собранія для И. И. Давыдова, кои отдалъ Ширяеву. У Мосолова куплена пара караковыхъ лошадей за 300 р.

25. Въ Спб. я отправилъ экземп. своей Лат. грамм. 3 изд. къ Д. И. Языкову, къ О. И. Сенковскому, къ кн. Пл. Ширинскому-Шихматову съ письмомъ, къ А. А. Краевскому, къ С. Строеву. У меня провелъ утро и обѣдалъ о. архимандритъ Аполлосъ, который сказывалъ, что Наполеонъ въ Москвѣ замѣтилъ о Петрѣ I: *онъ пилъ и спѣшилъ*; отецъ его знаменитѣе и полезнѣе для отечества.

Мартъ. 1. Былъ у Гёринга для совѣщанія о Герман. древностяхъ; отъ И. Тычинкина получилъ собраніе очерковъ древнихъ иконъ. Князю Шаликову казалъ я М. Сиротскій домъ, коимъ онъ восхищался.

3. Я написалъ письмо къ м. Филарету, испрашивая позволенія напечатать въ М. В. его надпись на иконѣ Св. Николая Чудотв., данной имъ М. Сиротск. дому, и отправилъ оное на почту съ письмомъ къ А. П. Св. Былъ въ Сир. д., гдѣ видѣлся съ купцомъ Орлов. Оловянишниковымъ, который пожертвовалъ въ оный 20 т. р. Послѣ обѣда я былъ у Я. Е. Арсеньева и въ Александр. Инстит. Въ засѣданіи Истор. Общества познакомился съ кн. Оболенскимъ, издателемъ Кіевской Лѣтописи. Разсуждаемо было объ изданіи путешественниковъ иностр. въ Россію. Чертковъ предлагалъ переводить Разсужденія Академіи Наукъ касательно Росс. Исторіи для распро страненія свѣдѣній.

8. Заходилъ къ Вельтману поговорить касательно публикаціи *Картины Свѣта*; онъ обѣщалъ завтра внести половину рукописи въ Цензурн. Комитетъ. Проѣхалъ въ Александр. Институтъ для урока,

послѣ коего прошелъ къ кн. Д. В. Г., поговорилъ съ А. М. Метловымъ о себѣ и особенно о Д. Н. Б.-К.; онъ обѣщалъ напомнить князю о невыгодности его положенія по службѣ и о вознагражденіи его за невинное терпѣніе пятилѣтнее сенаторствомъ или приличнымъ мѣстомъ. Promissit *).

11. Утромъ я былъ у М. Н. Загоскина, съ которымъ потолковалъ о различныхъ дѣлахъ; онъ, принявъ меня ласково, показывалъ во 2 н. Телескопа, въ рецензіи на Энципл. Лексиконъ, ошибочное заключеніе критика, что слово *кокоры* въ гербѣ Балахны опечатка; вѣрно онъ думалъ, что должны быть *короны* или *коровы*. Но дѣйствительно въ гербѣ сего города значатся *кокоры*—ребра барокъ, такъ называемыя и въ гербовникѣ. Это произошло отъ опрометчивости и заносчивости Надеждина, который то почитаетъ ложнымъ или несбыточнымъ, чего не знаетъ. Мы поговорили съ нимъ о Петрѣ I и преосв. Амвросіѣ Кам. Отъ него я заѣхалъ къ Полевому и нашелъ его сухимъ и мрачнымъ. Говорили о судьбѣ и борьбѣ съ нею воли нашей.

13. Былъ въ засѣданіи Цензурнаго Комитета, въ который полученъ отъ министра строгій выговоръ Болдыреву (1835 г.) за пропускъ въ 14 № Телескопа словъ, оскорбительныхъ для Шведскаго престола: «Шведы не любятъ наслѣднаго принца Оскара, и послѣ смерти Бернадота навѣрное вспыхнетъ революція. Оскару не царствовать».

14. Заѣзжалъ къ И. И. Давыд., съ которымъ поговорилъ о взысканіи несправедливомъ съ библіотеки Унив. лишнихъ протоколовъ и о состояніи библіотеки О. Л. Р. Сл., о чемъ онъ совѣтовалъ отнестись къ А. А. Ант., и о своихъ дѣлахъ: «надобно подождать и посмотрѣть, какъ пойдетъ новое поколѣніе, отъ коего онъ не ожидаетъ хорошаго». Сказывалъ, что многіе студенты жалѣютъ обо мнѣ и не находятъ лучшимъ и полезнѣйшимъ преемника, что они понимаютъ политику гр. С. С., не смотря на его дружескій тонъ обращенія съ ними. У Д. я встрѣтился съ Бодянскимъ, который обѣщалъ доставить мнѣ матеріалы *для народ. Русск. праздниковъ*, сходныхъ болѣе съ праздниками южныхъ, чѣмъ западныхъ Славянъ. Въ Словацкихъ пѣсняхъ онъ нашелъ болѣе ста божествъ. Не заставъ Д. М. Львова, проѣхалъ къ обѣднѣ въ церковь князя С. М. Голицына, у котораго встрѣтился съ А. А. Писаревымъ, съ Н. В. Посниковымъ, съ кн. Н. Н. Голицынымъ и пр. Оттуда я заѣхалъ къ Д. Н. Б.-Каменскому, которому далъ для просмотрѣнія книгу указовъ *Петра II*, а сыну его Лат. грамм. свою.

*) Д. Н. Бантышъ-Каменскій лишился губернаторскаго мѣста въ Тобольскѣ по жалобѣ на него князя А. С. Меншикова: археологъ-губернаторъ разбиралъ могилу и гробъ Петровскаго „полудержавнаго властелина". П. Б.

28. Утромъ я былъ у А. С. Ширяева, которому открыть долженъ, что его книга находится у кн. Д. В. Г. и поэтому я не возвращаю ее, не смотря на его требованія. Отъ него я заѣхалъ къ профессору Ѳ. Морошкину; поговорили о первобытномъ мѣстѣ Славянъ, которые должны быть *Русь*, жившая въ сѣверной Германіи. Красная гора и много урочищъ въ Помераніи и Силезіи. Рюгенъ былъ главнымъ прорицалищемъ; прочіе Славяне ѣздили на островъ Рюгенъ для торговли и гаданія, платили въ храмъ десятину. *Красный* есть господствующая идея въ мірѣ Славянскомъ, перенесенная и на нашъ Сѣверъ съ Одера и Дуная. Чудь, чудеса=кудеса; коби, кобленіе=кобениться, какъ свойство чародѣевъ, также корчить=Хорсъ. Оттуда я проѣхалъ въ соборы, гдѣ помолился; въ Арханг. с. совѣтовалъ старостѣ и ключарю написать, вокругъ образа перенесенія мощей Св. Димитрія, ангеловъ членовъ царствующаго дома, начиная съ Св. Николая, и еще образъ Св. Александра Невскаго въ память трехдневнаго пребыванія въ этомъ соборѣ тѣла императора Александра I.

38. Вечеръ провели и ужинали у И. Н. Царскаго на имянинахъ, гдѣ отъ полковника Калашникова слышалъ, что отъ князя Шаликова депут. двор. собраніе отняло княжество за неимѣніемъ документовъ на оное.

Апрѣль. 1. Утромъ были Греческій архим. Макарій съ просфорою, К. Зеленецкій съ книгою своей и С. П. Шевыревъ съ визитомъ.

3. Отдалъ на почту письма въ Спб. къ В. Г. Анастасевичу, къ Н. Самойлову, къ Я. М. Невѣрову и Плюшару съ реестромъ моихъ статей для Э. Л.; послалъ также *Исторію поэзіи* Ш. къ Лобойкѣ въ Вильну и *каталогъ Царск.* съ *Лат. грамматикою* въ Одессу къ Мурзакевичу.

7. Радуница. Я похристосовался на Лазарев. кладоищѣ съ батюшкою, дѣтьми своими, съ родными и знакомыми; отслужилъ панихиду; заѣхалъ къ М. М. Евреинову поговорить касательно сочиненій Сковороды, мною цензуруемыхъ, въ коихъ я нахожу ереси и кощунство.

8. Я отслушалъ обѣдню въ Новоспасскомъ м., гдѣ отслужилъ молебенъ Всемилостивому Спасу и побесѣдовалъ съ архимандритомъ Поликарпомъ, который подарилъ мнѣ съ своимъ подписаніемъ *проповѣди* и *переводы*. У него въ кельяхъ я видѣлъ портреты замѣчательныхъ особъ въ Росс. духовенствѣ и между прочими портреты крестнаго отца моего Павла и благодѣтеля моего дѣда, Іосафа Маслова.

9. Поговорилъ съ М. М. Евреиновымъ касательно сочиненій Сковороды, въ которомъ и м. Филаретъ находитъ *прелесть*. Послѣ обѣда,

давши урокъ въ Александр. Институтѣ, съ А. А. Ригельманомъ я, жена и своячина были въ театрѣ, гдѣ видѣли представленіе *Аскольдовой Могилы*; много пріятнаго.

10. Я подписалъ ценз. рукописи, мною разсмотрѣнныя: 1) Исторія литературы среднихъ временъ, соч. Вильмена, ч. 2. 2) Клятва при гробѣ матери, Голощапова, драма. 3) Анекдоты Балакирева. Написалъ свое мнѣніе касательно двухъ рукописей Сковороды: его *Жизнь* и *Притча Еродій*, изъ коихъ въ одной находятся многія мысли, противныя Св. Писанію и оскорбительныя для монашества, а въ другой много пропусковъ и описокъ, затемняющихъ смыслъ. Въ Комитетѣ опредѣлено: одну запретить, а другую отдать для переписки.

11. Прочитавъ съ отмѣтками *Рѣчи и отчетъ Московскаго дворцоваго архитектурнаго училища*, я подписалъ оные и отвезъ съ своими замѣтками къ Д. М. Львову, который отдалъ ихъ Классену; сказано о недостаткѣ Франц. учителя для 2 и 1 клас. М. Сир. д. Я совѣтовалъ спросить Уньковскаго. Д. М. сказалъ мнѣ, что Горихвостовъ пожертвовалъ 400 т. р. на богоугодное заведеніе для бѣдныхъ и немощныхъ въ Москвѣ. Отъ Львова я проѣхалъ къ Св. Антипу помолиться на праздникъ и потомъ къ Вельтману, съ которымъ поговорилъ о Славян. древностяхъ, о Чуди, по его мнѣнію Жидовскаго племени; взялъ у него для соображеній Пукевилево путешествіе въ Грецію. Отобѣдавъ дома, я написалъ письмо къ С. П. Шевыреву объ избраніи въ д. члены Мурзакевича и И. П. Сахарова. Первый, по моему предложенію, и сопричисленъ къ д. членамъ. Было засѣданіе Ист. Общества, подъ предсѣдательствомъ графа Строганова; разсуждали о средствахъ распространить дѣятельность Общества изданіемъ *Сборниковъ*, каждому подъ своимъ именемъ журнала и достопамятностей, съ назначеніемъ платы за труды 100 р. за сочиненіе, 40 р. за изданіе лѣтописей и переводовъ съ древнихъ языковъ, 25 р., съ иностр. новыхъ. Окончаніе отложено до слѣдующаго засѣданія. Послѣ засѣданія графъ Стр. сказалъ, что «онъ представилъ меня къ министру въ числѣ кандидатовъ для написанія Росс. исторіи по программѣ для училищъ». Я поблагодарилъ за вниманіе.

13. А. П. П. сообщилъ мнѣ пословицу: «Въ Москвѣ волкъ взбѣсился, Жидъ удавился, а Мухинъ женился»*).

16. У надзирателя Сарторія видѣлъ серебр. монету Ю. Цезаря со звѣздою надъ головой и въ вѣнкѣ, а на обр. сторонѣ Венера, Venus aurea.

---

*) Знаменитый врачъ Мухинъ женился въ глубокой старости. П. Б.

22. Въ лавкѣ у Ширяева я узналъ изъ Спб. газетъ, что Академія Наукъ присудила мнѣ 2 ст. премію 17-го Апрѣля за *Русскія Пословицы*. 23. Изъ Академіи Наукъ я получилъ ассигнацію на 2,500 р.

25. Я отправилъ въ Спб. для Д. П. Языкова по его желанію *Кіевскій Сѵнопсисъ*, а для В. Г. Анастасевича экз. «*Жизнь м. Платона*». Послѣ урока въ Александр. Институтѣ, я заѣхалъ къ П. А. Туханову отдать ему письмо отъ Кіевскаго митрополита Евгенія, побесѣдовалъ съ нимъ объ истор. предметахъ, видѣлъ у него разныя рѣдкости: письма Петра I, дѣло о Годуновѣ; онъ рекомендовалъ мнѣ въ Варшавѣ Воеводскаго, который занимается одинакимъ со мною предметомъ. Проѣхалъ я съ двумя просфорами отъ преосв. Аарона къ М. Ѳ. Прудникову и нашелъ у него Москов. оберъ-полицiймейстера Льва Михайловича Цинскаго, который со мною познакомился и звалъ меня къ себѣ обѣдать. Поговорили съ нимъ о духов. и учебныхъ предметахъ, о направленіи духа времени и пр. Онъ сказалъ, что кн. Д. В. Г. очень полюбилъ меня и говорилъ обо мнѣ много хорошаго, совѣтовавъ ему познакомиться со мною.

26. Черезъ Раевскаго я получилъ отъ графа Дм. Н. Толстого 1 и 2 тетради *Русскихъ классиковъ* съ просьбою доставить ему списокъ писемъ Кантемира. Я отвѣчалъ, что объ этомъ уже писалъ въ Академію Росс., впрочемъ, готовъ на счетъ графа сдѣлать списокъ съ этой рукописи и ему доставить.

29. Я былъ на Тр. подв. у преосв. Казан. Филарета*), который благословилъ меня образомъ Св. Митрофана. У него при мнѣ были преосв. Діонисій, протопресв. Яковъ Дмитріевичъ, архимандриты Гермогенъ, Гавріилъ, Арсеній, Даніилъ, протопопы и секретари. Съ преосв. Исидоромъ онъ поклонился въ соборахъ св. иконамъ и мощамъ при стеченіи народа, принимавшаго благословеніе отъ него. Видъ его почтенный, глубокомысленный, обхожденіе ловкое, благопривѣтливое; на головѣ и бородѣ много сѣдинъ, перемѣшанныхъ съ черными волосами; походка тяжелая отъ слабости ногъ; голосъ средній не безъ пріятности. Въ Усп. соборѣ онъ торжественно цѣловалъ и обнималъ протопр. Я. Д., что̀ многихъ тронуло. Съ нимъ и преосв. Исидоромъ я обѣдалъ у И. Я. Мальцова, гдѣ познакомился съ сенаторомъ Штеромъ. За столомъ преосв. Ф. разсказывалъ о пребываніи своемъ въ Воронежѣ, для чего онъ проѣхалъ лишнихъ 700 в.; потомъ о судьбѣ преосв. Казанскаго Веніамина, который полгода сидѣлъ въ заточеніи по доносу Аристова, а потомъ оправданъ, получилъ отъ Екатерины II бѣлый клобукъ. Она выстроила ему прекраснѣйшій домъ въ Казани, и

*) Позднѣе Кіевскаго митрополита. П. Б.

когда узнала, что онъ любитъ музыку, прислала ему капельмейстера, а когда онъ просился въ отставку, уволила его со всѣмъ штатомъ, полнымъ жалованьемъ и съ любимыми имъ пѣвчими и музыкантами.

Май. 3. Отслуживъ молебенъ Печерской Богоматери, празднуемой въ этотъ день у Твер. воротъ, я заѣзжалъ къ отъѣзжающему въ Енисейскъ П. М. Попову, котораго не засталъ дома, и А. М. Пандари, больному, съ которымъ читалъ я сравненіе Славяно-Русскихъ праздниковъ съ Греческими; былъ у А. Н. Каменской, которая показывала мнѣ письмо изъ Спб. отъ брата, увѣдомляющаго ее о разговорѣ его съ мин. С. С. У. на счетъ моего мѣста при Ц. К.; отвѣчалъ, что оно несомнѣнно остается за мною.

7. Утромъ былъ у меня Лаудовскій, съ которымъ я прочелъ 3-й листъ и просилъ справиться въ Вологодской губерніи о народныхъ праздникахъ. Съ Ѳ. Н. Глинкою и его женою я прочелъ *Опытъ народ. Русск. праздниковъ*, который они хвалили, замѣтивъ, что не столько христіанство, сколько европеизмъ съ Петра I изгладилъ народность. Подаривъ отъ имени П. И. Кеппена книжку свою *о древностяхъ въ Тверской Кареліи*, Ѳ. Н. казалъ мнѣ снимки неизвѣстныхъ надписей съ камней на курганахъ, слѣдовъ неизвѣстнаго народа, между прочимъ такую квадратную фигуру, какая находится на камнѣ Труворовой могилы. Отъ него слышалъ, что въ Твер. г. дѣвушки цѣлый мѣсяцъ съ Петровокъ гуляютъ по ночамъ до утра. Я видѣлъ современный портретъ Пугачева.

10. Отъ А. А. Краевскаго черезъ Кольцова я получилъ шапочку для Миши съ письмомъ, письмо отъ митрополита Евгенія 29-го Апр. съ реестромъ пособій для изданія *Словаря свѣтскихъ писателей*.

11. Я былъ въ Моск. Сирот. домѣ, куда ввелъ учителя Франц. языка, Семена Ив. Жукова, купилъ у Беккерса (10 р. асс.) портретъ Прусскаго короля Фридр., который и послалъ ему съ письмомъ моимъ. Послѣ обѣда былъ у меня графъ Алексѣй Л. Санти просить касательно продаваемой А. Е. Арс. деревни. Сообразно съ замѣчаніями Гастева, доставившаго мнѣ всѣ свои изданія, я прочелъ 3-й л. *Русск. Праздн.*

15. Утромъ я былъ у А. С. Пушкина, который обѣщался написать разборъ моихъ Пословицъ и меня приглашалъ участвовать въ Современникѣ съ платою 150 рублей за листъ*); просилъ сообщить ему мои замѣчанія на Игореву пѣснь, коею онъ занимается, какъ самороднымъ памятникомъ Русской словесности. Со мною прочелъ онъ

*) На „Современникъ" у Пушкина было всего 180 подписчиковъ. П. Б.

3-й листъ Русск. Праздниковъ, кои просилъ для помѣщенія въ Современникѣ своемъ. Былъ у Вельтмана.

16. Послѣ урока въ Александр. Институтѣ я навѣстилъ А. М. Пандари, съ которымъ побесѣдовалъ о Греческ. мірѣ. Содержаніе бесѣды было, что Греческій и Римскій языкъ братья съ Славянскимъ, у которыхъ долженъ быть одинъ отецъ, что вѣроятнѣе отъ Славянскаго, какъ обширнѣйшаго, произошелъ и Греческій, и Римскій, у коихъ сходство не случайное, но существенное, основанное на происхожденіи сихъ племенъ древняго міра отъ одного корня. Въ Греческомъ простомъ языкѣ остались такія древнѣйшія слова, коихъ нѣтъ у писателей; ибо чѣмъ болѣе народъ просвѣщается, тѣмъ болѣе языкъ измѣняется. У простого народа вѣковѣчные древніе слова и обычаи. У Гомера много есть оборотовъ сходныхъ съ нашими племенными: отрицательныя сравненія, повторенія, частые эпитеты при существительныхъ. *Хороводы* существуютъ во всей Греціи донынѣ, также въ Молдавіи и Валахіи. Вмѣсто вербы въ Греціи употребляется лавръ. *Граница* Славян. корня, потому что происходитъ отъ кореннаго *гранъ*.

18. У ранней обѣдни у Св. Адріана и Наталіи я встрѣтился съ сенаторомъ Штеромъ, который звалъ меня къ себѣ въ гости, прося быть знакомымъ. Я былъ у С. П. Шевырева, у котораго встрѣтился съ Андросовымъ, и въ лавкѣ Ширяева.

20. Послѣ обѣда я поѣхалъ съ женою и Д. И. Снѣгиревой въ Воскресенскій м. по приглашенію о. архимандрита и въ его экипажѣ. По пріѣздѣ ужинали и чай пили.

21. Были у обѣдни, служили молебенъ съ канономъ Пасхи, съ архимандритомъ осматривали главный храмъ съ его частями, гдѣ 70 окошекъ и трое хоровъ, весь куполъ сквозной, въ алтарѣ величественнѣйшемъ 5 столбовъ и пять мѣстъ патріаршескихъ. Послѣ обѣда гуляли, осматривали Елеонъ, переправляемый и украшаемый архимандритомъ.

22. По утру ѣздили въ Саввинъ м., гдѣ еще застали обѣдню и пѣли молебенъ Саввѣ преп., бывшему при к. Георгіѣ Звенигород.; видѣли гробъ его въ придѣлѣ деревянный, дубовый въ 8 четв. съ ½ длиною, ризницу въ покоѣ цар., примыкающемъ къ соборной церкви, въ которую было окошко, теперь закладенное. Здѣсь хранятся шелковыя ризы преп. Саввы, далматикъ, кушаки, скатерти и подушки царя Алексѣя Мих., платья царицы Натальи Кирил. и царевны Софьи Ал. Замѣчательны Евангелія, кадилы въ память рожденія дѣтей царя Алексѣя Мих., Псалтирь, писанный цар. Софіею. Зданіе собора древнее, въ алтарѣ и иконостасѣ есть Строгоновскіе образа Св. Троицы, Спасителя и надъ мощами портрет. образъ Св. Саввы, писанный

Діонисіемъ. Мѣстоположеніе монастыря восхитительное. Близъ монастыря есть гора *Сторожева*, отъ коей и обитель сія получила свое названіе.

23. Послѣ обѣдни съ архимандритомъ, женою и сыномъ ѣздили обѣдать къ М. А. Малову за 20 верстъ отъ монастыря; мѣсто пріятное съ паркомъ, садомъ и прудами. Хозяева были рады и усердно угощали насъ. Къ вечеру въ прекрасную погоду возвратились домой. Во все это время я пересматривалъ Дѣянія Петра I.

24. Обѣдню я слушалъ въ пустынькѣ Никоновой, которая переносила меня въ древній пустынный міръ. Съ архимандритомъ осматривалъ я гробницу Никона, надъ коею сдѣланъ каменный голбчикъ. Императрица Елизавета Петр. хотѣла открыть мощи Никона, но при разрытіи вышелъ изъ могилы пламень съ искрами, и въ это время случился громъ; это самое заставило оставить. Гробъ патріарха деревянный, сдѣланный въ Ярославлѣ, поставленъ въ каменный; на немъ при архим. Аѳанасіи нашли лежащія свѣчи, кои, по древнему обычаю, послѣ отпѣванія клали на гробъ; ихъ перетопили въ воскъ. Патріархъ Н. освятилъ самъ церкви Успенскую, Голгоѳскую и престолъ Усѣкновенія честныя главы Св. Іоанна Предт., при коемъ и себѣ назначилъ могилу, на томъ самомъ мѣстѣ, на коемъ въ Іерусалимѣ гробъ Мельхиседека, царя-священника. Въ ризницѣ хранится серебр. дароносица на шелковомъ шнурѣ, которая висѣла на груди у Никона и съ тѣломъ его привезена изъ Ярославля въ Воскресенскій монастырь. Послѣ обѣда, усердно поблагодаривъ хозяина за радушный и ласковый пріемъ и угощеніе, отправились домой въ 12 ч. съ о. архимандритомъ и намѣстникомъ, проводивш. меня до Елеона, гдѣ мы и распростились съ нимъ. Въ селѣ Черневѣ осматривалъ слѣды дворца царя А. М. и церковь, гдѣ не нашелъ патр. мѣста. Вечеромъ пріѣхали домой. Ночью въ 10 час. прибылъ въ Москву митрополитъ Филаретъ. Отъ Кіевскаго митрополита я получилъ записки для Словаря свѣтск. писателей.

25. Съ М. Ѳ. Пр. я обѣдалъ у Моск. оберъ-полиц. Цинскаго, который сказалъ мнѣ, что князь Д. В. Г. ко мнѣ весьма расположенъ и отзывается обо мнѣ очень хорошо, что я теперь въ такомъ положеніи. Я ему сообщилъ тетрадь о скопцахъ и проповѣди м. Филарета. Разставшись хорошо, я поѣхалъ къ м. Филарету, у котораго встрѣтился съ кн. С. М. Голицынымъ. Съ А. П. Св. я поговорилъ о разныхъ дѣлахъ, особенно объ а. Аполл. Онъ мнѣ подарилъ сереб. рубль въ честь императора Александра, 1834 г. Отъ П. П. Арс. я слышалъ, что Д. Н. Б.-Камен. назначенъ Виленскимъ губернаторомъ.

26. Былъ у графа С. Г. Строганова, которому изъявилъ согласіе участвовать въ редакціи Моск. Вѣдом., прося по 100 р. въ мѣсяцъ и обѣщавъ къ 1-му Іюля доставить пробныя статьи. Графъ благосклонно принялъ меня. Отъ него проѣхалъ къ Селивановскому, у котораго встрѣтился съ Андросовымъ, читалъ съ нимъ 3 листа Русск. Праздниковъ; онъ хвалилъ и цѣль, и исполненіе сего труда, обѣщался содѣйствовать мнѣ. По его мнѣнію, къ праздникамъ должны отнести и школьныя рекреаціи въ Дух. уч. съ Мая м. *Русальи* и многіе другіе праздники начались съ Юга Россіи и въ Сѣверной мало были извѣстны. Жители разныхъ областей Россіи, переселяясь на другія мѣста, переносили туда своихъ пенатовъ и названіе пепелищъ.

20. Отъ студент. М. У. въ благодарность я получилъ золотую табакерку, отъ коей не могъ отказаться. Послѣ урока въ Алек. Инстит. я былъ у Б.-Каменскихъ для поздравленія отца съ губернаторствомъ въ Вильну съ 18 т. жалованья, а сына—съ переводомъ на 2-й курсъ; обѣдалъ у Т. А. Каменецкаго съ П. В. Голицынымъ. Послѣ обѣда съ Ѳ. И. Глинкою я ѣздилъ къ И. Н. Царскому смотрѣть его библіотеку.

31. Утромъ я ходилъ къ Св. Іоанну Воину для отдачи священнику 10 р. асс. на слѣд. годъ для поминанія о здравіи и за упокой; обѣдню слушалъ на Троицкомъ подворьѣ, потомъ побесѣдовалъ съ А. П. Св. По приглашенію Д. М. Львова я обѣдалъ у него въ Сокольникахъ на дачѣ, гдѣ угощены имъ и воспитанники Моск. Сир. дома. Они гуляли по саду и играли въ паркѣ, пили чай на зеленой муравѣ; тамъ подавали имъ фрукты и конфекты; въ паркѣ представляли Итал. кукольную комедію; тамъ они пѣли: Боже храни Царя. Погода была прекрасная; непритворная радость одушевляла сей дѣтскій праздникъ.

Іюнь. 1. Въ Воспит. домѣ я взялъ два билета, одинъ въ М., другой въ М. М.*) Обѣдалъ у М. Ѳ. Прудникова, у котораго встрѣтился съ извѣстнымъ проходцемъ Иваномъ Павловымъ. Съ преосв. Аарономъ прочелъ 3-й листъ Русскихъ Праздниковъ, имъ одобренный. Съ о. архимандритомъ Ѳеоѳаномъ побесѣдовалъ въ саду и на его лошадяхъ отправился домой.

2. Утро прекрасное, подобно вчерашнему. Былъ въ Цензурномъ, на дорогѣ встрѣтился съ П. М. Терновскимъ, котораго поздравилъ съ камилавкою; у церкви Св. Г. поговорилъ съ нимъ о народн. празд. Русск. Сходство въ символахъ отъ того, что язычество и христ. брали ихъ изъ одного источника—природы; разница въ значеніи. Римскіе обычаи смѣшались съ Греческими при сліяніи государствъ и въ такомъ состояніи перешли къ Русскимъ.

*) Т. е. въ тысячу и въ двѣ тысячи рублей. П. Б.

5. Я видѣлся съ Д. Н. Каменскимъ, который разсказалъ мнѣ о свиданіи своемъ съ м. Серафим. и С. Уваровымъ; одно касалось о. арх. Аполлоса, а другое меня. Я ему сообщилъ свои объясненія. Послѣ Цензурнаго Комитета, въ который я внесъ 1 л. Словаря свѣтскихъ писателей, въ первый разъ былъ по приглашенію у сенатора М. П. Штера, съ которымъ поговорилъ о катихизисѣ м. П. Могилы и видѣлъ портретъ его, объ отчетѣ по Моск. Восп. дому. Безъ меня пріѣхалъ изъ Спб. дѣйствит. ст. сов. Майоръ, у котораго я былъ на другой день въ гостинницѣ Сѣверъ и не засталъ дома.

6. Посидѣлъ и побесѣдовалъ съ преосв. Исидоромъ. У всенощной былъ я на Троицк. подворьѣ, гдѣ встрѣтился съ Н. А. Кашинцевымъ, съ которымъ побесѣдовалъ у А. П. Святославскаго. К. сказывалъ, что онъ въ спальнѣ Прусскаго короля видѣлъ Русскіе образа, а надъ постелью его образъ старинный Св. Пафнутія Боровскаго. Тамъ засталъ насъ дождь съ молніею.

8. Утромъ были архимандритъ Аполлосъ и М. Ѳ. Прудниковъ, который сообщилъ мнѣ желаніе Л. М. Ц. исходат. мил. у пр. *) подобно И. А. Пл., и слухъ, что Государь съ фамиліею будетъ въ Москвѣ. Третьяго дня я видѣлъ во снѣ, что въ церкви Черниговскихъ, что̀ на Пятницкой, я нашелъ семь придѣловъ, кои и сосчиталъ.

11. Я подписалъ 3-й листъ Русск. Праздн. для печатанія набѣло, прочитавъ оный съ С. П. Шевыревымъ. Поутру былъ у меня гончаръ Василій Кондратьевичъ Миткалевъ, съ которымъ я поговорилъ о своихъ и его дѣлахъ.

19. Поутру былъ у меня К. И. Аверинъ изъ Зарайска и подарилъ мнѣ на память Ольвійскую мѣдную м. и серебряную Лже-Димитрія. Съ экзамена въ Александр. Институтѣ я былъ въ Ценз. Комитетѣ, откуда проѣхалъ къ Д. Н. Каменскому на счетъ его біографій знаменитыхъ Россіянъ, кои я предлагалъ купить А. С. Ширяеву; для соображеній я взялъ у него Дѣянія Петра I.

20. Утромъ я былъ у К. И. Аверина, съ которымъ осматривалъ въ городѣ Казанское подво̀рье, гдѣ мы находимъ слѣды монастыря Николы Стараго, упоминаемаго въ лѣтописяхъ и давшаго названіе улицѣ Никольской; тамъ видѣлъ я зданіе, повидимому XV или XVI в., въ два этажа съ полуколоннами двойными на второмъ эт.; на Востокъ есть слѣды церкви, а внизу келій, а въ другомъ зданіи, примыкающемъ къ нему, внизу, темницы для монаховъ. Въ этомъ-то монастырѣ м. Кипріанъ смотрѣлъ на пожаръ Москвы и м. Филиппъ содер-

---

*) Исходатайствовать милліонъ у правительства подобно (какъ) и Императоръ Александръ Павловичъ? П. Б.

жался. Посидѣлъ и побесѣдовалъ у о. протопр. Я. Д., который обѣщалъ мнѣ сообщить надписи съ Мономахова трона и рисунокъ образа Положенія Ризы Господней при царѣ М. Ѳ.

21. Отслушавъ обѣдню въ старинной, хорошо сохранившейся церкви Грузинскія Богоматери въ Никитинкахъ, построенный гостемъ Никитниковымъ, я осматривалъ древній ея иконостасъ и стѣнопись, церковь на колокольнѣ Св. Іоанна Богослова, откуда прекраснѣйшій видъ на Москву. Священникъ мнѣ далъ просфору, а я оставилъ старостѣ деньги на масло Богоматери. Съ М. С. Гастевымъ я прочелъ 4-й лис. Рус. Празд.; онъ обѣщалъ спросить Байлло касательно Греческихъ повѣрій и обрядовъ. Я обѣдалъ у тестя, гдѣ былъ профессоръ Сер. Ив. Баршевъ, сватавшійся за свояченицу мою. Послано мною съ письмомъ къ о. арх. Аполлосу описаніе Іерусалима 1809 г., 4-ка.

23. Утромъ написалъ письмо къ И. Н. Лобойкѣ въ Вильну съ приложеніемъ универ. рѣчей, которое я отдалъ для передачи Д. Н. Каменскому; я былъ у Владимирской, въ соборахъ, осматривалъ подвалы подъ Благовѣщенскимъ соборомъ, гдѣ помѣщалась великокняжеская казна; они изъ бѣлаго камня твердаго, крѣпко построенные съ неправильными переходами и многими дверьми. Посидѣвъ у Я. Е. Арсеньева, гдѣ встрѣтился съ кн. В. Друцкимъ, обѣдалъ у тестя съ И. Сав. Соколовымъ, а послѣ обѣда побесѣдовалъ долго съ профессоромъ С. И. Баршевымъ, женихомъ своячины. Говорено, что нынѣ въ Спб. вмѣсто слова право употребляется законъ, а вмѣсто гражданинъ-членъ государства или подданный. Онъ съ тестемъ толковалъ насчетъ приданаго долго.

24. У ранней обѣдни я былъ у Св. Адріана и Наталіи, поговорилъ съ К. П. Аверинымъ на счетъ его описанія жизни Зарайскаго протопопа Димитрія, современника Пожарскому.

29. А. С. Ширяевъ предложилъ мнѣ редакцію Словаря знаменитыхъ Росс. Б.-Каменскаго, а за Словарь свѣтскихъ писателей м. Е. четвертаго тома я потребовалъ 5 экз., да перваго 5 экз., а второго 15 экз. На этомъ и остановились.

Іюль. 1. На почтѣ получилъ я отъ митрополита Евгенія Синопсисъ при письмѣ отъ 1-го Іюня; въ канцелярію графа С. Строганова отдалъ пакетъ съ описаніемъ Сухаревой башни и двумя анекдотами для М. В., по его порученію. Поговоривъ съ Я. Е. Арсеньевымъ, обѣдалъ у Н. А. Пол., съ которымъ объяснялся на счетъ своихъ дѣлъ и занятій и просилъ сообщить въ Спб. г. Кашин.

2. Изъ Краснаго Села привозили Тихвинскую Богоматерь, служили ей молебенъ съ водосвятіемъ и кропили всѣ покои св. водой.

5. Съ женою и дѣтьми отправился въ обитель Преп. Сергія; остановились ночевать въ Братовщинѣ, гдѣ встрѣтились съ семействомъ Куманиныхъ.

6. По дорогѣ заѣхали къ А. А. Антонскому; отъ него въ Хотьковъ монастырь, гдѣ побесѣдовали со схимницею Евпраксіею, въ послѣдній разъ. Моя малютка ее обняла крѣпко и цѣловала въ голову; это весьма тронуло старицу.

12. У обѣдни были въ своемъ приходѣ, гдѣ служили молебенъ Св. Михаилу Малеину и панихиду по батюшкѣ. Потомъ я ѣздилъ къ портному Миллеру за платьемъ и въ Охотный рядъ за съѣстными припасами, въ Сокольники поздравить со днемъ рожденія Д. М. Львова. Утромъ пріѣзжалъ къ намъ преосв. Исидоръ поздравить Мишу съ ангеломъ и принесъ ему просфору.

13. Былъ у меня профессоръ Демид. лицея А. З. Зиновьевъ[1]), разсказавшій мнѣ объ осмотрѣ графа Строганова. Къ Селивановскому я свезъ корректуру 1 л. *Словаря* достопамятныхъ Россіянъ Б.-К.; увидѣлся у него съ Вельтманомъ, съ которымъ прочелъ 5 л. Русск. Праздн.

14. Съ Мишей я былъ у А. С. Ширяева, коему отдалъ начало *Словаря свѣтскихъ писателей*, для набора въ У. т. Заѣзжалъ къ преосв. Исидору благодарить его за посѣщеніе, но дома не засталъ.

15. Утромъ былъ Глухаревъ, съ которымъ послалъ я къ Шир. 3 тетради писемъ князя Кантемира и письмо къ гр. Дмитр. Ник. Толстому въ Спб.

16. Съ женою я отправился въ Измайлово, гдѣ провели время пріятно; отслужили молебенъ Іерусал. Богоматери и панихиду надъ родными, тамъ опочивающими; былъ у священника въ гостяхъ и у дѣвицъ Антоновыхъ; смотрѣли близъ нихъ землю, которую положено при Божіей помощи и благословеніи себѣ купить. По возвращеніи домой, я получилъ извѣстіе о смерти соцензора П. Щепкина, ск. Іюля 15[2]).

17. Вечеръ я посидѣлъ у А. П. Св., которому подарилъ сер. кружечку съ вырѣзанною на ней надписью: Іюня 2-го 1836 и отдалъ ему одинъ листъ Словаря Д. Н. Б.-К. для показанія статей о трехъ Амвросіяхъ м. Филарету.

18. Утромъ заѣхалъ ко мнѣ М. Ѳ. Пр. Я былъ на отпѣваніи П. Щепкина въ церкви Св. Николая на Пескахъ; тамъ я видѣлъ гр. П. А. Толстого, И. М. Иракліонова и пр. Съ княземъ Н. Н. Голицымъ зашелъ къ Я. Е. Арс., который былъ намъ очень радъ.

19. Матушка пошла въ Кузьминки на богомолье; я съ Мишей былъ у обѣдни на Тр. подворьѣ и потомъ у митрополита Филарета,

[1]) Алексѣй Зиновьевичъ, отецъ нынѣшняго нашего посла въ Царьградѣ.

[2]) О Павлѣ Степановичѣ Щепкинѣ, см. „Русскій Архивъ", 1900, I, 659.

который имѣлъ со мною разсужденіе объ одномъ листѣ Словаря Д. Н. Б.-К. при ректорѣ М. Ак. Филаретѣ. М. Ф. спросилъ Мишу, посадивъ его подлѣ себя, будетъ ли онъ ходить къ нему? Буду, отвѣчалъ онъ. Даешь ли слово? Онъ: извольте, владыко, и далъ ему руку. Насъ подчивали чаемъ. Мишѣ м. велѣлъ подать на особенномъ маленькомъ подносѣ. Это было при К. В. Новосильцовой. У насъ обѣдалъ о. архимандритъ Аполлосъ, который разсказывалъ о покражѣ въ его монастырѣ.

23. Утромъ я отослалъ къ гр. С. Г. Строганову ст. о пасторѣ Глюкѣ, основателѣ первой гимназіи въ Москвѣ; получилъ съ почты письмо отъ м. Евгенія изъ Кіева съ словаремъ Остзейскихъ писателей Напирскаго, 4 ч. Видѣлъ я Царь-колоколъ въ 9 арш. вышиной, вынутый нынѣ въ 6 ч. утра въ три четв. часа, послѣ молебна и окропленія св. водой работниковъ. Народъ радъ видѣть сіе чудо, скрывавшееся столѣтіе въ колыбели своей, сдѣлавшейся его могилою. Познакомился я тамъ съ Арк. П. Руничемъ.

25. Въ письмѣ къ м. Евгенію предложилъ на благоусмотрѣніе слѣд. титулъ словаря: «Словарь свѣт. писателей въ Россіи, изъ соотеч. и чужестр., составленный согл. Сл. духовн., изд. И. С.» Съ преосв. Исидоромъ я прочелъ 5 л. *Русск. Празд.*, на кои онъ сдѣлалъ свои замѣчанія, между проч., чтобы для различенія христ. обрядовъ отъ языческихъ вывести результаты, показавъ, что христіанство не нуждалось въ символахъ и обрядахъ языч., кои введены невѣжествомъ народа и послабленіемъ духовенства къ юной церкви; что при внѣшнемъ случайномъ сходствѣ было въ нихъ существенное, внутреннее различіе; часто въ язычествѣ открываются искаженныя понятія христіанскія, происшедшія отъ того, что при началѣ христ. вѣры язычники, особливо Александр. школа, многое перенимали у христіанъ. Тѣ, которые утверждаютъ, что христіане заимствовали многое отъ язычниковъ, разливаютъ свѣтъ христіанства на язычество, а тьму язычества на христіанство.

26. Отъ прохожаго мы услышали о кончинѣ Хотьковской схимницы Евпраксіи, нашей молитвенницы.

27. Утромъ были у меня М. Ѳ. Прудниковъ и о. протоіерей Василій Иван. Богдановъ съ біографіей своего брата П. И. Вечеромъ у меня былъ изъ Спб. ѣдущій на Кавказъ Александръ Ив. Шепингъ.

31. Утромъ я былъ у А. С. Ширяева въ лавкѣ и типографіи; получилъ отъ него опись помѣстьямъ Тр. Лавры, отъ имени его, и съ его позволенія отдалъ м. Филарету, который принялъ съ благодарностію.

Августъ. 1. Я отправилъ самъ на почту отвѣт. письмо на Фран. въ Копенгагенъ, въ Спб. къ Плюшару съ статьями *Вѣче*, *Водамъ*, *Волосъ*, *Вѣдьма* для Энц. Лексикона и каталогъ Царскаго В. А. Анастасевичу. Побывавъ въ Сир. домѣ, я слушалъ обѣдню въ Успенскомъ соборѣ, ходилъ на св. воду; зрѣлище было величественное и торжественное. Потомъ я прочелъ съ И. Т. Томанскимъ біографію архитектора В. Баженова, на которую онъ сообщилъ свои замѣчанія и обѣщалъ радушно сдѣлать справки въ архивѣ.

5. Обѣдалъ у М. Ѳ. Прудникова, у котораго встрѣтилъ Л. М. Цинскаго, приглашавшаго меня къ себѣ обѣдать. Оттуда я заѣхалъ къ П. Е. Толстой и потомъ ко всенощной къ Спасу на Бору, гдѣ встрѣтился съ А. М. Гавриловымъ.

11. Я видѣлъ вступленіе Государя Николая I, пріѣхавшаго въ Москву въ 11 час. утра; его встрѣчалъ у сѣверныхъ вратъ Успен. собора митрополитъ, привѣтствовавшій его рѣчью, коей, при восклицаніяхъ народа, не слышно было. Я осматривалъ въ Арханг. соборѣ изображеніе на дубовой дскѣ Св. Василія Великаго и в. князя Василія Іоанновича; оно иконнаго стиля, вышиною 3 арш., шириною 2 арш. 8 вершк., а гробница его у самыхъ сѣверныхъ дверей алтаря въ 3 арш. безъ $1/4$ линою. Надъ С. Василіемъ и в. к. Василіемъ изображено Знаменіе Пр. Богородицы. В. к. Василій изображенъ съ вѣнцомъ вокругъ главы въ Благовѣщенскомъ соборѣ подлѣ в. кн. Дим. Донского. Надъ гробницею царевича Ивана Михаиловича такой же портретный образъ. Надъ Патріаршею ризницей вышка называется Петровою палаткою, потому что въ ней любилъ уединяться Петръ I.

12. Утромъ я былъ въ Моск. Сир. домѣ, въ типографіи Ун. и у И. И. Дмитріева, котораго просилъ доставить мнѣ некрологію П. П. Бекетова; онъ обѣщалъ и просилъ меня продолжать съ нимъ знакомство.

18. Побывавъ въ типогр. Ун. и въ Ценз. Ком., я проѣхалъ на праздники къ Св. Флору и Лавру, гдѣ встрѣтился съ матушкою своей. Окропивъ лошадей своихъ по примѣру другихъ св. водою, мы заѣхали къ тестю, у котораго отобѣдали.

19. Отслушавъ обѣдню (конецъ) и молебенъ въ Донскомъ м., я обѣдалъ у архим. съ м. Филаретомъ, П. Арсеньевымъ, М. П. Штеромъ и проч. Тамъ видѣлся съ ректоромъ Костр. семинаріи Аѳанасіемъ.

24. Утромъ въ Моск. Сир. домѣ былъ графъ С. Строгановъ съ Д. П. Голохвастовымъ и И. А. Старынкевичемъ при Д. М. Львовѣ; они, повидимому, были довольны и хвалили. Львовъ сказалъ, что мнѣ обязанъ устройствомъ учебной части; а Голохвастовъ, что подъ присягою предъ Крестомъ и Евангеліемъ похвалилъ бы заведеніе это.

Они осматривали весь домъ, даже и чердакъ и садъ. Вечеромъ я былъ у митрополита Филарета, которому отдалъ 2 ч. каталога рукописей И. Н. Царскаго, имъ разсмотрѣнный.

25. Былъ у Ширяева, отдалъ остальныя письма кн. А. Кантемира, для доставленія графу Д. Н. Толстому по его просьбѣ, и получилъ съ него за переписку 50 р. Съ преосв. Исидоромъ прочелъ свое описаніе образа в. к. Василія IV въ Архангельскомъ соборѣ, которое онъ одобрилъ, казалъ ему 5 листъ Русск. Праздн. Побывавъ въ Ценз. Комитетѣ, гдѣ оставилъ для отправленія рукопись м. Евгенія о *зміевыхъ валахъ*; заѣхалъ къ И. Ѳ. Краузе, съ которымъ прочелъ половину 6 листа Русск. Праздн., въ коей сравниваются Славянскіе праздники и повѣрья съ Нѣмецкими. Онъ нашелъ мое сочиненіе весьма новымъ и любопытнымъ. Отъ С. П. Шевырева получилъ я предложеніе показать Кремль Моск. съ его достопамятностями князю Элиму Петровичу Мещерскому. Прочитавъ два лист. корр. *Слов. знам. Росс.*, былъ у всенощной у Св. Адріана и Натали на праздникѣ.

26. Обѣдалъ у М. Ѳ. Прудникова, который меня спрашивалъ на счетъ изданія *Словаря Русск. писателей*; я ему сказалъ свои мысли касательно вспоможенія для изданія.

27. Съ С. П. Шевыревымъ я ѣздилъ утромъ къ князю Э. П. Мещерскому, у котораго познакомился съ г. Веймаромъ*). Они просили меня руководствовать ихъ въ обозрѣніи Моск. древностей; я имъ сдѣлалъ записку достопамятныхъ зданій Кремля, читалъ ему извѣстіе о первомъ портретѣ в. к. Василія IV въ Арх. соборѣ, которое онъ весьма одобрилъ. Вечеромъ былъ у меня Ѳ. Л. Морошкинъ, съ которымъ мы размѣнялись рукописью о дворянствѣ.

28. Былъ у меня въ обѣдъ кн. Е. П. Мещерскій, которому я подарилъ на Франц. описаніе Оруж. Палаты. Безъ меня пріѣзжали ко мнѣ профессоръ Мих. Розбергъ и преосв. Исидоръ. Поутру я былъ у И. И. Дмитріева, съ которымъ прочиталъ 1 и 2 листы Словаря Рус. писат.

30, Утромъ пріѣзжали ко мнѣ кн. Е. П. Мещерскій, Н. Ф. Павловъ, Лоевъ - Веймаръ и секретарь Австрійскаго посольства Бар., съ которыми я осматривалъ библіотеку И. Н. Царскаго; они нашли ее весьма важною и получили отъ него каталоги. Я списалъ двѣ записки завѣтныя. Послѣ осмотра хозяинъ угощалъ насъ закускою, за коею мы пили за его здоровье.

31. Побывавъ въ Моск. Сир. домѣ, я поѣхалъ съ кн. Э. П. Мещерскимъ, Лоевымъ-Веймаромъ и секретаремъ Австр. посол., осматри-

*) Это Французъ Лёве-Веймаръ, для котораго Пушкинъ перевелъ по-французски нѣсколько Русскихъ народныхъ пѣсенъ. П. Б.

вать Китай городъ и Кремль; но князь за болѣзнью воротился съ дороги. Я съ двумя путешественниками обозрѣвалъ часть Китая и Кремля. Они особенно любовались Василія Блаженнаго церковью, Иваномъ Великимъ и Теремнымъ дворцомъ, на коемъ мы замѣтили знаки зодіака; при входѣ въ Грановитую Палату я указалъ имъ надъ дверна барельефъ герба (ѣздецъ), изображающаго всадника съ обнаженнымъ мечемъ: *погоня* Литовская, какую встрѣчаемъ на монетахъ великокняжескихъ Іоанновъ и др. Лоевъ просилъ меня прочитать съ нимъ его замѣчанія о Москвѣ и довезъ меня до дома. Я слышалъ отъ Ворошенко и Шир., что Государь въ Чембарѣ сломалъ себѣ руку ночью.

Сентябрь. 1. Въ Александровскомъ Институтѣ въ послѣдній разъ взялъ жалованье и подписалъ просьбу объ увольненіи, прослуживъ ровно годъ, съ Іюля 1835 года.

3. Утромъ я былъ у Шевырева, который приглашалъ меня къ А. Д. Черткову обѣдать.

4. Былъ въ лавкѣ у Ширяева и въ Цензурномъ Комитетѣ, гдѣ получилъ третное жалованье сер., читалъ въ засѣданіи статьи изъ Словаря достопамятныхъ Россіянъ: объ Арсеньевой, П. А. Демидовѣ и, согласно съ общими замѣчаніями, вымаралъ сомнительныя мѣста.

6. У ранней обѣдни я былъ у Гребенской, гдѣ отыскивалъ камень надгробный Л. Магницкаго; но, по свидѣтельству дьячка Дмитрія Петрова, служащаго при церкви 50 лѣтъ и въ 1812 году израненнаго за Богоматерь Греб., спрятанную имъ на сводахъ, камень Магницкаго положенъ въ помостѣ придѣла С. Сергія у южныхъ дверей, подлѣ камня Магницкой, умершей отъ радости при свиданіи съ сыномъ, котораго она почитала умершимъ. Здѣсь похоронены фамиліи Толстыхъ и Волконскихъ. Гребенская есть *срединная* церковь въ Москвѣ и прежде называлась Успеніе на Бору. У Флора и Лавра въ одной церкви я видѣлъ на клиросахъ изображенія на холстѣ: Ермія, Платона, Аристотеля, Ѳукидида, Солона съ хартіями въ рукахъ. Въ Архангельскомъ соборѣ я замѣтилъ вѣнцы вокругъ головы у царя Ѳеодора Алексѣевича и у царевича Василія Михаиловича съ ангеломъ его С. Василіемъ Великимъ. У С. Михаила-Чудо я отслушалъ обѣдню, которую служилъ преосв. Діонисій. Поутру я перевелъ окончаніе Литовскихъ праздниковъ съ Володковичемъ и простился съ Окатовымъ, отъѣзжающимъ въ Кострому учителемъ.

8. Былъ у Н. Е. Зернова и Д. М. Перевощикова, которому отдалъ отъ А. С. Шир. пакетъ съ деньгами 56 р. Съ тѣмъ и другимъ прочелъ статьи изъ Словаря пис. о *Магницкомъ* и *Гурьевѣ*, нашихъ математикахъ, на кои они сдѣлали свои замѣчанія.

9. Утромъ я занимался чтеніемъ корректуръ Слов.; окончилъ статью о Л. Магницкомъ и отдалъ ее переписать въ Моск. Сир. домъ, гдѣ я былъ послѣ обѣда. Съ матушкою и женою ѣздилъ я на бракосочетаніе брата А. А. Озерецковскаго съ Капитолиною Петр., которое совершено въ церкви Успенія въ Гончарахъ. Я съ матушкою благословлялъ образомъ новобрачныхъ. Изъ церкви мы (я и жена) проводили новобрачныхъ въ домъ къ молодому, гдѣ угощали виномъ и десертомъ и пили за здоровье присутствовавшихъ при пѣніи многолѣтія пѣвчими.

11. Въ Цензурномъ Комитетѣ я представлялъ на благоусмотрѣніе статьи о Д. Мамоновѣ и княгинѣ Иринѣ Долгоруковой, кои нашли сомнительными и приговорили не пропускать, что̀ я и сдѣлалъ.

12. Я отвезъ къ графу Строгонову біографію о Л. Магницкомъ, которую оставилъ его камердинеру, не заставъ его дома. Побесѣдовалъ съ преосв. Исидоромъ, который разсказывалъ мнѣ, какъ очевидецъ, о бунтѣ 14 Дек. въ С.-Петербургѣ. Митрополиты Серафимъ и Евгеній во всемъ облаченіи съ протодіаконами ѣздили на площадь, съ коей возвратились безъ успѣха, одинъ въ каретѣ, другой въ саняхъ. безъ палицы, которую у него оторвали. Преступники, снятые съ висѣлицы, погребены въ одной ямѣ въ лѣсу и засыпаны известью. Надъ могилою стоялъ караулъ. Когда сорваные съ нихъ эполеты и кресты брошены были въ огонь, то народъ, тамъ бывшій, кинулся вынимать выжигу изъ пепла и произвелъ изъ этого шумъ.—У насъ обѣдалъ изъ Измайлова Иванъ Өедоровичъ, который сказывалъ, основываясь на преданіи 100 лѣтн. Ивана Саввича Брыкина, что когда родился въ Измайловѣ Петръ I*), то пріѣзжали Дмитрій Рост., Симеонъ Полоцк. и еще какой-то архіерей въ Измайловскомъ соборѣ служить благодарственный молебенъ. Тамъ были три сада: Іосифовскій при дворцѣ, Виноградный и Колышенскій въ звѣринцѣ, гдѣ Анна и Елисавета забавлялись стрѣльбою птицъ, коихъ сгоняли верстъ за 5. Въ Покровскомъ при дворцѣ въ саду была деревянная церковь, перенесенная въ село Никольское Брыкинымъ, гдѣ импер. Елисавета вѣнчалась съ Разумовскимъ. Въ 4 верст. отъ Измайлова между Остромынкой и Владимирской есть на озерѣ земл. укрѣпленіе съ дуб. тыномъ верстъ на 6, никому неизвѣстное и почитаемое весьма древнимъ.—Я видѣлся съ П. М. Поповымъ, пріѣхавшимъ изъ Сибири и просилъ его не оставлять Сиротскаго дома. Вечеромъ у меня былъ царевичъ Имеретинскій насчетъ своего романа: *Духъ Русскихъ*. Изъ Ярославля отъ Зиновьева получилъ при письмѣ скатерть.

---

*) И. Е. Забѣлинъ доказалъ, что Петръ Вел. родился въ Московскомъ Кремлѣ. П. Б.

15. Побывавъ въ Моск. Сир. домѣ, я заѣхалъ въ Никит. м., потомъ у Вельтмана, съ которымъ прочелъ 6 и 7 листы Русск. Праздн. и забралъ нѣкоторыя справки, мнѣ нужныя; обѣдалъ у М. П. Штера, по его приглашенію, съ сенат. Огаревымъ, С. Д. Нечаевымъ и оберъ-прокур. Протасовымъ[1]). Въ этотъ день Государь отправился изъ Москвы въ Спб.

19. Утромъ ѣздилъ проститься съ кн. Э. П. Мещерскимъ, которому отдалъ каталогъ грамотъ Царскаго; послѣ обѣда съ Я. Е. Арсен. ѣздилъ въ Измайлово, гдѣ служилъ молебенъ Іерусалимской Богоматери. Матвѣй Ѳедор. Городовъ сказывалъ, что Измайлово начато строиться при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, и что когда родился тамъ Петръ I, то пріѣзжали изъ Москвы архіереи служить въ Покровск. соборѣ благодарств. молебенъ. Въ этотъ день я отправилъ въ Кіевъ письмо къ м. Евгенію. Въ Измайловѣ слышалъ, что въ Гжатскѣ послѣ уборки хлѣба дѣвицы и молодицы ходятъ изъ двора во дворъ, гдѣ ихъ угощаютъ пирогами; это назыв. *каледа*. День прекраснѣйшій.

22. Я былъ у Лоева-Веймара, который подарилъ мнѣ мѣдный древній крестъ, найденный на Куликовѣ полѣ; я ему сообщилъ надписи на Спасскихъ воротахъ, на Никольскихъ, на барельефѣ Св. Георгія въ Успенскомъ соборѣ. Съ нимъ я встрѣтился опять у П. П. Арсеньева, котораго внучку Ольгу Голынскую онъ беретъ за себя. Позавтракавъ, я проводилъ ихъ пѣшкомъ до Чермака[2]). Вечеромъ побесѣдовалъ со мною М. Ѳ. Пруди.

23. Анекдотъ о Пушкинѣ. Въ Спб. театрѣ одинъ старикъ-сенаторъ, любовникъ Асенковой, аплодировалъ ей тогда, какъ она плохо играла. Пушкинъ, стоявшій близъ него, свисталъ. Сенаторъ, не узнавъ, его, сказалъ: мальчишка, дуракъ! П. отвѣчалъ: ошибся, старикъ! Что я не мальчишка, доказательствомъ жена моя, которая здѣсь сидитъ въ ложѣ; что я не дуракъ, я Пушкинъ; а что я тебѣ не даю пощечины, то для того, чтобы Асенкова не подумала, что я ей аплодирую.

24. Я побесѣдовалъ съ П. А. Мухановымъ, у котораго встрѣтился съ архивск. Лебедевымъ; предметомъ бесѣды нашей были Русск. исторія, древности и нумизматика. У него же былъ изъ С. Пб. Скалонъ. Мы позавтракали. Отъ него я проѣхалъ къ Герингу, съ которымъ прочелъ 6 листъ *Русск. Праздниковъ*.

28. Д. М. Львовъ сдавалъ управленіе Моск. Сир. домомъ П. А. Новикову.

---

[1]) Александромъ Павловичемъ, о которомъ см. въ „Русскомъ Архивѣ“ 1897, III, 109, статью Г. П. Смирнова.

[2]) Чермакъ—педагогъ, державшій въ Москвѣ пансіонъ, который пользовался большою извѣстностью.

29. Заѣхалъ въ Моск. сиротск. домъ, гдѣ Д. М. Л. обѣдалъ и прощался съ дѣтьми; онъ просилъ меня чаще навѣщать классы, въ коихъ хотѣлъ быть Новиковъ; назначилъ экзаменъ въ 3 кл. вскорѣ по пріѣздѣ своемъ изъ Спб. По приглашенію, я обѣдалъ у М. П. Штера съ И. Я. Мальцовымъ, И. И. Вейденгаммеръ, А. П. Павлов., Щуровск. и пр.

30. Былъ у меня бар. Лоевъ-Веймаръ, которому я подарилъ снимокъ царя Ѳедора Іоанн.

Октябрь. 1. Обѣдалъ у А. Д. Черткова, который, подаривъ мнѣ свой каталогъ монетъ Русскихъ, поручилъ мнѣ процензоровать 2 ч. *Путешествія въ Сицилію.* Его семейство нашелъ я очень любезнымъ, а обращеніе его добродушнымъ; онъ казалъ мнѣ разныя древности Русскія.

4. У Полевого я встрѣтился съ Сангленемъ, который разсказывалъ о масонскихъ обществахъ при Алекс. I, и объ опроверженіи имъ доноса кн. А. Б. Гол. Надобны доказательства. М. Спер. принадлежалъ къ ложѣ Розенкампфа въ Спб. Опасны Шотладскіе, попирающіе всѣ короны и пр. Богъ вѣсть, самъ какого онъ духа! Вездѣ и нигдѣ.

7. Обѣдалъ у Л. М. Цинскаго, Моск. оберъ-полиц., съ М. Ѳ. Пр. Хозяинъ былъ ласковъ и веселъ, разсказывалъ о вступленіи нашихъ войскъ въ Парижъ и о хитростяхъ мошенниковъ.

9. Слышалъ о закрытіи Дерпт. универс. за буйство студентовъ. Послѣ вечерень я съ Мишею былъ у митр. Филарета на прощаньи. Онъ самъ посадилъ Мишу на канапе, спрашивалъ, не забылъ ли онъ его? Отвѣчалъ М., что не забылъ. На прощаньи, благословивъ его, совѣтовалъ молиться Богу и слушаться родителей. Мое мѣсто здѣсь, примолвилъ онъ. Простились съ А. П. Св., который Мишѣ далъ конфетовъ.

11. Я былъ у сенатора Штера, которому вручилъ записку о классной дамѣ отъ П. И. Арсеньева; потомъ былъ въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ служилъ м. Филаретъ, по случаю изгнанія Французовъ изъ Москвы. Миша мой съ калачами проводилъ митрополита въ Спб., куда онъ выѣхалъ въ 5 часу пополудни. А. П. Святославскому я поручилъ отдать письма Графу книгопр. съ 125 р. асс. и А. Г. Глаголеву. Я былъ на бракосочетаніи барона Льва - Веймара и Ольги Викент. Голынской, которое совершалось въ церкви С. Іоанна Предт. на Лубянкѣ и въ Католической церкви. Священникъ спрашивалъ Льва - В. по латыни объ обѣщаніи; но, по ошибкѣ, вм. *вѣнчается*, сказалъ *крещается рабъ Божій.* Послѣ вѣнчанія сугубаго въ домѣ Павла Ив. Арс. поздравляли молодыхъ. Л.-Веймаръ благодарилъ меня за участіе въ его счастіи.

13. Поутру я былъ у гр. С. Строгонова, которому отдалъ для М. В. статью о праздн. Лит. Онъ нашелъ разсужденіе мое о древнемъ портретѣ *В. К. Василія IV*, весьма любопытнымъ, изъявилъ желаніе, чтобы въ газетахъ помѣщенъ былъ отчетъ о Пословицахъ моихъ для распространенія свѣдѣній о семъ предметѣ. Оттуда я проѣхалъ въ Ценз. Комитетъ на дежурство, отвезъ къ М. Ѳ. П. отъ маменьки боч. виногр., потомъ въ Донской м., гдѣ видѣлся съ о. архимандр. Рост. Иннокентіемъ, который подарилъ мнѣ *Жизнь о. Амфилохія*, и съ о. Антоніемъ изъ Тр. Лавры и прокуроромъ В. М. М. Иннокентій простился со мною дружески; онъ ѣдетъ въ Воронежъ, страдая скорбутомъ въ ногѣ. Съ преосв. Аарономъ я видѣлся прежде и говорилъ о филос. письмахъ Ч.

18. Былъ у Венелина, съ нимъ прочелъ статью въ Русск. Праздникахъ, о Славянскихъ, на кои сообщилъ онъ нѣкоторыя замѣчанія.

27. Въ Цензурн. Ком. получено при мнѣ высочайшее повелѣніе о запрещеніи *Телескопа* и о вызовѣ въ Спб. цензора Болдырева. Оттуда я проѣхалъ въ Моск. сир. домъ, гдѣ дѣти встрѣтили попечителя своего стихами.

31. Въ засѣданіи Истор. Общества, гдѣ безъ предсѣдателя гр. Стр., А. Тургеневъ далъ отчетъ о своихъ изысканіяхъ матеріаловъ для Русской исторіи въ Римѣ и Парижѣ; Шевыревъ читалъ отрывокъ изъ нихъ. Конечно не безъ умысла. А. Т. весьма лестно отозвался объ изданіи моихъ Пословицъ. Я представлялъ Апостолъ Моск. съ гербомъ на переплетѣ и гербъ Никона.

Ноябрь 12. Былъ у Т. А. Камен., который сказывалъ мнѣ, что въ Спб. общее негодованіе на Телескопъ. Вечеромъ былъ у меня Ѳ. Л. Морошкинъ, съ которымъ я прочелъ 9 листъ Русск. Праздн. Замѣтили, что названа Россія *красною*, *бѣлою* и *черною*, тремя стихійными словами отъ земли, воды и огня. Въ Моравіи и Галиціи есть слѣды Славянщины. *Бѣлою* Россія, можетъ быть, названа отъ бѣлаго платья и колпаковъ, какіе тамъ носятъ, а *черною* отъ черныхъ лѣсовъ; *красною* отъ красоты мѣстоположенія.

13. Былъ въ Златоустинскомъ м. на праздникѣ, гдѣ служилъ обѣдню преосв. Исидоръ; по окончаніи Цензурнаго Ком. обѣдалъ у Златоуст. архимандрита Даніила; весь обѣдъ занималъ разсказами о духовидцахъ и колдунахъ докторъ Добронравовъ.

14. Поутру я былъ въ Арх. Иностр. Коллегіи у Н. С. Лебедева, который сообщилъ мнѣ Прусскія газеты съ Русскимъ гербомъ въ 1758 и 1759 г. Я видѣлъ у него рисунки съ древнихъ Русскихъ пушекъ, изъ коихъ древнѣйшая 1581 г. На тронѣ я замѣтилъ изображеніе царя

Ѳеодора Іоанн. на конѣ въ царской одеждѣ, въ коронѣ и съ вѣнцомъ вокругъ оной. Ему я прочелъ 9-й листъ Русскихъ Праздниковъ.

15. У обѣдни у Спаса на Бору, на праздникѣ Свв. Гурія, Самона и Авива. Послѣ обѣдни съ протопопомъ В. И. я осматривалъ то мѣсто въ трапезѣ, гдѣ погребены три гроба: на лѣвой одинъ мужской, другой—женскій, на правой—женскій, тѣло цѣлое все и почти все платье. Видѣлъ кожаный параманъ и поясъ, найденный въ гробѣ; на томъ и другомъ изображеніи XII праздниковъ съ надписями, хорошо сохранены. Это XIV в. Я сообщилъ протоіерею выписку изъ Соф. лѣтописи о погребенной у Спаса на Бору супругѣ в. к. Симеона Маріи, въ инок. Фетиніи.

16. Я обѣдалъ у Мальцовыхъ по ихъ приглашенію. Вечеромъ у насъ посидѣлъ и побесѣдовалъ И. М. Ираклiоновъ съ женою, которому я подарилъ нов. календарь.

17. Я отдалъ графу С. Стр. статью въ газеты о началѣ воспит. домовъ въ Россіи и казалъ Прусскія газеты съ Русскимъ гербомъ 1758 г.

22. Ѣздилъ въ Моск. Сир. домъ, гдѣ ввечеру былъ экзаменъ въ присутствіи генералъ-губернатора и гражданскаго губернатора Небольсина, членовъ попечительнаго совѣта: Черткова, Талызина, Новикова и секретаря И. Ѳ. Калайдовича, дворянскаго предводителя гр. А. И. Гудовича, директора гимназіи Окулова, инспектора Погорѣльскаго. Дѣлали экзаменъ изъ математики въ 3-мъ классѣ, въ исторіи и географіи, при кн. Д. В. Гл. изъ Русскаго языка, законовѣдѣнія, Русской исторіи. Калайдовичъ и Погорѣльскій дѣлали вопросы. Дѣло шло довольно хорошо. Князь Д. В. былъ доволенъ, о чемъ и мнѣ сказалъ. Новиковъ замѣтилъ, что надобно бы имъ говорить своими словами. Погорѣльскій предложилъ сдѣлать параллельные классы съ 4-мъ классомъ гимназіи, а остальныхъ вести далѣе. Кн. Д. В. былъ противнаго мнѣнія. При выходѣ самомъ князь спросилъ Львова: кажется, Иванъ Михайл. первый инспекторъ въ этомъ домѣ?—Точно такъ. Вы съ нимъ знакомы?—Oui, je suis bien connu avec lui.

27. Получилъ знакъ безпорочной службы за XXV лѣтъ.

Декабрь. 1. На Троицкомъ подворьѣ, по случаю имянинъ митрополита Филарета, служилъ преосв. Исидоръ.

3. Поутру были у меня иконописецъ изъ Останкина Иванъ Семеновъ, которому я поручилъ сдѣлать снимокъ съ изображенія в. к. Василія Іоанновича въ Арханг. соборѣ и поправить образъ Спасителя Хр. Заѣзжалъ ко мнѣ изъ Одессы Тройницкій, которому я далъ посмотрѣть 1 и 2 ч. путеводителя къ Москов. древностямъ съ моими

замѣчаніями. Былъ С. П. Шевыревъ, съ которымъ я поговорилъ о своихъ дѣлахъ и прочелъ § о городскихъ и сельскихъ праздникахъ.

5. Послалъ письмо П. П. Свиньину съ его стат. *Райская жизнь Петра I.* Заѣхалъ къ Д. А. Счасневу и подарилъ ему новый календарь; онъ разсказывалъ, что въ 1812 г. спасла Новодѣвичій монастырь казначея: она залила водой фитили, проведенныя къ боченкамъ съ порохомъ и горючія вещества въ церквахъ и кельяхъ.

6. Былъ у гр. Строганова, которому оставилъ біографію И. И. Шувалова.

7. Послѣ обѣда съ Мишей я отвезъ къ П. Н. Царск. письмо къ графу С. Стр., при коемъ онъ хотѣлъ поднести ему три документа, касающіеся его предковъ.

8. Поутру былъ у меня священникъ Васил. Ив. Кожинъ, изъявившій желаніе быть въ Моск. Спр. домѣ. Черезъ студента Виленскаго Юліана Вальчевскаго я получилъ отъ Лобойки при письмѣ два листа *нар. Русск. праздн.* Былъ у А. О. Грекова, который подарилъ мнѣ старинный сундучекъ.

10. Былъ у С. П. Шевырева, съ которымъ поговорилъ о дѣлахъ Истор. Общества и о необходимости для каѳедры словесности *исторіи Русской литературы.*

12. Былъ въ засѣданіи Общества Исторіи и древн. Росс., гдѣ представилъ отъ М. Я. Діева о вирахъ и предложилъ напечатать 2 изд. Сказанія о Мамаевомъ побоищѣ и Слово о кончинѣ В. К Димитрія Донского. Предложеніе было принято обществомъ. Отъ Костр. преосв. Павла присланы идолы и Греческія орудія мѣдныя, найденныя въ селѣ Туровскѣ, близъ Галича.

15. Обѣдалъ у имянинника П. П. Арсеньева, которому послалъ лавровое дерево, какимъ онъ желалъ осѣнить бюстъ Ермолова. Тамъ я видѣлся съ преосвященными Исидоромъ и Аарономъ, архимандритами Гермогеномъ, Даніиломъ и Іосифомъ, Н. Ѳ. Глинкою, которому прочелъ § о сельскихъ и городскихъ праздникахъ, съ И. Я. Мальцовымъ и пр., коихъ было 46 чел.

16. Поздравилъ съ помолвкою княжны Урусовой*) съ С. И. Мальцевымъ княгиню Урусову. Съ Т. А. Каменецкимъ прочелъ § о Малороссійскихъ праздникахъ.

23. Съ Божію помощью окончилъ корректурою и цензурою Каменскаго Словарь достоп. мужей земли Русской, въ пяти томахъ.

25. Въ Чудовѣ м. преосв. Исидоръ говорилъ о воплощеніи Сына Божія прекрасную проповѣдь, исполненную помазанія.

*) Это Настасья Николаевна, въ наши дни другъ императрицы Маріи Александровны. П. Б.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ А. А. ЧУМИКОВА.

Со временемъ, Богъ дастъ, Русское населеніе Ревеля поставитъ памятникъ скончавшемуся 19 Марта нынѣшняго года Александру Александровичу Чумикову, и сказанное здѣсь не есть преувеличеніе, не голосъ только дружбы, соединявшей съ нимъ въ теченіе многихъ лѣтъ пишущаго эти строки. А. А. Чумиковъ, гласный Ревельской Думы и почетный мировой судья города Ревеля, былъ поистинѣ вѣрноподданнымъ гражданиномъ, какихъ желательно имѣть побольше на Руси. Къ нему можно отнести Евангельское изрѣченіе „се воистину человѣкъ, въ немъ же льсти нѣсть“. Благо родины было для него личнымъ дѣломъ: онъ писалъ къ Бисмарку послѣ Берлинскаго конгресса, и будучи слишкомъ восьмидесяти лѣтъ отъ роду обращался къ П. С. Ванновскому съ совѣтомъ по вопросамъ народнаго просвѣщенія. Нѣсколько десятилѣтій сряду стоялъ онъ на стражѣ обще-русской государственной пользы въ инородческомъ краю. Въ Ревельской Думѣ, въ печати Русской и Нѣмецкой, въ общественныхъ собраніяхъ, въ личной бесѣдѣ неуклонно были защищаемы Чумиковымъ Русскія права отъ посягательствъ бывшихъ завоевателей и державцевъ прекрасной Эстоніи. И не въ этомъ только заслуга Чумикова передъ потомствомъ: онъ много сдѣлалъ въ такъ называемой педагогіи и въ разысканіяхъ историческихъ, состоя членомъ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс. Сочиненія его конечно будутъ изданы.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ А. А. Чумиковъ родился въ Ревелѣ. 4 Іюля 1819 года. Его прадѣдъ, Адріанъ Матвѣевичъ, записываясь въ 1782 году въ Петербургское купечество, называетъ себя „крестьяниномъ Ревельскаго Екатеринтальскаго дворца и того города жителемъ“. Записанный въ Ревельскую городскую книгу бюргеромъ, онъ торговалъ соболями. Его сынъ Василій уже знаетъ по-англійски и ведетъ торговлю Англійскими сукнами. Отецъ Александра Александровича, потомственный почетный гражданинъ († 1836), отдалъ его въ Ревельскую, нынѣ Николаевскую, гимназію, откуда онъ поступилъ въ Петербургскій Университетъ, гдѣ былъ товарищемъ князя П. П. Вяземскаго, на Восточный факультетъ. Нижеслѣдующія выдержки изъ Записокъ и бумагъ А. А. Чумикова познакомятъ читателя съ разными сторонами его неутомимой дѣятельности. За сообщеніе ихъ обязаны мы благодарностью его сыну Владиміру Александровичу, который получилъ извѣстность въ чужихъ краяхъ своими переводами на Нѣмецкій языкъ произведеній графа Л. Н. Толстаго и Чехова. П. Б.

I.

Петръ Григорьевичъ Рѣдкинъ.

Это было лѣтомъ, въ 1842 году, когда я, проживая въ Лондонѣ, нашелъ на столѣ въ квартирѣ моего сосѣда Г. визитную карточку: P. Redkine, conseiller de la cour, docteur en droit. Почтеннѣйшій Московскій профессоръ, прибывшій изъ страны чиноманіи, повидимому, не принялъ во вниманіе того обстоятельства, что чинъ надворнаго или придворнаго *) совѣтника, никоимъ образомъ не могъ служить въ Англіи рекомендаціей для ученаго. Впрочемъ какая-то неуравновѣшенность въ понятіяхъ и жизни была явленіемъ зауряднымъ даже у лучшихъ людей Николаевскаго времени. Въ бытность мою за границей, я неоднократно замѣчалъ, что, вырвавшись изъ душной сферы любезнаго отечества, люди солидные, занимавшіе важные посты, подобно школьникамъ, выбѣжавшимъ изъ наполненнаго міазмами класса на свѣжій воздухъ, теряли голову и вели себя не лучше незрѣлаго юношества. Это замѣчаніе «à propos des bottes» конечно, не относится къ уважаемому Рѣдкину.

Ни въ какой странѣ, мнѣ кажется, нельзя встрѣтить столько «проблематическихъ натуръ», какъ въ Россіи. Такого рода личностію былъ несомнѣнно г. Г., къ которому Рѣдкинъ, по пріѣздѣ своемъ въ Лондонъ, по чему-то нашелъ нужнымъ сдѣлать визитъ. Я познакомился съ Г. въ бытность мою въ Стокгольмѣ черезъ нашего посольскаго священника Раевскаго, впослѣдствіи пріобрѣтшаго себѣ извѣстность, какъ покровитель Австрійскихъ Славянъ. Г. отрекомендовался мнѣ членомъ «Московскаго Общества Естествоиспытателей», питомцемъ Московскаго Университета и отставнымъ гусарскимъ ротмистромъ. Онъ увѣрялъ меня, будто бы путешествуетъ съ ученой цѣлью и имѣетъ отъ названнаго Общества порученіе описать Норвегію въ естественноисторическомъ отношеніи. Стокгольмъ, въ которомъ Г. проживалъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, повидимому долженъ былъ послужить ему приготовительной школою для изученія Норвежской флоры и фауны. Что касается этнографіи Скандинавской страны, то въ этой области естествовѣдѣнія его вниманіе преимущественно останавливалось на типахъ красивыхъ женщинъ, прислуживавшихъ въ Стокгольмскихъ ресторанахъ.

---

*) Такъ какъ слово надворный имѣетъ отношеніе не ко двору, но къ суду, то правильнѣе было бы переводить его черезъ aulique.

Мои встрѣчи съ Рѣдкинымъ въ Лондонѣ, къ сожалѣнію, прекратились очень скоро, ибо онъ спѣшилъ къ главной цѣли своего пріѣзда въ Англію—обозрѣнію университетовъ Оксфордскаго и Кембриджскаго. Наше знакомство возобновилось и укрѣпилось осенью того же 1841 г., уже въ Парижѣ, гдѣ я, хорошо знакомый съ этимъ городомъ, имѣлъ возможность оказать ему и его товарищу профессору, политической экономіи въ Петербургскомъ университетѣ Порошину, кое-какія услуги.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Увлеченный лекціями педагогики извѣстнаго психолога Бенекэ въ Берлинскомъ университетѣ, я рѣшился посвятить себя педагогической дѣятельности и опредѣлился на службу, въ Петербургѣ, въ Николаевскій Сиротскій институтъ на должность помощника инспектора классовъ [1]). Тутъ я вновь сошелся съ Рѣдкинымъ и поддерживалъ съ нимъ дружескія отношенія до конца его жизни. Рѣдкинъ былъ уже женатъ [2]) и отцомъ семейства. Переселившись изъ Москвы въ Петербургъ, первоначально поступилъ онъ въ должность секретаря при министрѣ Перовскомъ, а затѣмъ члена департамента удѣловъ. Въ началѣ 50 г. оба мы жили на Б. Конюшенной, и онъ каждое утро, совершая прогулку послѣ своей холодной дýши, не смотря ни на какую погоду, заходилъ ко мнѣ на нѣсколько минутъ. Тогда только я узналъ о причинахъ заставившихъ его, лишь съ крайнимъ сожалѣніемъ, оставить Москву и Московскій университетъ [3]). Приглашеніемъ министра Перовскаго занять при немъ должность личнаго секретаря, по словамъ Рѣдкина, обязанъ онъ былъ извѣстному В. Далю. Эта должность была въ то время весьма вліятельная: директоры департаментовъ, всѣ прибывавшіе въ столицу губернаторы нуждались въ расположеніи секретаря; въ настоящее же время, разсказывалъ Рѣдкинъ не безъ горечи, всѣ эти администраторы, встрѣчаясь со мной, уже не признаютъ во мнѣ стараго знакомаго. Исключеніемъ служилъ Н. А. Милютинъ. Я встрѣчалъ его довольно часто въ домѣ Рѣдкина, но для меня всегда оставалось загадкой, чтò именно связывало этихъ лицъ совершенно различнаго темперамента и отчасти

---

[1]) До меня (до 1843 г.) не существовало этой должности въ заведеніи съ 22 классами (вмѣстѣ съ паралельными), съ огромнымъ числомъ преподавателей (до 40), и всѣ многосложныя обязанности по надзору за учебной частью лежали исключительно на плечахъ одного инспектора Ободовскаго. Въ этомъ же году къ Николаевскому Сиротскому институту присоединенъ былъ Александровскій Сиротскій домъ, дотолѣ находившійся на Петербургской Сторонѣ въ зданіи, взятомъ подъ Лицей.

[2]) Супруга Рѣдкина была дочь г-на Гарвѐ, который преподавалъ Англійскій языкъ въ Московскомъ университетѣ. П. Б.

[3]) Некрасивая исторія, героемъ которой былъ проф. Крыловъ, заставила, въ одно время съ Рѣдкинымъ, также Кавелина и Чивилева оставить профессуру.

убѣжденій—старое ли знакомство, проявлявшееся болѣе въ церемонныхъ, чѣмъ сердечныхъ формахъ, или близкое участіе Милютина въ судьбѣ дѣвочки, 5 лѣтней Француженки, которую Рѣдкинъ взялъ къ себѣ на воспитаніе, желая, какъ я полагаю, найти для своей дочери подругу въ играхъ.

Не могу опредѣлительно указать на періодъ въ жизни Рѣдкина, когда его стали особенно интересовать вопросы педагогики. Можно предположить, что это произошло въ ту пору его профессорской дѣятельности *), когда онъ принялъ на себя обязанности инспектора классовъ въ Московскомъ Александровскомъ институтѣ и сталъ издавать «Библіотеку Воспитанія». Но во время нашего сближенія онъ нашелъ во мнѣ отзывчиваго адепта, и любимымъ предметомъ нашихъ бесѣдъ были проблемы педагогики и особенно примѣненіе этой науки къ семейному воспитанію. Посвятивъ себя всецѣло развитію способностей своей въ то время единственной дочери, онъ прилежно слѣдилъ за всѣмъ, что̀ только появлялось въ западной литературѣ по части педагогики. Все въ его квартирѣ, начиная съ передней комнаты, гдѣ находилась горка, свидѣтельствовало о жилищѣ педагога: гимнастическіе снаряды, разбросанныя по ковру, въ лучшей комнатѣ квартиры, Фребелевскія и другія игры, разнородныя колекціи для развитія наглядности, вся эта обстановка убѣждала, что на первомъ планѣ у хозяина, главной его заботою-физическое и умственное воспитаніе дѣтей.

Сравнительно хорошо обезпеченный службою, Рѣдкинъ, въ то время, уже болѣе не думалъ о профессорской дѣятельности, объ юридической каѳедрѣ; но въ бесѣдахъ со мной онъ неоднократно высказывалъ, что не отказался бы отъ каѳедры педагогики въ Петербургскомъ университетѣ. Въ описываемое время такой каѳедры не существовало ни въ одномъ Русскомъ университетѣ. Впослѣдствіи, когда я началъ издавать «Журналъ для Воспитанія», прибѣгая при столкновеніяхъ съ цензурой, нерѣдко къ помощи попечителя учебнаго округа И. Д. Делянова и бесѣдуя съ нимъ о разныхъ педагогическихъ вопросахъ, я при такихъ случаяхъ не разъ намекалъ ему о необходимости учредить въ Университетѣ каѳедру педагогики. Но вѣроятно не надѣясь на сочувствіе къ такой новизнѣ со стороны министерства, Деляновъ постоянно отговаривался тѣмъ, что трудно у насъ найти профессора для этого предмета. Тогда я указалъ ему на Рѣдкина, но получилъ въ отвѣтъ: конечно, лучшаго нельзя было бы и желать; но Рѣдкинъ наврядъ ли согласится промѣнять свое хорошо обставленное въ матеріальномъ отношеніи мѣсто въ удѣльномъ вѣдомствѣ на

*) Рѣдкинъ сдѣлался профессоромъ въ Московскомъ университетѣ въ 1836 году.

менѣе выгодное профессорское. Впослѣдствіи оказалось, что моя мысль, привлечь Рѣдкина снова къ профессорской дѣятельности, упала не на безплодную почву; ибо, какъ извѣстно, онъ былъ приглашенъ занять въ С.-Петербургскомъ университетѣ каѳедру энциклопедіи права, его прежней спеціальности, при чемъ ему, какъ первоначально полагалъ Деляновъ, не поставлено было условіемъ оставить должность въ удѣльномъ департаментѣ.

Въ 1854 г., не будучи въ состояніи далѣе выносить своевольное и безтолковое вторженіе въ учебную облась новой начальницы Спб. Николаевскаго Сиротскаго института, я рѣшился оставить заведеніе, въ которомъ прослужилъ счастливѣйшія 12 лѣтъ моей жизни и, подъ руководствомъ опытнаго педагога А. Ободовскаго, ученика Песталоци, прошелъ превосходную практическую школу науки воспитанія. Сбитый съ обычной колеи, не имѣя полезныхъ связей и покровителей въ столицѣ, гдѣ подъ вліяніемъ грустныхъ извѣстій изъ Севастополя и неожиданной смерти императора Николая, все находилось въ какомъ-то возбужденномъ и ненормальномъ состояніи духа, въ ожиданіи лучшихъ вѣяній новаго царствованія захотѣлъ я, по выраженію И. Аксакова, «дохнуть опасностью» и, слѣдуя примѣру нѣкоторыхъ моихъ университетскихъ товарищей, облачился въ кафтанъ ополченца. Такъ во время Николаевскаго режима, при неограниченномъ начальническомъ произволѣ, нерѣдко коверкалась вся жизнь человѣка безъ связей и протекціи!...

Отъ какихъ недостаточно-компетентныхъ начальственныхъ лицъ зависитъ иногда у насъ замѣщеніе должностей по учебной части, могутъ служить слѣдующіе примѣры. Узнавъ случайно, что пріѣхавшій въ Петербургъ генералъ-губернаторъ Восточной Сибири ищетъ инспектора классовъ для Иркутскаго дѣвичьяго института, я явился къ нему съ предложеніемъ моихъ услугъ. Но академически образованный генералъ нашелъ, что моя 12-ти лѣтняя дѣятельность по части инспекторской, лишь въ должности помощника инспектора классовъ, не представляла достаточнаго ручательства въ моей опытности и что онъ желалъ бы пріобрѣсти для института личность пользующуюся авторитетностію и бо̀льшею извѣстностью. Уважаемый Амурскій дѣятель повидимому воображалъ себѣ, что кто-либо изъ инспекторовъ I-го разряда столичныхъ институтовъ, или какой-либо университетскій профессоръ, прельстится видомъ на службу въ Сибири подъ его или вѣрнѣе сказать его супруги (Француженки) начальствомъ, въ должности съ мизернымъ окладомъ (800 или 1000 рубл.) жалованья. Припоминается мнѣ еще такая выходка одной высокопоставленной личности. Однажды

графу В., стоявшему во главѣ одного женскаго учебнаго заведенія, на выпускномъ экзаменѣ этого заведенія, пришла въ голову экцентрическая мысль предложить преподавателю ариѳметики экзаменовать институтку и заставить ее рѣшать задачу на *Французскомъ* языкѣ. Положимъ, что воспитанницы этого института, будущія наставницы юношества, довольно хорошо владѣли иностранными языками; но трудно предполагать, чтобы кто либо изъ родителей могъ потребовать отъ Русской гувернантки, чтобы она обучала ариѳметикѣ на Французскомъ языкѣ. Я вполнѣ увѣренъ, что самому лицу, выставившему такое ни съ чѣмъ несообразное требованіе, не были знакомы встрѣчавшіеся при рѣшеніи задачъ математическіе термины, не смотря на то, что оно владѣлъ Французскимъ языкомъ лучше чѣмъ Русскимъ.

Но судьбѣ угодно было иначе распорядиться моей персоною. Нашимъ дружинамъ Новгородскаго ополченія, на пути въ Севастополь, приказано было остановиться въ Москвѣ и, въ ожиданіи мира, нести тамъ обязанности гарнизонной службы.

Я полагалъ необходимымъ сообщить эти біографическія свѣдѣнія о своей особѣ, ибо ими отчасти объясняется какъ сближеніе мое съ Рѣдкинымъ, такъ и послѣдовавшая за нимъ наша общая дѣятельность на полѣ педагогики. Въ періодъ моего пребыванія въ Бѣлокаменной возникли первыя мои письменныя сношенія съ Рѣдкинымъ. Въ видахъ выясненія нашихъ взаимныхъ отношеній считаю полезнымъ привести здѣсь наиболѣе любопытныя изъ его писемъ.

С.-Петербургъ, 28 Октября 1855.

Положенію вашему я сочувствую, потому что я самъ былъ въ подобномъ, когда рѣшился оставить Московскій университетъ, а между тѣмъ не имѣлъ въ будущемъ ничего, что̀ могло бы хоть сколько нибудь замѣнить его. Но какъ впослѣдствіи все устроилось къ лучшему со мною, такъ, надѣюсь, будетъ и съ вами. Однакоже для этого нужна, во-первыхъ вѣра, а во-вторыхъ—дѣятельность. Если вы только захотите, то въ послѣдней не будетъ у васъ недостатка; остается только вамъ разогрѣть въ себѣ чувство вѣры въ такой степени, чтобы, не превращаясь ни въ безчувственную деревяшку, ни въ холоднаго эгоиста, смотрѣть на все съ высоты Гегелева Олимпа и идти своимъ путемъ, не развлекаясь людскими толками и посторонними предметами. Да, тогда сдѣлаетесь, пожалуй, спеціалистомъ, или же плавайте въ безграничномъ океанѣ науки вообще. Въ томъ и другомъ случаѣ, вы будете полсутокъ жить жизнью сладкою, оставивъ полсутки другіе на сонъ—подчасъ и тяжелый. Такъ я именно теперь живу, находя

счастіе не тамъ, гдѣ оно не можетъ и быть, не внѣ себя, а внутри, относя притомъ и семейную жизнь къ внутренней жизни. Скажутъ, пожалуй, людскіе толки: а гдѣ же твоя публичная дѣятельность? На подобный вопросъ я отвѣчаю не людямъ, а самому себѣ: я пересталъ давно себя обманывать и потому не гонюсь за призраками, мечтами, небылицами; толочь воду я не хочу, допуская это настолько, чтобы пріобрѣтать средства для внутренней моей жизни, какъ единственно возможной. Такъ или не такъ думаете вы, почтенный другъ?

Посѣтивши лекціи [1]), передайте мнѣ ваши впечатлѣнія. Вѣдь это былъ нѣкогда мой университетъ, за который я готовъ былъ отдать все, и самого себя. Правда, изъ него вышли (его оставили) всѣ люди, бывшіе близкими мнѣ по чувствамъ и стремленіямъ; теперь онъ мнѣ представляется какъ легкій, усладительный сонъ, улетѣвшій вмѣстѣ съ моею юностью. Покойтесь, друзья мои, живые и мертвые, бывшіе въ немъ дѣятелями истины, правды, какъ успокоился и я, выброшенный на берегъ съ вѣчно-зеленѣющими садами, но не цвѣтущими и безплодными.... Всѣ мои вамъ дружески жмутъ руку.

С.-Петербургъ, 15 Ноября 1855.

.... Содержаніе вашего письма, по крайней мѣрѣ главное, обвинительное. Считаю неудобнымъ оправдываться по почтѣ. Ни вы, ни онъ не знаете моей біографіи [2]), безъ знанія которой не осуждаютъ теперь и преступниковъ тамъ, гдѣ уголовное судопроизводство начинаетъ развиваться паралельно съ психологіей. И здѣсь нужна таже вѣра, о которой я вамъ писалъ и которая служитъ, между прочимъ, необходимымъ основаніемъ истиннаго дружества. Прибавлю, что гордиться мнѣ нечѣмъ, если бы и пришла мнѣ на умъ такая пошлость, и что я никого изъ моихъ слушателей не отталкивалъ по той простой причинѣ, что никто изъ нихъ ко мнѣ не являлся, какъ *слушатель*, а только развѣ (да и то очень немногіе) являлись, какъ *искатели мѣстъ*, которыхъ я не раздаю.

Любопытствуете же вы *теперь* знать, каково мое положеніе. Я вамъ скажу въ двухъ словахъ: положеніе человѣка, выведеннаго насильно изъ его колеи и ищущаго другой, на которой бы не только могло быть удовлетворено эгоистическое, какъ вы называете, стремленіе къ спокойному наслажденію наукою, но и достигаема цѣль вся-

---

[1]) Я писалъ Рѣдкину, что въ свободное время намѣренъ посѣщать университетскія лекціи болѣе или менѣе извѣстныхъ Московскихъ профессоровъ.

[2]) Петръ Гр. Рѣдкинъ (род. 4 Октября 1808), сынъ Суворовскаго офицера, городничаго въ Ромнахъ (Полтавск. губ.) и воспитанникъ Нѣжинскаго лицея, помѣстилъ свою ученую автобіографію въ „Словарѣ профессоровъ Московскаго университета". П. Б.

каго человѣка, не тяготящаго собою напрасно землю, быть полезнымъ, по мѣрѣ силъ и способностей, тому болѣе или менѣе обширному или тѣсному кругу, въ которомъ предназначено ему дѣйствовать. Такимъ образомъ я все еще остаюсь попрежнему профессоромъ, хотя предметъ моихъ лекцій уже не энциклопедія права [1]), а педагогика; педагогика же потому, что я къ ней всегда чувствовалъ особенную склонность, и потому, что отъ нея преимущественно я жду спасенія нашей будущности. Конечно, новый предметъ не достается вдругъ, и потому я только начинающій на этомъ поприщѣ [2]); но начало всего труднѣе. Это половина труда, что̀ уже испытываю. Но довольно объ этомъ чувствительномъ для меня предметѣ....

С.-Петербургъ, 2 Декабря 1855.

.... Ваше письмо меня очень, очень тронуло; но ради этой самой нѣжной дружбы, прошу васъ не писать мнѣ впередъ ничего такого, что̀ не могъ бы прочесть цѣлый свѣтъ; ради этой дружбы, имѣйте ко мнѣ довѣренность и потому убѣдитесь, что я имѣю на то достаточныя причины.

С.-Петербургъ, 28 Января 1856.

.... Да и что писать? Жизнь моя идетъ совершенно однообразно, въ чемъ, впрочемъ, я всегда нахожу истинное удовольствіе. Прибавьте къ этому окружающее меня тихое семейное счастіе и окружающія меня книги, выбранныя по моему вкусу и по моимъ потребностямъ... и вы поймете всю прелесть моего положенія.

Между нами будетъ сказано, что я началъ писать для Русскаго Вѣстника, на первый разъ, обозрѣніе новѣйшей иностранной педагогической литературы. Если по окончаніи я имъ буду сколько нибудь доволенъ, что̀ очень не легко, то напечатаю хоть подъ псевдонимомъ.

Петербуржцы вообще очень недовольны первыми двумя книжками новаго Московскаго журнала, находя, что онѣ не удовлетворяютъ ничьей потребности и нисколько не носятъ свѣжаго отпечатка живой современности. Какъ судятъ у васъ въ Москвѣ?...

14 Февраля 1856 г. С.-Петербургъ.

...Петербургская публика продолжаетъ выражаться о Русскомъ Вѣстникѣ, какъ о журналѣ мертвомъ. Между нами говоря, дѣйстви-

---

[1]) Которую П. Г. Рѣдкинъ читалъ въ Московскимъ Университетѣ. П. Б.

[2]) Странное признаніе изъ устъ бывшаго инспектора классовъ и издателя „Библіотеки для воспитанія“. Но въ былое время у насъ всякій болѣе или менѣе извѣстный профессоръ считался eo ipso прекраснымъ педагогомъ.

тельно въ немъ пока мало живого. Чтó Московская публика его безусловно хвалитъ, то это и не могло быть иначе: Москва вся расположена лучами около Университета, какъ своего центра, а Университетъ, т. е. все лучшее въ немъ, его издатель и сотрудникъ. Въ этотъ кружокъ, основанный, какъ всѣ Московскіе кружки, на началахъ системы самохваленія, не дерзаетъ пробиться самостоятельный голосъ холоднаго, безпристрастнаго критика, который бы, напр., сказалъ Вѣстнику, что вѣсти его большою частью старыя, или извѣстныя, или не животрепещущія, или выражены поучительнымъ тономъ школьнаго учителя, или, или... но довольно. Теперь мало ли нашлось такого, чтò происходитъ не на Океаніи, не при Карлѣ V, не во время войны за наслѣдство Испанскаго престола? А чтò вынесемъ мы изъ статей о Пушкинѣ, о древней Руси? Чтò за мысль въ Старушкѣ и т. п.? А лѣтопись куда какъ безсвязна! Нѣтъ, я слишкомъ уважаю идею Русскаго Вѣстника, чтобы теперь уже довольствоваться ея выполненіемъ; я жду, имѣю право ждать несравненно бòльшаго, лучшаго и твердо надѣюсь, что не обманусь въ своихъ надеждахъ. Можетъ быть, я слишкомъ строгъ въ моихъ сужденіяхъ, но строгъ не какъ чужой, холодный, равнодушный человѣкъ, а какъ отецъ, не желавшій бы видѣть на своемъ сынѣ ни однаго пятнышка, какъ истинный патріотъ, скорбящій о малѣйшемъ недостаткѣ своей родины *).

Мое обозрѣніе новѣйшей иностранной педагогической литературы подвигается медленно. Не пугайтесь названія; хотя оно и не популярное, но и не школьное, какое вы предполагаете. А Русскій Вѣстникъ... хочетъ учить Русскую публику съ высоты каѳедры и изнутри кабинета.

10 Апрѣля.

...И вашъ Русскій Вѣстникъ не оживаетъ: все также безцвѣтенъ, также мертвъ. Нѣтъ, видно, не возставать ему, а умереть въ первый же годъ своей жизни. А жаль, душевно жаль! Могъ бы быть корифеемъ всѣхъ Русскихъ періодическихъ изданій. Напротивъ, посмотрите на Современникъ. Чтò за живыя, занимательныя для всѣхъ статьи!... Хотите знать мой вкусъ по отношенію къ романамъ: прочитайте «Невѣстку» въ Русскомъ Вѣстникѣ.

...Будущность ваша совершенно въ вашихъ рукахъ... что же касается до недовольства самимъ собою, то съ этимъ я васъ искренне поздравляю, потому что самодовольство не есть добродѣтель порядочнаго человѣка.

*) Русскій Вѣстникъ былъ первый журналъ, разрѣшенный правительствомъ послѣ закрытаго (1836) Телескопа. Отечественныя Записки считались продолженіемъ Свиньинскихъ, а Современникъ—Пушкинскаго. П. Б.

С.-Петербургъ, 2 Марта 1856 г.

...О Русскомъ Вѣстникѣ всѣ единогласно вкореняются въ той мысли, что онъ палъ, не успѣвши встать порядочно на ноги; и если здѣшніе литераторы напишутъ что-либо для него, то только, чтобы выполнить свое обѣщаніе, а потому громко объявляютъ, что начнутъ что-нибудь писать развѣ съ осени. И я прервалъ статью или, лучше сказать, рядъ педагогическихъ статей, которыми думалъ пожертвовать для Русскаго Вѣстника, въ ожиданіи, будетъ ли стоить этотъ журналъ того, чтобы трудиться для него добросовѣстно, въ чемъ я почти уже потерялъ надежду. Приводимые вами факты противъ педагогическихъ статей моихъ не поколебали меня. Дѣло не въ заглавіи, а въ сущности и въ формѣ изложенія. Сущность должна остаться научною, а форма должна быть живая, рѣзкая, трепещущая современными интересами. Вотъ, какъ вы возвратитесь, я вамъ прочту кое-что изъ этихъ статей, и надѣюсь, что вы согласитесь со мной, что ихъ бы хотя и начали читать съ неохотою, но будучи задѣты за живое, продолжали бы съ невольнымъ увлеченіемъ, не потому, что я въ состояніи написать увлекательно, но потому только, что высмотрѣлъ живыя стороны предмета.

10 Марта 1856 г.

Вы говорите о Рулье, что онъ обладаетъ способностью не забывать ничего изъ прочитаннаго, и потому удивляетесь, почему не приписалъ я ему большаго количества познаній. Но дѣло въ томъ, что онъ теперь читаетъ мало дѣльнаго, и слѣдовательно помнить-то ему нечего новаго, а остается варіировать старыя темы. Г. Соловьевъ только труженикъ; я его коротко знаю и зналъ всю исторію его развитія. Онъ не имѣетъ въ головѣ ни одной живой мысли. Онъ много читалъ и изучалъ источниковъ. Совсѣмъ противоположное Рулье, весь составленный изъ таланта, дающаго ему возможность давать множество новыхъ формъ немногому количеству своихъ познаній*). Крыловъ даровитый профессоръ, но и онъ давно остановился на точкѣ замерзанія и уже болѣе никогда не отогрѣется. Не имѣю понятія о лекціяхъ Капустина и Леонтьева. Желалъ бы слышать отъ васъ подробное сужденіе.

---

*) Профессоръ Зоологіи К. Ф. Рулье читалъ лекціи такъ увлекательно, что мы отъ нѣкоторыхъ скучныхъ профессоровъ нашего словеснаго факультета уходили къ нему послушать о лягушкахъ, пчелахъ и т. п. П. Б.

С.-Петербургъ, 25 Мая 1856 г.

Первое письмо ваше, любезный А. А., послѣ отъѣзда вашего изъ Питера я имѣлъ удовольствіе получить.

Прежде всего скажу вамъ нѣсколько словъ о запискѣ вашей о воспитаніи *).

Продолжайте, но исключите мѣста, касающіяся до личностей, которыя ни къ чему ровно не послужатъ, кромѣ къ раздраженію тѣхъ, которымъ, конечно, будетъ передана ваша записка для обсужденія .... Когда вы домицилируетесь въ Москвѣ, то поговоримъ о педагогическомъ журналѣ, въ которомъ я надѣюсь принять не одно только духовное содѣйствіе. Всѣ мы васъ цѣлуемъ, а я прошу часто писать къ преданному вамъ П. Рѣдкину.

С.-Петербургъ, 5 Іюня 1856 г.

Теперь о педагогическомъ журналѣ, возраженіе на возраженіе, или правильнѣе поясненіе на поясненіе.

1. Помѣщать въ журналахъ съ самаго начала, а не впослѣдствіи, статьи и для дѣтскаго чтенія необходимо по той уже практической причинѣ, что программа должна быть утверждена разъ навсегда правительствомъ, которое затруднится перемѣнить ее. Затѣмъ, семейство безъ дѣтей не существуетъ, и Семейная Библіотека не оправдаетъ своего названія. Наконецъ, *дѣти* въ нашемъ журналѣ *цѣль*, а все остальное—средства. Но, пожалуй дѣлите каждый нумеръ на двѣ половины. Первую половину назовите тогда: для дѣтей, а вторую—не придумаю, да и нельзя придумать, и не надо придумывать; родители прямо увидятъ, что̀ касается *только* до нихъ, и что̀ до дѣтей, и что̀ и до нихъ и дѣтей вмѣстѣ. Чрезъ помѣщеніе статей для чтенія дѣтей задача сдѣлается не сложною, а останется простою; потому что, повторяю, дѣти суть для насъ первые члены семейства, а мы издаемъ *семейную* библіотеку. Если же подъ сложною задачею вы разумѣете *трудную для выполненія*, то и это не такъ; потому что гораздо труднѣе написать статью для родителей, чѣмъ для дѣтей, выбрать лучшее изъ существующаго на иностранныхъ языкахъ съ необходимою только передѣлкою или и безъ передѣлки (какъ будутъ всѣ статьи хрестоматій нашихъ). Наконецъ, нашъ журналъ долженъ замѣнить дѣтямъ множество большею частію негодныхъ дѣтскихъ книгъ, на которыя у насъ несравненно больше *постояннаго* запроса, чѣмъ на другія книги. Ли-

---

*) Записка о недостаткахъ воспитанія въ женскихъ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ. Записка эта, при посредствѣ Рѣдкина и черезъ графиню Толстую, была представлена императрицѣ Маріи Александровнѣ. Можетъ быть, она отчасти ускорила учрежденіе женскихъ гимназій. Сравнить мою статью къ вопросу объ основаніи женскихъ гимназій въ Россіи. (Русская Старина 1888 г.).

шать себя возможности удовлетворять этому запросу и слѣдовательно потребности значить не умѣть соблюдать ни своихъ, ни чужихъ выгодъ матеріальныхъ и духовныхъ.

2. Ежемѣсячное изданіе имѣетъ и свои выгоды, о которыхъ вы сказали, и свои невыгоды, о которыхъ я намекну, если припомню ту лихорадочную поспѣшность, съ которою должны быть издаваемы ежемѣсячные журналы и которая часто впадаетъ въ опрометчивость; а малѣйшая опрометчивость въ нашемъ дѣлѣ есть зло такое, гибельныхъ послѣдствій котораго и исчислить нельзя [1]). Согласимся на среднее: изданіе выпусками, въ неопредѣленное время, но съ опредѣленнымъ числомъ листовъ въ годъ; послѣднее нужно для предварительныхъ подписчиковъ, какъ обезпеченіе...

С.-Петербургъ, 10 Августа 1856.

... Въ проектѣ вашемъ о воспитаніи я думалъ и думаю воздержаться отъ личностей, а нападать на самое дѣло. И до сихъ поръ я остаюсь при томъ мнѣніи, что одно отъ другого отдѣлить и можно, и должно для успѣха въ дѣлѣ [2]).

Я кидался во всѣ мнѣ извѣстныя стороны, чтобы разузнать что-нибудь о женскихъ гимназіяхъ, и не узналъ ровно ничего. Я имѣю причины думать, что это pium desiderium или по крайней мѣрѣ осуществится не такъ скоро, какъ сначала предполагали.

Вотъ что хорошо вы вздумали, такъ хорошо. Противъ этого сказать нечего: вы думаете обратиться для отысканія себѣ мѣста къ кн. Щербатову [3]), здѣшнему попечителю. Прекрасно и еще разъ прекрасно. Онъ, я знаю навѣрное, ищетъ людей способныхъ и нуждается въ нихъ при задуманныхъ имъ коренныхъ преобразованіяхъ здѣшняго учебнаго округа. Отъ него можно ждать новаго графа Строганова; съ нимъ или у него служить (а по его понятіямъ это все равно) не можетъ не приносить удовольствія человѣку, ищущему пользы юношеству.

---

[1]) Условіе „лихорадочной дѣятельности" не можетъ относиться къ тѣмъ спеціальнымъ періодическимъ изданіямъ, которыя имѣютъ исключительной задачею знакомить читателей не только съ современными вопросами, но и съ выдающимися сочиненіями всѣхъ временъ. Поэтому редакція, хорошо знакомая съ литературою своего предмета, никогда не можетъ затрудняться въ выборѣ подходящаго для журнала матеріала.

[2]) Здѣсь Рѣдкинъ, по всей вѣроятности, разумѣетъ обличительный отдѣлъ моей программы, въ которомъ я намѣренъ былъ раскрывать недостатки нашихъ учебныхъ заведеній и ошибки лицъ, завѣдующихъ ими. Я находилъ этотъ отдѣлъ необходимымъ и полезнымъ также въ видахъ привлеченія корреспонденцій изъ всѣхъ краевъ нашего отечества, сообщеній о пользахъ и нуждахъ училищъ и встрѣчающихся въ нихъ злоупотребленіяхъ. Затѣмъ, въ эпоху преобладанія обличительной литературы, нельзя было обойтись безъ подобнаго отдѣла.

[3]) Князю Григорію Алексѣевичу. П. Б.

Такъ какъ и Москва уже успѣла показаться вамъ въ настоящемъ своемъ свѣтѣ и надоѣсть вамъ, то вотъ еще основаніе возвратиться вамъ на службу въ Петербургъ...

II.

Изданіе педагогическаго журнала.

Письменныя сношенія мои съ Рѣдкинымъ прервались осенью 1856 г. съ моимъ переселеніемъ изъ Москвы въ Петербургъ. Поощряемый имъ, одушевленный его ревностію къ педагогическому дѣлу, я, наконецъ, рѣшился приступить къ осуществленію моей давнишней завѣтной мысли, изданію педагогическаго журнала. Не могу сказать, чтобы эта мысль возникла во мнѣ недумано-негадано. Еще въ началѣ 1850 г., когда я служилъ въ Николаевскомъ Сиротскомъ институтѣ, Гурьевъ, инспекторъ классовъ Гатчинскаго Сиротскаго института, приглашалъ А. Ободовскаго возобновить прекратившійся «Педагогическій Журналъ», который они оба, въ товариществѣ съ Гурьевымъ, издавали въ 1830 и 1831 годахъ. Но Ободовскій, обремененный служебными занятіями въ двухъ институтахъ, профессурою *) и составленіемъ своего учебника Географіи, уклонился и указалъ на меня, болѣе молодую силу. Я былъ готовъ вступить на журнальное поприще, но дѣло разстроилось; ибо Гурьеву, по всему видно, желательно было заручиться авторитетнымъ именемъ Ободовскаго, моя же личность была для него совершенно неизвѣстная величина. Замѣтка въ Историческо-статистическомъ обозрѣніи учебныхъ заведеній С.-Петербургскаго учебнаго округа, Воронова (стр. 109) о мнѣ, какъ о лицѣ преимущественно занимающемся педагогикой, конечно не могла обратить вниманіе на мою персону. Еще менѣе могли быть извѣстны публикѣ два учебныхъ руководства, составленныя мною исключительно для воспитанницъ Сиротскаго института и не пущенныя въ продажу. Какъ извѣстно, Гурьевъ съ 1858 года принялъ на себя изданіе Педагогическаго Вѣстника, основаннаго Вышнеградскимъ.

Затѣмъ, года четыре спустя, начальница Николаевскаго Сиротскаго Института, Дараганъ, задумавъ изданіе журнала для дѣтскаго чтенія, предложила мнѣ быть его редакторомъ. Уже была мною приготовлена для печати первая книжка, когда со стороны императрицы Александры Θеодоровны, находившей весьма основательно, что издательство

*) Въ Николаевскомъ Сиротскомъ и Елисаветинскомъ. Въ Глав. Педагог. институтѣ занималъ онъ каѳедру статистики, впослѣдствіи педагогики, былъ членомъ Учебнаго Комитета IV Отдѣленія Собств. Е. И. В-ва Канцеляріи. Сверхъ того почетный опекунъ Ланской (позднѣе министръ внутреннихъ дѣлъ) поручалъ нерѣдко Ободовскому составленіе какихъ-то проектовъ.

журнала отвлечетъ начальницу отъ ея прямыхъ обязанностей, последовало veto, не позволившее осуществиться предпріятію г-жи Дараганъ. Очевидно, что после этихъ неудавшихся попытокъ выступленіе на журнальную арену съ спеціальнымъ изданіемъ было дело рискованное. Положимъ, что на заре новаго царствованія вопросы воспитанія, поднятые Пироговымъ и Бемомъ въ Морскомъ Сборнике, начали обращать на себя вниманіе и сильно интересовать начальство и наставниковъ учебныхъ заведеній; но этотъ официальный журналъ пользовался властнымъ и просвещеннымъ покровительствомъ В. К. Константина Николаевича, сочувствовавшаго задуманнымъ реформамъ его державнаго брата. Позволено было усумниться въ томъ, какъ отнесется цензура къ тому, когда въ частномъ изданіи появятся статьи въ роде «Вопросы жизни» или «Школа и Жизнь» Пирогова, где было бы возможно открыто и прямо указывать на нераціональность основъ и системъ, на которыхъ зиждилось общественное воспитаніе, унаследованное отъ дореформеннаго царствованія *). Но любовь къ предмету, поощренія Редкина, обещавшаго содействіе свое и своего бывшаго ученика Ушинскаго, положили конецъ моему колебанію, и я решился приступить къ делу.

Необходимо было заручиться сотрудничествомъ другихъ, кроме названныхъ лицъ, отъ которыхъ нельзя было ожидать, чтобы они участвовали во всехъ отделахъ журнала. Положимъ, что Редкину, знавшему Пирогова по Дерптскому профессорскому институту, можетъ быть и удалось бы получить обещаніе этой знаменитости украсить нашъ журналъ его именемъ; но тогда оба мы упустили изъ виду это обстоятельство, да и вообще не намерены были заманивать въ нашу лавочку длиннымъ спискомъ сотрудниковъ. Впрочемъ на постоянное сотрудничество Пирогова, который, вскоре после появленія въ Морскомъ Сборнике его известныхъ статей, былъ назначенъ попечителемъ учебнаго округа, сперва Одесскаго, а затемъ Кіевскаго и занялся своими новыми обязанностями и изданіемъ известныхъ интересныхъ циркуляровъ, едва ли можно было разсчитывать. Где же было искать сотрудниковъ-педагоговъ, когда самая педагогика находилась не въ «авантаже»?

Во время моего инспекторства въ Николаевскомъ Сиротскомъ институте, приходилось мне иметь дело не съ однимъ десяткомъ учительскаго персонала, и долженъ признаться, что среди него не находилъ я ни одного, кто бы особенно интересовался педагогическими вопросами. Большая часть этихъ господъ была, что̀ называется Немцами,

*) Насколько оправдались мои сомненія, описано въ моей статье „Цензурныя мытарства“ (Русская Старина 1889 г. кн. 9 и 12).

Stundengeber, даватели уроковъ, къ которымъ они даже не всегда приготовлялись, лица, нетерпѣливо ожидавшія звонка, чтобы, окончивъ свой часъ въ одномъ учебномъ заведеніи, летѣть въ другое. Былъ однажды такой курьезный случай: кто-то изъ преподавателей обязывался давать свой урокъ въ одинъ и тотъ же день и часъ въ двухъ различныхъ заведеніяхъ, разумѣется манкируя по очереди въ одномъ или въ другомъ, пока этотъ безсовѣстный фокусъ въ одинъ непрекрасный для него день не былъ обнаруженъ начальствомъ. При моемъ поступленіи въ Сиротскій институтъ (1843 г.) нашелъ я среди 20 преподавателей не болѣе трехъ съ университетскимъ образованіемъ. Между ними встрѣтилъ я такого курьезнаго преподавателя Русскаго языка, который, извѣщая инспектора о своемъ нездоровьи, въ пяти строкахъ своего письма обнаружилъ незнаніе простыхъ правилъ грамматики. Но и между университетскими нашелся одинъ любопытный экземпляръ. Явился ко мнѣ однажды кандидатъ С.-Петербургскаго университета нѣкто У., желавшій занять вакантное мѣсто преподавателя естествовѣдѣнія, и первымъ его вопросомъ было: въ какомъ классѣ состоитъ должность преподавателя; ежели ниже 9-го класса, то онъ не желаетъ ее занять. До педагогики ли было такому господину, у коего на первомъ планѣ стоялъ чинъ? Въ какомъ, можно сказать, небреженіи находилась у насъ наука воспитанія даже въ концѣ 50 годовъ, видно также изъ слѣдующаго случая. Когда я одному молодому преподавателю Гимназіи, впослѣдствіе директору Учительской Семинаріи, участвовавшему въ моемъ журналѣ, предложилъ сдѣлаться членомъ тогда зарождавшагося Педагогическаго Общества, то получилъ отъ него отказъ ничѣмъ не мотивированный. Другая личность, опытный и выдающійся по своей спеціальности преподаватель, вступивъ въ Педагогическое Общество, наивно признался мнѣ, что онъ никогда не могъ предполагать того, чтобы наука педагогики касалась такихъ интересныхъ и животрепещущихъ задачъ. Признаюсь, что за все время моей педагогической дѣятельности я встрѣтилъ не болѣе трехъ педагоговъ въ полномъ и идеальномъ значеніи этого слова. Это были А. Ободовскій (авторъ Руководства къ педагогикѣ и дидактикѣ), мой первоначальный наставникъ на педагогическомъ поприщѣ, П. Рѣдкинъ и І. Паульсонъ. Я не упоминаю объ Ушинскомъ; ибо, признавая его выдающимся педагогомъ-теоретикомъ, я не могу того же сказать о его практической педагогической дѣятельности.

Пріискивая для журнала подходящихъ сотрудниковъ, я, наконецъ, вспомнилъ, что въ Главномъ Педагогическомъ институтѣ существуетъ каѳедра педагогики, занимаемая Н. А. Вышнеградскимъ. Вотъ авто-

ритетное лицо, подумалъ я, статьи котораго несомнѣнно обратятъ вниманіе подписчиковъ на мое изданіе. Я былъ для г. Вышнеградскаго не совсѣмъ чужой человѣкъ: мы съ нимъ неоднократно присутствовали на экзаменахъ въ нѣкоторыхъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Пріемъ его былъ весьма любезный: Николай Алексѣевичъ угостилъ меня даже пивомъ, любимымъ своимъ напиткомъ; но, отнесясь къ моему предпріятію въ нѣсколькихъ сочувственныхъ фразахъ, на которыя онъ, какъ извѣстно, былъ большой мастеръ, онъ на мое приглашеніе сотрудничать далъ довольно уклончивый отвѣтъ. Нужно подумать, сказалъ онъ, извѣщу черезъ недѣлю о моемъ рѣшеніи. Однакожъ прошла недѣля, и отвѣта не послѣдовало. Между тѣмъ я узналъ, что г. Вышнеградскій вошелъ съ прошеніемъ въ Главное Управленіе цензуры о разрѣшеніи ему изданія Русскаго Педагогическаго Вѣстника; мое же прошеніе объ изданіи Журнала для Воспитанія поступило въ это вѣдомство нѣсколькими недѣлями ранѣе.

Никогда не могъ я объяснить себѣ, что̀ могло заставить Вышнеградскаго, не привыкшаго къ усидчивому труду, занятаго службой въ 2-хъ или 3-хъ учебныхъ заведеніяхъ, человѣка не обладавшаго необходимыми для начала дѣла матеріальными средствами, выступить моимъ конкурентомъ въ предпріятіи, которое въ то время не обѣщало какихъ-либо матеріальныхъ выгодъ. Но, какъ показали время и сравнительный успѣхъ моего изданія, конкуренція Вышнеградскаго оказалась для меня неопасною. Для библіографа можетъ оказаться небезъинтереснымъ слѣдующій отзывъ о Русскомъ Педагогическомъ Вѣстникѣ. «Русскій Педагогическій Вѣстникъ г-на Вышнеградскаго, не смотря на громкія объявленія, очень незавиденъ. Онъ производитъ впечатлѣніе человѣка, дѣятельность котораго нѣсколько заплыла жиромъ [1]). Вялость и скука свили себѣ, кажется, прочное гнѣздо въ Русскомъ Педагогическомъ Вѣстникѣ г-на Вышнеградскаго» (Современникъ 1857, Сентябрь) [2]).

Продолжаю характеристику педагогическихъ дѣятелей того времени. Вслѣдъ за напечатаніемъ въ Морскомъ Сборникѣ статей, выдвинувшихъ на передній планъ вопросы разумнаго воспитанія, дотолѣ мало обращавшіе на себя вниманіе большей части Русскаго общества, явились на педагогической аренѣ лица не обладавшія ни теоретической, ни практической подготовкою и провозгласили себя знатоками новаго

[1]) Злой намекъ на объемистую корпуленцію г-на В., принадлежащій, если не ошибаюсь, перу Н. А. Добролюбова, питомца Главнаго Педагогическаго института.

[2]) Подобный же отзывъ о лекціяхъ педагогики Вышнеградскаго приходилось мнѣ слышать отъ нѣкоторыхъ студентовъ, его слушателей.

педагогическаго дѣла. За неимѣніемъ лучшаго, учебное начальство охотно повѣрило ихъ компетентности и рѣшилось имъ поручать даже отвѣтственныя педагогическія должности. Въ видахъ иллюстраціи приведу характеристику такихъ двухъ доморощенныхъ педагоговъ, съ которыми мнѣ пришлось столкнуться во время изданія моего журнала. Однажды явился ко мнѣ чиновникъ горнаго вѣдомства просить занятій по журналу. Получивъ на мой вопросъ, знаетъ ли онъ Нѣмецкій языкъ, утвердительный отвѣтъ, я поручилъ ему переводъ одной педагогической статьи. Впослѣдствіи оказалось, что довольно посредственный переводъ дѣлался не имъ, а одной общей нашей знакомой, такъ какъ онъ самъ совершенно не зналъ Нѣмецкаго языка. Я убѣжденъ, что только благодаря моему изданію, этотъ quasi - педагогъ впервые ознакомился съ задачами педагогики, и затѣмъ, вошедъ во вкусъ, рѣшился искать счастія на педагогической карьерѣ. И дѣйствительно черезъ нѣсколько лѣтъ ему посчастливилось сдѣлаться не только преподавателемъ педагогики въ женскомъ институтѣ, но даже директоромъ Учительской Семинаріи и издать что-то въ родѣ курса дидактики. Кстати приведу отзывъ объ этомъ дилетантѣ-педагогѣ извѣстнаго педагога І. И. Паульсона. Въ своей перепискѣ съ барономъ Н. А. Корфомъ онъ говоритъ: «Вы ожидали отъ N.[1]) больше; а я, какъ уже писалъ вамъ, многаго и не ожидалъ отъ него. Я совершенно согласенъ, что N. обладаетъ прекраснымъ перомъ, но для составленія педагогическаго руководства необходимы преимущественно знаніе и практическій опытъ, а ни того, ни другого у N. нѣтъ. Онъ самъ никогда не обучалъ въ элементарной школѣ и ничего не читалъ объ элементарномъ обученіи [2]), до всего дошелъ своимъ собственнымъ умомъ, да въ Дерптѣ видалъ, какъ другіе обучаютъ... Посмотрите, напр., что̀ онъ нагородилъ въ отдѣлѣ по Русскому языку, а это еще его спеціальность». (Русская Старина 1894 г.).

Не менѣе интересенъ другой педагогъ-дилетантъ, съ которымъ мнѣ пришлось познакомиться лѣтомъ 1857 г. на Германскомъ учительскомъ съѣздѣ (Allgemeine Deutsche Schulversammlung) въ Гильдесгеймѣ. Это былъ лицеистъ К., protégé министра Головнина (также лицеиста), которымъ была возложена на К. спеціальная обязанность ознакомиться за границей съ учебными пособіями и, если не ошибаюсь, даже даны

[1]) Т. е отъ изданнаго имъ курса дидактики.

[2]) Какъ я уже сказалъ, иностранныхъ языковъ г. N не зналъ, а въ Русской педагогической литературѣ того времени существовало только „Руководство къ дидактикѣ" А. Ободовскаго 1837 г., съ которымъ г. N едва ли былъ знако́мъ, такъ какъ это сочиненіе, уже въ 40 годахъ, сдѣлалось библіографической рѣдкостью.

были денежныя средства для ихъ пріобрѣтенія. Я встрѣтился съ этимъ господиномъ въ гостинницѣ, гдѣ обыкновенно собирались члены съѣзда закусить передъ открытіемъ засѣданія, и нашелъ его въ необыкновенно веселомъ расположеніи духа посреди хорошо позавтракавшаго общества. На видъ это былъ совершенный юнецъ, и потому неудивительно, что одинъ изъ компаніи, угощенной имъ (вѣроятно, на казенныя деньги) усомнился въ томъ, что онъ женатъ. Дабы убѣдить невѣрующаго, К. сталъ доставать обручальное кольцо, которое почему-то носилъ на цѣпочкѣ, на груди подъ сорочкой; при этой манипуляціи неожиданно объявилась привѣшанная къ той же цѣпочкѣ икона, въ ризѣ, величиной $1/8$ аршина. Можно себѣ представить тѣ вопросительныя и удивительныя физіономіи иновѣрныхъ свидѣтелей этой неумѣстной откровенности. Мнѣ неизвѣстно, какъ оправдалъ этотъ педагогъ en herbe возложенное на него порученіе и успѣлъ ли составить себѣ видное положеніе на избранномъ имъ поприщѣ; впрочемъ имя его я встрѣчалъ въ журналѣ Семья и Школа Ю. Симашки. Въ запискахъ М. С. Сабининой находимъ мы такую характеристику г. К.: «Хотя очень умный (?), но не имѣлъ той коренастой натуры, которая была удѣломъ его старшихъ братьевъ. Онъ служилъ въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія» (Русскій Архивъ 1900 г., кн. 4).

Желая ознакомить читателей съ генезисомъ нашей современной педагогической журналистики, я долженъ вновь обратиться къ личности Н. А. Вышнеградскаго. Въ концѣ перваго года изданія моего журнала, является ко мнѣ г. профессоръ въ одинъ, конечно, непрекрасный для него день, съ удивительнымъ предложеніемъ, не соглашусь ли я соединить наши изданія въ одно. Объясненіемъ такого неожиданнаго марьяжа (убѣждалъ онъ меня) могутъ послужить для читателей самыя названія нашихъ журналовъ: мы назовемъ наше общее изданіе «Педагогическимъ Вѣстникомъ, журналомъ для родителей и наставниковъ» *). Мысль, признаться, довольно ловкая, но нисколько для меня не убѣдительная. Журналъ для Воспитанія, сливаясь съ Педагогическимъ Вѣстникомъ, тѣмъ самымъ какъ бы долженъ былъ признать либо свою нравственную, либо матеріальную несостоятельность, сознаться, что ему необходимо подкрѣпить свои слабыя силы силами журнала г. Вышнеградскаго, тогда какъ въ дѣйствительности дѣло обстояло совершенно наоборотъ: мое изданіе имѣло до 1000 подписчиковъ, а Педагогическій Вѣстникъ не болѣе 300. Я нашелъ излишнимъ убѣждать г. Вышнеградскаго въ неосновательности

*) Мой журналъ носилъ названіе „Журналъ для воспитанія, руководство для родителей и наставниковъ“.

его доводовъ и отдѣлался отъ него его же фразою, услышанной мною, когда я приглашалъ его сдѣлаться моимъ сотрудникомъ: подумаю и черезъ двѣ недѣли дамъ вамъ отвѣтъ. Но думать было не о чемъ: я отплатилъ ему его же монетою. Вслѣдъ затѣмъ Педагогическій Вѣстникъ, перемѣнивъ трехъ редакторовъ, черезъ 3 или 4 года совершенно исчезъ съ горизонта педагогической журналистики.

Вотъ при такихъ-то аспектахъ, при господствовавшемъ въ кружкахъ наставниковъ юношества равнодушіи къ задачамъ раціональнаго воспитанія, нельзя было не призадуматься надъ тѣмъ, подъ силу ли будетъ мнѣ принимаемая на себя отвѣтственная задача—удовлетворить всѣмъ условіямъ спеціальнаго педагогическаго изданія. Надо было обладать большимъ самомнѣніемъ, чтобы рѣшиться угощать читателя только одними произведеніями собственнаго пера. Было ли на это довольно досуга и необходимаго душевнаго спокойствія, такъ какъ по ограниченности матеріальныхъ средствъ приходилось нести на себѣ всю черную работу изданія какъ-то: хлопоты по типографіи, коректурѣ, съ газетной экспедиціей, почтой, кореспонденцію съ сотрудниками и борьбу съ цензорами? Все это въ то время лежало тяжелымъ бременемъ на плечахъ редактора-издателя, который не имѣлъ возможности содержать контору съ секретаремъ, коректоромъ и прочими атрибутами періодическихъ изданій въ нѣсколько тысячъ подписчиковъ. Конечно нравственная помощь, обѣщанная мнѣ Рѣдкинымъ и Ушинскимъ, имѣла для моего изданія большое значеніе, но сотрудничество этихъ авторитетныхъ лицъ было ограничено ихъ служебными обязанностями. К. Д. Ушинскій даже не жилъ въ Петербургѣ.

Въ виду всѣхъ этихъ условій, редактору, для облегченія своего труда, на первыхъ порахъ ничего болѣе не оставалось какъ возложить надежды на богатую педагогическую литературу Запада, преимущественно Нѣмецкую. И долженъ я покаяться, что въ первые три года изданія мой журналъ черпалъ изъ этого источника довольно щедрою рукой. Но, спрашиваю: какая изъ научныхъ дисциплинъ, въ младенческую пору своего развитія, не шла у насъ тѣмъ же путемъ? Впрочемъ современная критика, имѣвшая полное основаніе упрекать мое изданіе въ отсутствіи въ немъ національныхъ основъ и пристрастіи къ Нѣмцамъ, повидимому, вовсе не замѣчала этихъ заимствованій или только щадила Журналъ для Воспитанія и направляла свои стрѣлы исключительно въ другую сторону. Такъ, напр., «Учитель» гг. Паульсона и Весселя, защищаясь отъ германофильства, возражалъ: «Журналъ для Воспитанія, Чумикова, Педагогическій Вѣстникъ Гурьева и Журналъ М. Н. Просвѣщенія, еще до выхода въ свѣтъ нашего изданія, распро-

страняли туже Германскую педагогику, и, сколько намъ извѣстно, никто за это не обвинялъ ихъ въ пристрастіи къ Нѣмцамъ.... Полагаемъ, главная причина къ тому та, что упомянутые журналы назначены преимущественно для наставниковъ среднихъ учебныхъ заведеній да и по цѣнѣ доступны только людямъ зажиточнымъ и слѣдовательно, болѣе образованнымъ. Въ этой средѣ, думаютъ, Русскаго національнаго элемента нѣтъ, или почти нѣтъ: вліяніе иностранное потому не можетъ повредить имъ; да и не мѣшаетъ этой средѣ знать, что̀ дѣлается въ другихъ странахъ (по части педагогики) для образованнаго класса людей». Оправдываясь въ германофильствѣ и отсутствіи національнаго элемента, «Учителю» слѣдовало бы, по моему мнѣнію, обратиться къ своему строгому критику съ вопросомъ: гдѣ было Русскимъ дѣятелямъ педагогической науки искать въ ту пору образцовъ національнаго воспитанія, не въ Яснополянскихъ ли школахъ, эфемерное существованіе которыхъ не оставило послѣ себя ни малѣйшаго слѣда? Приступая къ изданію журнала, я руководствовался убѣжденіемъ, что прежде чѣмъ начать воздвигать новое зданіе, необходимо позаботиться о необходимыхъ для него матеріалахъ. Вотъ этихъ-то матеріаловъ для созиданія *Русской національной* педагогики въ описываемое время или вовсе не существовало, или они не умѣли пока себя заявить. Надлежало предварительно ознакомить наше общество съ пропедевтикою педагогики, пройти подготовительную школу этой науки. Такой школою могла быть только западная педагогическая литература, дотолѣ почти совершенная terra incognita какъ для родителей, такъ и нашихъ офиціальныхъ педагоговъ. Принявъ на себя задачу подготовить моимъ журналомъ, насколько было силъ и умѣнья, почву для плодотворнаго произрастанія на ней и выработки Русскихъ началъ воспитанія, я, послѣ семилѣтней утомительной дѣятельности, разочарованный равнодушіемъ общества, сложилъ оружіе, предоставивъ болѣе молодымъ силамъ дополнять и совершенствовать начатое мною дѣло. Какой оцѣнкѣ ни подвергалась бы моя журнальная дѣятельность со стороны будущаго историка Русской педагогической литературы, во всякомъ случаѣ, онъ не можетъ не упомянуть обо мнѣ какъ объ «основателѣ современной педагогической журналистики», атрибутъ присвоенный мнѣ журналомъ Народная Школа, подъ редакціей Ф. М. Мѣдникова (1877 г. № 5.).

Обращаясь къ кратковременному участію П. Г. Рѣдкина въ моемъ журналѣ, нельзя не пожалѣть, что напечатанныя въ немъ его статьи *) со стороны журнальныхъ рецензентовъ того времени не

*) Что̀ такое Воспитаніе? (3 статьи). Можно ли и должно ли воспитывать дѣтей? Рецензіи: Исторія педагогики Фр. Кёрнера. De l'éducation par msgr Dupanloup. Du rôle

были оцѣнены надлежащимъ образомъ. Въ С.Петербургскихъ Вѣдомостяхъ Корша, напр., появилась на нихъ критика, написанная въ довольно рѣзкомъ тонѣ, извѣстнымъ Московскимъ писателемъ Н. Е. Басистовымъ [*]), бывшимъ ученикомъ Рѣдкина. Въ концѣ 50 годовъ, во время нашей Sturm und Drangperiode и преобладанія въ Русской литературѣ обличительнаго элемента, на строго-научныя статьи Рѣдкина, безъ злыхъ и задирательныхъ намековъ на начальство или учрежденіе, наши журнальные критики смотрѣли какъ на нѣчто отсталое, противное духу нетерпѣливо ожидаемыхъ реформъ. Нежеланіе ли Рѣдкина поступиться своими убѣжденіями въ угоду господствовавшему въ литературѣ направленію или чтὸ иное, но онъ сталъ все рѣже и рѣже писать статьи педагогическаго содержанія и года черезъ два совершенно прекратилъ свое сотрудничество въ моемъ изданіи. Не смотря на это, наши дружественныя отношенія не только не охладѣли, но еще болѣе окрѣпли въ бесѣдахъ, главнымъ предметомъ которыхъ съ тѣхъ поръ послужило задуманное нами основаніе Педагогическаго Общества.

III.

Основаніе Педагогическихъ Собраній при С.-Петербургской второй гимназіи.

Мысль объ основаніи Педагогическаго Общества, какъ повѣдалъ мнѣ Рѣдкинъ, возникла еще въ бытность его профессоромъ Московскаго университета, среди нѣкоторыхъ его коллегъ. Былъ даже составленъ уставъ для такого общества, но съ уходомъ изъ попечительства сочувствовавшаго этому дѣлу гр. Строганова его инціаторы нашли несвоевременнымъ подымать этотъ вопросъ. Пишущему эти строки думалось, однакоже, что то, чтὸ казалось невозможнымъ въ 40 годахъ, могло быть осуществлено въ концѣ 50-хъ. Желая ознакомиться съ Московскимъ проектомъ устава, я, по указанію Рѣдкина, обратился съ просьбою сообщить мнѣ оный къ одному изъ его составителей, лектору Нѣмецкаго языка, Фелькелю. Уставъ былъ составленъ на Нѣмецкимъ языкѣ, изъ чего можно заключить, что, вѣроятно, и первоначальная мысль объ основаніи Педагогическаго Общества въ Москвѣ возникла въ головѣ этого иностранца, человѣка многосторонне образованнаго.

---

de la famille dans l'éducation en théorie. De l'éducation publique et privée par Th. Barrau. Du rôle de la famille dans l'éducation par m. Prévost-Paradol.

[*]) Объ отношеніи къ Басистову графа Ростовцова см. мою статью „Мои цензурныя мытарства" (Русская Старина 1899 г. Сентябрь и Декабрь).

Такъ какъ о возникновеніи Педагогическихъ Собраній впослѣдствіи, въ разное время, въ нашей печати появилось нѣсколько не совсѣмъ точныхъ свѣдѣній, то, бывъ однимъ изъ его главныхъ учредителей, имѣю я не только право, но и обязанность кое-что въ нихъ исправить и дополнить. Когда я, по поводу одного отчета Педагогическихъ Собраній, напечатаннаго въ «Учителѣ», замѣтилъ его издателю Паульсону объ искаженіи авторомъ отчета нѣкоторыхъ переданныхъ тамъ фактовъ, то Паульсонъ отвѣчалъ мнѣ, что «отчетъ писалъ не онъ, но В., который о фактахъ предшествовавшихъ открытію собраній не могъ ничего знать, такъ какъ онъ былъ знакомъ съ исторіей Общества лишь съ открытія перваго засѣданія у Рѣдкина. «Я также плохо помню эти факты, писалъ Паульсонъ, и весьма понятно: моя дѣятельность также началась лишь незадолго до открытія перваго засѣданія. Слѣдовательно соотвѣтственное лицо, которое могло что-нибудь написать о прелюдіяхъ—это Рѣдкинъ. Но онъ теперь такъ занятъ своимъ профессорствомъ, что даже отказался участвовать у меня въ журналѣ.... Я предлагаю вамъ написать дополненіе къ отчету и исторической запискѣ о «Собраніяхъ». Эти дополненія я съ удовольствіемъ помѣщу въ журналѣ. Кто же лучше васъ можетъ знать, какъ и что было до открытія перваго засѣданія?» Я не нашелъ тогда удобнымъ воспользоваться любезнымъ предложеніемъ Паульсона: пришлось бы выставлять собственныя заслуги, что невозможно было сдѣлать, не уязвивъ самолюбія другихъ лицъ болѣе или менѣе участвовавшихъ въ основаніи Педагогическихъ Собраній....

Мы съ Рѣдкинымъ измѣнили кое-что въ Московскомъ проектѣ, и я сталъ хлопотать объ его утвержденіи подлежащимъ вѣдомствомъ. Прежде всего, желая заручиться ходатайствомъ попечителя Спб. учебнаго округа, обратился я къ князю Щербатову [1]). Сочувственно отнесшись къ учрежденію Педагогическихъ Собраній, попечитель препроводилъ нашъ проектъ въ Главное Правленіе училищъ, но, по своему обыкновенію, не нашелъ нужнымъ входить въ личныя сношенія съ чиновниками министерства, отъ которыхъ зависѣло дать дѣлу ходъ. Вслѣдствіе такой его пассивности нашъ уставъ, какъ я удостовѣрился, преспокойно опочилъ въ столѣ начальника отдѣленія Г. [2]). Вѣроятно утом-

---

[1]) О моихъ личныхъ отношеніяхъ къ князю Г. А. Щербатову, при которомъ я состоялъ въ должности чиновника особыхъ порученій, см. Русск. Старину 1899 г., кн. 9.

[2]) Я убѣдилъ Рѣдкина, который всегда съ большимъ энтузіазмомъ отзывался о замышляемыхъ кн. Щербатовымъ реформахъ, сдѣлать ему визитъ и замолвить свое вѣское слово въ пользу учрежденія Педагогическихъ Собраній. Рѣдкинъ увѣрялъ меня, что попечитель отнесся къ его ходатайству, сверхъ ожиданія, безъ особаго сочувствія къ нашей затѣѣ.

ленный постоянной и неудачной борьбой съ бюрократизмомъ своего начальства, особенно по отношенію къ университетской реформѣ, князь Щербатовъ въ ту пору уже подумывалъ объ оставленіи своей должности, что̀ дѣйствительно скоро случилось. Преемникомъ его былъ назначенъ И. Д. Деляновъ. Послѣ продолжительной паузы проектъ устава съ нѣкоторыми измѣненіями былъ, наконецъ, полученъ изъ министерства и, исправленный нами по указанію послѣдняго, переданъ новому попечителю. Но на этомъ дѣло и остановилось. Я никакъ не могъ добиться толку, сколько я ни хлопоталъ и ни справлялся въ подлежащихъ вѣдомствахъ, что̀ или кто именно тормозитъ, болѣе года, полезное дѣло. При Норовѣ, министрѣ безъ энергіи и при черезъ чуръ опасливомъ попечителѣ, нельзя было надѣяться на скорое утвержденіе Педагогическаго Общества. Уже самое названіе «общество педагоговъ» пугало блюстителей отечественнаго просвѣщенія. Чтобы пройти всѣ эти Сциллы и Харибды и для успокоенія слишкомъ робкаго начальства, необходимо было придумать какой-либо компромисъ, нѣчто среднее. При такихъ обстоятельствъ подступилъ я къ И. Д. Делянову, всегда очень любезно помогавшему мнѣ въ моихъ частыхъ столкновеніяхъ съ цензурой, съ аргументами тако города. «Какъ у лица стоящаго во главѣ многихъ учебныхъ заведеній, убѣждалъ я его, главной у васъ заботою, конечно, содѣйствовать ихъ процвѣтанію; но къ этой же цѣли будутъ стремиться и подчиненные вамъ преподаватели, если вы разрѣшите имъ обмѣниваться мыслями въ періодическихъ бесѣдахъ по вопросамъ дидактики и методики. При недостаткѣ у васъ спеціальныхъ педагогическихъ заведеній особенно полезными окажутся эти бесѣды для начинающихъ педагоговъ». Противъ подобныхъ доводовъ трудно, конечно, было возражать; высокообразованный Иванъ Давидовичъ сталъ понемногу сдаваться и, послѣ нѣсколькихъ колебаній, наконецъ согласился, но съ оговоркой, если одинъ изъ директоровъ столичныхъ гимназій согласится подъ своей отвѣтственностію пріютить такія собранія преподавателей въ своемъ заведеніи. Я тотчасъ же указалъ ему на директора 2-ой гимназіи А. С. Воронова, моего близкаго знакомаго со студенческой скамьи, ибо былъ увѣренъ, что тотъ, узнавъ о разрѣшеніи своего начальника, не откажетъ удовлетворить просьбу педагогической братіи. При томъ же 2-ая гимназія представляла еще то удобство, что находится въ центрѣ города. Такимъ образомъ главнѣйшее препятствіе было устранено; теперь только оставалось кликнуть кличъ и собрать воедино разношерстныхъ членовъ будущаго педагогическаго кружка. Такая задача была не изъ легкихъ, такъ какъ мы съ Рѣдкинымъ имѣли въ виду пригласить преподавателей и начальство не только гимназій, но и другихъ учебныхъ заве-

деній. Пришлось мнѣ дѣлать визиты и уговаривать присоединиться къ нашему кружку лицъ дотолѣ мнѣ совершенно назнакомыхъ.

Надо замѣтить, что, еще до полученія согласія попечителя, успѣли мы составить небольшой кружокъ людей сочувствующихъ педагогическому дѣлу, къ которому, при посредствѣ Паульсона, тотчасъ же примкнула группа преподавателей частной гимназіи К. И. Майя. Первое собраніе соединенныхъ кружковъ происходило въ квартирѣ Рѣдкина, 11 Октября 1859 г. Въ немъ участвовали кромѣ хозяина и пишущаго эти строки: І. И. Паульсонъ, А. С. Вороновъ, директоръ 2-ой гимназіи, И. Б. Штейнманъ, проф. и директоръ Петровскаго училища, В. Х. Лемоніусъ, директоръ 3-ей гимназіи, К. И. Май, К. Я. Люгебиль, д-ръ Изенбекъ и Н. Х. Вессель [1]). На этомъ собраніи было рѣшено составить проектъ Педагогическаго Общества и войти съ прошеніемъ о его утвержденіи. Затѣмъ члены кружка продолжали по очереди собираться другъ у друга.

Офиціальное разрѣшеніе для педагогическихъ собраній послѣдовало лишь въ концѣ 1859 г., такъ что первое засѣданіе, въ актовой залѣ 2-ой гимназіи, могло состояться только 9 Января 1860 г. Во второмъ засѣданіи участвовало до 18 лицъ и были избраны предсѣдателемъ собраній Рѣдкинъ, вице-предсѣдателями Штейнманъ и Чумиковъ [2]), секретарями Паульсонъ и Вессель. Положено было просить попечителя И. Д. Делянова принять на себя званіе почетнаго предсѣдателя, на что онъ и изъявилъ свое согласіе и, помнится мнѣ, въ началѣ, неоднократно присутствовалъ на нашихъ собраніяхъ.

Составленный нашимъ кружкомъ уставъ Педагогическаго Общества утвержденія не получилъ, но въ замѣнъ его вышла изъ министерства (31 Октября 1862 г.) «Инструкція для педагогическихъ собраній въ С.-Петербургѣ».

По переселеніи моемъ, въ концѣ 1860 года, въ Москву, участіе мое въ педагогическихъ собраніяхъ прекратилось и дальнѣйшія свѣдѣнія о его дѣятельности почерпалъ я лишь изъ отчетовъ засѣданій, появлявшихъ въ журналѣ «Учитель».

Въ слѣдующемъ году, находясь случайно въ С.-Петербургѣ въ тотъ моментъ, когда новый министръ народнаго просвѣщенія вступалъ

---

[1]) Вскорѣ затѣмъ присоединились къ намъ, по моему приглашенію, инспекторъ Училища Правовѣдѣнія О. О. Витте, инспекторъ 2 Кадеттскаго Корпуса полковникъ Даниловичъ и преподаватель Артилерійскаго Училища полковникъ П. А. Лавровъ.

[2]) По моемъ выбытіи изъ С.-Петербурга—А. С. Вороновъ.

въ отправленіе своей должности, я, при представленіи ему въ качествѣ чиновника министерства, дозволилъ себѣ обратить вниманіе Головина на необходимость основанія Педагогическаго Общества съ уставомъ и болѣе обширными правами. Мой непрошенный совѣтъ, повидимому, не понравился крайне самолюбивому министру, ибо онъ отвѣчалъ молчаніемъ. Не смотря на то, въ скоромъ времени, послѣдовало утвержденіе «Педагогическаго Общества».

Въ 1873 г., прибывъ въ Петербургъ изъ Москвы, я поинтересовался въ одну изъ Субботъ заглянуть на мое любимое дѣтище и отправился во 2-ую гимназію на засѣданіе Педагогическаго Общества. Въ началѣ меня пріятно удивила многочисленность собранія, но вскорѣ пришлось разчароваться и убѣдиться въ томъ, что не интересы науки воспитанія, а что-то иное привлекло пеструю толпу присутствующихъ. Такъ, во время чтенія рефератовъ, въ аудиторіи не умолкалъ шумъ отъ разговора; во время перерыва, особы прекраснаго пола, большая часть изъ нихъ стриженныя, съ папиросами во рту разгуливали по коридорамъ въ бесѣдѣ съ пріятными кавалерами. Словомъ, я нашелъ полнѣйшее вырожденіе первоначальныхъ педагогическихъ собраній. Что это не было лишь мое личное пессимистическое сужденіе, о томъ свидѣтельствуютъ, напр. слѣдующіе печатные отзывы. Извѣстный Б. Назарьевъ, писалъ: «Неумолкаемо звенѣлъ колокольчикъ предсѣдателя, но никто уже не обращалъ на него вниманія». (Вѣстн. Европы 1898 г. кн. 4). Не менѣе строго отнесся къ безпорядкамъ, постепенно вкравшимся въ засѣданія Педагогическаго Общества, А. Овсянниковъ. «Въ засѣданіяхъ общества, говоритъ онъ, не было равномѣрности, благонравія и тишины». (Русск. Старина 1900 г. кн. I). Дѣйствительно положеніе почтеннѣйшаго предсѣдателя, страдавшаго въ то время крайней близорукостію, возбуждало состраданіе: тщетно надсаждался онъ, дабы водворить хотя кое-какой порядокъ въ аудиторіи. Къ сожалѣнію мы привыкли подчиняться только палкѣ начальника, но не правиламъ порядка, установленнымъ для общественныхъ совѣщаній; мы не хотимъ понять ту простую истину, что хоромъ хорошо пѣть, но не говорить. Ораторъ, прерывающій другихъ, какъ будто желаетъ слушать только собственную рѣчь; онъ какъ бы не заботится даже о томъ, могутъ ли слова его среди безпорядочныхъ возраженій произвести на слушателей желанное впечатлѣніе. При подобныхъ сценахъ мнѣ всегда приходило на память одно бурное засѣданіе въ залѣ Пассажа, окончившееся извѣстными словами его предсѣдателя Е. И. Ламанскаго: «Мы не созрѣли».

Возвратясь въ Москву подъ грустнымъ впечатлѣніемъ всего видѣннаго и слышаннаго о порядкахъ въ Педагогическомъ Обществѣ, порядкахъ, которые, по всей вѣроятности, и повлекли за собой послѣдовавшееся въ скоромъ времени его закрытіе, я не могъ удержаться, чтобы не высказать Рѣдкину мое сѣтованіе объ упадкѣ общества. Изъ дружбы къ нему, дорожа его доброй славой, я позволилъ себѣ посовѣтовать ему, во избѣжаніе какого-либо скандала и непріятности, заблаговременно отказаться отъ предсѣдательства. Мой благонамѣренный совѣтъ, повидимому, непріятно затронулъ самолюбіе моего уважаемаго друга, и въ концѣ того же 1873 г. я получилъ на мое письмо такую отповѣдь. «Спѣшу успокоить васъ за дорогое вамъ Педагогическое Общество. Хотя въ продолженіе его существованія, тринадцатилѣтняго, произошелъ въ немъ всего одинъ скандалъ, а не скандалы, какъ дошли до васъ слухи *), и хотя и этотъ единственный скандалъ произошелъ подъ предсѣдательствомъ не моимъ, а А. С. Воронова, за отсутствіемъ моимъ по болѣзни; но тѣмъ не менѣе я предупредилъ ваше желаніе и немедленно созвалъ въ экстренное собраніе однихъ членовъ для составленія строгихъ правилъ насчетъ посѣщенія гостей. Эти правила были обсуждены совѣтомъ, а потомъ общимъ собраніемъ и теперь строго будутъ проводиться въ дѣйствіе. За симъ нѣтъ надобности въ измѣненіи устава, тѣмъ болѣе, что его статьи предписываютъ именно то, что̀ вы предполагаете. Но, къ сожалѣнію, эти статьи не всегда были исполняемы нѣкоторыми членами. Теперь же, надѣюсь, отступленія отъ нихъ не дозволятъ себѣ члены, послѣ того какъ сами же они согласились установить такія правила, которыя не давали бы возможности никакъ не отступать отъ устава. Мнѣ очень утѣшительно думать, что вы, какъ одинъ изъ главныхъ учредителей педагогическихъ собраній, и вдали не забываете о немъ, какъ и оно, конечно, не можетъ забыть васъ».

Въ этихъ строкахъ такъ и слышится оптимизмъ идеалистовъ 40 годовъ, полагавшихъ, что стоитъ только написать хорошій уставъ, и все пойдетъ какъ по писанному. Но если гдѣ, такъ это именно у насъ, не слѣдовало бы забывать того, что не столько учрежденія создаютъ людей, какъ люди создаютъ учрежденія, not measure, but men, и что послѣднія держатся первыми. Ежели въ продолженіе 13 лѣтъ не существовало правилъ для поддержанія порядка въ собраніяхъ педагоговъ и сами члены общества позволяли себѣ нарушать статьи устава,

---

*) Сколько помнится, я писалъ къ Рѣдкину о скандалахъ, которые могутъ произойти во всякомъ собраніи при безконтрольномъ допущеніи въ него постороннихъ лицъ.

то можно ли было ожидать отъ вновь установленныхъ правилъ болѣе успѣшнаго воздѣйствія, какъ бы они строги ни были? Что, не смотря на эти строгія мѣры собранія Педагогическаго Общества не освободились отъ водворившейся въ нихъ распущенности, придавшей имъ характеръ клуба, но не собранія людей съ серьезными задачами, о томъ свидѣтельствуетъ скоро затѣмъ появившееся высочайшее повелѣніе о закрытіи Общества.

Впрочемъ Рѣдкинъ, какъ бы предугадывая угрожавшую Обществу катастрофу, въ виду рѣшительной невозможности сдерживать выходящія изъ всякихъ границъ выходки ораторовъ изъ числа званныхъ и незванныхъ посѣтителей педагогическихъ собраній, а можетъ статься и по инымъ соображеніямъ, еще за годъ до закрытія Общества отказался отъ предсѣдательской должности.

Насколько туго прививалось у насъ понятіе о пользѣ педагогическихъ обществъ, о томъ свидѣтельствуютъ также мои неудачныя попытки основать таковое въ Москвѣ. Переселившись, какъ я уже сказалъ, въ Бѣлокаменную въ концѣ 1860 г., я, при первомъ моемъ свиданіи съ попечителемъ учебнаго округа Н. В. Исаковымъ, пытался узнать его мысли относительно основанія педагогическихъ собраній въ Москвѣ. Выслушавъ, какъ показалось мнѣ, съ большимъ интересомъ все, что̀ я считалъ нужнымъ сказать о пользѣ педагогическихъ обществъ, онъ, по обыкновенію сдержанный на слова, ничего положительнаго относительно моего предложенія не сказалъ.

Нѣсколько позже, приглашенный, въ числѣ прочихъ редакторовъ, по одному необыкновенному поводу на совѣщаніе къ М. Н. Каткову, я, пользуясь случаемъ, обратился съ тѣмъ же предложеніемъ къ П. М. Леонтьеву, надѣясь найти въ будущихъ основателяхъ Лицея болѣе сочувствія къ моей завѣтной идеѣ. Но мои горячія убѣжденія, сверхъ ожиданія, были выслушаны съ полнѣйшимъ равнодушіемъ этимъ alter ego Каткова. Впрочемъ понятно, что Леонтьеву, имѣвшему обыкновеніе просиживать за редакціей газеты цѣлую ночь до 3 часовъ утра, было тогда не до педагогики.

Въ 1863 г., я передалъ мой Журналъ для Воспитанія въ другія руки. Мое пошатнувшееся здоровье побудило меня отказаться отъ дальнѣйшей педагогической дѣятельности. Я рѣшился заняться сельскимъ хозяйствомъ.

ИЗЪ ПИСЕМЪ КОНСТАНТИНА ЯКОВЛЕВИЧА БУЛГАКОВА КЪ БРАТУ ЕГО АЛЕКСАНДРУ ЯКОВЛЕВИЧУ [1]).

Генваря 3-го 1811. (Бухарестъ).

Слава Богу и тебѣ спасибо, что ты умѣлъ предохранить имѣніе отъ взятья въ казенный присмотръ. По крайней мѣрѣ вы можете спокойно жить въ домѣ. Конечно, мой милый, Аннѣ Петровнѣ[2]) никакихъ документовъ на насъ представить нельзя. Ежели Апраксинъ опять возобновляетъ негоціаціи, то лучше, мой другъ, не отклонять ихъ, о чемъ тебя прошу и чего наконецъ отъ тебя требую. Вспомни, что ты женатъ и скоро будешь отцомъ. Тебѣ надобно обезпечить свое состояніе, которое отъ долгаго процесса, какой бы оному конецъ ни былъ, совершенно падетъ въ разореніе. Я уже тебя просилъ согласиться, даже половину уступить, но половину мою. Я не только какъ-нибудь, да и хорошо могу прожить своимъ жалованьемъ, да что́ тогда можетъ сравниться съ моимъ благополучіемъ: знать, что вы, мои милые, совершенно спокойны?

Я тебѣ писалъ о маскарадѣ графскомъ[3]). Онъ былъ прекрасенъ; веселились до 5 часовъ утра отъ 7. Я съ Сабанеевымъ, Закревскимъ и Фонтономъ были одѣты матросами, и очень хорошо. Славный былъ праздникъ. Передъ Новымъ годомъ былъ у насъ также réveillon.

Votre ancien chef[4]) me traite avec infiniment de bonté. J'ai fait dernièrement un excellent dîné chez lui, et puis il est venu me voir, malgré que j'avais barricadé ma porte. Sa société est extrêmement intéressante et instructive, aussi je le vois aussi souvent que je puis.

Прошу не хвастать вашими концертами. И у насъ бываютъ! Явился какой-то скрипачъ, играетъ у графа и изрядно. Дамы поютъ. Сестра жены Рѣзваго поетъ славно. Еще Француженка, докторша за

---

[1]) См. выше, стр. 108.

[2]) Колтовской, которая оспаривала у своихъ двоюродныхъ братьевъ Булгаковыхъ отцовское наслѣдство ихъ, о чемъ подробно въ письмахъ старшаго за 1809—1810 годы.

[3]) Т. е. у графа Н. М. Каменскаго, дипломатическою канцеляріею котораго управлялъ К. Я. Булгаковъ.

[4]) Т. е. Андрей Яковлевичъ Италинскій.

которою я волочусь. Еще Полька, гувернантка Энгельгарда; только эта плохо выговариваетъ по-французски.

*

Генваря 29-го 1811.

Вчерась былъ большой балъ у Суворова, человѣкъ было съ 500, и право, много очень хорошенькихъ... Какъ мило танцуютъ! Прошу мною не шутить; на старости лѣтъ мнѣ прекрасная дѣвушка сдѣлала декларацію, mais vous savez que ce n'est pas mon genre. Du reste je n'ai pas le temps de faire la cour avec femmes mariées et à plus forte raison aux demoiselles. Старымъ сталъ. Le bal était très brillant. 3-го Февраля у графа маскарадъ, а тамъ «прости край мой, край прелестный, гдѣ далъ я клятву не любить!» и сдержалъ слово. Знаешь ли, мой милый, что я пугаюсь, когда войду въ самого себя и вижу, какъ для меня все перемѣнилось, какъ ничто меня не веселитъ и даже не забавляетъ, какъ мнѣ все равнодушно; однимъ словомъ, какъ все надоѣло! Только у меня на свѣтѣ и утѣшенія, что вы, только и радости о васъ думать, только и желанія увидаться съ вами. Этому причиною, я думаю, слишкомъ хорошая Вѣнская жизнь и горе, съ тѣхъ поръ перенесенное.

Le soir je joue quelquefois au whist ou je fume sur un long divan. Pour de ceux-là il y en a partout, et au bal les vieilles d'ici se mettent dessus à trois rangs. C'est assez drôle. Les jeunes femmes ont quitté le costume du pays; les mamans portent toujours des petites calottes blanches sur la tête. Les femmes sont en général mal faites, mais des très jolies têtes et des yeux!... скажу вамъ-съ!

*

Генваря 30-го 1811.

Entre nous sois dit, mon cher ami, j'ai trouvé le moyen de me faire aimer de la chancellerie. Tout le monde est content, travaille avec ardeur, и все идетъ и скоро, и хорошо. Cette partie réunie à la diplomatique devient très considérable, puisque le commandant au chef est tout ici et pour les militaires, et pour le pays. Il est toujour d'accord avec les sénateurs, ce qui fait que nos affaires vont à merveille. Ничто не залеживается.

Какъ ты меня обрадовалъ извѣстіемъ о Тургеневѣ! Дай Боже добрымъ людямъ болѣе и болѣе. Наша переписка съ нимъ не очень исправна. Мы оба тому виноваты, но не менѣе я его душевно люблю, а въ его дружбѣ какъ сомнѣваться, послѣ тѣхъ доказательствъ, кои имѣли мы? Помнишь, братъ, какъ онъ раздѣлилъ наше горе, какъ старался. Богъ ему заплатитъ за все это.

Февраля 3-го 1811.

Гр. Сентъ-Пріестъ 31-го Генваря взялъ штурмомъ Ловчу, сдѣлалъ кучу плѣнныхъ, положилъ еще болѣе на мѣстѣ, взялъ 12 пушекъ, аяна Никопольскаго, который тамъ командовалъ въ плѣнъ и прислалъ 49 знаменъ. Вотъ подробности, которыя привезъ Гагаринъ, пріѣхавшій курьеромъ, вашъ Московскій Гагаринъ. Матерію эту расположу, какъ говоритъ Иванъ Савельевичъ *) въ будущемъ письмѣ. Бальменъ будетъ этому очень радъ, ибо онъ другъ С. Пріесту. Я это пишу для тебя и для пріятелей, ибо подробнаго рапорта еще нѣтъ. Вотъ тебѣ и зимнія квартиры! Туркамъ и тутъ житья нѣтъ.

A présent je vous dirai, mon cher ami, une autre nouvelle pour vous seul, qui nous met tous dans la tristesse. C'est la maladie du comte, qui prend un caractère assez sérieux. La fièvre a passée, mais il lui reste une toux sêche qui le tourmente jour et nuit, et qui commence à nous inquiéter. Il souffre beaucoup, jugez donc si nous souffrons, qui lui sommes attachés de coeur et d'âme. Demain il y aura une consultation. Au nom de Dieu n'en parlez à personne.

*

Февраля 10-го 1811.

La maladie du c-te a pris un caractère allarmant. Une fièvre nerveuse a succédé à la fièvre tierce. Il a été à l'agonie avant-hier; un miracle l'a sauvé; mais il en faut un plus grand pour nous le conserver. En un mot, Dieu seul peut le sauver, les médécins n'y peuvent plus rien faire. Ses forces sont totalemement épuisé, et la crise n'a pas encore eu lieu. Je n'ai pas besoin de vous décrire le désespoir de tout le monde, de toute la ville. C'est à présent qu'on voit combien il était adoré. Третьяго дня онъ исповѣдывался и причащался, сегодня сдѣлалъ духовное завѣщаніе въ совершенной памяти и съ такою твердостію духа, что всѣхъ удивилъ. Priez Dieu pour lui, s'il en est tems lorsque cette lettre vous arrivera.

*

Букарестъ, 14-го Февраля 1811.

Отчаяніе наше обратилось въ живѣйшую радость, но подобное чудо Богъ только можетъ сдѣлать надъ такими людьми, какъ графъ. Никакой уже не было надежды, мы уже съ горестію ждали его кончины, какъ вдругъ одинъ изъ докторовъ совѣтуетъ винную ванну. Графа сажаютъ въ нее безчувственнаго, онъ приходитъ въ себя; ванны повторяютъ, и возраждается надежда, которая ежедневно дѣлается основательнѣйшею, а съ нею и наша радость. Теперь мы видѣли,

---

*) Шутъ въ Москвѣ, въ домѣ князя Хованскаго.

какъ онъ обожаемъ, не только нами всѣми, но и всѣмъ городомъ. Его болѣзнь точно покойнаго батюшки. Ежели-бъ тогда сдѣлали винную ванну, и онъ бы, можетъ быть, спасенъ былъ. Эта мысль меня мучаетъ. Сколькихъ бы горестей мы были избавлены!

*

Февраля 20-го 1811.

Болѣзнь графская много мнѣ дѣлаетъ хлопотъ, ибо много остается дѣлъ нерѣшенныхъ и коихъ никто, кромѣ него, рѣшить не можетъ; но все это ничего, лишь бы онъ скорѣе выздоровѣлъ.

Съ Воронцовымъ мы довольно коротко познакомились; жаль только, что онъ никогда не былъ съ нами, а все почти въ откомандировкахъ. Я, конечно, постараюсь выиграть его дружбу и служить ему сколько отъ меня зависѣть будетъ. Прекрасный малый и славный офицеръ, et c'est une chose que je sais apprécier à présent.

Воронцовъ еще не пріѣхалъ. Онъ просилъ дозволенія пріѣхать, которое ему и дано. Онъ будетъ здѣсь съ Бальменомъ. Вчерась мы вмѣстѣ ужинали у Варлама и весь вечеръ болтали о васъ. Il m'a dit qu'outre la Slobode il a fort peu sorti; ma foi, c'est ce que j'aurais fait si j'étais a Moscou. У насъ новаго ничего нѣтъ, да мы теперь только и занимаемся графскимъ здравіемъ. Бредъ у него еще продолжается, но, впрочемъ, все хорошо. Это послѣдствіе великой слабости и сильныхъ лѣкарствъ.

Je ne me montre pas à lui, parce qu'il parle continuellement d'affaires, et cela lui est défendu. Il me demande continuellement, on lui dit que je suis malade. Dernièrement pourtant j'ai été dans sa chambre; il m'a demandé comment je me portais, il m'a dit que lui aussi allait mieux et que nous pourrions bientôt travailler. Je voulais m'en aller, il me rapelle et me dit en allemand de ne pas m'en aller, car il avait besoin du moi. Comme il n'a pas encore de suite dans ses idées, je croyais qu'il s'oublierait, mais au bout de dix minutes il me fait appeler. Je lui envoie le médécin pour lui dire que j'étais malade, mais comment il n'y a pas longtemps qu'il a été chez moi, le docteur lui dit que j'ai mal aux dents et que j'étais parti. C'est dommage, lui répondit-il, car j'ai à lui parler de beaucoup d'affaires. Ainsi je n'entre plus chez lui, malgré qu'il me demande dix fois par jour.

Souvoroff y vient tous les jours. Il est très drôle. Il a écrit par Gagarine une lettre à sa femme: мы въ хлопотахъ, у меня лобъ чешется, прочее все Гагаринъ перескажетъ. Il l'a chargé aussi de compter ses enfants. Чудакъ, обѣдаетъ въ 9 часовъ и начинаетъ уже отцовскія

шутки. Меня полюбилъ, но я рѣдко у него бываю, ибо его часы мнѣ не приличны. Рѣзвый также здѣсь, у него бываю не рѣдко, а по вечерамъ собираемся мы у Варлама и дуемся въ вистъ. C'est mon jeu favorit à présent. Nous l'avons adopté aussi pour le camp.

Je reçois aussi souvent des lettres de Vienne. L'aide-de-camp de l'Empereur Crusol, qui y a été en courrier, est revenu; il m'a apporté des vues de Vienne, qui me rappelent mon séjour dans cette charmante ville. Il m'a donné des nouvelles de mes amis. La princesse continue à aller grand train. Henriette, comme vous savez ou ne savez pas, est mariée. Mallia m'écrit et m'a envoyé deux paires de bottes. Pozzo a quitté Vienne pour aller Dieu sait où. Tout le monde s'amuse. Il y a opéra Italien. Valutti a fait fureur. То-то послушалъ бы! Но что̀ объ этомъ говорить? Мало ли, что̀ бъ я желалъ болѣе еще этого!

*

Букарестъ, Марта 22-го 1811.

Vous me dites, mon cher, qu'il faudrait qu'on sache à P.-bourg ce que je suis dans le cas de faire ici pour le bien du service. Et pourquoi cela? Je fais mon devoir. Le comte le sait et est content de moi; c'est tout ce qu'il me faut. Il avait demandé une récompense pour moi; le chancelier l'a refusée. Cela ne me décourage pas, au moins je puis me dire que je suis bien et que ma consience me console de ce petit désagrément. Si j'étais homme à vouloir gagner ici de l'argent en ne chargeant que fort peu ma consience, ce n'est pas milles ducats, mais quelques millions que j'aurais pu avoir dans mes poches. Leur vuide prouve pour moi et justifice ma conduite. Aussi je marche tête levée devant tout le monde et j'ose dire que je fais l'étonnement des Valaques. Доброе имя—первая въ свѣтѣ вещь et la seule à la quelle je tiens absolument. J'ai eu le bonheur de me l'enquérir partout où j'ai été. J'avais besoin d'une épreuve plus grande et je suis content de moi, puisque dans ma position malheureuse, avec mes dispositions de vous aider au dépend de ma vie, avec la possibilité dans laquelle je me suis trouvé de faire de l'argent, j'ai su conserver intacte mon honneur, ma probité. Je vous assure, mon cher ami, que c'est une jouissance sans égale pour moi, et cela doit vous faire plaisir. Votre lettre m'a touchée. Vous pensez comme moi. Je fais ici ce que vous faisiez à Palerme et ce que papa a fait pendant toute sa vie. Nous ne pouvons pas suivre de meilleur exemple. Depuis notre malheureuse histoire, Dieu a eu soin de moi. Non seulement je n'ai pas encore pu sentir les suites de l'injustice qu'on nous a faite, mais ma place me donne de quoi vivre sans gêne et de partager avec vous, quoique pas grand chose. 3 т. г.

d'argent de table suffisent pour mon entretien ici, le reste est pour vous. Je ne conçois pas comment jusqu'à ce jour on ne m'a pas envoyé mon tierçal de l'année passée. En attendant un de mes amis avait 500 roubles en papiers de 10 r., je les lui ai pris et je vous enverrai le reste. Ceci peut vous être utile pour le moment. А бумажки лихія. Я и остальное буду стараться прислать тебѣ мелкими бумажками.

Mon Dieu! Si le comte était rétabli, si sa maladie ne traînait pas en longueur! Mais, mon cher, entre nous soit dit, elle m'inquiète plus que jamais. Cette convalescence ne finit pas, il y a toujours quelque nouvel accident. Les médécins disent que cela ne fait rien à la chose, qu'il n'y a pas de danger, mais pourtant cela les étonne. Quelle perte ce serait pour la Russie, et quel malheur pour moi! De toutes les manières il ne pourrait de longtemps pas s'occuper d'affaires, et puis il n'est pas probable qu'on le laisse ici. Je suis persuadé qu'il ne m'y laissera pas, s'il a un commandement en quittant celui d'à présent; mais il est probable que sa convalescence mettra un intervalle qui ne peut que m'être très nuisible. Langéron a pris provisoirement le commandement de l'armée. Il me combe de bontés. Il a été très content de la manière dont je l'ai informé des affaires et de la manière dont je les fais. Il avait besoin de moi, étant neuf, et moi, connaissant bien la manière de voir et de penser du c-te Kamensky, dont il aime à suivre les plans et les projets.

Benckendorff a eu un régiment de l'autre côté du Danube. Il est allé le rejoindre. Vlodek m'écrit qu'il viendra probablement ici, on m'assure qu'il est en route. J'en suis bien aise. C'est un excellent garçon, dont j'aime beaucoup la société. Au camp nous ne nous quittions pas, surtout pendant qu'il était blessé. On m'a dit même qu'il est a Moscou.

Certainement, si le c-te ne reste pas ici, je chercherai à m'en aller et s'il a un commandemant ailleurs, je ne doute nullement qu'il me prendra avec lui. Je crains seulement que sa convalescence ne lui permettra pas encore de servir de sitôt. Il lui faut absolument quelques mois de repos, et alors que ferai-je? Il faut tout abandonner aux circonstances; quant à moi, j'en tirerai tout le profit que je pourrai et je sacrifierai tout pour être auprès du c-te, auquel je suis attaché de coeur et d'âme.

*

Bucarest, le 31 Mars 1811.

Hélas, mon cher, malgré toute ma joie, un événement affreux pour moi ne peut point ne pas me toucher au vif. Le comte n'est plus mon

chef: Koutousoff est en route. On l'attend tous les jours, et c'est pour commander. Adieu mes espérances, adieu tout l'agrément de ma place! Le comte ne sera pas en état de commander pendant quelques mois, sa faiblesse et sa désorganisation est extrême, c'est probablement ce qui a décidé la cour de lui donner un succeseur, un homme que je ne connais pas et dont je ne suis pas connu, qui probablement à des créatures à lui, si non encore un apprentissage à faire, et c'est terrible. Enfin attendons l'événement. Puisque le malheur me poursuit, il faut au moins le supporter avec courage, comme je l'ai fait jusqu'à présent. Ce qui me console aumoins c'est que je me suis fait des amis ici, et je réponds, que si je quitte cette place, je serai regretté. Qu'est-ce donc que ce maudit sort, infatiguable à me poursuivre? Je trouve un chef que j'adore, qui me comble de bontés, qui me donne toute sa confiance, qui peut me faire du bien: il faut qu'il tombe malade! Мазаровичъ пріѣхалъ, но поздно, со всѣми докторами перессорился, однако же лѣчитъ вмѣстѣ съ ними.

*

Букарестъ, Апрѣля 10-го 1811.

По сіе время, я Михаиломъ Ларіоновичемъ весьма доволенъ. Съ нимъ работать теперь весьма пріятно; обнимаетъ дѣла тотчасъ, тотчасъ рѣшаетъ, и ни за чѣмъ остановки нѣтъ. Онъ также говоритъ Италинскому, что мною доволенъ. Я надѣюсь, что мы съ нимъ уживемся, но кто можетъ замѣнить безцѣннаго графа? Онъ, какъ скоро силы позволятъ, поѣдетъ въ Одессу, а оттуда, я думаю, въ Москву. Здоровье его, слава Богу, идетъ изрядно, могло бы быть лучше, но скоро ли можно оправиться послѣ эдакой страшной болѣзни? Бальменъ на сихъ дняхъ отправился въ свой новый полкъ. Воронцовъ также уѣхалъ. Мы такъ съ ними здѣсь ужились, что больно было разставаться.

Le comte a appris aujourd'hui l'arrivée du g-l Koutousoff; il en a été enchanté, car l'idée que les affaires étaient arrêtées le tourmentait continuellement. A présent il va être transporté à la campagne pour le temps qu'il a à rester ici.

*

Букарестъ, Апрѣля 27-го 1811.

Avant que je l'oublie, il faut vous dire que m-me Varlam, qui depuis notre arrivée ici ma reçu dans sa maison comme un fils, vient de partir pour P.-bourg. Elle s'y arrêtera un mois pour placer sa fille cadette à l'institut des demoiselles et puis retournera ici par Moscou. Sa maison est ouverte à tous les Russes, mais personne n'était reçu comme moi. La reconnaissance exige que je cherche à lui payer au moins

une partie de ses bontes, et c'est à vous, mon ami, à vous aquitter de cette dette. Je vous connais, vous êtes capable de tout pour moi. Je vous prie donc de l'accueillir dans la maison, de l'y faire loger pour quelques jours qu'elle restera à Moscou, et de lui prouver que nous savons être reconnaisants. M-me Varlam est avec sa fille et son fils. Vous pourrez les loger dans la bibliothèque. Vous aurez alors dans la maison celle que j'ai dans mon coeur. Celà vous suffit-il pour les bien recevoir? Je recommande m-lle Marie à ma bonne soeur. Il faut la connaître pour la juger; c'est le meilleur enfant du monde.

Nous avons des nouvelles du chemin de notre adorable comte; j'espère qu'il arrivera à Odessa*) et que le climat faira ce que les médecins n'ont pas pu faire. Je ne saurais vous décrire le moment de son départ. Je le mis en voiture, il était extrêmement agité, il m'a serré la main, malgré son extrême faiblesse, et il m'a dit: à revoir, si Dieu le permet.

*

Букарестъ, Мая 6-го 1811.

Государь не присылалъ графу дорожныхъ каретъ, но говорятъ, что дорогой получилъ онъ отъ него табакерку съ портретомъ.

Vous ne sauriez croire comme je suis content d'avoir Vlodek ici! Онъ меня чрезвычайно полюбилъ. C'est un homme sensé, revenu sur beaucoup d'erreurs et qui a été tout ce temps d'une grande consolation pour moi. Nous dînons souvent à la maison, il a son menage et il y a toujours 5 a 6 bons garçons à dîner, après cela une partie de whist pour moi et puis le soir nous allons à la promenade et souper chez Varlam, où tout a bien changé depuis le départ de tout ce qui m'y intéressait. Nous ne nous quittons pas avec Vlodek du moment que j'ai fini mon travail. Мы разбили наши палатки на дворѣ, cela forme un salon magnifique. Notre tente brille et fait l'admiration de tous les passans. Nous y dînons aujourd'hui. Il faut vous dire que mon logement est charmant. J'ai toute une maison à moi seul et sur la grande rue où tout le soir passe toute la ville pour aller à Herastrao ou à Boniachy, promenade d'ici, de manière que je me mis à la fenêtre à arrêter les dames que je veux pour courir avec elles. Si mon coeur était à la place, tout cela serait bon; mais je suis bien triste. Vlodek a demandé la permission d'aller aux eaux de Baden, en attendant le général lui a permi de rester à Bucarest, de manière qu'il restera avec moi encore un mois.

*

---

*) Больнаго графа Каменскаго отвезъ въ Одессу А. А. Закревскій, говорившій мнѣ лично, что первый припадокъ его роковой болѣзни послѣдовалъ послѣ чаю у Французскаго консула. П. Б.

Мая 22-го 1811.

Не имѣлъ духа взять перо въ руки, послѣ печальнаго извѣстія о смерти бывшаго моего и обожаемаго мною начальника, которую почитаю истиннымъ для меня несчастіемъ. Куда дѣвалась наша надежда!

Едва доѣхали до Одессы, какъ чрезъ два дня окончилъ онъ свои мученія. Его открывали и удостовѣрились что мученія его только съ жизнію могли кончиться. На что молодость, таланты, рѣдкость души! Смерть ничего не разбираетъ. Plaignez moi et surtout plaignez la Russie d'avoir perdu un homme tel que le c-te Kamensky.

Вообрази что въ числѣ адъютантовъ покойнаго графа нѣкто храбрый солдатскій сынъ, графомъ облагодѣтельствованный и которому Закревскій много добра сдѣлалъ, сдѣлалъ на сего послѣдняго доносъ и требовалъ, чтобы какъ графское имѣніе, такъ и Закревскаго, и другого еще адъютанта Гессе, опечатали, полагая сомнѣніе въ честности Закревскаго. И такъ, когда Русскій генералъ, пользовавшійся довѣренностію Государя, оказавшій столько услугъ, лежалъ еще въ гробу, нарядилъ комендантъ коммиссію, чтобы все запечатать въ его домѣ. На Закревскомъ же, который всю его довѣренность имѣлъ, который не любилъ, а обожалъ его, оставили пятно въ глазахъ всѣхъ тѣхъ, которые не знаютъ его честности. Ты видишь, мой другъ, что не одна А. П. зла и неблагодарна.—Nous avons ici depuis quelques jours m-me Tiesenhausen, la fille du général. Je l'ai un peu connu en 1805 à Techen, lorsqu'elle a perdu son mari; c'est une femme très aimable *). Elle va partir bientôt et passer par Moscou, je lui donnerai une lettre pour vous; faites lui des politesses, parce qu'elle a beaucoup de bontés pour moi. Elle est romanesque, elle vient de faire un voyage de Crimée et est enchantée de ce pays.

*

Журжа, 10-го Іюня 1811.

Здѣсь домовъ и мало, и дурны. Не думай, что былъ домъ какъ у васъ! Ce sont des certaines baraques sans fenêtres et remplies des puces. Je pris le parti des campants, nous avons placé deux tentes ensemble, et cela a formé la plus belle maison de Giurgewo. Je vous écrie donc dans votre tente et tous les jours je suis dans le cas de vous remercier de choix que vous avez fait. Elle est délicieuse.

J'ai devant moi deux Roustchuk et la rive droite de Danube — l'endroit où l'année passée nous étions campés avec le défunt et adoré

*) Это знаменитая впослѣдствіи Елисавета Михаиловна, по второму своему супругу Хитрова, другъ митрополита Филарета и Пушкина.

comte Kamensky. Cela m'attriste extrêmement, d'autant plus que j'ai, je ne sais pourquoi, du noir dans l'âme. J'ai beau me dire—mon frère est heureux avec ce qu'il a. L'idée de l'ingratitude, qu'on nous a faite, des privations auxquelles vous êtes exposé et que vous ne voulez pas avouer, tout cela m'attriste.

*

На бивакѣ предъ Рущукомъ, 22 Іюня 1811.

Вотъ уже третій день, что̀ мы здѣсь, милый и любезный братъ. Визирь было похрабрился, подошелъ къ намъ поближе, но какъ сталъ въ нѣсколькихъ верстахъ, такъ ни съ мѣста далѣе и, кажется, тѣмъ и кончится, что постоитъ да пойдетъ назадъ. Между тѣмъ стоимъ мы славно, верстахъ въ трехъ отъ города, ни въ чемъ нѣтъ недостатка, даже можно всякій день въ городъ ѣздить, обѣдать; шалаши всѣ мы построили лихіе, время прекрасное, чего же лучше? Влодекъ получилъ позволеніе ѣхать въ Вѣну, но остался еще здѣсь въ надеждѣ подраться; тоже и милый Воронцовъ сюда явился. Влодекъ въ его бригадѣ. Я ихъ раза по четыре въ день вижу. Ну, братъ, какъ ко мнѣ Италинскій хорошъ! Ты знаешь, какъ онъ писать лѣнивъ, а я уже отъ него писемъ съ 6 получилъ; пришлю тебѣ одно, когда возвратимся въ городъ, что̀ надѣюсь, скоро будетъ.

*

23 Іюня.

Только что кончилъ письмо къ тебѣ и къ Милашевичу вчерась, какъ вдругъ слышу выстрѣлы ружейные и кричатъ лошадей. Что̀ такое? Турки показываются и идутъ атаковать. Славу Богу! Прости, милый другъ! Забылъ я тутъ вчерашнее мое обѣщаніе, поѣхалъ съ нашими. Генералъ шуткой меня два раза прогонялъ, говоря: посажу на гауптвахту, но я видѣлъ, что ему это не непріятно было, и остался. Дѣло началось часу въ восьмомъ утра и продолжалось до 2 часовъ послѣ обѣда, и въ это время г-на визиря, имѣвшаго 60 т. и командовавшаго лично, вѣроятно съ намѣреніемъ ими насъ уничтожить или взять Рущукъ, мы съ четвертью противъ него войска отщелкали прекрасно и прогнали съ важною потерею въ его лагерь, стояли передъ нимъ 3 часа (онъ носу не смѣлъ показать) и возвратились на свою позицію.

Всѣхъ подробностей описывать некогда, а только скажу тебѣ, что старикъ нашъ лихой! Вообрази себѣ, мы стояли болѣе получаса противу двухъ пушекъ, которыя въ насъ стрѣляли ядрами, узнавъ его. Ядра падали около насъ въ нѣсколькихъ шагахъ, а онъ говоритъ: c'est une gentillesse de mon ancien ami le visir; hé bien, je ne veux pas m'en aller jusqu'à ce qu'il n'est pas bien vidé. Видя однакоже опасность, хотя въ насъ и не попадали, адъютанты говорятъ ему, что

надобно отъѣхать къ кавалеріи. Et que diront mes jeunes gens? отвѣчаетъ онъ смѣючись. Тогда я сказалъ ему: Mon général, vous voyez, qu'on ne peut pas, ou on ne doit pas, vous atteindre ici, au lieu que là où est la cavalerie il tombe continuellement des boulets.—C'est une manière très aimable de me faire partir, и тогда только съѣхалъ, а въ насъ ядрами! Одно перелетѣло черезъ его голову и упало подъ носомъ у лошади, которая немного испугалась. Старикъ мой, сказалъ генералъ, въ первый разъ удивился. Во время, какъ мы стояли на томъ мѣстѣ, говоритъ онъ мнѣ вдругъ: Hé bien, diplomate, allez dans ce carré, comptez combien il y a des canons et s'il y en a peu dans la première ligne, qu'on en prenne de la seconde. Я поскакалъ, и cela à travers des boulets qui tombaient sur mon chemin. За мной Фонтонъ и Круссель. Дѣло сдѣлали и воротились благополучно! C'était une journée superbe, et c'est la première fois que j'ai bien vu une bataille rangée sur une belle plaine. Воронцовъ, Влодекъ, бывшіе въ престрашномъ огнѣ, живы и здоровы, также и Бенкендорфъ, который себя славно велъ и отличился. Съ шести часовъ утра до девяти вечера были мы все верхомъ. Я усталъ, какъ собака, и спалъ за это богатырскимъ сномъ.

Теперь, милый, до тебя просьба. Прости мнѣ все, что я сдѣлалъ. Впередъ не буду. Надобно было дать новому начальству, старому солдату, хорошее о себѣ понятіе, и я увѣренъ, что это мнѣ послужитъ.

*

Журжа, 30-го Іюня 1811.

Vous me direz: pourquoi de Giurgevo? Parce que, mon cher ami, après avoir bien rossé les Turcs le 22, nous avons transporté les habitans de Routschouk le 25, avec tout leur bien, meubles, et le 26 la ville a été incendiée, mais joliment. C'était un beau spectacle, que même les coeurs les plus sensibles pouvaient voir de sangfroid, car il n'y avait plus un chat. Les Turcs peuvent dire ici: fut une ville. Nous voilà donc sur la rive gauche. Nous voyons ces mâtins d'ici, mais je doute très fort que le grand-visir aye la hardiesse de tenter le passage du Danube. Au reste c'est ce qui pourrait nous arriver de plus heureux.

Le lendemain encore la ville était en feu; c'était une manière de Vésuve, et le tableau était d'autant plus beau qu'on voyait la réflexion dans l'eau et qu'il y avait le plus beau clair de lune imaginable. Si j'étais peintre! Mais hélas! Les peines de Knappe furent inutiles, et je ne sais pas même, après 4 ans de leçons, faire un arbre.

*

11-го Іюля 1811.

Мы все въ Журжѣ, и новаго у насъ ничего нѣтъ. Жары преисправные. Я живу въ палаткѣ съ молодымъ Фонтономъ. Nous avons gardé le cuisinier de Vlodek, parce que cette année le vieux Fonton n'est pas avec nous. Le local du général ne lui permet pas d'avoir une grande table, de manière qu'il a fallu arranger un ménage chez nous Le cuisinier est excellent et pas voleur: un dîner nous revient à peine un ducat, et nous avons toujours deux ou trois amis à table. Un dîner à se lécher les doigts. Il est vrai qu'au défaut d'argenterie nous avons des cuillères de bois, mais cela n'empêche pas de voir à notre table des généraux. Il y a deux jours de cela encore que le général du jour et Woronzoff ont dîné chez nous. Послѣ обѣда раздѣлись и валялись по полу, такая была несносная жара. Бенкендорфъ живетъ возлѣ меня и цѣлый день съ нами. Ordinairement lui et le colonel Michaud dînent avec nous. C'est un de ces êtres qui sont rares, excellent officier, un frère comme vous, le meilleur coeur du monde et avec cela des connaissances distinguées. Je suis infinement lié avec lui. Un autre homme rare et dans le même genre, c'est Sabanéyeff, notre général de jour. Quel homme! J'ai fait à l'armée quelques connaissances bien intéressantes et aux quelles je penserai avec plaisir. Les Fontons sont du nombre. En général je suis, grâce au Ciel, assez aimé à l'armée, et si ici on acquiert un bon nom et une bonne réputation, elle reste.

*

Журжа, 22-го Іюля 1811.

Aujourd'hui il y a juste un an de l'assaut de Routschouk; que de tristes souvenirs cela réveille en moi, et la plus affligeante c'est que pauvre comte n'existe plus! On dit que le séraskier n'a pas même été à la campagne, quand le corps est arrivé et qu'il a été enterré par le prêtre du village et sans autres assistans que les paysans; que même son aide-de-camp Nikonoff, dont le plus grand mérite est celui d'avoir été son aide-de-camp, dormait alors et n'a point voulu se lever. Cela me déchire le coeur. Pour lui c'est la même chose, il n'avait plus besoin de rien; mais pour ceux qui restent? Brisons là-dessus. Cela nous a fait à tous ici une peine bien sensible, et nous regrettons beaucoup qu'il n'est pas mort dans nos bras; au moins aurions nous la satisfaction de lui rendre les honneurs dignes de son rang, de sa naissance, de ses exploits et de son coeur angélique. Je reviendrai souvent sur cet article, mon cher ami: c'est mon adoration. J'ai commandé, encore de son vivant, sa gravure à Vienne. Je l'attends, je vous enverrai un

exemplaire et si vous voulez me faire plaisir, elle occupera la première place à côté de celle de notre bon papa. Vous vous rapellerez du fragment d'Ouvaroff:

«Achille, ô mon héros!»

Avec la différence que le déclin de sa vie n'aurait pas été obscurci.

Grâce au Ciel, il commence à faire moins chaud; pendant une quinzaine de jours les chaleurs étaient insupportables, mais on a ici la liberté de passer sa vie en chemise, et vous ne savez, peut-être, pas, que nous portons à l'armée de chemises de percale de couleurs, faites comme celle des paysans Russes. C'est nécessaire dans ces climats: le coton fait l'effet d'un gilet de flanelle, et on ne se refroidit pas. Quels fruits nous mangeons, des abricots magnifiques et des melons de toutes espèces. Hier on m'a envoyé en chariot de glâce de Boucarest, nous avons fait du punch glacé. Sabanéyeff, Scherbatoff le vieux, qui nous est revenu et quelqu'autres aussi ont dîné avec nous. Je vous assure que c'était un dîner de Lucullus. Nous avons dans notre tente un grand divan; après dîner nous nous sommes tous couchés pour fumer, et cela parce que nous n'en pouvions plus à force d'avoir mangé. Savez vous que notre table est, après celle du général en chef, la meilleure du camp. Voilà que c'est parler assez de notre vie animale. Woronzoff était tous les jours avec moi; il vient de partir avec une commission, mais j'espère qu'il nous reviendra bientôt. Quel excellent homme! Il réunit tout: bon coeur primo, esprit, talent, connaissances militaires, bon compagnon. Il est adoré à l'armée.

*

Журжа, Августа 4-го 1811.

Поздравь меня кавалеромъ Св. Анны 2-й степени. Кайсаровъ привезъ мнѣ и знаки, и рескриптъ, а Михайло Ларіоновичъ надѣлъ ихъ на меня съ весьма милостивыми и ласковыми для меня привѣтствіями. Entr'autres il m'a dit: je suis toujours bien aise lorsque mes amis reçoivent des récompenses bien mérités. Я не хотѣлъ къ тебѣ писать, что онъ меня представилъ, дабы не вышло по прошлогоднему, гдѣ мы напрасно порадовались. Слава Богу по крайней мѣрѣ имѣю я памятникъ двухъ кампаній и четырехкратнаго представленія. Какъ бы это батюшку порадовало, а теперь надѣюсь не менѣе принесло и вамъ, милые мои друзья, удовольствія. Рескрипта не посылаю, ибо Тургеневъ мнѣ пишетъ, что тотчасъ къ тебѣ отправилъ. Спасибо ему; онъ и Андрей Кайсаровъ искренно порадовались, а это всего лучше, что и здѣсь никого не имѣю завистниковъ, и всѣ по дружбѣ ко мнѣ говорятъ: заслужилъ.

У насъ много вышло награжденій, и пріѣздъ Кайсарова былъ день радости. Главнокомандующій получилъ портретъ осыпанный бриліантами. Une superbe décoration et une récompense bien honorable, qu'embellit le rescript de l'Empereur extrêmement gracieux. Le général été très content. Je ne vous parlerai pas des autres récompenses, parceque ou vous les savez ou vous ne connaissez pas les individus. Vlodeck a eu la 3-me St. Wladimir, Benkendorff une St. Georges de la 4-me, Woronzoff une épée en diamant, Langéron une épée, Tourschaninoff 3-me Wladimir, Kaisaroff 4-me St. Georges. Enfin tout le monde est content. On a envoyé 500 croix pour les soldats; et ce qui a fait le plus de plaisir c'est qu'un certain général-major Gortshakoff, fait soldat après la campagne d'Austerlitz, a été congédié avec le grade de conseiller d'état actuel. Quoique il avait mérité sa pénitence, le général se tourmentait toujours d'avoir du employer cette rigueur. A présent il a été peut-être même plus content de cette grâce que de celle qu'il ait reçu lui-même de la part de l'Empereur.

Я оставилъ письмо мое, чтобы ужинать, то-есть pour manger une carpe de Danube, pêchée à la barbe des Turcs, et un canard sauvage qu'on m'a envoyé. Il faut que je vous parle un peu de nous. Vous savez que nous sommes vis-à-vis des Turcs et qu'il n'y a que le Danube qui nous sépare. Rien n'est plus plaisant que les cosaques dans cette occasion, parce que les nuits ils escamottent quelques Turcs, ils passent à la nage ou en bâteau le Danube, et cette nuit encore quelques braves ont passé, ont surpris presque au milieu du camp un piquet, ont massacré 6 hommes et enlevés deux, qu'on a amené ce matin chez moi pour les questionner, car Fonton demeure avec moi. Ils ne pouvaient pas revenir de leur étonnement en contant ce qui leur était arrivé. Vous ne pouvez pas vous faire une idée de la bravoure de nos cosaques et de leur adresse. Вообрази, что они, переѣхавъ на тотъ берегъ, подползли къ пикету ночью и вдругъ на него гикнули. Vous sentez bien que les Turcs ne pouvaitent pas concevoir ce que c'était. Tout le camp a été mis en alarme par quelques hommes, et on a commencé à tirer de toutes parts sant savoir—qui. Une autre farce, pas moin drôle, c'est celle d'un Russe qui se trouvait chez eux depuis longtemps prisonnier et qui a passé chez nous въ корытѣ и съ лопатою вмѣсто весла.

*

15 Августа 1811, Журжа.

Вчерась были мы на славной ухѣ у полковника казачьяго Грекова. При насъ стерлядей наловили и тутъ же и сварили ихъ. Я былъ не охотникъ до рыбы, но такую нельзя не любить. Образъ жизни на-

шей все одинаковъ, только вмѣсто того, чтобы гулять по вечерамъ, играю въ бостонъ съ главнокомандующимъ, гр. Ланжерономъ и Щербатовымъ, и право не хуже ихъ играю.

*

26-го Августа 811. Журжа.

Лихое дѣло! Что̀ мнѣ сказать тебѣ, милый другъ, въ свое оправданіе? Ты меня бранишь, что я въ немъ былъ; но скажи ты самъ, можно ли мнѣ было удержаться, когда всѣ пріятели, товарищи пошли, когда мнѣ должно было дать хорошее о себѣ мнѣніе новому начальнику и многимъ новымъ товарищамъ? C'est une nouvelle existence qu'on commence, et il dépend beaucoup de donner des premiers en tout genre. Vous me direz que ce n'est pas ma place ni mon affaire d'assister à une bataille. Vous avez raison, mon ami, mais vous ne connaissez pas les militaires. Ils sont comme les Anglais dans le continent: ceux-la croient que toutes les autres nations ne sont rien à côté d'eux et les autres pays à côté de l'Angleterre; les militaires croient que notre service n'est rien, qu'il faut absolument être de sangfroid au feu pour être quelque chose. Aussi, je vous assure, que cela m'a fait le plus grand bien et que cela a visiblement augmenté leur estime pour moi. Mon chef en a été très content, la décoration que j'ai reçue en est une preuve, car sans cela aurait-il renouvellé la demande du c-te Kamensky pour deux ou trois mois que j'ai travaillé avec lui? Je vous assure, mon cher ami, que je me suis fait beaucoup de bien par là sous tous les rapports.

Смоленскіе дворяне, спасибо вамъ! Отдали достойную почесть Ахиллесу.

Achille, ô mon héros, la fortune ennemie
Eût peut-être obscurci le declin de ta vie;
Mais jeune, mais vaillant, mais superbe vainqueur,
Au printems des tes jours moissonné dans ta fleur...
Son sort fut de périr tout rayonnant de gloire!

Я удивляюсь и не прощаю Уварову, что онъ ничего не написалъ въ его память.

*

На бивакѣ при деревнѣ Слободзеѣ, Сентября 15-го 1811.

Третьяго дня въ ночь пріѣхалъ изъ Петербурга курьеръ. Мы всѣ встали съ свѣтомъ. Генералъ прислалъ за мною.—Ну, братецъ, прочитаемъ-ка канцлерскія депеши. Я распечаталъ первую и читаю:

«Покойный предмѣстникъ в. вы-пр-ва г. Николай Михайловичъ Каменскій, въ духовномъ завѣщаніи своемъ поручилъ благоволенію

монаршему надв. сов. Булгакова, занимавшаго при немъ, какъ и нынѣ при васъ онъ занимаетъ, мѣсто правителя канцеляріи по дипломатической части, яко чиновника способностями и усердіемъ своимъ заслуживающаго вниманія. Его И-му В-ву угодно было въ уваженіе сего предстательства пожаловать его Булгакова въ слѣдующій чинъ. Препровождая при семъ копію съ высочайшаго имяннаго указа, по сему предмету состоявшагося, прошу васъ, м. г. м., объявить оный г-ну Булгакову».

Вообрази, милый другъ, мое удивленіе. Я зналъ, что покойный мой благодѣтель въ духовной поручилъ меня особенному благоволенію Государя; но могъ ли я ожидать, что желаніе мертваго доставитъ мнѣ чинъ? Но память его уважили. Слава Государю!

*

На бивакѣ при деревнѣ Слободзеѣ, Сентября 25-го 1811.

Мы живемъ по старому. Погода, слава Богу, прекрасная, такъ что вмѣсто непріятности весьма пріятно жить, то въ балаганахъ, то на воздухѣ. Мы перешли на новое мѣсто; я ѣзжу много верхомъ, ѣдимъ славно, а между тѣмъ время проходитъ и не увидишь какъ. Вчерась Багратіонъ*) за обѣдомъ у насъ такъ расхохотался, что было съ ума сошелъ. Насилу уксусомъ привели его въ память. Въ первый разъ вижу такое дѣйствіе отъ смѣху. Часа черезъ два все прошло, и онъ отпросился въ Бухарестъ на нѣсколько дней. Ночи здѣсь Неапольскія, мѣсяцъ прекрасный, а комета насъ весьма занимаетъ. Видна ли она у васъ? Италинскій дѣлаетъ свои наблюденія. Отсюда, право, сказать нечего. Турокъ бьютъ всякій разъ, чтó они показываются подлѣ ретрашементовъ своихъ. Я отъ многихъ дамъ слыхалъ, говоря о войнѣ, что они желали бы видѣть сраженіе, но съ высокаго мѣста, гдѣ бы онѣ ничего не рисковали. Теперь я въ такомъ положеніи: наша главная квартира съ полверсты отъ горы, гдѣ весь лагерь Турецкій, какъ на тарелкѣ, и всѣ маленькія дѣла такъ видны, что считать почти можно, сколько еще выѣзжаетъ. Мы ходимъ смотрѣть это какъ на спектакль, и Богомъ тебѣ божусь безъ всякаго риска, хотя непріятельскіе аванпосты отъ насъ не далѣе какъ въ полторы версты.

*

На бивакѣ предъ Слободзеею, 3-го Октября 1811.

Ура, милый и любезный братъ! Вчерашняго числа храбрыя войска наши одержали блестящую побѣду надъ частью Турецкихъ войскъ, на правомъ берегу Дуная расположенныхъ. Главнокомандующій по-

---

*) Это былъ родственникъ славнаго князя Петра Ивановича.

слалъ г.-л. Маркова на ту сторону. Переправа сдѣлана благополучно въ нѣсколькихъ верстахъ отъ лагеря. Турки тогда только догадались, когда мы подошли къ лагерю. Казаки наши съ ними выѣхали (чтó за люди эти казаки!). Однимъ словомъ, чрезъ часъ все обращено въ бѣгство, поколото, взято; весь богатѣйшій лагерь, даже визирьская палатка захвачены; всѣ пушки, знамена, куча плѣнныхъ въ нашихъ рукахъ, и въ туже минуту пушки обращены на ту сторону къ главному лагерю, гдѣ находился самъ визирь. Мы имѣли удовольствіе видѣть, какъ ихъ же добромъ, да имъ же и челомъ, посылали къ нимъ ядра и бомбы. Сегодня почти комуникація у визиря пресѣчена, ибо лодки отняты почти всѣ. Le butin est immense et l'affaire vraiment magnifique.

Le principale corps n'était pas même en affaire, puisqu'elle se passait de l'autre côté, et les Turcs de ce côté-ci n'ont pas osé montrer les nez hors de leur retranchement. Nous étions spectateurs dans un amphithéâtre d'où on voyait tout à merveille. Je vous assure que c'est le plus beau spectacle, qu'on puisse voir. Чтó въ насъ происходило, какъ увидѣли мы уже кареи наши и конницу на хребтѣ горы и какъ спускались кареи съ престрашною пушечной пальбою къ намъ въ лагерь, между тѣмъ какъ казаки и Ольвіопольскіе гусары скачутъ у нихъ на плечахъ и рубятъ. Почтенный старикъ главнокомандующій закричалъ ура, всѣ за нимъ, а тамъ и всѣ войска. Peut-on acheter assez cher un moment comme celui-là? Прекрасно! Hé bien! L'affaire était si heureuse et les Turcs si étonnés de la hardiesse de nos troupes, qu'elle ne nous coûtait qu'une dizaine d'hommes en blessés et tués, et le camp est couvert de leurs morts.

*

Журжа, 1-го Ноября 1811.

Я живу съ дежурнымъ генераломъ; комнатка у меня крошечная, я ее убралъ обоями, и только помѣщается моя кровать и большой столъ для письма, коего куча. Вотъ, братъ, рѣдкій человѣкъ Иванъ Васильевичъ Сабанѣевъ, чтó за душа ангельская и притомъ какой генералъ! Я съ нимъ прекрасно подружился, онъ теперь боленъ и не выходитъ изъ моей комнаты. Вотъ мой образъ жизни. Встаю со свѣтомъ, а иногда и ранѣе; до девяти часовъ пишу, потомъ иду къ генералу съ бумагами, въ 10 часовъ въ конгрессъ, оттуда обѣдать домой или къ Италинскому, ce que arrive plus souvent; въ два часа домой— отдыхать, курить и калякать съ друзьями съ часъ мѣста; потомъ приходятъ съ бумагами гражданскими, потомъ занимаюсь конгрессомъ и около зари иду опять къ главнокомандующему и, окончивъ дѣла, оста-

юсь съ полчаса смотрѣть, какъ въ бостонъ играютъ, ибо самому некогда; потомъ иду къ Италинскому на часъ; оттуда домой, раздѣваюсь, болтаю съ часъ съ Сабанѣевымъ и другими, кто придетъ, а тамъ въ свою комнату работать, то есть въ 10 часовъ до часу, двухъ, трехъ, какъ случится. Сплю богатырскимъ сномъ и, слава Богу, здоровъ, хотя совсѣмъ почти не дѣлаю моціона.

*

Букарестъ. Декабря 19-го 1811.

. . . Woronzoff est arrivé ici, mais malade. Il demeure chez le général de jour. Je le vois aussi souvent que je le puis et je l'aime de jour en jour d'avantage. Il a aussi beaucoup d'amitié pour moi. Il a une espèce de rhume qui commencait à prendre une mauvaise tournure, mais grâce au Ciel cela va mieux. Il n'attend que la guérison pour aller rejoindre son régiment en Petite Russie, pas loin de Kieff. Il me parle souvent de vous et d'une manière qui me le fait aimer de tout mon coeur. Celui-là vous connaît, mon cher ami. Benkendorff part pour P.-bourg. On dit que c'est pour épouser une demoiselle Pachkoff, héritière du richard et avec cela jolie *). Je la lui souhaite de bien bon coeur. Il a besoin de fortune, car personne ne sait mieux s'en défaire. Je me suis beaucoup lié avec lui au commencement de la campagne; il était toute la journée chez moi, et je vous assure que, malgré sa grande étourderie, je lui ai trouvé au fond le caractère solide et beaucoup de bonnes qualités.

---

*) Слухъ невѣрный: Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ женился въ 1813 г. на вдовѣ Павла Гаврил. Бибикова, Елисаветѣ Андреевнѣ, ур. Донецъ-Захаржевской.

ВСТРѢЧА И ЗНАКОМСТВО СЪ ПУШКИНЫМЪ ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ.

(Изъ воспоминаній лицеиста за 1831 годъ).

27-го Іюля, въ 7-мъ часу вечера я шелъ къ знакомому, жившему въ полуциркулѣ дворца*). Вмѣсто того, чтобъ выйти прямо на дворцовую площадь и взять вправо тротуаромъ полуциркуля, я пошелъ паркомъ, войдя въ него съ той стороны, гдѣ онъ угломъ выдается на улицу противъ задняго бока Лицея.

Не сдѣлалъ я двадцати шаговъ, какъ вышелъ изъ-за деревьевъ на туже дорогу человѣкъ средняго роста, съ толстой палкой въ рукѣ. Онъ шелъ мнѣ навстрѣчу скоро, большими шагами. Хотя онъ былъ еще далеко отъ меня, но по походкѣ и бакенбардамъ не трудно было узнать въ немъ Александра Сергѣевича. Я не спускалъ съ него глазъ и рѣшился подойти къ нему.

За нѣсколько шаговъ снявъ фуражку, я сказалъ ему взволнованнымъ голосомъ: «Извините, что я васъ останавливаю, Александръ Сергѣевичъ; но я внукъ вамъ по Лицею и желаю вамъ представиться».

— «Очень радъ, отвѣчалъ онъ, улыбнувшись и взявъ меня за руку, очень радъ».

Непритворное радушіе видно было въ его улыбкѣ и глазахъ. Я сказалъ ему свою фамилію.

— «А вашъ выпускъ будетъ который? спросилъ онъ, взглянувъ на золотыя петлицы на моемъ воротникѣ, вѣдь вы послѣ Деларю?»

— «Деларю былъ мой старшій 5-го курса, а я 6-го.

— «Такъ я вамъ не дѣдъ, даже не прадѣдъ, а я вамъ пращуръ. Ну, чтò у васъ дѣлается въ Лицеѣ? Если вы не боитесь усталости, прибавилъ онъ, «то пойдемте со мной».

Мы пошли такъ же скоро и тѣми же большими шагами. Я не чувствовалъ ни прежняго волненія, ни прежней боязни.

---

*) Полуциркулемъ называются длинные, низенькіе въ одинъ этажъ флигеля, выстроенные *полуциркулемъ* и примыкающіе къ Царскосельскому дворцу.

При всей своей славѣ Александръ Сергѣевичъ былъ удивительно простъ въ обхожденіи. Гордости, важности, рѣзкаго тона не было въ немъ ни тѣни, отъ того и нельзя было не полюбить его искренно съ первой же минуты.

Изъ парка мы перешли въ большой садъ.

— «Ну, а литература у васъ процвѣтаетъ?» спросилъ онъ.

— «Мы, по крайней мѣрѣ, объ ней хлопочемъ: у насъ издаются журналы и газеты.

— «Принесите ихъ мнѣ; ну, а что́ Сергѣй Гавриловичъ Чириковъ» [1])?

Я отвѣчалъ, что онъ у насъ гувернёромъ въ старшемъ курсѣ, попрежнему добрѣйшій человѣкъ, но что подъ старость лѣтъ у него развилась охота къ пѣнью.

— «Какимъ это образомъ?»

— «Онъ съ нами поетъ въ рекреаціонное время, по вечерамъ, разныя аріи изъ Сбитенщика и Водовоза; онъ запѣваетъ, а мы ему хоромъ подтягиваемъ».

Александръ Сергѣевичъ отъ души засмѣялся.

— «А мы въ немъ и не подозрѣвали голоса, сказалъ онъ; пригласите его когда-нибудь ко мнѣ».

— «Что́ вашъ садъ и ваши палисадники? А памятникъ въ саду вы поддерживаете? [2]) Видаетесь ли вы съ вашими старшими? Выпускаютъ ли теперь изъ Лицея въ военную службу? Есть ли между вами желающіе? Какіе теперь у васъ профессора? Прибавляется ли ваша библіотека? У кого она теперь на рукахъ? Что̀ Пешель? [3]) Боится ли онъ холеры?»

На эти вопросы Александра Сергѣевича я едва успѣвалъ отвѣчать.

Въ свою очередь мнѣ ужасно хотѣлось разспросить его объ немъ самомъ, но онъ рѣшительно не давалъ мнѣ времени и конечно дѣлалъ это не безъ намѣренія. Я понималъ, что ему не о чемъ было болѣе говорить съ 17-ти лѣтнимъ юношею, какъ объ его заведеніи, но въ этомъ-то и было все мое горе. И какъ я до сихъ поръ помню это горе!

---

[1]) Сергѣй Гавриловичъ Чириковъ былъ еще при Александрѣ Сергѣевичѣ гувернёромъ въ Лицеѣ, т. е. съ 1811 года.

[2]) У насъ былъ въ саду четвероугольный памятникъ изъ дёрну съ бѣлой мраморной доской, на которой было высѣчено *Genio loci*.

[3]) Францъ Осиповичъ Пешель былъ нашимъ докторомъ; онъ былъ также при Александрѣ Сергѣевичѣ.

Многіе разставленные по саду часовые ему вытягивались, и если онъ замѣчалъ ихъ, то кивалъ имъ головою. Когда я спросилъ: «отчего они ему вытягиваются? то онъ отвѣчалъ: «право, не знаю; развѣ потому, что я съ палкой».

Обойдя кругомъ озера, онъ сказалъ: «Вы раскраснѣлись, кажется, устали?»

— «Это не отъ усталости, а отъ эмоціи и удовольствія итти съ вами».

Онъ улыбнулся и протянулъ мнѣ руку.

Съ полдороги начала меня смущать мысль, что я ему надоѣлъ и употребляю во зло его доброту. Я сталъ искать предлога съ нимъ раскланяться. Дойдя до Камероновой колонады, я остановился, и на прощанье спросилъ у него: «не желаетъ ли онъ получать изъ Лицейской библіотеки книги, журналы, газеты и какія именно?»

— «Изъ книгъ—я вамъ напишу какія, а изъ журналовъ, нельзя ли вамъ присылать мнѣ Телеграфъ и Телескопъ? Да главнаго не забудьте: заходить ко мнѣ».

Мы разстались—и я, разумѣется, былъ въ восторгѣ.

Дня черезъ два онъ прислалъ мнѣ списокъ книгамъ; три изъ нихъ, по несчастію, были выданы изъ библіотеки разнымъ лицамъ. Отобравъ одну у товарища Э., а другія двѣ выпросивъ у профессоровъ В. и О., я послалъ ихъ при письмѣ къ Александру Сергѣевичу. Черезъ недѣлю онъ возвратилъ мнѣ ихъ при слѣдующей запискѣ:

«Сердечно благодарю васъ за книги и за любезное письмо ваше. Когда же исполните вы другое свое обѣщаніе—побывать у меня? Внукъ очень тѣмъ обяжетъ ему сердцемъ преданнаго дѣда. А. П.»

Въ концѣ Августа напечатана была статья Ѳеофилакта Косичкина. Я послалъ Александру Сергѣевичу тотъ № Телескопа и вмѣстѣ сообщилъ ему только что полученное извѣстіе о взятіи Варшавы. Вотъ его отвѣтъ:

«Очень благодаренъ вамъ, любезный Миллеръ, за статью Ѳ. К.*), я уже ее видѣлъ. Благодарю васъ сердечно и за извѣстіе о взятіи Варшавы. Поздравляю васъ и весь мой Лицей. Преданный вамъ Пращуръ».

По поводу статьи Ѳеофилакта Косичкина я получилъ въ началѣ Сентября еще записку:

«Если есть въ Сынѣ Отечествѣ отвѣтъ Ѳ. Косичкину, то пришлите мнѣ, сдѣлайте милость—очень благодаренъ за Телеграфъ. А. П.»

Вскорѣ по выходѣ повѣстей Бѣлкина, я на минуту зашелъ къ Александру Сергѣевичу; онѣ лежали у него на столѣ. Я и не зналъ, что онѣ вышли, а еще менѣе подозрѣвалъ, что авторъ ихъ—онъ самъ.

*) Ѳеофилакта Косичкина.

— «Какія это повѣсти? И кто этотъ Бѣлкинъ?» спросилъ я, заглядывая въ книгу.

— «Кто бы онъ тамъ ни былъ, а писать повѣсти надо вотъ этакъ: просто, коротко и ясно».

Далѣе я не хотѣлъ разспрашивать.

На другой или третій день дошелъ до насъ изъ Петербурга слухъ, что вышли повѣсти Пушкина подъ этимъ именемъ. Я вспомнилъ, что видѣлъ ихъ у него на столѣ, и написалъ къ нему записку, въ которой называя его Иваномъ Петровичемъ, просилъ прислать мнѣ эти повѣсти. Онъ отвѣчалъ:

«У меня взяли читать повѣсти. Пришлю вамъ ихъ какъ скоро получу. До свиданья. А. П.»

Дней черезъ пять онъ дѣйствительно прислалъ мнѣ одинъ экземпляръ.

Въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, со дня знакомства, я былъ у него всего четыре раза и во всѣ раза̀ оставался по нѣсколько минутъ. Боязнь быть ему въ тягость или придти не во̀-время не переставала меня преслѣдовать. Эта же боязнь была причиною, что я не показалъ ему издававшихся нами журналовъ и не привелъ къ нему Сергѣя Гавриловича Чирикова.

Въ концѣ Октября Александръ Сергѣевичъ переѣхалъ въ Петербургъ, а въ 1832 году курсъ нашъ вышелъ изъ Лицея.

П. Миллеръ.

Павелъ Ивановичъ Миллеръ, по матери своей — племянникъ того жандармскаго генерала А. А. Волкова, о которомъ такъ часто говоритъ въ своихъ письмахъ къ брату А. Я. Булгаковъ, позднѣе служилъ въ Петербургѣ у гр. Бенкендорфа и когда, по кончинѣ Пушкина, описывали и опечатывали комнату, гдѣ онъ скончался, Миллеръ взялъ себѣ на память изъ сертука, въ которомъ Пушкинъ стрѣлялся, извѣстное письмо его на имя гр. Бенкендорфа. Пушкинъ написалъ его, исполняя обѣщаніе данное въ Ноябрѣ 1836 года Государю увѣдомить его (чрезъ гр. Бенкендорфа), если ссора съ Дантесомъ возобновится; но послать это письмо онъ не рѣшился: ему тяжко было призывать власть къ разбору его личнаго дѣла. Миллеръ показывалъ намъ это письмо въ подлинникѣ. Будь оно послано по назначенію, жандармское вѣдомство было бы обязано принять мѣры къ предупрежденію роковаго поединка. П. Б.

КАРТИНКИ ПРОШЛАГО ВѢКА.

I.

Въ началѣ Апрѣля 1802 года, оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода графъ Д. И. Хвостовъ получилъ по почтѣ, безъ обозначенія мѣста—откуда, письмо, написанное неумѣлымъ почеркомъ и подписанное нѣкоей дѣвицею изъ дворянъ Марьей Ярышкиной. Скорбную и любопытную повѣсть разсказываетъ о себѣ эта Ярышкина.

„Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь мой, графъ Дмитрій Ивановичъ. Если преступникъ, подавляемый тяжестію собственныхъ прегрѣшеній, не уповаетъ на человѣколюбіе милователей своихъ, если нарушитель священныхъ законовъ не находитъ отрады и ослабленія отъ разума тѣхъ же законовъ, если прегрѣшившій не видитъ соболѣзнующаго въ слабостяхъ своихъ: то жизнь человѣческая есть бремя несносное, есть не что иное, какъ цѣпь бѣдствій безотрадныхъ, злосчастнѣйшихъ.

„Питаяся надеждой вашего графскаго сіятельства, съ особенною моею преданностію прибѣгнуть къ стопамъ вашего графскаго сіятельства и всенижайше просить въ чаяніи, что (уже я наслышана, ко всѣмъ ищущимъ отъ вашего графскаго сіятельства милости изліялись) и меня оныхъ получить не лишите. Внемли, всемилостивый отецъ въ несчастіяхъ находящихся, стенанію сердца моего, трепещущаго содѣянныхъ мною; но душа моя поражена горестію, угрызеніемъ, терзаніемъ совѣстію моею; бездна всѣхъ золъ разверзлась надо мною, кто подастъ мнѣ отраду? Кто приметъ чистосердечное раскаяніе мое, кто воззритъ состраданіемъ на несчастнѣйшую дѣвицу, которая уже болѣе девяти лѣтъ посвятила себя Всевышнему Творцу и приношу чистосердечное покаяніе отцамъ моимъ духовнымъ, и по данной имъ отъ Всемогущаго Бога власти, налагая на меня епитимьи, разрѣшали и удостоивали быть причастницей святыхъ таинъ. Ахъ, всеблагоутробнѣйшій отецъ, не смѣю нарещи спасеніе мое: единая моя благость, твое человѣколюбіе. Богъ, творецъ и Спаситель міра, не смерти, но обращенія грѣшника желаетъ; ваше графское сіятельство уподобитесь милостію Богу: исходатайствуйте мнѣ несчастной у Его Императорскаго Величества, всемилостивѣйшаго и купно правосуднѣйшаго Государя, прощенія во всѣхъ моихъ преступленіяхъ.

„Будучи у родителей моихъ, Юрьевскаго помѣщика, прапорщика Никиты Васильевича Ярышкина, шестнадцати лѣтъ, я по обыкновенію молодости

и несовершеннаго разума, погрузила себя въ беззаконіе, которое по прикосновенности начало часъ отъ часу усугубляться, ибо Господь Богъ грѣхамъ терпитъ, и наконецъ, усиляся таковой во мнѣ ядъ, довелъ меня до того, что я, по тогдашней глупости моей, желая, чтобъ обожатель мой женился на мнѣ, хотѣла возродить желаніе и въ моихъ родителяхъ слѣдующимъ образомъ. По близости отъ насъ были Цыгане, которые, по просьбѣ моей, а по ихъ всегдашней привычкѣ, увѣряли меня, если я захочу за кого выйти замужъ или обратить на то желаніе родителей своихъ, то бъ отреклася на годъ отъ Бога и поила бы ихъ тихимъ образомъ наговоренною Цыганками солію; когда же буду беременной (чего со мною никогда еще не бывало), то, дабы не родить, употребляла данные ими корешки. Таковыя пустыя ихъ мнѣ наставленія казалися тогда совсѣмъ небогопротивными; и хотя употребляла ихъ въ дѣйствіе во время святокъ, но все было недѣйствительно: обожатель мой женился на другой и имѣетъ дѣтей. Я не только что желаемаго не получила, но наконецъ повергнута была въ страшную робость и тоску, но и можетъ ли (что-либо) болѣе быть, какъ сокрушеніе о содѣянномъ съ угрызеніемъ совѣсти, что̀ меня и понудило итить въ городъ Юрьевъ Польской въ богадѣльню и быть съ протчими убогими старушками и просить у Создателя прощенія въ моихъ согрѣшеніяхъ; гдѣ будучи, и писала письмо къ содержателю богадѣлень и, по примѣчанію усердности его къ молитвамъ, сочла за богомольца и призналась въ письмѣ въ моихъ согрѣшеніяхъ и просила, чтобъ онъ теплыми своими молитвами къ Господу Богу испросилъ прощеніе. По робости моей оное письмо подать не могла, и осталось оно у меня. Когда же, по повелѣнію онаго города городничаго Михайлы Иваныча Слободского, убогіе были выгнаны безъ всякой вины, въ томъ числѣ и я, и послѣ насъ имущество наше было осеквестровано, гдѣ и по осмотрѣ онымъ городничимъ найдено было мое то вышеписанное письмо и представлено для слѣдствія въ Уѣздный Судъ: то я, будучи извѣстна, что за таковое преступленіе, хотя и во младости и несовершенномъ еще разумѣ творимое, получу жестокое, а можетъ быть вѣчное наказаніе, отчего третій годъ скрываюся, гдѣ день, гдѣ ночь препровождаю, лишилася свиданія съ своими престарѣлыми родителями и родственниками. Не одна я страдаю, но и родители оплакиваютъ участь мою, и моимъ роднымъ покрываются студомъ и поношеніемъ вины страждущія ихъ родственницы. Ваше графское сіятельство, воззрите благоразсужденіемъ на ищущую и надѣющую получить отъ особы вашего графскаго сіятельства благодѣяніе и покажите ко избавленію отъ истязанія великія милости. Помилуйте, ваше графское сіятельство, взойдите въ столь несчастное состояніе, упросите милосерднаго Монарха о прощеніи содѣянныхъ мною преступленій, не ради увеселенія жизни моей, но единственво ради спасенія души моей и опредѣленія въ монастырь, гдѣ бъ я могла молиться о здравіи и благоденствіи Его Императорскаго Величества особы и о всей ихъ царской фамиліи. Соблаговолите, ваше сіятельство, о невинномъ моемъ страданіи доложить Его Императорскому Величеству, дабы, воспользовавшись сими щедротами милости вашего графскаго сіятельства,

всегда и по вѣкъ жизни моей могла носить сокрытую въ моемъ сердцѣ чувствительнѣйшую мою благодарность, съ которой и высокопочитательною преданностію смѣю назваться вашего графскаго сіятельства, милостиваго государя, ваша всенижайшая слуга, дѣвица изъ дворянъ Марья Ярышкина".

Графъ Хвостовъ былъ тронутъ исповѣдью молодой грѣшницы и препроводилъ ея рукописаніе къ статсъ-секретарю Дмитрію Прокофьевичу Трощинскому при письмѣ, въ которомъ писалъ:

„Письмо Ярышкиной, наполненное раскаяніемъ, раздирающемъ ея сердце о содѣянномъ въ молодости ея грѣхѣ и страхомъ законнаго сужденія, я не смѣю оставить у себя безъ вниманія. Благотворное и сострадательное о человѣчествѣ свойство души вашего высокопревосходительства мнѣ извѣстно, и для того предъ вами я о немъ умолчать не смѣю. Несчастная жертва сія необузданной молодости простираетъ руки свои къ Богу и проситъ спасенія у кроткаго и милосерднаго Государя нашего".

Трощинскій доложилъ о Ярышкиной Государю, присовокупивъ, что несчастная дѣвица явилась теперь къ нему самолично и проситъ милостиваго рѣшенія ея жребія.

Государь ничего не имѣлъ противъ помилованія ни въ чемъ собственно неповинной дѣвицы, но такъ какъ она просила еще и объ опредѣленіи ея въ монастырь на покаяніе, то Трощинскій долженъ былъ снестись съ митрополитомъ Новгородскимъ Амвросіемъ.

Митрополитъ въ отвѣтъ писалъ:

„Какъ дѣвица Ярышкина впала въ преступленіе на шестнадцатилѣтнемъ своемъ возрастѣ по страсти любовной и слѣпому довѣрію къ обманщикамъ.... не хотяй же смерти грѣшника милосердый Богъ пріемлетъ всякаго кающагося, то полагаю я мнѣніе мое слѣдующее. Просительницу сію отъ гражданскаго суда, по силѣ всемилостивѣйшаго манифеста, во 2-й день Апрѣля 1801 года состоявшагося, освободить; а для очищенія совѣсти, согласно желанію ея, опредѣлить въ женскій монастырь на два года, съ препорученіемъ особенному надзору игуменіи и попеченію духовника, которому, возлагая на нее по разсмотрѣнію соразмѣрную епитимію и исповѣдуя въ каждый постъ, располагать ее къ чистосердечному покаянію въ содѣянныхъ грѣхахъ, усмотря же плоды сего покаянія, удостоить и святого причастія съ тѣмъ, чтобъ оставаться ей въ томъ или въ другомъ какомъ женскомъ монастырѣ и въ надежду постриженія въ монашество, ежели пожелаетъ; а буде бы она пожелала выйти замужъ или жить у родственниковъ, то изъ монастыря ее уволить".

Согласно такому заключенію митрополита Амвросія, былъ данъ на его имя указъ 21 Іюля 1802 г.; а 25 того же Іюля Амвросій рапортовалъ Государю, что Ярышкина отправлена въ первоклассный Успенскій дѣвичь монастырь, что́ при Александровѣ, Владимирской губерніи.

Постриглась ли Ярышкина или вышла замужъ, неизвѣстно.

II.

Въ своемъ письмѣ къ графу Хвостову Ярышкина упоминала о Юрьевскихъ богадѣльняхъ. Предполагая, вѣроятно, что Трощинскій полюбопытствуетъ узнать, что̀ это за богадѣльни, и почему онѣ разгромлены городничимъ, графъ Хвостовъ, приложилъ къ письму Ярышкиной и выписку изъ дѣла, производившагося о содержателѣ Юрьевскихъ Петропавловскихъ богадѣлень Курбатовѣ. Дѣло это отношенія къ дѣлу Ярышкиной не имѣетъ; но оно само по себѣ интересно, а потому приводимъ здѣсь выписку, присланную графомъ Хвостовымъ Трощинскому.

Въ канцеляріи Святѣйшаго Правительствующаго Синода по справкѣ.

Прошлаго 1799 г. Марта 10-го дня Св. Синоду членомъ онаго, преосвященнымъ Амвросіемъ архіепископомъ Санктпетербургскимъ и кавалеромъ объявленъ имянный его императорскаго величества высокій указъ о разсмотрѣніи присланной на всевысочайшее имя просьбы содержателя Юрьевскихъ Петропавловскихъ богадѣлень Дмитрія Курбатова, жалующагося на Юрьевскаго архимандрита Антонія въ притѣсненіи, при чемъ и то прошеніе представлено.

Почему Св. Синодомъ опредѣлено и посланнымъ къ Виктору, епископу бывшему Владимирскому, указомъ предписано, что какъ въономъ прошеніи, какое точно живущимъ въ означенныхъ богадѣльняхъ происходитъ отъ упомянутаго архимандрита Антонія притѣсненіе, не изъяснено: для того ему, епископу, истребовавъ отъ тамошняго гражданскаго господина губернатора одного свѣтскаго чиновника, вѣдѣніе, чрезъ кого слѣдуетъ, отобрать при немъ отъ онаго просителя Курбатова объясненіе, въ чемъ имянно тѣ богадѣльни терпятъ отъ архимандрита Антонія притѣсненіе, и потомъ отъ сего послѣдняго отвѣтъ. И ежели онъ архимандритъ подлинно окажется въ причиненіи имъ богадѣленнымъ какихъ-либо обидъ и притѣсненій, то сіе тотчасъ пресѣчь и обиженнымъ доставить немедленно законное удовлетвореніе, подтвердя ему архимандриту съ подпискою, чтобъ впредъ не отваживался дѣлать тѣмъ богадѣленнымъ никакихъ притѣсненій, подъ опасеніемъ сужденія по законамъ.

Вслѣдствіе чего онъ, епископъ Владимирскій, приложа при репортѣ своемъ отобранное отъ помянутаго содержателя богадѣлень Курбатова яко бы о причиненныхъ ему отъ архимандрита Антонія притѣсненіяхъ объясненіе и противу онаго отъ него архимандрита отвѣтъ, а о живущихъ нынѣ въ тѣхъ богадѣльняхъ мужеска и женска пола людяхъ съ учиненнаго Юрьевскимъ городничимъ Слободскимъ, при депутатахъ съ духовной стороны, списка и съ послѣдовавшаго въ 795 году отъ правившаго должность Владимирскаго и Костромскаго ген.-губернатора Заборовскаго отношенія о чинимыхъ отъ онаго Курбатова суевѣрныхъ и наводящихъ простому народу развратъ поступкахъ копіи, представилъ, что какъ оная жалоба его Курбатова

принесена несправедливо и архимандритъ обнесенъ имъ напрасно, то и по обязанію его повелѣнною подпискою о нечиненіи никакихъ притѣсненій тѣмъ богадѣленнымъ приступать онъ преосвященный не имѣлъ причины.

По которому репорту посланнымъ изъ Св. Синода къ преосвященному Владимирскому указомъ предписано:

1-е, какъ изъ отвѣта архимандрита Антонія между прочимъ явствуетъ, что онъ, запрещая Курбатову допускать въ богадѣльни людей женскаго пола, подъ предлогомъ, что та церковь принадлежитъ къ мужескому монастырю и въ ней по очереди отправляютъ служеніе монашествующіе, а въ 798 году, пріѣзжая для осмотру оной церкви и живущихъ при ней монашествующихъ, по случаю недопущенія Курбатовымъ въѣхать въ ворота ограды церковной, называлъ себя сего мѣста начальникомъ, чѣмъ и навлекъ на себя въ требованіи имъ архимандритомъ, якобы для чередныхъ монашествующихъ, руги*) нѣкоторое подозрѣніе: для того ему архимандриту подтвердить, чтобъ онъ впредъ къ тѣмъ богадѣльнямъ никакого не имѣлъ вліянія.

2-е, поелику живущіе въ тѣхъ, построенныхъ имъ Курбатовымъ по имянному его императорскаго величества высочайшему повелѣнію, богадѣльняхъ, по показанію его Курбатова, состоятъ въ вѣдомствѣ и на содержаніи тамошней градской думы, то сообщить изъ Консисторіи во Владимирское Губернское Правленіе, чтобы оная Дума или Приказъ Общественнаго Призрѣнія, принявъ ихъ въ свое вѣдѣніе, не оставили какъ во опредѣленіи въ сіи богадѣльни бѣдныхъ и требующихъ призрѣнія людей, такъ и въ самомъ благоустройствѣ ихъ имѣть надлежащее по долгу своему наблюденіе.

3-е, А какъ изъ отношенія, послѣдовавшаго въ 795 году правившаго во Владимирской и Костромской губерніяхъ должность генералъ-губернатора Заборовскаго значитъ, что Курбатовъ, провождая праздную жизнь и худо умѣя читать, толкуетъ приходящимъ къ нему суевѣрамъ Священное Писаніе, чего ради стеченіе у него народа простирается ежедневно до двадцати человѣкъ и болѣе, коимъ онъ раздаетъ просфиры, воду и деревянное масло и, отпуская ихъ, говоритъ нѣчто тайное и невразумительное, изъ чего суевѣры выводятъ заключенія о будущемъ: то о семъ, поелику благоустройство въ губерніи, благочиніе, или полиція градская и сельская и пресѣченіе всякаго рода злоупотребленій, по высочайшимъ о губерніяхъ учрежденіямъ возложены на губернаторовъ, истребленіе же скопищъ бѣглыхъ людей и бродягъ, и какимъ образомъ ихъ ловить, относится къ должности земскаго комисара: требовать отъ Губернскаго Правленія, дабы къ пресѣченію чинимаго со стороны Курбатова народнаго разврата, буде оный и нынѣ отъ него происходитъ, приняты были надлежащія мѣры.

А между тѣмъ, имяннымъ высочайшимъ указомъ, объявленнымъ Св. Синоду господиномъ синодальнымъ оберъ-прокуроромъ и кавалеромъ пове-

*) Руга—содержаніе священника и церковнаго причта отъ прихода. П. Б.

лѣно: разсмотрѣть присланное на всевысочайшее имя прошеніе помянутаго Курбатова, жалующагося на архимандрита Антонія, дѣлающаго находившимся въ Петропавловскихъ богадѣльняхъ людямъ угнетенія и въ выгнаніи ихъ изъ оныхъ и просящаго о дозволеніи паки жить имъ въ тѣхъ богадѣльняхъ и имѣть священника и діакона на содержаніи собственномъ.

И потому Св. Синодомъ опредѣлено и посланнымъ къ преосвященному Суздальскому указомъ, Августа отъ 11 дня 1799 года, предписано. Какъ по прежде вступившей къ Его Императорскому Величеству отъ помянутаго содержателя богадѣлень Курбатова на означеннаго архимандрита Антонія жалобѣ и по произведенному противъ оной слѣдствію въ посланномъ изъ Св. Синода къ епископу Владимірскому указѣ надлежащее предписаніе учинено, слѣдовательно дѣло сіе рѣшеніе въ Св. Синодѣ уже воспріяло. Что же принадлежитъ до просьбы его Курбатова о опредѣленіи къ означенной, состоящей при сихъ богадѣльняхъ, церкви особаго священника и діакона на ругу, то преосвященному Владимірскому велѣть сообщить изъ Консисторіи во Владимірское Губернское Правленіе, съ требованіемъ увѣдомленія какъ о поведеніи его Курбатова, такъ и о томъ, заслуживаетъ ли онъ ту довѣренность, дабы управлять ему означенными богадѣльнями, и потомъ, отобравъ отъ него Курбатова письменное извѣстіе, какое именно предполагается отъ него будущимъ при той церкви священнику и діакону содержаніе, и что̀ по всему тому окажется, рапортовать Св. Синоду.

На которые указы преосвященный Владимірскій Св. Синоду репортами прописывалъ: въ 1-мъ, происходившія тамошней консисторіи со Владимірскимъ Губернскимъ Правленіемъ сообщенія, изъ онаго вступившіе отзывы касательно принятія въ смотрѣніе Юрьевской градской думы или Приказу общественнаго призрѣнія устроенныхъ Юрьевскимъ купецкимъ сыномъ Дмитріемъ Курбатовымъ при тамошней кладбищенской Петропавловской церкви богадѣлень и о имѣніи въ благоустройствѣ ихъ надлежащаго, по долгу своему наблюденія; во 2-мъ о опредѣленіи, по прошенію онаго Курбатова къ состоящей при тѣхъ богадѣльняхъ церкви священника и діакона на собственное его Курбатова содержаніе, и оное какое именно предполагаетъ имъ, и представилъ, что онъ Курбатовъ не заслуживаетъ той довѣренности, дабы управлять ему помянутыми богадѣльнями, и потому предписано отъ Губернскаго Правленія Юрьевскому городничему, взявъ его, препроводить въ тамошній городской магистратъ и, отдавъ съ подпискою, имѣть надъ нимъ обще съ онымъ магистратомъ и градскою думою, крѣпчайшій присмотръ чтобъ у него отнюдь, подобно прежнему, стеченія народа не было и чтобъ онъ провождалъ жизнь свою не въ праздности, во вредъ обществу и другихъ неустройствахъ, служащихъ къ единому токмо соблазну, а въ трудахъ, званію его свойственныхъ. Но сего, за отлучкою его неизвѣстно куда изъ города, не исполнено и не отобрано отъ него свѣдѣнія касательно предполагаемаго имъ будущимъ при означенной церкви священнику и діакону содержанія. Оныя же богадѣльни содержаны были большею частію отъ мірского

подаянія; а самъ онъ Курбатовъ, будучи не въ раздѣлѣ, имѣетъ пропитаніе отъ отца его и отъ пособія родственниковъ, и всѣ повинности, закономъ опредѣленныя, платитъ за него отецъ его, а посему и не можетъ онъ никакого опредѣлить тѣмъ священно-и-церковнослужителямъ содержанія.

Почему Св. Синодомъ опредѣлено и посланнымъ къ преосвященному Владимирскому отъ 14 Ноября 1799 года указомъ предписано: какъ изъ оныхъ репортовъ явствуетъ, что помянутый купецкій сынъ Дмитрій Курбатовъ, находясь при тѣхъ богадѣльняхъ, помѣстилъ въ оныя, къ общественному соблазну, однихъ почти молодыхъ женщинъ и дѣвокъ, изъ коихъ нѣкоторыя, будучи изъ дворянъ, имѣютъ у себя движимое и недвижимое имѣніе, почему Владимирскимъ Губернскимъ Правленіемъ изъ оныхъ богадѣлень и выведены; а при томъ онъ Курбатовъ, какъ изъ того правленія знать дано, по поведенію своему и праву всегда склоненъ къ такимъ выдумкамъ, что народъ, приходя къ кельѣ его Курбатова, разсказываетъ свои болѣзни и несчастія, почему онъ роздаетъ имъ просфоры, святую воду и деревянное масло, съ приказаніемъ служить молебны и толкуя приходящимъ Св. Писаніе и говоря нѣчто глупое и неразумительное, изъ чего приверженные къ нему приводятъ ложныя заключенія; а помянутыя богадѣльни содержаны были большею частію отъ мірского подаянія, самъ же онъ Курбатовъ, будучи не въ раздѣлѣ и не имѣя у себя собственнаго пропитанія, не можетъ живущихъ въ нихъ содержать, слѣдственно, и никакого опредѣлить будущимъ при означенной церкви священнику и діакону содержанія не въ состояніи: для того ему Курбатову въ означенной просьбѣ его о дозволеніи имѣть на содержаніи его при той богадѣленной церкви священно-и-церковнослужителей, яко не заслуживающему довѣрія во управленіи тѣми богадѣльнями, отказать, тѣмъ паче, что въ отправленіи тамъ божественной службы никакой остановки не произошло, о чемъ и объявить ему отъ Владимирской Консисторіи по надлежащему. О каковомъ Св. Синода опредѣленіи и Его Императорскому Величеству донесено.

А прошлаго 1800 года Мая 20 дня въ Св. Синодъ вступили чрезъ почту отъ кол. асс. Демида Мѣщанинова и порутчицы вдовы Анны Карпиной прошенія, въ которыхъ, упоминая о возобновленіи ими и другими ктиторами состоящей близъ города Юрьева Петропавловской церкви, гдѣ погребаются тѣла умершихъ, и о построеніи на пустопорожнихъ мѣстахъ для немогущихъ престарѣлыхъ увѣчныхъ и немощныхъ богадѣльни, съ порученіемъ оной во управленіе и попеченіе купцу Михайлѣ Курбатову, съ избраніемъ его и въ старосты къ помянутой церкви, представляли, что хотя они исправленіемъ имъ Курбатовымъ должности весьма были довольны, но нынѣ узнали, что ему Курбатову отъ всего того отказано, всѣ богадѣленные жители выведены, и какъ строеніе, такъ и все находящееся при нихъ заготовленное имущество препоручено въ смотрѣніе Общественнаго Призрѣнія, по единственному яко-бы притѣсненію Юрьевскаго архимандрита Антонія, донесшаго на него Курбатова, яко-бы онъ приходящимъ въ ту цер-

ковь раздаетъ просфоры, святую воду и деревянное масло, совѣтуя пѣть молебенъ, для того просили о дозволенія допустить его Курбатова къ содержанію тѣхъ богадѣлень по прежнему.

Но Св. Синодомъ онымъ просителямъ въ просьбѣ ихъ отказано, и тѣ прошенія съ подписаніемъ отосланы во Владимирское Губернское Правленіе при указѣ для отдачи имъ обратно, для того, что (повторяется вышесказанное о поведеніи Курбатова) объ оныхъ богадѣльняхъ... велѣно отъ Св. Синода... сообщить... въ тамошнее Губернское Правленіе, чтобы... Дума или приказъ Общественнаго Призрѣнія принялъ ихъ въ свое вѣдѣніе... а потому какъ разсмотрѣніе о тѣхъ богадѣльняхъ, такъ и опредѣленіе смотрителемъ къ онымъ зависитъ уже отъ гражданскаго правительства.

III.

Его императорскому величеству генерала-фельдмаршала, Московскаго военнаго губернатора графа Салтыкова рапортъ.

Исполняя высочайшее вашего императорскаго величества отъ 13 числа сего мѣсяца ко мнѣ послѣдовавшее повелѣніе на счеть разврата, происходимаго въ имѣющемся здѣсь такъ называемомъ Цареградскомъ трактирѣ, симъ всеподданнѣйше доношу, что не только по донесенію ко мнѣ полиціи, но и по безгласному развѣдыванію моему, какъ въ томъ трактирѣ, такъ и въ другихъ, въ сей столицѣ находящихся публичныхъ дѣвокъ, на сладострастіе себя опредѣлившихъ, не содержится и ночлеговъ для того, кромѣ проѣзжающихъ или останавливающихся въ трактирѣ на время, не бываетъ. А бываютъ въ нихъ по временамъ, по издавна существующему обыкновенію, вечеринки, на которыя съѣзжаются большею частью иностранные ремесленники и другого званія обоего пола люди, также и Русскіе, подъ названіемъ пріѣзжающихъ и приходящихъ съ своими женами или родственницами. Не могу однако ваше величество удостовѣрить, чтобъ не были въ томъ числѣ и дѣвки помянутаго постыднаго ремесла, которыя, такъ какъ и предавшіеся развратности мущины, а особливо проѣзжіе и въ трактирѣ остановившіеся, можетъ быть, и находятъ мѣсто для исполненія постыдныхъ желаній своихъ; но сіе не бываетъ толь явно, чтобъ неминуемо можно было все то усмотрѣть полицейскимъ чиновникамъ, надзирающимъ за тишиною въ трактирѣ, множество комнатъ имѣющемъ, и кои въ комнату пріѣзжающаго не всегда и входить могутъ.

Но дабы скрывающійся подъ симъ пристойнымъ видомъ обоего пола гостей развратъ колико можно истребить, я полиціи наистрожайше предписалъ имѣть за благопристойностью въ трактирахъ всеприлежное смотрѣніе личнымъ надзоромъ самихъ полицмейстеровъ, отнюдь не позволяя тамъ быть публичнымъ дѣвкамъ, а тѣмъ меньше ночлегамъ, кромѣ проѣзжающихъ.

По таковомъ моемъ донесеніи, основанномъ на той самой точности и истинѣ, безъ каковыхъ никогда не покушался отправлять мою должность,

кольмижъ паче увѣрять государя, осмѣливаюсь вашему величеству всеподданнѣйше доложить, что сколь велико усердіе мое, дабы по ввѣренному мнѣ начальству господствовалъ во всѣхъ частяхъ совершенный порядокъ, и развратъ не былъ бы терпимъ, столько же равномѣрна невозможность все то мнѣ усмотрѣть иначе, какъ не чрезъ учрежденныхъ для сего чиновниковъ, мѣстно надзирать обязанныхъ и всѣ къ тому средства имѣющихъ, а особливо, когда не только не буду отъ нихъ о безпорядкѣ извѣщаемъ, но еще увѣряемъ о тишинѣ и благопристойности въ публичныхъ мѣстахъ. Начальство мое надъ ними, хотя и подвергаетъ меня отвѣту, но смѣю надѣяться, что ваше величество могущее быть въ чемъ либо недосмотрѣніе ихъ изволите относительно меня поставить болѣе на счетъ той невозможности, нежели собственнаго моего нерадѣнія о должности или послабленія подчиненнымъ, на которыхъ я исправности въ должностяхъ всегда взыскиваю и взыскивать не премину, и никакое потворство для меня неумѣстно, чему увѣреніемъ не могу болѣе представить, какъ правоту души моей и тѣ извѣстные вашему величеству опыты безпристрастія, кои въ теченіи долговременной службы моей я всегда старался показывать.

Графъ Салтыковъ.

Декабря 23-го дня, № 4991, 1801 года.
Москва.

СВЯТѢЙШІЙ ПАТРІАРХЪ ЕРМОГЕНЪ *).

Посвящается Русскому духовенству.

I.

Имя и память святѣйшаго патріарха Ермогена дòроги каждому Русскому человѣку. Будучи патріархомъ въ Смутное время, онъ съ необыкновенною энергіею сталъ на защиту Русской церкви и Русскаго народа. Ему, главнымъ образомъ, Россія обязана своимъ спасеніемъ отъ власти Поляковъ и козней Католической церкви. Свое служеніе отечеству патріархъ окончилъ мученическою смертью, отъ враговъ своего народа.

Чтобы яснѣе представилась жизнь и дѣятельность патріарха Ермогена, необходимо припомнить то время, лица и обстоятельства, среди которыхъ онъ жилъ и дѣйствовалъ.

17-го Мая 1606 года, около 4 часовъ утра, въ Москвѣ, на Ильинкѣ, у церкви Иліи Пророка, ударили въ набатъ, и немедленно набатъ раздался во всѣхъ церквахъ Московскихъ. По этому знаку толпы народа устремились на Красную площадь. Тутъ были уже собраны дѣти боярскіе, стрѣльцы, приказные, люди торговые и чернь. Тутъ же въ полномъ вооруженіи на коняхъ стояли бояре, и во главѣ ихъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій съ мечомъ въ одной рукѣ и крестомъ въ другой. Онъ ввелъ въ Кремль толпы народа и сказалъ имъ: «Во имя Божіе идите на злаго еретика». Еретикъ этотъ былъ царь, выдававшій себя за сына Іоанна Грознаго Димитрія. Толпа бросилась во дворецъ. Слабый отрядъ иноземныхъ тѣлохранителей не могъ защитить царя. Не видя спасенія во дворцѣ, Самозванецъ бросился въ окно на Житный дворъ, гдѣ стояли подмостки, устроенные по случаю его брачнаго торжества. Съ этихъ подмостокъ онъ оступился и съ высоты 15 аршинъ упалъ на землю, вывихнулъ себѣ ногу и разбилъ грудь. Отрядъ стрѣльцовъ, стоявшій въ этомъ мѣстѣ, узналъ царя, поднялъ его и привелъ въ чувство. Самозванецъ сталъ уговаривать стрѣльцовъ, чтобы они постояли за него, за что обѣщалъ имъ чины и богатство, женъ и дѣтей измѣнниковъ-дворянъ. Эти ли обѣщанія или другія причины побудили стрѣльцовъ вступиться за царя, но они стрѣльбою отогнали бояръ, желавшихъ приблизиться къ Самозванцу.

*) Считаю нужнымъ держаться того писанія, котораго держался самъ патріархъ: онъ писалъ Ермогенъ, а не Гермогенъ.

Тогда въ толпѣ закричали: Пойдемъ въ Стрѣлецкую слободу, истребимъ ихъ женъ и дѣтей, если они не хотятъ выдать намъ измѣнника, плута и обманщика. Стрѣльцы испугались и сказали боярамъ: Спросимъ царицу; если она скажетъ, что это прямой ея сынъ, то мы всѣ за него помремъ; если же, что онъ не сынъ ей, то Богъ въ немъ воленъ. Бояре согласились. Въ ожиданіи отвѣта инокини Мареы, они занялись допросомъ самозваннаго царя. Кто ты? Кто твой отецъ? Откуда ты родомъ? Онъ отвѣчалъ: Вы всѣ знаете, что я царь вашъ, сынъ Ивана Васильевича. Спросите обо мнѣ мать мою, или выведете меня на Лобное мѣсто и дайте объясниться. Понятно, заговорщикамъ нельзя было его выводить на Лобное мѣсто, для объясненія съ народомъ: если около дворца Самозванецъ нашелъ стрѣльцовъ, пожелавшихъ положить за него жизнь, когда царица Мареа скажетъ, что онъ ея сынъ, то въ народѣ онъ могъ найти еще болѣе приверженцевъ, и дѣло низверженія Самозванца могло совершенно разстроиться. Пока еще производился допросъ Самозванцу, явился князь Иванъ Васильевичъ Голицынъ и сказалъ, что онъ былъ у царицы Мареы, спрашивалъ ее о настоящемъ царѣ; она говоритъ, что сынъ ея убитъ въ Угличѣ, а этотъ—Самозванецъ. Толпа закричала: Бей его, руби его. Дворяне Григорій Воейковъ и Григорій Валуевъ выстрѣлили въ самозванца и кончили жизнь его. Толпа бросилась уже на убитаго: его кололи, рубили и потомъ сбросили съ крыльца на трупъ уже раньше убитаго Басманова.

Несомнѣнно въ лицѣ Лже-Димитрія Россія освободилась отъ страшной опасности. Извѣстно, что еще въ Польшѣ онъ далъ обязательство папскому нунцію Рангони присоединиться къ Римской церкви и присоединить къ ней своихъ подданныхъ. Въ Краковѣ въ домѣ Іезуитовъ онъ отрекся отъ Православія и былъ присоединенъ къ Римской церкви. 26-го Мая 1604 года въ Литвѣ онъ далъ Мнишку клятвенную запись, что женится на его дочери, паннѣ Маринѣ, какъ только утвердится на Московскомъ престолѣ и тогда уступитъ ей въ полное и безусловное обладаніе области Новгородскую и Псковскую съ правомъ устроять въ нихъ Латинскія церкви, монастыри, школы и вообще свободно исповѣдывать тамъ Римскую вѣру, которую онъ уже самъ принялъ и намѣренъ ввести во всемъ Московскомъ государствѣ. (Сказанія современниковъ, Устрялова, I, 417—419). Затѣмъ онъ собственноручно писалъ папѣ Клименту VIII, что ему онъ обязанъ своимъ просвѣщеніемъ Католическою вѣрою и даетъ обѣщаніе содержать ее неизмѣнно и всячески стараться о распространеніи ея въ своемъ народѣ. Вступивъ на Русскій престолъ, онъ продолжалъ свои сношенія съ папскимъ дворомъ, съ нунціемъ, держалъ при себѣ іезуитовъ и толковалъ о соединеніи церквей Православной съ Католической. Извѣстно, что Римская церковь желаетъ единенія, основаннаго на полномъ подчиненіи папскому престолу. Съ такимъ единеніемъ погибла бы Русская народность. Исторія показала, какою нетерпимостью и жестокостью отличалась Римская церковь въ Западной Руси. Когда православные не послѣдовали за своими епископами, открыто признавшими, 23-го Декабря 1595 года, главенство папы Климента, король Сигизмундъ,

іезуиты, Латинскіе прелаты и фанатики, Польскіе магнаты стали употреблять страшныя мѣры насилія и облили землю кровью православныхъ. Литовская конфедерація 1599 года писала: «Отягощенія и насилія умножаются болѣе и болѣе, особенно со стороны духовенства и нѣкоторыхъ свѣтскихъ лицъ Римскаго исповѣданія. Часто бываетъ, что ни въ одномъ углу цѣлаго государства ни одинъ изъ насъ православныхъ, какого бы званія ни былъ, не бываетъ въ безопасности. Наши церкви, монастыри, соборы большею частью уже захвачены, разорены и опустошены, притомъ съ грабежомъ и мучительствомъ, съ неслыханными ругательствами надъ живыми и мертвыми. Духовныя лица наши за твердость въ исповѣданіи терпятъ разныя преслѣдованія: на нихъ нападаютъ въ ихъ собственныхъ домахъ, грабятъ, позорятъ, ссылаютъ, лишаютъ собственности. Священники наши не могутъ крестить младенцевъ, исповѣдывать умирающихъ, отпѣвать мертвыхъ, тѣла православныхъ христіанъ вывозятъ, какъ падаль, въ поле. Всѣхъ, кто не измѣняетъ вѣрѣ отцовъ, удаляютъ отъ чиновъ гражданскихъ; благочестіе есть опала; законъ не блюдетъ насъ. Вопіемъ, не слушаютъ». (Разсказы графа М. В. Толстого по Церковной исторіи, стр. 393). Вотъ что угрожало всѣмъ Русскимъ православнымъ, если бы Поляки, при помощи Самозванца, завладѣли Россіей.

Василій Ивановичъ Шуйскій, достигнувъ царской власти, оказался не на высотѣ своего призванія. Потомокъ мятежнаго и коварнаго рода Шуйскихъ, такъ осрамившагося въ царствованіе Елены и Іоанна Грознаго, онъ былъ искусенъ въ придворномъ лукавствѣ. Его достало на то, чтобы свергнуть Самозванца легкомысленнаго и неосторожнаго; у него достало храбрости, чтобы направить многотысячную толпу на злого еретика; но управлять государствомъ въ смутное время, оборонять его отъ враговъ внѣшнихъ и происковъ Католической церкви, усмирять враговъ внутреннихъ, строптивыхъ и своекорыстныхъ бояръ, было дѣломъ не его ума и храбрости. Онъ больше любилъ себя, чѣмъ государство. Выкрикнутый кучкою своихъ приверженцевъ въ цари, онъ, не дожидаясь земскаго избранія, поспѣшилъ взять власть въ свои руки и такимъ образомъ оказался избранникомъ не Русской земли, а только части Московскихъ жителей, своихъ доброхотовъ. Князю Василію Ивановичу, когда онъ вступилъ на царство, было не менѣе 54 лѣтъ, а можетъ быть даже 59. По свидѣтельству надгробной надписи въ Московскомъ Архангельскомъ соборѣ, князь Василій Ивановичъ Шуйскій значится преставившимся 1612 г., 60 лѣтъ отъ роду, а въ Зерцалѣ Россійскихъ Государей сказано, что В. Ив. Шуйскій родился въ 1547 г. Одно уже это обстоятельство, т. е. пожилой возрастъ, не позволяло ждать отъ новаго царя неутомимой дѣятельности. Небольшого роста, толстый, сутуловатый, съ широкимъ ртомъ, суровымъ взглядомъ, красными, подслѣповатыми глазами, онъ былъ скорѣе склоненъ къ дѣятельности проныры и приказного, а не къ открытой и широкой дѣятельности царя. Льстивый царедворецъ Іоанна Грознаго, приниженный врагъ Бориса Годунова, онъ запятналъ себя низкимъ угодничествомъ въ слѣдствіи по дѣлу объ убіеніи царевича Димитрія Іоанновича въ Угличѣ и осрамился

своимъ двоедушіемъ и ложью предъ всѣмъ Московскимъ государствомъ: онъ утверждалъ, что царевичъ самъ закололъ себя ножомъ въ припадкѣ падучей болѣзни, по небреженію царицы-матери и родственниковъ, и что онъ самъ погребалъ его; при жизни Годунова, онъ торжественно на Лобномъ мѣстѣ предъ всѣмъ народомъ свидѣтельствовалъ «о несомнительной смерти царевича, имъ видѣннаго въ гробѣ и въ могилѣ» (Карамз., X, стр. 151); а собравшимся Красносельцамъ. послѣ чтенія Лжедимитріевой грамоты, онъ объявляетъ, что царевичъ спасся отъ убійцъ, а вмѣсто него убитъ и похороненъ поповъ сынъ. Вмѣстѣ съ другими боярами В. И. Шуйскій ѣздилъ въ Тулу встрѣчать Самозванца и тамъ призналъ его истиннымъ царевичемъ Дмитріемъ. На третій день по въѣздѣ Самозванца въ Москву Шуйскій уже былъ схваченъ, 23-го Іюня 1605 г., и отданъ на судъ бояръ и собора за распространеніе слуховъ о самозванствѣ царя Димитрія Іоанновича. Въ ночь предъ мятежемъ 17 Мая 1606 г. Шуйскій собравшимся у него договорщикамъ объявляетъ, что Самозванца признали истиннымъ Димитріемъ только для того, чтобы избавиться отъ Годунова. Во время бунта, онъ ведетъ толпу народа на царя, объявляя его злымъ еретикомъ и Гришкою Отрепьевымъ. Могъ ли такой двоедушный человѣкъ утвердить и успокоить государство? Своею клятвенною записью, при избраніи въ царя, никого не осуждать на смертную казнь безъ боярскаго приговора, Шуйскій лишилъ себя возможности карать преступниковъ: бояринъ, имѣвшій связи, пользовавшійся покровительствомъ сильныхъ, могъ разсчитывать на безнаказанность за всякую измѣну и преступленіе. Оттого, въ правленіе Шуйскаго, вельможи имѣли болѣе власти, чѣмъ самъ царь, а эти вельможи въ большинствѣ случаевъ были испорчены до корня. Неистовое тиранство болѣзненно-подозрительнаго и кровожаднаго Іоанна Грознаго, властолюбивое преслѣдованіе лучшихъ родовъ отъ Годунова, дерзкое и нахальное царствованіе Лжедимитрія разшатали нравственные устои государства. Грубый эгоизмъ, измѣна и корыстолюбіе стали заурядными явленіями. Для уясненія причинъ смутнаго времени припомнимъ доводы И. Е. Забѣлина. «Смута издавна гнѣздилась въ государевомъ дворѣ, говоритъ онъ, и всегда болѣе или менѣе ярко вспыхивала, какъ скоро ей открывался выходъ на Божій свѣтъ, какъ скоро наготовлялись для нея горючіе матеріалы. *Ея корни скрывались всегда въ мятежномъ самовластномъ, своевольномъ и крамольномъ духѣ той среды боярства,* которая крѣпко помнила свою первобытную старину. А этою стариною для боярства въ оное время было непререкаемое право княжеской дружины владѣть землею, господствовать въ землѣ за одно съ своимъ княземъ, непререкаемое право властвовать даже надъ самимъ княземъ, указывать ему, не выпускать его изъ своей воли». «Дружина весь свой вѣкъ мыслила только о спасеніи самой себя. переходя своевольно отъ князя къ князю, заводя усобицы... Она до послѣднихъ дней своей жизни почитала земство все еще обычнымъ матеріаломъ своего кормленья». «Дружинный духъ не стерпѣлъ государственной новины, единства власти, которое по характеру времени иначе выразиться не могло, какъ въ единодержавіи и самодержавіи.

Онъ всѣми силами отбивался отъ этого государственнаго начала по той причинѣ, что оно посягло на уничтоженіе именно дружинной власти надъ землею, т. е. въ сущности дружиннаго самовластья» (Мининъ и Пожарскій, стр. 2, 182—183) «Экономическою жизненною задачею служилаго класса было право кормить себя на счетъ земли; стало быть собирать дани и пошлины, брать кормленье за все и про все» (тамъ же, стр. 165). «Такія начала должны были воспитать дружинную боярскую среду особымъ образомъ, должны были выработать ея нравы и обычаи по особому складу, свойственному тѣмъ началамъ. *Она поэтому развила въ себѣ нравы и инстинкты исключительно личнаго своевольнаго свойства*, развила стремленіе только къ личному благу и добру, нисколько не помня о благѣ и добрѣ всей земли» (тамъ же, стр. 3). Этотъ-то духъ съ особою силою обнаружился въ смутное время. «Дружинники смутнаго времени потребовали себѣ особыхъ князей (которые теперь обозначаются царями), стали водить этихъ князей-царей изъ стороны въ сторону, производя ихъ именемъ тѣже опустошенія, людей сѣкуще, а городы, домы и селы жгуще, стали переходить, отъѣзжать отъ царя къ царю, добывая себѣ тѣже волости, тѣже боярскіе саны; стали попрежнему отдѣлять отъ Русской земли цѣлыя государства—Новгородское, Казанское, лишь бы занять въ этихъ государствахъ подобающее мѣсто. Словомъ сказать, дружинный духъ въ смутное время всталъ страшнымъ чудищемъ и готовъ былъ совсѣмъ погубить родную землю, собранную трудомъ первыхъ князей (тамъ же, стр. 182).

Такимъ образомъ отъ *служилаго* сословія, проникнутаго духомъ своеволія и корыстолюбія и думавшаго исключительно о своей пользѣ, царю и государству нельзя было ожидать ничего хорошаго.

Но и отъ такъ называемаго *тяглаго* сословія много хорошаго тоже ожидать было нельзя. Правительство «подъ давленіемъ военныхъ нуждъ государства, съ цѣлью лучшаго устройства государственной обороны, систематически приносило интересы промышленнаго и земледѣльческаго класса, трудъ котораго служилъ основаніемъ народнаго хозяйства, «въ жертву интересамъ служащихъ землевладѣльцевъ, не участвовавшихъ непосредственно въ производительной дѣятельности страны». А между тѣмъ «служилымъ помѣщикамъ и вотчинникамъ щедро раздавались черныя и дворцовыя земли съ ихъ тяглымъ населеніемъ». Служилый людъ отнималъ у горожанъ ихъ усадьбы и огороды, ихъ рынокъ и промыслы. Онъ выживалъ посадскихъ людей изъ ихъ посада, и посадъ пустѣлъ. «Служилый владѣлецъ становился между крестьянами своего помѣстья и государственною властью. Получая право облагать и оброчить крестьянъ сборами и повинностями въ свою пользу, онъ въ тоже время былъ обязанъ собирать съ нихъ государевы подати» (С. Ѳ. Платонова, Очеркъ исторіи смуты, стр. 125, 161—164). Неблагопріятныя условія жизни на частно-владѣльческихъ земляхъ заставляли земледѣльческое населеніе уходить съ этихъ земель. Громадныя земельныя пріобрѣтенія Московскаго государства давали возможность земледѣльцамъ отыскивать незанятую землю, а правительство охотно допускало новымъ людямъ занимать вновь

пріобрѣтенныя земли въ качествѣ жильцовъ и постояннаго гарнизона. «Въ послѣдней четверти XVI столѣтія уменьшеніе населенія въ замосковскихъ и западныхъ уѣздахъ достигло большихъ размѣровъ и вызвало перемѣну въ настроеніи правительства. Переводъ крестьянъ, сидѣвшихъ на тяглѣ, лишалъ правительство правильнаго дохода съ тяглой земли, а уходъ крестьянъ отъ служилаго человѣка лишалъ его доходовъ и возможности служить». «Отливъ населенія создалъ недостатокъ рукъ въ частныхъ земельныхъ хозяйствахъ, довелъ до громадныхъ размѣровъ хозяйственную пустоту». Для борьбы съ запустѣніемъ землевладѣльцы стали прибѣгать *къ вызову* крестьянъ изъ чужого владѣнія въ свое, предоставляя имъ льготы, и *къ закабаленію*. Крестьянъ обыкновенно не выпускали безъ окончательной расплаты съ землевладѣльцемъ. Землевладѣльцы поэтому старались такъ опутать крестьянъ, чтобы они не могли освободиться, уплативъ должное землевладѣльцу. Въ 1597 году былъ изданъ указъ, по которому всякій свободный человѣкъ, прослужившій у кого-либо въ слугахъ полгода, обязывался безъ оговорокъ дать на себя служилую кабалу, и такимъ образомъ сдѣлаться крѣпостнымъ холопомъ». (Забѣлинъ, Мининъ и Пожарскій, стр. 189). За держаніе у себя холопа налагалась большая пеня съ держателя, и холопъ возвращался прежнему господину; между тѣмъ многіе господа выгоняли своихъ холопей изъ помѣстья, чтобы ихъ не кормить зимой, а лѣтомъ опять ихъ требовали къ себѣ на работу. Опутанному своимъ землевладѣльцемъ крестьянину и кабальному холопу, въ случаѣ нестерпимаго положенія, оставалось одно средство избавиться—это бѣжать въ козаки, и многіе пользовались этимъ средствомъ. Такъ отъ притѣсненія господъ развилось на границѣ Московскаго государства козачество, которое страшно мстило своему государству за претерпѣнныя отъ него притѣсненія. Указъ, лишившій крестьянъ права перехода въ Юрьевъ день отъ одного землевладѣльца къ другому, закабалилъ всѣхъ крестьянъ за землевладѣльцами. Землевладѣльцы, конечно, отъ этого не сдѣлались лучшими, а положеніе крестьянъ сдѣлалось ужаснымъ. Всю вину своего тяжелаго положенія крестьянство сваливало на правительство, которое лишало крестьянство земли и свободы, и покровительствуя служилому человѣку, тѣмъ самымъ выдавало тяглаго работника. Народу казалось, что нечего стоять за правительство, которое выдаетъ его служилымъ людямъ. Только, когда народъ увидалъ, что ему хотятъ навязать Латинскую вѣру, онъ оставилъ свои имущественные счеты, сталъ за свою вѣру *душами своими и головами*.

II.

Одновременно съ низверженіемъ перваго Лжедимитрія дворяне уже начали строить мятежный ковъ. Михаилъ Молчановъ, одинъ изъ приближенныхъ Самозванца, съ двумя Поляками, съумѣлъ скрыться изъ Москвы въ Литву. По дорогѣ онъ распускалъ слухъ, что онъ царь Димитрій Іоановичъ и спасается изъ Москвы отъ мятежныхъ дворянъ, которые, по ошибкѣ, убили не его, а другого человѣка. Князь

Григорій Шаховской, отправленный самимъ Шуйскимъ воеводою въ Путивль, по дорогѣ туда, тоже распускалъ извѣстіе, что Димитрій живъ и скрывается до времени и что Шуйскій—похититель престола. Прибывъ въ Путивль, онъ объявилъ это всѣмъ гражданамъ, и Путивльцы немедленно возмутились противъ Шуйскаго, а за ними возстали жители Чернигова, гдѣ воеводою былъ князь Андрей Телятевскій, жители Стародуба, Новгорода Сѣверскаго, Бѣлгорода. Князь Шаховской не стѣснялся отъ имени несуществовавшаго царя разсылать указы и прикладывать къ нимъ украденную во время мятежа царскую печать. Возстаніе быстро распространилось. Скоро къ нему пристали Орелъ, Мценскъ, Калуга. Дворянинъ Истома Пашковъ возмутилъ Тулу, Каширу, Веневъ, Серпуховъ. Рязанскіе дворяне Ляпуновъ и Сумбуловъ возмутили Рязань, князь Хворостининъ Астрахань. Полководцы царя Шуйскаго дѣйствовали вяло и въ большинствѣ случаевъ были разбиваемы мятежниками. Болотниковъ на голову разбилъ князя Трубецкаго у города Кромъ. Воротынскій разбилъ было враговъ, но когда узналъ о побѣдѣ Болотникова надъ царскими войсками, безъ борьбы отступилъ отъ Ельца и далъ возможность мятежникамъ захватить въ Ельцѣ много военныхъ припасовъ, заготовленныхъ первымъ Самозванцемъ *). Соединившись съ Пашковымъ и Ляпуновымъ, Болотниковъ, бывшій холопъ, перешелъ Оку, взялъ Коломну, при селѣ Троицкомъ разбилъ главное Московское войско, вышедшее туда подъ начальствомъ князя Мстиславскаго и укрѣпился въ селѣ Коломенскомъ, въ 7 верстахъ отъ Москвы, а оттуда сталъ грозить самой Москвѣ. Въ столицѣ явились грамоты отъ Болотникова съ воззваніемъ къ простонародью. Въ этихъ грамотахъ боярскимъ холопямъ повелѣвалось побивать своихъ бояръ, женъ ихъ, дѣтей и помѣстья брать себѣ, а «шпынямъ» и безъимяннымъ людямъ побивать всѣхъ торговыхъ гостей и имѣнье ихъ тоже брать себѣ. Поэтому дворяне рѣшились отдѣлиться отъ Болотникова. И вотъ Ляпуновъ и Сумбуловъ явились къ царю Василію съ повинною. Они были прощены, а Ляпуновъ даже награжденъ саномъ думнаго дворянина. Обезсиленный Болотниковъ все-таки рѣшился сразиться съ царскими войсками, находившимися подъ начальствомъ Скопина, которому на помощь явились Смольняне. Холопи и козаки Болотникова бились отчаянно, но во время самой битвы Истома Пашковъ съ дворянами и дѣтьми боярскими перешелъ на сторону царя. Это рѣшило дѣло. Болотниковъ былъ разбитъ и засѣлъ въ Коломенскомъ. Три дня царскія войска били по Коломенскому укрѣпленію и не могли разбить его, наконецъ сдѣлали ядра съ нѣкоторою хитростью и зажгли острогъ. Болотниковъ принужденъ былъ обратиться въ бѣгство. Онъ остановился было въ Серпуховѣ, но когда узналъ, что граждане не только его войска, но и себя не надѣются прокормить, онъ пошелъ дальше и остановился въ Калугѣ, которую скоро укрѣпилъ глубокими рвами и валомъ, собралъ до десяти тысячъ разсѣянныхъ воиновъ и приготовился къ осадѣ.

*) За чѣмъ онъ заготовлялъ ихъ тамъ? Не для войны ли съ Польшею? Сличи „Р. Архивъ“ 1886, III, 123. П. Б.

Въ тоже время онъ написалъ князю Шаховскому, что ему нужно вспоможенье, а еще нужнѣе Димитрій истинный или ложный, что имя безъ человѣка уже не дѣйствуетъ и что всѣ готовы слѣдовать примѣру Ляпунова, Сумбулова и Пашкова. Противъ Болотникова подъ Калугу было послано царемъ многочисленное войско подъ начальствомъ князя Ѳ. И. Мстиславскаго, а на выручку къ Болотникову шелъ изъ Сѣверской земли князь Василій Рубецъ-Мосальскій. Бояринъ Иванъ Никитичъ Романовъ, высланный Мстиславскимъ противъ князя Мосальскаго, разбилъ его на голову. Самъ князь Мосальскій убитъ, а остатки его войска сѣли на пороховыя бочки, зажгли ихъ и взлетѣли на воздухъ. Гибель князя Мосальскаго не устрашила отряда, посланнаго изъ Тулы на выручку Болотникова подъ предводительствомъ Телятевскаго. Онъ вступилъ въ битву съ войскомъ, высланнымъ отъ того же князя Мстиславскаго. Оставшееся отъ пораженія войско въ ужасѣ явилось въ станъ подъ Калугой и произвело страшное смятеніе въ главномъ войскѣ князя Мстиславскаго. Болотниковъ воспользовался этимъ смятеніемъ, сдѣлалъ вылазку и нанесъ царскому войску страшное пораженіе: пушки, обозъ, запасы достались побѣдителю. Только князь Скопинъ и Истома Пашковъ отступили съ честію, упорно сражаясь, и тѣмъ дали возможность малодушнымъ воинамъ собраться около Боровска. Пятнадцать тысячъ царскихъ воиновъ и сто Нѣмцевъ перешли на сторону Болотникова. Москва ужаснулась.

Запасаясь отовсюду войскомъ, князь Шаховской пригласилъ къ себѣ съ Дона Илейку, обѣщалъ ему повиноваться до появленія Димитрія, а въ случаѣ непоявленія, обѣщался признать его царемъ. Телятевскій управлялъ Тулой. Болотниковъ, разбивъ князя Мстиславскаго, тоже направился въ Тулу. Туда же шелъ и князь Шаховской съ царевичемъ Петромъ (онъ же и воръ Илейка). Такимъ образомъ весною 1607 года всѣ мятежныя войска собрались въ Тулѣ.

21-го Мая 1607 года царь Василій Ивановичъ самъ повелъ многочисленное войско къ Тулѣ. Началась правильная осада крѣпости. Болотниковъ отчаянно и неутомимо дѣлалъ вылазки, иногда до четырехъ разъ въ день. Дѣло затягивалось. Къ счастью, Муромскій боярскій сынъ, Ѳома Сушинъ-Кравковъ предложилъ царю взять Тулу запрудою рѣки: «Градъ Тулу водою наполню, и вси повинуются тебѣ не хотящи» (Нов. Лѣт., стр. 86). Свое обѣщаніе Кравковъ исполнилъ. Немного ниже Тулы онъ съ данными ему многими людьми устроилъ плотину. Вода начала прибывать, выступила изъ береговъ, и скоро весь городъ покрылся ею. 10-го Октября 1607 г. осажденные принуждены были сдаться. Тутъ были пойманы Илейко, онъ же воръ Петрушка, что называлъ себя царевичемъ, Болотниковъ, князь Шаховской, Телятевскій. Болотникова сослали въ Каргополь и тамъ утопили, Лже-Петра повѣсили, князя Шаховскаго, всей крови заводчика, только сослали на Кубенское озеро; «князя Телятевскаго, знатнѣйшаго и тѣмъ виновнѣйшаго измѣнника, изъ уваженія къ его именитѣйшимъ родственникамъ, не лишили ни свободы, ни боярства, къ посрамленію сего вельможнаго достоинства и къ соблазну государственному. Слабость безстыдная, вреднѣйшая жестокости» (Карамзинъ, X, 74).

Послѣ взятія Тулы Шуйскій распустилъ свое войско. Дворянъ и дѣтей боярскихъ онъ уволилъ въ ихъ помѣстья, послалъ только легкія дружины къ Брянску, а конницу Черемисскую и Татарскую въ Сѣверскую землю, для грабежа и казни ея жителей, а самъ возвратился въ столицу и занялся торжествами по случаю взятія Тулы и своей свадьбы. 17-го Генваря 1608 года онъ вступилъ въ бракъ съ княгиней Маріей Петровной Буеносовой-Ростовской *).

1-го Августа 1607 г, когда Шуйскій былъ еще подъ стѣнами Тулы, въ Стародубѣ появился второй Самозванецъ. Онъ былъ нисколько не похожъ на перваго, тѣмъ не менѣе около него быстро собрались Польскія дружины, Запорожскіе и Донскіе казаки, Русскіе измѣнники и іезуиты. Въ Сентябрѣ 1607 года изъ Стародуба второй самозванецъ двинулся на Почепъ, Брянскъ, Козельскъ и Бѣлевъ, т.-е. шелъ прямо на Тулу. Его передовые отряды заняли Крапивну, Дѣдиловъ и Епифань; но 17-го Октября онъ быстро повернулъ къ Карачеву, узнавъ, что Тула взята царемъ Шуйскимъ и всѣ ея защитники попались въ плѣнъ. Такъ какъ преслѣдованія Вора со стороны Шуйскаго не было, то Воръ скоро оправился и въ началѣ Ноября, рѣшившись возобновить свой походъ на Москву, вернулся къ Брянску, но тамъ было уже войско царя Василія. Онъ бросился было на Карачевъ, но тамъ дѣйствовалъ князь Иванъ Семеновичъ Куракинъ. Зимою, въ большіе холода, Воръ обошелъ войско Куракина и явился въ Орлѣ, гдѣ и оставался до весны. Сюда противъ него царь выслалъ большое войско подъ начальствомъ брата своего Дмитрія Ивановича. Этотъ главный воевода «отличался единственно величавостью и спѣсью, не былъ ни любимъ, ни уважаемъ войскомъ, не имѣлъ ни духа ратнаго, ни прозорливости въ совѣтахъ и въ выборѣ людей, имѣлъ зависть къ достоинствамъ блестящимъ и слабость къ ласкателямъ коварнымъ». Родство съ царемъ только ухудшало всѣ эти невыгодныя качества главнаго вождя. Онъ безбоязненно ничего не предпринималъ во всю зиму 1607 года; кто съ него взыщетъ? Царь — братъ. Этимъ дана возможность самозванцу усилиться. Къ нему писали, чтобы онъ не медлилъ, шелъ и дѣйствовалъ; онъ читалъ предписанія и не дѣйствовалъ. Наконецъ 13-го Апрѣля 1608 года онъ выступилъ и въ двухдневной битвѣ 30-го Апрѣля и 1-го Мая былъ разбитъ подъ Болховымъ. Боярскій сынъ Лихаревъ извѣстилъ непріятелей, что Д. Шуйскій приказалъ отвезти пушки назадъ къ Болхову, а Ламздорфъ, начальникъ Нѣмцевъ, измѣнилъ царскому войску во время самаго сраженія. Москва была въ ужасѣ отъ этого пораженія. Царь Василій Ивановичъ образовалъ новое войско и поручилъ его князю Михаилу Васильевичу Скопину-Шуйскому и боярину Ивану Романову. Но въ этомъ войскѣ скоро обнаружилась измѣна: воеводы князья Иванъ Катыревъ, Юрій Трубецкій и Троеруковъ начали склонять дворянъ и дѣтей боярскихъ предаться Самозванцу. Войско это придвинули къ столицѣ, которой уже началъ угрожать Самозванецъ. Онъ чрезъ Бол-

*) Серебряная чарочка этой царицы съ ея именемъ хранится въ Музеѣ П. И. Щукина. П. Б.

ховъ, Козельскъ пришелъ въ Калугу, оттуда подступилъ къ Можайску, завладѣлъ имъ, чрезъ Звенигородъ 1-го Іюня подошелъ къ Москвѣ и расположился лагеремъ въ селѣ Тушинѣ, въ 12 верстахъ отъ Москвы.

Здѣсь съ нимъ соединился Лисовскій, который весною 1608 г. изъ Орла направился на Рязанскія мѣста, взялъ Зарайскъ и подъ нимъ нанесъ жестокое пораженіе князю Хованскому и Захару Ляпунову, овладѣлъ Коломною и перешелъ на лѣвый берегъ Оки. Вокругъ Лисовскаго собралось Русскихъ и Украинскихъ людей до 30,000. На походѣ отъ Коломны къ Москвѣ это войско потерпѣло пораженіе отъ князя Куракина, при чемъ лишилось захваченной по городамъ артиллеріи. Войска царя Василія оттѣснили войска Вора отъ села Тайнинскаго снова къ Тушину. 25-го Іюня 1607 года Рожинскій на утренней зарѣ внезапно напалъ на Московскій обозъ, разгромилъ его и погналъ растеряныхъ Москвичей подъ городскія стѣны. Съ наступленіемъ дня Московскія войска оправились и заставили войско Рожинскаго отступить за Ходынку. Послѣ этого боя Тушинцы поняли, что имъ Москвы не удастся занять силою, а въ Москвѣ поняли также, что изъ Тушина грозитъ бѣда.

Въ концѣ Іюля 1608 г. царь Василій заключилъ перемиріе съ Польско-Литовскими послами. Согласно договору, царь обязался отпустить воеводу Сендомирскаго съ сыномъ и дочерью и всѣхъ задержанныхъ во время низверженія перваго самозванца Поляковъ; король долженъ былъ отпустить всѣхъ Русскихъ, задержанныхъ въ Польшѣ, отозвать всѣхъ Поляковъ, поддерживавшихъ Самозванца; Юрію Мнишку не признавать зятемъ второго Самозванца, дочь свою за него не выдавать и Маринѣ не называться Московскою государынею. Исполнилъ договоръ только царь Василій Ивановичъ. Мнишки были отпущены изъ Московскаго государства, но были перехвачены Тушинскимъ Воромъ и продѣлали въ Тушинѣ все, чего не допускалось въ договорѣ, именно: Мнишекъ назвался тестемъ Вора, за что получилъ отъ него росписку въ 300,000 рублей, которые будутъ заплачены по овладѣніи Москвы, и обязательство на владѣніе княжествомъ Сѣверскимъ съ четырнадцатью городами. 5 Сентября 1608 г., въ станѣ Сапѣги Марина тайно повѣнчана со вторымъ Самозванцемъ, и тѣмъ дала ему новую силу дѣйствовать на легковѣрныхъ. Пламя мятежа охватило всю Россію. Только Лавра, Коломна, Переяславль Рязанскій, Смоленскъ, Новгородъ, Нижній, Саратовъ, Казань и города Сибирскіе оставались вѣрны Шуйскому; всѣ остальные города подчинились Тушинскому Вору. Онъ господствовалъ отъ Десны до Чудскаго и Бѣлаго озера, отъ Двины до Каспійскаго моря и считалъ себя уже обладателемъ всей Россіи.

Близость Тушинскаго лагеря развращала Московское служилое сословіе. Сегодня цѣловали крестъ Василію, завтра толпами бѣжали въ Тушино къ Самозванцу. «Развратъ былъ столь ужасенъ, что родственники и ближніе уговаривались между собою: кому оставаться въ Москвѣ, кому ѣхать въ Тушино, чтобы пользоваться выгодами той и другой стороны; и въ случаѣ несчастья здѣсь или тамъ имѣть заступника. Вмѣстѣ отобѣдавъ и попировавъ, одни спѣшили къ царю въ Кремлевскія палаты, другіе къ царику: такъ именовали второго Лже-

Димитрія. Взявъ жалованье изъ казны Московской, требовали много изъ Тушинской, и получали. Купцы и дворяне за деньги снабдѣвали станъ непріятельскій яствами, солью, платьемъ, оружіемъ, и не тайно: знали, видѣли и молчали». (Карамзинъ, X, 105). Изъ разныхъ городовъ, изъ самаго войска царскаго пріѣзжали къ злодѣю дворяне, люди чиновные, стольники князья Димитрій Трубецкой, Черкасскій, Алексѣй Сицкій, Засѣкины, Михаилъ Бутурлинъ, дьякъ Грамотинъ, Третьяковъ и другіе, которые знали перваго Лже-Димитрія и, слѣдовательно, знали обманъ второго, и все-таки служили ему. Въ числѣ этихъ измѣнниковъ находился и знатнѣйшій вельможа, дворецкій Отрепьева князь Рубецъ-Мосальскій. Тушинскіе отряды рыскали по всей Россіи, все грабили, все жгли и опустошали. Въ этихъ опустошеніяхъ сами Русскіе проявляли еще бо́льшую жестокость, чѣмъ Поляки. «Путеводителями, наставниками и хранителями Ляховъ были наши измѣнники, первые и послѣдніе въ кровавыхъ сѣчахъ. Ляхи съ оружіемъ въ рукахъ только смотрѣли и смѣялись безумному междоусобію. Въ лѣсахъ, болотахъ непроходимыхъ Россіяне указывали или готовили имъ путь и числомъ превосходнымъ берегли ихъ въ опасностяхъ, умирали за тѣхъ, которые обходились съ ними, какъ съ рабами. Всѣхъ твердыхъ въ добродѣтели предавали жестокой смерти; метали съ крутыхъ береговъ въ глубину рѣкъ, разстрѣливали изъ луковъ и самопаловъ; въ глазахъ родителей жгли дѣтей; носили головы ихъ насабляхъ и копьяхъ; грудныхъ младенцевъ, вырывая изъ рукъ матерей, разбивали о камни» (Карамзинъ, XII, 132—134). «Гибли Отечество и Церковь, храмы истиннаго Бога разорялись». «Граждане и земледѣльцы жили въ дебряхъ, въ лѣсахъ и въ пещерахъ недовѣдомыхъ, или въ болотахъ, только ночью выходя осушиться. И лѣса не спасали: люди, уже покинувъ звѣроловство, ходили туда съ чуткими псами на ловлю людей»... Не свѣтомъ луны, а пожарами озарялись ночи; ибо грабители жгли, чего не могли взять съ собою, домы и все, да будетъ Россія пустыня необитаемая» (тамъ же, стр. 135). Русскій человѣкъ, предавшійся Тушинцамъ, смотрѣлъ на приверженцевъ Шуйскаго, какъ на своихъ заклятыхъ враговъ, которые могутъ лишить его всѣхъ выгодъ, пріобрѣтенныхъ въ Тушинѣ. Козаки тоже полагали, что имъ, для ихъ благополучія, нужно пустошить государство, истреблять всѣхъ не-казаковъ. Поборы на Тушинскаго царя и на содержаніе его союзниковъ (Поляковъ и козаковъ) сопровождались страшнымъ насиліемъ, а Тушинская власть ничего не могла сдѣлать для защиты своихъ подданныхъ.

Въ половинѣ 1608 года царь Василій Ивановичъ, видя мятежь въ народѣ умножающимся и междоусобную брань возрастающую, рѣшился послать племянника своего М. В. Скопина въ Новгородъ, чтобы нанять у Шведскаго короля воиновъ. Изъ Новгорода, для переговоровъ со Шведами, былъ отправленъ шуринъ князя Михаила Васильевича Семенъ Васильевичъ Головинъ и дьякъ Сыдавный-Васильевъ. Пока это посольство справляло свое дѣло, князь Скопинъ занялся устройствомъ Новгородской рати и послалъ во Псковъ, чтобы собрать тамъ ратныхъ людей; но посланные возвратились съ извѣстіемъ, что Псковичи

сдались Вору и цѣловали ему крестъ. Въ Новгородѣ была тоже открыта измѣна, и оставаться тамъ Скопину сдѣлалось опасно, почему онъ тайно ушелъ изъ Новгорода къ Иванъ-городу. Здѣсь онъ узнаетъ, что жители этого города предались Вору. Тогда Скопинъ направляется къ Орѣшку, гдѣ воеводою былъ тогда Михаилъ Салтыковъ. Этотъ воевода не только не пустилъ къ себѣ князя Скопина, но еще сталъ ему дѣлать разныя утѣсненія. Къ счастью за это время митрополитъ Исидоръ сумѣлъ утишить волненіе въ Новгородѣ, и всѣ Новгородцы отправили пословъ къ князю Скопину просить его возвратиться въ Новгородъ, обѣщаясь умереть за вѣру, царя и Московское государство. Скопинъ охотно возвратился въ Новгородъ и отсюда дѣйствовалъ на весь сѣверный край чрезъ Вологду и Каргополь. Города, ставшіе противъ воровъ, начали смотрѣть на Новгородъ, какъ на свое средоточіе и опору. Устюжане, напр., посылаютъ къ Скопину за порохомъ, и онъ не только посылаетъ имъ пороху, но еще сто ратныхъ людей со всякимъ ратнымъ оружіемъ. Скопинъ прислалъ въ Вологду своихъ воеводъ, Бороздина и Вышеславцева со много силою.

Въ Февралѣ 1609 года былъ окончательно выработанъ договоръ между Головинымъ и Шведскими уполномоченными въ Выборгѣ. Въ концѣ Марта того же 1609 года къ Новгороду стала подходить наемная рать, состоявшая изъ 15,000 наемныхъ разныхъ иноземцевъ, подъ начальствомъ Делагарди. Съ этимъ наемнымъ войскомъ и войсками, собранными въ Новгородѣ и поморскихъ городахъ, Скопинъ приступилъ къ очищенію Московскаго государства отъ воровскихъ шаекъ. 10-го Мая 1609 года онъ вывелъ союзную рать изъ Новгорода. 24-го Іюня къ нему присоединился князь Барятинскій съ 3,000 дѣтей боярскихъ и земледѣльцевъ изъ Смоленскихъ уѣздовъ. Союзники спѣшили къ Твери. Тамъ засѣли Керносицкій и Зборовскій. Несмотря на помощь изъ Тушина, они были разбиты. Тверь взята и противники обращены въ бѣгство. Зборовскій хотѣлъ устроить измѣну въ Шведскомъ войскѣ и написалъ льстивое письмо къ Делагарди о правахъ мнимаго Димитрія. На это письмо Делагарди отвѣчалъ: «Мое дѣло воевать, а не разсуждать съ вами о Димитріяхъ». Близъ Калязина монастыря Скопинъ разбилъ соединенныя войска Сапѣги, Зборовскаго, Лисовскаго и атамана Заруцкаго. Вѣсть о побѣдахъ Скопина достигла Москвы и воодушевила ея жителей; такъ что, когда Тушинскій Воръ, по совѣту Бобовскаго, сдѣлалъ смѣлый натискъ на Москву, то Московское войско одержало блестящую побѣду надъ соединенными войсками Вора, Рожинскаго и Заруцкаго. Между тѣмъ князь Скопинъ пришелъ въ Александровскую Слободу, гдѣ рѣшился дождаться войска Ѳ. И. Шереметева, который шелъ изъ Астрахани, подчиняя на своемъ пути всѣ города подъ власть царя Василія Ивановича.

Сигизмундъ могъ спокойно выжидать паденія Московскаго государства и заниматься внутренними дѣлами Польши пока Москва не заключила союза съ Шведскимъ королемъ и Поляки вмѣстѣ съ Воромъ владѣли Русскою землею; но какъ скоро выступили на сцену Шведы и начались успѣхи Московскаго войска, то онъ долженъ былъ дѣйствовать. 20 Сентября 1609 года онъ вторгнулся въ Русскую землю, оса-

дилъ Смоленскъ и отправилъ посольство въ Тушино. Это посольство, именемъ короля, должно было объявить всѣмъ подданнымъ короля, находившимся въ войскѣ Тушинскаго Вора, чтобы они явились подъ знамёна Польши. Король, основываясь на словахъ Русскихъ измѣнниковъ, воображалъ, что ему стоитъ появиться подъ стѣнами Смоленска, и Смоленскъ падетъ къ его ногамъ; но Смольняне рѣшились на упорное сопротивленіе, и король увидалъ, что съ тѣми войсками, которыми онъ располагалъ, ему не взять Смоленска. Хотя не всѣ Поляки подчинились повелѣнію короля, но многіе исполнили его волю. Съ уменьшеніе численности въ войскахъ Тушинскаго лагеря Самозванецъ не могъ уже считать себя безопаснымъ въ Тушинѣ и бѣжалъ въ Калугу. Тогда Рожинскому съ товарищами пришлось вступить въ соглашеніе съ королемъ и умѣрить свои требованія. Прежде Тушинскіе послы изъ Ляховъ требовали у короля милліоновъ для войска, для Марины Новгородъ и Псковъ, для ея мужа особаго княжества. Потомъ Рожинскій просилъ короля немедленно прибыть въ Тушино; но король не трогался изъ подъ Смоленска и не высылалъ никого въ Тушино для окончательныхъ переговоровъ съ такъ называемымъ рыцарствомъ.

Сапѣга, стѣсненный съ одной стороны Скопинымъ изъ Александровской Слободы, съ другой Ѳедоромъ Шереметевымъ и войсками царя Шуйскаго, не могъ уже продолжать осаты Троицкаго монастыря, снялъ ее и съ малымъ отрядомъ расположился близъ Дмитрова; большая же часть его войска отправилась за Волгу, для сбора припасовъ. Въ Февралѣ 1609 года Русскіе и Шведы подошли къ Дмитрову. Сапѣга вышелъ къ нимъ навстрѣчу и былъ разбитъ; но самаго Дмитрова союзникамъ не удалось взять, такъ какъ тамъ засѣли Донцы. Марина, бывшая въ лагерѣ Сапѣги, закричала имъ: «Чтò вы дѣлаете, негодяи? Я женщина, а не потеряла духа». Видя, что дѣла Сапѣги идутъ дурно, она рѣшилась отправиться въ Калугу. Сапѣга не хотѣлъ отпускать ее. Она заподозрила его, что онъ хочетъ выдать ее королю и сказала ему: «Не будетъ того, чтобы ты мною торговалъ; у меня есть свои Донцы; если будешь меня останавливать, то я дамъ тебѣ битву». Сапѣга не посмѣлъ мѣшать Маринѣ, и она отправилась въ Калугу. Какъ только возвратились его отряды изъ-за Волги, Сапѣга двинулся къ Волоколамску. Предоставляя лагерь Тушинскій его судьбѣ, онъ направился къ предѣламъ Калужскимъ и Смоленскимъ.

Въ первыхъ числахъ Марта 1610 года, Рожинскій принужденъ былъ покинуть Тушино. Онъ зажегъ станъ и двинулся по дорогѣ къ Іосифову монастырю въ Волоколамскъ. Тамъ онъ умеръ. Съ его смерти распалось и его войско: одни ушли къ Сигизмунду, другіе къ Самозванцу, третьи къ Сапѣгѣ.

III.

Друзья воеводы Сендомирскаго доказывали на сеймѣ, что торжество Димитрія — торжество Польши, что нужно закончить начатое дѣло силами республики: дать корону Димитрію, взять Смоленскъ и другія прежде бывшія Литовскія земли для Польши. Но король не былъ расположенъ исполнять честолюбивые замыслы этого воеводы.

Еще въ царствованіе перваго Лжедимитрія посолъ Безобразовъ отъ лица Шуйскихъ и Голицыныхъ передалъ Сигизмунду, что *бояре* недовольны Лжедимитріемъ и *желали бы, чтобы въ ихъ государствѣ царствовалъ королемъ Владиславъ*. (Записки Жолкѣвскаго о Моск. войнѣ, стр. 10). Когда дѣла въ Тушинѣ пошли дурно, то вмѣстѣ съ Польскими и Литовскими послами отправились подъ Смоленскъ къ королю и измѣнники Московскіе съ Михаиломъ Салтыковымъ во главѣ. Бояре Московскіе говорили посламъ короля, что хотятъ до того довести, что Василій добровольно откажется отъ престола, если бы только король вступился въ это дѣло и далъ имъ на царство сына своего Владислава (Тамъ же, стр. 15). 14 Февраля 1610 года заключенъ договоръ между королемъ Сигизмундомъ и бояриномъ Михаиломъ Глѣбовичемъ Салтыковымъ съ товарищи, и данъ былъ листъ за королевскою рукою и печатію «на чемъ договоръ былъ и присягалъ король Сигизмундъ боярину Михаилу Глѣбовичу». Въ этомъ договорѣ статья первая гласитъ: «Когда король захочетъ великимъ господаремъ царемъ и великимъ княземъ учинити сына своего Владислава», то чтобы онъ помазанъ былъ отъ руки патріарха» (Примѣч. къ Записк. Жолкѣв., № 20). Можетъ быть, Сигизмундъ повелъ бы дѣло о воцареніи Владислава болѣе настойчивѣе, если бы въ Польшѣ не распространилось мнѣніе, что онъ затрачиваетъ силы государства для выгодъ своей семьи, а не Польской республики. Во всякомъ случаѣ договоромъ Сигизмунда съ Салтыковымъ положено было основаніе для признанія Владислава царемъ Россійскаго государства.

Между тѣмъ, казалось, дѣла царя Василія поправлялись: племянникъ его Скопинъ освободилъ Троицкую Лавру и 2 Марта 1610 года торжественно вступилъ въ Москву. Восторженный пріемъ, который оказали Москвичи Скопину и въ особенности предложеніе ему Прокофіемъ Ляпуновымъ еще въ Александровской Слободѣ царскаго вѣнца были причиною недовѣрія къ нему въ семействѣ Шуйскихъ. Царь задерживалъ въ Москвѣ Скопина, не смотря на необходимость скорѣе идти на врага. 23 Апрѣля 1610 года, когда походъ Скопина на Смоленскъ былъ уже рѣшенъ, онъ былъ приглашенъ на пиръ княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ Шуйскимъ. Тутъ жена князя Дмитрія, княгиня Екатерина, дочь Малюты Скуратова, поднесла кубокъ почетному гостю. Какъ только выпилъ Скопинъ, у него открылось неудержимое носовое кровотеченіе, отъ чего онъ умеръ. Прокофій Ляпуновъ всенародно объявилъ Дмитрія Шуйскаго и даже самого царя виновными въ этой смерти. Княжество Рязанское все отложилось отъ Москвы, за исключеніемъ Зарайска, гдѣ воеводою былъ князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, который не присоединился къ Прокофію Ляпунову и донесъ царю Василію объ измѣнѣ Ляпунова.

Войско, предназначенное подъ Смоленскъ, получило новаго воеводу въ лицѣ царскаго брата Дмитрія Ивановича Шуйскаго, котораго всѣ считали виновникомъ смерти князя Скопина. Шведы, уже два раза бунтовавшіе подъ начальствомъ Скопина, были менѣе надежны подъ начальствомъ Шуйскаго. Союзное войско шло подъ Смоленскъ, откуда, по распоряженію Сигизмунда, шелъ гетманъ Жолкѣвскій съ

двумя тысячами всадниковъ и тысячью пѣхоты. Съ этимъ войскомъ Жолкѣвскій сначала двинулся къ Бѣлому, который былъ осажденъ княземъ Хованскимъ и Горномъ съ 6500 воиновъ. Эти воеводы уклонились отъ битвы и поспѣшили соединиться съ главнымъ войскомъ, находившимся подъ начальствомъ Дмитрія Шуйскаго, который стоялъ въ Можайскѣ. Шесть тысячъ дѣтей боярскихъ подъ начальствомъ князя Елецкаго и Валуева было отдѣлено Дмитріемъ Шуйскимъ отъ главнаго войска и послано къ Цареву-Займищу, чтобы тамъ укрѣпиться и быть щитомъ для главнаго войска. Жолкѣвскій, соединившись съ остатками Тушинскаго войска, приведеннаго къ нему Зборовскимъ, 13 Іюня 1610 года подступилъ къ Цареву-Займищу, и хотя имѣлъ перевѣсъ въ сраженіи съ Елецкимъ и Валуевымъ, но укрѣпленій не могъ взять; а между тѣмъ онъ узналъ, что Дмитрій Шуйскій и Делагарди идутъ изъ Можайска на соединеніе съ Елецкимъ и Валуевымъ. Сподвижники гетмана смутились: войско стояло между двумя отдѣлами большой Московской рати. Гетманъ былъ увѣренъ, что отступленіе не только было бы постыдно, но и опасно, и потому рѣшился встрѣтить войско Дмитрія Шуйскаго на походѣ. Оставивъ всю свою пѣхоту и 700 всадниковъ противъ Елецкаго и Валуева, онъ тихо снялся съ лагеря съ остальнымъ войскомъ и направился къ Клушину, гдѣ, какъ узналъ отъ захваченныхъ дѣтей боярскихъ, будетъ находиться войско Шуйскаго. Вечеромъ 23-го Іюня въ глубокой тишинѣ Жолкѣвскій выступилъ на встрѣчу Шуйскому съ десятью тысячами всадниковъ и легкими пушками. Медленно по дурной и узкой дорогѣ гетманъ прошелъ ночью двадцать верстъ и только на разсвѣтѣ подошелъ къ Клушину и увидалъ Московскій лагерь, раскинутый на полѣ между двумя деревнями и лѣсомъ. Весь лагерь покоился сномъ. Зная малочисленность Польскаго войска, имѣя впереди себя отрядъ войска Елецкаго и Валуева, Русскіе и Шведы не ожидали на себя нападенія. Жолкѣвскій приказалъ зажечь плетни, окружавшіе деревни, чтобы они не мѣшали его конницѣ. Трескъ отъ огня и дымъ разбудили спящихъ. Шуйскій и Делагарди спѣшили устроить свои войска: конницу впереди, пѣхоту за нею въ кустарникѣ. Шведы и Русскіе стояли отдѣльно одни отъ другихъ. Они думали, что Поляки намѣренно не нападаютъ на нихъ, давая время имъ приготовиться; на самомъ же дѣлѣ Жолкѣвскій поджидалъ отставшія свои пушки и усталыхъ воиновъ. Когда всѣ воины и пушки подошли, гетманъ, устроивъ свои войска, барабаннымъ боемъ и трубами подалъ знакъ къ бою. Русскихъ было до 40,000, Шведовъ до 8,000 (хотя жалованья они получали на 10,000). Битва продолжалась долго. Какъ Поляки, такъ и Русскіе, особенно иноземцы, нѣсколько разъ возобновляли дѣло. Наконецъ Москвитяне не выдержали и обратились въ бѣгство. Поляки преслѣдовали ихъ. Скоро и Нѣмцы дали тылъ; а трехтысячный отрядъ иноземной конницы, хотя занималъ выгодное положеніе у лѣса, вступилъ съ гетманомъ въ переговоры и сдался добровольно. Сдача Нѣмецкой конницы рѣшила дѣло. Все Русское войско обратилось въ неудержимое бѣгство. Князь Дмитрій Шуйскій бѣжалъ такъ поспѣшно, что оставилъ все свое имущество въ добычу непріятелю, увязилъ своего коня въ болотѣ, потерялъ обувь и босой

на тощей крестьянской клячѣ пріѣхалъ въ Можайскъ. Въ монастырѣ онъ досталъ себѣ лошадь и обувь и немедленно отправился въ Москву. Битва эта происходила 24-го Іюня 1610 года. На слѣдующій день Жолкѣвскій возвратился къ Цареву-Займищу. Валуевъ ничего не зналъ о выступленіи и возвращеніи Жолкѣвскаго. Ночью воины Жолкѣвскаго начали кричать о пораженіи войска Дмитрія Шуйскаго. Войско Елецкаго и Валуева не вѣрило этому. На слѣдующій день утромъ гетманъ приказалъ показать всѣмъ знамена и плѣнниковъ, совѣтуя Валуеву, если онъ не вѣритъ, послать на мѣсто битвы своихъ людей. Валуевъ послалъ людей и убѣдился въ справедливости словъ гетмана, который не хотѣлъ задерживаться долго подъ укрѣпленіемъ и желалъ какъ можно скорѣе идти къ столицѣ, брать же городокъ было дѣло трудное. Елецкій и Валуевъ охотно вступили въ переговоры, гетманъ съ своей стороны тоже охотно принялъ ихъ предложеніе. Москвитяне удовольствовались тѣмъ, на что уже согласился король въ переговорахъ подъ Смоленскомъ съ Михаиломъ Салтыковымъ. Гетманъ на тѣхъ же условіяхъ заключилъ съ войскомъ Елецкаго и Валуева договоръ, и они присягнули королевичу Владиславу на вѣрность и подданство и немедленно присоединились къ войску гетмана «и остались довольно вѣрными и доброжелательными. Они часто приносили гетману изъ столицы многія извѣстія, входя въ сношенія съ своими, и переносили письма, которыя гетманъ писалъ въ столицу къ нѣкоторымъ лицамъ, какъ равно и универсалы, писанные съ намѣреніемъ погубить Шуйскаго» (Зап. Жолкѣв., стр. 64).

Дмитрій Шуйскій явился въ Москву и сообщилъ царю о своемъ пораженіи при Клушинѣ. Въ Москвѣ сдѣлалось страшное смятеніе: ждали ежеминутно гетмана, боялись страшно Самозванца и Сапѣги. И въ самомъ дѣлѣ, гетманъ спѣшилъ въ Москву, а) чтобы не дать возможности царю оправиться отъ пораженія, б) чтобы не дать возможности Самозванцу воспользоваться Польскою побѣдой. «Гетманъ посылалъ тайнымъ образомъ въ Москву много писемъ съ универсалами, для возбужденія ненависти противъ Шуйскаго, указывая, какъ, въ царствѣ Московскомъ, въ его правленіе, все идетъ дурно, и какъ чрезъ него и за него безпрестанно проливалась христіанская кровь» (Записк. Жолкѣв., стр. 67). Возваніе Жолкѣвскаго, распространенное въ Москвѣ единомышленниками Салтыкова, было таково: «Виною всѣхъ нашихъ золъ есть Шуйскій; отъ него царство въ крови и пеплѣ. Для одного человѣка гибнуть милліонамъ? Спасеніе передъ вами. Побѣдоносное королевское войско и новый царь благодатный: да здравствуетъ Владиславъ!» (Карамзинъ, XII, 231). Царь Василій Ивановичъ Шуйскій звалъ въ Москву войска изъ провинціи; но города не высылали ни одного воина. Рязанскій воевода Ляпуновъ не велѣлъ своимъ Рязанцамъ слушаться царя и вмѣстѣ съ княземъ В. В. Голицынымъ крамольствовалъ въ столицѣ. Тушинскій Воръ и Сапѣга надѣялись, явившись ранѣе гетмана подъ Москвою, взять ее. Они полагали, что Москва въ ужасѣ скорѣе сдастся Самозванцу, чѣмъ войску короля Польскаго; но царь болѣе всего опасался Самозванца. Жители Коломны измѣнили царю Василію. Не слушая своего епископа Іосифа,

народъ кричалъ, что Василію уже не быть царемъ, что лучше служить Димитрію, чѣмъ Сигизмунду. Воеводы Коломенскій и Каширскій, по принужденію народа, присягнули Самозванцу. Ненавистники Василія громогласно требовали его сверженія. «Онъ сѣлъ на престолъ, говорили они, безъ вѣдома земли Русской, для того земля раздѣлилась, для того льется кровь христіанская. Братья Васильевы ядомъ умертвили племянника своего, а нашего отца защитника. Не хотимъ царя Василія» (Карамз., XII, стр. 235).

Не хотимъ ни Самозванца, ни Ляховъ! прибавляли многіе, слѣдуя внушенію Ляпунова, брата его Захара и князя Василія Голицына. Князья Сицкій и Засѣкинъ, дворяне Нагой, Сумбуловъ, Плещеевъ, дьякъ Третьяковъ и другіе съѣхались на полѣ у Данилова монастыря съ представителями Москвы, мирно разсуждали о чрезвычайно трудныхъ обстоятельствахъ государства, о вѣрнѣйшихъ средствахъ его спасенія, наконецъ дали клятву другъ другу, что Москвитяне оставятъ Василія, а Тушинцы Лже-Димитрія и потомъ вмѣстѣ изберутъ царя и выгонятъ Ляховъ. Этотъ договоръ въ Москвѣ на Лобномъ мѣстѣ объявили Захаръ Ляпуновъ и дворянинъ Хомутовъ, въ присутствіи множества знатныхъ людей, гостей, купцовъ и простого народа. Всѣ изъявили радость и свое согласіе на такое рѣшеніе. Но въ этомъ собраніи не было ни знатнаго духовенства, ни знатнаго боярства; поэтому участники его отправились въ Кремль, взяли патріарха, знатныхъ бояръ и направились къ Серпуховскимъ воротамъ. Тамъ они говорили, что «земля Сѣверская и всѣ бывшіе слуги Дмитріевы немедленно возвратятся подъ сѣнь отечества, какъ скоро не будетъ Шуйскаго, для нихъ ненавистнаго и страшнаго; что государство безсильно только отъ раздѣленія силъ; соединится, усмирится, и враги исчезнутъ» (Карамз., XII 236).

Одинъ патріархъ Ермогенъ возсталъ противъ общаго рѣшенія. Онъ заявилъ, что спасенія не можетъ быть тамъ, гдѣ нѣтъ благословенія свыше, что измѣна царю есть злодѣйство, всегда казнимое Богомъ и она не избавитъ, а еще глубже погрузитъ Россію въ бездну золъ. Патріарха не послушали, и онъ удалился, чтобы не быть свидѣтелемъ дѣла мятежнаго. По уходѣ патріарха, собраніе единогласно постановило: «1) бить челомъ Василію да оставитъ царство и да возметъ себѣ въ удѣлъ Нижній-Новгородъ; 2) уже никогда не возвращать ему престола, но блюсти жизнь его, царицы и братьевъ; 3) цѣловать крестъ всѣмъ міромъ въ неизмѣнной вѣрности церкви и государству, для истребленія всѣхъ злодѣевъ, Ляховъ и Лже-Димитрія; 4) всею землею выбрать въ цари, кого Богъ дастъ, а пока ею управлять боярамъ, князю Мстиславскому съ товарищи, коихъ власть и судъ будутъ священны; 5) въ сей думѣ верховной не сидѣть Шуйскимъ, ни князю Димитрію, ни князю Ивану; 6) всѣмъ забыть вражду личную, месть и злобу, всѣмъ помнить только Бога и Россію».

17-го Іюля 1610 года князь Воротынскій, Ляпуновъ и другіе заговорщики отправились къ царю. Захаръ Ляпуновъ сказалъ ему: «Василій Ивановичъ! Ты не умѣлъ царствовать, отдай же вѣнецъ и скипетръ». Шуйскій закричалъ: «Какъ смѣешь ты?» и вынулъ ножъ

изъ-за пояса. Ляпуновъ былъ мужчина большого роста, дюжій и смѣлый; онъ въ свою очередь закричалъ на царя: «Не бросайся на меня; какъ возьму тебя въ руки, такъ всего изомну». Другіе хотѣли убѣдить царя повиноваться волѣ народной; но Василій отвергъ всѣ предположенія и волю мятежниковъ не признавалъ волею народной. Его силою перевезли изъ Кремлевскихъ палатъ въ его старый домъ.

По низверженіи Василія, Захаръ Ляпуновъ и его сообщники немедленно извѣстили Тушинскихъ измѣнниковъ у Даниловскаго монастыря о томъ, что Шуйскій сведенъ съ престола и что Москва, согласно договору, ждетъ отъ нихъ связаннаго Лже-Димитрія. Тушинцы отвѣчали: «Хвалимъ ваше дѣло; вы свергли царя беззаконнаго, служите же истинному. Да здравствуетъ сынъ Іоанновъ! Если вы клятвопреступники, то мы вѣрны въ обѣтахъ. Умремъ за Димитрія».

Москвитяне, обманутые и осмѣянные злодѣями, изумились и не знали, что̀ дѣлать. Ермогенъ вышелъ къ народу, молилъ и заклиналъ снова возвести Василія на царство; но убѣжденіямъ патріарха не внимали, отчасти изъ боязни мести со стороны Шуйскаго. Патріархъ продолжалъ считать свергнутаго Шуйскаго царемъ. Многіе раздѣляли его мнѣніе. Самъ Шуйскій еще надѣялся царствовать: онъ сносился съ своими приверженцами, число которыхъ даже умножалось, подкупалъ стрѣльцовъ. «У Шуйскаго было много денегъ и сокровищъ, которыми онъ могъ поддержать войну и права свои», говоритъ Жолкѣвскій (Записки, 64); поэтому заговорщики рѣшились прибѣгнуть къ крайнимъ средствамъ. «На третій день по низверженіи царя, 19-го Іюля, Захаръ Ляпуновъ, князь Засѣкинъ, Тюфякинъ, Меринъ-Волконскій, Михаилъ Аксеновъ и другіе взяли съ собою монаховъ изъ Чудова монастыря, вошли къ отставленному царю и объявили ему, что, для успокоенія народа, онъ долженъ постричься. Шуйскій отказался и отчаянно боролся съ Захаромъ Ляпуновымъ и его товарищами, которые держали царя насильно во время постриженія. «Царь же Василій не даде отвѣта противъ вопрошенія цостригательнаго; тогда выступи единъ отъ заводчиковъ, князь Василій Тюфякинъ, начатъ отрицанія творити за царя Василія, и тако постригоша его за отрицаніемъ князя Василія Тюфякина; такожде и царицу его постригоша въ Вознесенскомъ монастырѣ, такожде безъ отвѣту постригательнаго; царя же Василія отвезоша въ Чудовъ монастырь» (Новой Лѣтоп., 120).

Постриженіе это, какъ насильственное, не могло имѣть значенія: патріархъ не признавалъ царя Василія монахомъ, а считалъ таковымъ князя Василія Тюфякина; молился за Шуйскаго въ церкви, какъ за царя и приказалъ тоже всему духовенству.

IV.

Въ Смутное время только одно сословіе духовное не запятнало себя предъ церковью и отечествомъ. «Въ духовенствѣ особенно сіяла доблесть» (Карамз., X, 136). «Немногіе изъ священниковъ уцѣлѣли, ибо всегда противились бунту». Они видѣли, что опасность грозитъ не только народной самостоятельности, но и самой народной вѣрѣ.

Затѣмъ они знали, какимъ гоненіямъ подвергаются православные христіане въ Западной Руси отъ того же Сигизмунда, который увѣрялъ, что онъ «самъ идетъ съ большимъ войскомъ не для того, чтобъ проливать кровь Русскую, но чтобъ оборонять Русскихъ людей, стараясь болѣе всего о сохраненіи Русской вѣры» (Соловьевъ, VIII, 287). «Купцы изъ юго-западной Россіи, находившіеся въ Москвѣ, дали знать ея жителямъ, чтобъ они не вѣрили обѣщаніямъ человѣка, введшаго Унію» (Соловьевъ, VIII, 299). Духовенство стало на защиту вѣры, отечества и царской власти. Патріархъ Іовъ постоянно утверждалъ, что первый Димитрій Самозванецъ. «Я давалъ вамъ, говорилъ онъ въ 1607 году 20-го Февраля въ Успенскомъ соборѣ, страшную на себя клятву въ удостовѣреніе, что онъ Самозванецъ: вы не хотѣли мнѣ вѣрить». Всѣ наши епископы скрѣпили патріаршую грамоту своими печатями, клятвенно свидѣтельствуя, что они всѣ знали Отрепьева монахомъ (Карамз., XI, 141). Предъ всѣмъ народомъ 1-го Іюня 1605 года, во время литургіи, патріархъ громогласно говорилъ предъ образомъ Владимирской Богоматери: «Здѣсь предъ сею святою иконою я былъ удостоенъ сана архіерейскаго и 19 лѣтъ хранилъ цѣлость вѣры; нынѣ вижу бѣдствіе церкви, торжество обмана и ереси. Матерь Божія, Спаси православіе!» (Карамз., XI, 194). «Въ 7113 г. (7605) бысть въ Астрахани смятеніе великое о признаніи царемъ растриги Гришки Отрепьева. Святитель Астраханскій Θеодосій мужественно тому противился, внушая народу, что именующійся царемъ Дмитріемъ Ивановичемъ есть Самозванецъ, похититель царскаго имени, неправедный и нечестивый; народъ же его за сіе хотѣлъ убити, почему и отвезли его изъ дому архіерейскаго въ Троицкій монастырь подъ стражу. Потомъ съ безчестіемъ отвезли его въ Москву и представили предъ нечестиваго онаго Самозванца - растригу, который съ великимъ гнѣвомъ и устрашеніемъ сказалъ: Астраханскія всѣ смуты отъ тебя, и людемъ ты говоришь и меня называешь непрямымъ царемъ; да кто, де я? Архіепископъ же ему небоязненно отвѣчалъ: вѣдаю, де, что ты называешься царемъ, но прямое, де, твое имя Богъ вѣсть; ибо, де, прирожденный царевичъ Димитрій Іоанновичъ убіенъ на Угличѣ, и мощи его тамо» (Сборникъ Платона Любарскаго, стр. 196).

Когда жители Переяславля Залѣсскаго вмѣстѣ съ Ляхами напали на Ростовъ, у котораго не было крѣпкихъ стѣнъ для защиты, то граждане предложили своему митрополиту Филарету удалиться съ ними въ Ярославль; но онъ имъ сказалъ, что не бѣгствомъ, а кровію нужно спасать отечество, что великодушная смерть лучше жизни срамной, что есть другая жизнь и вѣнецъ мучениковъ для христіанъ, вѣрныхъ царю и Богу. Видя бѣгство народа, Филаретъ съ немногими усердными воинами и гражданами заперся въ соборной церкви; всѣ исповѣдались, причастились Святыхъ Таинъ и ждали непріятеля. Переяславцы осадили храмъ и ломились въ двери. Двери пали; въ самомъ храмѣ началась битва, и храмъ наполнился трупами. Съ митрополита сорвали святительскія ризы, одѣли въ рубище и какъ плѣнника повели въ Тушинскій лагерь.

Архіепископъ Тверской Ѳеоктистъ, при нападеніи измѣнниковъ на Тверь, когда гражданское начальство ничего не сдѣлало для защиты города, ополчилъ духовенство, людей приказныхъ, собственныхъ дѣтей боярскихъ, гражданъ, разбилъ многочисленную шайку злодѣевъ и послалъ къ государю нѣсколько сотъ плѣнныхъ. До послѣдняго издыханія онъ боролся съ измѣною и принялъ въ плѣну мученическій вѣнецъ.

Архіепископъ Суздальскій Галактіонъ, не взирая на страшныя угрозы, отказался благословить Самозванца и умеръ въ изгнаніи.

Іосифъ Коломенскій, взятый въ плѣнъ и влачимый на пушкѣ, остается вѣренъ царю и не признаетъ Самозванца.

Геннадій Псковскій безбоязненно обличаетъ мятежниковъ.

Троицкая лавра съ горстью своихъ защитниковъ, менѣе трехъ тысячъ человѣкъ, мужественно сопротивлялась тридцати-тысячному войску Сапѣги и Лисовскаго, искуснѣйшимъ воинамъ Смутнаго времени, и съумѣла отстоять себя въ теченіе шестнадцати мѣсяцевъ, съ 23-го Сентября 1608 г. по 12-е Генваря 1610 года.

Протопопъ Новгородскій Амосъ мужественно отбивается отъ Шведовъ, которые не могутъ его одолѣть, а сжигаютъ вмѣстѣ съ домомъ.

Митрополитъ Казанскій Ефремъ закрываетъ церкви въ Свіяжскѣ и предаетъ отлученію всѣхъ его жителей за измѣну царю Василію Ивановичу, и тѣмъ возвращаетъ жителей Свіяжска къ повиновенію законной власти.

Въ Тотемской рати предводителемъ былъ вдовый попъ Третьякъ Симакинъ.

Въ числѣ Солигалицкихъ руководителей были священники церквей Солигалича, скрѣпившіе своими руками за весь городъ городскую отписку (Очеркъ Смуты, Платонова, 461).

Еслибы всѣ Русскіе люди были проникнуты такимъ же духомъ любви и преданности къ родинѣ, никогда ничтожная горсть Поляковъ не могла бы произвести такого ужаснаго опустошенія, какое она произвела въ Русскомъ государствѣ. Къ сожалѣнію, наше служилое сословіе съ своей стороны дѣлало все, чтобы погубить государство.

Въ это-то тяжкое время самоотверженно сталъ на защиту отечества и церкви патріархъ Ермогенъ. Хотя дѣло избавленія совершилось уже послѣ его смерти, но оно принадлежитъ, главнымъ образомъ, ему. Его мученическая смерть побудила истинно-Русскихъ людей стать за вѣру, за избраніе царя изъ Русскихъ.

V.

У насъ нѣтъ свѣдѣній ни о времени, ни о мѣстѣ рожденія патріарха Ермогена, ни объ его родѣ. Судя по тому, что во время занятія Поляками Кремля (1610 г.), Ермогенъ былъ уже восьмидесятилѣтній старикъ (Карамз., XII, 260), нужно думать, что онъ родился около 1530 года. Такъ какъ Казань была взята Русскими въ 1552 году, т.-е. двадцать одинъ годъ спустя послѣ его рожденія, то нужно полагать, что онъ родился не въ Казани, гдѣ началась его общественная

дѣятельность. Александръ Гонсѣвскій, бывшій начальникомъ Польскихъ войскъ въ Москвѣ, въ 1615 году, на съѣздѣ пословъ Русскихъ и Литовскихъ представлялъ письмо Московскаго священника, въ которомъ сообщалось, что прежде патріархъ Ермогенъ былъ въ Донскихъ казакахъ, а потомъ священникомъ въ Казани (Истор. Русск. церкви Макарія, 127). Въ такъ называемомъ Дневникѣ Марины есть прямое указаніе о томъ, что патріархъ Ермогенъ былъ родственникомъ царю В. И. Шуйскому (Сказан. Современ. Устрял., II 194); но С. Ѳ. Платоновъ считаетъ, что Устряловъ ошибся въ переводѣ слова родственникъ. Есть еще мнѣніе, но неподтвержденное документально о томъ, что патріархъ Ермогенъ происходилъ изъ рода князей Голицыныхъ и что Голицыны выстроили церковь въ Москвѣ, на Садовой, въ Кудринѣ, въ честь Ермолая (мірское имя Ермогена). Мнѣніе это, по устному сообщенію С. М. Соловьева, изложено было въ «Русскомъ Архивѣ». Церковь Ермолая была построена въ 1610 году, близъ Патріаршихъ прудовъ, на Козьемъ болотѣ, въ мѣстности принадлежавшей къ патріаршимъ владѣніямъ, т.-е. на патріаршей землѣ. 1610 годъ не былъ годомъ располагающимъ къ постройкѣ Русскими людьми церкви, такъ какъ этотъ годъ былъ годомъ самой большой смуты. Косвенное доказательство, что Ермогенъ происходилъ изъ рода Голицыныхъ можно видѣть въ X-й книгѣ «Временника»: тамъ помѣщено родословіе Гедеминовичей, родоначальниковъ князей Голицыныхъ, выписанное изъ записи патріарха Ермогена. Самъ собою напрашивается вопросъ: почему Ермогенъ имѣлъ и хранилъ у себя родословную Гедеминовичей? Гедеминовичи были предки Голицыныхъ, и если Ермогенъ былъ потомокъ Голицыныхъ, то, храня у себя запись рода Гедеминовичей, Ермогенъ хранилъ запись своего рода. Мнѣніе, что Ермогенъ былъ родственникъ Шуйскаго и происходилъ отъ рода князей Голицыныхъ можетъ быть подтверждено тѣмъ, что эти два рода находились между собою въ родствѣ. Первымъ намѣстникомъ въ Казани былъ князь А. Б. Горбатый-Суздальскій-Шуйскій; онъ велъ свой родъ отъ Владиміра Святаго и находился въ родственныхъ связяхъ со всѣми княжескими Русскими родами (Казань, Пинѣгина, стр. 101). Съ 1556 по 1560 годъ воеводствовалъ въ Казани князь П. И. Шуйскій. Родъ Шуйскихъ въ Казани былъ очень распространенъ, и въ Синодикѣ Спасскаго монастыря они записаны изъ первыхъ. Много бояръ и князей сослано было въ Казань царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ около 1562 года. Ссыльными князьями и боярами, по недостатку мѣста, воеводы заселяла огороды архіепископа и Преображенскаго монастыря (Казань, Пинѣгина, стр. 90). Въ числѣ этихъ сосланныхъ могъ быть и Ермогенъ, бывшій князь Голицынъ.

С. Ѳ. Платоновъ говоритъ, что «патріархъ не былъ высокаго рода. Въ этомъ можно не сомнѣваться. Если бы онъ былъ изъ служилаго класса, то по тогдашнему обычаю, съ иноческимъ именемъ онъ написалъ бы свою мірскую фамилію; но мы ни разу не встрѣчаемъ ея въ памятникахъ, относящихся къ Ермогену. Напротивъ, имѣемъ основаніе причислять Ермогена къ тяглому городскому классу: сохрани-

лась запись на одной изъ иконъ въ Вяткѣ о томъ, что патріархъ Гермогенъ благословилъ иконою зятя своего Корнилія Рязанцева, посадскаго человѣка на Вяткѣ» (стр. 632). Изъ того, что Корнилій Рязанцевъ былъ посадскій человѣкъ на Вяткѣ еще нельзя заключить, что жена его тоже была податного сословія. Намъ удалось въ библіотекѣ Троицкой Сергіевой Лавры увидать синодикъ подъ № 814, гдѣ значится: «Родъ великаго господина святѣйшаго Ермогена патріарха всея Русіи» (Р. Архивъ, 1902, II) Въ числѣ его предковъ нѣтъ никого съ титуломъ князя; но это не даетъ права заключать, что патріархъ Ермогенъ былъ изъ податного сословія. Скорѣе можно думать, что патріархъ былъ изъ духовнаго званія. Священный іерей Өеодоръ значится въ его родѣ; кромѣ того тамъ же значится пять лицъ иноческаго званія. Несомнѣнно, имена родителей находятся въ числѣ лицъ, перечисленныхъ въ этомъ синодикѣ. Но кто младенцы, по отношенію къ патріарху? Дѣти его, или нѣтъ? Ермогенъ былъ женатъ: онъ былъ священникомъ приходской церкви Николы Гостинскаго, о чемъ самъ пишетъ въ повѣсти объ открытіи образа Казанской Божіей Матери; къ приходскимъ же церквамъ не опредѣлялись монахи, а женатые священники. Очень вѣроятно, что самъ Ермогенъ былъ тѣмъ «клирикомъ въ мірѣ живущимъ, къ которому преподобный Варсанофій послалъ съ своимъ духовникомъ рѣчь нѣкаку прозрительну, еже послѣди сбыстся по пророчеству святаго; живяше бо тогда святый Варсонофій во градѣ Казани, въ созданнѣй отъ него обители святаго боголѣпнаго Спасово-Преображенія, оставя паству Тферскаго престола» (Сборн. Плат. Любарск., стр. 8). Такимъ образомъ въ періодъ 1571—1576 года, когда преподобный Варсонофій жилъ на покоѣ въ обители Спасово-Преображенія, Ермогенъ былъ клирикомъ, живнимъ въ міру. Что пророчество къ нѣкоему клирику, въ мірѣ живущу, относилось именно къ нему патріарху, видно изъ того, что вслѣдъ за упоминаніемъ объ этомъ пророчествѣ и что оно сбылось, Ермогенъ прямо начинаетъ говорить о себѣ. «Къ сему же еще и мнѣ непотребному случися въ той святѣй обители, пятому по немъ, быти и на мѣстѣ его стояти, и жезлъ его въ руку моею держати. Послѣди же, Богу изволившу, аще и зазритъ ми кто дѣло сіе, страшно бо сіе мнѣ есть и зазрительно отъ многихъ, понеже неключимъ быхъ таковому великому и пресловущему и имени, не токмо дѣлу; но обаче и на святаго Гурія мѣстѣ стояхъ и жезлъ его такожде въ руку моею носихъ, числомъ же отъ перваго девятый быхъ, въ переименованіи (изъ архіепископа въ митрополиты) первый. (Сборн. Плат. Любарскаго, стр. 8). Въ 1579 году, въ годъ открытія чудотворной иконы Казанской Божіей Матери, Ермогенъ былъ священникомъ: «мнѣ же тогда сущу въ чину поповскѣ святаго Николы, иже зовется Гостинъ» (Казанскій Богородичный дѣвичій монастырь). Въ 1588 г. Ермогенъ былъ поставленъ въ игумена Спасо-Преображенскаго монастыря, значитъ послѣ 1579 года, когда, при открытіи чудотворной Казанской иконы Божіей Матери, онъ былъ простымъ приходскимъ священникомъ. Въ промежутокъ времени 1579—1588 года Ермогенъ овдовѣлъ, вступилъ въ монахи и достигъ сана игумена. Вскорѣ затѣмъ, 13 Мая 1589 г., онъ былъ посвященъ въ Казанскаго митрополита.

Несомнѣнно Ермогенъ получилъ школьное образованіе, что̀ можно заключить изъ его сочиненій, которыя, какъ, «Житіе и жизнь ихъ же во святыхъ нашихъ Гурія перваго архіепископа новопросвѣщеннаго града Казани, и Варсанофія, епископа Тверскаго, Казанскихъ чудотворцевъ» списано Ермогеномъ митрополитомъ Казанскимъ», построены по правиламъ риторики, гдѣ первая глава вся служитъ вступленіемъ. Это житіе отличается сжатостію слога. Тоже можно сказать и о первомъ его произведеніи: «Сказаніе о явленіи чудотворной иконы Пресвятыя Богородицы во градѣ Казани». Патріархъ Ермогенъ въ 1574 году описалъ и чудеса, происшедшія отъ этой иконы. По всей вѣроятности Ермогенъ получилъ образованіе въ одной изъ школъ, устроенныхъ епископами и монастырями. Есть нѣкоторое основаніе полагать, что учителемъ его былъ Германъ Садыревъ Полевъ, сначала архимандритъ Свіяжскаго монастыря, отправленный царемъ Іоанномъ Грознымъ въ Казань вмѣстѣ съ архіепископомъ Гуріемъ и послѣ Гурія занявшій каѳедру архіепископа въ Казани. Этотъ Германъ умеръ въ Москвѣ въ 1566 году, былъ похороненъ у церкви Николы Мокраго и лежалъ тамъ до тѣхъ поръ, пока «у благочестиваго государя, царя Ѳеодора Іоановича всея Россіи *испросили мощи его ученицы его*» (Сборн. Платон. Любарск., стр. 16). Такъ какъ Ермогенъ былъ однимъ изъ главныхъ ходатаевъ у царя Ѳеодора Ивановича, то можетъ быть и онъ былъ однимъ изъ учениковъ Германа Садырева Полева.

Вступивъ на Казанскую митрополію, Ермогенъ обратилъ особое вниманіе на новокрещенныхъ Татаръ, въ уѣздахъ Казанскомъ и Свіяжскомъ, которые совсѣмъ отстали отъ христіанской вѣры. Въ 1591 г. онъ созвалъ всѣхъ новокрещенныхъ въ Казань, въ соборную церковь и поучалъ ихъ въ теченіе нѣсколько, какъ слѣдуетъ жить христіанамъ; но новокрещенные ученія христіанскаго не приняли и отъ Татарскихъ обычаевъ не соглашались отстать и даже выразили сожалѣніе, что отъ своей вѣры отстали, а въ православной вѣрѣ не утвердились. Причину отпаденія новокрещенныхъ Ермогенъ находилъ въ томъ, что они живутъ съ невѣрными, вблизи себя не имѣютъ церквей Божіихъ, между тѣмъ какъ мечети начали ставить близъ посада, чего прежде съ самаго взятія Казани не бывало. Многіе Русскіе плѣнные и неплѣнные живутъ у Татаръ, Черемисовъ и Чувашей, ѣдятъ и пьютъ съ ними, женятся у нихъ и принимаютъ ихъ вѣру. Обо всемъ этомъ митрополитъ Ермогенъ написалъ въ Москву. Царь, по совѣщаніи съ патріархомъ, послалъ Казанскимъ воеводамъ приказъ, о которомъ тогда же сообщилъ митрополиту Ермогену: 1) переписать по именамъ всѣхъ новокрещенныхъ съ ихъ женами, дѣтьми и людьми, всѣхъ созвать въ Казань и объявить имъ, что они крещены по ихъ собственной волѣ и челобитью и всѣ дали обѣщаніе жить крѣпко въ православной вѣрѣ и къ прежней мусульманской не обращаться, а между тѣмъ нынѣ живутъ вовсе не по христіански и держатся Татарской вѣры, не смотря на всѣ поученія митрополита Ермогена; 2) потомъ устроить для новокрещенныхъ въ Казани особую слободу и велѣть всѣмъ имъ въ ней селиться; слобода должна быть между Русскихъ людей и вдали отъ Татаръ; поставить въ слободѣ церковь, попа

и весь соборный причтъ; поручить слободу доброму боярскому сыну и беречь ему накрѣпко, чтобы новокрещенные держали христіанскую вѣру, ходили въ церковь, носили на себѣ кресты, имѣли у себя образа, призывали въ свои домы отцевъ духовныхъ и вообще жили по христіански, чтобы они часто ходили къ митрополиту Ермогену и слушали его поученія; а которые не станутъ держать христіанской вѣры и слушать митрополита, тѣхъ смирять, сажать въ темницы и въ оковы, иныхъ же отсылать къ митрополиту для наложенія на нихъ эпитиміи; 3) мечети Татарскія въ Казани, которыя ставить запрещено царскими указами и которыя въ послѣднее время начали появляться только по небреженью воеводъ, упразднить и впредъ не дозволять строить; 4) всѣхъ Русскихъ людей, живущихъ у Татаръ и Нѣмцевъ, отобрать и занимающихся торговлей поселить въ посадахъ, а пашенныхъ въ дворцовыхъ селахъ и деревняхъ, чтобы они, живя между Русскими, вновь сдѣлались православными христіанами, Татарамъ же и Нѣмцамъ приказать, чтобы впредъ Русскихъ къ себѣ на жительство и на служеніе не принимали. (Ист. Р. церкви Макарія, X, 74—75).

1592 г. Генваря 9 митрополитъ Ермогенъ пишетъ патріарху Іову, что воинамъ, павшимъ на брани въ разныя времена подъ Казанью, по сіе время не установлена особая память. «Умилосердись, государь Іовъ, благослови, повели и учини указъ свой государевъ мнѣ богомольцу своему, въ который день повелитъ мнѣ святительство твое по тѣхъ православныхъ благочестивыхъ воеводахъ и воинѣхъ, пострадавшихъ за Христа подъ Казанью и въ предѣлахъ Казанскихъ въ разныя времена, въ соборной церкви и по святымъ монастырямъ, такожъ соборнѣ, и по всѣмъ Божіимъ церкнамъ во градѣхъ и селѣхъ Казанскія митрополіи, пѣти по нихъ панихиды и обѣдни служити, чтобы, государь, по твоему государеву благословенію память сихъ лѣтняя*) по вся годы была безпереводно». Кромѣ того Ермогенъ просилъ Іова о трехъ мученикахъ Казанскихъ: плѣнномъ изъ Нижняго Новгорода христіанинѣ Іоаннѣ, замученномъ Татарами за отказъ отпасть отъ православной вѣры, и о двухъ крещеныхъ Магометанахъ Стефанѣ и Петрѣ, пострадавшихъ отъ своихъ за принятіе христіанской вѣры, чтобы имъ установить память и чтобы они были записаны въ синодикъ. Патріархъ призналъ всѣ предложенія Ермогена и повелѣлъ о всѣхъ убитыхъ подъ Казанью учинять панихиду въ Субботу по Покровѣ Богородицы, вѣроятно потому что Казань была взята 2-го Октября. Распоряженіе патріарха на грамоту Ермогена послѣдовало въ томъ же 1592 году.

Въ 1592 году, по благословенію патріарха Іова, Ермогенъ погребалъ скончавшагося въ 1566 году архіепископа Гермогена и осязалъ своими руками нетлѣнныя его мощи. 4-го Октября 1595 года онъ открываетъ мощи перваго архіепископа Казанскаго Гурія и игумена Варсонофія. Въ томъ же 1595 году Ермогенъ посланъ былъ въ Угличъ, для открытія мощей князя Романа Углицкаго. Въ 1594 году онъ пишетъ исторію явленія чудотворной иконы Божіей Матери въ Казани.

*) Т. е. годован, ежегодная. П. Б.

По царскому повелѣнію и архіерейскому богословенію, онъ опписываетъ житіе и жизнь иже во святыхъ отецъ нашихъ, Гуріа, перваго архіепископа новопросвѣщеннаго града Казани, и Варсанофія, епископа Тверскаго, Казанскихъ чудотворцевъ. Гермогенъ хорошо владѣлъ перомъ и былъ человѣкъ начитанный. Такъ въ первой главѣ житія Гурія, излагая побудительныя причины, заставившія его писать, онъ между прочимъ ссылается на изреченія Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго. «Аще не дерзну коснутися повѣсти, боюся осужденія лѣниваго раба, вземшаго господина своего сребро и прикупа не сотворшаго, якоже самая истина рече, Господь и Богъ нашъ; и паки во второмъ законѣ: не явится, рече, предъ Господемъ тотъ, но кійждо по сихъ дароносити; великому же Василію, глаголющу: поставленный убо на строительство слова и небрегій о семъ, яко убійца судится; великій благословенный Григорій глаголетъ: безчестіе бо есть еже молчати, о нихъ же потреба есть глаголати; многій же и великій въ словесѣхъ Златоустый Іоаннъ: аще удержу, рече слово и не подамъ, тогда убогъ есмь; аще подамъ, богатѣю буду; аще не подамъ, единъ богатѣю, аще подамъ, со всѣми радостенъ плодъ принесу». (Сборникъ Платона Любарскаго, стр. 8—9).

Какъ истинный пастырь, Ермогенъ обращаетъ вниманіе на недостатки своей паствы. Это мы видимъ изъ «посланія наказательна ко всѣмъ людемъ, паче же священникомъ и діакономъ о исправленіи церковнаго пѣнія». Здѣсь онъ обличалъ священниковъ за то, что они совершали церковныя службы не по преданію святыхъ апостоловъ и не по уставу святыхъ отцевъ, а говорили, де, въ голосъ; въ два, и въ три, и въ четыре, а индѣ и въ пять и шесть, обличалъ и мірянъ, свидѣтельствуя: «вѣмъ многихъ, собирающихся не Бога ради, ниже послушанія ради глаголъ; овѣхъ убо зрю дремлющихъ, овѣхъ сюду и обоюду озирающихъ, иныхъ другъ ко другу глаголющихъ» (Макарія Ист. Р. церкви, X, 230).

Архимандритъ Вятскій Трифонъ на возвратномъ пути изъ Москву въ Вятку между 1584 и 1585 г., когда Ермогенъ не былъ еще игуменомъ Спасо-Преображенскаго монастыря, предсказалъ ему, «что онъ будетъ патріархомъ въ Москвѣ и мученически тамъ скончается (Житіе Святыхъ Р. Ц., Октябрь).

При избраніи Бориса Годунова на Московское государство, Ермогену послана грамота отъ патріарха Іова, въ которой описывалось избраніе царя, повелѣвалось въ соборахъ, церквахъ, монастыряхъ и во всѣхъ приходахъ Казани и Астрахани совершить трехдневное молебствіе и установлялось, какъ поминать царствующій домъ на ектиніяхъ. (Собр. Госуд. Гр. II, 194, № 70).

Въ царствованіе перваго Лжедимитрія Ермогенъ вмѣстѣ съ другими духовными властями былъ вызванъ въ Москву, гдѣ, какъ извѣстно, наши іерархи получили званіе сенаторовъ. Но когда Самозванецъ поднялъ на соборѣ Русскихъ епископовъ вопросъ: можетъ ли жениться Русскій царь на Католичкѣ, то Ермогенъ и Коломенскій епископъ Іосифъ воспротивились такому браку, утверждая, что невѣсту нужно крестить, или женитьба будетъ беззаконіемъ. Обоихъ ихъ Самозва-

нецъ приказалъ выслать изъ Москвы, причемъ жизни Ермогена грозила опасность. При низверженіи Самозванца и воцареніи Шуйскаго, Ермогена въ Москвѣ не было. Дѣятельность его въ Казани, по распространенію христіанства между Татарами, по устройству церкви и какъ духовнаго писателя хорошо была извѣстна всѣмъ святителямъ Русскимъ, и потому онъ единодушно, заочно, былъ избранъ соборомъ святителей въ патріархи, и въ этой должности былъ утвержденъ царемъ Шуйскимъ. Вскорѣ послѣ 3-го Іюля 1606, онъ прибылъ изъ Казани въ Москву. Старѣйшимъ святителемъ при поставленіи Ермогена въ санъ патріарха былъ Новгородскій митрополитъ Исидоръ, и онъ вручилъ Ермогену посохъ Петра митрополита, а царь подарилъ новому патріарху панагію, съ драгоцѣнными камнями, бѣлый клобукъ и посохъ.

Царь Василій Ивановичъ и патріархъ желали утишить смуту въ Московскомъ государствѣ. Патріархъ дѣлалъ все, что могъ. Такъ въ Ноябрѣ 1606 г. онъ издалъ грамоту, въ которой говоритъ прежде всего о первомъ Лжедимитріи. «Владѣя превысокимъ государствомъ мало не годъ, и которыхъ злыхъ, діаволихъ дѣлъ не дѣлалъ? И коего насилія не учинилъ? Святителей съ престола свергъ, преподобныхъ архимандритовъ, игуменовъ и иноковъ не токмо отъ паствы, но и отъ монастырей отлучилъ, священническій чинъ, аки волкъ, разогналъ, бояръ и дворянъ и приказныхъ людей, и дѣтей боярскихъ многихъ городовъ, гостей и всякихъ служилыхъ и торговыхъ людей многихъ кровь пролія и смерти предаде, а у иныхъ имѣнія, аки разбойникъ, разбилъ и многимъ всякимъ женамъ и дѣтямъ блудное насиліе учинилъ» (Акты Арх. Экспедиц. II, 130). Въ грамотѣ патріархъ извѣщалъ также о перенесеніи мощей царевича Димитрія, о воцареніи В. И. Шуйскаго, царя благочестиваго и поборателя по православной вѣрѣ и о появленіи измѣнниковъ, которые говорятъ, что Димитрій живъ и возстали противъ новаго государя, собрали вокругъ себя толпы вооруженныхъ людей, насильно увлекли многихъ, и, хотя встрѣтили себѣ сопротивленіе въ Твери и Смоленскѣ, теперь находятся уже въ селѣ Коломенскомъ. То былъ Болотниковъ. Передавая содержаніе «воровскихъ листовъ», которые разсылалъ Болотниковъ, патріархъ замѣчаетъ, что они внушаютъ челядницамъ бояръ и дѣтей боярскихъ и всей черни «всякія злыя дѣла на убіеніе и на грабежъ». Въ грамотахъ Болотникова повелѣвалось «боярскимъ холопамъ побивати и своихъ бояръ, и женъ ихъ и вотчины и помѣстья брать себѣ; и шпынямъ и безъимяннымъ ворамъ приказывалось гостей и всѣхъ торговыхъ людей побивати и животы ихъ грабити и призываютъ ихъ воровъ къ себѣ и хотятъ имъ давати боярство и воеводство и окольничество и дьячество». Патріархъ писалъ противъ всего этого и умолялъ царя выступить противъ Болотникова. Патріархъ служилъ молебны предъ мощами новоявленнаго чудотворца, царевича Димитрія, воодушевлялъ войско, окропилъ его святою водою и благословилъ на битву съ Болотниковымъ. Побѣдоносное войско самъ Ермогенъ встрѣтилъ и служилъ благодарственный молебенъ.

Въ началѣ Генваря 1607 г. правительство вознамѣрилось пригласить въ Москву бывшаго патріарха Іова. 3 Февраля Ермогенъ пи-

салъ къ нему. «Преклоняемъ колѣна, удостой насъ видѣть боголѣпное лице твое и слышать гласъ твой сладкій; молимъ тебя именемъ отечества смятеннаго». Іовъ пріѣхалъ 14 Февраля. 20 Февраля, при великомъ стеченіи народа, Іову поднесли бумагу, которую велѣли читать на амвонѣ протодіакону. Въ этой бумагѣ «народъ молилъ Іова отпустить ему грѣхи клятвопреступленія и вѣроломства, благословить царя Василія, князей, бояръ, христолюбивое воинство и всѣхъ христіанъ, да восторжествуетъ царь надъ мятежниками и да насладится Россія счастіемъ тишины. Іовъ отвѣтствовалъ грамотою, заблаговременно *имъ* сочиненною. Тотъ же протодіаконъ читалъ ее народу. Сказавъ о величіи Россіи, Іовъ соболѣзновалъ о гибельныхъ послѣдствіяхъ преждевременной кончины Іоанна и закланія Димитрія, напомнилъ единодушное избраніе Годунова на царство и выразилъ удивленіе ослѣпленію Россіянъ, прельщенныхъ бродягою. «Я давалъ вамъ страшную на себя клятву въ удостовѣреніе, что онъ Самозванецъ; вы не хотѣли мнѣ вѣрить, и сдѣлалось, чему нѣтъ примѣра ни въ священной, ни въ свѣтской исторіи» (Карамз., XII, 57). Описавъ всѣ измѣны, бѣдствіе отечества и церкви, свое изгнаніе, гнусное цареубійство Бориса Ѳеодоровича и его семьи, воздавъ хвалу Василію, за избавленіе отъ стыда и гибели, Іовъ сказалъ: Вы знаете, убитъ ли Самозванецъ; знаете, что не осталось на землѣ и скареднаго тѣла его, а злодѣи дерзаютъ увѣрять Россію, что онъ живъ и есть истинный Димитрій. Велики грѣхи наши предъ Богомъ». Отъ своего имени и отъ имени всего духовенства Іовъ объявлялъ народу разрѣшеніе и прощеніе.

Послѣ пораженія царскаго войска подъ Калугой патріархъ предалъ анаѳемѣ Болотникова и другихъ главныхъ злодѣевъ, которыхъ до того времени Шуйскій щадилъ, надѣясь, что бунтъ можетъ быть уничтоженъ безъ напряженной затраты государственныхъ силъ. Такъ онъ поступилъ и по взятіи Тулы, когда всѣ главные враги его попались къ нему въ руки и оставался только второй Самозванецъ довольно слабый. Вмѣсто того, чтобы заняться уничтоженіемъ его и усмиреніемъ земли Сѣверской, какъ совѣтовалъ патріархъ, Василій отправился въ Москву праздновать свою побѣду подъ Тулой и свою свадьбу. (Журн. Мин. Народн. Просв., Іюль 1901 г., статья Пл. Васенко). Исторія показала, что патріархъ давалъ хорошій совѣтъ царю. «По взятіи бо града Тулы воднымъ потопленіемъ, не у еще крови уемшися пролитію, и совѣтницы лукавые царя уласкаху во царствующій градъ Москву во успокоеніе возвратитися, а грады вся украинные въ неумиримой брани идущіе нань. И царь Василій токмо возвратися въ Москву, а врагомъ его сіе бысть въ радость и веселіе, занеже рать вся царская розыдеся, а врагомъ тогда рука и возвысися. Паки же и ину бѣду свивше прелестницы и сопротивъ злыхъ враговъ крамольниковъ, ратующихъ насъ, и изволиша защититися отъ нихъ руками Агарянскими, и таковѣми совѣтники злыми царская душа во грѣхъ низвождашеся; святѣйшій же патріархъ о семъ всегда царя моляше, яко та вся не добрѣ суть совѣтованія ближнихъ его. И егда вся та дѣлеса зломъ совершишася, и тогда царь Василій возрыда и восплакася, онъ его богомудрый пастырь во всемъ любезнѣ и кротцѣ

непрестанно утишаше его». 17 Февраля 1609 г. въ Москвѣ подъ начальствомъ князя Романа Гагарина, воеводы Григорія Сунбулова и дворянина Тимоѳея Грязнаго съ собщниками до 300 человѣкъ, составился заговоръ, чтобы низвести Василія съ престола. Съ этимъ требованіемъ заговорщики обратились прежде всего къ боярамъ; но бояре всѣ устранились отъ этого собранія, и одинъ только князь Василій Васильевичъ Голицынъ явился на площадь. Заговорщики пришли къ патріарху въ Успенскій соборъ и требовали, чтобы онъ шелъ на лобное мѣсто. Ермогенъ не хотѣлъ идти; его потащили, подталкивая сзади, обсыпали пескомъ, соромъ, нѣкоторые схватывали его за грудь и крѣпко трясли. На Лобномъ мѣстѣ заговорщики кричали народу, что Шуйскій избранъ въ цари незаконно одними своими потаковниками, безъ согласія земли, обманомъ и насиліемъ, что это беззаконіе произвело всѣ распри и мятежи, междоусобіе и самозванцевъ, что Шуйскій и не царь и не умѣетъ быть царемъ, имѣя болѣе тщеславія, нежели разума и способностей, нужныхъ для успокоенія государства въ такомъ волненіи, что кровь христіанская льется за человѣка недостойнаго и ни на что непотребнаго, глупаго, нечестиваго, пьяницу, блудника. Немногіе изъ гражданъ присоединились къ мнѣнію заговорщиковъ, большинство отвѣчало: «Мы всѣ были свидѣтелями Василіева избранія, добровольнаго, общаго; всѣ мы и вы съ нами присягали ему, какъ государю законному. Пороковъ его не вѣдаемъ. И кто далъ вамъ право располагать царствомъ безъ чиновъ государственныхъ? Сѣлъ онъ государь на царство не самъ собою, выбрали его большіе бояре и вы, дворяне и служилые люди. Пьянства и никакого неистовства мы въ немъ не знаемъ; да если бы онъ царь вамъ и не угоденъ былъ, то нельзя его безъ большихъ бояръ и всенароднаго собранія съ царства свести». Тогда заговорщики стали кричать: «Шуйскій тайно побиваетъ и въ воду сажаетъ братью нашу, дворянъ и дѣтей боярскихъ, женъ ихъ и дѣтей и такихъ побитыхъ съ двѣ тысячи». Патріархъ спросилъ ихъ: «Какъ же это могло статься, что мы ничего не знали? Въ какое время и кто именно погибъ?» Заговорщики продолжали кричать: «и теперь повели многихъ нашу братью сажать въ воду; за это мы и стали». Патріархъ опять спросилъ: «Да кого же именно повели въ воду сажать?» Въ отвѣтъ закричали: «Мы послали уже ворочать ихъ, ужò сами увидите». Потомъ начали читать грамоту, написанную ко всему міру изъ Московскихъ полковъ отъ Русскихъ людей: «Князя-де Василія Шуйскаго одною Москвою выбрали на царство, иные города того не вѣдаютъ, и князь Василій Шуйскій намъ на царствѣ нелюбъ, и для него кровь льется и земля не умирится. Чтобы намъ выбрать на его мѣсто другого царя!» Патріархъ началъ говорить: «До сихъ поръ Москвѣ ни Новгородъ, ни Казань, ни Астрахань, ни Псковъ и ни которые города не указывали, а указывала Москва всѣмъ городамъ; государь царь и великій князь Василій Ивановичъ возлюбленъ, и избранъ, и поставленъ Богомъ и всѣми Русскими властьми и Московскими боярами и вами дворянами, всякими людьми всѣхъ чиновъ и всѣми православными христіанами; изо всѣхъ городовъ на его царскомъ избраніи и поставленіи были въ то время люди многіе, и крестъ ему госу-

дарю цѣловала вся земля, присягала, добра ему хотѣть, а лиха не мыслить. А вы забыли крестное цѣлованіе, немногими людьми возстали на царя, хотите его безъ вины съ царства свесть, а міръ того не хочетъ да и не вѣдаетъ, да и мы съ вами въ тотъ совѣтъ не пристаемъ же» (Соловьевъ, VIII, 260). Ермогенъ заклиналъ народъ не участвовать въ злодѣйствѣ и возвратился въ Кремль. Бояре поспѣшили на помощь къ Шуйскому. Не смотря на все это, мятежники вломились во дворецъ. Василій смѣло вышелъ къ нимъ и сказалъ: «Зачѣмъ вы, клятвопреступники, ворвались ко мнѣ? Если хотите убить меня, то я готовъ; но свести меня съ престола безъ бояръ и всей земли вы не можете». Злодѣи, увидавъ, что большинство стоитъ за царя Василія и имъ не оправиться съ нимъ, убѣжали въ Тушино. Въ числѣ ихъ были Гагаринъ, Сунбуловъ и Грязной. Патріархъ послѣ этого послалъ въ Тушино двѣ грамоты: одну къ ушедшимъ туда послѣ 17 Февраля, другую къ ушедшимъ туда прежде. Первая грамота начинается такъ: «Бывшимъ православнымъ христіанамъ всякаго чина, возраста и сана, теперь же не вѣдаемъ, какъ васъ и назвать. Не достаетъ мнѣ словъ, болитъ душа, и болитъ сердце, всѣ внутренности мои расторгаются и всѣ составы мои содрогаются, плачу и съ рыданіемъ вопію: помилуйте, помилуйте свои души и души своихъ родителей, возстаньте, вразумитесь и возвратитесь». Патріархъ заключаетъ первую грамоту обѣщаніемъ выпросить у царя прощеніе раскаявшимся: «царь милостивъ, непамятозлобенъ, знаетъ, что не всѣ своею волею такъ дѣлаютъ, которые ваша братья въ Субботу Сыропустную и возставали на него ложныя и грубыя слова, какъ и вы же, тѣмъ онъ вины отдалъ, и теперь они у насъ невредимы пребываютъ; ваши собственныя жены и дѣти также на свободѣ въ своихъ домахъ живутъ» (Соловьевъ, VIII, 261). Князь Гагаринъ, ушедшій послѣ бунта въ Тушино, увидалъ Самозванца и узналъ, что это былъ вовсе не первый Самозванецъ, а потому, не считая возможнымъ служить ему, возвратился къ царю Василію съ повинною, и потомъ предъ всѣмъ народомъ говорилъ про обманъ Тушинскаго злодѣя, орудія Ляховъ, желающихъ гибели Россіи и святой церкви.

Вторая грамота Ермогена начинается подобно первой. «Бывшимъ братіямъ нашимъ, а теперь не знаемъ какъ и назвать васъ, потому что дѣла ваши въ нашъ умъ не вмѣщаются, уши наши никогда прежде о такихъ дѣлахъ не слыхали и въ лѣтописяхъ мы ничего такого не читывали. Кто этому не удивится? Кто не восплачетъ? Слово это мы пишемъ не ко всѣмъ, но къ тѣмъ только, которые, забывъ смертный часъ и страшный судъ Христовъ, и преступивъ крестное цѣлованье, отъѣхали, измѣнивъ государю царю и всей землѣ, своимъ родителямъ, женамъ и дѣтямъ и всѣмъ своимъ ближнимъ, особенно же Богу, а которые взяты въ плѣнъ, какъ Филаретъ митрополитъ и прочіе, не своею волею, но силою, и за христіанскій законъ не стоятъ, крови православныхъ братій своихъ не проливаютъ, такихъ мы не порицаемъ, но молимъ о нихъ Бога». Описавъ событіе 17-го Февраля, патріархъ заключаетъ грамоту такъ: «Тѣ рѣчи были у насъ на Лобномъ мѣстѣ, въ Субботу Сырную, послѣ чего всѣ разъѣхались, мы въ

городъ, иные по домамъ, потому что враждующимъ поборниковъ не было и въ совѣтъ къ нимъ не приставалъ никто; а которые и были немногіе молодые люди, и тѣ имъ не потакали же, и такъ совѣтъ ихъ скоро разрушился. Солгалось про старыхъ то слово, что красота граду старые мужи; а эти старые и молодымъ бѣду доспѣли, и за молодыхъ имъ въ день страшнаго суда Христова отвѣтъ дать. Это чудо въ лѣтописцы записали мы, чтобъ и прочіе не дерзали дѣлать подобнаго; а къ вамъ мы пишемъ, потому что Господь поставилъ насъ стражами надъ вами, стеречь намъ васъ велѣлъ, чтобъ кого нибудь изъ васъ сатана не укралъ. Отцы ваши не только къ Московскому царству враговъ своихъ не припускали, но и сами ходили въ морскіе отоки *), въ дальнія разстоянія и въ незнаемыя страны, какъ орлы острозрящіе и быстролетящіе, какъ на крыльяхъ парящіе, и все подъ руку покоряли Московскому государю царю» (Соловьевъ, VIII, 262).

V.

Пока на престолѣ оставался царь Василій, Ермогенъ могъ употреблять нравственныя мѣры воздѣйствія на мятежниковъ, могъ совѣтовать царю, печаловаться передъ нимъ, но его голосъ не былъ рѣшающимъ; онъ даже не могъ въ дѣлахъ государственныхъ высказать рѣшительно свое мнѣніе и защищать его: Русское духовенство никогда не присвоивало себѣ правъ мірской власти. По низверженіи же Шуйскаго патріархъ становился начальнымъ человѣкомъ, и ему по неволѣ пришлось имѣть рѣшающее значеніе и въ дѣлахъ государственныхъ. По городамъ разосланы были грамоты, въ которыхъ сказано: «Всѣ люди били челомъ князю Мстиславскому съ товарищи, чтобъ пожаловали, приняли Московское государство, пока намъ Богъ дастъ государя». «Вора, кто называется царевичемъ Димитріемъ, не хотѣть, а выбрать государя на Московское государство боярамъ и всякимъ людямъ всею землею; государя выбирать съ нами со всякими людьми, всею землею, сославшись съ городами». И такъ самою сильною стороною въ Москвѣ была та, которая не хотѣла имѣть государемъ ни Польскаго королевича, ни Лже-Димитрія, слѣдовательно, хотѣла избрать кого нибудь изъ своихъ знатныхъ людей. Этой стороны держался патріархъ, и нѣтъ сомнѣнія, что подъ его преимущественно вліяніемъ написаны были присяжная запись и грамоты, разосланныя по городамъ. Эта сторона имѣла въ виду двухъ кандидатовъ на престолъ, князя Голицына и четырнадцатилѣтняго Михаила Ѳеодоровича Романова, сына митрополита Филарета. Филаретъ несомнѣнно желалъ провести сына своего на престолъ. Онъ выѣзжалъ на Лобное мѣсто и говорилъ народу: «Не прельщайтесь, мнѣ самому подлинно извѣстно королевское злое умышленіе надъ Московскимъ государствомъ; хочетъ онъ самъ съ сыномъ владѣть и нашу истинную христіанскую вѣру разорить, а свою Латинскую утвердить».

Противъ Сигизмунда дѣйствовали бывшіе въ Москвѣ купцы изъ Юго-Западной Руси; они дали знать Москвичамъ, чтобы тѣ не вѣ-

*) Не личное ли это воспоминаніе? П. Б.

рили обѣщаніямъ человѣка, введшаго Унію» (Соловьевъ, VIII, 299). Патріархъ сильно противился избранію Владислава въ цари и настаивалъ на избраніи царя изъ Русскихъ. У гетмана Жолкѣвскаго былъ сильный союзникъ въ лицѣ Самозванца: «лучше служить королевичу, говорили многіе, чѣмъ быть побитыми отъ своихъ холопей и въ вѣчной работѣ у нихъ мучитися» (Соловьевъ, VIII, 332). Но въ Москвѣ еще было много лицъ, присягнувшихъ Владиславу. 14-го Февраля 1610 г., какъ извѣстно, Михаилъ Салтыковъ съ товарищами присягнулъ Владиславу подъ Смоленскомъ. Около 26-го Іюня того же 1610 года, близъ Царева-Займища, цѣловали крестъ Владиславу князь Елецкій и Валуевъ съ своимъ войскомъ. Князь В. В. Голицынъ, по знатности своего происхожденія, благородству, вліянію и уму, явно питалъ надежду на обладаніе государствомъ; но онъ имѣлъ совмѣстника въ князѣ Мстиславскомъ. Князь Мстиславскій былъ тогда именитѣйшій человѣкъ въ Москвѣ, но онъ объявилъ, что какъ онъ самъ не желаетъ быть государемъ, такъ равнымъ образомъ не хочетъ имѣть государемъ никого изъ равной себѣ братіи.

Получивъ извѣстіе о низверженіи Шуйскаго съ престола, гетманъ Жолкѣвскій написалъ письмо къ думнымъ боярамъ, въ которомъ, похваливъ ихъ за то, далъ имъ знать, что Самозванецъ подступаетъ къ столицѣ, что онъ, по приказанію короля, хочетъ помогать имъ противъ обманщика и защищать ихъ отъ всякой опасности, что король пришелъ тронутый однимъ только состраданіемъ, слыша, какое смятеніе происходитъ въ этой землѣ, желая усмирить и остановить кровопролитіе и водворить спокойствіе и тишину въ государствѣ. На письмо гетмана бояре заявляли, что они не требуютъ помощи и чтобы гетманъ не приближался къ столицѣ. Но гетманъ, не взирая на это, продолжалъ свой путь и 24-го Іюля 1610 года сталъ подъ Москвою, куда подошелъ также и Лже Димитрій, Коломенскою и Серпуховскою дорогами.

Боярскіе дѣти отъ Думы посланы были спросить гетмана: приходитъ ли онъ, какъ другъ, или какъ недругъ? На это онъ отвѣчалъ: если примутъ королевича Владислава за государя, то онъ хочетъ имъ помогать противъ Самозванца. Тогда думные дворяне назначили день для переговоровъ подъ Дѣвичьимъ монастыремъ. Въ назначенный день изъ Москвы пріѣхали князь Мстиславскій, Ѳ. И. Шереметевъ, князь Данила Мезецкій и два думные дьяка — Василій Телепневъ и Томила Луговскій. Они заявили, что уполномочены отъ всѣхъ чиновъ и объявили отъ имени всего царства, что желаютъ выбрать себѣ въ цари королевича Владислава, но хотятъ, чтобъ гетманъ обезпечилъ ихъ присягою, что королевичъ Владиславъ исполнитъ нѣкоторыя статьи. Гетманъ не имѣлъ отъ своего короля полномочія на заключеніе договора, но дѣла, по его мнѣнію, не терпѣли отлагательства: Самозванецъ былъ близко и старался о себѣ, большая часть Московской черни была къ нему расположена, а патріархъ побуждалъ избрать или князя Голицына, или Михаила Ѳеодоровича Романова (Зап. Жолкѣв., стр. 74). Гетманъ опасался, чтобы не взяла перевѣса какая нибудь другая сторона помимо Владислава, а силы закончить дѣло въ желательномъ для него смыслѣ, т.-е. утвердить Владислава на царствѣ, не

было, то онъ и объявилъ пріѣхавшимъ изъ Москвы сановникамъ, что онъ хочетъ заключить съ ними договоръ и утвердить его крестнымъ цѣлованіемъ сообразно со статьями, которыя были представлены королю Салтыковымъ и прочими боярами подъ Смоленскомъ и который уже утвержденъ подписью и приложеніемъ печати короля; о другихъ же статьяхъ, о которыхъ въ прежнемъ договорѣ не было упомянуто, гетманъ, не имѣя инструкціи отъ короля, не можетъ согласиться на рѣшеніе ихъ и совѣтовалъ, чтобы Русскіе отправили своихъ пословъ уговориться съ самимъ королемъ (Записки Жолкѣв., стр. 76).

17-го Августа 1610 года съѣхались гетманъ и прежніе Московскіе бояре и съ ними до 10,000 другихъ лицъ, которые и присягнули на подданство Владиславу. Послѣ этого гетманъ съ полковниками, ротмистрами и другими знатнѣйшими особами въ войскѣ присягалъ на исполненіи заключенныхъ условій. «На Москвѣ бояре и всѣ сущіе въ Москвѣ, не согласясь и не сослався съ городами, избраша на Московское государство королевича Владислава, и пришедше къ патріарху возвѣстиша ему о томъ избраніи» (Новый Лѣтоп., стр. 121). Значитъ, бояре извѣстили патріарха о заключеніи договора, какъ уже о совершившемся дѣлѣ, и стало быть князь Мстиславскій поступилъ вопреки крестоприводной записи (Собр. г. гр., II, № 198): «А выбрати государя на Московское государство имъ боярамъ и всякимъ людемъ всею землею и государя на Московское государство выбрать со всякими людьми всею землею и *сослався съ городы*, кого Богъ дасть на Московское государство». Затѣмъ бояре не должны были заключать договоръ съ гетманомъ, не имѣвшимъ полномочія отъ короля. Патріархъ поставилъ непремѣннымъ условіемъ признанія королевича Россійскимъ царемъ: «Аще королевичъ оставитъ Латинскую вѣру и приметъ Греческую, да будетъ тако, и мы на сіе подаемъ благословеніе свое; аще ли же Латинской ереси не оставитъ, то нарушена отъ него будетъ православная христіанская вѣра Греческаго закона, и Московское государство будетъ отъ него въ гоненіи и разорится, то мы на сіе вамъ избраніе не позволяемъ, и не точію благословеніе, но и клятву отъ насъ за сіе носити будете» (Нов. Лѣтоп., 120). Если гетманъ спѣшилъ заключить мирный договоръ изъ боязни, что какая нибудь изъ партій противныхъ Владиславу можетъ взять перевѣсъ, то боярамъ спѣшить избраніемъ королевича на царство не было никакого основанія; имъ слѣдовало прежде всего узнать, приметъ ли онъ православную вѣру Греческаго закона. Бояре должны были отправить посольство къ королю и согласно его рѣшенію уже дѣйствовать. Гетманъ ничего не могъ бы возразить противъ такого рѣшенія. Если же бояре вздумали дѣлать иначе, то у нихъ были на то несомнѣнно особыя причины. Самозванецъ въ рукахъ гетмана былъ только пугаломъ для Москвичей. «Сіе же гетманъ и Сапѣга творяху по совѣщанію между собою лукавнующе, чтобы имъ оною лестію скорѣе внити во градъ Москву» (Нов. Лѣт., 123). Весь народъ, съ патріархомъ во главѣ былъ на сторонѣ Михаила Θеодоровича Романова, а духовенство было на сторонѣ князя Голицына. Правящее боярство съ княземъ Мстиславскимъ спѣшило избавиться именно отъ этихъ совмѣстниковъ: если бы

изъ нихъ былъ кто избранъ, то ему была бы предложена самодержавная власть. Выбирая же Владислава, бояре, можно сказать, *всю власть удерживали у себя, и власть Владиславова была бы ограничена власть-ю бояръ*, что ясно видно изъ договора, заключеннаго Русскими съ гетманомъ 17-го Августа 1610 года.

1. Владиславу королевичу цѣловали крестъ служить ему и его потомству, какъ прежнимъ государемъ царемъ.

2. Чтобы на царство Московское Владиславъ вѣнчался царскимъ вѣнцемъ отъ патріарха и всего собора Греческой вѣры.

3. Что онъ Владиславъ обязуется церкви Греческія чтить и украшать, отъ разоренья оберегать, иконамъ всѣмъ чудотворнымъ и мощамъ поклоняться.

4. Римскія вѣры и иныхъ вѣръ костеловъ нигдѣ не ставить.

5. Православныхъ въ иную вѣру не дозволять совращать.

6. Жидовъ въ Московское государство для торговли не допускать.

7. Почитать мощи святыхъ.

8. Почитать Русское духовенство и въ его дѣла не вступаться.

9. Не касаться церковнаго имущества.

10. Не мѣнять гражданской администраціи и Поляковъ на гражданскія должности не ставить.

11. Всѣ чины Русскіе имѣть въ милости и прежнихъ обычаевъ и чиновъ, которые были въ Московскомъ государствѣ, *не перемѣнять; Московскихъ княжескихъ и боярскихъ родовъ пріѣзжими иноземцами не тѣснить и не понижать*. А жалованье денежное, оброки, помѣстья и вотчины, кто что имѣлъ до сихъ поръ, тому быть по прежнему и родительскихъ отчинъ ни у кого не отнимать. Объ убавкѣ и прибавкѣ жалованья *совѣтоваться съ боярами и думными людьми, и какъ приговорятъ съ боярами, такъ и учинить.*

12. Суду совершаться по прежнему обычаю и по Судебнику Россійскаго государства. Пополнять можно *только съ совѣта Боярской Думы.*

13. Между Польшой, Литвой и Россіей заключается вѣчный миръ.

14. Назначается общее войско, для защиты отъ Татаръ.

15. Дворовъ и животовъ у людей Московскаго государства не отнимать.

16. Въ Польшу и Литву людей Московскаго государства не отсылать и на ихъ мѣсто Польскихъ и Литовскихъ людей не приводить.

17. Женъ и дѣтей ничьихъ не позорить, въ полонъ не брать, съ женами и дѣтьми не разводить.

18. Казнить только за собственныя вины и *по суду съ боярами*; чести ни у кого не отнимать, въ заточенье не посылать, помѣстій, отчинъ и дворовъ не отнимать.

19. Имѣнье бездѣтныхъ отдавать ближнимъ или по завѣщанію владѣльца. *А все то дѣлать государю по приговору и совѣту бояръ и всѣхъ думныхъ людей и безъ Думы и приговору такихъ дѣлъ не совершать.*

20. Дѣла объ убійствѣ во время возстанія противъ перваго Самозванца прекратить и со стороны Поляковъ, и со стороны Русскихъ, плѣнными размѣняться безъ выкупа.

21. Доходы собирать по прежнему *и новыхъ налоговъ, не поговоря съ боярами, не дѣлать*. Съ запустѣлыхъ городовъ, вслѣдствіе войны, брать доходы только по описи и дозору, *посовѣтовавшись съ боярами.*

22. Взаимная торговля совершается по прежнему. Купцовъ изъ Московскаго государства въ Польшу и Литву не переводить и обратно.

23. Промежъ себя выходу крестьянамъ не быть.

24. Боярамъ и дворянамъ держать крѣпостныхъ людей по прежнему обычаю,

25. Всѣ города Русскіе возвратить Русскимъ.

26. Промышлять сообща надъ Воромъ, что называется Димитріемъ Ивановичемъ и, если онъ будетъ убитъ, мнѣ гетману отойти къ Можайску. Отвести отъ него Сапѣгу.

27. Марину Мнишкову отвезти въ Польшу и ей не именоваться Русской государыней.

28. По Смоленску королю не бить и тѣсноты ему не дѣлать.

29. Просить королевича принять вѣру Греческаго закона.

30. Послать къ королю посольство для окончательнаго договора. (Собр. Госуд. Гр. и догов. 391, № 699).

Любопытно сопоставить съ этимъ договоромъ наказъ посламъ, отправленнымъ изъ Москвы къ Сигизмунду. Этотъ наказъ написанъ подъ вліяніемъ патріарха. Въ немъ посламъ предписывалось требовать: 1) чтобы Владиславъ принялъ Греческую вѣру въ Смоленскѣ отъ митрополита Филарета и Смоленскаго архіепископа Сергія, такъ чтобы онъ пришелъ въ Москву уже православнымъ; 2) чтобы Владиславъ, сдѣлавшись царемъ, не сносился съ папою о дѣлахъ вѣры; 3) за отпаденіе отъ православной вѣры назначить смертную казнь, а имѣніе совратившихся брать въ казну; 4) чтобы королевичъ взялъ съ собою изъ Польши немногихъ людей; 5) чтобы прежняго титула Московскихъ государей не умалялъ; 6) чтобы женился на Русской подданной Греческаго закона; 7) чтобы мѣста, занятыя Поляками и Воромъ, очистилъ бы Московскому государству; 8) Полякамъ и Литовцамъ, которые пріѣдутъ съ Владиславомъ, давать помѣстья внутри государства, а не въ порубежныхъ городахъ; 9) всѣхъ плѣнныхъ, взятыхъ въ Московскомъ государствѣ во время смуты, возвратить безъ выкупа; 10) король долженъ отступить отъ Смоленска и не дѣлать никакого насилія на посадѣ и въ уздѣ; 11) на будущій сеймъ должны пріѣхать Московскіе послы, въ присутствіи которыхъ вся Рѣчь Посполитая должна подтвердить великое утвержденіе между двумя государствами. Въ послѣднемъ актѣ вовсе не замѣчается стремленія ограничить власть Московскаго царя, тогда какъ первый актъ нужно признать прямо конституціонной хартіей. На первый разъ можетъ показаться, что ограниченіе царской власти боярами было необходимо въ виду того, что царь былъ иноземецъ; на самомъ же дѣлѣ бояре имѣли въ виду не одно иноземное происхожденіе будущаго царя, а собственныя выгоды. У патріарха этихъ выгодъ не преслѣдовалось, отъ того и условія его совершенно отличны отъ условій бояръ.

Измученные тиранствомъ душевно-больного Іоанна Грознаго и подозрительнаго Годунова, Русскіе бояре естественно старались оградить себя отъ произвола будущаго царя. Ошибка ихъ заключалась въ томъ, что они выбрали неудобное время и неудобное лицо для своихъ конституціонныхъ затѣй. Польша смотрѣла на Россію, какъ на страну уже завоеванную и не желала стѣснять себя исполненіемъ данныхъ обѣщаній. Владиславъ былъ существо безличное; дѣйствовалъ одинъ Сигизмундъ, а это былъ человѣкъ не стѣснявшійся нарушать свои обѣщанія, какъ онъ показывалъ себя въ дѣлѣ введенія Уніи въ Западной Руси. Бояре, которые вели дѣла съ Сигизмундомъ, были запятнаны угодничествомъ Сигизмунду изъ корыстныхъ цѣлей. Самъ

князь Мстиславскій былъ большой приверженецъ Сигизмунда. Въ Августѣ 1610 года Сигизмундъ ему пишетъ: «И о прежнемъ твоемъ къ намъ радѣніи и пріязни бояре и думные люди сказывали. Это у насъ и сына нашего въ доброй памяти, дружбу твою и радѣнье мы и сынъ нашъ сдѣлаемъ памятными предъ всѣми людьми, въ государской милости и чести учинитъ тебя сынъ нашъ, по твоему отечеству и достоинству, выше всѣхъ братьи твоей бояръ». Радѣнье и пріязнь ко врагу своего отечества, осаждавшему Смоленскъ, иначе нельзя назвать, какъ измѣной отечеству. Другой правитель Ѳеодоръ Ивановичъ Шереметевъ пишетъ униженное письмо къ Льву Сапѣгѣ, чтобы тотъ смиловался, билъ челомъ королю и королевичу объ его вотчинныхъ деревнишкахъ. 21-го Сентября 1610 года Сигизмундъ прислалъ боярамъ грамоту, въ которой приказывалъ вознаградить Михаила Салтыкова съ товарищи за то, что они первые пріѣхали изъ Тушина къ королю и присягнули ему. О Ѳедорѣ Андроновѣ Сигизмундъ боярамъ пишетъ: «Ѳеодоръ Андроновъ намъ и сыну нашему вѣрою и правдою служилъ и до сихъ поръ служитъ, и мы за такую службу хотимъ его жаловать, приказываемъ вамъ, чтобы вы ему велѣли быть въ товарищахъ съ казначеемъ нашимъ Васильемъ Петровичемъ Головинымъ. Князь Василій Масальскій шлетъ Сапѣгѣ соболей на 100 р. и проситъ его порадѣть о его дѣлѣ. Имѣются челобитныя о помѣстьяхъ, вотчинахъ и санахъ отъ кн. Бориса Лыкова, Юрія Хворостинина, Ѳеодора Мещерскаго, Тимоѳея Долгорукова, Григорія Ромодановскаго, отъ Григорія Валуева, Захара Ляпунова, думнаго дьяка Василія Янова, Михаила Молчанова, братьевъ Ржевскихъ (Смутн. время, Иловайскаго, 187). Въ королевскій лагерь начали пріѣзжать съ разныхъ сторонъ Московскіе люди, чтобы заявить о своей преданности и выпрашивать у короля грамоты на помѣстья и вотчины. «И люди знатные ѣздили изъ Москвы въ станъ королевскій просить милостей равно беззаконныхъ и срамныхъ» (Карамз., XII, 276).

18 Августа 1610 года, на другой день послѣ торжественной присяги у Дѣвичьяго монастыря бояръ и Жолкѣвскаго, въ присутствіи патріарха, въ Успенскомъ соборѣ присягали Владиславу жители Москвы. Въ это время къ патріарху пришли Русскіе Тушинцы, Михаилъ Салтыковъ и князь Масальскій. Когда они подошли подъ благословеніе къ нему, онъ сказалъ имъ грозно: «Если вы пришли правдою, а не лестію, и въ вашемъ умыслѣ не будетъ нарушенія православной вѣрѣ, то будь на васъ благословеніе отъ всего вселенскаго собора и отъ меня грѣшнаго; если же вы пришли съ лестію, съ злымъ умысломъ противъ вѣры, то будьте прокляты». Салтыковъ со слезами на глазахъ сталъ увѣрять патріарха, что будетъ у нихъ прямой, истинный государь, и патріархъ благословилъ его. Но когда подошелъ къ патріарху Михаилъ Молчановъ, то патріархъ закричалъ на него: «Окаянный еретикъ, тебѣ не слѣдъ быть въ церкви», и приказалъ выгнать его вонъ.

Чрезъ два дня послѣ торжественной присяги Владиславу, Сигизмундъ прислалъ съ Андроновымъ къ Жолкѣвскому письмо, въ которомъ онъ требовалъ, чтобы Москвитяне присягали не на имя короле-

вича, а прямо ему Сигизмунду. Вслѣдъ затѣмъ Жолкѣвскому была прислана съ Гонсѣвскимъ полная инструкція, какъ закрѣпить все Московское государство за Сигизмундомъ. Не только Жолкѣвскому, который очень хорошо зналъ настроеніе Русскаго общества, но и Гонсѣвскому требованія Сигизмунда показались совершенно неисполнимыми. Русскіе еще могли надѣяться, что Владиславъ, какъ юноша, можетъ свыкнуться съ Русскими обычаями, съ Русской вѣрой. Этого ничего не могли ожидать Русскіе отъ короля Сигизмунда: было извѣстно, что онъ ярый Католикъ и послушный сынъ іезуитовъ. Съ малымъ войскомъ Жолкѣвскому усмирить бунтъ было бы невозможно. Въ виду всего этого Жолкѣвскій скрылъ отъ Русскихъ намѣренія короля. Но для Русскихъ не могло долго оставаться тайной, что Сигизмундъ самъ желаетъ царствовать на Московскомъ государствѣ, что онъ не дастъ Владислава на царство, въ особенности не допуститъ его д перемѣны католической вѣры; а потому гетманъ находилъ нужнымъ поскорѣе убраться изъ Москвы, чтобы не потерять здѣсь пріобрѣтенной славы и своимъ личнымъ вліяніемъ убѣдить Сигизмунда принять Московскій договоръ. Послѣ присяги королевичу Владиславу, бояре, желая себя обезопасить отъ Вора и сдѣлать для всѣхъ Русскихъ невозможнымъ отступленіе въ выборѣ царемъ Владислава, предложили гетману ввести Польское войско въ Москву, на что онъ конечно согласился; но какъ только Польское войско стало вступать въ Москву, какой-то монахъ ударилъ въ набатъ и объявилъ собравшемуся народу, что Поляки входятъ въ Москву. Бояре испугались волненія и упросили гетмана обождать три дня. Жолкѣвскій исполнилъ ихъ просьбу, но просилъ чрезъ Гонсѣвскаго, чтобы для Польскаго войска былъ отведенъ Новодѣвичій монастырь и слободы. Бояре согласились. Но патріархъ говорилъ, что неприлично оставить монахинь въ монастырѣ вмѣстѣ съ Поляками, неприлично и высылать ихъ ради Поляковъ. Мнѣніе патріарха раздѣляли многіе. Вокругъ Ермогена начали собираться дворяне, торговые и посадскіе люди и стрѣльцы. Патріархъ два раза посылалъ за боярами, но они не шли, отговариваясь тѣмъ, что заняты государственнымъ дѣломъ. Тогда Ермогенъ послалъ сказать имъ, что если они не хотятъ идти къ нему, то онъ пойдетъ къ нимъ самъ, и не одинъ, а со всѣмъ народомъ. Бояре испугались, пришли къ патріарху и толковали съ нимъ часа два, опровергая слова его о неблагонамѣренныхъ замыслахъ гетмана. Ермогенъ говорилъ, что Жолкѣвскій нарушаетъ условія договора, не отправляя никого противъ Калужскаго вора, что онъ хочетъ ввести свои войска въ Москву, а Русскіе полки высылаетъ изъ Москвы противъ Шведовъ. Бояре утверждали, что введеніе Польскихъ войскъ въ Москву необходимо: иначе чернь предастъ ее Самозванцу. Гонсѣвскій, узнавъ о чемъ спорятъ бояре съ патріархомъ, прислалъ сказать имъ, что гетманъ завтра же высылаетъ войска противъ Самозванца, если только Московскіе полки будутъ готовы. Это извѣстіе дало перевѣсъ боярамъ. Мстиславскій началъ превозносить гетмана, и бояре сказали патріарху, чтобы онъ смотрѣлъ за церковію, а въ мірскія дѣла не вмѣшивался, и что прежде духовенство никогда не управляло государствен-

ными дѣлами. Патріархъ уступилъ боярамъ, уступилъ имъ и народъ. Салтыковъ, Шереметевъ, Андрей Голицынъ, дьякъ Грамотинъ ѣздили среди толпы, порицали мятежъ и приказывали не затѣвать новаго. Гонсѣвскій сейчасъ поскакалъ въ станъ къ гетману съ извѣстіемъ, что въ настоящее время нѣтъ никакой опасности расположить войско въ столицѣ, что сами бояре просятъ объ этомъ. Ночью съ 20 на 21 Сентября 1610 года Поляки вошли въ Москву и заняли Кремль, Китай, Бѣлый городъ и Новодѣвичій монастырь. Обязанность продовольствовать Поляковъ была возложена на замосковные города и волости. Сначала сами Поляки ѣздили за припасами, но когда они стали брать все, что̀ имъ понравится, и даже силою отнимать женъ и дочерей у Москвитянъ, то сіи послѣдніе перевели натуральную повинность на денежную, сами стали собирать ее и доставлять Польскому войску. Стрѣльцы Московскіе поступили подъ команду Гонсѣвскаго.

Вскорѣ послѣ присяги Русскихъ королевичу Владиславу, Жолкѣвскій сталъ хлопотать о снаряженіи большого посольства отъ Московскаго государства къ королю Сигизмунду. При этомъ Жолкѣвскій преслѣдовалъ три цѣли: а) онъ хотѣлъ удалить изъ Москвы опасныхъ для Рѣчи Посполитой людей и князя Голицына, котораго думали возвести на престолъ Русскій; б) хотѣлъ въ лицѣ пословъ дать королю Сигизмунду заложниковъ; в) скорѣе уѣхать изъ Москвы самому. Князь В. В. Голицынъ, слѣдуя внушеніямъ Жолкѣвскаго, согласился принять на себя посольство. Другой кандидатъ на Московскій престолъ Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ, въ то время еще отрокъ, не могъ войти въ число пословъ; но Жолкѣвскій полагалъ, что Михаилъ былѣ силенъ только поддержкою своего отца, митрополита Филарета, который велъ свою политику отличную отъ политики Мстиславскаго и Голицына, что̀ ясно изъ его рѣчи предъ народнымъ собраніемъ. Жолкѣвскій увѣрялъ его, что онъ, какъ знатнѣйшій человѣкъ по роду и сану, болѣе всего подходитъ, чтобы быть въ посольствѣ. Патріархъ Ермогенъ уважалъ Филарета и потому съ удовольствіемъ назначилъ его первымъ посломъ отъ духовенства.

Великое посольство, состоявшее изъ 1,246 человѣкъ, поѣхало въ лагерь подъ Смоленскъ къ королю Сигизмунду. На пути туда послы видѣли, что Поляки, вопреки договору, осаждаютъ Осташковъ, пустошатъ Ржевскій и Зубцовскій уѣзды; они узнали, что многіе дворяне пріѣзжаютъ изъ Москвы и присягаютъ самому Сигизмунду и королевичу, а тѣхъ, которые присягали только королевичу, Сигизмундъ заставляетъ присягать и себѣ. Обо всемъ этомъ послы своевременно извѣстили бояръ. 7 го Октября 1610 года послы пріѣхали подъ Смоленскъ къ королю. 10-го Октября они били передъ нимъ челомъ, чтобы онъ отпустилъ сына своего на царство Московское. Рѣшительнаго отвѣта послы не получили. Въ совѣтѣ королевскомъ шли споры: отпускать ли королевича въ Москву или нѣтъ? Немногіе говорили, что нельзя дѣлать клятвопреступниками короля, гетмана и цѣлое войско, что обѣщанное подъ клятвою нужно исполнить; если не дать королевича, то этимъ самымъ Москвитяне сочтутъ себя разрѣшенными отъ присяги ему, выберутъ себѣ другого царя и будутъ упорно стоять

противъ насъ, какъ противъ клятвопреступниковъ. Силою этой войны, утверждали они, не кончить, потому что у насъ нѣтъ достаточныхъ средствъ, и намъ придется воевать и съ Москвой, и съ своими. Большинство же было противъ исполненія договора: присяга королевичу ничего не даетъ Польшѣ, а мы должны покинуть осаду Смоленска, потерять надежду на пріобрѣтеніе областей здѣсь и въ странѣ Сѣверской. Лучше продолжать начатое и не выпускать изъ рукъ того, что̀ уже взято. Королевичъ еще очень молодъ, его нужно воспитывать. Московскій народъ привыкъ къ бунтамъ, привыкъ къ клятвопреступленію. Трудно ему вѣрить. Всего бы лучше было, еслибъ Москвитяне взяли въ государи короля, мужа лѣтъ зрѣлыхъ и опытнаго въ управленіи; но предложить это опасно: взволнуется духовенство ихъ, которое хорошо знаетъ, что король ревностный католикъ, и взволнуется народъ. Поэтому мы не будемъ отказывать имъ прямо въ королевичѣ, но отпустить его сейчасъ не можемъ; потому что Московское государство не усмирено, бѣдно, что пребываніе королевича не безопасно, такъ какъ много воровъ. А разъ королевичъ не будетъ отпущенъ, а безъ головы государству нельзя, то за это время пусть управляетъ король Сигизмундъ. 15-го Октября былъ первый съѣздъ пословъ съ панами радными, которые объявили имъ, что король не можетъ дать своего пятнадцатилѣтняго сына на Московскій престолъ теперь, не можетъ отступить отъ Смоленска и вывести войско изъ Московскаго государства: онъ долженъ сначала истребить Вора, очистить города, а потомъ уже дать сына своего на престолъ Московскій. Послы на это замѣтили, что Воръ силенъ только Польскою помощью, и одного отряда Жолкѣвскаго достаточно для истребленія его; если же пойдетъ король со всѣмъ своимъ войскомъ въ Московское государство, то это будетъ крайне разорительно для Московскаго государства, которое и безъ того сильно разорено. Что же касается до Смоленска, то этотъ вопросъ уже рѣшеный и подтвержденный гетманомъ въ его договорѣ съ Валуевымъ при Царевомъ Займищѣ, и въ Московскомъ договорѣ гетманъ клятвою подтвердилъ, что очищены будутъ и прочіе города Московскаго государства. Дальнѣйшіе съѣзды показали, что Поляки ничего не хотятъ дѣлать по договорамъ и требуютъ уступки Смоленска. Паны заявили посламъ: «Пришли вы не съ указомъ, а къ указу, и не отъ государя пришли; пришли отъ Москвы съ челобитьемъ къ государю нашему, и что̀ вамъ государь нашъ укажетъ, то и дѣлайте».

Устроивъ все для Польскаго дѣла въ Москвѣ, т.-е. захвативъ Москву и занявъ ее Польскимъ войскомъ, удаливъ изъ нея наиболѣе опасныхъ для Польши людей въ качествѣ пословъ, Жолкѣвскій отправился изъ Москвы подъ Смоленскъ. На пути изъ Іосифова монастыря онъ взялъ съ собою сверженнаго царя Василія и обоихъ его братьевъ, Дмитрія и Ивана. Это было прямымъ нарушеніемъ договора, по которому жители Московскаго государства не должны быть переводимы въ Литву и Польшу. Но Сигизмундъ писалъ боярамъ: «По договору вашему съ гетманомъ Жолкѣвскимъ велѣли мы князей Василія, Димитрія и Ивана Ивановичей Шуйскихъ отослать въ Литву, чтобы тутъ въ государствѣ Московскомъ смуты они не дѣлали; по-

этому приказываемъ вамъ, чтобы вы отчины и помѣстья ихъ отобрали на насъ государя». Еще ранѣе патріархъ догадывался, что опасно помѣщать бывшаго царя Василія въ Іосифовомъ монастырѣ и предлагалъ его отправить въ Соловецкій монастырь, но патріарха не послушали.

Въ концѣ Октября гетманъ пріѣхалъ подъ Смоленскъ и былъ торжественно принятъ королемъ и Польскимъ войскомъ; но какъ со стороны сенаторовъ, такъ равно и Москвитянами, повторяема была одна и таже пѣсня (Зап. Жолкѣвск., 109). Прибытіе гетмана подъ Смоленскъ не помогло нашимъ посламъ. Гетманъ счелъ даже для себя возможнымъ отказываться отъ договора, заключеннаго имъ при Царевомъ-Займищѣ съ Елецкимъ и Валуевымъ. Сорокъ четыре человѣка изъ посольства были отпущены въ Москву, и посольство такимъ образомъ распадалось. Сигизмундъ думалъ, что на Москвѣ онъ скорѣе достигнетъ своей цѣли, такъ какъ тамъ у него было много приверженцевъ съ княземъ Мстиславскимъ во главѣ, нежели съ упрямыми, по его мнѣнію, княземъ Голицынымъ, Филаретомъ и дьякомъ Луговскимъ. Но значеніе бояръ въ Москвѣ уже падало. До патріарха, духовенства и народа дошли свѣдѣнія, что Сигизмундъ не отпускаетъ своего сына въ Москву, что королевичъ Владиславъ не думаетъ принимать крещенія по Греческому обряду, что Поляки осаждаютъ Смоленскъ, Русскихъ городовъ не очищаютъ и никакихъ мѣръ противъ Калужскаго Вора не предпринимается. Канцлеръ Левъ Сапѣга писалъ даже своему родственнику Яну Сапѣгѣ, чтобы онъ поддерживалъ Вора и держалъ его, какъ пугало для Москвы.

VI.

11-го Декабря 1610 года Татаринъ Петръ Урусовъ на охотѣ изъ мести убилъ Калужскаго Вора. Вслѣдъ за тѣмъ князь Димитрій Трубецкій и Черкасскій, Бутурлинъ, Микулинъ овладѣли Калугою, взяли Марину подъ стражу, цѣловали крестъ законному государю, тому, кто волею Божіею и всенародно утвердится на Московскомъ государствѣ, и дали знать обо всемъ Думѣ боярской.

Сигизмундъ лишился предлога идти въ предѣлы наши, такъ какъ Воръ уже не существовалъ, и очищать Россію отъ Вора было уже не нужно. Русскіе люди освободились отъ пугала, которымъ стращали Сигизмундъ и бояре, желавшіе имѣть въ лицѣ Владислава ограниченнаго государя. Ермогенъ, зная, что Поляки не соблюдаютъ договора и не хотятъ исполнить основного условія, прежде всѣхъ заговорилъ противъ Владислава. Онъ торжественно объявилъ, что Владиславу не царствовать, если онъ не крестится въ нашу вѣру и не вышлетъ всѣхъ Ляховъ изъ державы Московской. Уже въ началѣ Генваря 1611 г. управлявшіе Московскимъ государствомъ бояре посылаютъ къ Сигизмунду и его сыну грамоту о томъ, что Прокофій Ляпуновъ «крестное цѣлованіе преступилъ и со всею Рязанью отъ васъ великаго государя царя и великаго князя Владислава Жигимонтовича всея Россіи отложился, и вашего государскаго повелѣнія самъ ни въ чемъ

не слушаетъ и слушати не велитъ, и въ городы, которые были вамъ великому государю послушны, воеводъ и головъ съ ратными людьми отъ себя поставляетъ» (Собр. Госуд. Грамот., № 223). Жолкѣвскій пишетъ, что Ляпунова возбуждалъ и подстрекалъ къ тому патріархъ, который въ томъ самъ сознался. Иные обвиняли въ томъ и князя Василія Голицына, но князь Голицынъ упорно стоялъ на томъ, что онъ не имѣлъ никакихъ сообщеній съ Ляпуновымъ, сознаваясь, однако, что писалъ къ патріарху о томъ, что король не хочетъ дать королевича Владислава и желаетъ лучше самъ быть государемъ. «Патріархъ, уже увѣдомленный о семъ кн. Голицынымъ и митрополитомъ Ростовскимъ, разсѣвалъ и сообщалъ письмами эту вѣсть въ города, ускоривъ такимъ образомъ кровопролитіе» (Записк. Жолкѣв., 115).

Очевидецъ событій, Маскѣвичъ пишетъ: «Октября 24-го (?) пришла въ столицу вѣсть, что царикъ, бывшій въ Калугѣ, убитъ Татариномъ Петромъ Урусовымъ въ полѣ, когда онъ гонялся за зайцами. Москвитяне были внѣ себя отъ радости. До сихъ поръ, имѣя въ виду этого врага, они не смѣло нападали на насъ; теперь же, когда его не стало, начали пріискивать всѣ способы, какъ бы выжить насъ изъ столицы. Виною замысла была медленность королевича вступить на престолъ Московскій, ибо въ Россіи междуцарствіе никогда не продолжается болѣе трехъ дней; притомъ же носился слухъ, что не королевичъ, а самъ король хотѣлъ царствовать въ Москвѣ. Для лучшаго въ замыслахъ успѣха и для скорѣйшаго вооруженія Русскихъ, патріархъ Московскій тайно разослалъ по всѣмъ городамъ грамоты, которыми разрѣшалъ народъ отъ присяги королевичу и тщательно убѣждалъ соединенными силами, какъ можно скорѣе, спѣшить къ Москвѣ, не жалѣя ни жизни, ни имущества, для защиты христіанской вѣры и для одолѣнія непріятеля. «Враги уже почти въ рукахъ нашихъ», писалъ патріархъ, «когда ссадимъ ихъ съ шеи и освободимъ государство отъ ига, тогда кровь христіанская перестанетъ литься, и мы, свободно избравъ себѣ царя изъ рода Русскаго, съ увѣренностью въ ненарушимости вѣры православной, не приметъ царя Латинскаго, коего навязываютъ намъ силою и который влечетъ за собою гибель нашей странѣ и народу, разореніе храмамъ и пагубу вѣрѣ христіанской». «О грамотахъ патріарха извѣстили насъ доброжелательные бояре, обходившіеся съ нами откровенно». Чтобы еще болѣе удостовѣриться въ замыслахъ Москвитянъ, посланъ былъ 25-го Декабря Вашинскій съ 700 всадниковъ добыть языка въ окрестностяхъ: онъ перехватилъ гонца съ подлинными патріаршими грамотами (Устряловъ, Сказанія соврем., II, 49).

Такъ уже въ Декабрѣ 1610 года патріархъ призываетъ города къ возстанію противъ Поляковъ. Слова, приводимыя Маскѣвичемъ изъ грамотъ патріарха, не находятся въ извѣстныхъ намъ грамотахъ патріарха Ермогена; значитъ, нѣкоторыя грамоты не дошли до насъ.

Прежде всѣхъ, по призванію патріарха, возсталъ Прок. Ляпуновъ. Мы уже знаемъ, что о возстаніи его бояре извѣщали Сигизмунда въ Генварѣ 1610 г. Города быстро отозвались на зовъ патріарха. Изъ Калуги князь Дмитрій Тимоѳеевичь Трубецкой да Иванъ

Заруцкій, изъ Рязани Прокофій Ляпуновъ, изъ Владимира и Суздаля Артемій Измайловъ, изъ Костромы Андрей Просовецкій, изъ Ярославля князь Өеодоръ Волконскій, изъ Романова Иванъ Волконскій да князь Өеодоръ Козловскій съ братіею, «вси согласишася между собою, хотящи подвизатися о очищеніи Москвы до смерти своея» (Нов. Лѣт., 128). Это народное движеніе заставило Поляковъ, находившихся въ Москвѣ и преданныхъ имъ бояръ, писать къ Сигизмунду, чтобы онъ, не медля, давалъ имъ на царство сына своего, «а мы-де во всемъ полагаемся на его королевскую волю». Къ митрополиту же Филарету и прочимъ съ нимъ посламъ они писали, чтобъ «били челомъ кралю о сынѣ его, а мы-де во всемъ покладаемся на его королевскую волю, какъ ему годно, такъ-де и будемъ чинить. Все же сіе умыслиша сотворити того ради, чтобъ крестъ цѣловати самому кралю, и чтобъ они не собирались и подъ Москву не приходили. Бояре-жъ написаша тако и приложиша руки; тажъ шедше къ патріарху прошаху его, да и онъ также ко оной грамотѣ приложитъ руку, и прочимъ властемъ повелитъ, и о посланіи во грады, чтобъ не собирались и подъ Москву не ходили. Патріархъ, прочетъ писанная, рече къ нимъ: Стану писать ко кралю, но не тако; аще краль дастъ сына своего на Московское государство и аще оставитъ Латинскую ересь и пріиметъ Греческую вѣру и королевскихъ людей изъ Москвы всѣхъ выведетъ вонъ, тогда азъ къ таковому письму руку приложу и прочимъ властемъ повелю, и васъ на сіе благословлю. А чтобъ писать такъ, что намъ всѣмъ положиться на королевскую волю, и того азъ и прочіи власти чинити не будемъ, и вамъ не повелѣваю. Аще ли жъ меня не послушаете, тогда возложу на васъ клятву; явное дѣло, что по такимъ письмамъ цѣловать будутъ крестъ самому кралю. По градомъ же писати буду сице: аще королевичъ пріиметъ едину вѣру съ нами и воцарится надъ нами, имъ велю и благословеніе подамъ, да будутъ во всякомъ послушаніи его во всемъ; аще ли же и воцарится, а единыя вѣры съ нами не пріиметъ, и людей королевскихъ изъ града всѣхъ не выведетъ, то азъ и тѣхъ, которые крестъ ему цѣловали, паки благословляю идти подъ градъ Москву и страдати за вѣру до самыя смерти». Тогда измѣнникъ Михаилъ Салтыковъ не вытерпѣлъ, «начатъ патріарха безчествуя злорѣчити» и «веземъ ножъ свой, хотя его заклати». Патріархъ же велегласно рече къ нему: не страшуся азъ ножа твоего, буди жъ ты отъ нашего смиренія проклятъ въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ» (Нов. Лѣт., 129) и, обратясь къ боярину князю Ө. И. Мстиславскому, сказалъ: «Тебѣ нужно начинать, ты нынѣ надъ всѣми честью большій, тебѣ должно подвизаться за православную вѣру; аще ли же и ты такожде прельстишися, яко же и прочіи, то вскорѣ прекратитъ Богъ животъ твой и родъ твой изметъ весь отъ земли живыхъ, и не останетъ рода твоего ни единъ» (Предсказаніе патріарха исполнилось). Бояре не послушали святителя, написали грамоты, какъ хотѣли, приложили руки свои и велѣли боярамъ, находившимся въ заключеніи, кн. Ивану Михайловичу Воротынскому и князю Андрею Васильевичу Голицыну, руки приложити; «они жъ по неволи сотвориша тако, бяху бо въ великой тѣснотѣ». Великая тѣснота не можетъ служить оправ-

даніемъ для этихъ князей: Ермогенъ тоже былъ въ великой тѣснотѣ и не подписалъ грамоты, когда находилъ ее неправильною.

За подписью однихъ бояръ грамоты были отправлены къ королю подъ Смоленскъ. Король приказалъ Московскимъ посламъ съѣхаться на съѣздъ. Тутъ были прочитаны грамоты бояръ. Король, обращаясь къ посламъ, сказалъ: Слышите, что̀ пишутъ всѣ ваши бояре за своею подписью. Складаются во всемъ на мою волю, и вамъ велѣно бити челомъ о сынѣ моемъ и складатись во всемъ на мою волю. Митрополитъ Филаретъ отвѣчалъ: «Видимъ сіи писанія точію за руками единыхъ бояръ. Отправлены мы отъ патріарха, всего освященнаго собора, отъ бояръ, отъ всѣхъ чиновъ и всей земли, а эти грамоты писаны безъ согласія патріарха и освященнаго собора и безъ вѣдома всей земли, какъ же намъ ихъ слушать?» Князь Голицынъ и прочіе члены посольства также объявили, что грамоты не законны. 27-го Декабря 1610 года послы позваны были снова на съѣздъ, и имъ объявили о смерти Самозванца. Послы встали и съ поклономъ благодарили за эту вѣсть. Князь Голицынъ, вслѣдъ за Филаретомъ, говорилъ панамъ, что они отпущены не отъ однихъ бояръ, и отчетъ должны отдавать не однимъ боярамъ, а сначала патріарху и властямъ духовнымъ, а потомъ боярамъ и всей землѣ; а грамота писана отъ однихъ бояръ, и то не отъ всѣхъ. Теперь они такое великое дѣло пишутъ къ намъ одни, мимо патріарха, освященнаго собора и не по совѣту всѣхъ людей Московскаго государства». Паны требовали, чтобы исполненъ былъ указъ боярскій относительно Смоленска; послы попрежнему отговаривались тѣмъ, что у нихъ нѣтъ указа отъ патріарха. Паны возражали, что патріархъ особа духовная, въ земскія дѣла не вмѣшивается. Послы отвѣчали: «Изначала у насъ въ Русскомъ царствѣ при прежнихъ великихъ государяхъ такъ велось: если великія государственныя или земскія дѣла начнутся, то великіе государи наши призывали къ себѣ на соборъ патріарховъ, митрополитовъ и архіепископовъ и съ ними о всякихъ дѣлахъ совѣтовались, безъ ихъ совѣта ничего не приговаривали, и почитаютъ государи наши патріарховъ великою честью, встрѣчаютъ ихъ и провожаютъ, и мѣсто имъ сдѣлано съ государями рядомъ. Такъ у насъ честны патріархи, а до нихъ были митрополиты. Теперь мы стали безгосударны, и патріархъ у насъ человѣкъ начальный, безъ патріарха теперь о такомъ великомъ дѣлѣ совѣтовать непригоже. Когда мы на Москвѣ были, то безъ патріархова вѣдома никакого дѣла бояре не дѣлывали, обо всемъ съ нимъ совѣтовались, и отпускалъ насъ патріархъ вмѣстѣ съ боярами».

23-го Генваря 1611 года Иванъ Никитичъ Салтыковъ привезъ подъ Смоленскъ Смольнянамъ и Полякамъ новыя боярскія грамоты, подтверждавшія прежнія. На эти грамоты Смольняне отвѣчали, что если впередъ къ нимъ пришлютъ съ такими воровскими грамотами, то они прикажутъ застрѣлить посланнаго: при королѣ есть послы отъ всего Московскаго государства, чрезъ нихъ и нужно говорить съ ними Смольнянами. 30-го Генваря пословъ снова позвали на съѣздъ и указали имъ на новую грамоту. Послы объявили, что и на новой грамотѣ нѣтъ подписи патріарха. Послы утверждали, что на послѣд-

немъ съѣздѣ паны имъ объявили, что король оставилъ вопросъ о присягѣ ему королю, а велѣлъ только говорить о числѣ людей, какое можно впустить въ Смоленскъ. Паны закричали: Клевета! Клевета! Тогда митрополитъ Филаретъ замѣтилъ: «Если вы увидали въ насъ неправду, то королю бы пожаловать отпустить насъ въ Москву, а на наше мѣсто велѣть выбрать другихъ. Мы никогда и ни въ чемъ не лгали; что̀ говоримъ и что̀ отъ васъ слышимъ, все помнимъ. Посольское дѣло, что́ скажется, того не переговаривать, и бываетъ слово посольское крѣпко; а если отъ своихъ словъ отпираться, то чему впередъ вѣрить? И намъ впередъ ничего нельзя уже дѣлать, если въ насъ неправда объявилась». Тутъ въ рѣчь вмѣшался Иванъ Никитичъ Салтыковъ. Онъ громко закричалъ: «Вы послы должны вѣрить панамъ ихъ милости, они не солгутъ; огорчать вамъ пановъ радныхъ и приводить на гнѣвъ великаго государя короля не пригоже; вы должны безпрекословно исполнить волю королевскую по боярскому указу, а на патріарха смотрѣть нечего: онъ вѣдаетъ не государственныя, а свои поповскія дѣла; его величеству, стоявъ подъ такимъ лукошкомъ два года и не взявъ его, прочь отойти стыдно; вы послы сами должны бы вступиться за честь королевскую и велѣть Смольнянамъ цѣловать крестъ королю». Послы замѣтили Салтыкову, чтобы онъ вспомнилъ, съ кѣмъ говоритъ, что ему не слѣдъ вмѣшиваться въ разсужденія пословъ, выбранныхъ всѣмъ государствомъ. Обратясь къ панамъ, Филаретъ сказалъ: «Если вамъ, паны, есть до насъ какое дѣло, то говорите съ нами вы, и не позволяйте вмѣшиваться въ разговоръ постороннимъ людямъ, съ которыми мы словъ терять не хотимъ». Паны велѣли Салтыкову замолчать и спросили пословъ: «Хотите ли вы дѣлать по боярской грамотѣ?» Филаретъ на это отвѣчалъ: «сами вы знаете, что намъ, духовному чину, отецъ и начальникъ—святѣйшій патріархъ, и кого онъ свяжетъ словомъ, того не только царь, самъ Богъ не разрѣшитъ. И мнѣ безъ патріаршей грамоты о крестномъ цѣлованіи на королевское имя никакими мѣрами не дѣлывать, а вы бы на меня въ томъ не досадовали. Обѣщаюсь вамъ Богомъ, что хотя мнѣ и смерть принять, а безъ патріаршей грамоты такого великаго дѣла не дѣлывать» (Солов., VIII, 402).

Въ это безгосударное время, когда высшее боярское сословіе измѣнило государству, и народъ не зналъ, что̀ дѣлать, одинъ патріархъ стоялъ на стражѣ вѣры и государства. По его приказу вставала и собиралась Земля. Способъ обращенія къ городамъ посредствомъ грамотъ отъ патріарха Ермогена перешелъ и къ самымъ городамъ. Въ Генварѣ 1611 года изъ подъ Смоленска отъ Смольнянъ была прислана въ Москву грамота: «Господамъ братьямъ нашимъ всего Московскаго государства. Братья есмя и сродницы, понеже отъ святыя купели, святымъ крещеніемъ породихомся и обѣщахомся вѣровати во Святую и Единосущную Троицу, Богу живу и истину; а и провославніи крестьяне, вѣдомо вамъ смертная наша погибель, какъ мы и вы дались безъ всякаго противленія Литовскимъ людемъ, во своихъ городѣхъ и въ уѣздѣхъ, и принели есмя свои головы и животы къ нимъ для избавленія душъ своихъ, чтобы не отбыть православнаго крестьянства въ

Латынство, и въ конечной погибели и въ посѣченіи, во плѣнѣ не разведеннымъ быть; и мы всѣ изо всѣхъ городовъ и изъ уѣздовъ безъ остатка и безъ всякаго пощаженья погибли, и ни малыя милости и пощаженья не нашли во всѣхъ городѣхъ и въ уѣздѣхъ, гдѣ завладѣли Литовскіе люди. Не поругана ли наша крестьянская вѣра и не разорены ли Божіи церкви? Не сокрушены ли поруганы злымъ поруганьемъ и укоризною божественныя иконы и Божіе образы? Все то зрятъ очи наша. Гдѣ наши головы, гдѣ жены и дѣти и братья и сродницы и друзи? Не остались ли есмя отъ тысячи десятой, или ото ста единъ, токмо единою душею и со единымъ тѣломъ? И нынѣшняго году, за два дня предъ Рождествомъ Христовымъ, писали съ Москвы къ королю Михайло Салтыковъ, да Ѳедоръ Андроновъ, да князь Василей Масальской и съ своими совѣтники, что Вора убили, который назывался царевичемъ Дмитреемъ, и въ то время на Москвѣ Русскіе люди возрадовалися и стали межъ себя говорить, какъ бы - де во всей землѣ всѣмъ людемъ соединитись и стати противъ Литовскихъ людей, чтобъ Литовскіе люди изо всея земли Московскія вышли всѣ до одного, на чемъ крестъ цѣловали. Послѣ того, послѣ Рождества Христова, на пятой недѣлѣ, въ Суботу, писалъ съ Москвы Ѳедоръ же Андроновъ, да Михайло Салтыковъ съ товарищи, что *на Москвѣ патріархъ призываетъ къ себѣ всякихъ людей явно и говоритъ о томъ: будетъ королевичу не креститься въ крестьянскую вѣру и не выйдутъ изъ Московскія земли всѣ Литовксіе люди, и королевичъ-де намъ не Государь.* Такія-де свои слова патріархъ и въ грамотахъ своихъ отъ себя писалъ во многіе города, а Москвичи-де посадскіе всякіе люди, лучшіе и мѣлкіе, всѣ принялися и хотятъ стоять, а тѣ предатели пишутъ къ королю съ великимъ своимъ моленіемъ, что далъ ему Богъ, ихъ службою, Москву, и ему бъ Москвы не потерять, только-де не придти самому королю со многими людьми къ Москвѣ и не вывести съ Москвы лучшихъ людей, и Московскою-де землею не владѣти. Есть ли которые еще хотятъ въ православной крестьянской вѣрѣ скончатись, начните таковому дѣлу душами своими и головами, чтобъ быть всѣмъ крестьянамъ, обще всѣмъ въ соединеньи, оставьте свой страхъ, или которымъ милосердіемъ и ласками прельщаютъ, и все ли чаете жить въ миру и покоѣ? Мы не противились и животы свои всѣ принесли, всѣ погибли и въ вѣчную работу и въ Латынство пошли, васъ же всѣхъ Московскихъ людей Литовскіе люди зовутъ себѣ противниками и врагами себѣ. Какую хотите милость и пощаду себѣ найти? Не будете только нынѣ въ соединеньи, обще со всею землею, горько будетъ плакати и рыдати неутѣшнымъ вѣчнымъ плачемъ, перемѣнена будетъ вѣра крестьянская въ Латынство, и разорятся божественныя церкви со всею лѣпотою, и убіенъ будетъ лютою смертію родъ вашъ крестьянской, поработятъ и осквернятъ и разведутъ въ полонъ матерей и женъ и дѣтей вашихъ. Какимъ словамъ клятвеннымъ вѣрите? Что обѣщаваютъ вамъ все сладкое и лучшее Михайло Салтыковъ да Ѳедоръ Андроновъ съ своими совѣтники, и потому знаете ли, не предатели ли своей вѣрѣ и землѣ? Польскіе и Литовскіе люди дали вамъ вѣру крестнымъ цѣлованьемъ всей земли Московской, а что намъ ихъ вѣрѣ вправду устоятъ, не помните

того и не смышляете никоторыми дѣлы, что быть у насъ на Москвѣ королевичу государемъ; первое за то, что видять на Москвѣ надъ лучшими людьми непостоянство во всемъ крестопреступленіемъ, да за то что всѣ люди въ Польшѣ и Литвѣ никако того не поступятся, что дать королевича на Московское государство, мимо своего государства; а того о томъ было у Литвы на соймищѣ дума со всею землею, да и положено на томъ, чтобъ вывесть лучшихъ людей, и опустошить всю землю, и владѣти всею землею Московскою. Здѣ мы немало время живемъ и подлинно провѣдаемъ, для того и пишемъ къ вамъ. Для Бога, положите о томъ крѣпкой совѣтъ межъ себя; пошлите въ Новгородъ и на Вологду и въ Нижній нашу грамоту, списавъ, и свой отвѣтъ къ нимъ отпишите, чтобъ всѣмъ было вѣдомо, всею землею общею стати за православную крестьянскую вѣру, покамѣстъ еще свободны, а не въ работу и плѣнъ разведены. Что вы сами вѣдаете, что дѣлается въ Смоленскѣ, не на Божію ли помощь надѣятся? Стали за православную крестьянскую вѣру и сидять крѣпко и несумнѣнно, а милосердый Богъ и Пречистая Богородица не заступають ли ихъ? И послали есмя къ вамъ товарищевъ своихъ, а имянъ ихъ не написали, страха ради смертнаго; а будетъ мы вамъ братьямъ своимъ православнымъ крестьянамъ что ложно и не прямо писали про все, для православныя крестьянскія вѣры, то свидѣтель Богъ, да не будетъ на насъ милость Божія въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ, все истинная правда написана, можете ото всѣхъ людей Русскихъ то увѣдати» (Собр. Госуд. грам. и догов. № 226). Смольняне изъ Польскаго лагеря узнають, «что на Москвѣ патріархъ призываетъ къ себѣ всякихъ людей явно и говоритъ о томъ: будетъ королевичу не креститься въ крестьянскую вѣру, и не выдутъ изъ Московскія земли всѣ Литовскіе люди, и королевичъ-де намъ не государь; такія-де свои слова патріархъ и въ грамотахъ своихъ отъ себя писалъ во многіе городы». Смольняне, на основаніи своего опыта и характера Поляковъ, какъ бы подтверждають справедливость мнѣнія патріарха и убѣждають всѣхъ православныхъ христіанъ соединиться, «всею землею общею стати за православную крестьянскую вѣру, покамѣстъ еще свободны, а не въ работу и въ плѣнъ разведены». Смольняне извѣщають Москвичей, что на сеймѣ у Поляковъ «положено на томъ, чтобъ вывесть лучшихъ людей, и опустошить всю землю, и владѣти всею землею Московскою». Значитъ, Польша замышляла совершенно покончить съ землею Московскою. Вопросъ шелъ о самомъ существованіи Русскаго народа. Недаромъ Смольняне прибавляють: «Здѣ мы немало время живемъ и подлинно провѣдаемъ», «все истинная правда».

4 Генваря 1611 года патріархъ Еромгенъ разрѣшилъ всѣхъ Россіянъ отъ присяги Владиславу. Черезъ недѣлю отъ патріарха возвратились въ Нижній посланные оттуда довѣренные люди сынъ боярскій Романъ Пахомовъ, да посадскій человѣкъ Родіонъ Мосѣевъ. Патріархъ не могъ съ этими людьми прислать грамоты, такъ какъ у него «писать было не кому, дьякъ и подъячіе и всякіе дворовые люди поиманы, а дворъ его весь разграбленъ». «По благословенью святѣйшаго Ермогена патріарха Московскаго и всея Русіи и по совѣту всей земли,

вы, Нижегородцы идете изъ Нижняго къ Москвѣ стати за Московское государство за одинъ». Въ Февралѣ Нижегородцы извѣщаютъ жителей Вологды, что 27 Генваря люди Рязанскія области, *по благословенію святѣйшаго Гермогена патріарха Московскаго и всея Русіи*, собрався со всѣми Сѣверскими и Украйными городы и съ Тулою и съ Калужскими со всѣми людьми, идутъ на Польскихъ и на Литовскихъ людей къ Москвѣ» (Собр. г. гр. и догов., 499). «Да тогожъ дня прислалъ къ намъ (Нижегородцамъ) святѣйшій Ермогенъ патріархъ Московскій и всея Русіи двѣ грамоты: одну ото всякихъ Московскихъ людей, а другую, что писали изъ подъ Смоленска», «да приказывалъ къ намъ, чтобъ намъ, собрався съ окольными и съ Повольскими городы, одноличио идти на Польскихъ и на Литовскихъ людей къ Москвѣ вскорѣ. И мы, по благословенію и по приказу святѣйшаго Ермогена патріарха Московскаго и всея Русіи, собрався со всѣми людьми изъ Нижняго и съ окольными людьми, идемъ къ Москвѣ».

Гонсѣвскій и Салтыковъ понимали, что въ этихъ обстоятельствахъ ни Сигизмундъ, ни Владиславъ уже ничего не могутъ сдѣлать. Властенъ остановить спѣшащія отовсюду войска только тотъ, кто сумѣлъ ихъ подвинуть къ Москвѣ. И вотъ Гонсѣвскій и Салтыковъ являются къ патріарху и говорятъ ему: «Ты писалъ, чтобы ратные люди шли къ Москвѣ; теперь напиши имъ, чтобы возвратились назадъ». «Напишу, отвѣчалъ Ермогенъ, если ты, измѣнникъ, вмѣстѣ съ Литовскими людьми, выйдешь вонъ изъ Москвы; если же вы останетесь, то всѣхъ благословляю померѣть за православную вѣру; вижу ей поруганіе, вижу разореніе церквей, слышу въ Кремлѣ пѣніе Латинское и не могу терпѣть». «Патріарха, какъ главнаго виновника мятежей Московскихъ, пишетъ Маскѣвичъ, отдали подъ стражу товорищу изъ роты Малынскаго, Малицкому, и стерегли его такъ исправно, что безъ вѣдома и позволенія Малицкаго, никого къ нему не допускали, а самъ и за порогъ не могъ переступить» (Устряловъ, т. II, стр. 69).

Въ Вербное Воскресенье, 17 Марта, Поляки выпустили Ермогена изъ-подъ стражи, чтобы онъ совершилъ обычное торжественное шествіе на осляти, которое и состоялось. По площадямъ во время шествія стояли Ляхи и Нѣмцы, пѣхота и всадники съ обнаженными саблями и пушками; но изъ православныхъ Москвичей очень немногіе приняли участіе въ этомъ торжествѣ: разнесся слухъ, что Салтыковъ и Поляки во время хода хотятъ изрубить патріарха и безоружный народъ. Слухъ былъ не безосновательный. Михаилъ Салтыковъ настаивалъ на томъ предъ Поляками. Очевидцы-Поляки пишутъ, что Салтыковъ говорилъ: «Нынче былъ случай, и вы Москву не били, ну такъ они васъ во Вторникъ будутъ бить; я этого ждать не буду; возьму жену и поѣду къ королю». Во Вторникъ Салтыковъ ждалъ прихода подъ Москву Ляпунова. Къ этому-то Вторнику стали готовиться Поляки, втаскивали пушки на башни Кремлевскія и Китая-города. Полякъ Николай Козловскій принуждалъ извощиковъ, чтобы они шли помогать Полякамъ тащить пушки на стѣны. Извощики не соглашались. Споръ, шумъ, крикъ. Нѣмецкій отрядъ вообразилъ, что началось возстаніе и бросился на толпу безоружныхъ гражданъ. Поляки послѣ-

довали его примѣру. Такъ въ Китаѣ-городѣ было убито до семи тысячъ человѣкъ. Въ Бѣломъ городѣ Русскіе успѣли вооружиться: загородили улицы столами, скамьями, бревнами и стали стрѣлять въ Поляковъ и Нѣмцевъ; изъ оконъ домовъ бросали каменья, бревна, доски. На Срѣтенкѣ Поляки были остановлены княземъ Д. М. Пожарскимъ, который съ пушкарями отбилъ непріятеля, втопталъ его въ Китай-городъ и поставилъ себѣ острожекъ у церкви Введенія, что̀ на Лубянкѣ. Поляки, загнанные въ Кремль и Китай-городъ, были охвачены со всѣхъ сторонъ возставшимъ населеніемъ. Вдругъ раздался крикъ: Огня! Огня! То былъ крикъ Михаила Салтыкова, который первый поджегъ свой домъ. Его примѣру послѣдовали Поляки и успѣли поджечь Москву въ разныхъ мѣстахъ. Населеніе занялось тушеньемъ пожара, и Поляки были спасены. На слѣдующій день, 20 Марта 1611 года, Поляки пошли поджигать Замоскворѣчье и, не смотря на сильное сопротивленіе стрѣльцовъ, имъ удалось поджечь его. Другая часть Поляковъ возобновила нападеніе на князя Пожарскаго. Цѣлый день онъ отбивался отъ нихъ изъ своего острожка, наконецъ палъ отъ ранъ и былъ вынесенъ своими изъ боя и отправленъ для излѣченія въ Троицкій монастырь. Вся Москва, за исключеніемъ Кремля и Китай-города, была сожжена. Королевскіе люди и Русскіе измѣнники съ торжествомъ возвратились въ Кремль, объявили Ермогена низложеннымъ съ патріаршаго престола и заключили его, 21 Марта 1611 года, на Кирилловскомъ подворьѣ подъ крѣпкую стражу.

1-го Апрѣля 1611 г. Русское ополченіе изъ разныхъ городовъ подошло къ стѣнамъ Бѣлаго города. 6-го Апрѣля оно овладѣло Бѣлымъ городомъ. Начались ежедневныя сшибки. Поляки по своей малочисленности не могли оказывать важнаго сопротивленія Московскому ополченію. Положеніе ихъ было очень трудное. Они писали подъ Смоленскъ Потоцкому: «Рыцарству на Москвѣ тѣснота великая, сидятъ въ Китаѣ и Кремлѣ въ осадѣ, ворота всѣ подняты; пить, ѣсть нечего». Гонсѣвскій надѣялся на помощь отъ Сигизмунда, а Сигизмундъ былъ занятъ осадою Смоленска и не могъ оказать помощи Полякамъ, находившимся подъ Москвою. Гонсѣвскаго спасла взаимная вражда начальниковъ ополченія. Онъ составилъ двѣ подложныя грамоты, искусно поддѣланныя подъ руку Ляпунова, и передалъ ихъ казакамъ. Въ этихъ грамотахъ всѣмъ воеводамъ предписывалось въ одинъ день и часъ истребить всѣхъ казаковъ. Ляпунова вызвали въ казацкій кругъ и представили ему подложныя грамоты. Онъ разсмотрѣлъ ихъ и сказалъ: Рука походитъ на мою, а писалъ не я. Но казаки рады были придраться къ какому-нибудь случаю. Они ненавидѣли Ляпунова за урядъ 30 Іюня 1611 года, который былъ составленъ главнымъ образомъ подъ вліяніемъ Ляпунова, вводилъ порядокъ въ рядахъ ополченія и ограничивалъ казацкую вольницу. 22 Іюля на Ляпунова казаки бросились и тутъ же, вопреки договору, изрубили его саблями.

Со смертью Ляпунова ополченіе потеряло свою силу. Большинство убѣжало отъ Москвы, оставшіеся воины терпѣли страшныя притѣсненія и насилія отъ казаковъ. Сами казаки снова занялись грабежемъ окрестныхъ селеній. Казаки ничего не сдѣлали рѣшительнаго

для освобожденія Москвы. Вѣсть о смерти Ляпунова быстро распространилась по окружнымъ городамъ. Въ Августѣ Казанцы писали Пермичамъ: «Подъ Москвою, господа, промышленника и поборотеля по христовой вѣрѣ, который стоялъ за православную христіанскую вѣру, за домъ Пресвятыя Богородицы и за Московское государство противъ Польскихъ и Литовскихъ людей и Русскихъ воровъ, Прокопія Петровича Ляпунова, казаки убили, преступя крестное цѣлованье. И митрополитъ и мы, и всякіе люди Казанскаго государства... сослалися съ Нижнимъ Новгородомъ и со всѣми городы съ Повольскими и Горными и Луговыми, и съ Горными и съ Луговыми Татары, и съ Луговою Черемисою, чтобъ намъ быти всѣмъ въ совѣтѣ и въ соединеньѣ, и за Казанское государство стояти, и другъ друга не побивати и не грабити, и дурна ни надъ кѣмъ не учиняти, а кто до вины дойдетъ, и ему указъ учинити съ приговору, смотря по винѣ; и воеводъ и дьяковъ, и головъ и всякихъ приказныхъ людей въ городы не пущати и прежнихъ не перемѣняти, быть всѣмъ попрежнему, и *казаковъ въ городъ не пущати*, и стояти на томъ крѣпко до тѣхъ мѣстъ, пока намъ дастъ Богъ на Московское государство государя. А выбрати бы намъ на Московское государство государя всею землею Россійскія державы; а будетъ козаки учнутъ выбирати на Московское государство государя по своему изволенію одни, не сослався со всею землею, и намъ того государя на государство не хотѣти» (Собр. Госуд. грам. и догов., № 269).

Возникалъ новый вопросъ. Извѣстно, что Иванъ Заруцкій, начальникъ козаковъ и одинъ изъ трехъ военачальниковъ Московскаго ополченія, явился покровителемъ Марины. Вмѣстѣ съ Мариною онъ вздумалъ воцарить на Россійскомъ престолѣ сына Марины, а за малолѣтствомъ его держать власть въ своихъ рукахъ. Нижегородцы послали отъ себя къ патріарху Ермогену безстрашныхъ людей: Свіяженина Родіона, Моисѣева и Ратмана Пахомова «съ совѣтными челобитными». Эти безстрашные люди съумѣли проникнуть къ заключенному патріарху. Видно, что однимъ изъ главныхъ вопросовъ былъ вопросъ о воцареніи сына Марины. Видно, что патріархъ писалъ свою грамоту на спѣхъ и подъ вліяніемъ сильнаго волненія. Вотъ эта грамота: «Въ Нижній-Новгородъ благословеніе архимандритамъ, игуменамъ и протопопамъ, и всему святому собору, и воеводамъ, и дьякамъ, и дворянамъ, и дѣтямъ боярскимъ, и всему міру. Отъ патріарха Ермогена Московскаго и всея Русіи: миръ вамъ и прощеніе, и разрѣшеніе. Да писати бы вамъ изъ Нижняго въ Казань къ митрополиту Ефрему, чтобы митрополитъ писалъ въ полки къ боярамъ учительную грамоту, да и Казанскому войску, чтобъ они стояли крѣпко о вѣрѣ и боярамъ бы говорили натамасье безстрашное, чтобы они отнюдь на царство проклятаго Маринки паньина сына, не благословляю. И на Вологду ко властемъ пишитежъ, также бы писали въ полки; да къ Рязанскому пишите тожъ, чтобъ въ полки также писалъ къ боярамъ учительную грамоту, чтобъ уняли грабежъ, корчму, имѣли бы чистоту душевную и братство и промышляли-бъ, какъ реклись, души своя положити за Пречистой домъ, и за чудотворцевъ, и за вѣру, такъ бы и свершили;

да и во всѣ городы пишите, чтобы изъ городовъ писали въ полки боярамъ натамасье, что отнюдь Маринкинъ на царство ненадобеть, проклять отъ святаго собора и отъ насъ. Да тѣ бы вамъ грамоты съ городовъ собрати къ себѣ въ Нижній-Новгородъ, да прислати въ полки къ боярамъ натамасье, а прислати прежнихъ же, коихъ есте присылали ко мнѣ совѣтными челобитными, безстрашныхъ людей Свіяженина Родіона Моисеева, да Ратмана Пахомова, и имъ бы въ полкѣхъ говорити безстрашно, что проклятье отнюдь ненадобе; а хотя буде и постраждете, и вамъ въ томъ Богъ проститъ и разрѣшитъ въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ; а въ городы, для грамотъ, посылати ихъ же, а велѣти имъ говорити моимъ словомъ. А вамъ всѣмъ отъ насъ благословеніе и разрѣшеніе въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ, что стоите за вѣру неподвижно; а я долженъ за васъ Бога молить» (Собр. госуд. грам.. т. II, № 268).

Патріархъ Ермогенъ совѣтуетъ своей паствѣ писать учительныя грамоты по городамъ и въ войска. На грамоты Троице-Сергіева монастыря нужно смотрѣть, какъ на исполненіе завѣщанія патріарха Ермогена. До насъ дошла окружная грамота архимандрита Діонисія и келаря Авраамія Палицына въ Пермь, писанная 6-го Октября 1611 года. Не смотря на то, что обыкновенно грамотѣ Троицкаго монастыря приписывается возбужденіе Нижегородцевъ стать за вѣру и отечество, нужно сказать, что грамота эта получена была въ Нижнемъ, когда тамъ все уже было подготовлено для возстанія патріархомъ. Нижегородцы дѣйствуютъ по программѣ, выработанной Ермогеномъ, а не Діонисіемъ. Діонисій смотритъ на козаковъ, какъ на защитниковъ отечества, которымъ нужно помогать, а Нижегородское ополченіе считаетъ нужнымъ заявить: «Если вы, господа, дворяне, и дѣти боярскіе опасаетесь отъ козаковъ какого нибудь налогу или какихъ нибудь воровскихъ заводовъ, то вамъ бы никакъ этого не опасаться, какъ будемъ всѣ верховые и понизовые города въ сходу, то мы всею землею о томъ совѣтъ учинимъ и дурна никакого ворамъ дѣлать не дадимъ; самимъ вамъ извѣстно, что къ дурну ни къ какому до сихъ поръ мы не приставали, да и впередъ никакого дурна не захотимъ, непремѣнно быть вамъ съ нами въ одномъ совѣтѣ и ратными людьми на Польскихъ и Литовскихъ людей идти вмѣстѣ, чтобъ козаки попрежнему не разогнали низовой рати воровствомъ, грабежомъ, иными воровскими заводами и Маринкинымъ сыномъ» (Соловьевъ, VIII, 446). Въ грамотѣ Пожарскаго содержится цѣлый обвинительный актъ противъ Ивана Заруцкаго, и недаромъ: онъ, при появленіи Нижегородскаго ополченія подъ Москвою, бѣжалъ оттуда. «Старые-жъ заводчики всякому злу, атаманы и козаки, холопи боярскіе, умысля съ своимъ начальникомъ съ Иваномъ Заруцкимъ, Прокофья Ляпунова убили, и всчали въ полкѣхъ и по дорогамъ многіе грабежи и убійства, а дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ смертные позоры учинили, а бѣдныхъ полоняниковъ, которые отъ смертнаго полона изъ города выходятъ, немилостивно обругали и смерти предали; да Иванъ же Заруцкій многіе городы и дворцовыя села, и черныя волости, и монастырскія отчины себѣ поималъ, и совѣтникомъ своимъ бояромъ, и вое-

водамъ, и дворяномъ, и дѣтямъ боярскимъ, и атаманомъ, и козакомъ роздалъ; а которую многую денежную казну изъ городовъ привозили въ полки, и Иванъ Заруцкій тое казну поималъ себѣ, а ратнымъ людемъ, дворяномъ, и дѣтемъ боярскимъ, и атаманомъ, и козакомъ, которые прямо за домъ Пречистыя Богородицы умирали, не давалъ». Пожарскій также твердо принялъ программу патріарха Ермогена: «Марины и сына ея на Московское государство не хотѣти». Разъ Пожарскій былъ противъ Марины и сына ея, онъ тѣмъ самымъ былъ противъ Заруцкаго и его козаковъ. Грамота Троицкаго монастыря звала Нижегородцевъ на соединеніе съ полками Трубецкаго и Заруцкаго. По грамотѣ Пожарскаго, всѣ города призывались къ соединенію съ ополченіемъ верхнихъ и понизовыхъ городовъ, причемъ обѣщалось козакамъ-ворамъ никому не дозволить никакого дурна дѣлать, обѣщалось Маринкина сына и Псковскаго Вора въ государи на Московское государство не хотѣть, а также и Литовскаго короля. Когда составилось Нижегородское ополченіе, то Поляки прислали къ Ермогену Русскихъ людей, которые уговаривали его отписать къ Нижегородскому ополченію, чтобы оно не ходило подъ Москву. Ермогенъ отвѣчалъ: «Да будутъ благословенны тѣ, которые идутъ для очищенія Московскаго государства, а вы, измѣнники, будьте прыкляты». Послѣ этого Поляки распорядились непокорнаго и неподатливаго Ермогена уморить голодомъ, отъ чего и скончался святитель 17-го Февраля 1612 г. Его погребли, согласно его желанію, въ Чудовѣ монастырѣ.

Ермогену приходилось бороться не съ врагами только отечества, но съ правителями народа облеченными властью, которою они злоупотребляли и дѣлали все, чтобы подчинить Россію Польскому королю Сигизмунду. Казалось, Ермогенъ вездѣ терпѣлъ неудачи: ему не удалось убѣдить царя Василія Ивановича Шуйскаго не успокоиваться на взятіи Тулы, а скорѣе заняться преслѣдованіемъ второго Самозванца; ему не удалось отстоять этого царя отъ мятежниковъ, чтобы не сводили его съ престола и насильно не постригали въ монахи; ему не удалось настоять на избраніи царя изъ Русскихъ князя В. В. Голицына или юнаго Михаила Ѳеодоровича Романова; ему не удалось удержать боярское правительство отъ впущенія Поляковъ въ Москву и Кремль; но онъ твердо и упорно противился всѣмъ этимъ дѣйствіямъ. Когда всѣ Русскіе люди увидали, что Ермогенъ былъ правъ во всѣхъ своихъ совѣтахъ, тогда они стали относиться къ его совѣтамъ, какъ къ приказаніямъ, которымъ необходимо слѣдовать. Онъ разрѣшилъ всѣхъ отъ присяги Владиславу и сталъ призывать воиновъ для очищенія Москвы. По его совѣту вооружается Ляпуновъ. Нижегородцы пишутъ: «Мы по благословенію и приказу святѣйшаго Ермогена патріарха Московскаго и всея Русіи... идемъ къ Москвѣ». Владимирцы, отправляясь въ Москву и приглашая Казанцевъ, тоже ссылаются на «благословеніе святѣйшаго Ермогена патріарха Московскаго» (Собр. гр. и д., II, 499 и 523). Сигизмундъ признаетъ, что «по ссылкѣ и по умышленію Ермогена патріарха Московскаго съ Прокофьемъ Ляпуновымъ почала на Москвѣ во всякихъ людяхъ быти великая смута, и на нашихъ Польскихъ и Литовскихъ людей ненависть и невѣрство

положили (тамъ же, 540). Гонсѣвскій и Салтыковъ еще болѣе знали о вліяніи Ермогена на умы людей Россійскаго государства и потому постоянно являлись къ нему съ просьбами или приказами отписать, чтобы ополченіе не шло къ Москвѣ.

VII.

Современники смотрѣли на Ермогена, какъ на мужа великаго ума, твердаго характера, какъ на истиннаго пастыря, который душу свою полагаетъ за овцы своя, который настолько преданъ вѣрѣ, что готовъ претерпѣть за нее все и даже мученическую смерть, который подъ конецъ своей жизни пріобрѣтаетъ неограниченное вліяніе на Русскій народъ.

Такъ князь Иванъ Михайловичъ Катыревъ-Ростовскій, человѣкъ образованный и безпристрастный, въ своей повѣсти пишетъ: «На святительскій престолъ возведенъ бысть митрополитъ Ермогенъ Казанскій, мужъ чуденъ зѣло *и многово разсужденія*, въ Московское же разореніе многое дивное о себѣ творяше... Сей же патріархъ Ермогенъ отъ Ростриги въ заточеніи бысть, понеже не послѣдова дѣломъ его и о женьдбѣ запрещеніе ему подавая на соборѣхъ, предъ всѣми людьми безстрашно словеса своя изливая, яко не достоитъ православному христіанину отъ иноплеменныхъ жену себѣ пояти. И много ему бысть отъ того Ростриги прещенія смертнаго и жестокихъ словесъ; онъ же яко крѣпкій поборникъ никако сего ужасеся, непрестанно его божественнымъ писаніемъ укоряя, и за сія заточенъ бысть» (Историч. Библ., XIII 583). Потомъ, когда Поляки, овладѣвъ Москвою, «начали небоязненно ухищеніе на царствующій градъ предлагати; видѣвше же сія Московскіе люди въ толицѣ бѣдѣ предложенныхъ, и начаше сѣтовати и болѣзненно вздыхати, яко уже кончина приходитъ и посѣкаемый мечъ уже готовъ есть, великій же патріархъ, новый исповѣдникъ, узрѣвъ сію настоящую бѣду, и тако созываетъ народъ и повелѣваетъ мужски противъ Поляковъ за крестьянскую вѣру стояти и братися, и посылаетъ писанія во всѣ городы Россійскія державы на подтверженье людемъ, и наипаче посылаетъ до страны Резанскія, въ городъ Переяславль, къ воеводѣ и властемъ Рязанскихъ предѣлъ, къ Прокофію Ляпунову, и молитъ его, дабы не далъ въ расхищеніе и вѣчное паденіе царствующаго града Москвы. Полковницы же и воеводы Литовскія земли и Московскіе измѣнницы много о семъ патріарху смертію претиша и злозавѣщательныя словеса на него изліяша; онъ же сего прещенія не ужасеся, но и паче подкрѣпляя народъ» (Тамъ же, стр. 606). Авторъ «Новой Повѣсти» о патріархѣ Ермогенѣ говоритъ, что «онъ государь велика радума и смысла и мудра ума» (томъ I, 207 и 211), что онъ «столпъ крѣпкій и непоколебимый, твердый адамантъ, поборникъ непобѣдимый, непреклонный въ вѣрѣ стоятель, и воистину пастырь неложный», «всегда близъ смерти стоитъ отъ тѣхъ общихъ нашихъ враговъ и губителей». Авторъ «Плача о плѣненіи и разореніи Московскаго государства такъ характеризуетъ патріарха Ермогена: «Непоколебимый столпъ благочестія, предивный рачитель, крѣпкій твер-

дый адамантъ, человѣколюбивый отецъ, *премудрый* ерархъ, святѣйшій Ермогенъ патріархъ». Дьякъ Иванъ Тимоѳеевъ называетъ патріарха Ермогена апостолообразнымъ, огненоснымъ ревнителемъ за Христову вѣру (Тамъ же, 230, 439—440). Князь Иванъ Хворостининъ о патріархѣ Ермогенѣ говоритъ: «Бѣ бо ученикъ (ученый) и книжному отца, любомудрію искусенъ, каноны и житія святыхъ написа и церкви добрый кормчій, добрѣ управляя Христовъ корабль (Тамъ же, 551). Московскіе жители въ своей грамотѣ на города пишутъ: «А у насъ православныхъ крестьянъ въ началѣ Божія Мати и Пречистая Богородица и Московскіе Чудотворцы, да первопрестольникъ Апостольныя церкви, святѣйшій Ермогенъ патріархъ, прямъ: яко самъ пастырь, душу свою за вѣру крестьянскую полагаетъ несомнѣнно» (С. Г. гр. и дог. II, 496). Ярославцы въ Казань объ Ермогенѣ пишутъ: «Неначаемое учинилося, отцемъ отецъ, святѣйшій боголюбивый великій господинъ святѣйшій патріархъ Ермогенъ Московскій и всея Русіи сталъ за православную вѣру несумнѣнно и не убояся смерти... призвавъ всѣхъ православныхъ крестьянъ говорилъ и укрѣпилъ, за православную вѣру всѣмъ велѣлъ стояти и померети, а еретиковъ при всѣхъ людехъ обличалъ; и только бъ не отъ Бога посланъ, и такова досточюднова дѣла патріархъ не учинилъ, и за то было кому стоятися? Не токмо вѣру попрати, хотя бъ на всѣхъ хохлы учинити, и за то бъ никто слова не смѣлъ молвити, бояся многихъ Литовскихъ людей и Русскихъ злодѣевъ, которые съ ними, отступая отъ Бога, сложилися, и въ городы патріархъ приказалъ, чтобъ за православную вѣру стали; а кто умретъ, будутъ новые страстотерпцы; и то все слыша отъ патріарха и видя своима очима, городы всѣ обослалися и пошли къ Москвѣ» (С. гр. и д. II, 518). Діонисій и Аврамій Палицынъ въ своей окружной грамотѣ пишутъ: «Твердаго адаманта и непоколебимаго столпа, паче подобно рещи новаго исповѣдника, святѣйшаго Ермогена патріарха Московскаго и всея Русіи, со престола безчестно изринуша, и во изгнаніе нужное затвориша, и безчисленную крестьянскую кровь розлили; мы же имѣемъ его себѣ пастыря и учителя, и неотступна своего ему святительскаго престола, и непрестанное моленіе и молитвы о немъ возсылаемъ къ Богу» (Тамъ же, 518).

Одинъ только авторъ Хронографа 1616—1617 года позволилъ себѣ сдѣлать неблагопріятный отзывъ о патріархѣ Ермогенѣ. Онъ пишетъ: «Въ первое лѣто царства Василія царя возведенъ бысть на престолъ патріаршескій велицей церкви Гермогенъ, иже бысть Казанскій митрополитъ. Бысть же словесенъ мужъ и хитрорѣчивъ, но не сладкогласенъ, о божественныхъ словесѣхъ всегда упражняшеся и вся книги Ветхаго Закона и Новыя Благодати извыче. А нравомъ грубъ и бывающимъ въ запрещеніяхъ косенъ къ разрѣшеніямъ, къ злымъ же и благимъ не быстро разпрозрителенъ, но къ льстивымъ паче лукавымъ прилежа и слуховѣрствователенъ бысть. О семъ убо нѣкій рече: яко во всѣхъ земнородныхъ умъ человѣчь погрѣшителенъ есть и отъ добраго нрава злыми совратенъ, якоже и сей преложенъ бысть отъ нѣкіихъ мужей зміеобразныхъ, иже лесть сшиваюше, козньми соплетоша и любезное въ ненависть преложиша, еже о Василіи царѣ зло-

вѣрствомъ наводиша мятежницы словесы лестными. Онъ же имъ во всемъ вѣру ятъ и сего ради къ царю Василію строптивно, а не благолѣпно бесѣдовавше всегда, понеже внутрь уду имый навѣтовательный огнь ненависти и на супостатныя коварства; яко же лѣпо бѣ, никакоже отчелюбиво совѣщевающе со царемъ; мятежницы во время свое преже царскій вѣнецъ низложиша, потомъ же и святительскую красоту злѣ поруганіемъ обезчестиша. Егда бо по Василіи царѣ пріяша Москву супостатніи руцѣ, тогда убо онъ по народѣ пастыря непреоборимо показати себе хотя, но уже времени и часу ушедше, како непостоянному стояти возненщева и во время лютыя зимы кляпышу процвѣтати хотя; тогда убо аще и ярящемуся ему на клятвопреступные мятежники и обличая христіаноборство ихъ, но ятъ бысть немилосердыма рукама, аки птица въ заклѣпѣ, гладомъ умориша и тако ему скончавшуся» (Изборн. Андрея Попова, 200).

Авторъ долженъ былъ хорошо знать, что святители Русской церкви не вмѣшивались въ дѣла свѣтской власти, и потому было въ порядкѣ вещей, что въ царствованіе Шуйскаго Ермогенъ не хотѣлъ и не могъ вмѣшиваться въ дѣла царя и что онъ его постоянно защищалъ во время бунтовъ мятежниковъ. Только исключительныя обстоятельства, когда Русская земля стала безгосударна, заставили патріарха вступить въ занятія и дѣлами государства. «Егда бо, по Василіи царѣ, пріяша Москву супостатніи руцѣ, тогда убо онъ по народѣ пастыря непреоборима показати себе хотя».

«А нравомъ грубъ». Патріархъ самъ о себѣ говоритъ: «Камнесердеченъ сый, но обаче прослезихся и припадохъ къ Богородицыну образу» (Казанск. Богор. дѣвичъ монастырь свящ. Малова. Сказаніе о явленіи чудотв. иконы Богор., примѣч. II). Люди съ характеромъ не могутъ быть мягки, имъ приходится неуклонно слѣдовать своимъ правиламъ и своему убѣжденію и удалять все, чтò противно принятому имъ рѣшенію. У кого много дѣла, тотъ не можетъ долго и попусту толковать. Эту-то рѣшительность со стороны можно принять за грубость; но мы во всѣхъ дѣйствіяхъ Ермогена не находимъ грубости. Онъ кричитъ на князя Шаховскаго, но развѣ Шаховской въ глазахъ его не заслуживалъ этого? Онъ проклинаетъ Салтыкова, который бросается на него съ ножомъ, но развѣ Салтыковъ этого не заслуживалъ?

«Отъ добраго нрава злыми сvalтенъ». Такая характеристика совершенно не приложима къ патріарху Ермогену. Человѣка съ большимъ характеромъ не такъ легко повернуть въ другую сторону зміеобразнымъ людямъ и отъ добраго совратить на злое. Салтыковъ и Андроновъ были хитрые люди и многое дѣлали, чтобы склонить патріарха на свою сторону, и не могли. «Къ бывающимъ въ запрещеніяхъ *косенъ* къ разрѣшенію». Если патріархъ былъ очень осмотрителенъ въ своихъ запрещеніяхъ, то онъ и не могъ быть быстръ въ разрѣшеніяхъ. Его запрещенія были справедливы.

«Къ царю Василію строптиво, а не благолѣпно бесѣдовавше всегда». Это не вѣрно. За царя Василія патріархъ постоянно стоялъ предъ всѣмъ народомъ. Но чтобы одобрять всѣ поступки царя, для этого нужно быть несправедливымъ, а такимъ патріархъ быть не могъ.

Князь Иванъ Андреевичъ Хворостининъ пишетъ: «Видѣ бо добрый пастырь царя малодушествующа, много пользова его отъ своего искусства и не возможе, многи убо бѣды пріимъ отъ всѣхъ человѣкъ его ради, якоже нѣкогда влачити его неискусно и поверзати праведника и святителя Божія, во истину истиннаго пастыря нашего и учителя изряднаго» (Истор. Библ., XIII, 545).

Г-ну Платону Васенко удалось въ одномъ спискѣ Степенной Книги, принадлежавшей патріарху Никону, найти отповѣдь на Хронографъ 1616 — 1617 года относительно патріарха Ермогена, которая написана не позже 1630 г. Авторъ этой отповѣди, изложивъ сначала весь текстъ Хронографа, потомъ прибавляетъ: «О Ермогенѣ патріархѣ сіе писаніе малое, *нѣкто отъ мятежныхъ* написа хулу и ложь, сказуя въ исторіи сей о немъ; и мы писаніе не извергохомъ, зане во многихъ сіе неправое писаніе распростреся, но нѣсть истина сіе сказуемое». Переписавъ затѣмъ характеристику патріарха Ермогена изъ Хронографа 1616—1617 г., неизвѣстный авторъ помѣщаетъ ниже свою отповѣдь: «И се до здѣ лжи тоя смутныя писма, нѣсть же сице, нѣсть право. Добро убо есть и хвалити, вѣдая по правдѣ дѣло кого. Аще не вѣдая хвалити, то ложь есть и грѣхъ, и безуміе. Аще ли хулити добродѣтель кого, а не вѣдая, то убо и *вражда* противу правды будетъ, и ложь да буди съ неправеднымъ умышленіемъ изоблечена; истина же да наставитъ насъ о семъ святѣйшемъ патріархѣ извѣствовати. Сей убо патріархъ, по списанію сего ложнаго повѣстописца, испервa объявленъ яко бѣ словесенъ мужъ и хитрорѣчивъ, тоже глаголъ, но не сладкогласенъ; и сіе есть неразуміе того списателя. Аще убо словесенъ и хитрорѣчивъ, то како же не сладкогласивъ? Якоже убо мудрость словесная и хитрое рѣчеточьство отъ Бога дается по сказанію на пользу, и се есть сладость разума слышащимъ; а гласъ красный и свѣтлоорганный шумящь отъ Бога же, и сіе дарованіе есть, и симъ украшается церковь Божія въ пѣніихъ и во чтеніихъ. А Духа Божія даръ кождо дѣйствуетъ дѣло во свое подобное время, а не всѣмъ дается отъ Бога и мудрость и гласъ. Якоже и о Моисеѣ пророцѣ и о инѣхъ есть писано. А еже рекъ: «нравомъ грубъ», и то писавшій о немъ самъ глупъ: пишетъ бо о немъ, яко «въ Божественныхъ словесѣхъ всегда упражняшеся и вся книги Ветхаго Закона и Новыя Благодати, и уставы церковные, и правила законныя до конца извыче, а нравомъ грубъ и къ бывающимъ въ запрещеніяхъ косенъ съ разрѣшеніемъ, и иная неправо сказуетъ о немъ, якоже выше о писаніи сего изъявихомъ даже и до сего». «И сего ради къ царю Василію строптивно и неблаголѣпно бесѣдоваше всегда». И не право се списатель вся глаголаше о святомъ семъ мужѣ, о Ермогенѣ. Въ то убо злое, аще не бы Господь положилъ на свѣтильницѣ церковномъ таковое свѣтило, то мнози бы во тмѣ еретичества Лютеранскаго и Латинскаго заблудили. И аще кто восхощетъ о смятеніи Россійскія земли широко и пространно увѣдати, и той да прочти себѣ великую исторію, яже въ дому Живоначальныя Троице-Сергіева монастыря написана бысть, и тамо да чти отъ шестыя главы даже и до пятыя на десять; и вся да уразумѣетъ, въ каковыхъ бѣдахъ, въ каковыхъ сле-

захъ тогда вся земля Россійская бысть. И аще вси овцы стада Христова восхищена быша, то пастырю самому, гдѣ миръ? гдѣ любовь? гдѣ союзъ показати къ кому? Всегда о всѣхъ плачъ, о всѣхъ рыданіе. И какую бы любовь показовати къ преступникамъ заповѣдей Божіихъ? Понеже на государя царя мнози тогда злая строяше и лестію отъ правды отводяше и въ непреподобныя идти низводяше; онъ же не со царемъ враждовашеся, но съ неподобными совѣтники его. О нихъ же здѣ мало явимъ. По взятіи бо Тулы града воднымъ потопленьемъ, ни у еще крови уемшеся пролитію, и совѣтницы лукавые царя уласкаху во царствующій градъ Москву во успокоеніе возвратитися; а грады вся Украинные въ неумиримой брани идущіе пань. И царь Василій токмо возвратися въ Москву, а врагомъ его сіе бысть радость и веселіе, зане же рать вся царская разыдеся, а врагомъ тогда рука и возвысися. Паки же и ину бѣду спивше прелестницы и сопротивъ злыхъ враговъ крамольниковъ, ратующихъ насъ, и изволиша защитися отъ нихъ руками Агарянскими, и таковѣми совѣтникы злыми царская душа во грѣхъ низвождашеся; святѣйшій же патріархъ о семъ всегда царя моляше, яко та вся недобра суть сѣтованія (совѣтованія) ближнихъ его. И егда вся та дѣлеса зломъ совершишася, и тогда царь Василей возрыда и восплакася, онъ же богомудрый пастырь во всемъ любезнѣ и кротцѣ непрестанно утѣшаше его. А крамольниковъ, иже отъ священнаго чина съ мирьскими прельстившихся, и тѣхъ по правиломъ святыхъ Апостолъ и святыхъ отецъ по достоинству, а не напрасно смиряя. Понеже тогда возбѣсишася мнози церковницы, не токмо мирстіи людіе, четцы и пѣвцы, но и священники, и діаконы, и иноцы мнози, радовахуся всякому злодѣйству. И сихъ крамольниковъ, овѣхъ писаньми Божественными наказуя, и инѣхъ моленьми, инѣхъ же запрещеньми; скверныхъ же кровопролитниковъ и не хотящихъ на покаяніе обратитися, и тѣхъ проклятію отдая; а иже кающихся истинно, то тѣхъ любезно пріемля и многихъ отъ смерти избавляя ходатайствомъ своимъ. Терпѣнію же его токмо чудитися достоитъ, каковъ бысть ко злодѣемъ возблагодатель. Нѣкоихъ бо отъ неосвященныхъ, иже заутра лающихъ его, слышай онъ на обѣдъ посыла звати ихъ, а противу лаянія ихъ яко глухъ идяше, ничто же вѣщая. Бѣ же ему обычай, яко припрутъ въ словесѣхъ и въ возрѣніихъ, но въ дѣлѣхъ и въ милостѣхъ ко всѣмъ единъ правъ благосердъ имѣя. И питаше всѣхъ на трапезѣ своей часто, и добро хотяй злодѣи своя, добрѣ изобилуя пищею и питіемъ, и неоскудно имъ подаваше многу милостыню, и нищимъ и ратнымъ людемъ; и одежда и обуви многимъ ограбленнымъ творя по всѣ часы; и на раны имъ и на исцѣленіе много розда злата и сребра и о толико творяше милостыню, яко и самъ въ послѣднюю нищету пріиде. И гладомъ уморенъ бысть отъ безбожныя Литвы и погребенъ бысть въ Чудовѣ монастырѣ». (Журн. М. Н. Просв. Іюль 1901 г.).

Видно, что мы имѣемъ дѣло съ добросовѣстнымъ сказателемъ-современникомъ. Авторъ отповѣди утверждаетъ, что «нѣкто отъ мятежныхъ написа хулу и ложъ». Кто же этотъ нѣкто? Онъ былъ житель Москвы, такъ какъ хорошо зналъ ее (начало 168 главы). У него нѣтъ

никакихъ указаній о Троицкомъ монастырѣ за Смутное время; стало быть, онъ не былъ инокомъ Троицкаго монастыря и вообще инокомъ. Онъ мало интересуется военными дѣйствіями, такъ онъ очень коротко говоритъ о взятіи Тулы; но онъ очень подробно говоритъ о патріархѣ Іовѣ, котораго называетъ блаженнымъ и смиренномудрымъ, источникомъ медоточивыя сладости. Онъ говоритъ о патріархѣ Ермогенѣ, что онъ «о божественныхъ словесѣхъ всегда упраздняшеся и вся книги Ветхаго Закона и Новыя Благодати извыче». Значитъ, онъ близко зналъ патріарха Ермогена и былъ въ его кругу, иначе онъ не могъ бы сказать о немъ «всегда упраздняшеся». Отсюда мы въ правѣ заключить, что это былъ человѣкъ, принадлежащій къ Московскому церковному клиру.

Изучая источники «Смутнаго времени», мы еще только въ одномъ находимъ невыгодный отзывъ о патріархѣ, это въ «повѣсти о видѣніи нѣкоему мужу духовну». Тамъ авторъ отъ лица Христа говоритъ: «нѣтъ истины во царѣ же и въ патріарсѣ, ни вовсемъ священномъ чину, ни во всемъ народѣ моемъ». Мы знаемъ, что авторъ этой повѣсти былъ протопопъ Терентій. Послѣ 1606 года онъ былъ лишенъ своей должности при Благовѣщенскомъ соборѣ и получилъ ее снова только 30 Ноября 1610 года по указу Сигизмунда. Ясно, что законнымъ путемъ чрезъ патріарха Ермогена онъ не могъ получить своей должности съ 1606 года по 1610 г., и стало быть дѣйствительно патріархъ былъ косенъ къ нему; но патріархъ имѣлъ для этого вѣскія основанія, и недаромъ протопопъ Терентій прибѣгъ къ незаконному пути для пріобрѣтенія себѣ мѣста протопопа, къ Сигизмунду, къ которому вообще прибѣгали Русскіе измѣнники. Одно это обстоятельство ясно говоритъ о нравственныхъ качествахъ Терентія. Сохранились его два письма къ первому Самозванцу. Въ первомъ онъ желалъ ему преподать правила, какъ подобаетъ вести себя царю, переполненныя лестью, а въ другомъ оправдывается въ чемъ-то передъ нимъ и проситъ его, чтобы онъ сказалъ ему: «иди въ домъ твой съ миромъ и не буди печаленъ, но буди моля Бога о насъ».

Въ повѣсти о видѣніи духовному мужу, протопопъ Терентій является только передатчикомъ того, что̀ во снѣ видѣлъ этотъ духовный мужъ. «И по его скаскамъ Терентій писалъ у него, и то письмо написалъ, да отдалъ патріарху, да и царю сказывалъ. А того человѣка имени не сказалъ ни царю, ни патріарху, кому то видѣніе видѣлося: заклялъ-де его именемъ Божіимъ, не велѣлъ про себя сказывати. И то видѣніе чли по царскому велѣнію въ соборѣ у Пречистыя Богородицы въ слухъ во весь народъ, а міру собраніе велико было» (Историч. Библіот. т. XII, 178). Въ этой повѣсти любопытно, что протопопъ своего духовна мужа величаетъ святымъ, можно сказать праведной жизни, но святымъ при жизни никого нельзя назвать; протопопу нужно было назвать своего мужа святымъ, чтобы вызвать довѣріе къ его *сонному видѣнію*. Если сонное видѣніе имѣло значеніе, то святой мужъ долженъ былъ самъ сказать о немъ патріарху и царю, а не ждать случая, пока явится къ нему протопопъ Терентій, съ которымъ онъ видится случайно. «Молящу ми, говоритъ Терентій, много сего

святого о пользѣ душевнѣй и о нынѣшнихъ скорбѣхъ, нашедшихъ на насъ неудобоносимыхъ, онъ же послушающе моего *смиреннаго* къ нему моленія и сказа ми потонку вся, яже у него вопрошахъ». Въ этихъ словахъ заключаетея масса самовосхваленія Терентія: а) святой мужъ находится въ близкомъ общеніи съ Терентіемъ; б) онъ слушаетъ моленіе протопопа Терентія; в) это моленье было *смиренное*; г) и святой мужъ *потонку* разсказываетъ Терентію вся, яже у него вопрошалъ Терентій. И такъ кому нужно, можетъ съ протопопомъ Терентіемъ посовѣтоваться, какъ съ человѣкомъ знающимъ отъ святаго мужа потонку о нынѣшнихъ скорбѣхъ. Отзывъ такого человѣка о патріархѣ Ермогенѣ, конечно, не могъ быть безпристрастнымъ.

Тѣло патріарха Ермогена до 1651 года покоилось въ Чудовѣ монастырѣ. Въ этотъ же годъ по совѣту Никона, бывшаго тогда митрополитомъ Новогородскимъ, оно перенесено было въ Успенскій соборъ. При этомъ перенесеніи, мощи патріарха найдены были нетлѣнными, а потому и были положены сверхъ помоста въ ящикѣ, обитомъ фіолетовымъ бархатомъ, подлѣ мѣднаго шатра, построеннаго для ризы Господней. Въ 1812 г. Французскіе грабители извлекли мощи Ермогена изъ ящика, думая, что тамъ скрыты сокровища. По изгнаніи изъ Москвы иноплеменныхъ войскъ, мощи святителя Божія найдены были на полу храма въ прежнемъ нетлѣніи и положены на прежнее мѣсто.

На серебряной доскѣ надъ гробницею нынѣ Ермогена написано: «Ермогенъ второй патріархъ Московскій и всея Россіи изъ митрополитовъ Казанскихъ возведенъ на патріаршество при царѣ Василіи Іоановичѣ Шуйскомъ въ лѣто 1606. За вѣрность къ православной вѣрѣ, за вѣрность къ царскому престолу, за любовь къ отечеству, неустрашимо подвизался во первыхъ противу мятежниковъ престола царскаго, а потомъ и противу самыхъ вторгшихся уже въ Кремль Поляковъ, уморенъ былъ отъ враговъ сихъ голодомъ въ Чудовѣ монастырѣ въ лѣто 1612, 17 Февраля. Патріаршествовалъ 6 лѣтъ. По погребеніи его тогда въ Чудовѣ монастырѣ, тѣло его перенесено было послѣ того въ сію соборную церковь».

Предъ этой ракой почитающіе память патріарха Ермогена донынѣ служатъ панихиды.

Докторъ М. Глаголевъ.

Сентября 22-го 1902 года.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ОЛЬГИ АЛЕКСѢЕВНЫ НОВИКОВОЙ.

29-го Іюля 1878 года, на пути изъ Петербурга въ Берлинъ.

Я разсчитывала ускользнуть отъ взгляда князя Горчакова, который ѣхалъ изъ Петербурга въ томъ же поѣздѣ, какъ и я; но онъ замѣтилъ меня и пригласилъ въ императорскій вагонъ, бывшій въ его распоряженіи. Въ надеждѣ получить отъ него нѣкоторыя разъясненія, я согласилась, послѣ минутнаго колебанія.

Горчаковъ. Я очень радъ васъ видѣть. Что̀ вы подѣлываете? Что̀ дѣлается въ Москвѣ?

Я. Но именно то, что̀ и должно было дѣлаться. Всѣ поражены, оскорблены свыше всякой мѣры преслѣдованіями противъ Аксакова.

Г. Ахъ, да! Вѣдь вы очень близки съ нимъ, не такъ ли?

Я. Конечно. Съ нимъ, и еще болѣе съ его женой, на сколько они сами того хотятъ; но, кромѣ этихъ послѣднихъ дней, я прежде видалась съ ними рѣдко.

Г. Да, да, я знаю. Скажите, однако, не получали ли вы сами какого-нибудь предостереженія?

Я. По крайней мѣрѣ я до сихъ поръ ничего не знаю. Но ясно, что я его заслуживаю настолько же, какъ и Аксаковъ, или онъ не заслуживаетъ его больше, чѣмъ я и тысячи другихъ лицъ: то, что̀ я ему говорю, другіе чувствуютъ и думаютъ.

Г. (*Обиженный*). Какъ! Онъ позволилъ себѣ издѣваться, сказавъ генералъ-губернатору, что получаетъ уже *седьмой* высочайшій выговоръ, а вы какъ будто надѣялись, что подобный отвѣтъ пройдетъ незамѣченнымъ!

Я. Простите мнѣ мою откровенность, дорогой князь! Вопервыхъ, я очень сомнѣваюсь, чтобы Аксаковъ выразился именно такъ; но, допуская даже, что это справедливо, я нахожу, что со стороны князя Долгорукова было нечестно передавать его отвѣтъ, каковъ бы онъ ни былъ. Мнѣ кажется, что всегда надо обращать вниманіе на основныя черты людей, которыхъ судишь. А вѣдь Аксаковъ, конечно, не крикунъ. Онъ только говоритъ правду, когда признаетъ своей обязанностью показать положеніе вещей, скрываемое отъ Государя.

Г. (*Горячась все болѣе и болѣе).* Вы слишкомъ страстно относитесь и къ дѣлу, и къ тѣмъ, кто ему служитъ. Аксаковъ, кромѣ всего остальнаго, переходитъ за цѣли филантропическаго общества. Онъ слишкомъ много занимается политикой. Еслибы слушались Москвы, то надѣлали бы хорошихъ дѣлъ!

Я. Во всякомъ случаѣ никогда не измѣнили бы своему слову. Повѣрьте мнѣ, что нельзя было выбрать менѣе подходящей минуты, чтобы возбудить противъ себя такого человѣка, какъ Аксаковъ. И безъ того всѣ были въ полномъ уныніи. Всѣ говорили: что же такое дѣлается на Берлинскомъ конгрессѣ! Славянъ покидаютъ, ихъ приносятъ въ жертву...

Г. (Прерывая меня). Это неправда! Кто принесъ ихъ въ жертву? Не я! Я былъ противъ раздѣла Болгаріи. Но начинать войну сначала, когда силы Россіи уже истощены, было свыше того, чтó я смѣлъ предпринять.

Я. (Продолжая). Въ молодую Славянскую страну вводятъ Еврейскій элементъ, эту безпощадную язву...

Г. (Быстро). Я былъ противъ этой мѣры. Но вѣдь Евреевъ много только въ Румыніи; у Славянъ они образуютъ лишь ничтожное меньшинство. Позвольте еще вамъ посовѣтовать: откажитесь, откажитесь совершенно отъ употребленія слова *Славяне.* На конгрессѣ я ни разу не произносилъ его. Мы защищаемъ только *Восточныхъ Христіанъ.* Это шире.

Я. Но тогда еще лучше было бы отказаться отъ слова *Русскіе*, такъ какъ, въ концѣ-концовъ, кто произноситъ одно изъ нихъ, произноситъ и другое.

Г. Извините меня. Я только не хочу показывать быку краснаго платка.

Я. (Опять продолжая). Едва успѣли мы прочесть ужасную Берлинскую телеграмму, какъ телеграфъ извѣстилъ о прелестной рѣчи лорда Биконсфильда съ его знаменитымъ «стопъ».

Г. О, это была просто незначущая парламентская хитрость; но я признаю, что она была неловкою.

Я. Не перечисляя всѣхъ жестокихъ испытаній, черезъ которыя мы прошли, я повторяю въ сотый разъ, что возбуждать въ такое мгновеніе Аксакова было мѣрой столь же неумѣстной, сколько и грубой. Москва очень возбуждена.

Г. Это не важно. 12-го числа черезъ Москву проѣдетъ Императрица, и все успокоится.

Я. Боюсь, чтобы вы не ошиблись.

Г. (Улыбаясь). А вамъ дѣйствительно не было никакого предупрежденія? Ахъ, да, я хотѣлъ сказать вамъ, что послѣдняя рѣчь вашего друга Гладстона не хороша; онъ нападаетъ на присоединеніе Бессарабіи.

Я. Онъ это дѣлалъ всегда, какъ и всѣ Англійскіе либералы, кромѣ Фроада. Но чтó за неблагодарность съ вашей стороны, князь! Вы настроены противъ Гладстона, благодаря которому Англія не могла объявить намъ войны, и прощаете Биконсфильду его слова и поступки.

Г. Лично у меня нѣтъ причинъ жаловаться на Биконсфильда. По отношенію ко мнѣ онъ былъ безукоризненъ. Онъ нѣсколько разъ бывалъ у меня и былъ у моего сына, въ его собственной комнатѣ.

(Я смотрю на Горчакова съ удивленіемъ. Онъ принимаетъ мой взглядъ за знакъ одобренія и продолжаетъ).

Г. Онъ разсказывалъ мнѣ много любопытнаго. Между прочимъ онъ говорилъ мнѣ, что долго находился подъ моимъ обаяніемъ. Онъ разсказывалъ мнѣ также о леди Лондондери. Когда, послѣ моего отъѣзда изъ Лондона, въ ея присутствіи произносили удачную остроту, она никогда не упускала случая замѣтить: о, это ничего не стоитъ въ сравненіи съ остротами князя Горчакова!

(Противъ воли мнѣ вспомнилось, что̀ года два-три тому назадъ говорилъ Салюсбери, будто главная сила Биконсфильда заключается въ безпрестанной лести, расточаемой имъ направо и налѣво, но конечно, непремѣнно между четырехъ глазъ). Я сообщила объ этомъ князю. «О, ужъ меня-то нельзя поймать на лесть», сразу возразилъ онъ мнѣ. Я молчала. Онъ продолжалъ:

Г. И при всемъ томъ я усталъ и прошу одного только, покоя. Если только не возникнетъ какихъ либо дипломатическихъ затрудненій, которыхъ я съ своей стороны не предвижу, я больше ни во что не буду вмѣшиваться. Какъ министръ иностранныхъ дѣлъ, я не поѣду въ Парижъ, но какъ только буду свободенъ, я поселюсь именно тамъ. (Я молчала, еще подавленная тѣмъ, что̀ услышала).

Г. Что касается до вашего друга Аксакова, то я увѣренъ, что черезъ нѣкоторое время, если только онъ откажется отъ политики, ему можно будетъ вернуться въ Москву.

Я. Князь, возразила я, если вы такъ настаиваете на своей отставкѣ, то кого же вы намѣчаете себѣ въ преемника?

Г. Я не вмѣшиваюсь въ этотъ вопросъ. Игнатьевъ, во всякомъ случаѣ, вывѣтрился. У Шувалова слишкомъ мало Русскаго чувства. Лучше другихъ Валуевъ; но надо признаться, что есть доля правды въ томъ прозвищѣ, какое даютъ ему: Виляевъ. У него нѣтъ убѣжденій.

Я. А графъ Александръ Адлербергъ?

Г. Онъ совершенство для исполненія приказаній Государя, но онъ не способенъ ни на какой починъ.

Я. Думаете ли вы, что дѣйствительно будетъ вопросъ о конституціи для насъ?

Г. Сильно сомнѣваюсь. Во всякомъ случаѣ я рѣшительно объявилъ Государю, что тотчасъ потребую отставки, если онъ ее обнародуетъ.

Вотъ главное содержаніе нашего долгаго разговора. Надо сказать, что канцлеръ проявилъ по отношенію ко мнѣ много искренности и спускалъ мнѣ мои откровенныя сужденія. Говоря о моемъ beau-frère, онъ сказалъ: «Государь любитъ его депеши. Новиковъ прекрасно владѣетъ перомъ».. Я постаралась перейти къ другимъ вопросамъ. — «Не забывайте же побывать у меня въ Петербургѣ или въ Парижѣ». На этомъ мы разстались.

30 Августа 1878. Я забыла записать, что замѣтила Горчакову, когда онъ говорилъ противъ употребленія слова *Славяне*: «Однако Государь произнесъ же его, въ своей блестящей рѣчи въ Москвѣ».

Г. (*Съ живостью*). Со мной не посовѣтовались по этому поводу. Онъ сдѣлалъ это по собственной волѣ. На эту рѣчь въ Европѣ посмотрѣли косо.

Я. Но ей восхищались во всей Россіи.

Возвращаясь къ Гладстону, я сказала, что Шуваловъ не заботится нисколько объ оппозиціи. Горчаковъ обѣщалъ мнѣ поговорить съ нимъ объ этомъ въ моемъ духѣ.

Признаюсь, я была очень удивлена той снисходительности, съ какой старый канцлеръ принялъ мои замѣчанія, конечно иной разъ недостаточно сдержанныя.

кой долженъ былъ постоянно прыгать впереди, такъ что измучился наконецъ до крайности. По настоящему это былъ вовсе не танецъ, а просто прогулка, въ которой одинъ увлекалъ за собою другаго. Вельможи и министры сидѣли сначала въ саду и курили табакъ, но къ вечеру одинъ за другимъ разъѣхались; остались только мы, да еще нѣсколько здѣшнихъ молодыхъ кавалеровъ. За ужиномъ дамы и кавалеры размѣстились въ перемежку, и его высочеству пришлось сидѣть между княгинею Черкасскою съ лѣвой и старшею Головкиною съ правой стороны. За столомъ были все молодыя пріятныя лица, кромѣ хозяйки дома, которая уже порядочно стара. Княгиня Черкасская, страстная любительница всѣхъ удовольствій, любитъ также очень музыку и, говорятъ, держитъ, по здѣшнему обычаю, свой довольно хорошій оркестръ, который если она дома, всегда играетъ у нея во время стола. Послѣ ужина, когда его высочество сталъ собираться домой, дамы потихоньку начали просить г.-м. Ягужинскаго уговорить его еще немного потанцовать, потому что музыка еще не удалялась; но генералъ, подъ благовиднымъ предлогомъ, не согласился на это. При прощаньи Ягужинскій устроилъ такъ, что нашъ герцогъ, поцѣловавшись съ старою хозяйкою дома, получилъ и отъ всѣхъ молодыхъ дамъ по прощальному поцѣлую, чѣмъ его высочество былъ очень доволенъ, и веселый поѣхалъ домой.

27. Утромъ, съ почтою получено извѣстіе, что король Шведскій умеръ*). Каммерратъ Негелейнъ, которому эту новость сообщилъ почтъ-директоръ, прежде нежели письма разошлись по городу, первый явился съ нею къ герцогу, въ 6 часовъ утра, когда его высочество былъ еще въ постели, и, конечно, получилъ бы какую-нибудь награду, еслибъ принесенное имъ извѣстіе оправдалось. Оно немедлено разнеслось по всему Петербургу; всѣ ссылались на письма, откуда бы они ни были.

Послѣ обѣда, когда пушечнымъ выстрѣломъ возвѣстили о спускѣ корабля, о которомъ говорилъ царь во время послѣдней прогулки по рѣкѣ, его высочество сѣлъ въ свою барку и поѣхалъ въ Адмиралтейство. Царь былъ уже тамъ и прилежно трудился надъ приготовленіями къ спуску. Онъ всегда самъ смотритъ за всѣмъ, даже самъ строитъ корабли, потому что, какъ говорятъ, знаетъ это дѣло едва ли не лучше всѣхъ Русскихъ. Увидѣвъ герцога, онъ обнялъ его, отвелъ немного въ сторону и сталъ ему говорить что-то на ухо; его высочество отвѣчалъ такимъ же образомъ и потомъ, когда царь сказалъ еще нѣсколько словъ, подтверждая ихъ тѣлодвиженіями, радостно

*) Извѣстіе не оправдавшееся. Получившій королевскій титулъ супругъ Шведской королевы Ульки-Элеоноры, принцъ Гессенкассельскій умеръ въ 1751 году. П. Б.

поцѣловалъ ему руку, а онъ взялъ его высочество за голову и поцѣловалъ, послѣ чего снова поспѣшилъ къ кораблю, чтобъ осмотрѣть, не забыто ли что-нибудь. Немного спустя, онъ возвратился и повелъ насъ на корабль, гдѣ съ герцогомъ и со всею его свитою проползъ подъ подмостки у киля, чтобы показать, какъ корабль сдѣланъ внизу и чѣмъ облегчается спускъ его на воду. Потомъ царь, одинъ, еще разъ обошелъ вокругъ корабля и осмотрѣлъ, все ли приготовлено какъ нужно: его величество въ такихъ случаяхъ вѣритъ только собственнымъ глазамъ. Найдя, что все готово, онъ взошелъ на корабль и приказалъ начать его освященіе. Его высочество послѣдовалъ за царемъ. Обрядъ освященія совершалъ епископъ Новгородскій [1]) въ задней каютѣ, на верху, гдѣ послѣ кушала ея величество царица. Новый корабль получилъ имя «Пантелеймонъ», т. е. Побѣда [2]). По окончаніи церемоніи, царь тотчасъ сошелъ съ него и повелъ его высочество къ тому мѣсту у воды, гдѣ можно было стоять и хорошо видѣть спускъ; но самъ не остался тамъ, потому что долженъ былъ собственноручно сдѣлать первый ударъ при отнятіи подмостковъ. Такъ какъ это было лучшее мѣсто, то и князь Меншиковъ, съ нѣкоторыми другими вельможами, сталъ возлѣ его высочества. Я былъ дежурнымъ и потому, не отходя отъ герцога, могъ все очень хорошо видѣть. Царица съ обѣими принцессами и со всею своею свитою вышла на берегъ на противоположной сторонѣ рѣки (которая въ томъ мѣстѣ очень узка), именно на Васильевскомъ острову, откуда смотрѣть было очень удобно. Рядомъ съ новымъ кораблемъ стоялъ, также на штампелѣ, большой старый Французскій корабль, вынутый изъ воды тѣмъ же мастеромъ, который строилъ новый и котораго нарочно для того выписали изъ Франціи, потому что никто изъ здѣшнихъ мастеровъ не рѣшался взяться за это дѣло. Французъ этотъ, знаменитый, весьма опытный корабельщикъ, и до сихъ поръ считается во Французской службѣ. Къ царю онъ отпущенъ королемъ только на нѣсколько лѣтъ, но ведетъ здѣсь такую разгульную жизнь, что постоянно бываетъ пьянъ съ утра до вечера. Такъ какъ для поднятія стараго корабля требовалось много времени и притомъ не всегда можно было приступить къ такой работѣ, то ему поручили выстроить между тѣмъ новый, который онъ сдѣлалъ по образцу того, только нѣсколько покороче. Теперь этотъ старый корабль былъ до того наполненъ народомъ, что изъ всѣхъ люковъ выглядывали головы. Я замѣтилъ тамъ и нѣкоторыхъ изъ нашихъ служителей. Корабль, назначенный къ спуску, былъ прикрѣпленъ большими

[1]) Ѳеодосій Яновскій.

[2]) Пантелеймонъ значитъ не *Побѣда*, а *Всемилостивый*.

желѣзными балками къ полозьямъ (Schlitten), намазаннымъ жиромъ, съ которыхъ онъ съѣзжаетъ на воду, когда поперечныя балки, держащія его съ обѣихъ сторонъ на штапелѣ, снизу вдругъ отнимаются и въ тоже время отдергиваются веревками. При отнятіи задней балки корабль сперва медленно спустился со штапеля, но потомъ какъ стрѣла слетѣлъ на воду, при чемъ полозья сломались въ дребезги и оставили на немъ нѣсколько балокъ, которыя уже потомъ были сбиты. Когда онъ пошелъ по водѣ, съ него раздались звуки литавръ и трубъ, смѣшавшіеся съ шумными восклицаніями народа, стоявшаго на старомъ кораблѣ и по берегу. Въ тоже время началась пушечная пальба въ крѣпости и въ Адмиралтействѣ. Выплывъ на средину рѣки, корабль повернулся и шелъ нѣсколько времени по теченію воды; потомъ остановился на якорѣ. Этотъ счастливый спускъ несказанно радовалъ царя, который, лишь только корабль сошелъ на воду, тотчасъ поѣхалъ на него въ своей шлюпкѣ и сталъ принимать всѣхъ гостей, спѣшившихъ туда одинъ за другимъ. Его королевское высочество, пробравшись черезъ толпу до своей барки, также спѣшилъ отплыть, потому что всѣ разомъ бросились къ лодкамъ и каждый хотѣлъ прежде другихъ поздравить государя на новомъ кораблѣ. Только что герцогъ взошелъ на палубу и поздравилъ его величество, пріѣхала и царица, которую царь встрѣтилъ и повелъ въ самую верхнюю каюту. Затѣмъ всѣ сѣли за столъ: дамы съ царицею на верху, а царь съ мущинами въ другой каютѣ, внизу. Столы были уже накрыты и уставлены холодными кушаньями, когда корабль спустился со штапеля. Столъ, за которымъ сидѣлъ въ своей каютѣ царь вмѣстѣ съ его высочествомъ и другими знатными особами, былъ поставленъ покоемъ и занималъ всю комнату. Его высочество сидѣлъ возлѣ царя съ лѣвой стороны. При подобныхъ празднествахъ мало обращаютъ вниманія на этикетъ, и всѣ обыкновенно садятся какъ придется. Подлѣ царя, съ правой стороны, сидѣлъ Иванъ Михаиловичъ (Головинъ), какъ первый корабельный мастеръ; рядомъ съ нимъ—Французъ, строившій корабль; потомъ слѣдовали, одинъ за другимъ, всѣ царскіе корабельные мастера. Противъ его высочества сидѣли: т. с. Бассевичъ, конфер.-сов. Альфельдъ, бригадиръ Ранцау, Голландскій резидентъ и нѣсколько корабельныхъ работниковъ. Подлѣ его высочества находился тайный совѣтникъ Геспенъ. Около г.-м. Штенфлихта сидѣло много офицеровъ и генераловъ. На одномъ концѣ стола расположился князь-папа со всѣми своими кардиналами. Противъ князя Меншикова сидѣлъ великій адмиралъ Апраксинъ, а около него, справа и слѣва, всѣ сенаторы и другіе вельможи. Передъ каютой стояло еще нѣсколько столовъ, за которые помѣстились всѣ прочіе находившіеся здѣсь гости. Царь, увидѣвъ, что позади

его высочества стоятъ два кавалера, просилъ, чтобъ одному изъ нихъ позволено было сѣсть, послѣ чего герцогъ сказалъ намъ, что кто-нибудь изъ насъ можетъ идти. К.-ю. Геклау пошелъ и сѣлъ за одинъ изъ поставленныхъ передъ каютою столовъ, а я радовался, что могъ остаться на своемъ мѣстѣ позади его высочества. Въ то время я страшно боялся попоекъ, особенно зная, что здѣсь никогда такъ сильно не пьютъ, какъ при спускахъ кораблей. Товарищъ мой нѣсколько разъ подходилъ ко мнѣ и спрашивалъ, не смѣнить ли ему меня, но я все отказывался. Когда царь начиналъ тосты, съ фрегата, стоявшаго впереди корабля, стрѣляли изъ пушекъ. Вечеромъ этотъ фрегатъ былъ иллюминованъ маленькими фонарями, развѣшанными по главнымъ снастямъ, по верхушкамъ большой и малой мачтъ и вокругъ по борту, что при темнотѣ было очень красиво. Его королевское высочесто приказалъ привезти для себя на корабль свои напитки, именно красную и бѣлую хлѣбную воду, и пилъ за столомъ послѣднюю съ небольшою примѣсью вина; но царь, вѣроятно, замѣтилъ это, потому что взялъ у его высочества стаканъ и, попробовавъ, возвратилъ съ словами: *de Wien dogt niet* (твое вино никуда не годится). Герцогъ отвѣчалъ, что употребляетъ его тогда только, когда чувствуетъ себя несовсѣмъ здоровымъ. Но царь возразилъ: *de Wien is mehr schadlich, als min Wien* (твое вино вреднѣе моего), и налилъ ему въ стаканъ изъ свой бутылки крѣпкаго и горькаго Венгерскаго, которое обыкновенно кушаетъ. Его высочество нашелъ его отличнымъ, но прибавилъ, что оно очень крѣпко, на что̀ государь сказалъ: *dat is war, mar he is gesund* (это правда, но за то оно и здорово). Онъ далъ послѣ того попробовать этого вина конф.-сов. Альфельду и т. с. Бассевичу. Послѣднiй, будучи дома чѣмъ-то занятъ, только что прiѣхалъ на корабль; увидѣвъ его, царь воскликнулъ: «о, Бассевичъ! штрафъ! штрафъ!» Тотъ старался извиниться, но напрасно: его величество приказалъ подать четыре большiе стакана Венгерскаго (изъ кубковъ государь кушаетъ рѣдко; обыкновенно онъ говоритъ, что если не наливать ихъ до-полна, то глупо возиться понапрасну съ такою тяжелою посудою). Т. с. хотѣлъ взять одинъ изъ нихъ; но царь сказалъ, что они всѣ налиты для него, потому что въ его отсутствiе было провозглашено три тоста, за пропускъ которыхъ прибавленъ еще четвертый стаканъ, какъ штрафный. Г. Бассевичъ поспѣшилъ выпить ихъ одинъ за другимъ, и тогда только его величество позволилъ ему сѣсть за столъ. Послѣ царь спросилъ герцога, какого вина онъ желаетъ для себя, и когда тотъ отвѣчалъ, что Бургонскаго, приказалъ своему маршалу подать бутылку этого вина, и за тѣмъ, предложивъ изъ своихъ рукъ его высочеству небольшихъ стакана два Венгерскаго, предоставилъ ему сво-

боду пить чтò и сколько угодно. Его высочество шепнулъ мнѣ, чтобъ я въ такую же плетеную бутылку, въ какой было Бургонское, налилъ красной воды и смѣшалъ ее немного съ виномъ, чтò я и сдѣлалъ, спровадивъ потихоньку Бургонское и поставивъ на его мѣсто бутылку съ водою. До сихъ поръ пили еще немного, почему безпокойный князь-папа прилежно упрашивалъ царя пить, и если слова его не дѣйствовали, кричалъ какъ сумасшедшій, требуя вина и водки. Но скоро многіе принуждены были пить болѣе, нежели думали: царь узналъ, что за столомъ, съ лѣвой стороны, гдѣ сидѣли министры, не всѣ тосты пили чистымъ виномъ или, по крайней мѣрѣ, не тѣми винами, какими онъ требовалъ (въ такіе дни о Французскомъ бѣломъ винѣ и о Рейнвейнѣ онъ и слышать не хочетъ; для каждаго вновь спускаемаго корабля онъ приказываетъ выдавать Адмиралтейству 1000 рублей на вино и кушанье; послѣднее обходится не дорого, потому что бываетъ только холодное и не слишкомъ изысканное, но вино, котораго выпивается страшное количество, стоитъ очень много). Его величество сильно разсердился и приказалъ всѣмъ и каждому за столомъ выпить въ наказаніе, въ своемъ присутствіи, по огромному стакану Венгерскаго. Такъ какъ онъ велѣлъ наливать его изъ двухъ разныхъ бутылокъ, и всѣ пившіе тотчасъ страшно опьянѣли, то я думаю, что въ вино подливали водку. Съ этой минуты царь ушелъ наверхъ къ царицѣ и болѣе не возвращался. Передъ тѣмъ онъ былъ очень милостивъ, нѣсколько разъ обнималъ его высочество и многократно увѣрилъ его въ своей дружбѣ и покровительствѣ; много говорилъ также съ сидѣвшимъ противъ него т. с. Бассевичемъ, который часто вставалъ съ своего мѣста и отвѣчалъ ему на ухо, послѣ чего его величество въ сильныхъ словахъ подтверждалъ, что будетъ заботиться о его высочествѣ и не пропуститъ случая оказать ему помощь, словомъ, устроитъ все такъ, что его высочество будетъ вполнѣ доволенъ и не найдетъ причинъ жаловаться. Герцогъ, послѣ всѣхъ этихъ увѣреній, поцѣловалъ ему руку, а т. с. Бассевичъ отъ души сказалъ: «Богъ щедро вознаградитъ за это ваше величество!» Царь, какъ сказано, не возвращался болѣе внизъ. Уходя въ неудовольствіи къ царицѣ, онъ поставилъ часовыхъ, чтобъ никто и ни подъ какимъ видомъ не могъ уѣхать съ корабля до его приказанія. Идти наверхъ къ нему и къ дамамъ не осмѣлился никто, не исключая и герцога. Однакожъ его высочество велѣлъ конф.-совѣтнику спросить, при случаѣ, у кам.-юнкера Балка, можно ли кому-нибудь пройти туда? Но тотъ отвѣчалъ, что часовые, поставленные у лѣстницы, не пропускаютъ рѣшительно никого, и прибавилъ, что, кажется, и дамы должны были пить довольно много. Между тѣмъ внизу веселились на славу: почти всѣ были пьяны,

но все еще продолжали пить до послѣдней возможности. Великій адміралъ до того напился, что плакалъ какъ ребенокъ, что̀ обыкновенно съ нимъ бываетъ въ подобныхъ случаяхъ. Князь Меншиковъ такъ опьянѣлъ, что упалъ замертво, и его люди принуждены были послать за княгинею и ея сестрою, которыя, съ помощію разныхъ спиртовъ, привели его немного въ чувство и испросили у царя позволеніе ѣхать съ нимъ домой. Однимъ словомъ, не совершенно пьяныхъ было очень мало, и еслибъ я хотѣлъ описать всѣ дурачества, какія были дѣланы въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, то могъ бы наполнить разсказомъ объ нихъ не одинъ листъ. То князь Валашскій схватывался съ оберъ-полиціймейстеромъ, то начиналась какая-нибудь ссора, то слышалось чоканье бокаловъ на братство и вѣчную дружбу. Тѣ, которые были еще трезвы, нарочно притворялись пьяными, чтобъ не пить болѣе и смотрѣть на дурачества другихъ. Въ числѣ такихъ былъ въ особенности нашъ молодой графъ Пушкинъ, который, конечно, долженъ былъ воздерживаться отъ питья, потому что находился при герцогѣ, однакожъ вовсе не имѣлъ надобности такъ страшно притворяться, какъ онъ это дѣлалъ. Другіе, совершенно пьяные, умничали и лѣзли ко всѣмъ съ объятіями и поцѣлуями, что̀ для трезвыхъ, разумѣется, было очень непріятно. Много стоило труда охранять его высочество отъ этихъ нѣжностей. Но смѣшнѣе всего былъ баронъ Бюловъ, который со всѣми ссорился. Ген.-лейтенанту Бонне онъ, въ присутствіи его высочества, сказалъ въ глаза, что тотъ поступилъ съ нимъ нечестно, потому что, не смотря на обѣщаніе быть ему другомъ, не исполнилъ его просьбы и не провелъ его къ царю. Генералъ оправдывался сколько могъ и сказалъ, что потолкуетъ съ нимъ о томъ завтра. Потомъ этотъ баронъ началъ превозносить свою честность и хвастать тѣмъ, что служитъ своему государю только изъ любви, а не изъ боязни батоговъ и кнута. Все это онъ говорилъ при его высочествѣ, и вскорѣ послѣ того сталъ вызывать на дуэль одного Русскаго подполковника, котораго обвинялъ, будто тотъ свѣдѣнія его въ разныхъ наукахъ выдаетъ за свои; но немного спустя, они отправились въ буфетъ и пили вмѣстѣ. Наконецъ пришло извѣстіе, что царь и царица уже уѣхали, и что выходъ свободенъ. Радость была всеобщая, и тутъ мнимо-пьяный Пушкинъ явился совершенно трезвымъ. Его высочество собрался было ѣхать, но передъ нимъ была такая толпа, что онъ опять воротился и взошелъ покамѣстъ на палубу, гдѣ находились дамы. Такъ какъ, кромѣ того, нѣкоторыя изъ нихъ оставались еще въ задней каютѣ и были немного на-веселѣ, то туда никого не пустили, кромѣ герцога; но и его высочество остался такъ недолго. Увидѣвъ г.-м. Штенфлихта, страшно пьянаго, подлѣ одной дамы, которой очень

хотѣлось отъ него отдѣлаться, я сказалъ ему, что его высочество уже совсѣмъ собрался ѣхать, и спросилъ, поѣдетъ ли онъ домой съ нами, или отправится одинъ? Но онъ отвѣчалъ мнѣ, чтобъ я оставилъ его въ покоѣ. Я еще прежде слыхалъ, какъ страшенъ и опасенъ онъ бываетъ, когда напьется, и потому поспѣшилъ отойти отъ него. Не прошелъ я и 20-ти шаговъ, какъ услышалъ, что онъ вступилъ въ ссору съ однимъ отставнымъ полковникомъ, котораго царь держитъ при себѣ для потѣхи и очень любитъ. Ссора эта становилась все сильнѣе и сильнѣе, такъ что они схватились было за шпаги и хотѣли броситься другъ на друга. Къ счастію, ихъ успѣли рознять, чтó стоило немалаго труда. Генералъ-маіоръ до того остервенился, что его почти никто не могъ удержать. Человѣка своего, который также помогалъ держать его, онъ колотилъ страшно; однакожъ тому все-таки удалость отнять у него кортикъ, который могъ надѣлать бѣды. Его высочество подошелъ наконецъ самъ и старался его успокоить и выпроводить; но онъ и тутъ не хотѣлъ ничего слышать, безпрестанно порываясь броситься на своего противника. Насилу полковнику Лорху и мнѣ удалось стащить его съ палубы; но такъ какъ проходъ былъ очень тѣсенъ, то мы принуждены были выпустить его изъ рукъ. Я услышалъ, что онъ далъ кому-то двѣ оплеухи, и когда оглянулся, увидѣлъ, что у к.-ю. Геклау сшибены съ головы шляпа и парикъ. Его высочество такъ разсердился за это, что просилъ караульнаго офицера продержать г.-м. подъ арестомъ до тѣхъ поръ, пока не пришлетъ за нимъ. К.-юнкеру также приказано было остаться на кораблѣ. Послѣ того его высочество уѣхалъ съ небольшою свитою. Т. с. Бассевичъ скрылся незамѣтно, а конференціи-совѣтникъ выпросилъ у герцога позволеніе остаться еще немного на кораблѣ, потому что, повидимому, былъ влюбленъ. Т. с. Клауссенгеймъ, сказавшійся больнымъ, подполковникъ Сальдернъ и м. Эдеръ вовсе не пріѣзжали на корабль. По возвращеніи домой, его высочество тотчасъ послалъ назадъ графа Бонде съ баркой, чтобы привести г.-маіора, к.-юнкера и конф.-совѣтника, чтò тотъ и исполнилъ; но кам.-юнкера не нашли на кораблѣ: онъ, послѣ вторичнаго кулачнаго боя съ г.-маіоромъ, сѣлъ въ верейку съ моимъ человѣкомъ, который также оставался тамъ, и уѣхалъ домой.

28. Графъ Пушкинъ объявилъ, что царь послѣ-завтра непремѣнно отправится въ Кронслотъ, если только вѣтеръ будетъ благопріятный, и вторично передалъ его высочеству приглашеніе участвовать въ этой поѣздкѣ съ своею свитою.

29. Его высочество послалъ къ т. с. Бассевичу списокъ тѣхъ, которые должны были ѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ Кронслотъ. Въ немъ были помѣщены слѣдующія лица: т. с. Бассевичъ, Геспенъ, Клаус-

сенгеймъ и Альфельдъ, бригадиръ Ранцау, полковники Бонде, Лорхъ и Сальдернъ, маіоръ Эдеръ, каммерратъ Негелейнъ, одинъ пажъ, одинъ каммеръ-лакей, два мундкоха, два валторниста и еще нѣсколько слугъ. Вечеромъ, когда герцогъ ужиналъ у посланника Штамке, т. е. Бассевичъ, также туда пріѣхавшій, просилъ его высочество позволить ѣхать и остальнымъ, т. е. кам.-юнкеру, ассессору и мнѣ, говоря, что намъ однимъ будетъ скучно, что можно взять съ собою также хорошо тринадцать человѣкъ, какъ и десять, что барокъ и мѣстъ довольно и что, наконецъ, царь приглашалъ герцога со всею свитою. Но всѣ эти представленія были напрасны: его высочество остался при своемъ рѣшеніи, сказавъ, что Сурланду нужно быть дома для полученія писемъ, и что вообще не хочетъ, чтобъ свита его была больше. Дѣлать нечего, надобно было покориться своей участи. Такъ какъ г.-м. Штенфлихтъ все еще жилъ у посланника Штамке и отъ послѣдней пирушки былъ нездоровъ, то его высочество ходилъ навѣстить его; онъ былъ чрезвычайно слабъ и кромѣ того при паденіи такъ изуродовалъ себя, что вовсе не могъ выходить изъ комнаты.

30. Поутру, царь съ его высочествомъ и со всѣми здѣшними вельможами отправился въ путь при пушечной пальбѣ въ крѣпости и въ Адмиралтействѣ. Вѣтеръ былъ несовсѣмъ благопріятный, однакожъ они могли ѣхать довольно хорошо. Маленькій флотъ ихъ состоялъ изъ 80 или 90 судовъ (изъ которыхъ его высочество имѣлъ для себя и своей свиты три буера), если считать всѣ яхты, торншхоуты и буеры. Видъ на рѣку былъ очаровательный, когда эти суда, одно за другимъ, проходили мимо. Адмиралъ буеровъ плылъ впереди, и никто не смѣлъ обгонять его. Для отличія, на верху его мачты развѣвался большой красный и бѣлый флагъ. У большей части вельможъ были съ собою трубы или валторны, звуки которыхъ, противъ крѣпости, чудно раздавались и производили эхо. Царица оставалась дома, потому что дамы не участвовали въ этой поѣздкѣ. Безъ ея свиты, послѣ отплытія флотиліи, Петербургъ совершенно опустѣлъ, такъ что, кромѣ здѣшнихъ купцовъ, не встрѣчалось почти ни одного порядочнаго человѣка. Послѣ обѣда асессоръ, придворный проповѣдникъ, Дюваль и я согласились нанять лошадей и ѣхать осматривать здѣшніе окрестные загородные дворцы.

31. Мы отправились прямо въ Петергофъ. До Стрѣльны-мызы (которая будетъ царскимъ загороднымъ дворцомъ) мы ѣхали благополучно и хорошо по очень веселой дорогѣ вдоль Невы, черезъ рощи и мимо многихъ дачъ, выстроенныхъ знатнѣйшими вельможами въ угодность царю и дѣлающихъ всю дорогу весьма пріятною. Но въ этомъ мѣстѣ, которое отъ Петербурга около 24-хъ верстъ, съ нами случи-

лась бѣда: карета наша, при спускѣ съ горы на небольшой мостикъ, съ такою быстротою наѣхала на крестьянскую телѣгу, что чуть-чуть не опрокинулась; сломалось дышло, и мы не могли ѣхать дальше. Къ счастію, въ самой деревнѣ и очень недалеко была кузница. Черезъ часъ все было исправлено; но эта остановка сдѣлала то, что мы пріѣхали въ Петергофъ (который отъ Петербурга въ 33-хъ, а отъ Стрѣльны-мызы въ 9-ти верстахъ) только поздно вечеромъ. Мы немало испугались, когда узнали, что тамъ ежеминутно ждутъ царя, который и прислалъ уже кого-то впередъ объявить о своемъ пріѣздѣ. Такъ какъ гостинницы въ Петергофѣ никакой не было, и намъ въ Петербургѣ сказали, что насъ охотно приметъ у себя смотритель дворца (Шведъ, человѣкъ очень хорошій), то мы и отправились къ нему; но ни его самого, ни жены его не было дома. Узнавъ однакожъ, что послѣдняя во дворцѣ, я пошелъ туда и просилъ ее о ночлегѣ. Эта добрая и услужливая женщина тотчасъ предложила мнѣ помѣститься у нихъ и послала со мною своего маленькаго сына въ занимаемый ими домъ, гдѣ насъ отлично приняли и угостили. Вышедъ изъ дворца, я увидѣлъ буеръ царя, уже приближавшійся къ каналу, и потому спѣшилъ убраться, чтобъ его величество меня не замѣтилъ.

Августъ. 1. Утромъ, когда мы встали, явилась жена смотрителя, и мы спросили ее, можно ли будетъ осмотрѣть Петергофъ и Монплезиръ въ тоже утро, потому что намъ хотѣлось проѣхать далѣе, въ Ораніенбаумъ, принадлежащій князю Меншикову. Она отвѣчала, что передъ обѣдомъ едва ли это удастся по причинѣ присутствія его величества царя, который неожиданно бываетъ то тутъ, то тамъ, и при которомъ они не могутъ осмѣлиться водить чужихъ; но присовокупила, что государь, вѣроятно, тотчасъ послѣ обѣда опять уѣдетъ въ Кронслотъ, и что если мы въ самомъ дѣлѣ спѣшимъ—чему ей не хотѣлось бы вѣрить—то намъ лучше ѣхать сперва въ Ораніенбаумъ, до котораго всего 8 верстъ, осмотрѣть его и возвратиться къ ней обѣдать. Мы съ благодарностью приняли этотъ совѣтъ, велѣли тотчасъ запрячь лошадей и поѣхали опять по очень веселой дорогѣ, по берегу и мимо красиваго лѣса. Если бъ мы явились въ Ораніенбаумъ *) полчасомъ раньше, то застали бы тамъ самого князя, который только-что передъ нами уѣхалъ. Намъ было это очень пріятно, потому что безъ него мы могли свободнѣе все осмотрѣть. Домъ построенъ на

*) Ораніенбаумъ, нынѣ уѣздный городъ, въ 34-хъ верстахъ отъ Петербурга. Сначала на его мѣстѣ была бѣдная деревушка, пожалованная по покореніи Ингерманландіи, въ числѣ прочихъ мызъ, кн. Меншикову, который въ 1714 году началъ строить тамъ домъ и разводить садъ. См. Пушкарева, „Описаніе Спб. губерніи“, 1842, ч. IV, стр. 107.

горѣ, и изъ него превосходный видъ. Онъ состоитъ изъ двухъ-этажнаго корпуса и двухъ полукруглыхъ галерей, ведущихъ къ двумъ, сравнительно слишкомъ большимъ, круглымъ флигелямъ (Rundele). Въ одномъ изъ нихъ будетъ устроена очень красивая церковь, а другой занятъ большою залою. Внизу передъ домомъ обширный садъ, который, однакожъ, еще несовсѣмъ приведенъ въ порядокъ, а передъ нимъ небольшая пріятная роща, черезъ которую просѣчена широкая аллея и проведенъ каналъ, находящійся прямо противъ главнаго корпуса, откуда оттого прекрасный видъ на море. Съ высоты, на которой стоитъ дворецъ, по двумъ каменнымъ террасамъ, устроеннымъ одна надъ другою, спускаются къ большому деревянному крыльцу, а съ него въ садъ, также еще неоконченный. Сверху, изъ средней залы дома, виденъ Кронслотъ, лежащій почти наискось напротивъ, въ разстояніи, водою, не болѣе 5-ти верстъ. Комнаты во дворцѣ малы, но красивы и убраны прекрасными картинами и мебелью. Князь, охотникъ до купанья, выстроилъ въ Ораніенбаумѣ славную баню съ круглою стеклянною крышею, отъ которой она очень свѣтла. Въ ней было такъ жарко, что въ платьѣ невозможно было выдержать, и я поэтому, къ сожалѣнію, не могъ осмотрѣть ее такъ, какъ бы желалъ, тѣмъ болѣе, что никогда не видалъ бани въ этомъ родѣ. Выходя изъ нея, мы увидѣли устроенный на прудѣ, позади двора, большой широкій помостъ, на которомъ и вокругъ котораго стояло множество народа. Мы подошли поближе и, спросивъ у нашего вожатаго, Нѣмца, о причинѣ такого собранія, узнали, что священникъ освящаетъ воду. Это дѣлается два раза въ годъ во всей Россіи: лѣтомъ въ этотъ день и зимою въ день Крещенія. Когда священникъ окончилъ церемонію и опустилъ нѣсколько разъ въ воду крестъ съ изображеніемъ распятія, всѣ люди наперерывъ бросились къ помосту, чтобы наполнить кружки и бутылки святою водой, которая сохраняется ими цѣлые полгода. Нѣкоторые окунали по шею въ четыреугольное отверстіе помоста дѣтей лѣтъ трехъ или четырехъ, въ платьѣ, какъ они были, и вытаскивали ихъ совершенно мокрыми, что̀, разумѣется, не обходилось безъ крику и плача. Но молодые ребята раздѣвались при всѣхъ до-нага, прыгали въ воду и весело плавали вокругъ помоста. Прудъ, о которомъ я упомянулъ, находится по лѣвую сторону двора; противъ него выстроено длинное зданіе для прислуги князя, сквозь которое идутъ ворота во дворъ и надъ которымъ возвышается большая башня, гдѣ будутъ поставлены дорогіе куранты. Башня эта, впрочемъ, нарушаетъ симметрію всего строенія, и царь, какъ разсказываютъ, говорилъ уже князю, что ему надобно или сломать ее, или выстроить такую же на другой сторонѣ двора. Думаютъ, что князь рѣшится на послѣднее и по-

ставитъ другой флигель, потому что и безъ того уже строилъ здѣсь все по частямъ. Сперва онъ велѣлъ сдѣлать только главный корпусъ, потомъ, для увеличенія его, пристроены были галереи и наконецъ къ нимъ флигеля. Точно также строился и его большой домъ въ Петербургѣ. Но это плохой способъ строиться; порядочнаго тутъ никогда ничего не можетъ выйти, особенно если работаютъ столько разныхъ архитекторовъ, сколько ихъ было при построеніи Ораніенбаумскаго дворца.

Осмотрѣвъ все достопримѣчательное въ Ораніенбаумѣ, мы дали нашему вожатому нѣсколько денегъ, и онъ повезъ насъ обратно въ Петергофъ. Окрестности Ораніенбаума пріятны, но каменистая дорога изъ него очень утомительна. Назадъ мы, поэтому, ѣхали вдвое дольше; однакожъ явились во-время къ обѣду у нашей благодѣтельницы, успѣвшей въ наше отсутствіе залучить домой своего мужа, который также принялъ насъ какъ нельзя лучше. Онъ старый Шведскій чиновникъ изъ Кареліи, долгое время находился въ плѣну и наконецъ, черезъ нѣкоторыхъ друзей, получилъ въ Петергофѣ мѣсто смотрителя. Прежде всего мы спросили, уѣхалъ ли царь. Но намъ отвѣчали, что нѣтъ еще и что даже неизвѣстно, скоро ли онъ уѣдетъ. Впрочемъ, когда мы садились за столъ, пришелъ пріѣхавшій съ царемъ оберъ-кухмистеръ Фельтенъ и сказалъ, что его величество, вѣроятно, скоро уѣдетъ, потому что всѣ вещи уже отнесены на корабль. Не смотря на то, отъѣздъ этотъ протянулся до вечера. Нашъ добрый хозяинъ пригласилъ насъ переночевать у него и уже на другой день осмотрѣть все замѣчательное въ Петергофѣ. Вечеромъ царь отплылъ наконецъ въ Кронслотъ, чѣмъ мы были очень довольны. Тотчасъ послѣ того пришелъ смотритель и повелъ насъ въ *Монплезиръ* *), находящійся подъ горою между его домомъ и Петергофомъ и стоящій одною стороною на берегу моря, близко отъ воды, а другою въ саду, окруженномъ прекрасною рощею. Это очень небольшой, но хорошенькій домикъ, который въ осебенности украшенъ множествомъ отборныхъ Голландскихъ картинъ. Царь большею частію ночуетъ въ немъ, когда бываетъ въ Петергофѣ; здѣсь онъ совершенно въ своей сферѣ, и потому справедливо далъ этому мѣсту названіе *Monplaisir*. Поводивъ насъ по саду, расположенному среди рощи (о которой я сейчасъ упомянулъ) и по дому, смотритель поднесъ намъ по доброму стакану Венгерскаго. Въ это время пришелъ Русскій священникъ, которому онъ подалъ, одинъ за другимъ, пять большихъ стакановъ съ разными

*) Бесѣдка, построенная Петромъ Великимъ вправо отъ Петергофскаго дворца, на концѣ средней широкой аллеи нижняго сада. См. тамъ же, ч. IV, стр. 172.

напитками; тотъ всѣ ихъ выпилъ и, казалось, нисколько не опьянѣлъ. Послѣ того хозяинъ нашъ притворился, что совершенно забылъ показать намъ самое замѣчательное въ домѣ—подземную кухню. Въ самомъ дѣлѣ, мѣсто это аршина на два ниже поверхности Невы, протекающей возлѣ; но полъ и стѣны въ немъ такъ хорошо обдѣланы цементомъ, что вода не можетъ туда проникнуть. Только что мы вошли въ эту такъ называемую кухню, мною овладѣло непріятное чувство, и я понялъ намѣреніе смотрителя. Но уходить было уже поздно: заманивъ въ свой погребъ, который называлъ кухнею, онъ началъ страшно принуждать насъ пить, говоря, что, по здѣшнему обычаю, надобно пить за здоровье каждаго гостя отдѣльно, и поклялся, что мы безъ того оттуда не выйдемъ. Хорошо еще, что онъ угощалъ насъ самыми лучшими винами, какія только были въ погребѣ; однакожъ, кромѣ разныхъ другихъ, намъ пришлось пить Венгерское, Рейнвейнъ, Шампанское и Бургонское. До его дома всѣ мы, впрочемъ, еще могли дойти; но я тотчасъ же всталъ изъ-за стола, за который было сѣли, и легъ въ постель.

На слѣдующее утро, когда мы напились кофе, смотритель велѣлъ одному изъ своихъ людей показать намъ Петергофъ *). Онъ лежитъ, какъ я уже сказалъ, на горѣ, недалеко отъ моря. Главный корпусъ дворца состоитъ изъ двухъ этажей, изъ которыхъ нижній только для прислуги, а верхній для царской фамиліи. Внизу большія, прекрасныя сѣни съ хорошенькими колоннами, а вверху великолѣпная зала, откуда чудный видъ на море и можно разсмотрѣть вдали—направо, Петербургъ, и нѣсколько лѣвѣе—Кронслотъ. Комнаты вообще малы, но недурны, увѣшаны хорошими картинками и уставлены красивою мёбелью. Замѣчателенъ особенно кабинетъ, гдѣ находится небольшая библіотека царя, состоящая изъ разныхъ Голландскихъ и Русскихъ книгъ; онъ отдѣланъ однимъ Французскимъ скульпторомъ и отличается своими превосходными рѣзными украшеніями. Изъ числа многихъ картинъ въ домѣ помѣщена надъ крыльцомъ одна очень большая, представляющая сраженіе, въ которомъ Русскіе разбиваютъ и обращаютъ въ бѣгство Шведовъ. Лошадь, на которой сидитъ царь, слишкомъ красна; впрочемъ, сдѣлана недурно; самъ же царь написанъ превосходно и чрезвычайно похожъ. Можно узнать также князя Меншикова и многихъ другихъ генераловъ. Позади дворца большой садъ, очень красиво расположенный, а за нимъ обширный звѣринецъ, еще несовсѣмъ устроенный. Съ лицевой стороны дворца въ нижній

*) Петергофскій дворецъ построенъ въ 1711 году по плану архитектора Леблонда. См. тамъ же, ч. IV, стр. 167.

садъ спускается, тремя уступами, великолѣпный каскадъ, который такъ же широкъ, какъ весь дворецъ, выложенъ дикимъ камнемъ и украшенъ свинцовыми и позолоченными рельефными фигурами по зеленому полю. Онъ дѣлаетъ прекрасный видъ. Нижній садъ, черезъ который, прямо противъ главнаго корпуса и каскада, проходитъ широкій и весь выложенный камнемъ каналъ, наполненъ цвѣтниками и красивыми фонтанами. Вода для послѣднихъ сперва проводилась верстъ за тридцать, но теперь, говорятъ, найдены недалеко резервуары, которые могутъ день и ночь снабжать водою всѣ большіе каскады и фонтаны. Царь, какъ я слышалъ, даже сожалѣетъ, что началъ строить Стрѣльну-мызу, которая только для того и была задумана имъ, чтобъ имѣть гдѣ-нибудь много фонтановъ и гротовъ. Большой каналъ въ нижнемъ саду идетъ довольно далеко, до самой рѣки, и имѣетъ съ обѣихъ сторонъ хорошія крѣпкія плотины, а на переднемъ концѣ гавань, огороженную сильнымъ болверкомъ, за которымъ небольшіе суда могутъ безопасно укрываться во время бури. Этимъ каналомъ можно подходить на судахъ до самаго каскада подъ главнымъ корпусомъ дворца, что̀ очень пріятно и удобно. Нижній садъ окруженъ многими красивыми и веселыми аллеями, проведенными черезъ облегающую его рощу. Двѣ самыя большія изъ нихъ, съ обѣихъ сторонъ сада, ведутъ черезъ рощу къ двумъ увеселительнымъ дворцамъ, находящимся въ одинаковомъ разстояніи отъ Петергофа и у самой Невы. Стоящій вправо есть уже описанный мною Монплезиръ; въ его саду, также окруженномъ рощею, много прекрасныхъ кустовъ, аллей и цвѣтниковъ, большой выложенный камнемъ прудъ, по которому плаваютъ лебеди и другія птицы, особенный домикъ для маленькихъ птицъ и разные другіе увеселительные предметы. Садъ и домъ [1]) на лѣвой сторонѣ Петергофа будутъ точно такъ же устроены, какъ Монплезиръ, и уже начаты. Такимъ образомъ Петергофъ состоитъ изъ четырехъ отдѣльныхъ садовъ, которые окружены пріятными мѣстами, съ рощами и водою, и всѣ находятся въ связи между собою. Осмотрѣвъ все это, мы возвратились черезъ красивый лугъ и рощицу въ домъ смотрителя, велѣли заложить лошадей и, простившись съ нашимъ благодѣтелемъ и его женою, отправились назадъ въ Петербургъ.

По пріѣздѣ въ Стрѣльну-мызу [2]), которой въ первый разъ порядочно не осмотрѣли, мы пошли немного взглянуть на нее. Этотъ большой, еще строющійся дворецъ стоитъ очень высоко и на пре-

[1]) Это другая бесѣдка—*Марли*, устроенная съ лѣвой стороны нижняго сада, въ pendant къ Монплезиру. См. тамъ же, ч. IV, стр. 173.

[2]) Стрѣльна, загородный дворецъ, въ 17-ти верстахъ отъ Петербурга. Начало его построенія относится также къ 1711 году. См. тамъ же, ч. IV, стр. 176.

красномъ мѣстѣ; противъ фасада дома протекаетъ Нева, а передъ нею расположена чудная рощица, о которой скажу подробнѣе при описаніи сада. Три террасы необыкновенной длины, спускающіяся уступами съ горы въ садъ, уже готовы и снабжены надлежащими трубами для фонтановъ, которые будутъ бить тамъ со всѣхъ концовъ, что̀ царю, какъ я слышалъ, уже теперь стоило значительныхъ суммъ. На срединѣ верхней террасы (которая, какъ и обѣ другія, длиною во всю ширину сада) заложенъ уже фундаментъ обширнаго дворца, который, говорятъ, будетъ едва ли не великолѣпнѣе Версальскаго во Франціи. Полная модель его, сдѣланная изъ дерева, стоитъ гдѣ-то въ царскомъ саду (?). Отъ главнаго корпуса зданія, черезъ всѣ террасы, спускается въ садъ большой широкій каскадъ, со сводомъ внутри, изъ котораго выйдетъ нѣчто въ родѣ грота. Вода для него, для фонтановъ въ террасахъ и всѣхъ другихъ, какіе еще будутъ устроены въ саду, проведена съ высокихъ мѣстъ посредствомъ дорогого канала, находящагося позади дворца и такъ обильно снабжающаго ею все это множество фонтановъ, что они могутъ бить день и ночь. Прямо противъ каскада идетъ другой, очень широкій каналъ; онъ окружаетъ прекрасную рощицу, находящуюся, какъ сказано, передъ дворцомъ на самомъ берегу рѣки, и образуетъ изъ нея почти круглый островъ *), потому что раздѣляется на два рукава и отрѣзаетъ ее отъ твердой земли. Черезъ эту рощицу, прямо противъ дворца, просѣчена красивая аллея для болѣе пріятнаго вида на море. Говорятъ, что весь островъ кругомъ будетъ обложенъ камнемъ, для того, чтобъ его не обмывало водою и чтобъ онъ не утратилъ своей круглой формы. Кромѣ упомянутаго мною большого канала, съ обѣихъ сторонъ сада есть еще два, нѣсколько поуже, которые окружаютъ его, идя отъ конца длинной террасы къ Невѣ. Внутри сада, гдѣ уже проведены аллеи и ряды кустовъ, будетъ сдѣлано еще множество фонтановъ. Непостижимо, какъ царь, не смотря на трудную и продолжительную войну, могъ въ столь короткое время построить Петербургъ, гавани въ Ревелѣ и Кронслотѣ, значительный флотъ и такъ много увеселительныхъ замковъ и дворцовъ, не говоря уже о каналахъ по государству, начатыхъ имъ только въ послѣднее время и мѣстами уже совершенно готовыхъ. Но еще удивительнѣе введенная имъ военная дисциплина, учрежденіе коллегій, о которыхъ здѣсь еще за нѣсколько лѣтъ ничего не знали, и въ особенности преобразованіе всей Русской націи. Однимъ словомъ, онъ совершилъ дѣла, въ которыхъ едва ли сравнится съ нимъ кто-либо изъ государей, и если Русскіе не чувствуютъ этого вполнѣ и въ на-

*) Этотъ островъ называется *Петровскимъ*.

стоящее время еще мало ему благодарны (потому что при немъ не могутъ лежать на боку, какъ бывало въ старину), то я увѣренъ, что потомки ихъ будутъ въ полномъ смыслѣ наслаждаться плодами нынѣшняго царствованія. Возвращаясь опять къ Стрѣльнѣ-мызѣ, я скажу вкратцѣ, что она съ давнихъ временъ носила это названіе. *Мыза*, на мѣстномъ языкѣ, означаетъ *помѣстье*, и дѣйствительно Стрѣльна была, говорятъ, прежде дворянскимъ помѣстьемъ; но теперь, когда тамъ все устроится, она будетъ названа иначе. Осмотрѣвъ ее, мы снова отправились въ путь.

2. Въ 2 часа послѣ обѣда, мы благополучно возвратились въ Петербургъ, гдѣ я на нѣсколько дней помѣстился у асессора Сурланда.

3. Утромъ, надв. сов. Гёбель назвался къ асессору на чай. На мой вопросъ о немъ асессоръ отвѣчалъ, что онъ былъ прежде гувернёромъ при одномъ изъ сыновей администратора*), а потомъ, когда оставилъ это мѣсто, сдѣланъ надв. совѣтникомъ и профессоромъ въ Килѣ; теперь же пріѣхалъ сюда изъ Стокгольма черезъ Ригу. Когда онъ пришелъ, мы спросили о его квартирѣ и узнали, что онъ еще не выѣзжалъ изъ Почтоваго дома. Надобно знать, что тамъ обыкновенно остаются всѣ пассажиры до пріисканія квартиръ, потому что гостинницъ, гдѣ бы можно было останавливаться, здѣсь нѣтъ кромѣ этого дома, который тѣмъ неудобенъ, что всѣ должны выбираться оттуда, если царь угощаетъ въ немъ; а это очень часто случается зимою и въ дурную погоду (какъ зимній, такъ и лѣтній дворцы царя очень малы, потому что онъ не можетъ жить въ большомъ домѣ; слѣд. въ нихъ не довольно мѣста для такихъ случаевъ, повторяющихся здѣсь почти еженедѣльно). Лѣтомъ Почтовый домъ очень пріятенъ, изъ него чудесный видъ; но зимою тамъ, говорятъ, почти нельзя жить отъ холода. Послѣ чаю ассессоръ отправился съ надв. совѣтникомъ къ г.-м. Штенфтихту, и такъ какъ въ этотъ день пришла почта, а г. Гёбель спѣшилъ представиться его высочеству, то ассессоръ поручилъ ему письма, съ которыми тотъ еще до обѣда уѣхалъ въ Кронслотъ.

4. Я ѣздилъ съ придворнымъ проповѣдникомъ, гофмейстеромъ Дюваленъ и асессоромъ Сурландомъ, въ двухъ кабріолетахъ, въ Екатерингофъ, до котораго отъ Петербурга всего пять верстъ. Тамъ мы гуляли по огороду и вообще очень пріятно провели время послѣ обѣда, а по возвращеніи въ городъ ужинали у одного изъ царскихъ кухмистеровъ, Француза Соблана, хорошаго пріятеля Дювалю. Въ тотъ вечеръ царицу ожидали въ Екатерингофѣ изъ другого загороднаго

*) Это дядя герцога Карла Фридриха (при которомъ состоялъ Берхгольцъ) и правитель Голштиніи во время его малолѣтства.

дворца, и думали, что оттуда она поѣдетъ въ Петергофъ на встрѣчу царю. Мы узнали это отъ пажа, приходившаго съ полковн. Ягужинскимъ (братомъ г.-маіора) въ домикъ въ саду, гдѣ мы сидѣли.

5. Ген.-м. Штенфлихтъ (который только вчера началъ выходить со двора послѣ спуска корабля) прислалъ сказать ассессору Сурланду и мнѣ, что ген.-л. Бонне просилъ его привезти насъ сегодня къ нему обѣдать. Поэтому, около полудня, мы оба и к.-юнк. Геклау отправились къ ген.-л. у котораго опять видѣли полковн. Ягужинскаго. Въ этотъ день пришелъ наконецъ изъ Риги корабль, на которомъ кухонный писецъ и нѣсколько нашихъ слугъ привезли большую Шведскую карету и разныя другія вещи его высочества. Герцогъ заплатилъ за него только отъ Риги сюда 300 Альбертинскихъ талеровъ или специй (что все равно), тогда какъ другой корабль, отъ Любека до Риги, стоилъ всего 200 рейхсталеровъ, не смотря на то, что везъ еще 9 лошадей, отправленныхъ потомъ сюда сухимъ путемъ. Отъ Риги до Петербурга корабль шелъ 16 дней и еще дня четыре пробивался на буксирѣ, противъ теченія и вѣтра, отъ Кронслота до здѣшней гавани. Переѣздъ же отъ Любека до Риги продолжался всего 11 дней.

6. Утромъ, получено было извѣстіе, что почту, отправленную третьяго-дня отсюда въ Германію, ограбили на первой станціи за Петербургомъ. Какъ это случилось—не знали; говорили только, что ямщика арестовали и что лошадь найдена въ лѣсу; но о тюкѣ, въ которомъ лежали письма и около 800 червонцевъ, всѣ поиски были покамѣстъ напрасны. Въ этотъ день надв. с. Гебель возвратился изъ Кронслота и разсказывалъ, что не засталъ тамъ герцога, почему отправился въ тотъ же вечеръ къ флоту, гдѣ и представлялся ему на великолѣпной яхтѣ «Принцесса Анна». Онъ сожалѣлъ, что не попалъ туда раньше, потому что въ день его пріѣзда утромъ, было представлено морское сраженіе. 5-го, всѣ возвратились опять въ Кронслотъ, а 6-го отправились въ Ораніенбаумъ; но надв. с. изъ Кронслота прямо отплылъ сюда. Между прочимъ онъ говорилъ также, что его в-во жалѣлъ, что не взялъ насъ съ собою. По причинѣ отсутствія герцога, въ этотъ день при дворѣ не было проповѣди.

7. Въ 12 часовъ утра, всѣ мы, оставшіеся дома, цѣлымъ обществомъ всходили на колокольню въ крѣпости, чтобы послушать игру курантовъ, положенную въ это время, и посмотрѣть на панораму Петербурга. Колокольня эта самая высокая въ городѣ. Чрезвычайно любопытно поглядѣть тамъ на игру музыканта, особенно тому, кто не видывалъ ничего подобнаго. Я, впрочемъ, не избралъ бы себѣ его ремесла, потому что для него нужны трудныя и сильныя тѣлодвиженія. Не успѣлъ онъ исполнить одной пьесы, какъ уже потъ градомъ

катился съ его лица. Онъ заставлялъ также играть двухъ Русскихъ учениковъ, занимающихся у него не болѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, но играющихъ уже сносно. Большіе часы играютъ сами собою каждые четверть и полчаса [1]). Когда мы взошли на самый верхъ, подъ колокола, музыкантъ далъ намъ большую зрительную трубку, съ помощью которой можно было видѣть оттуда Петергофъ, Кронслотъ и Ораніенбаумъ. Петербургъ имѣетъ видъ овала и занимаетъ огромное пространство. Во многихъ мѣстахъ онъ еще неплотно застроенъ; но эти промежутки не замедлятъ пополниться, если царь еще долго будетъ живъ. Крѣпость С.-Петербургъ [2]), гдѣ находится колокольня, построена у самой Невы и имѣетъ нѣсколько толстыхъ и высокихъ каменныхъ бастіоновъ, уставленныхъ большимъ числомъ пушекъ. Говорятъ, что сооруженіе ея, которымъ очень спѣшили, стоило множества народа что при тогдашней необыкновенной дороговизнѣ съѣстныхъ припасовъ и недостаткѣ въ одеждѣ, люди какъ мухи умирали отъ голода и холода, и тамъ же хоронились. Со стороны твердой земли она не такъ красива и далеко не такъ укрѣплена, какъ со стороны рѣки, потому что обнесена только валомъ и рвомъ; однакожъ защищаться можетъ довольно долго. Она есть въ тоже время родъ Парижской Бастильи: въ ней содержатся всѣ государственные преступники и нерѣдко исполняются тайныя пытки. Многіе плѣнные Шведскіе офицеры содержались тамъ въ казармахъ, находящихся подъ валомъ. Покойный царевичъ, впавшій въ немилость у государя и судебнымъ порядкомъ приговоренный къ смерти, подъ конецъ также заключенъ былъ въ эту крѣпость и въ ней умеръ. Она имѣетъ своего особеннаго коменданта, и туда ежедневно назначается большой караулъ отъ здѣшнихъ полковъ. Васильевскій островъ, гдѣ находится домъ князя Меншикова и выстроено уже много другихъ большихъ зданій, составитъ собственно городъ и, какъ говорятъ, со-временемъ будетъ укрѣпленъ. Онъ очень обширенъ, но застроенъ только по берегу и опоясывается Невою,

---

[1]) Вотъ что сказано объ этихъ часахъ и музыкѣ на колокольнѣ Петропавловскаго собора въ „Описаніи С.-Петербурга“, соч. Богдановымъ и дополненномъ Рубаномъ, стр. 254 и 255: „На сихъ часахъ колоколовъ часовыхъ, большихъ и малыхъ, 35 колоколовъ; у всякаго колокола по два молотка и по одному языку; молотами играютъ часовые куранты, а языками играютъ полуденные куранты произведеніемъ рукъ дѣйствъ человѣческихъ. Оные часы привезены изъ Амстердама, дано 45,000 р., а поставлены на колокольню 1720 г. Тамъ же на сей колокольнѣ, когда въ полдни пробьютъ одиннадцать часовъ, тогда играютъ полчаса на трубахъ и гобояхъ полковые гарнизонные музыканты; а когда полдвѣнадцата часа пробьютъ, тогда до окончанія двѣнадцатаго часа на колоколахъ играютъ ручные куранты“.

[2]) С.-Петербургская крѣпость заложена 16-го Мая 1703 года и была сперва земляная, но 30-го Мая 1706 года начали строить каменную. См. у Рубана, стр. 32 и 37.

которая, передъ крѣпостью, раздѣляется на два рукава *). Вся лѣвая сторона рѣки, гдѣ стоитъ крѣпость, составляетъ одну сплошную массу, такъ что тамъ можно пройти сухимъ путемъ отъ одного конца до другого. Но городъ по правую сторону рѣки, гдѣ Адмиралтейство, прорѣзанъ многими каналами, черезъ которые наведены мосты (исключая, впрочемъ, канала, протекающаго возлѣ царскаго лѣтняго дворца), такъ что если нужно отправиться изъ этого дворца или изъ Почтоваго дома (близъ котораго живетъ его высочество), или изъ царскаго зимняго дворца, находящагося на третьемъ каналѣ, на противоположную сторону, гдѣ стоятъ дома вдовствующей царицы, генералъ-фельдцейхмейстера Брюса и многихъ другихъ вельможъ, то, чтобъ попасть туда, надобно ѣхать къ Адмиралтейству и далѣе, черезъ длинный проспектъ, вымощенный плѣнными Шведами и усаженный съ обѣихъ сторонъ деревьями; поэтому, въ такихъ случаяхъ, берутъ обыкновенно барки и верейки, потому что водою туда недалеко. Съ колокольни еще прекрасный видъ на совершенно прямую аллею. Въ крѣпости ежедневно, въ полдень, играютъ гобоисты, а на башнѣ Адмиралтейства, въ тоже время, особые трубачи. Изъ крѣпости мы пошли на площадь, гдѣ совершаются казни (тамъ, рядомъ съ 4-мя другими головами, выставлена голова брата прежней, впавшей въ немилость царицы, урожденной Лопухиной), чтобы взглянуть на князя Гагарина, казненнаго незадолго передъ отъѣздомъ царя въ Ригу. Онъ былъ сперва повѣшенъ передъ домомъ Сената, куда, кромѣ сенаторовъ, были собраны смотрѣть на казнь и всѣ родственники преступника, которые потомъ должны были весело пить съ царемъ. Побывъ немного на этомъ печальномъ мѣстѣ, мы отправились домой.

8. Я весь день не выходилъ со двора.

9. Опять сидѣлъ дома и почти весь день писалъ.

10. Привели наконецъ лошадей его высочества, которыхъ отъ Любека до Риги везли на кораблѣ, а оттуда отправили сюда уже сухимъ путемъ. Переходъ этотъ продолжался 16 дней, а переѣздъ черезъ море 11. Всѣхъ лошадей было 9, а именно 8 большихъ каретныхъ, подаренныхъ его высочеству, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, барономъ Герцомъ (онѣ же на похоронахъ короля Карла XII везли колесницу

---

*) „Островъ Васильевскій есть отъ всѣхъ прочихъ острововъ сего мѣста пространнѣйшій, лежащъ при самомъ взморьѣ, между большою Невою и малою Невкою, фигурою состоящъ треугольною, и сей островъ красотою своею отъ прочихъ острововъ есть изряднѣйшій. Того ради сей преизрядный островъ императоръ Петръ Великій намѣренъ былъ наибогатѣйшимъ строеніемъ населить и украсить, какъ деревяннымъ, такъ и каменнымъ, и каналами устроить, и фортеціею укрѣпить, на подобіе Амстердама; что всему тому обстоятельный планъ и модель сдѣланная имѣются, по которому плану все строеніе на семъ островѣ и производится“. См. у Рубаня, стр. 170 и 171.

съ его гробомъ) и маленькая верховая, служившая его высочеству въ Норвежскую кампанію. Она была подарена нашему герцогу королемъ Карломъ XII, который самъ на ней долго ѣздилъ.

11. Возвратились въ Петербургъ его королевское высочество въ каретѣ, а царь и царица водою, со всею флотиліею. Его высочество изъ Стрѣльцы-мызы ѣздилъ съ царскимъ маршаломъ (Олсуфьевымъ) на дачу послѣдняго, гдѣ со всею своею свитою долженъ былъ очень много пить, и оттуда уже отправился домой въ каретѣ царицы.

12. Его высочество весь день оставался дома, потому что чувствовалъ еще усталость послѣ совершенной поѣздки.

13. Одинъ изъ моихъ хорошихъ пріятелей, бригадиръ Ранцау, который былъ въ числѣ ѣздившихъ въ Кронслотъ, разсказалъ мнѣ слѣдующее объ этой поѣздкѣ.

*

Отплывъ 30-го Іюля, въ 11 часовъ утра, они, по причинѣ слабаго вѣтра, прибыли въ Кронслотъ только часовъ въ 6 или въ 7 вечера и остановились тамъ въ домѣ великаго адмирала Апраксина.

31. Іюля царь показывалъ его высочеству и нашей свитѣ сперва три большія, окруженныя болверкомъ, гавани, гдѣ стоятъ корабли, потомъ большую Кронслотскую батарею, обращенную къ морю. Послѣ того они поѣхали на нѣсколькихъ шлюпкахъ въ собственно такъ называемую крѣпость Кронслотъ, которая окружена со всѣхъ сторонъ водою, а оттуда, осмотрѣвъ ее, къ двумъ стоявшимъ вблизи бомбардирскимъ галіотамъ. Когда они взошли на первую, царь опять самъ все показывалъ и объяснялъ его высочеству. Онъ думалъ сначала, что она та самая, на которой было приказано имъ устроить все для увеселенія герцога; но узнавъ, что для того приготовлена другая галіота, поспѣшно отправился на нее, и тамъ, въ присутствіи его высочества, бросали разныя бомбы. Послѣ всего этого они возвратились въ Кронслотъ, откуда царь, спустя нѣсколько времени, поѣхалъ съ небольшою свитою въ Петергофъ. Въ его отсутствіе князь Меншиковъ, въ тотъ же день, угощалъ его высочество и всю нашу свиту. Вечеромъ царскій маршалъ Олсуфьевъ сказалъ тайному совѣтнику Бассевичу, что такъ какъ его высочество взялъ съ собою своихъ поваровъ, то имъ можно приказать требовать всю нужную провизію, которая готова къ ихъ услугамъ. Поэтому герцогъ на другой день,

1 Августа, угощалъ всѣхъ Русскихъ министровъ, при чемъ очень много пили. Рано утромъ, князь Меншиковъ уѣзжалъ въ свое помѣстье Ораніенбаумъ, однакожъ еще до обѣда пріѣхалъ назадъ и участвовалъ въ пиршествѣ. Его величество царь вечеромъ возвратился изъ Петергофа въ Кронслотъ, и на слѣдующій день,

2 Августа, въ 7 часовъ утра, прислалъ къ его высочеству графа Пушкина съ приглашеніемъ пріѣхать на флотъ, для чего и были приведены два судна, потому что царь находился уже на яхтѣ. Пушкинъ думалъ, что его величество на нѣсколько дней поѣдетъ къ флоту и просилъ герцога не брать съ собою другихъ вещей, кромѣ постельнаго бѣлья, говоря, что его высочество будетъ имѣть особую яхту, гдѣ найдетъ всѣ удобства для себя и для шестерыхъ или семерыхъ кавалеровъ, и что для остальныхъ и для прислуги приготовлены еще два судна. Кромѣ того, онъ имѣлъ порученіе сообщить его высочеству, чтобъ онъ и его свита были безъ шпагъ, потому что и самъ государь оставитъ при себѣ только небольшой кортикъ. Требованіе это тотчасъ же было исполнено какъ его высочествомъ, такъ и всею свитою. Герцогъ отправился на транспортное судно, т. е. на прекрасную яхту «Принцесса Анна», гдѣ его встрѣтили царскій маршалъ и капитанъ яхты, который немедленно снялся съ якоря и направился къ флоту, находившемуся въ 30-ти верстахъ отъ Кронслота. Во время плаванія его высочество обѣдалъ на яхтѣ со всѣми Русскими вельможами. Царь потомъ также присоединился къ нимъ. Около 6-ти часовъ вечера они подошли къ мѣсту, гдѣ стояли корабли, и бросили якорь, послѣ чего его величество царь съ его высочествомъ объѣхалъ на шлюпкѣ вокругъ всего флота, состоявшаго изъ 18-ти линейныхъ кораблей *) и 3-хъ фрегатовъ, которые были расположены въ видѣ треугольника, кормою или задомъ наружу, а носомъ внутрь. Проѣзжая мимо каждаго изъ нихъ, царь пилъ за здоровье капитановъ, стоявшихъ у кормы своихъ кораблей. Совершивъ весь кругъ, они возвратились на транспортную яхту. Здѣсь царь простился съ герцогомъ и поѣхалъ опять къ флоту, а его высочество остался на ней и провелъ весь вечеръ одинъ съ своею свитою, что̀ пришлось очень кстати послѣ вчерашней пирушки. Я забылъ сказать, что, когда они подъѣхали къ флоту, съ него раздался сигнальный пушечный выстрѣлъ, послѣ котораго, въ одинъ мигъ, всѣ корабли украсились безчисленнымъ множествомъ маленькихъ и большихъ разноцвѣтныхъ флаговъ и вымпеловъ; эффектъ былъ удивительный, тѣмъ болѣе, что, вслѣдъ за другимъ выстрѣломъ, ихъ такъ же быстро опять опустили. На слѣдующій день,

3 Августа, утромъ, его высочество получилъ черезъ молодого Трубецкого приглашеніе пріѣхать на царскій корабль «Ингерманлан-

---

*) Берхгольцъ называетъ ихъ *Orlogs-Schiffe* (т. е. военные корабли). Вотъ имена ихъ: Св. Андрей, Санъ-Викторія, Гангутъ, Москва, Малбругъ, Св. Александръ, Лѣсное, Нордъ-Адлеръ, Св. Екатерина, Ингерманландъ, Фрейдемакеръ, Нептунъ, Астрахань, Выборгъ, Фридрихштатъ, Слютебургъ, Ревель, Св. Петръ. См. Голикова, Дѣян. Петра Великаго, т. VII, стр. 323.

дія». Съ прибытіемъ туда герцога, всѣ якори, по данному сигналу, были подняты, и царь объявилъ его высочеству, что хочетъ повеселить его морскими манёврами, для которыхъ, чтобъ имѣть болѣе мѣста, необходимо выйти далѣе въ открытое море. Корабли двинулись на нѣсколько верстъ впередъ, безъ особеннаго порядка; но подойдя къ мѣсту, гдѣ должно было происходить сраженіе, они выстроились въ двѣ линіи, по 9-ти кораблей на каждой. Царь командовалъ правою, а князь Меншиковъ лѣвою. Его величество, въ качествѣ командующаго, находился на среднемъ кораблѣ, пятомъ въ линіи, и держался прямо противъ пятаго же другой линіи. Всѣ сигналы подавались съ этихъ двухъ адмиральскихъ кораблей посредствомъ вымпеловъ или флаговъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ свое значеніе и тотчасъ же поднимается и на другихъ корабляхъ. Для храненія сигнальныхъ флаговъ сдѣланы, говорятъ, особые ящики, на которыхъ они, для скорѣйшаго ихъ пріисканія, нарисованы въ миніатюрѣ. Кромѣ того, при нихъ на корабляхъ вывѣшивается еще доска, гдѣ они также всѣ нарисованы и гдѣ находится объясненіе каждаго на Русскомъ и Голландскомъ языкахъ. По ней наша свита, при появленіи сигналовъ, могла сейчасъ видѣть, въ чемъ заключалась воля царя и что̀ онъ приказывалъ кораблямъ. Этотъ флотъ, составленный изъ двухъ линій, манёврировалъ болѣе часа, сопровождая свои движенія то ружейными, то пушечными залпами. Во всемъ сохранялся удивительный порядокъ, и зрители имѣли много удовольствія, тѣмъ болѣе, что дымъ отъ сильной пальбы не приходилъ на ихъ сторону, и что ядеръ и пуль нечего было опасаться. По окончаніи этого великолѣпнаго увеселенія, корабли стали опять возвращаться туда, гдѣ стояли на якоряхъ, и тутъ можно было видѣть, который изъ нихъ шелъ лучше, потому что на каждомъ употреблялись всѣ усилія, чтобы прійти во-время на прежнее мѣсто. Въ продолженіе манёвровъ и морского сраженія они должны были поднимать и направлять свои паруса смотря по тому, какой требовался ходъ, чтобъ постоянно оставаться другъ противъ друга; но на обратномъ пути каждому изъ нихъ предоставлена была свобода дѣлать все возможное для обогнанія другихъ. Царь, говорятъ, приказалъ арестовать нѣсколькихъ флотскихъ капитановъ за то, что они въ сраженіи иногда несовсѣмъ держались въ линіи; но на другой день ихъ освободили. По этому случаю у государя былъ сильный споръ съ контръ-адмираломъ Сиверсомъ, который слишкомъ горячо принялъ сторону офицеровъ и приписывалъ недоразумѣнія отчасти ему самому. Всѣ присутствовавшие не могли надивиться терпѣнію его величества во время этого спора. На другой день,

4 Августа, его величество царь былъ съ его высочествомъ на 6-ти или 7-ми военныхъ корабляхъ, гдѣ самъ все показывалъ и объяснялъ. Въ этотъ день много пили, потому что на каждомъ кораблѣ были угощенія. Отъ нихъ будто бы даже и нашъ герцогъ былъ порядочно навеселѣ.

5 Августа они уѣхали съ флота и въ вечеру возвратились въ Кронслотъ, а на другой день,

6 Августа, со всею флотиліею, состоявшею изъ 80 или 90 судовъ, оставили Кронслотъ и около полудня прибыли въ Ораніенбаумъ, откуда царь, вечеромъ, уѣхалъ впередъ въ Петергофъ.

7 Августа, въ часъ пополудни, его высочество со всею флотиліею отплылъ въ Петергофъ. Онъ прибылъ туда благополучно и былъ очень хорошо принятъ.

8 Августа, ихъ величества (царица, не участвовавшая въ поѣздкѣ, выѣхала въ Петергофъ навстрѣчу царю) ѣздили за 23 версты оттуда, въ имѣніе великаго канцлера Головкина, гдѣ готовилось прорытіе трехъ маленькихъ рѣчекъ для проведенія воды въ резервуары Петергофскихъ фонтановъ. Царь и знатнѣйшіе Русскіе вельможи собственноручно открыли работы, и притомъ такъ, что его величество прежде всѣхъ приложилъ къ землѣ заступъ. Въ этотъ день все общество собиралось у великаго канцлера, который угощалъ его, но не роскошно, потому что, не смотря на свое богатство, чрезвычайно скупъ. У него, говорятъ, есть тамъ странная лошадь, которую, по приказанію царя, выводили и показывали его высочеству: она двуполая, но ржетъ какъ жеребецъ.

9 Августа осматривали Монплезиръ и остальную часть Петергофа. На слѣдующій день,

10 Августа, всѣ поѣхали сухимъ путемъ въ Стрѣльну-мызу, гдѣ осматривали строющійся новый дворецъ и находящійся при немъ садъ, а потомъ весело пировали. Послѣ обѣда его величество царь, его высочество и вся ихъ свита ѣздили верхомъ осматривать окрестности и круглое мѣсто, съ котораго видны 12 аллей (но тамъ, говорятъ, есть еще другое мѣсто, гдѣ сходятся 16 аллей). На этой прогулкѣ посланникъ Штамке, бывшій очень на́веселѣ, имѣлъ несчастье упасть съ лошади и такъ повредить себѣ ногу, что и до сихъ поръ еще не оправился.

11 Августа, въ послѣдній день поѣздки, ихъ величества царь и царица, со всею свитою, отплыли въ Петербургъ, гдѣ возвращеніе флотиліи было привѣтствовано пушечною пальбою съ крѣпости, а его высочество, съ своими кавалерами и съ маршаломъ Олсуфьевымъ, отправился въ каретахъ царицы и пріѣхалъ въ Петербургъ почти въ

одно время съ флотиліею. Дорогой они обѣдали на дачѣ, принадлежащей маршалу, гдѣ такъ сильно пили, что нѣкоторые изъ нашихъ кавалеровъ вечеромъ возвратились домой порядочно пьяные. Въ Стрѣльнѣ царь подарилъ герцогу прекраснаго иноходца, на которомъ его высочество ѣздилъ верхомъ на вышеупомянутую прогулку. Этимъ окончился разсказъ моего пріятеля.

*

14. Я переѣхалъ къ тайному совѣтнику Бассевичу, у котораго въ домѣ было довольно мѣста. Прежняя моя квартира была и скучна, и дурна. Послѣ обѣда пріѣзжалъ царскій маршалъ Олсуфьевъ и просилъ нашего герцога пожаловать къ нему на другой день обѣдать. Его высочество не могъ отказаться, особенно когда узналъ, что царь и царица также тамъ будутъ.

15. Въ полдень, его высочество отправился къ своему сосѣду, маршалу Олсуфьеву. Я видѣлъ, какъ пріѣхала туда царица: она была въ каретѣ, парой, и сидѣла въ ней одна; три ея каммеръ-юнкера всю дорогу (впрочемъ, не длинную) шли по сторонамъ экипажа, а придворныя дамы ѣхали позади. Царь былъ также съ большою свитою. Послѣ обѣда много танцовали, потому что собралось немало дамъ. Вечеромъ, когда уѣхали царь и царица, его высочество отправился къ посланнику Штамке (у котораго послѣ паденія съ лошади все еще болѣли грудь и нога); но тамъ вскорѣ ему доложили, что царь опять пріѣхалъ къ маршалу и что послѣдній очень желаетъ, чтобъ и его в—во снова къ нему пожаловалъ. Узнавъ однако, что у него сильно пьютъ, герцогъ не захотѣлъ ѣхать и остался ужинать у Штамке.

16. Не случилось ничего особеннаго; только у большей части нашихъ кавалеровъ кружилась еще голова послѣ вчерашняго пира.

17. Вечеромъ, была тостъ-коллегія у тайнаго совѣтника Бассевича, къ которому тотчасъ послѣ ужина случайно пріѣхали генералъ-маіоръ Ягужинскій и царскій фаворитъ Татищевъ. Началась сильная попойка, потому что у обоихъ шумѣло уже немного въ головѣ (а въ подобныхъ случаяхъ съ ними всегда надобно крѣпко пить). Такъ какъ они имѣютъ большой вѣсъ при дворѣ, то его высочество былъ къ нимъ очень внимателенъ, особенно къ генералъ-маіору Ягужинскому, и все общество разошлось часами двумя позднѣе, нежели какъ бы слѣдовало по уставу тостъ-коллегіи.

18. Былъ почтовый день, и его высочество не выходилъ изъ своей комнаты.

19. Вечеромъ, его высочество ѣздилъ водою къ князю Валашскому, у котораго, по случаю именинъ или рожденія его самого или

княгини, собралось большое общество. Герцогъ былъ отлично принятъ и оставался тамъ до поздней ночи, потому что много танцовали.

20. Утромъ, при дворѣ была проповѣдь, а вечеромъ, до поздней ночи, праздновался въ длинной галлереѣ *) день рожденія третьей царской принцессы Наталіи. Ей исполнилось въ этотъ день три года. Его королевское высочество съ своею свитою, въ парадныхъ платьяхъ, нарочно отправился туда немного ранѣе, и нашелъ уже тамъ большую часть вельможъ; только царской фамиліи не было еще, но и она скоро съѣхалась. Такъ какъ царь, царица и принцессы пріѣзжали одни за другими, то его высочество всякій разъ выходилъ къ нимъ навстрѣчу и провожалъ царицу и обѣихъ принцессъ отъ барокъ до комнатъ, гдѣ происходило празднество и гдѣ собралась уже вся здѣшняя знать обоего пола. Царь пріѣхалъ на своей обыкновенной небольшой верейкѣ или шестивесельной шлюпкѣ. На закрытыхъ баркахъ, какія большею частью употребляются здѣшними вельможами, онъ никогда не ѣздитъ, какова бы ни была погода. Встрѣченный его высочествомъ также у выхода на берегъ, онъ взошелъ на галлерею, привѣтствовалъ все общество и потомъ отправился въ боковую комнату, гдѣ находилось духовенство (всегда принимающее участіе во всѣхъ торжествахъ). Сѣвъ тамъ за столъ, его величество такъ заговорился съ духовными особами, что совсѣмъ забылъ о другихъ. Его долго ждали, и никто не садился за столъ до тѣхъ поръ, пока онъ не прислалъ сказать, чтобъ садились и не ждали его. Царица же, кушавшая въ галлереѣ съ принцессами и со всѣми прочими дамами, сѣла за свой столъ уже прежде, тотчасъ по пріѣздѣ царя. Его величество пробылъ съ духовенствомъ довольно долго; но наконецъ возвратился къ вельможамъ, сѣлъ вмѣстѣ съ ними и кушалъ и пилъ еще разъ съ большимъ аппетитомъ. Послѣ ужина начались танцы; но за множествомъ гостей и тѣснотою галлереи рѣдко можно было пробраться сквозь толпу и поглядѣть опять на танцовавшихъ. Здѣсь я въ первый разъ видѣлъ молодого Польскаго графа Сапѣгу, который пріѣхалъ въ Петербургъ ужъ послѣ отъѣзда царя въ Кронслотъ, однакожъ былъ тамъ и участвовалъ во всѣхъ увеселеніяхъ. Этотъ графъ (который моихъ лѣтъ и моего роста, но еще не служитъ) принадлежитъ къ одной изъ знатнѣйшихъ фамилій въ Польшѣ, гдѣ, говорятъ, имѣетъ большія помѣстья. Онъ сговоренъ съ старшею дочерью князя Меншикова, которой около 10-ти лѣтъ и которая, поэтому, еще довольно мала, но при всемъ томъ очень милая дѣвушка. Съ нимъ была большая свита Поляковъ въ національныхъ костюмахъ; но самъ онъ и его

*) Эта галлерея, о которой авторъ „Дневника“ упоминалъ уже и прежде нѣсколько разъ, находилась въ одной изъ аллей Лѣтняго сада, около царскаго лѣтняго дворца.

прислуга были одѣты по-французски. Я уже въ этотъ разъ замѣтилъ, что онъ одѣлся совершенно по вкусу князя Меншикова: на немъ были—красный шитый кафтанъ на зеленой подкладкѣ и зеленые чулки. Манеры его, впрочемъ, довольно хороши, и танцуетъ онъ сносно. Когда стемнѣло, галлерея, гдѣ находилось все общество, и длинная аллея, идущая мимо нея до царскаго сада, а съ другой стороны, до Почтоваго дома, были иллюминованы, именно: галлерея—изнутри (по окнамъ) пирамидами, уставленными, впрочемъ, только сальными свѣчами, аллея—безчисленнымъ множествомъ фонариковъ, развѣшанныхъ по деревьямъ, близко одинъ отъ другого и въ прямой линіи, что̀ ее сильно освѣщало и было очень красиво какъ вблизи, такъ и издали. Празднество это, какъ я уже сказалъ, продолжалось до поздней ночи, при чемъ больше танцовали, нежели пили.

21. Его высочество съ дежурными и нѣкоторыми другими кавалерами ужиналъ у т. с. Геспена, гдѣ, говорятъ, былъ необыкновенно веселъ. Въ этотъ день царь и царица уѣхали опять въ Петергофъ и Кронслотъ, куда за ними послѣдовалъ и ген.-м. Ягужинскій. Его величество съ большою поспѣшностью послалъ его оттуда въ Финляндію съ предложеніемъ (какъ полагаютъ здѣсь за вѣрное) касательно правъ нашего герцога на наслѣдованіе Шведскаго престола [1]). Въ тоже время здѣсь сильно распространился слухъ, что царь приказалъ держать наготовѣ 200 галеръ, для вторичной [2]) высадки на берега Швеціи, и снабдить провіантомъ на 3 мѣсяца 5 военныхъ кораблей, чтобы, въ случаѣ непринятія этого пункта, можно было принудить къ тому силою.

22. Т. с. Бассевичъ давалъ обѣдъ иностраннымъ министрамъ и каммеръ-юнкерамъ царицы, Монсу и Балку, причемъ много пили.

23. Я ужиналъ у царскаго подкухмистера. Въ этотъ день не случилось ничего особеннаго.

24. Послѣ обѣда, его высочество ходилъ гулять въ царскій садъ, куда только ему со свитою предоставленъ свободный входъ во всякое время. Тамъ онъ имѣлъ счастье встрѣтить обѣихъ старшихъ принцессъ, съ которыми прогуливался, сидѣлъ въ одной изъ бесѣдокъ и разговаривалъ. Разговоръ ихъ, впрочемъ, былъ невеликъ, потому что они, какъ мало другъ съ другомъ знакомые, были все еще какъ-то

---

[1]) Ягужинскому дѣйствительно приказано было, между прочимъ, передать на Нейштатскомъ конгрессѣ и это предложеніе. См. о томъ у Голикова, Дѣян. Петра Великаго, т. VII, стр. 336.

[2]) Незадолго передъ тѣмъ, именно въ Іюлѣ мѣсяцѣ, для скорѣйшаго понужденія Шведовъ къ миру, ген.-лейт. Ласси дѣлалъ съ 6-ти тыс. отрядомъ высадку на берега Швеціи. Подробнѣе объ этомъ см. тамъ же, стр. 288—294.

застѣнчивы. Потомъ они еще нѣсколько времени гуляли и, когда начало становиться поздно, его высочество, ходившій постоянно между обѣими принцессами, проводилъ ихъ во дворецъ. Поцѣловавъ имъ прекрасныя руки, онъ отправился домой въ полномъ удовольствіи отъ этой пріятной и неожиданной встрѣчи.

25. Капитанъ Курке, который былъ женатъ на одной изъ сестеръ моего покойнаго отца, простился со мною и отправился опять въ Казань, гдѣ стоитъ его полкъ. Его присылали сюда на короткое время съ казенными деньгами и съ какою-то просьбою. Прежде онъ находился въ Шведской службѣ, но потомъ, вмѣстѣ съ многими другими офицерами, по необходимости долженъ былъ вступить въ здѣшнюю. Родомъ онъ, если не ошибаюсь, Лифляндецъ, и уже немолодъ, но человѣкъ очень пріятный и добрый.

26. Его высочество ѣздилъ послѣ обѣда къ генеральшѣ Балкъ, въ каретѣ, въ которую въ первый разъ запрягли шесть большихъ лошадей, приведенныхъ недавно изъ Гамбурга.

27. Утромъ, при дворѣ была проповѣдь, и такъ какъ случился постный день герцога, то не обѣдали до 5-ти часовъ, потому что его высочество хотѣлъ кушать не дома.

28. Его высочество обѣдалъ у Прусскаго т. с. Мардефельда, гдѣ были также почти всѣ Русскіе министры; но изъ нашей свиты не было никого, кромѣ обоихъ тайныхъ совѣтниковъ и графа Бонде. По случаю тезоименитства младшей принцессы [1]), его высочество посылалъ ко двору полковника Лорха съ поздравленіемъ. Такъ какъ ихъ величества за нѣсколько дней передъ тѣмъ уѣхали въ Петергофъ, то день этотъ праздновался въ тишинѣ, у принцессъ, въ обществѣ придворныхъ дамъ и немногихъ кавалеровъ.

29. Его высочество былъ послѣ обѣда у князя Репнина, пріѣхавшаго сюда недавно изъ Риги. Въ этотъ день я съ придворнымъ проповѣдникомъ и съ ас. Сурландомъ ходилъ въ царскую Кунсткамеру, собранную его величествомъ царемъ съ большими издержками и заключающую въ себѣ множество замѣчательныхъ предметовъ по части естественной исторіи и другимъ [2]). Тамъ между прочимъ находится живой человѣкъ безъ половыхъ органовъ, вмѣсто которыхъ у него родъ грибообразнаго нароста, похожаго на коровье вымя и имѣющаго по-

---

[1]) Здѣсь Берхгольцъ перемѣшалъ дни: тезоименитство младшей царевны было 26-го, а не 28-го Августа.

[2]) Въ это время Кунсткамера, основанная Петромъ Великимъ въ 1714 году, помѣщалась въ такъ называемыхъ *Кикиныхъ палатахъ*, домѣ, принадлежавшемъ извѣстному Александру Кикину, казненному въ 1718 году по дѣлу царевича Алексѣя Петровича, въ Литейной части.

срединѣ мясистый кусокъ величиною въ талеръ, откуда постоянно выходитъ густая моча. Къ наросту, для сохраненія въ чистотѣ бѣлья, привязанъ пузырь, куда она стекаетъ. Все это до того отвратительно, что многіе вовсе не могутъ видѣть бѣдняка. Поэтому легко себѣ представить, каково ему. Впрочемъ, онъ свѣжъ и здоровъ, рубитъ дрова и исправляетъ разныя другія работы; но жить долженъ въ особой комнатѣ, потому что распространяетъ отъ себя невыносимый запахъ. Человѣкъ этотъ, какъ говорятъ, изъ Сибири, и родители его зажиточные простолюдины. Онъ охотно далъ бы сто рублей и болѣе, чтобы только получить свободу и возвратиться на родину, откуда родственники должны были выслать его вслѣдствіе царскаго указа [1]), повелѣвающаго препровождать въ Петербургъ изъ всего государства все неестественное и неизвѣстное въ какомъ бы то ни было родѣ. Губернаторамъ предписано точно исполнять его подъ страхомъ тяжкаго наказанія. Вотъ почему здѣсь набрано такое множество предметовъ по части естественной исторіи и самыхъ разнообразныхъ уродовъ. Между анатомическими препаратами находятся и собранные въ Амстердамѣ знаменитымъ докторомъ Рюйшемъ (Ruysch), которые царь купилъ у его наслѣдниковъ за 10,000 рублей [2]). Въ Кунсткамерѣ разставлено большое количество сосудовъ, въ которыхъ сохраняются въ спирту всякаго рода звѣри, птицы, рыбы, змѣи и тому подобныя, также разныя части человѣческаго тѣла, цѣлые трупы, уроды, зародыши обоего пола. Далѣе показываются всѣ артеріи и нервы человѣческаго тѣла, сдѣланныя изъ цвѣтного воску. Между многими другими подобными предметами я особенно замѣтилъ голову, въ которой превосходно сдѣланы изъ краснаго воску всѣ артеріи, изображающія сложное устройство мозга, потомъ—постепенное развитіе человѣческаго зародыша отъ перваго зачатія. Въ сосудахъ, наполненныхъ спиртомъ, можно видѣть: матку, передъ отверстіемъ которой лежитъ младенецъ съ совершенно образовавшимися головою и лицемъ, множество младенцевъ, вырѣзанныхъ изъ утробы, съ кожей и безъ кожи, человѣческаго урода съ одною головою, но двумя лицами, много другихъ уродовъ съ двумя головами, четырьмя руками, четырьмя ногами, многими пальцами и т. д.; постепенное видоизмѣненіе лягушекъ и ихъ зарожденіе

---

[1]) Указъ 13-го Февраля 1718 года. См. Полн. Собр. Зак. т. V, № 3159. На основаніи его платилось за доставленіе уродовъ, живыхъ: человѣческаго 100 руб., скотскаго и звѣринаго 15 руб., птичьяго 7 руб.; мертвыхъ: человѣческаго 15 р., скотскаго и звѣринаго 5 р., птичьяго 3 р.

[2]) Собранія анатомическихъ препаратовъ доктора *Рюйша* и разныхъ животныхъ, птицъ, змѣй и насѣкомыхъ аптекаря *Себы*, были куплены Петромъ Великимъ въ Амстердамѣ въ 1717 году, первое за 30,000, второе за 15,000 гульденовъ. Подробнѣе объ этомъ см. у Голикова, Дѣян. Петра Вел., т. V, стр. 282—285.

изъ головастиковъ; животное pigritia (названное такъ по причинѣ медленности его на ходу—оно можетъ дѣлать не болѣе 20-ти шаговъ въ день), съ короткими ногами и широкою мордою, обросшею волосами [1]); особенный родъ лягушекъ, рождающихся изъ спины самки, что̀ и видно на одной изъ нихъ, очень широкой, изъ которой выходятъ до 20-ти дѣтёнышей, частію до половины, частію только головою; еще одно большое животное, называемое philander (съ бѣлою шерстью, похожее на молодую кошку), у котораго подъ брюхомъ родъ мѣшка, куда оно собираетъ своихъ дѣтёнышей, когда переходитъ или переплываетъ съ мѣста на мѣсто (въ этомъ мѣшкѣ и было ихъ нѣсколько) [2]), и мн. друг. Мы осматривали еще шкафъ, наполненный сосудами съ partes genitales feminae разной величины, и другой—съ восковыми изображеніями partium genitalium viri, изъ которыхъ можно видѣть, что нижняя, мясистая ихъ часть состоитъ только изъ нервовъ; потомъ видѣли взрѣзанную утробу, съ большою кишкою внизу и пузыремъ вверху, гдѣ всѣ артеріи сдѣланы изъ краснаго воску, и полный foetus (зародышъ) въ его естественномъ положеніи. Кромѣ того, намъ показывали свинью съ человѣческимъ лицомъ (обросшимъ, впрочемъ, щетиною), которую только недавно привезли сюда изъ-за Москвы миль за 100 [3]). Наконецъ мы видѣли нѣсколькихъ живыхъ мальчиковъ, имѣющихъ на рукахъ и на ногахъ только по два пальца, которые похожи на клешни рака, однакожъ не мѣшаютъ имъ ходить, поднимать и брать деньги, и проч. [4]). При Кунсткамерѣ находятся прекрасный мюнцъ-кабинетъ и довольно большая библіотека, собранная большею частію въ Польшѣ. При ней же помѣщается особо и библіотека бывшаго лейбъ-медика Арескина [5]), состоящая преимущественно изъ книгъ медицинскихъ,

---

[1]) *Тихоходъ* или *лѣнивецъ*, какъ названо это животное въ „Кабинетѣ Петра Великаго“, изд. О. Бѣляевымъ. Спб. 1800, Отд. II, стр. 66.

[2]) Это такъ называемая *двуутробка* или *кенгуру*.

[3]) О чучелѣ этого животнаго въ „Кабинетѣ“ не упомянуто; вѣроятно, оно погибло въ пожарѣ 1747 года, когда сгорѣли въ Кунсткамерѣ многія вещи.

[4]) Берхгольцъ положительно говоритъ: „нѣсколько живыхъ мальчиковъ (einige lebendige Jungen); но въ „Кабинетѣ Петра Великаго“, Отд. I, стр. 192, упоминается только объ одномъ въ слѣдующихъ словахъ: „Тутъ же стоитъ „*чучела урода*, который *Ѳомою* назывался, и былъ ростомъ въ 1 аршинъ и 12 вершковъ. Онъ имѣлъ на рукахъ и на ногахъ по 2 пальца. Уродъ сей родился въ Иркутскомъ уѣздѣ у пашеннаго крестьянина Дмитрія Сивочи, и въ силу указа государева присланъ въ С.-Петербургъ въ Кунсткамеру при письмѣ г. Блюментроста, Августа 9-го числа 1720 года. Сказываютъ, что Петръ Великій, увидѣвши сего урода, приказалъ ему, пока онъ будетъ живъ, неотлучно находиться при Кунсткамерѣ и отправлять въ ней должность истопника; а по смерти его, сдѣлавъ изъ кожи его чучелу, поставить ее навсегда въ Кунсткамеру. Что̀ и было наконецъ исполнено“. Слова эти, кромѣ описанія наружности, слѣдуетъ, кажется, отнести къ уроду, о которомъ авторъ „Дневника“ говоритъ въ началѣ описанія Кунсткамеры.

[5]) Докторъ Робертусъ Карловичъ *Арескинъ*, лейбъ-медикъ Петра Великаго, родомъ Шотландецъ, пріѣхалъ въ Россію въ 1706, умеръ въ концѣ 1718 г. въ Олонцѣ. Библіо-

физическихъ и философскихъ, но дорогихъ и рѣдкихъ. Всѣ книги красиво переплетены. Теперешній библіотекарь, Шумахеръ [1]), посланъ за границу для покупки разныхъ рѣдкостей. Въ его отсутствіе мѣсто его занимаетъ одинъ аптекарь, который завѣдываетъ Кунсткамерою.

30. Послѣ обѣда, его королевское высочество ѣздилъ съ визитомъ къ князю Голицыну, полковнику Семеновскаго полка. Въ этотъ день, впрочемъ, не случилось ничего особеннаго.

31. Т. с. Бассевичъ угощалъ его королевское высочество и здѣшнихъ министровъ. Князь Меншиковъ былъ также приглашенъ, но утромъ пріѣзжалъ къ тайному совѣтнику и извинялся, что не можетъ явиться къ обѣду, потому что уже за нѣсколько дней далъ слово быть у кого-то, куда убѣдилъ пріѣхать и многихъ другихъ. Поэтому еще нѣсколько приглашенныхъ, подъ тѣмъ же предлогомъ, извинились, что не могутъ быть; иначе они непремѣнно пріѣхали бы, потому что вообще, при всѣхъ случаяхъ, достаточно показываютъ, какъ дорожатъ тайнымъ совѣтникомъ. Однакожъ князь Валашскій, вице-канцлеръ Шафировъ и многіе другіе, равно и большая часть иностранныхъ министровъ, приняли участіе въ его пирушкѣ. Во время и послѣ обѣда играла прекрасная музыка, доставлявшая больше всѣхъ удовольствія Прусскому министру Мардефельду, какъ страстному любителю и истинному знатоку музыки. Между прочимъ и пили довольно много, почему его высочество и нѣкоторые изъ гостей уѣхали очень поздно. Вечеромъ герцогу захотѣлось кушать, и онъ ужиналъ съ немногими кавалерами въ комнатѣ Сурланда. Прочіе оставались въ залѣ, курили табакъ и пили вино. Такъ какъ на слѣдующій день, по старому стилю, приходился праздникъ *эгидія* [2]) (въ Голштиніи въ этотъ день оберъ-егермейстеры имѣютъ обыкновеніе угощать своихъ государей) и его высочество, за неимѣніемъ здѣсь случая для оберъ-егермейстера, желалъ провести 1-е Сентября особеннымъ образомъ, то мы въ тотъ же

тека его, состоявшая изъ 4200 томовъ, и большой кабинетъ раковинъ и минералловъ, поступили по смерти его въ Кунсткамеру, которой онъ былъ главнымъ начальникомъ. Послѣ него мѣсто это занималъ докторъ Лаврентій Блументростъ (сынъ), бывшій потомъ президентомъ учрежденной въ Петербургѣ (1725 г.) Академіи Наукъ. См. Исторію Медицины въ Россіи, соч. Вильгельмомъ Рихтеромъ, Москва, 1820, т. III, стр. 120—129.

[1]) Іоганнъ Даніилъ *Шумахеръ*, родомъ изъ Кольмара въ Эльзасѣ, пріѣхалъ въ Россію въ 1714 году и былъ, по желанію лейбъ-медика Арескина, помѣщенъ библіотекаремъ въ царскую библіотеку, собранную, въ продолженіе войны съ Швеціею, въ Польшѣ, Курляндіи и Финляндіи и соединенную потомъ съ Кунсткамерою. Въ 1725 году Кунсткамера и библіотека были переданы въ вѣдѣніе Академіи Наукъ, гдѣ Шумахеръ, въ качествѣ библіотекаря и правителя дѣлъ, впослѣдствіи игралъ важную роль.

[2]) Aegidii-Fest или Aegidienfest. Какое происхожденіе этого егермейстерскаго праздника, мы не могли дознаться. Изъ „Дневника“ видно только, что онъ назначался ежегодно 1-го Сентября.

вечеръ получили, письменно и словесно, всѣ нужныя приказанія, о которыхъ г. Альфельдъ не долженъ былъ ничего знать.

Сентябрь. 1. Въ пять часовъ утра, я отправился ко двору и собралъ музыкантовъ, съ которыми пошелъ къ оберъ-егермейстеру, чтобы дать ему серенаду изъ 6-ти валторнъ и просить его не уходить никуда до обѣда. Около 12-ти часовъ его высочество съ тремя т. совѣтниками, также Штенфлихтъ, Ранцау и всѣ мы, въ зеленыхъ костюмахъ, поѣхали къ нему верхами для поздравленія съ нынѣшнимъ днемъ. Т. с. Бассевичъ, отъ имени его высочества, говорилъ ему рѣчь и, кромѣ того, поднесъ еще подарокъ. Затѣмъ вся наша процессія отправилась къ посланнику Штамке, у котораго обѣдали.

2. Былъ день рожденія посланника Штамке, и его высочество, равно какъ и всѣ мы, въ парадныхъ платьяхъ, опять собирались у него. Въ этотъ день пріѣхалъ изъ Голштиніи оберъ-ёфсртеръ (старшій лѣсничій) Ипсенъ.

3. Царь и царица возвратились изъ Петергофа въ Петербургъ.

4. Изъ Нейштата получено извѣстіе о заключенномъ тамъ 30-го Августа мирѣ со Швеціею; но такъ какъ онъ состоялся съ исключеніемъ нашего герцога, не смотря на всѣ, и еще весьма недавнія, увѣренія, что миръ не будетъ заключенъ безъ утвержденія за его высочествомъ правъ наслѣдованія Шведскаго престола, то день этотъ былъ для насъ очень печаленъ. Около 10 часовъ утра началась пушечная пальба въ крѣпости и въ Адмиралтействѣ, и, спустя часъ, продолжалась снова. Въ это время царь находился въ церкви Св. Троицы, гдѣ совершалось благодарственное молебствіе. Оттуда онъ потомъ тотчасъ отправился къ князю Ромодановскому, какъ князю-кесарю, и объявилъ ему о заключенномъ мирѣ. Обо всемъ этомъ, равно и о причинѣ пальбы, мы ничего не знали, пока, во время обѣда, не явился къ его высочеству каммергеръ Пушкинъ и не поздравилъ его, отъ имени царя, съ заключеніемъ мира. Вскорѣ послѣ того пріѣхалъ и в.-канцлеръ Шафировъ, присланный къ его высочеству царемъ вмѣстѣ съ т. с. Бассевичемъ, который, по полученіи отъ каммергера извѣстія о мирѣ, немедленно былъ отправленъ герцогомъ къ царю и имѣлъ съ нимъ сильный споръ. Вице-канцлеръ, главнымъ образомъ, извинялся тѣмъ, что иначе вовсе нельзя было заключить мира и пришлось бы все оставить, потому что Шведовъ ничѣмъ не могли склонить въ пользу герцога; что царь и его королевское высочество смертные люди, и его величество считалъ бы себя виновнымъ передъ потомствомъ, еслибъ отказался отъ столь выгоднаго для Россіи мира, или хоть рѣшился только отсрочить его и т. п.; но въ тоже время свято

увѣрялъ, что царь, у котораго руки теперь развязаны, сдѣлаетъ все возможное относительно наслѣдственныхъ земель герцога и его бракосочетанія. Его королевское высочество въ отвѣтѣ своемъ выразилъ сожалѣніе, что въ настоящую минуту не могутъ сдѣлать для него болѣе. Однимъ словомъ, всѣ мы были немало поражены этимъ неожиданнымъ извѣстіемъ о безплодномъ для насъ мирѣ. Не смотря на то, нашъ добрый государь былъ не только веселѣе другихъ, но еще ободрялъ насъ, говоря, что полагается во всемъ на волю Божію и увѣренъ, что Провидѣніе его не оставитъ. Между тѣмъ на всѣхъ улицахъ, до поздней ночи, объявляли о мирѣ при звукахъ литавръ и трубъ. Литавры были покрыты бѣлою тафтою, а трубачи и слѣдовавшіе за ними всадники имѣли бѣлые шарфы или повязки черезъ плечо и держали бѣлое знамя съ изображеніемъ двойной масличной вѣтви съ лавровымъ вѣнкомъ наверху. На всадникахъ были старые заржавленные желѣзные шлемы, а на трубачахъ старые коричневые кафтаны, что̀ все вмѣстѣ отличалось какою-то особенностью, но вовсе не великолѣпіемъ. Въ нашихъ ушахъ эта музыка отзывалась какъ-то тяжело и непріятно.

5. Его королевское высочество не выходилъ къ молитвѣ и приказалъ не впускать къ себѣ никого, кромѣ тайныхъ совѣтниковъ. Къ довершенію досады, въ полдень на нашемъ дворѣ собрались всѣ литаврщики, трубачи, гобоисты и барабанщики находящихся здѣсь полковъ и неожиданно привѣтствовали насъ музыкою на заключеніе мира, что̀ намъ было вовсе непріятно, а герцогу стоило только денегъ. По здѣшнему старинному обычаю, они раздѣлились потомъ на партіи, чтобы быть съ своимъ поздравленіемъ у всѣхъ вельможъ въ одно время. Немного спустя, пріѣхали къ намъ два царскіе каммергера, Пушкинъ и Нарышкинъ, для приглашенія его высочества, отъ имени царя, на празднество по случаю приходившагося въ этотъ день рожденія [1]) принцессы Елисаветы и, предварительно, на увеселительное катанье по Невѣ, для чего на каналѣ, передъ домомъ его высочества, тотчасъ явился торншхоутъ (очень покойное судно, величиною съ обыкновенный галіотъ). Герцогъ поневолѣ долженъ былъ принять это приглашеніе. Откушавъ въ своей комнатѣ и дождавшись обыкновеннаго сигнала—пушечнаго выстрѣла съ крѣпости, онъ сѣлъ съ нами въ торншхоутъ и отправился на противоположную сторону рѣки, къ дому Четырехъ Фрегатовъ [2]), гдѣ при подобныхъ катаньяхъ всегда

---

[1]) 5-го Сентября было тезоименитство, а не рожденіе царевны Елисаветы Петровны.

[2]) Т.-е. большой деревянной пирамидѣ, находившейся на Троицкой площади, противъ дома Сената и поставленной въ память взятія княземъ Голицынымъ 4-хъ Шведскихъ фрегатовъ.

бываетъ сборное мѣсто. Когда мы прибыли туда, его королевское высочество вышелъ изъ своего судна и перешелъ на царицыно, гдѣ находился также и царь, который тотчасъ обнялъ его высочество и долго говорилъ ему что-то на-ухо. Потомъ герцогъ опять пересѣлъ на свой торншхоутъ, и мы съ множествомъ буеровъ, торншхоутовъ и яхтъ начали разъѣзжать взадъ и впередъ по Невѣ, при чемъ всѣ постоянно слѣдовали за адмираломъ буеровъ (который всегда находится впереди и для отличія имѣетъ на своей мачтѣ большой флагъ). Какъ при подобныхъ катаньяхъ, такъ и при катаньяхъ на баркахъ и верейкахъ, никто не имѣетъ права перегонять его; кромѣ того, когда онъ поворачиваетъ, всѣ должны также поворачивать); наконецъ, никто, подъ штрафомъ, не можетъ уѣхать домой, пока онъ не подастъ установленнаго для того сигнала и не опуститъ своего флага. Если онъ своими маленькими пушками салютуетъ крѣпость или Адмиралтейство, то и всѣ прочія суда, снабженныя пушками, дѣлаютъ, по данному сигналу, тоже самое, что̀ въ этотъ разъ все и происходило. Впродолженіе нашей прогулки валторнисты и другіе музыканты оглашали воздухъ веселыми звуками, потому что почти у всѣхъ вельможъ была съ собою музыка. Все это было бы намъ очень пріятно, еслибъ мы притомъ могли быть веселыми. Поѣздивъ, такимъ образомъ, нѣсколько времени, мы остановились у Почтоваго дома (гдѣ очень часто справляются случающіяся празднества), и ихъ величества съ принцессами и его высочество съ своею свитою отправились туда. Царь съ герцогомъ и знатнѣйшими кавалерами тотчасъ пошелъ въ большую залу и сѣлъ за столъ, а царица съ дамами помѣстилась особо въ смежной комнатѣ. Его королевское высочество сидѣлъ подлѣ царя съ правой, а князь Меншиковъ съ лѣвой стороны. На сторонѣ его высочества сидѣли, возлѣ него—Прусскій министръ Мардефельдъ, потомъ—наши министры, на сторонѣ же князя всѣ Русскіе вельможи, какъ кому пришлось. За этимъ обѣдомъ такъ называемый князь-папа страшно шумѣлъ. Послѣ онъ всталъ, принесъ трубки и табакъ, и усѣлся съ ними опять за царскимъ столомъ. Въ большой залѣ и въ боковыхъ комнатахъ стояли еще длинные узкіе столы, за которыми сидѣли всѣ гражданскіе, придворные и военные чины. Въ другой большой залѣ царица, съ принцессами, маленькимъ великимъ княземъ и его сестрою, вдовствующею царицею и ея дочерьми и съ знатнѣйшими дамами, кушала за большимъ овальнымъ столомъ, превосходно убраннымъ. Всѣ дамы были въ самыхъ парадныхъ платьяхъ. По окончаніи обѣда столы изъ этой залы были вынесены, и царь, взявъ его высочество за руку, самъ повелъ его къ дамамъ, гдѣ начали танцовать. Царь однакожь тотчасъ же воротился къ мущинамъ и просидѣлъ съ ними

почти все время. Танцы продолжались до 11 часовъ, послѣ чего его королевское высочество, въ одно время съ ихъ величествами, отправился домой.

6. Дворъ нашъ былъ немного веселѣе вчерашняго, потому что царь увѣрилъ герцога, что иначе никакъ не могъ заключить мира съ Швеціею, и въ тоже время торжественно обѣщалъ вполнѣ удовлетворить его королевское высочество и безъ того не отпускать отъ себя. Между тѣмъ намъ стороною дали замѣтить, что царь вчера остался несовсѣмъ доволенъ нашими печальными лицами. Но могли ли мы быть веселыми? Заговорили также о бракѣ съ старшею принцессою, и это намъ польстило. Наши тайные совѣтники обѣдали въ этотъ день у князя Меншикова. Послѣ обѣда нѣкоторые изъ насъ осматривали большой, находившійся въ Шлезвигѣ, глобусъ, который, 8 лѣтъ тому назадъ, съ согласія епископа-администратора, былъ привезенъ сюда. Говорятъ, онъ былъ въ дорогѣ четыре года. До Ревеля его везли водою, а оттуда въ Петербургъ сухимъ путемъ, на особо устроенной для того машинѣ, которую тащили люди. Разсказываютъ также, что не только надобно было расчищать дороги и прорубать лѣса, потому что иначе его съ машиной нельзя было провезти, но что будто при этомъ даже погибло и много народа. Онъ стоитъ на лугу, противъ дома его королевскаго высочества, въ нарочно сдѣланномъ для него балаганѣ, гдѣ, какъ я слышалъ, его оставятъ до окончательной отдѣлки большаго зданія на Васильевскомъ Острову, предназначаемаго для Кунсткамеры и другихъ рѣдкостей, куда помѣстятъ и его. Присмотръ за нимъ до сихъ поръ еще имѣетъ перевозившій его сюда портной, родомъ Саксонецъ, но долго находившійся въ Шлезвигѣ. Поставленный здѣсь только на время, онъ стоитъ покамѣстъ не хорошо: около него нѣтъ даже галереи, бывшей при немъ въ Шлезвигѣ и представлявшей горизонтъ; она теперь сохраняется особо. Наружная сторона глобуса, еще нисколько не попорченная, сдѣлана изъ бумаги, наклеенной на мѣдь, искусно разрисованной перомъ и раскрашенной; во внутренность его ведетъ дверь, на которой изображенъ Голштинскій гербъ, и тамъ, въ самой срединѣ, находится столъ со скамьями вокругъ, гдѣ насъ помѣстилось 10 человѣкъ. Подъ столомъ устроенъ механизмъ, который сидѣвшій вмѣстѣ съ нами портной привелъ въ движеніе; послѣ чего, какъ внутренній небесный кругъ, на которомъ изображены изъ мѣди всѣ звѣзды сообразно ихъ величинѣ, такъ и наружный шаръ начали медленно вертѣться надъ нашими головами около своей оси, сдѣланной изъ толстой полированной мѣди и проходящей сквозь шаръ и столъ, за которымъ мы сидѣли. Около этой же оси, по срединѣ стола, устроенъ еще маленькій глобусъ изъ полиро-

ванной мѣди, съ искусно награвированнымъ на немъ изображеніемъ земли. Онъ остается неподвижнымъ, когда вокругъ него обращается большая внутренняя небесная сфера, между тѣмъ какъ столъ образуетъ его горизонтъ. На томъ же столѣ, въ одно время со всею машиною, вертится еще какой-то мѣдный кругъ, назначеніе котораго мнѣ не могли объяснить. Скамьи вокругъ стола съ ихъ спинками составляютъ мѣдный кругъ съ раздѣленіемъ горизонта большой внутренней небесной сферы. На наружной сторонѣ глобуса находится Латинская надпись, гласящая, что illustrissimus ac celsissimus princeps ac dominus, dux Holsatiae Fredericus (свѣтлѣйшій герцогъ Голштинскій Фридрихъ), изъ любви къ наукамъ математическимъ, приказалъ, въ 1654 году, начать сооруженіе этого шара, которое продолжалъ ipsius successor, gloriosissimae memoriae, Christ. Albertus (наслѣдникъ его, вѣчнодостойныя памяти Христіанъ Альбертъ) и наконецъ оконченъ въ 1661 году, sub directione Olearii (подъ управленіемъ Олеарія), послѣ котораго названы также fabricator и architector всей машины, уроженцы города Люттиха, и еще два брата изъ Гузума, которые какъ наружный шаръ, такъ и внутреннюю небесную сферу разрисовали перомъ, описали и раскрасили. Когда этотъ глобусъ будетъ перененъ въ новый домъ, царь намѣренъ привести его опять въ движеніе посредствомъ особеннаго механизма, чтобъ онъ вертѣлся безъ помощи человѣческихъ рукъ, какъ прежде въ Готторпскомъ саду, гдѣ приводился въ движеніе водою *). Послѣ обѣда его высочество ѣздилъ къ

*) Вотъ что сказано объ этомъ знаменитомъ глобусѣ въ „Кабинетѣ Петра Великаго“, отд. I, стр. 169–171: „Славный оный во всемъ свѣтѣ *Готторпскій глобусъ* врученъ былъ Академіи по указу Правительствующаго Сената 30-го Октября 1725 года, который перенесенъ въ академическое строеніе и поставленъ въ круглой подъ Обсерваторіею находящійся залъ искуснымъ механикомъ Виньіономъ, гдѣ и стоялъ онъ до самаго пожара, бывшаго въ Кунсткамерѣ 1747 года. (Во время сего пожара сгорѣлъ и славный сей глобусъ, такъ что осталось одно только желѣзное его основаніе, на которомъ вскорѣ славнымъ Англійскимъ механикомъ Шкотомъ онъ былъ паки отдѣланъ и поставленъ въ особливую каменную, близъ Кунсткамеры Академіи Наукъ нарочно для него выстроенную, башню). Сей глобусъ хранился прежде въ Готторпскомъ замкѣ; онъ былъ весьма искусно сдѣланъ и содержитъ въ поперешникѣ 11 футовъ. Наружная его поверхность представляетъ землю, а внутренняя изображаетъ багряное небо съ созвѣздіями обоихъ полукружій, означенными въ разной ихъ величинѣ золотыми звѣздочками. Внутри сего шара стоитъ окруженный скамьями столъ, за которымъ десять или двѣнадцать человѣкъ, вошедши туда по лѣсенкѣ небольшими дверцами, могутъ сидѣть и свободно разсматривать обращеніе планетъ; поелику къ шару сему придѣлана рукоятка, которою посредствомъ Архимедова винта весьма легко глобусъ приводится въ движеніе.—Сей славный глобусъ, начатый въ 1654 году повелѣніемъ Голстейнъ-Готторпскаго герцога Фридерика III, сдѣланъ Андреемъ Бушемъ, подъ смотрѣніемъ Адама Олеарія; но не прежде приведенъ былъ къ окончанію, какъ въ 1664 году, во время владѣнія герцога Христіана. Вся машина помощью воды чрезъ каждые 24 часа обращалась около своей оси. . . . . . . По

князю Меншикову. Тамъ былъ также и царь, и они переговорили обо всемъ нужномъ для назначеннаго уже маскарада.

7. Не случилось ничего особеннаго; только было, между прочимъ, сдѣлано распоряженіе о приготовленіи нашихъ маскарадныхъ костюмовъ, при чемъ было рѣшено, что его высочество, съ большею частію своихъ придворныхъ кавалеровъ, будетъ представлять группу Французскихъ крестьянъ.

8. Всѣ маски или, лучше сказать, лица, назначенныя участвовать въ маскарадѣ, собирались у князя Меншикова, гдѣ были разставлены такъ, какъ потомъ имъ слѣдовало идти въ процессіи.

9. Тайные совѣтники Бассевичъ и Геспенъ, съ Ранцау, Сальдерномъ и Альфельдомъ, а я съ т. с. Клауссенгеймомъ, Нарышкинымъ, Сурландомъ, Геклау и Шульцемъ, ѣздили на лодкахъ по каналамъ, чтобы пріучиться грести; потому что сначала было назначено намъ во время маскарада ѣздить, подобно другимъ, на лодкахъ, но потомъ отмѣнили.

10. Начался большой маскарадъ, который долженъ былъ продолжаться цѣлую недѣлю, и въ этотъ же день праздновалась свадьба князя-папы со вдовою его предмѣстника, которая цѣлый годъ не соглашалась выходить за него, но теперь должна была повиноваться волѣ царя. Было приказано, чтобы сегодня, по сигнальному выстрѣлу изъ пушки, всѣ маски собрались по ту сторону рѣки на площади, которая вся была устлана досками, положенными на бревна, потому что мѣсто тамъ очень болотисто и не вымощено. Площадь эта находится передъ Сенатомъ и церковью Св. Троицы, имѣя съ одной сто-

---

взятіи Шлезвигъ-Голстинской крѣпости Теннингена въ 1713 году, Петръ Великій съ своими союзниками, имѣя въ своей власти Шлезвигъ-Голстинскія земли, между прочими достопамятностями осматривалъ и сей большой глобусъ и, удивляяся строенію его, изъявилъ желаніе его имѣть. Какъ скоро узналъ о томъ правитель и опекунъ малолѣтнаго герцога Карла Фридриха, то и просилъ Государя принять оный, какъ малый подарокъ отъ Голстинскаго герцогства. Его величество, принявъ съ благодареніемъ отъ правителя сей подарокъ, сказалъ: *Признаюсь, что и все герцогство не могло-бъ выдумать пріятнѣйшаго мнѣ дара.* Государь приказалъ отвезти огромную сію машину съ величайшею бережливостью въ Ревель на кораблѣ подъ надзираніемъ морскаго офицера, а оттуда отправить въ С.-Петербургъ зимою на сдѣланныхъ нарочно для того саняхъ. По дорогѣ чрезъ всю Эстляндію и Ингерманландію разставлено было нѣсколько сотъ крестьянъ, которые должны были всю дорогу выравнивать и разчищать для удобнаго провозу огромнаго сего глобуса. Сколь пріятно было великому любителю наукъ и художествъ имѣть сей шаръ, можно заключить изъ того, что, возвратившись въ Петербургъ, немедленно онъ пошелъ туда, гдѣ стоялъ нововывезенный оный глобусъ, приказалъ построить для него особливую палату подлѣ лѣтняго дворца и почти всякой день часто по цѣлому часу занимался разсматриваніемъ онаго". Ср. Голикова, Дѣянія Петра Великаго, т. IV, стр. 180. Нынѣ этотъ глобусъ хранится въ музеумѣ Академіи Наукъ, въ залѣ № 6.

роны *зданія художествъ* [1]), съ другой—крѣпость, съ третьей—зданія всѣхъ Коллегій, а съ четвертой—Неву. По срединѣ ея стоитъ упомянутая церковь Св. Троицы, а передъ Сенатомъ возвышается большая деревянная пирамида, воздвигнутая въ память отнятія у Шведовъ, въ 1714 году, четырехъ фрегатовъ [2]), въ которомъ царь самъ участвовалъ, за что и былъ произведенъ княземъ-кесаремъ въ вице-адмиралы. Она украшена разнаго рода девизами. Въ 8 часовъ утра послѣдовалъ сказанный сигналъ, и его высочество съ своими кавалерами отправился на баркѣ къ сборному мѣсту, но покамѣстъ въ плащахъ. Въ этотъ день въ крѣпости не только подняли большой праздничный флагъ (изъ желтой матеріи, съ изображеніемъ чернаго двуглаваго орла), но и палили, въ знакъ торжества, изъ пушекъ, какъ и на галерахъ, стоявшихъ по рѣкѣ. Между тѣмъ всѣ маски, въ плащахъ, съѣхались на сборное мѣсто, и пока особо назначенные маршалы раздѣляли и разставляли ихъ по группамъ, въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ должны были слѣдовать другъ за другомъ, ихъ величества, его высочество и знатнѣйшіе изъ вельможъ находились у обѣдни въ Троицкой церкви, гдѣ совершилось и бракосочетаніе князя-папы, котораго вѣнчали въ полномъ его костюмѣ. Когда же, по окончаніи этой церемоніи, ихъ величества со всѣми прочими вышли изъ церкви, самъ царь, какъ было условлено напередъ, ударилъ въ барабанъ (его величество представлялъ корабельнаго барабанщика, и ужъ конечно не жалѣлъ старой телячьей кожи инструмента, будучи мастеромъ своего дѣла и начавъ, какъ извѣстно, военную службу съ этой должности); всѣ маски разомъ сбросили плащи, и площадь запестрѣла разнообразнѣйшими костюмами. Открылось вдругъ около 1000 масокъ, раздѣленныхъ на большія группы и стоявшихъ на назначенныхъ для нихъ мѣстахъ. Онѣ начали медленно ходить по большой площади процессіей, по порядку номеровъ, и гуляли такимъ образомъ часа два, чтобы лучше разсмотрѣть другъ друга. Царь, одѣтый, какъ сказано, Голландскимъ матросомъ или Французскимъ крестьяниномъ и въ тоже время корабельнымъ барабанщикомъ, имѣлъ черезъ плечо черную бархатную, обшитую серебромъ, перевязь, на которой висѣлъ барабанъ, и исполнялъ свое дѣло превосходно. Передъ нимъ шли три трубача, одѣтые Арабами, съ бѣлыми повязками на головахъ, въ бѣлыхъ фар-

---

[1]) *Kunsthäuser*, какъ называетъ ихъ Берхгольцъ. Это именно тѣ зданія, которыя Петръ Великій назначалъ для Кунсткамеры и другихъ рѣдкостей. Строеніе ихъ начато въ 1719 г. См. у Руб. стр. 95. Находились они не на Васильевскомъ острову, какъ ошибочно упомянулъ авторъ Дневника, а на Троицкой площади, гдѣ были прежній Сенатъ, Коллегіи и пр.

[2]) Взятіе четырехъ фрегатовъ было не въ 1714, а въ 1720 году.

тукахъ и въ костюмахъ, обложенныхъ серебрянымъ галуномъ, а возлѣ него три другіе барабанщика, именно ген.-л. Бутурлинъ, ген.-м. Чернышовъ и гвардіи маіоръ Мамоновъ, изъ которыхъ оба первые были одѣты какъ его величество. За ними слѣдовалъ князь-кесарь [1]) въ костюмѣ древнихъ царей, т. е. въ бархатной мантіи, подбитой горностаемъ, въ золотой коронѣ и со скипетромъ въ рукѣ, окруженный толпою слугъ въ старинной Русской одеждѣ. Царица, заключавшая со всѣми дамами процессію, была одѣта Голландскою или Фризскою крестьянкой, въ душегрѣйкѣ и юбкѣ изъ чернаго бархата, обложенныхъ красною тафтою, въ простомъ чепцѣ изъ Голландскаго полотна, и держала подъ рукою небольшую корзинку. Этотъ костюмъ ей очень шелъ. Передъ нею шли ея гобоисты и три камеръ-юнкера, а по обѣимъ сторонамъ 8 Арабовъ, въ Индѣйской одеждѣ изъ чернаго бархата и съ большими цвѣтами на головахъ. За государынею слѣдовали двѣ дѣвицы Нарышкины, одѣтыя точно такъ, какъ она, а за ними всѣ дамы, именно сперва придворныя, также въ крестьянскихъ платьяхъ, но не изъ бархата, а изъ бѣлаго полотна и тафты, красиво обшитыхъ красными, зелеными и желтыми лентами; потомъ остальныя, переодѣтыя пастушками, нимфами, Негритянками, монахинями, арлекинами, скарамушами; нѣкоторыя имѣли старинный Русскій костюмъ, Испанскій и другіе, и всѣ были очень милы. Все шествіе заключалъ большой толстый Францисканецъ въ своемъ орденскомъ одѣяніи и съ странническимъ посохомъ въ рукѣ. За группою царицы, какъ за царемъ, шла княгиня-кесарша Ромодановская[2]), въ костюмѣ древнихъ царицъ, т. е. въ длинной красной бархатной мантіи, отороченной золотомъ, и въ коронѣ изъ драгоцѣнныхъ камней и жемчуга. Женщины ея свиты имѣли также старинную Русскую одежду. Его королевское высочество, нашъ герцогъ, былъ со своею группою въ костюмѣ Французскихъ виноградарей, въ шелковыхъ фуфайкахъ и панталонахъ разныхъ цвѣтовъ, красиво обложенныхъ лентами. Шляпы у нихъ были обтянуты тафтою и обвиты вокругъ тульи лозами съ виноградными кистями изъ воска. Его высочество, въ костюмѣ розоваго цвѣта, шелъ одинъ впереди, отличаясь отъ своей группы тѣмъ, что имѣлъ подъ тафтяной фуфайкой короткій парчевой камзолъ, входившій въ панталоны, и что, вмѣсто шнурковъ и лентъ, платье его было обшито серебрянымъ галуномъ. Кромѣ того, онъ держалъ въ рукѣ виноградный серпъ. За нимъ шла его свита въ три ряда, по три человѣка въ каждомъ, именно первый рядъ въ зеленыхъ костюмахъ, второй въ желтыхъ, третій въ

---

[1]) Князь Иванъ Θедоровичъ Ромодановскій, сынъ извѣстнаго князя-кесаря Θедора Юрьевича Ромодановскаго.

[2]) Анастасья Θедоровна, урожд. Салтыкова. П. Б.

голубыхъ. Ленты на тафтяныхъ фуфайкахъ были у нихъ также разноцвѣтныя, но нашиты у всѣхъ одинаково, шляпы же одного цвѣта. Группу эту заключалъ г. фонъ-Альфельдъ, въ костюмѣ темнокраснаго цвѣта обшитомъ, какъ и у герцога, галуномъ, но очень узкимъ. Первый рядъ составляли тайный совѣтникъ Клауссенгеймъ, Бонде и Ранцау, второй - тайный совѣтникъ Бассевичъ, Штенфлихтъ и Сальдернъ, третій - тайный совѣтникъ Геспенъ, Лорхъ и Штамке. Мы, прочіе, были на этотъ разъ только зрителями, потому что свита герцога не могла быть больше. Группа его высочества была одною изъ лучшихъ. Маски, слѣдовавшія за нею, отличались красивыми и самыми разнообразными костюмами. Одни были одѣты какъ Гамбургскіе бургомистры въ ихъ полномъ нарядѣ изъ чернаго бархата (между ними находился и князь Меншиковъ); другіе, именно гвардейскіе офицеры, какъ Римскіе воины, въ размалеванныхъ латахъ, въ шлемахъ и съ цвѣтами на головахъ; третьи какъ Турки, Индѣйцы, Испанцы (въ числѣ ихъ былъ крещеный Жидъ и шутъ царя Ла-Коста), Персіяне, Китайцы, епископы, прелаты, каноники, аббаты, капуцины, доминиканцы, іезуиты; нѣкоторые, какъ государственные министры, въ шелковыхъ мантіяхъ и большихъ парикахъ, или какъ Венеціанскіе nobili; наконецъ многіе были наряжены Жидами (здѣшніе купцы), корабельщиками, рудокопами и другими ремесленниками. Самыми странными были князь-папа, изъ рода Бутурлиныхъ, и коллегія кардиналовъ, въ ихъ полномъ нарядѣ. Всѣ они величайшіе и развратнѣйшіе пьяницы; но между ними есть нѣкоторые изъ хорошихъ фамилій. Коллегія эта и глава ея, такъ-называемый князь-папа, имѣютъ свой особый уставъ и должны всякій день напиваться до-пьяна пивомъ, водкой и виномъ. Какъ скоро одинъ изъ ея членовъ умираетъ, на мѣсто его тотчасъ, со многими церемоніями, избирается другой отчаянный пьяница. Поводомъ къ учрежденію ея царемъ былъ, говорятъ слишкомъ распространившійся между его подданными, особенно между знатными лицами, порокъ пьянства, который онъ хотѣлъ осмѣять, и вмѣстѣ съ тѣмъ предостеречь послѣднихъ отъ позора. Многіе губернаторы и другіе сановники имѣли въ этомъ случаѣ одинаковую участь съ людьми, менѣе ихъ знатными, и не были избавлены отъ поступленія въ коллегію. Но другіе думаютъ, что царь насмѣхается надъ папою и его кардиналами, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ разсказываютъ, не щадитъ и своего духовенства, приказывая ежегодно, передъ постомъ, исполнять одну смѣшную церемонію.

Въ прежнія времена въ Москвѣ всякій годъ, въ Вербное Воскресенье, бывала особенная процессія, въ которой патріархъ ѣхалъ верхомъ, а царь велъ лошадь его за поводья черезъ весь городъ. Вмѣсто всего этого бываетъ теперь совершенно другая церемонія: въ тотъ же день

князь-папа съ своими кардиналами ѣздитъ по всему городу и дѣлаетъ визиты верхомъ на волахъ или ослахъ, или въ саняхъ, въ которыя запрягаютъ свиней, медвѣдей, или козловъ. Я думаю скорѣе, что его величество имѣлъ въ виду первую причину. Конечно, онъ можетъ имѣть тутъ и еще другую, скрытую цѣль, потому что, какъ государь мудрый, всячески заботится о благѣ своего народа и всѣми мѣрами старается искоренять въ немъ старые грубые предразсудки. Я было забылъ при этомъ случаѣ упомянуть, что князь-папа для прислуги имѣетъ 10 или 12 человѣкъ, тщательно набираемыхъ для него во всемъ государствѣ, которые не могутъ говорить какъ слѣдуетъ, страшно заикаются и дѣлаютъ притомъ самыя разнообразныя тѣлодвиженія. Они обязаны прислуживать ему и всей коллегіи во время празднествъ и имѣютъ свой особенный смѣшной костюмъ.

Но возвращаюсь къ маскараду. Кромѣ названныхъ масокъ, были еще, въ разныхъ уморительныхъ нарядахъ, сотни другихъ, бѣгавшихъ съ бичами, пузырями, наполненными горохомъ, погремушками и свистками, и дѣлали множество шалостей. Были нѣкоторыя и отдѣльныя смѣшныя маски, какъ напр. Турецкій муфти въ обыкновенномъ своемъ одѣяніи, Бахусъ въ тигровой кожѣ и увѣшанный виноградными лозами, очень натуральный, потому что его представлялъ человѣкъ приземистый, необыкновенно толстый и съ распухшимъ лицомъ. Говорятъ, его передъ тѣмъ цѣлые три дня постоянно поили, при чемъ ни на минуту не давали ему заснуть. Весьма недурны были Нептунъ и другіе боги; но особенно хорошъ и чрезвычайно натураленъ былъ Сатиръ (танцмейстеръ князя Меншикова), дѣлавшій на ходу искусные и трудные прыжки. Многіе очень искусно представляли журавлей. Огромный Французъ царя и одинъ изъ самыхъ рослыхъ гайдуковъ были одѣты какъ маленькія дѣти, и ихъ водили на помочахъ два крошечные карла, наряженные стариками съ длинными сѣдыми бородами. Нѣкоторые щеголяли въ костюмѣ прежнихъ бояръ, т. е. имѣли длинныя бороды, высокія собольи шапки и парчевые кафтаны подъ шелковыми охабнями, и ѣздили верхомъ на живыхъ ручныхъ медвѣдяхъ. Такъ называемый *виташій* или тайный кухмистеръ *) былъ весь зашитъ въ медвѣжью шкуру и превосходно представлялъ медвѣдя; сначала онъ нѣсколько времени вертѣлся въ какой-то машинѣ, похожей на клѣтки, въ которыхъ прыгаютъ бѣлки, но потомъ долженъ былъ ѣздить верхомъ на медвѣдѣ. Кто-то представлялъ Индѣйскаго жреца, увѣшаннаго бубенчиками и въ шляпѣ съ огромными полями. Нѣсколько чело-

*) Въ другихъ мѣстахъ своего Дневника Берхгольцъ называетъ его тайнымъ кнутмейстеромъ, т. е. палачемъ. Что за слово *виташій*—неизвѣстно.

вѣкъ были наряжены, какъ Индѣйскіе цари, въ перья всевозможныхъ цвѣтовъ, и т. д.

Погулявъ, при стеченіи тысячъ народа, часа два по площади и разсмотрѣвъ хорошенько другъ друга, всѣ маски, въ томъ же порядкѣ, отправились въ зданія Сената и Коллегій, гдѣ за множествомъ приготовленныхъ столовъ князь-папа долженъ былъ угощать ихъ свадебнымъ обѣдомъ. Новобрачный и его молодая, лѣтъ 60-ти, сидѣли за столомъ подъ прекрасными балдахинами, онъ съ царемъ и господами кардиналами, а она съ дамами. Надъ головою князя-папы висѣлъ серебряный Бахусъ, сидящій верхомъ на бочкѣ съ водкой, которую тотъ цѣдилъ въ свой стаканъ и пилъ. Впродолженіе всего обѣда, человѣкъ, представлявшій на маскарадѣ Бахуса, сидѣлъ у стола также верхомъ на винной бочкѣ и громко принуждалъ пить папу и кардиналовъ; онъ вливалъ вино въ какой-то боченокъ, причемъ они постоянно должны были отвѣчать ему. Послѣ обѣда сначала танцовали; потомъ царь и царица, въ сопровожденіи множества масокъ, отвели молодыхъ къ брачному ложу. Женихъ въ особенно былъ невообразимо пьянъ. Брачная комната находилась въ упомянутой широкой и большой деревянной пирамидѣ, стоящей передъ домомъ Сената. Внутри ее нарочно освѣтили свѣчами, а ложе молодыхъ обложили хмелемъ и обставили кругомъ бочками, наполненными виномъ, пивомъ и водкой. Въ постели новобрачные, въ присутствіи царя, должны были еще разъ пить водку изъ сосудовъ, имѣвшихъ форму partium genitalium (для мужа, женскаго, для жены, мужескаго), и притомъ довольно большихъ. Затѣмъ ихъ оставили однихъ; но въ пирамидѣ были дыры, въ которыя можно было видѣть что̀ дѣлали молодые въ своемъ опьянѣніи. Вечеромъ всѣ дома въ городѣ были иллюминованы, и царь приказалъ, чтобъ это продолжалось во все время маскарада. Особенно красивы были со стороны рѣки царскіе дворецъ и садъ.

11. Послѣ обѣда, всѣ маски, по данному сигналу, собрались опять на вчерашнее мѣсто, чтобы проводить новобрачныхъ черезъ рѣку въ Почтовый домъ, гдѣ положено было праздновать другой день свадьбы. Всѣ въ томъ же порядкѣ, какъ наканунѣ, отправились въ собственный домъ князя-папы, гдѣ онъ стоялъ у дверей и, по своему обычаю, благословлялъ гостей (по способу Русскаго духовенства), давая такимъ образомъ въ одно и тоже время и папское, и патріаршее свое благословеніе. Всякій, прежде чѣмъ проходилъ далѣе, выпивалъ при входѣ по деревянной ложкѣ водки изъ большой чаши, потомъ поздравлялъ папу и цѣловался съ нимъ. Послѣ того молодые присоединились къ процессіи масокъ, которыя, обойдя раза два вокругъ пирамиды, гдѣ тѣ ночевали, сѣли на суда и переѣхали, подъ разную

музыку и при пушечной пальбѣ въ крѣпости и Адмиралтействѣ, на другую сторону рѣки, въ Почтовый домъ, назначенный для угощенья.

Машина, на которой переѣхали черезъ рѣку князь-папа и кардиналы, были особеннаго, страннаго изобрѣтенія. Сдѣланъ былъ плотъ изъ пустыхъ, но хорошо закупоренныхъ бочекъ, связанныхъ по двѣ вмѣстѣ. Всѣ онѣ, въ извѣстномъ разстояніи однѣ отъ другихъ, составляли шесть паръ. Сверху, на каждой парѣ большихъ бочекъ, были прикрѣплены посрединѣ еще бочки поменьше или ушаты, на которыхъ сидѣли верхомъ кардиналы, крѣпко привязанные, чтобъ не могли упасть въ воду. Въ этомъ видѣ они плыли одинъ за другимъ, какъ гуси. Передъ ними ѣхалъ большой пивной котелъ съ широкимъ досчатымъ бортомъ снаружи, поставленный также на пустыя бочки, чтобъ лучше держался на водѣ, и привязанный канатами и веревками къ заднимъ бочкамъ, на которыхъ сидѣли кардиналы. Въ этомъ-то котлѣ, наполненномъ крѣпкимъ пивомъ, плавалъ князь-папа въ большой деревянной чашѣ, какъ въ лодкѣ, такъ что видна была почти одна только его голова. И онъ, и кардиналы дрожали отъ страха, хотя совершенно напрасно, потому что приняты были всѣ мѣры для ихъ безопасности. Впереди всей машины красовалось большое, вырѣзное изъ дерева, морское чудовище, и на немъ сидѣлъ верхомъ являвшійся на маскарадѣ Нептунъ съ своимъ трезубцемъ, которымъ онъ повертывалъ иногда князя-папу въ его котлѣ. Сзади на борту котла, на особой бочкѣ, сидѣлъ Бахусъ и безпрестанно черпалъ пиво, въ которомъ плавалъ папа, не мало сердившійся на обоихъ своихъ сосѣдей. Всѣ эти бочки, большія и малыя, влеклись нѣсколькими лодками, причемъ кардиналы производили страшный шумъ коровьими рогами, въ которые должны были постоянно трубить. Когда князь-папа хотѣлъ выйти изъ своего котла на берегъ, нѣсколько человѣкъ, нарочно подосланныхъ царемъ, какъ бы желая помочь ему, окунули его совсѣмъ съ чашею въ пиво, за что̀ онъ страшно разсердился и немилосердно бранилъ царя, которому не оставлялъ ни на грошъ совѣсти, очень хорошо понявъ, что былъ выкупанъ въ пивѣ по его приказанію. Послѣ того всѣ маски отправились въ Почтовый домъ, гдѣ пили и пировали до поздняго вечера.

12. Послѣ обѣда, маски опять собрались у Почтоваго дома, откуда поѣхали кататься на разныхъ судахъ, изъ которыхъ многія могли вмѣстить до ста человѣкъ и были снабжены большими Русскими качелями, такъ что во время плаванья всякій, кто имѣлъ охоту, могъ качаться. Его королевское высочество съ своею свитою, а царь и царица со многими дамами и кавалерами имѣли свои особыя суда съ качелями. Князь-папа и кардиналы ѣздили на той же машинѣ, на кото-

рой вчера переправлялись чрезъ рѣку. Въ этомъ порядкѣ всѣ маски отправились къ князю Меншикову, который угощалъ ихъ въ своемъ саду. Тамъ оставались до вечера, когда наконецъ всякій могъ свободно ѣхать домой.

13. Былъ роздыхъ, и маски не собирались. Его высочество съ тремя тайными совѣтника, также Штенфлихтомъ, Альфельдомъ, Ранцау и графомъ Бонде, обѣдалъ у полковника Кампенгаузена, жена котораго статсъ-дамою при царицѣ. Оттуда они ѣздили къ Нарышкину, у котораго нашли Ягужинскаго, только что возвратившагося наканунѣ изъ Або, а потомъ къ г-жѣ Вильбоа, также статсъ-дамѣ, и къ княгинѣ Черкасской (мужъ которой былъ прежде Сибирскимъ вице-губернаторомъ), живущей по ту сторону рѣки, и наконецъ ужинали у Л.вольда.

14. Маски опять собирались послѣ обѣда на другой сторонѣ рѣки, но скоро разошлись, проѣхавъ только внизъ до дому Головкина. Послѣ того его высочество ѣздилъ къ маіору гвардіи Румянцову, къ оберъ-полиціймейстеру Девьеру и къ княгинѣ Валашской, гдѣ нашелъ общество дамъ и очень весело провелъ вечеръ.

15. Его королевское высочество, прогулявшись понапрасну на ту сторону рѣки, потому что маски не оставались вмѣстѣ, ѣздилъ къ князю-папѣ, а отъ него къ великому адмиралу Апраксину, гдѣ и пробылъ до вечера. Тамъ возникъ споръ между Альфельдомъ и Лорхомъ, но послѣдній на другое же утро пошелъ къ своему противнику, и они опять стали друзьями.

16. Его величество, царь, съ 50-ю или 60-ю масками, пріѣхалъ обѣдать къ его королевскому высочеству. Онъ былъ чрезвычайно веселъ, много пилъ, даже танцовалъ по столамъ и пѣлъ пѣсни. Мы убѣдились изъ этого, что онъ иногда можетъ быть въ прекрасномъ расположеніи духа, особенно если окружающія его лица ему не противны. Его приближенные, въ томъ числѣ фавориты и шуты, умѣютъ пользоваться такими случаями и бываютъ съ нимъ свободны какъ съ товарищемъ. Въ такомъ веселомъ расположеніи его величество пробылъ у насъ до 8-ми часовъ вечера. Въ этотъ день прибывшій сюда императорскій Австрійскій посолъ, гр. Кинскій, присылалъ увѣдомить его королевское в—ство о своемъ пріѣздѣ. Герцогъ зналъ его еще прежде въ Бреславлѣ; онъ человѣкъ чрезвычайно пріятный и привѣтливый.

17. Его королевское высочество и всѣ другія маски были послѣ обѣда въ Адмиралтействѣ, гдѣ закладывали киль для военнаго корабля. Главный строитель Головинъ, онъ же и генералъ-маіоръ по арміи, учившійся кораблестроенію вмѣстѣ съ царемъ въ Голландіи (но знающій немного и получившій это званіе только въ качествѣ царскаго

любимца), долженъ былъ вбить первый гвоздь и прежде всѣхъ помазать немного киль дегтемъ, послѣ чего прочіе корабельщики, въ томъ числѣ и самъ царь, послѣдовали его примѣру. Его величество трудился и работалъ усерднѣе всѣхъ. По этому случаю въ Адмиралтействѣ палили изъ пушекъ. Ихъ величества со всѣми присутствовавшими прошли потомъ въ флаговой залъ, гдѣ приготовлена была закуска. Въ этомъ залѣ развѣшаны подъ потолкомъ всѣ флаги, знамена и штандарты, отнятые въ продолженіе послѣдней войны у Шведовъ. Побывъ тамъ нѣсколько времени, всѣ отправились въ новый домъ великаго адмирала (одинъ изъ лучшихъ во всемъ Петербургѣ, но еще неотдѣланный), гдѣ съ галерей смотрѣли на травлю льва съ огромнымъ медвѣдемъ, которые оба были крѣпко связаны и притянуты другъ къ другу веревками. Всѣ думали, что медвѣдю придется плохо; но вышло иначе: левъ оказался трусливымъ и почти вовсе не защищался, такъ что если бъ медвѣдя во-время не оттащали, онъ непремѣнно одолѣлъ бы его и задушилъ. Травля продолжалась недолго, потому что царю не хотѣлось потерять льва. Отъ Апраксина ея величество царица со многими дамами и кавалерами поѣхала къ его королевскому высочеству, гдѣ, послѣ закуски и кофе, нѣсколько часовъ танцовали. Часовъ въ восемь государыня уѣхала, но прочія дамы оставались еще съ часъ и продолжали танцовать. Когда всѣ посторонніе разъѣхались, его высочество съ нѣкоторыми изъ насъ отправился на рѣку и разсматривалъ иллюминацію, при чемъ съ нами были и наши валторнисты. Проѣзжая мимо царскаго дворца, мы видѣли у окна обѣихъ принцессъ, которыя, къ величайшему сожалѣнію его высочества, не участвовали въ маскарадѣ и оставались только зрительницами. Сегодня окончился маскарадъ, и хотя въ продолженіе 8-ми дней наряженные не постоянно собирались, однакожъ никто, подъ штрафомъ 50 рублей, не смѣлъ все это время ходить иначе, какъ въ маскѣ. Поэтому всѣ радовались, что удовольствія на первый разъ кончились. Вечеромъ его вы—ство ужиналъ вмѣстѣ съ нами, причемъ и капитанъ Шульцъ былъ приглашенъ къ столу. Сегодня же гр. Кинскій, уже оффиціально, присылалъ объявить о своемъ пріѣздѣ императорскаго секретаря посольства Гогенгольцера (который нѣкоторое время исправлялъ здѣсь должность министра); но его высочество ѣздилъ уже къ нему верхомъ инкогнито.

18. Подполковника Сальдерна, исправлявшаго должность камеръ-юнкера, посылали къ графу Кинскому съ отвѣтнымъ привѣтствіемъ. Его высочество съ нѣкоторыми изъ насъ ужиналъ у Штамке.

19. Послѣ обѣда, его королевское высочество былъ съ визитомъ у г-жи Лопухиной, которая еще лежала въ постели послѣ родовъ. Она дочь генеральши Балкъ, которая очень любима царицею и была прежде

гофмейстериною при герцогинѣ Мекленбургской, но нѣсколько лѣтъ тому назадъ оставила эту должность.

20. У его высочества обѣдали генералъ Алларъ и камеръ-юнкеръ Балкъ (братъ г-жи Лопухиной, очень красивый и пріятный молодой человѣкъ), а вечеромъ его высочество ужиналъ съ нами у т. с. Геспена.

21. Его королевское высочество провелъ вечеръ въ небольшомъ обществѣ у ген.-м. Штенфлихта; къ обѣду же у насъ не было никого изъ постороннихъ.

22. У его высочества обѣдали старый т. с. Мардефельдъ, баронъ Лёвольдъ и баронъ Рённе (прапорщикъ гвардіи и человѣкъ очень любезный); вечеромъ его высочество ужиналъ у Штамке.

23. Графъ Кинскій былъ въ первый разъ съ визитомъ у его королевскаго высочества. Послѣ обѣда герцогъ ѣздилъ къ старому т. с. Пушкину, а вечеромъ ужиналъ съ нами опять у Штамке. Въ этотъ день его высочество былъ приглашенъ на свадьбу, назначенную 29-го числа, самимъ женихомъ, молодымъ Пушкинымъ, и маршаломъ свадьбы, княземъ Голицынымъ.

24. Получена изъ Швеціи ратификація заключеннаго въ Нейштатѣ мира. Въ полдень, послѣ обыкновеннаго сигнальнаго выстрѣла, всѣ маски, въ тѣхъ же костюмахъ, собрались опять у Почтоваго дома и ходили часа два процессіей по городу, при чемъ дамы, не привыкшія ходить по камнямъ, порядочно таки устали. Послѣ того маски разошлись, а вечеромъ весь городъ былъ иллюминованъ. Его высочество ужиналъ у т. с. Клауссенгейма, который живетъ при дворѣ.

25. Маски снова собирались за рѣкой, у дома Четырехъ Фрегатовъ, откуда ѣздили въ садъ генерала Головина, находящійся внѣ города, передъ проспектомъ, гдѣ всѣ оставались нѣсколько часовъ. Вечеръ его высочество провелъ съ своею свитою у тайнаго совѣтника Бассевича, у котораго и ужинали.

26. Всѣ замаскированные были нѣсколько часовъ за городомъ, въ саду президента Апраксина (брата великаго адмирала), послѣ чего разъѣхались по домамъ. Городъ былъ опять весь иллюминованъ, какъ въ оба предшествовавшіе дни, при чемъ на улицахъ, передъ домами, горѣли еще смоляныя бочки; но нѣкоторые изъ жителей поставили у себя только деревянные шесты.

27, Т. с. Клауссенгеймъ уѣхалъ опять въ Голштинію, и его высочество во весь день не выходилъ изъ своей комнаты.

28. У его королевскаго высочества обѣдалъ графъ Кинскій. Въ царскомъ саду было празднество въ воспоминаніе побѣды надъ Лёвенгауптомъ. Тамъ ужинали и танцовали, при чемъ всѣ, по обыкновенію, были въ парадныхъ платьяхъ.

29. Его королевское высочество, его величество царь и множество гостей были на свадьбѣ молодого графа Пушкина. Я замѣтилъ тамъ слѣдующія церемоніи. Когда пріѣхалъ его высочество съ своею свитою, въ парадныхъ платьяхъ, его приняли у кареты, при звукахъ трубъ, маршалъ свадьбы (подполковникъ князь Голицынъ) съ жезломъ и всѣ шаферы; потомъ онъ былъ встрѣченъ у входныхъ дверей женихомъ, который повелъ его въ комнаты, гдѣ собрались уже всѣ гости, кромѣ царской фамиліи. Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, его высочество сѣлъ между невѣстою, урожденною Лобановою*), и княгинею Валашскою. По пріѣздѣ его величества царя, встрѣченнаго точно такимъ же образомъ, какъ и его высочество, гости скоро отправились къ столу, и маршалъ размѣстилъ знатнѣйшихъ изъ нихъ и родственниковъ новобрачныхъ—мущинъ съ женихомъ особо, а дамъ съ невѣстою, за другимъ столомъ, также особо. Невѣста и женихъ сидѣли подъ балдахинами. Балдахинъ невѣсты былъ украшенъ вѣнками изъ цвѣтовъ, которые висѣли надъ нею и надъ мѣстами *подругъ невѣсты* (Brautjungfer), и кистью изъ лентъ надъ мѣстомъ *дружки* (Vorschneider). Подъ другимъ балдахиномъ, надъ головою жениха, висѣлъ также вѣнокъ, потому что онъ вступалъ въ первый бракъ; въ противномъ случаѣ надъ нимъ спускалась бы только кисть изъ разноцвѣтныхъ лентъ. За столами сидѣли въ слѣдующемъ порядкѣ: за столомъ жениха, на первомъ мѣстѣ, онъ самъ, имѣя подлѣ себя—съ лѣвой стороны царя, какъ посаженаго отца жениха, съ правой—князя Меншикова, какъ посаженаго отца невѣсты; подлѣ царя—генералъ Ягужинскій, какъ *братъ жениха*, а подлѣ князя — ген.-м. Мамоновъ, какъ *братъ невѣсты*; противъ жениха—его королевское высочество съ каммергеромъ Нарышкинымъ; затѣмъ прочіе Русскіе и наши кавалеры, какъ кому пришлось. Изъ иностранныхъ министровъ никого не было. За столомъ невѣсты сидѣли—на первомъ мѣстѣ также она; по лѣвую ея сторону княгиня Меншикова, а по правую — супруга великаго канцлера Головкина (замѣнявшая царицу, которая уже нѣсколько дней была несовсѣмъ здорова по случаю преждевременнаго разрѣшенія отъ бремени), первая какъ посаженая мать жениха, послѣдняя какъ посаженая мать невѣсты, потому что въ первый день свадьбы на первыхъ мѣстахъ сидятъ родственники невѣсты, а во второй родственники жениха; возлѣ княгини Меншиковой — княгиня Валашская, какъ *сестра жениха*, а возлѣ Головкиной княгиня Черкасская, какъ *сестра невѣсты*. Противъ невѣсты сидѣлъ дружка (единственный мущина за дамскимъ столомъ), имѣя подлѣ себя подругъ невѣсты—сестру

---

*) Берхгольцъ спуталъ: это была княжна Марѳа Петр. Черкасская. П. Б.

жениха и сестру княгини Черкасской (княжну Трубецкую). Когда всѣ присутствовавшіе, кромѣ трехъ послѣднихъ лицъ, сѣли по своимъ мѣстамъ, маршалъ съ 12-ю шаферами (капитанами и поручиками гвардіи) торжественно ввелъ обѣихъ подругъ невѣсты, которыя до тѣхъ поръ оставались въ ближайшей комнатѣ и тамъ привязывали банты на рукава маршалу и шаферамъ (эти банты служатъ знаками ихъ должностей: маршалъ и дружка носятъ ихъ на правой, а шаферы на лѣвой рукѣ). Онѣ вошли въ комнату слѣдующимъ образомъ: впереди шли трубачи и трубили; за ними слѣдовали всѣ шаферы по-парно, младшіе впереди, потомъ маршалъ съ своимъ жезломъ и наконецъ подруги невѣсты. Когда онѣ сѣли подъ вѣнки, противъ невѣсты, точно такимъ же образомъ введенъ былъ дружка, но съ тою разницею, что передъ нимъ, вслѣдъ за маршаломъ, шелъ младшій изъ шаферовъ, который несъ на серебряномъ блюдѣ бантъ дружки, ножъ и вилку. У стола, когда дружка подошелъ къ своему мѣсту, подруги невѣсты навязали ему на руку ленту и должны были поцѣловаться съ нимъ. По окончаніи и этой церемоніи маршалъ подалъ своимъ жезломъ знакъ къ молитвѣ; тогда только гости приступили къ обѣду, потому что до молитвы никто не можетъ даже развернуть своей салфетки. Вслѣдъ за тѣмъ подали по рюмкѣ водки — маршалъ жениху, невѣстѣ и родственникамъ, а шаферы, раздѣленные по столамъ, всѣмъ прочимъ гостямъ. Немного спустя, маршалъ началъ провозглашать церемоніальные тосты, при чемъ долженъ былъ сперва пить самъ съ шаферами и потомъ уже подавать съ ними стаканы жениху, невѣстѣ, родственникамъ и всѣмъ остальнымъ. Они должны строго наблюдать, чтобы всѣ стаканы наливались одинаково полно и были одинаковой величины; для дамъ однакожъ подаются стаканы поменьше и наливаются не такъ полно. Первый тостъ, совершенно особенный въ своемъ родѣ, бываетъ обыкновенно во славу Божію, второй — за здоровье жениха и невѣсты, третій—посаженыхъ отцовъ и матерей, четвертый— сестеръ и братьевъ, пятый — дружки и подругъ невѣсты, шестой— всѣхъ гостей, и наконецъ седьмой—за здоровье маршала и шаферовъ. Послѣдній тостъ начинаютъ женихъ и невѣста, и тогда маршалъ и шаферы не разносятъ стакановъ, а стоятъ всѣ вмѣстѣ и благодарятъ. Тѣ, за чье здоровье пьютъ, должны также стоять до тѣхъ поръ, пока всѣ стаканы не будутъ опорожнены, и благодарить, при чемъ, какъ въ томъ случаѣ, когда начинаютъ тостъ маршалъ и шаферы, а женихъ, невѣста и родственники пьютъ, такъ и въ томъ, когда благодарятъ, всякій разъ раздаются звуки трубъ. Кромѣ упомянутыхъ обычныхъ тостовъ бываютъ еще, но не всегда, тосты за здоровье царской фамиліи и другіе, что̀ зависитъ отъ маршала и отъ того,

хочетъ ли онъ мало или много поить гостей и въ особенности жениха (которому и безъ того всѣ стаканы наливаются полнѣе, чѣмъ другимъ). Какъ скоро маршалъ провозгласитъ «пора вставать», обѣдъ кончается; но до этого никто не смѣетъ встать изъ-за стола. Когда столы были вынесены изъ комнатъ, начали танцовать, и, именно, съ слѣдующихъ церемоніальныхъ танцевъ: сперва маршалъ съ невѣстой и два старшіе шафера съ посаженою матерью и сестрою невѣсты, сдѣлавъ нѣсколько круговъ тихими шагами и кланяясь на ходу всѣмъ гостямъ, протанцовали Польскій; послѣ того танцовали: маршалъ въ другой разъ съ невѣстой, держа, какъ и въ первый, въ лѣвой рукѣ свой жезлъ, и два другіе шафера съ матерью и сестрою жениха; затѣмъ женихъ съ невѣстой, посаженый отецъ невѣсты съ посаженою матерью жениха и братъ невѣсты съ сестрою жениха; далѣе, женихъ опять съ невѣстой, посаженый отецъ жениха съ посаженою матерью невѣсты и братъ жениха съ сестрою невѣсты; наконецъ дружка по разу съ каждой изъ подругъ невѣсты и по два шафера съ своими дамами. Маршалъ при всѣхъ этихъ танцахъ долженъ былъ, съ жезломъ въ рукѣ, танцовать одинъ впереди. По окончаніи церемоніальныхъ танцевъ, всѣ получили свободу танцовать, и тогда его высочество началъ съ невѣстою менуэтъ. Около 11 часовъ былъ послѣдній церемоніальный танецъ, т.-е. маршалъ, какъ всегда, впереди, за нимъ женихъ и невѣста, потомъ всѣ родственники и многіе посторонніе, женатые, сдѣлавъ нѣсколько туровъ, съ музыкою и въ сопровожденіи шаферовъ, также съ зажженными небольшими восковыми факелами, отправились въ спальню невѣсты, гдѣ всѣхъ угощали сластями. Тамъ обыкновенно, за особымъ столомъ, жениха поятъ окончательно до-пьяна. Изъ неженатыхъ туда никто не входитъ; поэтому, его королевское высочество отправился домой, тѣмъ болѣе, что было уже поздно, и онъ чувствовалъ усталость.

30. Послѣ обѣда, его королевское высочество поѣхалъ опять къ графу Пушкину, гдѣ праздновался второй день свадьбы. Встрѣчали его какъ и вчера. Въ этотъ разъ ихъ величествъ не было, и потому гости тотчасъ по пріѣздѣ герцога сѣли за столъ, при чемъ всѣ родственники, сидѣвшіе вчера по правую сторону, сѣли сегодня по лѣвую, чтобы показать первенство молодаго, который занялъ мѣсто уже за дамскимъ столомъ, по правую сторону своей жены. Церемоніи были опять тѣже, съ тою только разницею, что молодаго ввели подруги невѣсты и что онъ, когда всѣ сѣли, у стула дружки всталъ на столъ и сорвалъ висѣвшій надъ новобрачною вѣнокъ, который, пройдя на свое мѣсто, долженъ былъ подержать надъ нею, потомъ, поцѣловавъ ее, передать его одному изъ шаферовъ. Прочія церемоніи, какъ за столомъ, такъ и во время танцевъ, были также тѣже самыя, за

исключеніемъ послѣдняго шествія въ спальню невѣсты. Его высочество оставался тамъ до конца, т.-е. почти до 12 часовъ, и, навеселившись и натанцовавшись вдоволь, отправился домой.

Октябрь. 1. Его королевское высочество ужиналъ съ нѣкоторыми изъ насъ у посланника Штамке.

2. Наши тайные совѣтники обѣдали у графа Кинскаго, а мы ужинали у т. с. Геспена.

3. Его королевское высочество имѣлъ счастье быть послѣ обѣда у царицы, гдѣ оставался часа полтора. Ея величество лежала въ постели. Герцогъ сталъ извиняться, что посѣщаетъ ее во время болѣзни; но она указала на принцессъ и сказала, что не дѣлаетъ никакого различія между ними и его высочествомъ, а потому и не задумалась принять его въ постели. Вообще въ этотъ разъ государыня была необыкновенно милостива къ его вы—ству, и можно сказать навѣрно, что она его очень любитъ. Насъ встрѣчали у барки и провожали кавалеры ея величества. Послѣ, такъ какъ погода была очень хороша, мы катались еще нѣсколько времени по рѣкѣ, и потомъ отправились домой.

4. Его величество царь и большая часть масокъ отправялись водою въ Кронслотъ. Маски, подъ штрафомъ 100 рублей, должны были ѣхать туда; но иностранные министры, дамы и его королевское высочество были избавлены отъ этой обязанности, тѣмъ болѣе, что царица и принцессы также не участвовали въ поѣздкѣ. Однакожъ императорскій министръ графъ Кинскій поѣхалъ за царемъ, желая видѣть Кронслотъ и флотъ. Изъ нашихъ придворныхъ нѣкоторые тоже поѣхали, и я присоединился къ нимъ тѣмъ охотнѣе, что не видалъ еще Кронслота. Вѣтеръ былъ сначала противный, и мы, не смотря на то, что, по данному сигналу, отплыли изъ Петербурга съ разсвѣтомъ, должны были провести ночь на якорѣ въ Галерной гавани. На нашемъ торншхоутѣ мы нашли всѣ удобства: онъ былъ достаточно снабженъ какъ постелями, такъ и съѣстными припасами. Царь однакожъ уѣзжалъ на нѣсколько часовъ назадъ къ царицѣ, и потомъ опять присоединился къ нашей флотиліи.

5. Поутру вѣтеръ немного измѣнился, и мы, по сигналу адмирала буеровъ, стали опять подъ паруса, но все время должны были лавировать, и потому прибыли въ Кронслотъ (нынѣ Кронштадтъ) не прежде двухъ часовъ пополудни. Насъ помѣстили въ томъ же домѣ, гдѣ останавливался съ своею свитою его высочество; но мы должны были взять съ торншхоута постели, потому что не нашли тамъ даже кроватей, не говоря уже о постеляхъ. Домъ этотъ принадлежитъ къ зданіямъ Коллегій, расположеннымъ четыреугольникомъ на площади,

черезъ которую проходитъ начатой недавно большой, выложенный камнемъ, каналъ, ведущій къ докамъ, гдѣ починяются корабли. Всѣ эти дома не только снаружи одинаковы и одной величины, но и стоятъ очень близко другъ отъ друга; внизу около нихъ вокругъ идетъ галлерея, по которой, въ дурную погоду, можно удобно проходить изъ одного въ другой. Въ нижнихъ этажахъ вездѣ помѣщаются лавки. Многіе изъ вельможъ имѣютъ тутъ же свои дома, все прекрасные каменные дворцы, и такъ какъ все это мѣсто застроивается очень правильно и исключительно каменными домами, кромѣ предмѣстій, гдѣ находятся бараки (деревянныя казармы) и офицерскія квартиры, то оно со временемъ будетъ весьма красиво, тѣмъ болѣе, что всѣмъ вельможамъ вмѣнено въ обязанность строить тамъ дома. Оно не только укрѣпляется, но и снабжено уже со стороны моря хорошимъ болверкомъ. Нѣсколько гаваней также уже совсѣмъ устроены и уставлены множествомъ пушекъ. По положенію своему, Кронштадтъ считается неприступнымъ съ моря, потому что корабли могутъ подходить къ нему только по одиночкѣ, черезъ узкій проливъ, который обстрѣливается съ обѣихъ сторонъ, какъ изъ гавани, такъ и съ противоположнаго конца, гдѣ возвышается среди моря небольшая отдѣльная крѣпость, собственно называемая Кронслотомъ. Кромѣ того, корабль, чтобы попасть въ гавань, долженъ проходить нѣсколько верстъ близко подъ пушками еще другого укрѣпленія. Все время послѣ обѣда мы провели въ разсматриваніи гаваней.

5. Послѣ обѣда, всѣ маски собирались у царскаго дворца, красиваго четыреугольнаго зданія, стоящаго отдѣльно у воды, откуда царь можетъ разомъ обозрѣвать всѣ гавани и даже видѣть еще большое пространство моря. Онѣ ходили процессіей по городу и вокругъ военной гавани, гдѣ корабли стояли въ величайшемъ порядкѣ и дѣлали чудный видъ. Послѣ того маски были угощаемы царемъ, при чемъ такъ сильно пили, что немногіе воротились домой безъ опьяненія.

7. Царь съ обоими своими министрами, бывшими на Нейштатскомъ конгрессѣ, именно Брюсомъ и Остерманомъ, которыхъ нашелъ въ Кронштадтѣ, поѣхалъ въ Петергофъ и хотѣлъ возвратиться въ Петербургъ не прежде 9-го числа. Что̀ касается до насъ, то мы въ полдень, при попутномъ вѣтрѣ, пустились въ обратный путь. На салюты нашей маленькой флотиліи намъ, какъ и по прибытіи къ Кронштадту, отвѣчали множествомъ пушечныхъ выстрѣловъ изъ крѣпости Кронслота и съ батарей въ гаваняхъ. Возвратясь въ Петербургъ довольно рано и узнавъ, что у Сурланда маленькое общество, я тотчасъ отправился туда и въ числѣ прочихъ гостей нашелъ тамъ г-жу

Іоганну, каммеръ-фрау царицы (которая ее очень любитъ), маленькую карлицу принцессы (чрезвычайно милую, пріятную и веселую дѣвушку), жену Французскаго кухмистера царя и многихъ другихъ друзей нашего двора. Но добрый тайный совѣтникъ Геспенъ, по возвращеніи своемъ, получилъ непріятное извѣстіе, что на другой день послѣ нашего отъѣзда у него украли шкатулку изъ комнаты его секретаря Швинга, которому онъ отдалъ ее на сохраненіе. Потеря эта была немаловажна, потому что въ шкатулкѣ, кромѣ разныхъ вещей, было слишкомъ 800 червонцевъ. До сихъ поръ, не смотря на всѣ старанія, не найдено еще ни малѣйшаго слѣда вора. Легко себѣ представить, какъ чувствительна должна быть такая потеря тайному совѣтнику Геспену, извѣстному своею необыкновенною бережливостью.

8. У насъ при дворѣ обѣдали нѣкоторые плѣнные Шведскіе офицеры, которые передъ тѣмъ присутствовали при проповѣди. Въ этотъ день его высочество никуда не выѣзжалъ и ужиналъ въ своей комнатѣ. Вечеромъ я справлялся, былъ ли его высочество въ наше отсутствіе у царицы; потому что онъ, въ послѣдній свой визитъ, просилъ ея величество позволить ему, въ отсутствіе царя, поговорить съ нею наединѣ, для чего государыня и назначила 5-е число; но узналъ, что этого свиданія не было, и что царица никого не присылала къ герцогу, да вѣроятно, какъ по всему видно, и не посмѣла прислать. Между тѣмъ его высочество на дняхъ подарилъ царицѣ нѣсколько превосходно вышитыхъ Вѣнскихъ платковъ.

9. Его высочество съ нѣкоторыми изъ насъ ужиналъ у ген.-м. Штенфлихта.

10. При дворѣ опять обѣдало нѣсколькихъ Шведскихъ офицеровъ, а вечеромъ былъ ужинъ у Альфельда. Въ этотъ день царь со многими генералами отправился водою въ Шлиссельбургъ для празднованія, 11-го числа, взятія этой крѣпости. Его величество всякій годъ ѣздитъ туда, потому что самъ находился при взятіи Шлиссельбурга. При этомъ случаѣ обыкновенно очень сильно пьютъ.

11. У герцога обѣдали графъ Сапѣга и нѣкоторые другіе, послѣ чего его высочество опять былъ у царицы, гдѣ имѣлъ удовольствіе видѣться и разговаривать съ обѣими принцессами, съ которыми сталъ уже немного смѣлѣе и свободнѣе. Мы пробыли тамъ часа два и выпили по нѣскольку бокаловъ превосходнаго Венгерскаго. Государыня сама изволила приглашать его высочество на завтрашній день, въ который приходилось рожденіе великаго князя. Вообще его высочество былъ очень доволенъ своимъ визитомъ и, вѣроятно, успѣлъ переговорить съ ея величествомъ о дѣлѣ, для котораго испрашивалъ себѣ аудіенцію и которое она, конечно, приметъ къ свѣдѣнію. Сегодня же

стали у насъ говорить, что его королевское высочество также поѣдетъ въ Москву, въ чемъ мы до сихъ поръ очень сомнѣвались, тѣмъ болѣе, что были уже совѣщанія о томъ, куда лучше ѣхать въ Германію. Его высочество послѣ катался еще нѣсколько времени по рѣкѣ и отправился къ Ягужинскому.

12. По случаю рожденія великаго князя, его высочество со своею свитою и со многими Русскими вельможами поѣхалъ около 5-ти часовъ въ галерею, находящуюся передъ садомъ, въ аллеѣ, гдѣ назначено было праздновать этотъ день. По прибытіи туда, въ величайшемъ парадѣ, ея величества, принцессъ и прочихъ членовъ царской фамиліи, всѣ сѣли за столъ. Государыня кушала съ дамами, а его высочество съ мущинами особо. Во всемъ былъ необыкновенный порядокъ, потому что угощала сама царица, а должность оберъ-маршала исправлялъ Ягужинскій. Пили также далеко не такъ много, какъ обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ; напротивъ, всякій имѣлъ полную свободу пить или не пить. Тотчасъ послѣ обѣда, когда столы уже вынесли, чтобъ начать танцовать, пріѣхалъ изъ Шлиссельбурга его величество царь. Танцы продолжались потомъ въ большой залѣ часу до двѣнадцатаго, и праздникъ этотъ кончился очень весело. Въ Шлиссельбургѣ, говорятъ, пили чрезвычайно много и на каждомъ изъ бастіоновъ, почему его высочество былъ радъ, что счастливо отдѣлался отъ этой поѣздки.

13. Его высочество ужиналъ у Штамке.

14. Утромъ, т. с. (Бассевичъ) былъ на конференціи у в.-канцлера Шафирова. Нѣкоторые изъ насъ обѣдали у каммеррата Фика, который былъ прежде коммиссаромъ, а потомъ полковымъ квартирмейстеромъ въ Голштинской службѣ; во время войны онъ находился въ Швеціи въ качествѣ тайнаго полу-шпіона, и оказалъ царю важныя услуги, устроивъ почти всѣ Коллегіи по Шведскому образцу, за что получилъ прекрасныя помѣстья въ Лифляндіи. Угостилъ онъ насъ превосходно. Въ числѣ многихъ очень хорошенькихъ дѣтей у него есть почти взрослая дочь, которая съ младенчества совершенно слѣпа, но, не смотря на то, отлично играетъ на клавесинѣ и ходитъ какъ зрячая по всему дому, гдѣ знаетъ каждый уголокъ. Въ этотъ день у герцога обѣдали нѣкоторые Лифляндцы, а послѣ обѣда онъ ѣздилъ къ старой царицѣ съ поздравленіемъ по случаю ея тезоименитства, и оставался тамъ часа два въ обществѣ многихъ Русскихъ. Сегодня же получено было извѣстіе, что въ Кронслотъ прибылъ, на Шведскомъ фрегатѣ, Французскій посланникъ Кампредонъ, который много лѣтъ, и отчасти при мнѣ, былъ министромъ въ Стокгольмѣ. Его величество царь тотчасъ же поѣхалъ туда, любопытствуя не только видѣть Кам-

предона, который, говорятъ, имѣетъ также нѣкоторыя порученія отъ Шведскаго правительства, но и осмотрѣть фрегатъ.

15. Во время проповѣди пріѣзжалъ къ намъ каммергеръ Нарышкинъ; но его королевское высочество, страдая головною болью, весь день не выходилъ изъ своей комнаты.

16. Т. с. Бассевичъ угощалъ нѣкоторыхъ плѣнныхъ Шведовъ, въ томъ числѣ и трехъ дочерей Шведскаго генерала Горна, которыя долго находились здѣсь въ плѣну и подъ конецъ нѣсколько времени даже очень строго содержались въ крѣпости. Одна изъ нихъ замужемъ за нашимъ ген.-маіоромъ Шталемъ, который женился на ней, будучи также въ плѣну и, послѣ вымѣна своего, не могъ взять ее съ собою въ Швецію. У т. совѣтника обѣдали также его королевское высочество и т. с. Остерманъ, который вчера только пріѣхалъ съ конгресса и былъ, говорятъ, необыкновенно милостиво принятъ царемъ, увидавшимъ его сегодня по возвращеніи своемъ изъ Кронштата.

17. У его королевскаго высочества обѣдали многіе Шведы, въ томъ числѣ и Вагенеръ, капитанъ Шведскаго фрегата, привезшаго сюда Кампредона; онъ передъ тѣмъ уже обѣдалъ у царя, который кушаетъ обыкновенно въ 11 часовъ. Этотъ капитанъ Вагенеръ, родомъ Лифляндецъ и человѣкъ очень веселый и пріятный, съ восторгомъ говорилъ о милостивомъ къ нему вниманіи царя какъ въ Кронштатѣ, такъ и здѣсь. Онъ разсказывалъ, что 14-го числа его величество пріѣзжалъ къ нему на корабль, который такъ любопытенъ былъ видѣть, что даже не сталъ говорить съ Кампредономъ на твердой землѣ, а просилъ его идти за собою на фрегатъ. Капитанъ салютовалъ пріѣздъ царя изъ всѣхъ своихъ пушекъ, такъ что отъ потрясенія въ каютѣ почти всѣ окна разбились въ дребезги. Послѣ того, по желанію государя, онъ угощалъ его корабельнымъ обѣдомъ, при чемъ царь пилъ за здоровье короля Шведскаго, а капитанъ тотчасъ отвѣчалъ тостомъ за здоровье царя. Немного спустя, царь провозгласилъ тостъ за счастливый миръ, а капитанъ, съ своей стороны предложилъ еще другой и, когда царь спросилъ, за чье здоровье, сказалъ, что такъ какъ на фрегатѣ пріѣхалъ сюда Французскій министръ, то прилично было бы выпить за здоровье его короля. Его величество очень охотно согласился. Затѣмъ царь пилъ еще за здоровье королевы Шведской, а капитанъ за здоровье царицы. Каждый тостъ сопровождался 16-ю пушечными выстрѣлами; но когда царь началъ пить за здоровье всѣхъ храбрыхъ моряковъ, капитанъ, для отличія, приказалъ сдѣлать только 8 выстрѣловъ. Однимъ словомъ, царь пробылъ у него около пяти часовъ, осмотрѣлъ съ большимъ вниманіемъ всѣ углы корабля до малѣйшихъ подробностей, входилъ даже въ пороховую камеру и остался

всѣмъ очень доволенъ. При его отъѣздѣ капитанъ опять салютовалъ ему изъ всѣхъ пушекъ. На другой день его величество пригласилъ капитана къ себѣ, водилъ его по всѣмъ своимъ кораблямъ, показывалъ все въ подробности, и тотъ остался, кажется, также доволенъ здѣшними кораблями, потому что очень хвалилъ ихъ устройство и увѣрялъ, что оно лучше и быть не можетъ. Царь, говорятъ, просилъ послѣ капитана сообщить ему списокъ всего экипажа, которому намѣренъ сдѣлать подарки. Этотъ Шведскій фрегатъ, который изъ Стокгольма отплылъ 6-го, а въ Кронштатъ прибылъ 12-го числа, называется «Чернымъ Орломъ», имѣетъ 34 пушки и 212 человѣкъ экипажа.—За обѣдомъ у насъ былъ роспитъ не одинъ добрый стаканъ вина. Ужиналъ его высочество у Штенфлихта.

18. Его высочество къ обѣду не выходилъ, а ужиналъ у Штамке. Въ этотъ день наши тайные совѣтники были опять на конференціи съ Шафировымъ.

19. Посланникъ Кампредонъ присылалъ извѣстить его королевское высочество о своемъ прибытіи пріѣхавшаго съ нимъ Шведскаго подполковника Сикье, родомъ Француза, того самого, о которомъ носился несправедливый слухъ, будто онъ застрѣлилъ короля Карла XII. Послѣ обѣда у его королевскаго высочества были съ визитами находившійся прежде въ Шведской службѣ генералъ-лейтенантъ Вангерсгеймъ и каммергеръ Балкъ. Потомъ герцогъ, вмѣстѣ съ генераломъ Ягужинскимъ, ѣздилъ къ графу Кинскому.

20. Меня посылали къ посланнику Кампредону поздравить его, отъ имени его высочества, съ пріѣздомъ. Вечеромъ герцогъ ужиналъ у посланника Штамке. Въ этотъ день гг. Брюсъ и Остерманъ, возвратившіеся изъ Нейштата, въ первый разъ были съ визитомъ у его королевскаго высочества.

21. У его королевскаго высочества обѣдали ген.-лейт. Минихъ и Лефортъ. Послѣ обѣда у герцога былъ съ визитомъ графъ Кинскій, а вечеромъ его высочество ужиналъ у Штамке.

22. По случаю празднованія въ этотъ день мира съ особеннымъ торжествомъ, для котораго уже давно дѣлались большія приготовленія, я заблаговременно отправился на другую сторону рѣки, чтобы посмотрѣть на церемоніи, назначенныя во время и послѣ богослуженія въ церкви Св. Троицы, гдѣ находились уже его величество царь и всѣ Русскіе вельможи. Тамъ, по окончаніи литургіи и прочтеніи ратификаціи заключеннаго съ Швеціею мира, архіепископъ Псковскій сказалъ превосходную проповѣдь, текстомъ которой былъ весь первый псаломъ и въ которой онъ, изобразивъ всѣ труды, мудрыя распоряженія и благодѣянія его величества на пользу его подданныхъ въ

продолженіе всего царствованія и особенно въ минувшую войну, объявилъ, что государь заслужилъ названіе отца отечества, великаго, императора. Послѣ сего весь Сенатъ приблизился къ его величеству, и великій канцлеръ Головкинъ, послѣ длинной рѣчи, просилъ его, отъ лица всѣхъ государственныхъ сословій, принять, въ знакъ ихъ вѣрноподданнической благодарности, титулъ *Петра Великаго, отца отечества и императора Всероссійскаго*, который былъ повторенъ за нимъ и провозглашенъ всѣмъ Сенатомъ. За нѣсколько дней передъ тѣмъ государь повелѣлъ Сенату объявить по всему государству, что онъ всемилостивѣйше даруетъ прощеніе и свободу всѣмъ находящимися подъ стражею и преступникамъ, кромѣ убійцъ и обвиняемыхъ въ преступленіяхъ выше разбоя, такъ что освобождались даже и тѣ, которые злоумышляли противъ его особы и были осуждены вѣчно на галеры; кромѣ того, что прощаетъ всѣ недоборы и недоимки съ начала войны по 1718 годъ (суммою на многіе милліоны), потому что считаетъ долгомъ благодарить Всевышняго за милость, оказанную какъ при заключеніи мира, такъ и въ прежнее время, и лучшимъ средствомъ для выраженія такой благодарности полагаетъ оказать милость же и хоть сколько нибудь помочь страждущимъ. Этотъ указъ былъ немедленно обнародованъ по всему государству, и Сенатъ, въ знакъ признательности, положилъ поднести царю помянутый титулъ, для чего и отправилъ къ его величеству депутацію съ всеподданнѣйшею просьбою принять его. Сначала государь, изъ скромности, не рѣшался на это и пригласилъ къ себѣ на другой день нѣкоторыхъ сенаторовъ и двухъ знатнѣйшихъ архіепископовъ, чтобъ отклонить такую просьбу; но, благодаря ихъ убѣжденіямъ и доводамъ, изъявилъ наконецъ всемилостивѣйшее согласіе на принятіе новаго титула. По окончаніи рѣчи великаго канцлера, среди радостныхъ восклицаній внутри и внѣ церкви, при звукахъ трубъ и литавръ, началась пальба изъ всѣхъ пушекъ крѣпости, Адмиралтейства и ста пятидесяти галеръ, прибывшихъ наканунѣ въ ночь и разставленныхъ по рѣкѣ противъ зданія Сената. Въ тоже время загремѣлъ бѣглый огонь 27-ми полковъ, возвратившихся изъ Финляндіи въ составѣ 27,000 человѣкъ. Его величество отвѣчалъ Сенату слѣдующими краткими, но достопамятными словами: «*Зѣло желаю, чтобъ нашъ весь народъ прямо узналъ, что̀ Господъ Богъ прошедшею войною и заключеніемъ сего мира намъ сдѣлалъ. Надлежитъ Бога всею крѣпостію благодарить*; *однакожъ, надѣясь на миръ, не надлежитъ ослабѣвать въ воинскомъ дѣлѣ, дабы съ нами не такъ сталось, какъ съ монархіею Греческою. Надлежитъ трудиться о пользѣ и прибыткѣ общемъ, который Богъ намъ предъ очи кладетъ, какъ внутрь, такъ*

и вию, отъ чего облегченъ будетъ народъ» *). Сенатъ послѣ того приносилъ монарху всеподданнѣйщую благодарность, а во время пѣнія «Тебе Бога хвалимъ» и чтенія Евангелія началась опять, какъ въ первый разъ, пальба вмѣстѣ съ музыкою и барабаннымъ боемъ всѣхъ полковъ, стоявшихъ передъ Сенатомъ. По прочтеніи митрополитомъ Рязанскимъ благодарственной молитвы, которой всѣ присутствовавшіе внимали колѣнопреклоненные, пальба возобновлялась въ третій и послѣдній разъ. Французскій посланникъ Кампредонъ, свидѣтель всего этого, радовался, конечно, больше насъ Голштинцевъ, потому что очень преданъ королю Шведскому и съ своей стороны также способствовалъ заключенію мира. Когда богослуженіе совсѣмъ кончилось, его величество пошелъ въ Сенатъ, гдѣ назначено было праздновать нынѣшній день. Его королевское высочество, при первомъ залпѣ изъ пушекъ, переправился на другую сторону рѣки и, дождавшись въ сѣняхъ церкви окончанія обѣдни, подошелъ къ его величеству съ поздравленіемъ, когда онъ выходилъ уже оттуда, а потомъ послѣдовалъ за нимъ въ Сенатъ и поздравилъ императрицу и принцессъ, поцѣловавъ имъ руки. Тамъ все было необыкновенно великолѣпно. Особенно императорская фамилія отличалась чрезвычайно богатыми нарядами. На императрицѣ были красное, обшитое серебромъ, платье и драгоцѣннѣйшій головной уборъ; принцессы имѣли бѣлыя платья, обложенныя золотомъ и серебромъ, и также много драгоцѣнныхъ камней на головѣ. Старшая была еще блѣдна и слаба послѣ своего нездоровья. Вдовствующая царица, по обыкновенію, была въ черномъ; но дочь ея, равно и всѣ прочія дамы, имѣли великолѣпнѣйшіе наряды и множество брилліантовъ. Вообще здѣшнія дамы очень любятъ драгоцѣнные камни, которыми стараются перещеголять одна другую. Великаго князя и его сестры не было на этомъ празднествѣ, потому что оба, говорятъ, несовсѣмъ здоровы. Когда его королевское высочество кончилъ свои поздравленія, Нарышкинъ подалъ знакъ тайному совѣтнику Бассевичу также подойти съ поздравленіемъ къ его величеству и поцѣловать ему руку, послѣ чего знатнѣйшіе изъ нашихъ кавалеровъ, всѣ иностранные министры и многіе Русскіе сановники послѣдовали его примѣру. Императрица отошла между тѣмъ немного къ окну, чтобы дать случай герцогу приблизиться къ старшей принцессѣ, съ которою его высочество и разговаривалъ, но потомъ пошелъ въ другую комнату, гдѣ ожидалъ возвращенія императора, куда-то уходившаго. Въ это

---

*) Мы нарочно привели здѣсь подлинныя слова Петра Великаго, помѣщенныя у Голикова, Дѣян., т. VIII, стр. 10, потому что у Берхгольца эта рѣчь есть буквальный переводъ съ нихъ.

время князь Меншиковъ читалъ о производствахъ по арміи, а великій адмиралъ по флоту. Послѣ нихъ сенатскій оберъ-секретарь прочелъ о награжденіяхъ и повышеніяхъ министрамъ, бывшимъ на мирномъ конгрессѣ, и многимъ другимъ заслуженнымъ лицамъ. Наконецъ было объявлено также о прощеніи нѣкоторыхъ виновныхъ. Еще до возвращенія императора, Кампредонъ, который былъ прежде знакомъ въ Швеціи съ нашимъ герцогомъ, подошелъ къ его высочеству и притворился очень обрадованнымъ, что опять видитъ его. Когда его величество императоръ пришелъ, нашлось еще очень много лицъ, не успѣвшихъ прежде поздравить его; поэтому онъ не сейчасъ могъ пройти къ столу, хотя ему, казалось, очень хотѣлось кушать. Въ большой аудіенцъ-залѣ, гдѣ обыкновенно бываетъ пріемъ министровъ, съ одной стороны былъ устроенъ прекрасный буфетъ, а съ трехъ другихъ сторонъ стояли длинные узкіе столы, какъ и во всѣхъ другихъ комнатахъ. Обѣдало въ одно время всего до 1,000 человѣкъ, потому что всѣ комнаты Коллегій были заставлены столами, которыхъ было, говорятъ, сорокъ восемь, и за которыми не осталось ни одного лишняго мѣста.

Освободясь наконецъ отъ поздравленій, его величество отправился въ эту столовую или аудіенцъ-залу къ столу, гдѣ по правую его руку сѣлъ его высочество, а по лѣвую — князь Меншиковъ. Подлѣ князя помѣстился адмиралъ Крюйсъ, а подлѣ его высочества графъ Кинскій. Прочіе Русскіе вельможи, иностранные министры и наши старшіе кавалеры сѣли какъ кому пришлось. Немного спустя, когда уже всѣ сѣли, вошелъ генералъ князь Голицынъ, полковникъ Семеновскаго полка и кавалеръ ордена Св. Андрея*). Императоръ самъ представилъ его герцогу, сказавъ, что это тотъ самый генералъ Голицынъ, который командовалъ въ Финляндіи. Князь, поцѣловавъ руку его высочеству, который поцѣловалъ его въ губы, и отдавъ поклонъ императрицѣ и всѣмъ гостямъ, сѣлъ также за императорскій столъ. Послѣ того, по приказанію его величества, ввели бывшаго плѣннаго Шведскаго вице-адм. Эреншильда, который долженъ былъ сѣсть возлѣ адмирала Крюйса. Это былъ тотъ самый Эреншильдъ, который командовалъ четырьмя отнятыми у Шведовъ фрегатами и отличился тогда особенною храбростью. Императоръ очень уважаетъ его. Въ ближайшей къ большой залѣ комнатѣ кушала императрица за большимъ овальнымъ столомъ, имѣя подлѣ себя, съ правой стороны, вдовствующую царицу, а съ лѣвой старшую принцессу. Возлѣ старой царицы сидѣла ея дочь, а возлѣ старшей принцессы принцесса Елисавета, за

*) Это былъ, покрытый славою князь Михаилъ Михаиловичъ (род. 1675, ум. 1730). П. Б.

которою слѣдовала княгиня Меншикова. Прочія знатныя дамы сидѣли по чинамъ. Императрицѣ прислуживали два каммеръ-юнкера, а третій стоялъ передъ столомъ и разрѣзывалъ кушанья. Старой царицѣ прислуживалъ братъ ея, графъ Салтыковъ, который не служитъ, но состоитъ въ числѣ ея кавалеровъ и имѣетъ Польскій орденъ. Позади императорскихъ принцессъ стояли только ихъ гувернантки. Первый тостъ, провозглашенный при звукахъ трубъ и литавръ, былъ въ честь заключеннаго мира. Другихъ тостовъ было немного, но за то послѣ, вечеромъ, пили таки порядочно. Во время обѣда его величество нѣсколько разъ принимался шептать что-то на ухо его высочеству и обращался къ т. с. Бассевичу, вообще былъ очень милостивъ къ нашему герцогу, который часто цѣловалъ ему руки, за что онъ самъ нѣжно цѣловалъ его и прижималъ къ груди. Я сначала не запасся мѣстомъ, потому что ходилъ и осматривалъ столы, но наконецъ увидѣлъ въ одной изъ комнатъ два порожнихъ мѣста, которыя и занялъ съ капитаномъ Шульцомъ. Въ этой комнатѣ былъ еще столъ, гдѣ сидѣли дамы, которымъ не достало мѣста за столомъ императрицы, также Нарышкинъ, Бонде и Лорхъ. За нашимъ столомъ сидѣли, между прочимъ, Ягужинскій, Румянцовъ, оберъ-полиціймейстеръ и многіе офицеры. Въ этой же комнатѣ находились литаврщикъ и 6 трубачей, которые, при тостахъ, давали сигналъ музыкантамъ, стоявшимъ на улицахъ.

Императоръ, вставши одинъ изъ-за стола, пробѣжалъ черезъ нашу комнату (иначе нельзя назвать его походки, потому что сопровождающіе его постоянно должны слѣдовать за нимъ бѣгомъ) и отправился на свою яхту, стоявшую у моста передъ Сенатомъ, чтобы, по обыкновенію, отдохнуть послѣ обѣда. Уходя, онъ приказалъ, чтобы всѣ оставались на своихъ мѣстахъ впредь до его разрѣшенія. Поэтому, гости должны были сидѣть очень долго, что̀ для большей части изъ нихъ было крайне невесело. Немногіе кардиналы, остававшіеся еще на лицо, почти всѣ заснули за столомъ, потому что, безъ принужденія, запаслись уже хорошимъ глоткомъ на сонъ грядущій. Князь-папа, по причинѣ приключившейся ему болѣзни, не участвовалъ въ настоящемъ празднествѣ. Графъ Кинскій и т. с. Бассевичъ сожалѣли, что для препровожденія времени не имѣютъ съ собою картъ, потому что устали уже разговаривать и не знали, что̀ дѣлать; особенно первому такое продолжительное сидѣнье было вовсе не въ привычку. Его королевское высочество крѣпился довольно долго, но подъ конецъ и онъ видимо сталъ обнаруживать нетерпѣніе; замѣтивъ однакожъ, что многіе встали, онъ рѣшился наконецъ также встать и пошелъ въ комнату императрицы, гдѣ столы были уже прибраны и гдѣ ея величе-

ство, вдовствующая царица съ дочерью, принцессы и княгиня Меншикова сидѣли, а прочія дамы стояли около нихъ, скучая не менѣе мущинъ. Когда вошелъ его королевское высочество, принцессы встали, но императрица осталась на своемъ мѣстѣ. Онъ подошелъ и разговаривалъ съ нею нѣсколько времени, послѣ чего его просили сѣсть. Герцогъ сѣлъ возлѣ старшей принцессы и смѣло вступилъ съ нею въ длинный разговоръ, на чтò прежде никогда не рѣшался, потому что какъ его высочество, такъ и принцессы все еще были довольно застѣнчивы другъ съ другомъ. Между тѣмъ маленькій Кампредонъ долго стоялъ передъ небольшимъ окошкомъ, сдѣланнымъ въ двери между большою залою и комнатою императрицы, и соколиными глазами слѣдилъ за происходившимъ между его высочествомъ и принцессами. Онъ, какъ извѣстно и какъ я уже упоминалъ, вполнѣ преданъ королю*), хотя и притворялся очень расположеннымъ къ его королевскому высочеству. Я въ это время пошелъ на минуту въ находящійся близъ Сената кофейный домъ, извѣстный подъ именемъ «Четырехъ Фрегатовъ», чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ, потому что наверху, отъ множества гостей, было ужасно тѣсно и нестерпимо жарко; но когда, немного спустя, вернулся назадъ, туда сперва не было возможности пройти отъ столовъ и скамеекъ, которые стаскивали внизъ, а потомъ меня не хотѣли впустить часовые, говоря, что имъ приказано никого не пускать. Тоже самое они сказали и генералу Миниху, и намъ не скоро удалось бы пробраться впередъ, еслибъ Ягужинскій не сжалился надъ нами и не помогъ войти. Вскорѣ послѣ моего возвращенія ея величество императрица, съ императорскою фамиліею и со всѣми дамами, прошла изъ своей комнаты въ большую залу, гдѣ кушалъ императоръ; а когда она сѣла тамъ подъ балдахинъ (гдѣ становится обыкновенно его величество при торжественныхъ аудіенціяхъ) вмѣстѣ съ прочими членами императорскаго семейства, дамы и кавалеры образовали большой кругъ, и начались танцы. Ея величество императрица съ его высочествомъ, князь Меншиковъ съ старшею принцессою и Ягужинскій съ младшею открыли ихъ Польскимъ. Послѣ того герцогъ танцовалъ съ старшею принцессою менуэтъ; а когда она опять пошла въ Польскомъ съ княземъ Меншиковымъ, его высочество пригласилъ для того же танца принцессу Елисавету. Вмѣстѣ съ ними хотѣлъ танцовать молодой графъ Сапѣга съ княгинею Валашскою, но она не согласилась, говоря, что, изъ уваженія къ императорской фамиліи, не смѣетъ въ одно время съ нею принять участіе въ первыхъ церемоніальныхъ танцахъ. Поэтому, на сей разъ было только двѣ пары; но послѣ танцовали всѣ безъ разбору, чтò и продолжалось

*) Т. е. супругу королевы Ульрики-Элеоноры. П. Б.

до 9 часовъ, когда долженъ былъ начаться большой фейерверкъ. Принцесса Прасковія вовсе не танцовала, да и вообще она танцуетъ только въ крайнихъ случаяхъ и не иначе, какъ по приказанію царя. При началѣ танцевъ она ушла наверхъ къ своей матери, которая сидѣла въ одной изъ комнатъ у окна и смотрѣла на приготовленія къ фейерверку. Императоръ ходилъ взадъ и впередъ и по временамъ являлся въ залу, чтобы посмотрѣть на танцы; но большею частью оставался внизу, потому что распорядитель фейерверка, какъ говорили, выпилъ лишнее, и государь долженъ былъ самъ обо всемъ заботиться. Въ самомъ дѣлѣ, онъ трудился изъ всѣхъ силъ. Когда все было готово, и уже смерклось, танцы прекратились, и ихъ в—ства, съ его выствомъ, съ императорскою фамиліею и со всѣми присутствовавшими, отправились къ окнамъ, которыя нарочно почти всѣ были выставлены.

Фейерверкъ начался въ 9 часовъ. Сперва представилось взорамъ большое зданіе, изображавшее храмъ Януса. Оно было открыто, и внутри его виднѣлся, въ прекрасномъ голубомъ огнѣ, старый Янусъ, державшій въ правой рукѣ лавровый вѣнокъ, а въ лѣвой масличную вѣтвь. Немного спустя, показались съ обѣихъ сторонъ двѣ статуи въ видѣ двухъ вооруженныхъ панцырями и коронованныхъ рыцарей, также изъ голубого огня; на щитѣ одинъ изъ нихъ, именно бывшій съ правой стороны, имѣлъ двуглаваго орла, а другой три короны. Когда они приблизились къ открытымъ дверямъ храма и прикоснулись къ нимъ, двери начали постепенно затворяться, послѣ чего рыцари сошлись и, казалось, подали другъ другу руки. Пока горѣло это изображеніе храма и самого Януса, стоявшаго на высокомъ пьедесталѣ и окруженнаго разными арматурами, народу былъ отданъ жареный быкъ, лежавшій, въ небольшомъ разстояніи отъ храма, на возвышеніи о шести ступеняхъ, съ свободнымъ со всѣхъ сторонъ проходомъ. Его величество самъ отрѣзалъ отъ этого быка первый кусокъ и немного покушалъ, послѣ чего солдаты въ мигъ разорвали его на сотни частей. Доставшій золотые рога получилъ положенную награду. Въ тоже время открыты были устроенные съ обѣихъ сторонъ фонтаны съ краснымъ и бѣлымъ виномъ, которое, посредствомъ вставленныхъ по срединѣ трубокъ, било довольно высоко, падая потомъ въ одинъ бассейнъ, а изъ него въ другой, откуда всякій уже могъ черпать сколько хотѣлъ. Хотя тутъ приставлена была стража, довольно хорошо наблюдавшая за порядкомъ, однакожъ не обошлось безъ окровавленныхъ лицъ, потому что каждому хотѣлось быть первымъ. Лишь только, въ знакъ заключеннаго мира, двери храма совсѣмъ затворились (что̀ сдѣлалось уже послѣ отдачи народу быка и фонтановъ съ виномъ) раздались сперва звуки множества трубъ, литавръ и бара-

бановъ всей Финляндской арміи и другихъ полковъ; потомъ пущена была ракета, и разомъ смѣшались сотни пушечныхъ выстрѣловъ, ружейный огонь и звонъ всѣхъ колоколовъ. Огонь съ валовъ крѣпости и Адмиралтейства и съ стоявшихъ по Невѣ галеръ былъ такъ великъ, что все казалось объято пламенемъ, и можно было подумать, что земля и небо готовы разрушиться. Послѣ того, направо отъ храма, горѣлъ большой и высоко поставленный щитъ, на которомъ было изображено правосудіе, попирающее ногами двухъ фурій; фуріи представляли недоброжелателей и ненавистниковъ Россіи, и надо всею эмблеммою стояла Русская надпись: «*всегда побѣдитъ*». Затѣмъ зажгли, съ лѣвой стороны, другой щитъ, на которомъ изображался плывущій по морю и входящій въ пристань корабль, съ надписью: «*finis coronavit opus*» (конецъ вѣнчаетъ дѣло). Кромѣ того, съ обѣихъ сторонъ красовались двѣ пирамиды изъ такого прекраснаго бѣлаго огня, что казались сдѣланными изъ бриллiантовъ. На каждой изъ нихъ сверху было по звѣздѣ изъ такого же огня. Потомъ зажгли еще двѣ пирамиды съ швермерами и звѣздками, и въ тоже время пустили множество воздушныхъ шаровъ, огромныхъ и сильныхъ ракетъ, бураковъ, открыли огненные фонтаны, колеса и пр., которыхъ огонь не прерывался въ продолженіе почти двухъ часовъ. Наконецъ пущено было по водѣ нѣсколько фигуръ изъ прекраснаго голубого и бѣлаго огня, вмѣстѣ съ множествомъ водяныхъ шаровъ, дукеровъ, водяныхъ швермеровъ и другихъ на водѣ горящихъ огней. Когда все это кончилось, и было уже около 12 часовъ ночи, его величество императоръ (находившійся почти все время при фейерверкѣ, который, говорятъ, самъ началъ и устроивалъ) возвратился опять въ залу Сената, гдѣ снова начались поздравленія при тостахъ изъ большихъ бокаловъ превосходнаго Венгерскаго и другихъ винъ, что̀ и продолжалось до трехъ часовъ утра, когда всѣ стали разъѣзжаться по домамъ. Многіе, которые не сумѣли уберечься, были сильно на-веселѣ. Императрица и прочія дамы уѣхали вскорѣ послѣ фейрверка; но его королевское высочество и всѣ оставались до отъѣзда его величества императора, очень милостиво простившагося съ герцогомъ, который былъ чрезвычайно доволенъ нынѣшнимъ днемъ и въ особенности привѣтливостью ихъ величествъ и принцессъ.

23. Былъ всеобщій роздыхъ. У его высочества обѣдали полковковникъ Дюрингъ, нашъ Нарышкинъ, подполк. Сикье и Шведскій вице.-адм. Эреншильдъ (который въ этотъ день въ первый разъ былъ съ визитомъ у его высочества), а вечеромъ герцогъ съ нѣкоторыми изъ насъ ужиналъ у посланника Штамке.

24. Маскарадъ снова начался, и хотя участвовавшіе въ немъ не собирались вмѣстѣ, однакожъ веселились, кто какъ могъ, между собою, потому что до 30-го числа всѣ опять постоянно должны были ходить не иначе, какъ въ маскахъ.

25. Утромъ, у его королевскаго высочества былъ поставленъ караулъ отъ Ингерманландскаго полка; потому что оба гвардейскіе полка, отъ которыхъ прежде ставились караулы, отправились впередъ въ Москву, куда императорская фамилія думаетъ ѣхать по первому зимнему пути. Мы, однако, до сихъ поръ не знаемъ, поѣдемъ ли мы также туда или нѣтъ. Я думаю, что герцогъ поѣдетъ; но отправится ли и весь нашъ дворъ, это весьма сомнительно. Послѣ обѣда его королевское высочество былъ со своею группою у ея величества императрицы, гдѣ очень пріятно провелъ время въ обществѣ принцессъ, потомъ катался еще немного по рѣкѣ и смотрѣлъ на иллюминацію. Прекрасная транспортная яхта «Принцесса Анна» и адмиралтейскія галеры были отъ низу до самыхъ вершинъ мачтъ освѣщены безчисленнымъ множествомъ фонариковъ. Всѣ дома въ городѣ все это время были также каждый вечеръ иллюминованы, и многіе жители ставили у себя всякаго рода девизы.

26. Его королевское высочество весь день не выходилъ изъ своей комнаты; но маски во множествѣ дѣлали визиты другъ другу и веселились между собою, сколько могли.

27. Маски хотя и собирались на другой сторонѣ рѣки, но пробыли вмѣстѣ недолго и разъѣхались, кто куда хотѣлъ.

28. У князя Валашскаго былъ обѣдъ для его королевскаго высочества и его группы. Его высочество оставался тамъ и послѣ обѣда, но вечеромъ поѣхалъ къ тайному совѣтнику Бассевичу, гдѣ со многими изъ насъ кушалъ и долго пробылъ.

29. Въ этотъ послѣдній день маскарада всѣ наряженные, по данному изъ крѣпости сигналу, собрались послѣ обѣда на другой сторонѣ рѣки, въ Сенатѣ, гдѣ было угощеніе, которымъ окончились маскарадъ и всѣ празднества по случаю заключенія мира. Когда императорская фамилія и маски съѣхались, начался, какъ и недѣлю тому назадъ, обѣдъ, за которымъ много пили. Потомъ столы и скамьи были вынесены изъ большой залы, и открылись танцы, продолжавшіеся до поздней ночи. Между тѣмъ не переставали сильно пить, при чемъ тѣмъ, которые не танцовали и находились въ боковыхъ комнатахъ, доставалось больше всѣхъ; но и мы, когда танцы кончились, получили свою порцію, такъ что очень немногимъ удалось къ утру добраться до дому не въ совершенномъ опьянѣніи. Я всячески старался из-

бѣгать попойки, ссылаясь на свое дежурство, и потому воротился домой еще снснымъ.

30. Послѣ обѣда, къ его высочеству пріѣзжали два капитана гвардіи (которые были шаферами) съ приглашеніемъ на свадьбу молодого князя Репнина [1]), назначенную послѣ завтра. Герцогъ, по здѣшнему обычаю, выпилъ передъ ними бокалъ вина за здоровье невѣсты и жениха, послѣ чего они пили за здоровье его высочества. Вечеромъ его высочество ѣздилъ къ посланнику Штамке, у котораго ужиналъ.

31. Т. с. Геспенъ давалъ обѣдъ, на которомъ были его высочество, генералъ Алларъ, баронъ Мардефельдъ, т. с. Бассевичъ и многіе изъ насъ. Мы оставались у него до вечера и сильно пили.

Ноябрь. 1. Въ четыре часа пополудни, его высочество, съ небольшою свитою, ѣздилъ на свадьбу молодого князя Репнина, которая справлялась въ домѣ стараго Пушкина [2]), родного отца невѣсты. Когда его высочество пріѣхалъ туда, раздались обыкновенные звуки трубъ, и онъ былъ встрѣченъ, внизу у крыльца, маршаломъ свадьбы съ жезломъ и шаферами, которые проводили его до комнаты, гдѣ императоръ и императрица сидѣли уже за своими столами [3]). (Государыня, впрочемъ, пріѣхала только-что передъ ними). Отдавъ издали поклонъ ихъ величествамъ, на который они отвѣчали весьма милостиво, герцогъ сѣлъ, по указанію маршала, наискось противъ императора, гдѣ для него и его свиты были оставлены мѣста. Вскорѣ послѣ того начались обыкновенныя свадебныя церемоніи. Прежде всего вышли изъ ближайшей комнаты трубачи и проиграли на своихъ инструментахъ. За ними слѣдовали, одинъ за другимъ, двѣнадцать шаферовъ, имѣвшихъ на лѣвой рукѣ банты изъ розовыхъ лентъ, и, послѣ всѣхъ, маршалъ (подполк. гвардіи князь Голицынъ), у котораго, для отличія, бантъ былъ на правой рукѣ. Потомъ вошли обѣ *подруги невѣсты* (Brautjungfer), старшая графиня Головкина и княжна Щербатова; послѣдняя сѣла по правую, а первая по лѣвую сторону противъ невѣсты. Затѣмъ маршалъ и шаферы опять ушли въ смежную комнату, откуда, впрочемъ, скоро возвратились, но съ тою разницею, что за ними, вмѣсто подругъ невѣсты, вышелъ *дружка* (Vorschneider), передъ которымъ одинъ изъ шаферовъ несъ его нарукавный бантъ на плоскомъ серебряномъ подносѣ. Должность дружки въ этотъ разъ исправ-

---

[1]) Вѣроятно это былъ младшій сынъ фельдмаршала Аникиты Ивановича Репнина, князь Иванъ. П. Б.

[2]) Сенатора графа Ивана Алексѣевича Мусина-Пушкина.

[3]) По тогдашнему обычаю, на свадьбахъ и другихъ торжественныхъ случаяхъ, дамы всегда садились за особымъ столомъ, отдѣльно отъ мужчинъ.

лялъ кам.-юнк. Балкъ, превосходно знающій свое дѣло. Подойдя къ столу, онъ прежде всего низко поклонился государынѣ, потомъ невѣстѣ и наконецъ всему обществу. Княжна Щербатова привязала ему бантъ на правую руку, а другая его сосѣдка, къ которой ему также слѣдовало обратиться, расправила немного ленты. По окончаніи этой церемоніи онъ съ живостью поцѣловалъ сидѣвшую у него съ правой стороны (т. е. княжну Щербатову); но ту, которая сидѣла съ лѣвой, ему не удалось сразу хорошо поцѣловать, и онъ обратился къ императрицѣ съ печальнымъ лицомъ, какъ бы жалуясь на свое горе. Ея величество сдѣлала ему знакъ, что дѣло можно поправить; тогда онъ въ другой разъ поцѣловалъ графиню Головкину и ужъ въ самыя губы. Женихъ сидѣлъ, посрединѣ, за узкимъ и длиннымъ столомъ, за которымъ помѣщалось болѣе сорока человѣкъ. Надъ его мѣстомъ былъ устроенъ большой балдахинъ, обитый краснымъ бархатомъ и золотыми галунами, изъ-подъ котораго висѣлъ надъ головою молодого зеленый вѣнокъ, въ знакъ того, что онъ прежде не былъ женатъ. По правую его руку сидѣлъ князь Меншиковъ, какъ посаженый отецъ невѣсты (Brautvater), а по лѣвую императоръ, какъ посаженый отецъ жениха (Bräutigamsvater). Возлѣ князя сидѣлъ подполковникъ гвардіи Бутурлинъ, а возлѣ императора князь Голицынъ, недавно пріѣхавшій изъ Финляндіи, оба какъ *посаженые братья* жениха и невѣсты. Его высочество, какъ я уже сказалъ, сидѣлъ наискось противъ государя и имѣлъ подлѣ себя, съ правой стороны—в.-канцлера (бар. Шафирова), съ лѣвой—т. с. Геспена; прочіе сидѣли какъ кому пришлось. Ни молодого Сапѣги, ни прочихъ иностранныхъ министровъ въ этотъ разъ не было. За другимъ столомъ, въ той же комнатѣ, невѣста сидѣла также подъ балдахиномъ, изъ-подъ котораго висѣли три вѣнка изъ цвѣтовъ, одинъ надъ нею, а два другіе надъ обѣими ея подругами, и сверхъ того, надъ головою дружки, сидѣвшаго между послѣдними, нѣсколько широкихъ бѣлыхъ и красныхъ лентъ длиною около полуаршина. По правую сторону невѣсты сидѣла княгиня Меншикова, какъ посаженая мать жениха, а по лѣвую императрица, какъ посаженая мать невѣсты. Подлѣ княгини Меншиковой находилась дочь подполковника Бутурлина, госпожа Головина, а подлѣ императрицы—генералъ-маіорша Балкъ; и та, и другая какъ *посаженыя сестры* (Braut- und Bräutigams-Schwester). Прочія дамы сидѣли по чинамъ; сестра княгини Меншиковой, въ большомъ Русскомъ головномъ уборѣ, украшенномъ брилліантами, занимала мѣсто недалеко отъ государыни. Молодыхъ дамъ было мало, а именно только обѣ Головкины, княжна Щербатова (очень милая дѣвушка), Лопухина, вдова гвардіи маіора Яковлева, которая, какъ говорятъ, черезъ недѣлю выходитъ замужъ за

маіора же гвардіи Матюшкина, и немногія другія. Когда отецъ невѣсты, старый Пушкинъ, обошелъ всѣхъ съ водкою, начались обыкновенные тосты, провозглашаемые, при звукахъ трубъ, маршаломъ и шаферами, которые также и разносили вино. Звуки эти всякій разъ снова раздавались, когда тѣ, за чье здоровье пили, вставали и благодарили, не садясь, по обыкновенію, до тѣхъ поръ, пока всѣ стаканы (въ этотъ разъ очень небольшія рюмки) не опоражнивались. Жениху, посаженымъ отцамъ и братьямъ, невѣстѣ, посаженымъ матерямъ и сестрамъ маршалъ самъ подносилъ рюмки на тарелкѣ. Тосты были слѣдующіе: первый—привѣтъ всему обществу (Willkommen), второй—за здоровье семейства Ивана Михайловича (зачѣмъ, не знаю) *), третій—за здоровье жениха и невѣсты, четвертый—посаженыхъ отцовъ и матерей, пятый—посаженыхъ братьевъ и сестеръ, и наконецъ шестой—за здоровье дружки и обѣихъ подругъ невѣсты. По окончаніи ихъ маршалъ подошелъ къ императору и спросилъ, не угодно ли ему будетъ назначить еще какіе-нибудь тосты; но его величество сдѣлалъ головою отрицательный знакъ, и тотъ, ударивъ нѣсколько разъ жезломъ, провозгласилъ, что пора вставать изъ-за стола, что̀ всѣ немедленно и исполнили. Женихъ во все время обѣда сидѣлъ на вытяжку и съ печальнымъ лицомъ, одѣтый весьма просто: на немъ былъ плохой сѣрый кафтанъ съ серебряными пуговицами, обшитый очень узкимъ галуномъ, и незавидный парикъ, изъ подъ котораго почти на палецъ торчали волосы. Подъ конецъ передъ нимъ стоялъ большой стаканъ вина, который онъ долженъ былъ выпить за чье-то здоровье; но его высочество, при вставаньи изъ-за стола, взялъ его прочь, за что̀ молодой послѣ не зналъ какъ благодарить. Пока убирали столы, императоръ говорилъ о чемъ-то съ императрицею, а его высочество разговаривалъ съ дамами. Въ это время я увидѣлъ и дочь вдовствующей царицы; за обѣдомъ мнѣ не было ея видно, и потому не знаю, сидѣла ли она за столомъ. Когда наконецъ комнату опростали и вымели, невѣста помѣстилась опять подъ балдахинъ, подъ которымъ сидѣла во время стола; подлѣ нея, съ лѣвой стороны, сѣла опять императрица, а съ правой—княгиня Меншикова; генеральша же Балкъ, сидѣвшая за обѣдомъ возлѣ государыни, уступила теперь свое мѣсто дочери вдовствующей царицы и сѣла рядомъ съ княгиней Меншиковой, вмѣстѣ съ другою посаженою сестрою. Танцы начали маршалъ съ невѣстою и два шафера—одинъ съ княгинею Меншиковою, какъ посаженою матерью, другой съ Головиною, какъ посаженой сестрою. Потомъ мар-

*) Это было извѣстный тостъ за *здравіе дѣтокъ Головина*, т. е. кораблей Русскаго флота.

шалъ танцовалъ опять съ невѣстою, а два другихъ шафера съ государынею и съ г-жею Балкъ. Послѣ нихъ должны были танцовать: женихъ съ невѣстою, князь Меншиковъ, какъ отецъ, съ своею супругою, какъ матерью, и старый Бутурлинъ, какъ братъ, съ г-жею Головиною (своею родною дочерью), какъ сестрой; потомъ опять женихъ съ невѣстою, императоръ, какъ отецъ, съ императрицею, какъ съ матерью, и князь Голицынъ, какъ братъ, съ г-жею Балкъ, какъ съ сестрой. Весело было смотрѣть на этотъ танецъ: женихъ и невѣста собственно не танцовали, а тащили другъ друга какъ сонные, переваливаясь съ ноги на ногу; напротивъ, государь и государыня исполняли всѣ па, какъ самые молодые люди, и дѣлали по три круга, пока тѣ едва оканчивали одинъ. Государыня, впрочемъ, танцуетъ такъ только съ государемъ; съ другими же она просто ходитъ. Слѣдующія за тѣмъ пары были: дружка съ одною изъ подругъ невѣсты и два шафера съ другими дѣвицами; потомъ опять дружка съ другою подругою невѣсты и опять два шафера съ своими дамами. Этимъ кончились такъ-называемые церемоніальные танцы, о которыхъ считаю не лишнимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ. Дамы, какъ и въ Англійскихъ танцахъ, становятся по одну, а кавалеры по другую сторону; музыканты играютъ сначала родъ погребальнаго марша, въ продолженіе котораго кавалеръ и дама первой пары сперва кланяются (дѣлаютъ *реверансы*) своимъ сосѣдямъ и другъ другу, потомъ берутся за руки, дѣлаютъ кругъ влѣво и становятся опять на свое мѣсто. Такта они не соблюдаютъ при томъ никакого, а только, какъ сказано, ходятъ и отвѣшиваютъ зрителямъ поклоны. Прочія пары, одна за другою, дѣлаютъ тоже самое. Но когда эти туры оканчиваются, начинаютъ играть Польскій, и тогда уже всѣ танцуютъ какъ слѣдуетъ, и тѣмъ кончаютъ. Послѣ шести церемоніальныхъ танцевъ маршалъ ударилъ нѣсколько разъ своимъ жезломъ и провозгласилъ, что теперь предоставляется танцовать всѣмъ и каждому. Поэтому его высочество, немного погодя, подошелъ къ императрицѣ и пригласилъ ее на Польскій. Ея величество тотчасъ же охотно согласилась. Вмѣстѣ съ ними танцовалъ князь Меншиковъ съ г-жею Балкъ. Послѣ того камеръ-юнкеръ Балкъ танцовалъ менуэтъ съ старшею Головкиною, которая затѣмъ выбрала его высочество, а его высочество потомъ невѣсту, танцовавшую весьма неловко: казалось, она боялась потерять что-нибудь изъ своихъ украшеній, и потому постоянно держалась очень прямо. На головѣ у нея было что-то въ родѣ короны и еще много драгоцѣнныхъ камней, которые при свѣчахъ ярко горѣли и очень шли къ ней, потому что она брюнетка и довольно бѣла лицомъ. Ея величество императрица была одѣта необыкновенно великолѣпно; но особенно былъ хорошъ голов-

ной ея уборъ, въ которомъ сіяла императорская корона. Когда дочь вдовствующей царицы вышла въ ближайшую комнату, государыня просила его высочество сѣсть на ея мѣсто и много съ нимъ разговаривала. Герцога очень часто приглашали на танцы; но всякій разъ, когда они оканчивались, ея величество снова подзывала его, и онъ опять садился возлѣ нея. Императоръ во все это время сидѣлъ недалеко отъ входныхъ дверей, но такъ, что могъ видѣть танцовавшихъ; около него сидѣли всѣ вельможи, но его величество большею частію разговаривалъ съ ген.-фельдцейхмейстеромъ Брюсомъ, сидѣвшимъ подлѣ него съ лѣвой стороны. Покамѣстъ его высочество танцовалъ два раза сряду англезъ, дочь вдовствующей царицы возвратилась и сѣла на прежнее свое мѣсто. Но лишь только танецъ кончился, императрица опять подозвала къ себѣ герцога; тогда невѣста должна была встать изъ-подъ балдахина, гдѣ сидѣла направо отъ государыни, и уступить свое мѣсто его высочеству, а сама сѣсть дальше. Это обстоятельство немало обратило на себя вниманіе Русскихъ, которые вообще замѣчаютъ всѣ мелочи въ отношеніяхъ императора и императрицы къ его высочеству. Вскорѣ послѣ того к.-юнк. Балкъ пригласилъ принцессу на Польскій. Всѣ дамы встали, когда она начала танцовать, а когда поравнялась съ мѣстомъ, гдѣ сидѣла государыня, и сдѣлала поклонъ, его высочество также всталъ и уже не садился до самаго окончанія танца. Въ 8 часовъ государыня подошла къ государю и, лаская, поцѣловала его нѣсколько разъ въ лобъ. Его величество всталъ, и затѣмъ тотчасъ начался обыкновенный прощальный танецъ, который отъ прежде-упомянутыхъ танцевъ отличается тѣмъ, что танцуютъ, во-первыхъ, не три, а пять паръ; во-вторыхъ, что маршалъ съ своимъ жезломъ танцуетъ впереди и всѣ должны слѣдовать за нимъ, и наконецъ, въ третьихъ, тѣмъ, что Польскій начинается тотчасъ же. Во время этого танца всѣ шаферы держатъ въ рукахъ восковыя свѣчи, съ которыми обыкновенно провожаютъ танцующихъ въ спальню невѣсты; но такъ какъ женихъ жилъ не въ этомъ домѣ, а въ домѣ своего отца, то они проводили такимъ образомъ молодыхъ только до кареты, за которою поѣхали и всѣ свадебные чины. Его высочество, при послѣднемъ танцѣ, пригласилъ на эту прогулку г-жу Лопухину и хотѣлъ было вмѣстѣ съ нею слѣдовать за обществомъ въ домъ жениха; но она не согласилась, и герцогъ, по представленію камергера Нарышкина, рѣшился отправиться домой. По настоящему, государынѣ, какъ посаженой матери, слѣдовало отвезти домой жениха и невѣсту; но ея величество отказалась отъ этого, потому что ѣхать было слишкомъ далеко (отъ дворца до дома жениха около полумили). Государь однакожъ, кажется, поѣхалъ туда вмѣстѣ съ другими. Вѣроятно, у

жениха не обошлось безъ новаго угощенія, тѣмъ болѣе, что новобрачный, какъ я уже говорилъ прежде, долженъ лечь въ постель вполнѣ на-веселѣ. У выхода его высочество простился съ императрицей и уѣхалъ домой.

Замѣчательно было сегодня еще вотъ что. Императоръ приказалъ собраться въ зданіи Сената всѣмъ маскамъ, которыя почему-либо не явились туда въ прошедшее Воскресенье, чтобы исполнить не исполненное ими, т. е. выпить столько же, сколько выпили другіе. Для этого были назначены два особые маршала, оберъ-полиціймейстеръ и деньщикъ Татищевъ, которымъ было поручено смотрѣть, чтобы ни одинъ изъ гостей, кто бы онъ ни былъ, не возвратился домой трезвымъ, о чемъ эти господа, говорятъ, и позаботились какъ нельзя лучше. Разсказываютъ, что тамъ было до тридцати дамъ, которыя потомъ не могли стоять болѣе на ногахъ и въ этомъ видѣ отосланы были домой. Многимъ изъ нихъ это удовольствіе не обошлось безъ головной боли и другихъ непріятностей. Приказаніе императора было такъ строго, что ни одна дама не осмѣлилась остаться дома. Нѣкоторыя хотѣли отговориться болѣзнію, и въ самомъ дѣлѣ были больны какъ сегодня, такъ и въ прошедшее Воскресенье; но это ничего не помогло: онѣ должны были явиться. Хуже всего притомъ было то, что имъ напередъ объявили, что ихъ собираютъ единственно только для того, чтобъ напоить за неявку въ прошедшее Воскресенье. Онѣ очень хорошо знали, что вина будутъ дурныя и еще, пожалуй, по здѣшнему обыкновенію, съ примѣсью водки, не говоря уже о большихъ порціяхъ чистой простой водки, которыя имъ непремѣнно предстояло выпить. Добрая маршальша Олсуфьева, родомъ Нѣмка *) женщина очень милая и кроткая, до того приняла все это къ сердцу, что сегодня утромъ преждевременно разрѣшилась отъ бремени. Когда ей наканунѣ объявили приказаніе императора, она тотчасъ отправилась ко двору и всеподданнѣйше просила императрицу избавить ее отъ обязанности ѣхать въ Сенатъ; но ея величество отвѣчала, что это не отъ нея зависитъ, что на то воля государя, отъ которой онъ ни за что не отступитъ. Маршальша, обливаясь горькими слезами, начала представлять, что она не изъ каприза оставалась въ прошедшее Воскресенье дома, что уже болѣе недѣли не выходитъ со двора, что беременна въ послѣднемъ періодѣ и что ей крайне вредно пить и подвергаться дурнымъ отъ того послѣдствіямъ. Тогда императрица пошла къ императору и умоляла его избавить маршальшу на этотъ разъ

---

*) Супруга Василія Дмитріевича Олсуфьева, была урожденная Голеодеръ. Ее звали Евою. П. Б.

отъ обязанности быть въ Сенатѣ. Онъ отвѣчалъ, что охотно сдѣлалъ бы это для нея, но что никакъ не можетъ, по причинѣ другихъ знатныхъ Русскихъ дамъ, которымъ Нѣмцы и безъ того уже такъ ненавистны, что такое снисхожденіе еще болѣе усилило бы непріязнь къ иностранцамъ. Императрица возвратилась съ этимъ отвѣтомъ, и бѣдная маршальша такъ терзалась во всю ночь, что на другое утро разрѣшилась мертвымъ младенцемъ, котораго, говорятъ, прислала ко двору въ спирту. Вотъ случай, мнѣ извѣстный; кто знаетъ, сколько, можетъ быть, было еще и другихъ подобныхъ? Здѣшнія дамы готовятся къ новому маскараду, который, говорятъ, будетъ въ Москвѣ, и поэтому сегодня рано утромъ собирались въ кофейнѣ, по ту сторону рѣки, въ своихъ новыхъ костюмахъ, для предварительнаго ихъ осмотра. Одинъ изъ нашихъ людей встрѣтилъ полковницу Кампенгаузенъ въ полномъ парадѣ; по его описанію, она, должно быть, была очень смѣшна въ сапогахъ со шпорами и съ большимъ старомоднымъ шарфомъ черезъ плечо. Такъ какъ она очень мала ростомъ и ужасно толста, то я не могу вообразить себѣ ничего уморительнѣе ея фигуры въ подобномъ костюмѣ. Она также одна изъ бывшихъ сегодня вечеромъ въ Сенатѣ, и, говорятъ, воротилась домой какъ нельзя болѣе на-веселѣ. Поѣдемъ ли мы въ Москву и увидимъ ли тамошнія увеселенія, неизвѣстно: его высочество до сихъ поръ не получалъ еще приглашенія. Вотъ почему у насъ и не дѣлается никакихъ приготовленій къ путешествію, между тѣмъ какъ другіе уже давно отправили въ Москву свои вина и разныя вещи.

2. Императоръ рано утромъ уѣхалъ въ Кронштатъ. Такъ какъ посланникъ Кампредонъ сказалъ вчера т. с. Бассевичу у бар. Мардефельда (у котораго они обѣдали), что желалъ бы представиться сегодня его высочеству, то тайный совѣтникъ предувѣдомилъ о томъ герцога, и всѣмъ кавалерамъ велѣно было явиться ко двору въ половинѣ двѣнадцатаго. Около двѣнадцати часовъ посланникъ пріѣхалъ и имѣлъ аудіенцію въ пріемной комнатѣ. Визитъ его былъ à la française, очень короткій, послѣ чего онъ уѣхалъ вмѣстѣ съ т. с. Бассевичемъ, котораго еще вчера пригласилъ къ себѣ обѣдать. При дворѣ обѣдали пріѣхавшій недавно съ Кампредономъ изъ Швеціи ген. Вангерсгеймъ, в.-адм. Вильстеръ и полковн. Дёрингъ. Вечеромъ его высочество ужиналъ у Штамке.

3. Императоръ возвратился изъ Кронштата, куда ѣздилъ только для осмотра присланнаго изъ Голландіи новаго фрегата, который строился тамъ по изготовленному здѣсь рисунку. Говорятъ, его величество остался имъ вовсе недоволенъ и будто бы сказалъ, что такой фрегатъ, даже еще лучше, онъ могъ бы приказать выстроить и здѣсь.

Его высочество въ этотъ день вовсе не выѣзжалъ со двора и оставался, съ своимъ обыкновеннымъ обществомъ, на верху, въ опроставшихся комнатахъ т. с. Клауссенгейма.

4. Передъ обѣдомъ, графъ Кинскій присылалъ къ его высочеству своего совѣтника (посольства) съ приглашеніемъ на слѣдующій день къ обѣду. По случаю тезоименитства императора Римскаго, своего государя, онъ хотѣлъ было сдѣлать этотъ обѣдъ сегодня; но императоръ (Петръ Великій), удостоившій также принять приглашеніе графа, просилъ его подождать до завтра. Императрица извинилась, что не можетъ быть у него, по случаю свадьбы князя Трубецкаго, на которую обѣщалась пріѣхать, но сказала, что оставляетъ себѣ удовольствіе посѣтить его съ своею свитою въ другой день. Послѣ обѣда пріѣзжали къ его высочеству два капитана гвардіи съ приглашеніемъ на свадьбу князя Трубецкаго (на завтра къ вечеру). Его высочество отвѣчалъ имъ, что обѣщался уже завтра обѣдать у императорскаго министра, графа Кинскаго, гдѣ будетъ также и государь, но что пріѣдетъ на свадьбу вслѣдъ за его величествомъ. Вечеромъ его высочество ужиналъ у Штенфлихта, гдѣ было только близкое общество.

Въ этотъ день при нашемъ дворѣ совершилась перемѣна, именно велѣно впредъ готовить на кухнѣ кушанья только для герцогскаго стола, состоящаго обыкновенно изъ 16-ти блюдъ, а если его в—ство наканунѣ вечеромъ объявитъ, что на другой день не будетъ кушать дома, то приготовлять только 7 блюдъ для придворныхъ кавалеровъ. Вслѣдствіе того пажамъ, которые прежде имѣли столъ при дворѣ, положены столовыя деньги, по 12-ти рублей въ мѣсяцъ, а служанкамъ, кам.-лакеямъ, обоимъ валторнистамъ и лакеямъ, также получившимъ кушанья въ продолженіе недѣли, прибавлено жалованья, чѣмъ всѣ они были очень довольны; герцогъ же сберегалъ этимъ способомъ значительную сумму. Прежде, подъ предлогомъ, что нужно кормить столько людей и что изъ дому посылаются кушанья больнымъ кавалерамъ, выходило всего неимовѣрно много. Такъ, напримѣръ, возможно ли, чтобы на столъ герцога, для котораго готовилось по 16-ти блюдъ только разъ въ день, и на столъ трехъ пажей, двухъ кам.-лакеевъ, двухъ валторнистовъ, обѣдавшихъ вмѣстѣ, и двухъ-трехъ служанокъ (три дежурныхъ лакея и остальные получали кушанье съ герцогскаго стола) вышло въ три мѣсяца 75 каплуновъ, 97 гусей, 1569 куръ, 372 утки, 84 тетерева, 435 рябчиковъ, не считая прочаго мяса, рыбы и овощей? Дюваль получалъ 800 рублей въ мѣсяцъ; но этого, по его словамъ, было недостаточно, и онъ требовалъ впередъ 1000, между тѣмъ какъ фунтъ говядины, говорятъ, стоитъ только двѣ копѣйки. Вотъ почему и послѣдовало помянутое распоряженіе. Гофмейстеръ Дюваль былъ имъ очень

недоволенъ я просилъ увольненія; однакожъ до сихъ поръ это еще ничѣмъ не кончилось. Вечеромъ герцогъ кушалъ со своимъ обыкновеннымъ обществомъ у Штамке. Общество это состоитъ изъ его высочества, изъ конференціи - совѣтника, изъ Штенфлихта, Штамке и Бонде. Оно началось вскорѣ послѣ Кронштатской поѣздки, когда засѣданія тостъ-коллегіи были пріостановлены, причемъ я потерялъ немало, потому что послѣ того мнѣ рѣдко приходилось поужинать. Собираются они или у посланника Штамке, или у ген. Штенфлихта, а иногда и въ домѣ герцога, въ незанятыхъ комнатахъ, въ которыхъ жилъ г. Клауссенгеймъ; впрочемъ очень рѣдко, потому что тамъ нѣтъ печей. У Альфельда и Бонде не собираются по той причинѣ, что первый живетъ въ гостиницѣ (im einem Weinhause), а второй имѣетъ только одну маленькую комнату въ квартирѣ ген. Штенфлихта. Собранія эти бываютъ всегда черезъ день (если не препятствуетъ тому праздникъ или что-нибудь другое), именно въ тѣ дни, когда дежуритъ полковникъ гр. Бонде; тогда к.-юнкеръ и я должны оставаться дома, чтобы у нихъ было болѣе свободы веселью и шуткамъ съ *княземъ дукомъ* (Knes-Duc), какъ называютъ Альфельда. Для меня это, конечно, хорошіе дни, потому что я большею частію въ 6 часовъ бываю уже свободенъ, тогда какъ другіе, напр., Сальдернъ и Эдеръ, должны оставаться на дежурствѣ до поздней ночи; однакожъ, признаюсь, охотно отказался бы отъ своего преимущества, еслибъ только могъ чаще и дольше находиться при герцогѣ. Но такъ какъ этого не должно быть, а я увѣренъ, что его высочество не имѣетъ ничего противъ меня (потому что когда мнѣ случается дежурить за Эдера съ полковн. Лорхомъ и Сальдерномъ, меня всюду берутъ съ собою и ночью отпускаютъ не прежде другихъ), то я въ такіе дни, по вечерамъ, спокойно провожу время у знакомыхъ, или читаю и пишу дома.

5. Около 11-ти часовъ утра, я отправился ко двору слушать проповѣдь, но поспѣлъ уже къ концу ея, потому что его высочество, тотчасъ послѣ 11-ти часовъ, собирался ѣхать къ Кинскому; обыкновенно же богослуженіе рѣдко начинается до 11-ти или половины 12-го. Когда проповѣдь кончилась, кто-то вошелъ въ залу и сказалъ, что вода сильно поднимается. Я вышелъ на крыльцо и немало удивился, увидѣвъ, что она уже выступаетъ изъ канала, находящагося передъ нашимъ домомъ, и все болѣе и болѣе затопляетъ лежащій по ту сторону лугъ. Это тотчасъ возбудило опасенія тѣхъ, которые уже испытали опасность отъ наводненія въ особенности г.-м. Штенфлихта и полковн. Бонде, живущихъ такъ низко, что вода, при малѣйшемъ повышеніи, всегда заливаетъ ихъ дворъ. Ближайшій ихъ сосѣдъ, посланникъ Штамке, также терпитъ немало отъ наводненій; въ прошедшее

лѣто по его двору не разъ можно было ѣздить на лодкахъ, на которыхъ перевозили къ нему и кушанья изъ кухни, находящейся на задней половинѣ дома. Такъ какъ этимъ господамъ очень хотѣлось знать, чтò происходитъ у нихъ дома, то и я послѣдовалъ за ними; но уже не было возможности попасть на мостъ, черезъ который имъ слѣдовало идти; поэтому мы скоро воротились, и я отправился къ каммеррату Негелейну, не являвшемуся къ проповѣди, чтобы извѣстить его о наводненіи. Безъ того ему пришлось бы, можетъ быть (какъ это случилось съ г. Альфельдомъ), просидѣть цѣлый день на чердакѣ: онъ сначала не хотѣлъ выходить со двора, а послѣ и не могъ бы, потому что вскорѣ вода вдругъ съ необыкновенною силою стала проникать въ улицы и дома. Отъ него я пошелъ немного далѣе къ ближайшимъ каналамъ, чтобы посмотрѣть какъ, поднимается вода. На маленькомъ каналѣ (между Почтовымъ домомъ и домомъ нашего герцога), гдѣ обыкновенно, до востребованія, стоятъ небольшія суда, я увидѣлъ прекрасную барку, которую совершенно затопило: привязанная слишкомъ коротко, она не могла отъ напора волнъ подняться вверхъ. Здѣсь въ эту минуту старались вытащить изъ воды одного изъ слугъ маіора Румянцова, который, желая спасти судно своего господина, также слишкомъ коротко привязанное, нечаянно упалъ въ воду и утонулъ. Это было для меня первое печальное зрѣлище, слѣдствіе несчастнаго наводненія. Пройдя еще нѣсколько далѣе, я былъ пораженъ опасностью, какую увидѣлъ по ту сторону рѣки; тамъ вода доходила уже до оконъ кофейнаго дома, стоящаго близко отъ берега. Съ ужасомъ смотрѣлъ я на разныя суда, оторванныя вѣтромъ и уносимыя бурными волнами. Однакожъ мнѣ нельзя было долго оставаться: вода, какъ скоро выступила изъ каналовъ, начала преслѣдовать меня со всѣхъ сторонъ и принудила сойти съ улицы, откуда я поспѣшилъ опять въ домъ герцога, чтобы взглянуть чтò тамъ дѣлается. Къ счастію, я утромъ надѣлъ сапоги (чтò дѣлаю весьма рѣдко), иначе не дошелъ бы не промочивши ногъ. При входѣ на герцогскій дворъ, я нашелъ всѣхъ людей за работой: вытаскивали изъ погребовъ все, чтò было можно, потому что вода уже лилась туда со всею силою; но скоро она поднялась до того, что никто, изъ боязни утонуть, не рѣшался болѣе спускаться въ погреба. Въ подземныхъ комнатахъ въ тоже время начало поднимать къ верху полы; а какъ всѣ лакеи, кухонный писецъ, мундшенкъ и многіе другіе имѣли свои комнаты подъ землею, откуда бòльшею частію не успѣли вынести своего имущества, то всюду раздавались вопли и жалобы. Не смотря на все это, его королевское высочество все-таки приказалъ закладывать лошадей (ѣхать, водою, по причинѣ сильной бури, не было возможности), чтобы отправиться, по обѣща-

нію, къ Кинскому. Всѣ представленія, что туда доѣхать невозможно при наводненіи, когда и въ хорошую погоду дорóга къ графу дурна какъ нельзя больше, что если и доѣдешь, то воротиться оттуда можно только при скоромъ пониженіи воды, что его высочество, въ противномъ случаѣ, рискуетъ остаться у Кинскаго и довольствоваться на ночь плохою постелью, что обстоятельства достаточно извиняютъ его высочество, все это ничего не помогло: герцогъ отвѣчалъ, что если не доѣдетъ, то воротится, и отправился съ тайнымъ совѣтникомъ Геспеномъ, полковн. Лорхомъ и подполковн. Сальдерномъ въ своей большой каретѣ, шестернею. Тайный совѣтникъ Бассевичъ былъ дома, предувѣдомивъ герцога еще до наводненія, что будетъ ожидать проѣзда его высочества мимо своей квартиры, и тогда послѣдуетъ за нимъ, чтò и исполнилъ. Его высочество однакожъ скоро принужденъ былъ воротиться потому что на проспектѣ снесло уже небольшіе мосты; но такъ какъ онъ не могъ опять доѣхать до своего дома, то отправился вмѣстѣ съ Голландскимъ резидентомъ Вильде, котораго встрѣтилъ на дорогѣ, къ т. с. Бассевичу, гдѣ они рѣшились ждать уменьшенія воды.

Между тѣмъ, покамѣстъ его в—ство находился у т. совѣтника, съ женою Голландскаго резидента случилось странное происшествіе. Когда мужъ ея уѣхалъ къ Кинскому, она стояла у окна и смотрѣла, какъ поднимается вода; въ это время вдругъ возлѣ ихъ дома обрушился заборъ. Бѣдная женщина, увидѣвъ это, вообразила, что тотчасъ развалится и весь домъ; въ испугѣ она начала звать своего кучера и кричать, чтобъ онъ подвелъ одну изъ каретныхъ ея лошадей, на которую и спустилась изъ окна. Такъ какъ домъ ихъ очень близко отъ нашего, то т. с. Бассевичъ видѣлъ издали весь этотъ процессъ, но не могъ хорошенько разглядѣть, кто именно выходилъ изъ окна; наконецъ бригадиръ Ранцау первый узналъ резидентшу, побѣжалъ ей на встрѣчу, снялъ ее съ лошади и полумертвую отъ страха и холода принесъ въ домъ тайнаго совѣтника, откуда она потомъ послала за чистымъ бѣльемъ, чтобъ переодѣться. Презабавно разсказывала она на своемъ Голландскомъ языкѣ, какъ рѣшилась выйти изъ дому, какимъ образомъ очутилась на лошади и какъ глубоко была въ водѣ. За нѣсколько дней передъ тѣмъ она имѣла несчастіе лишиться единственнаго сына, грудного младенца, котораго сама кормила; поэтому надобно было опасаться, что это холодное купанье ей очень повредитъ; однакожъ до сихъ поръ она какъ ни въ чемъ не бывало, весела и здорова. Г-жа Вильде, молодая веселая женщина, и недурна собою.

Но возвращаюсь къ водѣ, чтобы разсказать вкратцѣ, чтò еще случилось замѣчательнаго въ этотъ день. Послѣ отъѣзда его вы—ства въ половинѣ 12-го, вода все продолжала подниматься, и мы немало

безпокоились о герцогѣ, пока наконецъ не получали извѣстія, что онъ у т. с. Бассевича. Между тѣмъ, такъ какъ вода проникла въ конюшни и опасались, что она еще болѣе поднимется (чтò и случилось), отчего обѣ остальныя каретныя и три верховыя лошади его высочества могли утонуть въ стойлахъ, то мы, хоть и не безъ труда, поспѣшили провести ихъ наверхъ, сдѣлавъ наскоро изъ двухъ комнатъ конюшню. Изъ дома его высочества можно было видѣть все, чтò происходило на рѣкѣ. Невозможно описать, какое страшное зрѣлище представляло множество оторванныхъ судовъ, частію пустыхъ, частію наполненныхъ людьми; они неслись по водѣ, гонимыя бурею, навстрѣчу почти неминуемой гибели. Со всѣхъ сторонъ плыло такое огромное количество дровъ, что можно было бы въ одинъ этотъ день наловить ихъ на цѣлую зиму; вѣроятно, многіе и сдѣлали это, потому что, сколько я знаю, Русскіе не щадятъ ничего, если идетъ дѣло о какой-нибудь прибыли. На дворѣ герцога вода, при самомъ большомъ ея возвышеніи, доходила лошадямъ по брюхо; на улицахъ же почти вездѣ можно было ѣздить на лодкахъ. Вѣтеръ былъ такъ силенъ, что срывалъ черепицы съ крышъ, отчего мундшенкъ Кей Сиверсъ едва не лишился жизни. Когда онъ стоялъ около двери, въ квартирѣ каммеррата Негелейна, одна изъ такихъ черепицъ упала ему прямо на голову и непремѣнно убила бы его до смерти, если бъ на немъ не было большой мѣховой шапки; однакожъ ему все-таки пробило на головѣ большую дыру, отъ которой онъ упалъ безъ чувствъ. Около половины второго часа вода начала наконецъ уменьшаться, а въ половинѣ третьяго его королевское высочество благополучно возвратился домой, но, чтобы попасть въ свою комнату, долженъ былъ пройти черезъ новоустроенную конюшню. Съ герцогомъ пріѣхали т. с. Геспенъ, подполковн. Сальдернъ, полковн. Лорхъ, ассессоръ Сурландъ и поручикъ Бассевичъ; но ассессоръ тотчасъ опять уѣхалъ къ т. совѣтнику, вѣроятно только потому, что тамъ была молодая резидентша (которая осталась обѣдать у т. совѣтника). Послѣ я узналъ, что для этого обѣда имъ приносили кушанья изъ трехъ домовъ, именно отъ двора [1]), отъ резидентши и отъ т. совѣтника, и что все-таки ничего не осталось. Каммерратъ Негелейнъ также наконецъ возвратился въ каретѣ т. сов. Геспена, которую остановилъ передъ своею квартирою: онъ только на минуту ѣздилъ верхомъ домой, чтобы взглянуть, хорошо ли его Мардефельдъ (такъ зовутъ его писца) сберегъ все отъ воды, и по возвращеніи разсказывалъ, что въ его комнатѣ весь полъ былъ поднятъ водою. Часа въ три его высочество сѣлъ за столъ, за которымъ пробылъ необыкновенно

[1]) Т. е. изъ дома герцога Голштинскаго.

долго, заставивъ насъ, несчастныхъ, цѣлый день почти ничего не ѣвшихъ, ждать до шести часовъ. Послѣ обѣда, часовъ въ семь, я отправился съ т. с. Геспеномъ, коммерратомъ Негелейномъ и поручикомъ Бассевичемъ домой и дошелъ, съ обоими послѣдними, почти не замочивши ногъ. Мы застали у т. совѣтника Голландскаго резидента съ женою, бригадира Ранцау и конференціи-совѣтника Альфельда, который цѣлый день просидѣлъ на своемъ чердакѣ, терпя голодъ и жажду. Вскорѣ послѣ моего прихода оба тайные совѣтника, отъ имени его высочества, послали меня въ домъ императора узнать, возвратился ли его величество, или по крайней мѣрѣ, нѣтъ ли о немъ какого-нибудь извѣстія? Говорили, что онъ, еще до большаго наводненія, поѣхалъ къ Кинскому и что императрица во весь день не имѣла о немъ никакихъ извѣстій, хотя и разослала трехъ курьеровъ, изъ которыхъ одинъ, какъ меня увѣряли, утонулъ въ длинной аллеѣ [2]), не замѣтивъ, что тамъ снесло мостъ. Въ домѣ императора мнѣ стоило немало труда отъискать человѣка, говорящаго по-нѣмецки, и когда мнѣ наконецъ удалось это, я получилъ въ отвѣтъ, что его величество уже съ часъ какъ воротился отъ Кинскаго и почиваетъ. Довольный этимъ отвѣтомъ, я поспѣшилъ назадъ, и очень обрадовалъ имъ нашихъ тайныхъ совѣтниковъ. Около 9-ти часовъ я проводилъ домой резидентшу и, возвратясь, легъ спать ранѣе обыкновеннаго. Для т. с. Геспена приготовили постель въ одной изъ комнатъ т. совѣтника (Бассевича), потому что онъ не могъ отправиться къ себѣ. Посланникъ Штамке, ген. Штенфлихтъ и графъ Бонде ночевали при дворѣ, въ порожнихъ комнатахъ т. с. Клауссенгейма, точно также не имѣвъ возможности, по причинѣ наводненія, попасть на свои квартиры. Его высочество вечеромъ ходилъ къ нимъ наверхъ и оставался тамъ довольно долго.

6. Былъ день рожденія т. с. Бассевича, который онъ однакожъ такъ скрывалъ, что я, хотя и жилъ въ его домѣ, узналъ объ этомъ только тогда, когда его высочество приказалъ закладывать лошадей, чтобы ѣхать къ тайному совѣтнику. Передъ самымъ отъѣздомъ его высочество еще разъ получилъ приглашеніе пріѣхать на слѣдующій день, въ часъ пополудни, со всею свитою, на свадьбу ген.-м. князя Трубецкого (которая въ прошедшее Воскресенье была отложена). Герцогъ, за себя лично, далъ обѣщаніе непремѣнно быть, и потомъ отправился къ т. с. Бассевичу, взявъ съ собою только графа Бонде. Я послѣдовалъ за ихъ каретою, недовольный, что не поздравилъ прежде т. совѣтника. У него я засталъ множество гостей, изъ которыхъ одни обѣдали тамъ, другіе съѣхались уже послѣ. Изъ нашихъ кавалеровъ

---

[2]) На нынѣшнемъ Невскомъ проспектѣ.

не доставало только кам.-юнк. Геклау. За обѣдомъ они довольно сильно пили и всѣ (за исключеніемъ ген. Штенфлихта и полковн. Лорха, которые за столомъ поссорились) были очень веселы. Причина ссоры этихъ господъ была слѣдующая. Гости сидѣли еще не долго за обѣдомъ и едва роспили нѣсколько стакановъ, какъ г.-м. Штенфлихтъ, по обыкновенію своему, началъ требовать большихъ бакаловъ; полковникъ же Лорхъ, заклятый врагъ попоекъ и въ особенности большихъ стакановъ, сказалъ на это (какъ онъ послѣ увѣрялъ, только въ шутку), что генералъ можетъ и одинъ пить изъ большаго бокала. Слова эти такъ разсердили Штенфлихта, что онъ наговорилъ полковнику грубостей, тотчасъ всталъ изъ-за стола и ушелъ. Послѣ, когда пріѣхалъ его высочество, онъ, правда, возвратился, но опять ушелъ очень скоро. Вечеромъ накрыли столъ на 16 приборовъ, за который помѣстилось все общество. За ужиномъ много пѣли и пили, а по окончаніи его и танцовали. Около 11-ти часовъ его королевское высочество отправился домой, передъ чѣмъ, на прощаньи, обнималъ всѣхъ насъ весьма милостиво. Послѣ того мы съ каммерратомъ Негелейномъ отвезли домой посланника Штамке, который былъ крѣпко на-веселѣ. Возвращаясь къ себѣ въ намѣреніи тотчасъ лечь спать, я услышалъ, что у т. с. Бассевича еще очень шумно, и потому пошелъ опять къ нему. Я засталъ въ сборѣ всѣхъ его слугъ, которые весело пили и большею частію были уже порядочно пьяны. Такъ какъ въ этотъ день всѣ мы имѣли причину веселиться и радоваться, то я, для ободренія прислуги, такъ напился, какъ давно ужъ мнѣ не случалось; всѣ слуги, женщины и мущины, пили съ такимъ одушевленіемъ, что, вѣроятно, добрались до своихъ постелей не въ лучшемъ видѣ, чѣмъ я. Т. совѣтнику это доставило несказанное удовольствіе; онъ подарилъ каждому изъ нихъ по червонцу, а камердинеру своему далъ пять. Такимъ образомъ отпраздновали мы день рожденія т. совѣтника, которому пошелъ 44-й годъ.

7. Послѣ обѣда его королевское высочество былъ на свадьбѣ князя Трубецкаго *), человѣка уже пожилого и имѣющаго внучатъ 8-ми и 9-ти лѣтъ. Невѣста же его, одна изъ красивѣйшихъ и пріятнѣйшихъ женщинъ въ Петербургѣ, не старѣе двадцати лѣтъ. Она урожденная Головина, родная дочь старика Ивана Михайловича. Когда герцогъ въ первый разъ подъѣзжалъ къ дому князя, женихъ только-что поѣхалъ за невѣстой; поэтому его высочество остался нѣсколько времени въ длинной аллеѣ, которая недалеко оттуда, и ужъ подъѣзжая къ нему во второй разъ, встрѣтилъ жениха и невѣсту, ѣхавшихъ,

*) Сенатора князя Юрія Юрьевича Трубецкаго.

въ сопровожденіи множества экипажей, въ каретѣ императрицы, шестернею. Передъ нимп ѣхалъ маршалъ съ своимъ жезломъ, въ открытомъ четырехколесномъ кабріолетѣ, въ 6 лошадей, а передъ нимъ 12 шаферовъ, верхомъ, при звукахъ трубъ и литавръ. Его королевское высочество былъ принятъ тамъ по обыкновенію и провелъ время очень весело. Все вообще было гораздо порядочнѣе и лучше, нежели на обѣихъ предшествовавшихъ свадьбахъ. Этому, вѣроятно, много способствовала дочь хозяина дома, княгиня Черкасская, которая живетъ въ Петербургѣ не только богаче всѣхъ другихъ, но и сообразнѣе своему званію. У нея свой оркестръ, состоящій изъ десяти довольно хорошихъ музыкантовъ, Нѣмецкій кухмистеръ, готовящій для ея стола Нѣмецкія кушанья, и все остальное въ домѣ устроено соотвѣтственно тому. Собою она необыкновенно хороша и имѣетъ множество превосходнѣйшихъ драгоцѣнныхъ камней, которые стоитъ посмотрѣть. Мужъ ея губернаторомъ въ Сибири, гдѣ находится и теперь; человѣкъ онъ также уже довольно пожилой, почему и надобно полагать, что его отсутствіе ей не очень чувствительно. Въ этотъ день начало собираться общество, основанное барономъ Мардефельдомъ, графомъ Кинскимъ, Кампредономъ и т. с. Бассевичемъ, которые положили сходиться другъ у друга четыре раза въ недѣлю, начиная съ обѣда, а именно: по Вторникамъ у Мардефельда, по Средамъ у Кинскаго, по Четвергамъ у Кампредона, по Воскресеньямъ у Бассевича.

8. По утру всѣ кавалеры и прочіе придворные служители, по приказанію т. с. Бассевича, какъ гофмаршала, были вызваны ко двору, гдѣ посланникъ Штамке прочелъ имъ слѣдующее присланное къ т. совѣтнику постановленіе, которое его королевское высочество самъ сочинилъ и наканунѣ собственноручно написалъ:

Божіею милостію, мы Карлъ Фридрихъ, и проч. Объявляемъ симъ всѣмъ и каждому, что съ нѣкотораго времени, къ величайшему нашему неудовольствію, до насъ стали доходить слухи о спорахъ и ссорахъ, которые здѣшніе наши придворные чины позволяютъ себѣ какъ между собою, такъ и съ посторонними, и что мы, по здравому разсудку и совѣсти, не только не хотимъ, но и не можемъ терпѣть долѣе подобныхъ безпорядочныхъ, вредныхъ, недостойныхъ и ни къ чему не ведущихъ поступковъ, запрещаемыхъ во всѣхъ благоустроенныхъ государствахъ и легко могущихъ имѣть дурныя послѣдствія. Въ предупрежденіе таковыхъ, признали мы за благо объявить всѣмъ и каждому, знатному и незнатному, отъ нашихъ тайныхъ совѣтниковъ до послѣдняго изъ нашихъ слугъ, не взирая на лица и заслуги, кто бы ни былъ (sine respectu nullarum personarum sive meritorum, quisquis etiam sit), нашу твердую и непреложную волю, постановляя слѣдующее:

Считающій себя въ правѣ жаловаться на другого имѣетъ относиться или къ намъ непосредственно, или къ нашему тайному совѣту, который, по

разсмотрѣніи дѣла, доставляетъ ему удовлетвореніе или постановляетъ иное рѣшеніе. Если затѣмъ кто нибудь начнетъ ссоры или придирки, будетъ ли то въ обществѣ или нѣтъ, въ трезвомъ или нетрезвомъ видѣ, съ своими или посторонними, то тотъ лишается благоволенія и подвергается нашей немилости, при чемъ виновный въ ссорѣ съ лицомъ, состоящимъ въ нашей же службѣ, какъ достойный двойного наказанія, немедленно, *безъ всякаго оправданія и дальнѣйшаго изслѣдованія, отставляется отъ своей должности.* Если же кто забудется до того, что позволитъ себѣ подобный поступокъ даже въ нашемъ присутствіи, то, кромѣ лишенія мѣста, подвергнется еще, смотря по званію своему (гражданскому или военному) сужденію нашей правительственной канцеляріи, или военнаго суда, которые, по усмотрѣнію, опредѣляютъ дальнѣйшій ходъ дѣла.

Вмѣстѣ съ симъ предписывается всѣмъ, кому случится быть при такихъ ссорахъ, не скрывать ихъ, а напротивъ надлежащимъ образомъ доводить до нашего свѣдѣнія, подъ страхомъ *лишенія полугодоваго жалованья.* Такъ какъ все вышесказанное есть наша твердая и неизмѣнная воля, то мы въ заключеніе еще разъ отечески подтверждаемъ всѣмъ и каждому, отъ высшихъ до низшихъ, безъ всякаго исключенія, не надѣяться на нашу доброту и снисходительность, избѣгать вины и строго сообразоваться съ симъ нашимъ постановленіемъ, подъ опасеніемъ названныхъ наказаній и ихъ быстраго и точнаго исполненія. Дано въ С.-Петербургѣ, 7-го Ноября 1721 года.

(М. П.) Карлъ Фридрихъ.

Послѣ обѣда его высочество опять ѣздилъ къ князю Трубецкому, куда былъ снова приглашенъ вчера вечеромъ. Онъ былъ принятъ по обыкновенію, при звукахъ трубъ, маршаломъ (должность котораго исправлялъ опять князь Голицынъ). Ихъ величества императоръ и императрица были уже тамъ до насъ. Молодая новобрачная изъ первыхъ бросилась мнѣ въ глаза. На ней были великолѣпное, вышитое золотомъ и серебромъ, штофное платье бѣловатаго цвѣта и большой брилліантовый уборъ на головѣ и груди. Впрочемъ, лучшія изъ этихъ драгоцѣнностей, кажется, принадлежали ея падчерицѣ, княгинѣ Черкасской, которая на сей разъ была одѣта весьма просто и на головѣ имѣла только нѣсколько брилліантовъ. Новобрачная была въ этотъ день необыкновенно хороша: казалось, она очень покойно провела первую ночь съ своимъ старымъ княземъ. Молодой былъ одѣтъ просто; говорятъ, онъ большой брюзга, и я, какъ многіе, сердечно сожалѣю объ этой хорошенькой женщинѣ, которая должна проводить свои молодые годы такимъ страннымъ образомъ; да и бракъ этотъ, какъ разсказываютъ, состоялся совершенно противъ ея воли. У стараго князя, сколько я знаю, только трое дѣтей, именно княгиня Черкасская, потомъ еще другая, очень милая, незамужняя дочь и сынъ, который, говорятъ, женится въ Москвѣ на младшей Головкиной, какъ скоро

пріѣдетъ туда царская фамилія. Этотъ молодой человѣкъ покамѣстъ только деньщикомъ при императорѣ, но пользуется его расположеніемъ; онъ говоритъ по-Нѣмецки и вообще довольно хорошо образованъ *). Отецъ его имѣетъ Польскій орденъ Бѣлаго Орла. Императоръ и здѣсь, какъ всегда, былъ посаженымъ отцомъ жениха, а императрица посаженою матерью невѣсты. Въ этотъ второй свадебный день я не замѣтилъ ничего особеннаго противъ перваго дня, кромѣ развѣ того, что въ первый, при началѣ обѣда, было только два выхода — обѣихъ подругъ невѣсты и дружки, а тутъ прибавился еще одинъ, по порядку первый — выходъ новобрачнаго. Онъ вошелъ, подобно тѣмъ, предшествуемый трубачами, шаферами и маршаломъ; до его появленія, противъ его мѣста, сняли нѣсколько блюдъ и поставили, поперекъ стола, рядъ опрокинутыхъ тарелокъ, а у стола стулъ, на который молодой потомъ сталъ и по тарелкамъ прошелъ на свое мѣсто. Подойдя подъ вѣнокъ, висѣвшій надъ невѣстою, онъ сорвалъ его и, сѣвъ на мѣсто, подержалъ нѣсколько надъ ея головою, потомъ поцѣловалъ молодую и снова держалъ его ей передъ глазами и надъ головою (на все это она смотрѣла очень насмѣшливо); въ послѣдній разъ, держа вѣнокъ, онъ опустилъ его такъ низко, что стрѣлка, воткнутая въ косу новобрачной, запуталась въ немъ; его съ трудомъ наконецъ отпутали и передали одному изъ шаферовъ. Тосты за здоровье были обыкновенные. За обѣдомъ много смѣялись, частью надъ тѣмъ поручикомъ гвардіи, который можетъ такъ страшно хохотать и о которомъ я уже упоминалъ какъ-то, частью надъ старымъ Иваномъ Михайловичемъ, отцомъ невѣсты, сидѣвшимъ противъ императора, который все съ нимъ шутилъ. Кто не видалъ, тотъ не можетъ представить себѣ, какое огромное количество желе съѣдаетъ этотъ старикъ съ величайшею поспѣшностью. Онъ взялъ себѣ (я не лгу) большое блюдо, уставленное стаканами и блюдечками. Императоръ, уже знавшій его слабость, тотчасъ замѣтилъ это и велѣлъ ему открыть ротъ, а самъ всталъ съ своего мѣста, взялъ стаканъ съ желе и, отдѣливъ его ножомъ, влилъ однимъ разомъ тому въ горло, что̀ повторялъ нѣсколько разъ и даже своими руками открывалъ Ивану Михайловичу ротъ, когда онъ разѣвалъ его не довольно широко. Бѣдный дружка (молодой князь Трубецкой) также терпѣлъ немало за столомъ императрицы: лишь только государыня подавала знакъ, сестра его, княгиня Черкасская, прислуживавшая за обѣдомъ и стоявшая позади брата, начинала щекотать ему подъ шеей, а онъ всякій разъ принимался ревѣть какъ теленокъ,

---

*) Это былъ князь Никита Юрьевичъ Трубецкой, другъ Кантемира, впослѣдствіи ген.-фельдмаршалъ.

котораго рѣжутъ, что̀ гостей очень потѣшало. Послѣ обѣда начались танцы, сперва церемоніальные, точь-въ-точь какъ въ первый свадебный день, безъ всякой перемѣны. По окончаніи ихъ его высочество пригласилъ императрицу на Польскій, который продолжался довольно долго; потомъ его высочество танцовалъ съ новобрачною минуэтъ, а затѣмъ еще со многими дамами, потому что его часто выбирали. Ея величество императрица во все это время сидѣла подъ тѣмъ же балдахиномъ, подъ которымъ сидѣла и за обѣдомъ. Императоръ ходилъ взадъ и впередъ, или сидѣлъ то съ своими министрами, то съ императрицею; онъ обыкновенно помѣщался возлѣ нея съ правой стороны, а его королевское высочество, когда не танцовалъ, постоянно съ лѣвой, и ея величество (какъ почти всегда) много съ нимъ разговаривала. Императоръ былъ въ очень хорошемъ расположеніи духа: когда танцовалъ какой-то графъ (дѣлавшій сильныя движенія руками и всѣмъ тѣломъ), онъ началъ сперва сидя подражать ему, чему императрица отъ души смѣялась; потомъ, когда тотъ сталъ танцовать во второй разъ, онъ всталъ, подошелъ къ его высочеству и, показывая пальцами на танцовавшаго, повторялъ всѣ его тѣлодвиженія. Его высочество много смѣялся этому. Такъ какъ меня, между прочимъ, пригласила на менуэтъ младшая Шафирова, то я потомъ, съ своей стороны, выбралъ внуку новобрачнаго князя (дочь княгини Черкасской, лѣтъ двѣнадцати, съ которою я уже познакомился, когда мы были въ первый разъ у князя Валашскаго): это, кажется, очень понравилось императрицѣ, потому что она начала смѣяться, потомъ долго говорила съ его королевскимъ высочествомъ. По причинѣ тѣсноты въ комнатѣ, мнѣ часто приходилось танцовать близко отъ нихъ, и я очень хорошо слышалъ, что ея величество говорила обо мнѣ; герцогъ нѣсколько разъ назвалъ мою фамилію, изъ чего я и заключилъ, что императрица до тѣхъ поръ не знала меня хорошенько по имени. Всѣ были въ восторгѣ отъ моей маленькой, хорошенькой дамы, которая хоть и участвовала въ первыхъ церемоніальныхъ танцахъ, но менуэта въ этотъ вечеръ еще не танцовала. Она и въ самомъ дѣлѣ заслуживаетъ похвалъ и удивленія, потому что, для своихъ лѣтъ, танцуетъ какъ нельзя лучше; у нея, какъ и у матери, черные волосы, прекрасное правильное лицо и чудная фигура; манеры ея чрезвычайно милы *). Послѣ нѣсколькихъ часовъ танцованья императоръ началъ со всѣми стариками одинъ танецъ, котораго я не могу назвать. Ихъ было 8 или 9 паръ, а именно

*) Это была единственная дочь канцлера князя Черкасскаго, княжна Варвара, вышедшая впослѣдствіи замужъ за графа Петра Борисовича Шереметева и умножившая своимъ богатствомъ огромное состояніе Шереметевыхъ.

императоръ съ императрицею, вел. адмиралъ, новобрачный, вице-канцлеръ, князь Валашскій, ген. князь Голицынъ и другой князь Голицынъ, братъ его, который исправлялъ должность маршала. Всѣ они должны были танцовать съ молодыми дамами. Старый г.-м. Бутурлинъ и г.-маіорша Балкъ составляли девятую пару. Императоръ, будучи очень веселъ, дѣлалъ, одну за другою, капріоли обѣими ногами. Такъ какъ старики сначала путались и танецъ поэтому всякій разъ должно было начинать снова, то государь сказалъ наконецъ, что выучитъ ихъ весьма скоро, и затѣмъ, протанцовавъ имъ его, объявилъ, что если кто теперь собьется, тотъ выпьетъ большой штрафный стаканъ. Тогда дѣло пошло отлично на ладъ; но лишь только танецъ кончился и бѣдные старики, запыхавшіеся и едва стоявшіе на ногахъ отъ усталости, сѣли отдыхать, какъ императоръ снова началъ танцовать Польскій, въ которомъ они, не успѣвъ даже порядочно усѣсться, опять должны были участвовать, чѣмъ наконецъ утомилъ ихъ до того, что они, навѣрно, не оправились и на другой день. Вслѣдъ за тѣмъ его величество хотѣлъ начать менуэтъ съ императрицею, но такъ какъ она отказалась, боясь, можетъ быть, чтобы это ему не повредило и, вѣроятно, сама чувствуя усталость, то онъ взялъ ее подъ руку, пожелалъ всѣмъ спокойной ночи и уѣхалъ съ величайшею поспѣшностью. За ними, простясь съ новобрачными и дѣтьми князя, уѣхалъ и его высочество. Было около половины десятаго, когда онъ возвратился домой. Въ 11 часовъ тайный совѣтникъ Бассевичъ пріѣхалъ отъ Кинскаго (у котораго въ тотъ день въ первый разъ собиралось новоучрежденное общество), и только что раздѣлся, какъ къ нему пришли Ягужинскій, Румянцовъ и Татищевъ, которые просидѣли у него до трехъ часовъ утра. Они проводили время за картами и бутылкой вина. Т. совѣтникъ выигралъ наконецъ одинъ червонецъ, потому что игра была небольшая. Признаюсь, когда явились карты, мнѣ стало страшно: я опасался высокой игры, тѣмъ болѣе, что гости сами непремѣнно хотѣли играть и прилежно переговаривались между собою по-Русски.

9. Его высочество ужиналъ у посланника Штамке, а тайный совѣтникъ Бассевичъ обѣдалъ у посланника Кампредона, у котораго въ первый разъ было общество. Говорятъ, у него превосходный столъ.

10. Послѣ обѣда вода опять начала подниматься, и хотя около шести часовъ вечера получено было отъ посланника Штамке (у котораго его высочество хотѣлъ ужинать) извѣстіе, что каналъ у его дома почти полонъ и что весь городъ (по причинѣ предсказанія нѣкоторыхъ крестьянъ, что вода вскорѣ поднимется еще на три локтя) при-

нимаетъ, какъ въ прошедшее Воскресенье, всѣ возможныя мѣры противъ наводненія, однакожъ его королевское высочество все-таки въ половинѣ седьмого отправился въ своей каретѣ къ Штамке, взявъ съ собою графа Бонде и меня, потому что камеръ-юнкеръ былъ не совсѣмъ здоровъ. Когда мы пріѣхали къ посланнику, вода уже проникла въ его дворъ и потомъ стала такъ сильно подниматься, что его высочество принужденъ былъ карету и лошадей (которыхъ сначала думалъ оставить) отослать домой и приказать привести себѣ барку. Посланникъ всячески старался убѣдить герцога уѣхать какъ можно скорѣе, представляя, что вода поднимается болѣе обыкновеннаго и что въ его домѣ, если она еще прибавится, для его высочества будетъ небезопасно, потому что, какъ скоро погребъ наполнится ею, полы начинаетъ подымать вверхъ, и тогда уже никто не можетъ оставаться въ комнатахъ. Онъ испыталъ это въ прошедшее Воскресенье, когда вода во всѣхъ его комнатахъ стояла фута на два. Въ этотъ день одинъ изъ слугъ сосѣда его, г.-м. Штенфлихта, едва не утонулъ въ квартирѣ своего господина; выходя изъ спальни, откуда ему хотѣлось что-то спасти, онъ чуть-чуть не упалъ въ погребъ, надъ которымъ вода подняла полъ; пройти ему не было никакой возможности, такъ что наконецъ товарищи должны были съ чердака вынуть нѣсколько потолочныхъ досокъ и втащить его туда на веревкахъ. Посланникъ прибѣгалъ ко всѣмъ возможнымъ доводамъ: то говорилъ, что вечеромъ не будетъ въ состояніи позаботиться объ ужинѣ для его высочества, потому что не имѣетъ сообщенія съ своею кухнею, находящеюся на другомъ концѣ двора и уже залитою водой; то сожалѣлъ, что единственная въ его домѣ комната на верху, куда въ крайнемъ случаѣ можно было бы удалиться, не имѣетъ печи; то разсказывалъ, съ какимъ трудомъ, въ прошедшее Воскресенье, во время самаго разлива, проѣхалъ подъ мостомъ на своей верейкѣ. Но его высочество отвѣчалъ все одно: что вода еще далеко не такъ высока, какъ въ прошлый разъ, и что пока она дойдетъ до той степени, онъ успѣетъ уѣхать домой. Дѣлать нечего, посланникъ Штамке долженъ былъ хлопотать о переноскѣ кушаній изъ кухни. Люди высоко поднимали ихъ и ходили въ водѣ выше колѣнъ. Мы преспокойно усѣлись ужинать; но посланникъ безпрестанно спрашивалъ, перестала ли вода подниматься? Наконецъ, спустя нѣсколько времени, пришло отрадное извѣстіе, что она начала уменьшаться, почему мы съ часъ или съ полтора просидѣли за столомъ долѣе, нежели предполагали. За ужиномъ я увѣрялъ герцога, что сегодня свадьба каммергера Нарышкина (который, по приказанію императора, состоитъ при особѣ его высочества); его высочество никакъ не хотѣлъ этому вѣрить, потому что каммергеръ не

сказалъ ему о томъ ни слова, напротивъ, на вопросы герцога, когда будетъ его свадьба, всегда отвѣчалъ, что еще не такъ скоро, даже вѣроятно, послѣ переѣзда въ Москву. Я замѣтилъ, что невѣста его, должно быть, старуха, и что вѣрно поэтому онъ не дѣлаетъ пышной свадьбы, въ чемъ его высочество со мною согласился, а на другой день и убѣдился въ самомъ дѣлѣ. Однакожъ герцогу было непріятно, что каммергеръ не сказалъ ему правды, или по крайней мѣрѣ не извинился передъ нимъ. Почтенный господинъ остался въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, чудакомъ. Около 11 часовъ вечера его высочество, простившись съ посланникомъ, который былъ порядочно навеселѣ, уѣхалъ домой на баркѣ.

11. Прошедшею ночью, часа въ два, былъ сильный вѣтеръ, и вода начинала опять очень подниматься. Поэтому, вслѣдствіе недавно обнародованнаго императорскаго указа, многіе изъ жителей удалились съ своею скотиною въ лѣсъ, куда отвели также всѣхъ лошадей изъ императорской конюшни, а за ними и лошадей его высочества и т. с. Бассевича. Однакожъ сегодня въ 9 часовъ утра ихъ привели назадъ, потому что вода уменьшилась и опасности уже не было. Легко себѣ вообразить, сколько тревоги надѣлало жителямъ города это вторичное наводненіе, тѣмъ болѣе, что среди ночи вдругъ ударили еще въ набатъ (по причинѣ пожара, вспыхнувшаго недалеко отъ графа Кинскаго), который многіе приняли за сигналъ спасать всѣми мѣрами домашнюю скотину.—Его высочество обѣдалъ опять у себя въ комнатѣ, а вечеромъ было обыкновенное общество въ комнатахъ т. с. Клауссенгейма, до поздней ночи. Въ этотъ день его высочество, черезъ двухъ гвардейскихъ офицеровъ, получилъ приглашеніе пожаловать завтра на свадьбу маіора гвардіи Матюшкина. Графъ Бонде переѣхалъ въ домъ герцога и занялъ комнаты т. с. Клауссенгейма.

12. Ночью вода опять поднялась необыкновенно высоко, однакожъ скоро спала, потому что начавшаяся сильная буря свирѣпствовала недолго. Его высочество обѣдалъ у себя въ комнатѣ, и послѣ обѣда, въ 4 часа, поѣхалъ на свадьбу, которая праздновалась въ Почтовомъ домѣ. Мы пріѣхали туда прежде императорской фамиліи, что̀ его высочеству было очень пріятно. По прибытіи императора и императрицы сѣли за столъ, и его высочеству и иностраннымъ министрамъ пришлось опять сидѣть противъ его величества императора, который въ этотъ разъ былъ особенно милостивъ къ нашему герцогу. Свадебныя лица были слѣдующія: женихъ, какъ я уже говорилъ — гвардіи маіоръ Матюшкинъ, невѣста—вдова гвардіи же маіора Яковлева *), женщина чрезвычайно любезная и хорошо говорящая по-нѣ-

*) Въ Родословной книгѣ князя Лобанова она показана вдовою Глѣбова. П. Б.

мецки; посаженый отецъ жениха—императоръ, братъ жениха—братъ генеральши Голицыной, полковникъ Семеновскаго полка; посаженый отецъ невѣсты—великій адмиралъ Апраксинъ; братъ невѣсты—старый г.-л. Бутурлинъ, гвардіи подполковникъ; посаженая мать невѣсты—императрица; сестра невѣсты — генеральша Балкъ; посаженая мать жениха, если не ошибаюсь,—супруга в. канцлера Головкина; сестры жениха я не зналъ. Подругами невѣсты были княжна Ромодановская, единственная дочь князя-кесаря, и старшая графиня Головкина; дружкою — кам.-юнкеръ Балкъ, маршаломъ — князь Голицынъ, г.-м. и подполковникъ полка своего брата *); шаферами—офицеры гвардіи. Послѣ обѣда, за которымъ были провозглашены только обыкновенные заздравные тосты, начали танцовать. По окончаніи церемоніальныхъ танцевъ его высочество первый началъ съ императрицею Польскій, въ которомъ участвовали к.-юнк. Балкъ и старшая Головкина. Послѣ того его высочество танцовалъ опять Польскій съ дочерью вдовствующей царицы, которая также была на свадьбѣ и, окончивъ его, сѣлъ, по желанію императрицы, подлѣ ея величества. Затѣмъ к.-юнк. Балкъ танцовалъ менуэтъ съ старшею Головкиною; потомъ она танцовала съ его высочествомъ, а каммеръ-юнкеръ съ невѣстою; послѣ этого невѣста выбрала графа Кинскаго, а онъ опять царевну, дочь вдовствующей царицы; потомъ еще танцовали: царевна съ его высочествомъ, его высочество съ дочерью князя-кесаря, она съ молодымъ Балкомъ и т. д. Когда императоръ, находившійся въ другой комнатѣ, узналъ, что танцуетъ эта послѣдняя пара, онъ, желая напоить хорошенько молодого Балка, поспѣшно прибѣжалъ въ залу и приказалъ принести самый большой бокалъ Венгерскаго вина, который, по окончаніи танца, взялъ и поднесъ каммеръ-юнкеру. Тотъ никакъ не могъ понять, за что долженъ выпить его. *Это за то*, сказалъ государь, *что ты не отдалъ княжнѣ решпекту и послѣ танца не поцѣловалъ ей руки.* Императрица и всѣ гости начали отъ души смѣяться и одобрили мысль императора, очень хорошо понявъ его намѣреніе. Кам.-юнкеръ, выпивъ бокалъ, страшно опьянѣлъ; онъ и безъ того едва держался на ногахъ, потому что изъ-за той же подруги невѣсты получилъ уже штрафный стаканъ за то, что поцѣловалъ ее, по обыкновенію, въ губы, когда она, въ началѣ обѣда, привязала ему на руку бантъ: императоръ, въ насмѣшку, утверждалъ, что ему, изъ уваженія къ дочери князя-кесаря, слѣдовало поцѣловать ей руку. Такъ какъ сначала для царской фамиліи было поставлено особо только два стула, на которые сѣли справа—императрица, а слѣва—дочь вдовствующей

*) Семеновскаго.

царицы, то государыня приказала поставить подлѣ себя еще третій, на который пригласила сѣсть его высочество. Ея величество почти постоянно говорила съ герцогомъ и вообще была съ нимъ необыкновенно ласкова. Какъ дежурный, я во все время стоялъ за стуломъ его высочества и слышалъ, что̀ они говорили обо мнѣ; императрица, между прочимъ, спросила, не сынъ ли я генералъ-лейтенанта Берхгольца, находившагося въ Русской службѣ, и на утвердительный отвѣтъ его высочества воскликнула: э, такъ я уже прежде его здѣсь видѣла! Но при этихъ словахъ вошелъ въ комнату ген. Ягужинскій, и ея величество начала съ нимъ Англійскій танецъ, который состоялъ изъ 8 или 9 паръ и продолжался очень долго. Императрица и царевна всякій разъ, когда не имъ приходилось танцовать, садились отдыхать. Между тѣмъ пришелъ императоръ и, будучи очень веселъ, началъ потомъ другой танецъ, похожій на такъ называемый въ Германіи *цѣпной танецъ* (*Kettentanz*), въ которомъ, по его приказанію, должны были принять участіе всѣ наличные старики. Тѣ, конечно, не могли отказаться и взяли себѣ все молодыхъ дамъ. Самъ императоръ танцовалъ съ императрицею; остальные танцоры были: великій адмиралъ, великій канцлеръ, вице-канцлеръ, Толстой, Бутурлинъ, генералъ Голицынъ, князь Долгорукій и еще два-три старика. По окончаніи этого танца императоръ тотчасъ началъ Польскій, въ которомъ опять должны были участвовать вышеозначенные господа; но когда кончился и онъ, императрицѣ показалось, что старики еще не довольно устали, и она снова начала танцовать съ Ягужинскимъ, приказавъ и имъ не отставать, что̀ тѣ и исполнили. Въ половинѣ танца къ нимъ присоединился императоръ и, взявъ императрицу за руку, танцовалъ съ нею до тѣхъ поръ, пока почтенные старцы едва могли передвигать ноги. Скоро послѣ того начался обыкновенный на всѣхъ здѣшнихъ свадьбахъ прощальный танецъ, и все общество разъѣхалось. Будучи уже дома, я услышалъ вдали звуки трубъ и вышелъ за ворота; это отвозили домой жениха и невѣсту, и именно въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди ѣхали три трубача, за ними двѣнадцать шаферовъ, верхомъ; потомъ слѣдовалъ маршалъ съ своимъ жезломъ, въ открытомъ четырехъ-колесномъ кабріолетѣ; за нимъ ѣхали невѣста и женихъ, въ каретѣ шестерней, и наконецъ множество каретъ, шестерней и парой, въ которыхъ сопровождали молодыхъ свадебные чины.

13. Его высочество обѣдалъ у себя въ комнатѣ, а вечеромъ ужиналъ у Штамке.

14. У его высочества обѣдалъ г.-л. Бонне, который остался при дворѣ до 5 часовъ. Вечеромъ его высочество ужиналъ съ Штамке,

Штенфлихтомъ и со мною у графа Бонде, гдѣ мы однакожь сѣли за столъ только въ 11 часовъ и просидѣли до двухъ.

15. Обѣдалъ при дворѣ ген. Алларъ, а вечеромъ его высочество ужиналъ у посланника Штамке. Въ этотъ день было рожденіе ассессора Сурланда, который пригласилъ къ себѣ бо́льшую часть нашихъ: Негелейна, Геклау, поручика Бассевича, Шульца, придворнаго проповѣдника, Дюваля и меня, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими хорошими пріятелями. Мы провели время тѣмъ веселѣе, что т. с. Бассевича, нашего домоваго хозяина, не было дома. Случайно къ намъ попалъ и Австрійскій секретарь посольства, который до того напился, что въ другой комнатѣ повалился на мою постель. Не было никакой возможности выжить его оттуда, и я по неволѣ долженъ былъ искать себѣ другой постели. Меня наконецъ пріютилъ у себя поручикъ Бассевичъ. Съ этимъ старымъ моимъ другомъ мнѣ пришлось въ третій разъ спать на одной кровати; у покойнаго герцога Мекленбургскаго мы вмѣстѣ были пажами, потомъ у брата его, теперешняго герцога, служили офицерами, и, наконецъ, опять сошлись здѣсь у его королевскаго высочества.

16. Его высочество кушалъ у себя въ комнатѣ, а вечеромъ ужиналъ у генерала Штенфлихта, гдѣ не было никого, кромѣ Альфельда, Штамке, Бонде, самого хозяина и меня. Мы разошлись довольно поздно. Вмѣсто вина, къ которому обыкновенно прибѣгаютъ, чтобы повеселиться, въ этотъ разъ служили пиво, вода и водка. Нѣкоторымъ такой замѣнъ крѣпко не нравился, тѣмъ болѣе, что его высочество началъ всѣ заздравные тосты водою, и надобно было слѣдовать его примѣру; другого сначала ничего не подавали, и только графъ Бонде пилъ вмѣсто воды пиво. Когда же наконецъ гости стали жаловаться на слабый напитокъ и просить рюмки водки, дали и водки, только болѣе, чѣмъ намъ хотѣлось; впрочемъ пили не всѣ поровну, а сколько кому было по силамъ. Въ этотъ вечеръ мы увидѣли большое пламя и, пославъ спросить, гдѣ пожаръ, узнали, что на рѣкѣ, недалеко отъ крѣпости, загорѣлся отъ неосторожности корабль.

17. У его высочества обѣдалъ въ первый разъ графъ Дугласъ, который долго сидѣлъ подъ арестомъ за дуэль и о которомъ я уже какъ-то упоминалъ. Вечеромъ его высочество ужиналъ у т. с. Геспена и былъ необыкновенно веселъ. Въ этотъ день молодой Бестужевъ *), который скоро отправляется посланникомъ въ Швецію и котораго я зналъ въ Мекленбургѣ каммеръ-юнкеромъ, обѣдалъ у т. с.

*) Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ, впослѣдствіи графъ и канцлеръ при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ.

Бассевича. Они уже давно друзья. Въ прошедшую ночь былъ страшный морозъ, и надобно думать, что скоро начнется настоящая зима.

18. Обѣдали у его высочества б. Мардефельдъ, Саксонскій министръ каммергеръ Лефортъ, г.-м. Лефортъ, состоящій въ здѣшней службѣ, и г.-л. Ласси, который не былъ еще у его высочества, потому что недавно только пріѣхалъ изъ Финляндіи. Это тотъ самый Ласси, который такъ страшно жегъ въ Швеціи. Такъ какъ между ними нашлись любители вина, какъ, напримѣръ, въ особенности б. Мардефельдъ, человѣкъ чрезвычайно веселый, то много пили; впрочемъ такъ, что было еще сносно. Когда гости разъѣхались, его высочество ушелъ въ свою комнату и вечеромъ не выходилъ. Въ этотъ день было очень холодно, особенно намъ, еще непривычнымъ.

19. Въ продолженіе ночи холодъ до того усилился, что маленькіе каналы, находящіеся въ разныхъ мѣстахъ города, покрылись льдомъ. Утромъ т. совѣтникъ сообщилъ мнѣ по секрету, что я, вѣроятно, отправлюсь въ Москву съ лошадьми, которыхъ его высочество намѣренъ туда послать. Такъ какъ нынче былъ очередной день т. с. Бассевича для пріема у себя министровъ, а б. Мардефельду, вмѣстѣ съ каммерг. Лефортомъ и ген. Минихомъ, хотѣлось послушать нашего придворнаго проповѣдника, то они пріѣхали съ нимъ ко двору и уже по окончаніи богослуженія уѣхали съ т. совѣтникомъ, у котораго однакожъ послѣ обѣда собралось многочисленное общество. Нѣкоторые пріѣхали туда уже порядочно навеселѣ, какъ, наприм., ген. Ягужинскій, гвардіи-маіоръ Румянцовъ, извѣстный поручикъ-хохотунъ и другіе; а какъ для такихъ гостей нѣтъ отказа, то сильно пили. Поэтому правила вновь учрежденнаго общества были нѣсколько нарушены, но нечего было дѣлать! Въ этотъ день у т.-совѣтника собрались почти всѣ иностранцы и Нѣмцы, живущіе въ Петербургѣ. Его высочество утромъ не выходилъ въ церковь и обѣдалъ дома, потому что былъ день его поста; вечеромъ однакожъ ѣздилъ къ посланнику Штамке, отъ котораго, въ первый разъ въ нынѣшнемъ году, возвратился въ саняхъ. Въ тотъ же вечеръ стала рѣка, почему такъ называемый *виташій* или тайный кнутмейстеръ, поздно ночью, ѣздилъ съ барабаномъ, и нѣсколько человѣкъ ходило по набережнымъ съ музыкою, въ знакъ того, что рѣка стала и что еще никому не дозволяется ходить черезъ нее. По здѣшнему обычаю, онъ съ своими людьми и самъ императоръ должны первые пройти по льду, потому что иначе его величество, вѣроятно, не рѣшился бы на это, не увѣрившись напередъ, что ледъ достаточно крѣпокъ. Еслибъ у рѣки не ставили стражи и не было этого запрещенія, то какой нибудь сорванецъ легко могъ бы поплатиться жизнью, что̀ и случалось.

20. Рано утромъ виташій опять прошелъ съ церемоніею мимо нашего дома. На немъ былъ какой-то полотняный балахонъ, весь исписанный черными буквами, изображавшими названіе *виташій* на всѣхъ возможныхъ языкахъ; на головѣ онъ имѣлъ шляпу съ четырьмя огромными рогами, а въ рукѣ держалъ машину, сдѣланную въ видѣ колбасы. Зачѣмъ онъ называется виташіемъ и откуда получилъ это названіе—было бы слишкомъ грязно разсказывать и притомъ достаточно извѣстно. За нимъ шелъ одинъ изъ тѣхъ людей, у которыхъ на головѣ и на всемъ тѣлѣ нѣтъ ни одного волоса и которыхъ императоръ держитъ только какъ рѣдкость. Онъ несъ большое полотняное знамя. Позади его шли два барабанщика, а за ними наконецъ четырнадцать человѣкъ съ лопатами, веревками и ломами. Они выстроились противъ Почтоваго дома, и одинъ изъ нихъ, съ своимъ ломомъ, стоялъ тамъ на караулѣ до тѣхъ поръ, пока ледъ окрѣпъ и они могли приступить къ прорубкѣ и расчисткѣ на немъ главной дороги. Въ этомъ состоитъ ихъ должность, за что̀ они получаютъ и жалованье. Въ этотъ день у его высочества болѣла голова; однакожъ вечеромъ онъ ходилъ наверхъ къ графу Бонде, у котораго пилъ чай и потомъ часа два игралъ съ нами въ карты.

21. Вечеромъ, сверхъ всякаго ожиданія, начало сильно таять.

22. Во всю ночь была такая оттепель, что на льду показалось уже много воды, почему и фейерверкъ, который, въ день тезоименитства императрицы, хотѣли было устроить на рѣкѣ, противъ Почтоваго дома, поставили на лугу, прямо передъ домомъ нашего герцога. Въ этотъ день вышло повелѣніе его высочества о томъ, кому изъ насъ ѣхать съ нимъ въ Москву и кому оставаться здѣсь. Въ числѣ послѣднихъ были г.-м. Штенфлихтъ, бригадиръ Ранцау, посланникъ Штамке, к.-юнк. Геклау, Дюваль и я. Хотя это извѣстіе было всѣмъ намъ весьма непріятно, однакожъ надобно было казаться довольными и повиноваться волѣ герцога. Больше всѣхъ сокрушался посланникъ Штамке, потому что всѣ иностранные министры при здѣшнемъ дворѣ, къ которымъ онъ все еще покамѣстъ принадлежалъ, отправлялись въ Москву, а ему не хотѣлось быть въ этомъ случаѣ единственнымъ исключеніемъ. Его высочество обѣдалъ съ обоими полковниками и съ нами, потому что изъ прочихъ никто не остался при дворѣ обѣдать. Послѣ обѣда пріѣхалъ къ его высочеству адъютантъ князя Меншикова съ приглашеніемъ на завтрашній вечеръ, по случаю имянинъ князя; онъ же имѣлъ приказаніе пригласить на этотъ праздникъ какъ нашихъ тайныхъ совѣтниковъ, такъ и иностранныхъ министровъ. Вскорѣ послѣ адъютанта пріѣхалъ къ его высочеству съ визитомъ молодой Польскій графъ Сапѣга; съ нимъ былъ одинъ старый Фран-

цузскій капитанъ, человѣкъ очень пріятный, вѣроятно его гувернёръ. Онъ увѣрялъ, что отъ перваго наводненія князь Меншиковъ понесъ убытку слишкомъ на 20,000 рублей, что̀ я ужъ слышалъ и отъ другихъ. Легко поэтому вообразить себѣ, сколько бѣдъ надѣлали повсюду послѣднія наводненія, если князь одинъ пострадалъ такъ много. Вечеромъ его высочество ужиналъ у графа Бонде (къ которому кушанья всегда носятъ изъ герцогской кухни), гдѣ были также Альфельдъ, Штенфлихтъ, Лорхъ и мы, дежурные. Но такъ какъ герцогъ, противъ своего обыкновенія, послѣ обѣда немного соснулъ и отъ того чувствовалъ себя несовсѣмъ хорошо, то мы оставались тамъ только до 10-ти часовъ.

23. Всю ночь и весь вчерашній день продолжалась оттепель, отъ которой сдѣлалось такъ скользко, что едва можно было ходить; однакожъ черезъ рѣку, не смотря на то, что ледъ былъ совершенно покрытъ водою, все еще переходили. Въ 11 часовъ утра, въ комнатахъ тайнаго совѣтника, была первая репетиція музыки, которую его высочество готовилъ къ слѣдующему утру въ честь императрицы, по случаю тезоименитства ея величества. У его высочества обѣдалъ графъ Кинскій. Передъ обѣдомъ полковн. Лорхъ объявилъ мнѣ, что герцогъ измѣнилъ свое распоряженіе и что я поѣду въ Москву; но радость моя продолжалась недолго: вечеромъ я узналъ отъ т. с. Бассевича, что его высочество опять передумалъ и что мнѣ придется здѣсь остаться. Послѣ обѣда его высочество отправился къ князю Меншикову на ту сторону рѣки, которую перешелъ пѣшкомъ, потому что по льду нельзя еще было ѣздить. Онъ весело провелъ у князя день его имянинъ; вечеромъ, въ свое время, тамъ былъ фейерверкъ, весьма впрочемъ незавидный. Мнѣ гораздо пріятнѣе было присутствовать при второй репетиціи музыки, бывшей сегодня послѣ обѣда, тѣмъ болѣе, что здѣсь рѣдко приходится слышать такой полный оркестръ. Она началась въ 5 часовъ, и на ней были здѣшній молодой Бестужевъ, каммергеръ Лефортъ, баронъ Лёвольдъ, баронъ Рённе, нѣкоторые изъ нашихъ кавалеровъ и придворный проповѣдникъ Ремаріусъ, который очень любитъ музыку и самъ на клавесинѣ превосходно бьетъ генералъ-басъ. Репетиція шла отлично. Такъ какъ музыка назначалась на другой день очень рано, а музыканты графа Кинскаго жили отъ насъ страшно далеко, то мы, изъ боязни, что они какъ-нибудь опоздаютъ, оставили ихъ у себя ночевать. Т. с. Бассевичъ воротился съ бригадиромъ Ранцау довольно рано домой, и къ нему пріѣхали ген. Ягужинскій, б. Лёвольдъ и б. Рённе, которые, вмѣстѣ съ т. с. Геспеномъ, долго пробыли у него. Ягужинскій былъ чрезвычайно ве-

селъ и притомъ совершенно трезвъ, тогда какъ обыкновенно онъ страстный любитель пирушекъ и рѣдкій вечеръ не бываетъ на-веселѣ.

24. Въ 6 часовъ утра музыка наша была уже совершенно готова, потому что его высочество, по назначенію ген. Ягужинскаго, намѣревался идти съ нею къ императрицѣ около половины седьмаго. Но только что мы собрались въ путь, явился къ т. с. Бассевичу посланный отъ Ягужинскаго съ извѣстіемъ, что императора и императрицы еще нѣтъ, и что надобно немного подождать. Намъ это было весьма непріятно: мы боялись, что скоро начнетъ разсвѣтать, а его высочеству непремѣнно хотѣлось устроить музыку до разсвѣта и съ факелами. Однакожъ, немного спустя, явился другой посланный съ радостною вѣстью, что идти наконецъ можно. Тогда мы отправились къ императорскому зимнему дому *), въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди всѣхъ шелъ фурьеръ, за которымъ 12 солдатъ несли столы, стулья и подсвѣчники для музыкантовъ; потомъ шелъ я, чтобъ на дворѣ поскорѣе разставить по мѣстамъ факельщиковъ; за мною слѣдовали 20 человѣкъ съ факелами, по два въ рядъ, и между ними его высочество съ своею свитою, а ужъ за ними, послѣ всѣхъ, музыканты. Когда мы вошли на дворъ, фурьеръ поспѣшно поставилъ столы противъ оконъ императрицы, а я въ тоже время размѣстилъ факельщиковъ. Пятнадцать изъ нихъ, въ парадной герцогской ливреѣ и съ большими восковыми факелами въ рукахъ, были поставлены въ рядъ передъ музыкантами, лицомъ къ окнамъ императрицы, а остальные пять, не имѣвшіе ливреи, за музыкантами. Затѣмъ ноты были разложены по столамъ, музыканты (настроивъ инструменты еще за воротами) заняли свои мѣста, и музыка началась. Она продолжалась почти часъ и была тѣмъ пріятнѣе, что погода стояла тихая и ясная. Оркестръ нашъ состоялъ изъ 17-ти или 18-ти человѣкъ, все отборныхъ людей, изъ которыхъ 5 были изъ свиты его высочества и 10 изъ дома графа Кинскаго. Во время музыки обѣ принцессы, въ утреннихъ костюмахъ, стояли у оконъ и слушали съ величайшимъ вниманіемъ (музыканты сидѣли нѣсколько ближе къ ихъ окнамъ). Старшая принцесса при этомъ случаѣ ясно показала, что она большая любительница музыки, потому что почти постоянно держала тактъ рукою и головою. Его высочество часто обращалъ взоры къ ея окну, и вѣроятно не безъ тайныхъ вздоховъ; онъ питаетъ къ ней большое уваженіе и неописан-

*) Этотъ зимній дворецъ, начатый въ 1711 году, стоялъ въ Милліонной, близъ канала, соединяющаго Большую Неву съ Мойкою. Въ немъ, въ 1725 году, скончался Петръ Великій. Впослѣдствіи онъ назывался *лейбъ-компанскимъ* домомъ (отъ помѣщавшейся въ немъ лейбъ-компаніи), а теперь на мѣстѣ его казармы Преображенскаго полка. См. у Рубана, стр. 58—59 и у Пушкарева, „Опис. С.-Петербурга“, 1839, ч. I, стр. 319—320.

ную любовь, которыя обнаруживаетъ при всѣхъ случаяхъ, какъ въ ея присутствіи, такъ и въ разговорахъ съ нами. Не успѣли мы оглянуться, какъ изъ дому вышелъ императоръ. Онъ подошелъ къ его высочеству и крѣпко обнялъ его; потомъ приблизился къ музыкѣ и обратился къ столамъ однимъ ухомъ; но послушавъ нѣсколько времени, быстрыми шагами удалился. Между тѣмъ вышелъ и генералъ Ягужинскій и что-то тихо говорилъ его высочеству; но легко было понять, что онъ пришелъ благодарить герцога отъ имени государыни. По окончаніи музыки, его высочество отправился впередъ съ своею свитою къ тайному совѣтнику Бассевичу, а музыканты и факельщики послѣдовали за нами. Тайный совѣтникъ, съ согласія его высочества, приказалъ асессору Сурланду (который исправлялъ должность капельмейстера) роздать всѣмъ музыкантамъ на водку отъ 80 до 90 рублей. Напившись у т. совѣтника чаю, герцогъ въ саняхъ уѣхалъ домой, а т. совѣтникъ, отъ имени его высочества, велѣлъ всѣмъ кавалерамъ собраться около половины десятаго часа ко двору въ парадныхъ платьяхъ, что̀ мы и исполнили. Въ 11-мъ часу его высочество, въ величайшемъ парадѣ и въ сопровожденіи всей своей свиты, поѣхалъ въ зимній домъ императрицы для поздравленія ея величества съ днемъ тезоименитства. Подполковникъ Сальдернъ и маіоръ Эдеръ должны были, по Вѣнской модѣ, ѣхать по сторонамъ кареты его высочества верхомъ, въ чулкахъ и башмакахъ, что̀ имъ вовсе не нравилось, какъ потому, что было довольно холодно, такъ и потому, что это весьма невыгодно для парадняго платья. По прибытіи въ домъ императрицы, мы были встрѣчены тамъ ген. Ягужинскимъ и проведены имъ въ пріемную ея величества, гдѣ нашли большое общество и нѣсколько времени ждали, пока государыня вышла и приняла поздравленіе его высочества. Она спѣшила въ церковь и потому недолго держала герцога, который, по обыкновенію, поцѣловалъ ей руку, въ чемъ всѣ наши кавалеры и нѣкоторые другіе изъ присутствовавшихъ послѣдовали его примѣру. Послѣ обѣда, часовъ въ пять, его королевское высочество отправился въ Почтовый домъ, гдѣ назначено было празднество. Какъ скоро пріѣхала туда и царская фамилія, тотчасъ сѣли за столъ и пили довольно много, въ чемъ его высочество принималъ дѣятельное участіе. За здоровье императрицы пили очень большимъ и полнымъ бокаломъ, и его высочество объявилъ себя самого маршаломъ этого тоста. Когда его величество императоръ провозгласилъ его, герцогъ взялъ бокалъ и собственными руками налилъ его до-полна и если бъ государь (которому не хотѣлось, чтобъ онъ пилъ такъ много) не остановилъ его, то его высочество, изъ уваженія къ императрицѣ, конечно выпилъ бы все до-чиста. Послѣ того императоръ взялъ этотъ

бокалъ, пошелъ съ нимъ къ императрицѣ и сказалъ ей, что его высочество выпилъ его за ея здоровье, а потомъ прислалъ его назадъ съ приказаніемъ, чтобъ и каждый изъ гостей выпилъ по стольку же. Тогда его высочество обошелъ всѣхъ, приказывая у себя въ рукахъ наполнять бокалъ и требуя, чтобы каждый осушалъ его до капли. По окончаніи этого тоста означеннымъ порядкомъ за мужскимъ столомъ и по донесеніи о томъ императору, находившемуся у императрицы, его величество приказалъ подать бокалъ туда, и всѣ дамы должны были, въ извѣстной степени, также пить изъ него, отъ чего онѣ большею частію окончательно повеселѣли. Столы въ этотъ разъ были такъ хорошо сервированы, какъ при насъ еще не было; даже мужской столъ былъ уставленъ сластями, чего я не видалъ здѣсь еще ни на одномъ празднествѣ; ви́на также были всѣ очень хороши. Послѣ стола танцовали, а вечеромъ былъ прекрасный фейерверкъ на большомъ лугу противъ Почтоваго дома. Такимъ образомъ празднество, въ присутствіи высокихъ гостей, продлилось до $1\frac{1}{2}$ часа ночи и было тѣмъ пріятнѣе, что они всѣ въ этотъ день были необыкновенно веселы.

25. Его высочество обѣдалъ у себя въ комнатѣ, а вечеромъ ужиналъ у графа Бонде.

26. Графъ Бонде велѣлъ меня просить къ себѣ, и когда я пришелъ, у него былъ бандурщикъ (такъ называются молодые и немолодые казаки изъ Украйны, играющіе на бандурѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ поющіе) княгини Черкасской, котораго онъ призвалъ, чтобы заучить нѣсколько веселыхъ Русскихъ пѣсень. Но такъ какъ голосъ этого молодца былъ не изъ лучшихъ, а графъ не можетъ легко усвоить себѣ мелодію, то онъ просилъ меня пропѣть съ нимъ и затвердить напѣвъ избранной имъ пѣсни. Онъ написалъ мнѣ Русскій текстъ Латинскими буквами, и мы всѣ трое, т. е. графъ, бандурщикъ и я, принялись весело распѣвать, и продолжали до тѣхъ поръ, пока наконецъ вполнѣ затвердили мелодію. Его королевское высочество (живущій подъ графомъ Бонде), слыша внизу наши голоса и хорошо запомнивъ слово *люли*, очень часто повторявшееся въ пѣсни, прислалъ на верхъ камеръ-лакея съ запиской, въ которой стояло: *bonjour*, *messieurs les Luillis*, и это только для того, чтобъ тотъ посмотрѣлъ, кто тамъ поетъ. Въ этотъ день были у маіора Румянцова крестины, при которыхъ присутствовали императоръ и императрица. Начались также обыкновенныя здѣсь зимнія собранія; но такъ какъ, по ошибкѣ полиціймейстера, нашему герцогу не было о томъ дано знать, то онъ провелъ весь вечеръ до поздней ночи у посланника Штамке.

27. Подполковн. Сальдернъ, чувствуя себя несовсѣмъ здоровымъ, просилъ меня дежурить за него. Маіоръ Эдеръ также нѣсколько дней

не выходилъ изъ комнаты, потому что упалъ съ лошади и разбилъ себѣ носъ. Я отправился пораньше ко двору; но кам.-юнкеръ немало обидѣлся, что подполковникъ не его просилъ дежурить и что я буду исправлять одинакую съ нимъ должность; однакожъ я не обратилъ на это никакого вниманія, а подполковникъ и того менѣе. У его высочества обѣдали кам.-юнк. Бестужевъ, скоро отправляющійся въ Швецію, и графъ Полусъ (поручикъ Шведской гвардіи, пробывшій здѣсь много лѣтъ въ плѣну). Такъ какъ оба они пріѣзжали проститься, то за столомъ пили болѣе обыкновеннаго. Графъ Полусъ, при прощаньи, получилъ отъ его высочества въ подарокъ прекрасную серебряную шпагу. Вечеромъ его высочество ужиналъ у ген. Штенфлихта (куда и я долженъ былъ слѣдовать) и очень хорошо провелъ тамъ время, играя, между прочимъ, въ первый разъ въ марьяжъ, который я ему показывалъ.

28. Было собраніе у вел. адмирала Апраксина. Его королевское высочество также отправился туда въ 5 часовъ и засталъ тамъ императора и множество гостей. Дамъ ни одной не было, потому что в. адмиралъ не женатъ; если же собраніе бываетъ у женатаго и жена его налицо, то съѣзжаются всѣ здѣшнія дамы, и тогда танцуютъ. Чтò касается до меня, я нашелъ это общество безъ дамъ непріятнымъ; мущины только разговариваютъ, играютъ въ шахматы, курятъ табакъ и пьютъ. Мнѣ показалось, что и его высочество нѣсколько скучалъ; однакожъ онъ не давалъ этого замѣтить и оставался тамъ до тѣхъ поръ, пока не уѣхалъ императоръ. Его величество былъ въ этотъ вечеръ очень задумчивъ и постоянно велъ серьёзный разговоръ съ нѣсколькими старыми господами; впрочемъ, когда пріѣхалъ его высочество, онъ принялъ его весьма милостиво, поцѣловалъ и просилъ сѣсть возлѣ себя. Герцогъ просидѣлъ на этомъ мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока наконецъ пришелъ великій адмиралъ и попросилъ его кушать въ другую комнату, куда онъ и отправился съ княземъ Валашскимъ и нѣкоторыми другими. Тамъ стоялъ отлично убранный, но, по здѣшнему обычаю, черезчуръ заставленный кушаньями (въ особенности разнаго рода жаренымъ) столъ, за который они сѣли и кушали съ большимъ аппетитомъ. Когда императору доложили, что уже 11 часовъ (по закону, собранія не могутъ продолжаться долѣе), онъ всталъ и, посмѣясь нѣсколько времени съ старымъ шутомъ адмирала, болтавшимъ всякій вздоръ (его величество все еще охотно слушаетъ шутовъ, чтобы разсѣяться послѣ серьёзныхъ занятій), простился и уѣхалъ. Его высочество и прочіе гости также скоро послѣдовали его примѣру. Герцогъ только на минуту заѣхалъ домой, чтобы приказать заложить сани. Когда они были готовы, онъ сѣлъ въ нихъ съ графомъ Бонде,

а мнѣ велѣлъ стать назади, и мы отправились къ ген. Штенфлихту, который былъ уже въ постели. Онъ долженъ былъ встать и ѣхать съ ними къ посланнику Штамке, котораго мы точно также намѣревались поднять: его высочеству не хотѣлось еще ложиться спать. Но Штамке, провѣдавъ какъ-то о нашемъ визитѣ, поставилъ у воротъ всѣхъ своихъ людей съ большими палками, а самъ, въ панталонахъ и чулкахъ, легъ въ постель, держа въ каждой рукѣ по пистолету. При нашемъ появленіи онъ хотѣлъ вскочить, но мы удержали его. На вопросъ его высочества, чтò все это значитъ, онъ отвѣчалъ, что слышалъ въ сосѣдствѣ необыкновенный шумъ (генералъ Штенфлихтъ живетъ рядомъ съ нимъ) и, полагая, что тамъ напали разбойники, которые могли добраться и до него, принялъ у себя мѣры противъ подобнаго нападенія, но что теперь, имѣя неожиданное счастіе видѣть такъ поздно въ своемъ домѣ его высочество, онъ чрезвычайно радъ и забываетъ страхъ. Его высочество сказалъ на это, что мы сами слышали шумъ, какъ намъ показалось, у него, посланника, и поспѣшили сюда на помощь, но, къ удивленію, не нашли никого посторонних людей. Между тѣмъ его высочество приказалъ намъ брать потихоньку все, чтò попадетъ подъ руку, чтобы въ самомъ дѣлѣ исполнить то, чего притворно вздумалъ бояться посланникъ. Собравъ поспѣшно порядочную добычу, мы ушли и возвратились къ генералу, у котораго пробыли еще нѣсколько времени и пили чай. Вслѣдъ за нами явился туда и Штамке, съ жалобами, что разбойники посѣтили таки и обокрали его. Мы отвѣчали, что встрѣтили нѣкоторыхъ изъ нихъ на улицѣ и отняли покраденное, что если это его вещи, то онъ можетъ взять ихъ. Онъ началъ высчитывать чтò именно украдено, и, разумѣется, тотчасъ же получилъ все назадъ; не упомянулъ только о золотыхъ часахъ, которые его высочество незамѣтно снялъ у его постели и отсутствія которыхъ, вѣроятно, тотъ не подозрѣвалъ; поэтому его высочество оставилъ ихъ у себя и только на другой день послалъ къ нему въ домъ съ совершенно незнакомымъ ему человѣкомъ, какъ бы для продажи, снявъ съ нихъ золотую цѣпочку и замѣнивъ ее ленточкой, какую обыкновенно привязываютъ къ новымъ часамъ. Но такъ какъ просили за нихъ слишкомъ дорого, то посланникъ, который не узнавалъ ихъ и совершенно забылъ о вчерашнемъ происшествіи, отвѣчалъ незнакомцу, что самъ имѣетъ такіе часы и что другихъ ему не нужно. Только когда тотъ уже уходилъ, ему пришло въ голову, что часы то, пожалуй, его собственные, и онъ велѣлъ воротить его. Не найдя своихъ часовъ на мѣстѣ, онъ оставилъ у себя принесенные, и тѣмъ дѣло кончилось. Такъ наконецъ обнаружилась истина, и посланникъ былъ радъ, что часы воротились къ нему; но продѣлка эта очень

забавила его высочество, который на другой день немало надъ нимъ смѣялся.

Его высочество уже давно рѣшилъ уменьшить выдачу намъ мѣсячныхъ столовыхъ денегъ; сегодня дѣло это окончательно состоялось, и тайный совѣтникъ Бассевичъ получилъ слѣдующее росписаніе:

	Сколько до сихъ поръ получалъ. Рубли.	Сколько впредъ будетъ получать. Рубли.
Конференціи-совѣтникъ Альфельдъ	60	40
Генералъ-маіоръ Штенфлихтъ	75	50
Бригадиръ Ранцау	75	50
Посланникъ Штамке	300	300
Подполковникъ Сальдернъ	45	30
Каммерратъ Негелейнъ	45	30
Ассессоръ Сурландъ	45	20
Маіоръ Эдеръ	22½	17
Я	22½	17
Капитанъ Шульцъ	15	15
Фельдшеръ Рипенъ	15	10
Канцеляристъ Геннингсъ	15	10
Всего	735	589

Сверхъ того должны еще получать ежемѣсячно:

Каммеръ-юнкеръ Геклау	30 рублей.
Г. Дюваль	15 —
Всего	45 —

Карлъ Фридрихъ.

Прочіе наши, не помѣщенные въ этомъ спискѣ, не получали *столовыхъ* денегъ, а пользовались извѣстными суммами на весь годъ; къ нимъ принадлежали и оба послѣдніе, которымъ однакожъ теперь также положены столовыя деньги. Останется ли это положеніе такъ, или получитъ еще какое-нибудь измѣненіе, покажетъ время.

29. Пріѣзжалъ шуринъ князя Меншикова (молодой человѣкъ, еще нигдѣ не служащій) приглашать его высочество на завтрашній день на обѣдъ къ князю, у котораго назначено было празднованіе дня Св. Андрея. Герцогъ далъ слово пріѣхать. Вечеромъ его высочество былъ у Штамке, гдѣ и ужиналъ; я же, по убѣжденію ассессора Сурланда, рѣшился вмѣстѣ съ нимъ отправиться въ баню, именно въ баню нашего дома. Здѣсь почти при каждомъ домѣ есть баня, потому что бо̀льшая часть Русскихъ прибѣгаетъ къ ней по крайней мѣрѣ разъ, если не два, въ недѣлю. Я хоть и въ первый разъ побывалъ въ банѣ послѣ трехъ или четырехъ лѣтъ (прежде, когда я былъ въ Швеціи и здѣсь, я нерѣдко пользовался ею, но потомъ совсѣмъ оставилъ), однакожъ нашелъ, что она мнѣ очень полезна, и положилъ себѣ впередъ почаще прибѣгать къ ней. Русскія и Чухонскія жен-

щины, прислуживающія тамъ, превосходно знаютъ свое дѣло. Онѣ, во-первыхъ, умѣютъ дать водѣ, которую льютъ на раскаленные печные кирпичи, ту степень теплоты или холода, какую вы сами желаете, и, во-вторыхъ, мастерски ухаживаютъ за вами. Сначала, когда полежишь немного на соломѣ, которая кладется на полкѣ и накрывается чистою простынею, онѣ являются и парятъ васъ на этомъ ложѣ березовыми вѣниками, сколько вы сами хотите, что̀ необыкновенно пріятно, потому что открываетъ поры и усиливаетъ испарину. Послѣ того они начинаютъ царапать вездѣ пальцами, чтобы отдѣлить отъ тѣла нечистоту, что̀ также очень пріятно; затѣмъ берутъ мыло и натираютъ имъ все тѣло такъ, что нигдѣ не останется ни малѣйшей нечистоты; наконецъ, въ заключеніе всего, окачиваютъ васъ, по желанію, теплою или холодною водою и обтираютъ чистыми полотенцами. По окончаніи всѣхъ этихъ операцій чувствуешь себя какъ бы вновь рожденнымъ. Непривычные къ банѣ и невыносящіе большого жара послѣ того страшно ослабѣваютъ; поэтому, выходя изъ бани, надобно очень тепло одѣваться, чтобы не простудиться. Но Русскіе бросаются, совершенно нагіе (даже въ началѣ зимы, когда вода еще не замерзла), изъ самыхъ жаркихъ бань въ самую холодную воду, и чувствуютъ себя очень хорошо, потому что съ дѣтства привыкли къ этому; я однакожъ не посовѣтовалъ бы никакому иностранцу пробовать подражать имъ.

30. Въ день Св. Андрея, въ 10 часовъ утра, его величество императоръ отправился со всѣми наличными кавалерами ордена Св. Андрея въ церковь для слушанія божественной литургіи. Его величество самъ учредилъ этотъ орденъ, который въ большомъ уваженіи и дается только лицамъ не ниже генеральскаго чина. Въ 11 часовъ, когда пушечная пальба въ крѣпости и Адмиралтействѣ дала намъ знать, что богослуженіе кончилось (пальба изъ пушекъ, при всѣхъ здѣшнихъ праздниствахъ, возвѣщаетъ объ окончаніи обѣдни), его королевское высочество тотчасъ же поѣхалъ къ князю, зная, что обѣдъ у него начнется немедленно по пріѣздѣ кавалеровъ изъ церкви. Мы застали все общество уже за столомъ (гости не мѣшкали, да и не имѣли притомъ надобности ѣхать такъ далеко, какъ мы). Поэтому князь тогда только увидѣлъ герцога, когда мы вошли уже въ комнату; но онъ тотчасъ вскочилъ съ своего мѣста, побѣжалъ его высочеству навстрѣчу и привѣтствовалъ его, потомъ посадилъ противъ императора, который съ своей стороны, когда герцогъ подошелъ къ столу, также всталъ и поклонился ему весьма милостиво. Орденскихъ кавалеровъ было налицо только десять, и хотя число гостей было вообще велико, однакожъ почти половина большого стола оставалась незанятою. Столъ этотъ, по здѣшнему обычаю, былъ убранъ великолѣпно. Тосты, про-

возглашенные при мнѣ, были слѣдующіе: во-первыхъ, Св. Андрею, патрону ордена, и во-вторыхъ, за здоровье семейства Ивана Михайловича (Головина), т. е. флота; этотъ тостъ никогда не забывается, и императоръ, говорятъ, обѣщалъ Ла-Костѣ 100,000 рублей, если кто-нибудь за обѣдомъ его пропуститъ; но за то и денщики, находящіеся при государѣ, должны ему постоянно напоминать о немъ. При первомъ тостѣ пили изъ огромнаго стакана; но князь Меншиковъ весьма ловко помогалъ нашему герцогу, для котораго порція была слишкомъ велика: налили ему почти столько же, сколько и другимъ но лишь только его высочество выпилъ половину, князь (стоявшій позади герцога) взялъ стаканъ и отдалъ его далѣе. Императоръ легко могъ все это замѣтить, если бъ хотѣлъ. Второй тостъ сошелъ для его высочества еще лучше: его предлагали ему два раза, сперва князь Валашскій, потомъ генералъ Алларъ, но стаканъ, по милости князя (который наливалъ его самъ), оба раза переходилъ къ другимъ, подъ предлогомъ, что его высочеству подадутъ другого вина, о чемъ, разумѣется, потомъ и забыли. Должно быть до нашего пріѣзда былъ еще какой-нибудь тостъ, потому что императоръ сказалъ герцогу, что его высочеству необходимо нѣсколько щадить себя, что кромѣ *трехъ* стакановъ, уже выпитыхъ, ему предстоитъ сегодня выпить еще 27, а именно у каждаго кавалера по три, и что тогда только онъ будетъ свободенъ. За обѣдомъ императоръ вынулъ бумагу, въ которую было завернуто около тридцати старыхъ копѣекъ, величиною ровно втрое противъ нынѣшнихъ; по его словамъ, они были принесены послѣднимъ наводненіемъ къ его увеселительному дворцу *Монплезиру* и тамъ найдены, когда вода спàла. Его величество показывалъ ихъ всему обществу какъ большую рѣдкость, и когда его высочество, внимательно разсмотрѣвъ находившуюся у него въ рукахъ копѣйку, хотѣлъ, по примѣру другихъ, возвратить ее по принадлежности, государь сказалъ: «behaut jy dat man, ick sau ju noch en Paar dartu geben» (оставь ее себѣ, я прибавлю къ ней еще пару); послѣ чего онъ съ большимъ тщаніемъ отобралъ еще двѣ копѣйки изъ самыхъ крупныхъ и подалъ его высочеству, который принялъ ихъ съ благодарностью. Вскорѣ потомъ императоръ всталъ, простился и уѣхалъ. Примѣру его послѣдовали и прочіе кавалеры. По здѣшнему обычаю, въ этотъ день ѣздятъ ко всѣмъ кавалерамъ óрдена и у каждаго обѣдаютъ или ужинаютъ и пьютъ извѣстные общіе тосты, чтò продолжается до поздней ночи. Говорятъ, баронъ Шафировъ между прочимъ спрашивалъ сегодня у императора, не будетъ ли орденъ Св. Андрея пожалованъ его королевскому высочеству? На чтò его величество будто бы отвѣчалъ, что объ этомъ слѣдовало напомнить прежде; что надобно освѣдомиться у

нашихъ министровъ, пріятенъ ли будетъ орденъ, и тогда пожаловать его въ празднованіе мира. Поговоривъ нѣсколько времени съ княземъ, его высочество также простился и уѣхалъ. Князь, провожая герцога до крыльца своего дома, увидѣлъ наши большія сани, на которыхъ помѣстилось 11 человѣкъ (4-ро внутри, 2 пажа спереди, 4 лакея сзади и кучеръ), и немало дивился, что его высочество рѣшается такъ смѣло ѣхать по льду, еще весьма некрѣпкому; но его высочество не обратилъ на это никакого вниманія, равно какъ и на всѣ наши просьбы взять съ собою въ сани поменьше людей. Когда ледъ подъ нами трещалъ, онъ увѣрялъ, что это признакъ сильнаго мороза, и никакъ не хотѣлъ допустить, что причиною тому тяжесть саней. Такъ какъ обѣдъ у князя начался очень рано и продолжался недолго, то мы застали нашихъ кавалеровъ еще за столомъ, что̀ Геклау и мнѣ было чрезвычайно пріятно, потому что мы двое еще ничего не ѣли.

После обѣда его высочество посѣтилъ молодой графъ Сапѣга; но его, подъ благовиднымъ предлогомъ и съ помощью маленькой лжи, скоро выпроводили отъ насъ: его высочество не хотѣлъ въ этотъ день имѣть у себя постороннихъ, потому что намѣревался отпраздновать хорошенько имянины посланника Штамке, для чего и приказалъ, чтобы на кухнѣ готовили къ вечеру ужинъ на 10 человѣкъ. Вечеромъ герцогъ велѣлъ пригласить въ комнаты графа Бонде, гдѣ назначался праздникъ, слѣдующихъ особъ: конференціи-совѣтника Альфельда, г.-м. Штенфлихта, полковника Лорха, подполковн. Сальдерна, маіора Эдера и насъ троихъ, дежурныхъ, т. е. Бонде, Геклау и меня. Когда посланникъ Штамке вошелъ въ комнату графа Бонде (куда его высочество самъ лично пригласилъ его), валторнисты, которые рано утромъ, отъ имени герцога, давали ему серенаду, привѣтствовали его веселою музыкою, чтобы показать нашу радость по случаю прибытія имянинника. Послѣ того его высочество вручилъ ему поздравительные стихи и весьма удачное сравненіе (своего собственнаго сочиненія) между нимъ посланникомъ и однимъ господиномъ, котораго терпѣть не можетъ, гдѣ послѣднему страшно достается, посланнику же, напротивъ, дѣлается много похвалъ. Это сочиненіе въ особенности возбудило въ посланникѣ неописанный восторгъ [1]). Замѣтивъ, что герцогъ и все общество въ отличномъ расположеніи духа, онъ воспользовался благопріятнымъ случаемъ и предложилъ, съ позволенія и одобренія его высочества, подписку въ пользу одного бѣднаго Голштинскаго чиновника, по имени Гросса [2]), который былъ прежде ка-

[1]) Предокъ барона Ѳ. А. Бюлера? П. Б.
[2]) Есть извѣстіе, что герцогъ писалъ и свои Записки. П. Б.

питаномъ и пріѣзжалъ сюда просить о чемъ-то его высочество, но на обратномъ пути между Петербургомъ и Ревелемъ пострадалъ отъ кораблекрушенія и только съ штурманомъ и двумя-тремя матросами остался въ живыхъ. Въ бѣдствіи своемъ онъ написалъ трогательное письмо къ посланнику, прося или дать ему взаймы сколько нужно для его путешествія, или сдѣлать для него сборъ у придворныхъ кавалеровъ его высочества. До своего отъѣзда изъ Петербурга онъ получилъ отъ герцога порядочную сумму на путевыя издержки и потому не имѣлъ смѣлости еще разъ прямо обратиться къ его высочеству. Посланникъ собралъ для него довольно много; самъ его высочество далъ еще 12 рублей. По окончаніи сбора его высочество кушалъ чай, а потомъ, около 10-ти часовъ, сѣлъ за ужинъ. Когда мы пробыли нѣсколько времени за столомъ, его высочество всталъ, перевязалъ себѣ черезъ плечо салфетку (въ знакъ того, что самъ хочетъ быть маршаломъ общества) и началъ провозглашать тосты. Сначала онъ собственноручно передавалъ всѣмъ бокалы, потомъ взялъ въ шаферы маіора Эдера; но такъ какъ послѣдній не могъ одинъ справиться за усиліемъ веселаго роспиванья, то я также долженъ былъ встать и занять мѣсто шафера, повязавъ себѣ тотчасъ же, для отличія, салфетку на руку. Его высочество, когда много уже было выпито, приказалъ подать самый большой бокалъ, какой только могли найти во всемъ домѣ, наполнилъ его до верху и самъ предложилъ посланнику Штамке тостъ за здоровье имени одинакаго начала и окончанія, подразумѣвая подъ этимъ здоровье старшей императорской принцессы Анны, потому что имя ея начинается и оканчивается одною и тою же буквою. Передъ тѣмъ однакожъ его высочество приказалъ нѣсколько бутылокъ вина побольше перемѣшать съ водою, и я долженъ былъ незамѣтно наливать его самому герцогу, полковнику Лорху и графу Бонде: его высочество въ подобныхъ случаяхъ всегда щадитъ этихъ двухъ господъ, потому что графъ Бонде начинаетъ харкать кровью, когда выпьетъ лишнее, а полковн. Лорху вино противно, особенно же въ большихъ стаканахъ, изъ которыхъ пить противъ воли не можетъ принудить его никто на свѣтѣ. Но всѣ остальные гости, даже и мы, шаферы, должны были пить это здоровье чистымъ виномъ и полнымъ бокаломъ. Г. Альфельдъ, который былъ несовсѣмъ здоровъ вслѣдствіе многихъ сильныхъ, хоть и не всегда добровольныхъ попоекъ, и потому имѣлъ позволеніе во весь вечеръ пить *Tisane* (родъ легкой настойки), на сей разъ также долженъ былъ вмѣстѣ съ нами пить, за упомянутое здоровье, крѣпкое Бургонское вино. Его высочество самъ обходилъ гостей, каждому подавалъ бокалъ и всякій разъ пробовалъ напередъ, не подмѣшано ли туда воды: а чтобы тостъ этотъ шелъ живѣе,

онъ приказалъ у большого бокала отбить ножку, отъ чего его нельзя было выпустить изъ рукъ, не выпивъ до̀-чиста. Послѣ того Альфельдъ предложилъ его высочеству тостъ, какъ мнѣ удалось услышать—за здоровье г-на Р.; онъ хотѣлъ предложить его потихоньку и не замѣтилъ, что я все-таки слышалъ его слова. Его высочество покачалъ головою и отвѣчалъ ему громко, что это здоровье сюда не идетъ; но Альфельдъ возразилъ, что пили же за здоровье его и его семейства, на что̀ его высочество сказалъ, что то совсѣмъ другое дѣло. Кончилось однакожъ тѣмъ, что здоровье это таки пили, назвавъ его *здоровьемъ въ мысляхъ*, почему немногіе только поняли, что̀ подъ нимъ разумѣлось. Послѣ ужина мы принялись весело распѣвать обѣ наши Русскія пѣсни *Stopotski postolisku* (Стопочки по столику) и *Pobora godilla* (По бору ходила), причемъ много прыгали и, стоя на столѣ, роспили не одинъ стаканъ. Такъ провели мы время до половины втораго часа ночи и были очень веселы. Когда его королевское высочество удалился, отправился и я домой вмѣстѣ съ конференци-совѣтникомъ, квартира котораго недалеко отъ моей. Доро̀гой онъ началъ уговаривать меня зайти съ нимъ на минуту къ посланнику Штамке, на что̀ я и согласился. Проходя мимо дома т. с. Толстаго, мы увидѣли, что императоръ со всѣми Андреевскими кавалерами у него и очень веселится; это еще болѣе поощрило насъ исполнить свое намѣреніе. Когда мы пришли къ посланнику, его даже не было еще дома, потому что онъ завозилъ домой г.-м. Штенфлихта. По возвращеніи къ себѣ, онъ очень удивился, увидя насъ. Если г. Альфельдъ начнетъ пить, то ужъ до окончательнаго опьянѣнія перестать не можетъ, и заставить его отправиться домой нѣтъ возможности. Онъ послалъ одного изъ своихъ людеѣ къ г.-м. Штенфлихту съ приказаніемъ разбудить его и привести, въ халатѣ, къ посланнику, его ближайшему сосѣду (онъ видѣлъ, что самъ посланникъ уже слишкомъ много пилъ и не въ состояніи еще разъ состязаться съ нимъ). Генералъ-маіоръ разсердился, что ему помѣшали спать; но зная, что во всю ночь не будетъ имѣть покоя отъ Альфельда, если не пойдетъ къ посланнику, онъ пришелъ и принесъ свой огромный стаканъ (подаренный ему барономъ Мардефельдомъ), въ который входитъ болѣе полуторы бутылки и который онъ называетъ *Causa* (причина). Увѣренный, что имъ всего скорѣе можно споить и сбыть съ шеи Альфельда, онъ велѣлъ наполнить его почти до-верху и привѣтствовалъ конференціи-совѣтника. Генералъ-маіоръ, который только въ Ригѣ, по убѣжденію императора, опять принялся за вино, не пробовавъ его 16 лѣтъ, можетъ такъ ужасно пить, что всѣмъ и каждому дѣлается страшно; онъ выпилъ свой стаканъ съ величайшею поспѣшностью. Посланникъ

между тѣмъ незамѣтно скрылся и легъ спать; но генералъ-маіоръ добрался до его спальни и велѣлъ своимъ людямъ во все время, пока пили, трубить въ рожки (которые тѣ постоянно должны имѣть при себѣ, когда господинъ ихъ на-веселѣ), что̀ производило невыносимый шумъ въ такой маленькой комнатѣ, какова спальня посланника. Конференціи-совѣтникъ Альфельдъ выпилъ большой стаканъ, однакожъ съ разстановкой, потому что вообще пьетъ очень медленно, когда бываетъ уже пьянъ. Я еще довольно хорошо отдѣлался, напередъ уговорившись съ людьми, чтобъ они наливали мнѣ вино на половину съ водой. Послѣ полуночи, часа въ три, я наконецъ потихоньку убрался; но Штенфлихтъ и Альфельдъ оставались у посланника, для упражненія его въ терпѣніи, до шести часовъ утра.

Декабрь. 1. Его высочество, узнавъ о попойкѣ прошедшей ночи, приказалъ, черезъ Бонде, сдѣлать замѣчаніе Альфельду и обоимъ другимъ господамъ. Въ этотъ день его высочество кушалъ въ своей комнатѣ, откуда и не выходилъ, а у т. с. Бассевича обѣдали Голландскій резидентъ (теперь его ближайшій сосѣдъ) съ женою и т. с. Геспенъ, съ которымъ онъ послѣ обѣда ѣздилъ къ полковн. Геннингсу, чтобъ отдать ему и женѣ его визитъ. Этотъ полковникъ—Нѣмецъ и служитъ смотрителемъ оружейнаго завода въ Олонцѣ, гдѣ есть и цѣлебный источникъ. Императоръ часто туда ѣздитъ. Въ отсутствіе т. совѣтника пришли и ждали его конференціи-совѣтникъ, посланникъ, г.-м. и бригадиръ Ранцау, которые пробыли нѣсколько времени у Сурланда и у меня; но такъ какъ онъ долго не возвращался, а его высочество желалъ остаться одинъ у себя въ комнатѣ, то они отправились къ посланнику Штамке, чтобы провести тамъ вмѣстѣ вечеръ, потому что не знали куда идти и что̀ дѣлать. Вечеромъ т. совѣтникъ возвратился домой довольно рано и, узнавъ, что все общество у Штамке, приказалъ Сурланду и мнѣ опять одѣться и идти туда съ нимъ вмѣстѣ, что̀ тотчасъ и было исполнено. Посланникъ Штамке и все общество, къ которому присоединился еще Негелейнъ, немало радовались, что видѣли среди себя т. с. Бассевича одного, чего уже давно не было, частью потому, что его высочество одно время почти всѣ вечера оставался въ своемъ замкнутомъ обществѣ (состоящемъ изъ него самого, Альфельда, Штенфлихта, Штамке и Бонде), гдѣ т. совѣтнику по многимъ причинамъ вовсе не хотѣлось участвовать, а частью и отъ того, что т. совѣтника удерживали или его сношенія съ иностранными министрами (собирающимися другъ у друга четыре раза въ недѣлю—по Воскресеньямъ, Вторникамъ, Средамъ и Четвергамъ), или другія какія нибудь дѣла. Т. совѣтникъ началъ говорить о большомъ стаканѣ, ко-

торый вчера такъ весело ходилъ по рукамъ, а когда генералъ-маіоръ велѣлъ принести его и сталъ показывать, по скольку мы выпивали, онъ ему сказалъ: «э, да и мнѣ хотѣлось бы съ вами потягаться». И такъ какъ всѣмъ намъ мысль эта очень понравилась, то онъ потребовалъ вина, наполнилъ стаканъ почти до трехъ четвертей и, обращаясь къ одному изъ гостей, выпилъ все съ необыкновенною быстротою; пріемъ у него вообще недуренъ, и онъ хорошо переноситъ дѣйствіе вина. Я боялся, что однимъ стаканомъ дѣло не кончится, и потому, прежде нежели онъ дошелъ до меня, ушелъ потихоньку домой, тѣмъ болѣе, что я не оправился еще послѣ вчерашней пирушки. Вышло, что я сдѣлалъ очень хорошо: гости таки подпили, и между Альфельдомъ и Штенфлихтомъ произошла подъ конецъ довольно сильная ссора.

2. Списокъ лошадей, нужныхъ для свиты его высочества по случаю отправленія въ Москву, былъ переданъ т. с. Бассевичемъ каммергеру Нарышкину, который хотѣлъ показать его императору и сдѣлать потомъ надлежащія распоряженія. Его высочество кушалъ въ своей комнатѣ. Послѣ обѣда т. с. Бассевичъ, посланникъ Штамке и каммерратъ Негелейнъ совершенно устранили ссору, происшедшую вчера между Альфельдомъ и г.-м. Штенфлихтомъ, такъ что они опять помирились, и его высочество ничего о томъ не узналъ. Вечеромъ герцогъ приказалъ своему обыкновенному обществу собраться опять у Штенфлихта. Такъ какъ его высочество былъ очень веселъ, и мы послѣ ужина пѣли свои Русскія пѣсни, то посланникъ Штамке, недавно получившій позволеніе ѣхать въ Москву, сказалъ: «какъ жаль, что не ѣдетъ съ нами нашъ капельмейстеръ!» (онъ разумѣлъ меня, потому что я лучше всѣхъ знаю эти Русскія пѣсни и всегда запѣваю). Его высочество отвѣчалъ, что и ему жаль, но что помочь горю не можетъ и потому проситъ не говорить болѣе объ этомъ. Около 12 часовъ мы уѣхали домой.

3. Такъ какъ его высочество провелъ ночь не совсѣмъ хорошо и потому долго проспалъ, а потомъ былъ чѣмъ-то занятъ, то проповѣдь началась не прежде исхода второго часа, и мы только въ 4 часа сѣли обѣдать. Въ этотъ день посланникъ Штамке угощалъ иностранныхъ министровъ и нѣкоторыхъ изъ нашихъ придворныхъ. Вечеромъ его высочество ѣздилъ на ассамблею къ князю Меншикову, но императоръ и императрица уже уѣхали оттуда до его прибытія. Когда герцогъ пріѣхалъ, гости только что собрались осматривать золотой туалетъ и серебряный сервизъ, выписанные изъ Англіи для принцессы Анны и недавно здѣсь полученные. Оба, говорятъ, необыкновенно хороши и великолѣпны.

4. Приказано было вечеромъ, по полученіи лошадей, отправить поклажу, съ которою поѣдетъ впередъ капитанъ Шульцъ. До молитвы былъ у его высочества Французскій посланникъ Кампредонъ и передалъ ему письмо отъ регента Франціи. Послѣ него пріѣзжалъ графъ Полусъ, чтобъ еще разъ проститься съ его высочествомъ; онъ, сверхъ чаянія, промѣшкалъ здѣсь долѣе, чѣмъ ожидалъ. Въ этотъ день камеръ-лакей Миддельбургъ сообщилъ мнѣ по секрету, что узналъ коечто и думаетъ, что я также поѣду въ Москву.

5. Утромъ, каммергеръ Нарышкинъ пріѣхалъ къ тайному совѣтнику и сказалъ, что теперь, пока царская фамилія еще здѣсь, лошадей дать не могутъ и что вообще, по случаю отъѣзда всего двора и всѣхъ министровъ, для его высочества невозможно достать столько лошадей, сколько онъ требуетъ, а только по крайней мѣрѣ 75 или 80. Потому изъ повозокъ опять все вынули, и всѣ думали, что многимъ изъ нашихъ придется здѣсь остаться, что послѣдуетъ другое назначеніе и что даже тѣ, которые поѣдутъ, должны будутъ уменьшить свою поклажу, такъ какъ лошадей каждый получитъ менѣе, нежели сколько сначала опредѣлено было по расписанію. Т. совѣтникъ спрашивалъ у его высочества, позволитъ ли онъ ѣхать въ Москву тѣмъ изъ своихъ придворныхъ, которые вздумали бы отправиться туда на свой счетъ и, получивъ утвердительный отвѣтъ, сказалъ мнѣ въ тотъ же день, чтобъ я не горевалъ и готовился къ путешествію, что его высочество позволяетъ ѣхать въ Москву желающимъ на своихъ издержкахъ, которыя вовсе незначительны, и что для меня въ свое время будутъ лошади. Онъ просилъ меня однакожъ держать это покамѣстъ про себя; потому что иначе многіе захотятъ искать такого позволенія и тогда легко можетъ случиться, что его высочество не дастъ его никому. Мнѣ очень хотѣлось видѣть Москву, и потому новость эта немало меня обрадовала. Вечеромъ его высочество былъ на ассамблея у великаго канцлера Головкина, куда я, какъ не дежурный, опять не попалъ.

6. Были имянины конференціи-совѣтника Альфельда, и его высочество очень на нихъ веселился.

7. Его королевское высочество обѣдалъ у императорскаго (Австрійскаго) министра, графа Кинскаго, гдѣ собралось болѣе 20 человѣкъ гостей и гдѣ герцогъ, говорятъ, провелъ время чрезвычайно пріятно.

8. Утромъ, шталмейстеръ императрицы доставилъ его высочеству подарокъ ея императорскаго величества — большія двумѣстныя, превосходно сдѣланныя, дорожныя сани, очень удобныя для путешествія и устроенныя какъ карета (съ окнами по обѣимъ сторонамъ), такъ

что могутъ вмѣстить въ себѣ и хорошій запасъ съѣстного. Но здѣшнихъ маленькихъ почтовыхъ лошадей для нихъ нужно не менѣе 6 или 8. Его королевское высочество, изъ предусмотрительности, уже заказалъ себѣ подобныя сани и потому приказалъ узнать, готовы ли они. Получивъ въ отвѣтъ, что къ нимъ еще многого не достаетъ, онъ велѣлъ передать каретнику, чтобы тотъ оставилъ ихъ себѣ вмѣстѣ съ взятымъ имъ задаткомъ. Его высочество обѣдалъ въ своей комнатѣ и въ этотъ день вовсе не выходилъ, а меня посылали къ графу Кинскому поклониться отъ имени его высочества, благодарить за вчерашнее и вмѣстѣ съ тѣмъ узнать о его здоровьѣ (до его высочества дошло, будто графъ не совсѣмъ здоровъ).

9. Третьяго дня графъ Кинскій, Мардефельдъ и Кампредонъ убѣдили его высочество взять съ собою въ Москву нѣсколько лошадей (что и они намѣрены сдѣлать), увѣряя, что пребываніе тамъ продлится долѣе, чѣмъ полагаютъ здѣсь при Дворѣ. Его высочество приказалъ, поэтому, т. с. Бассевичу распорядиться отправкою лошадей и послать съ ними впередъ своего каммердинера (каретныя лошади герцога должны были оставаться въ Петербургѣ; въ Москву же посылались только лошади тайнаго совѣтника и нѣсколько верховыхъ клеперовъ его высочества); но г. Бассевичъ отвѣчалъ, что никакъ не можетъ отправить съ лошадьми своего каммердинера, который будетъ крайне нуженъ ему самому во время путешествія, и предложилъ поручить это дѣло мнѣ, на что его высочество тотчасъ и согласился. Такъ я получилъ приказаніе приготовиться и на другой же день вечеромъ отправиться въ Москву впередъ съ лошадьми. Хотя я и могъ себѣ представить, что путешествіе мое будетъ весьма скучное и продлится по крайней мѣрѣ три недѣли, въ продолженіе которыхъ придется быть только въ обществѣ конюховъ, однакожъ все-таки обрадовался этому приказанію. Времени для приготовленій къ отъѣзду оставалось у меня очень немного, а нужно было еще въ тотъ же день съѣздить къ графу Кинскому, живущему отъ насъ страшно далеко, чтобъ увѣдомить его, что его высочество намѣренъ отправить своихъ лошадей завтра вечеромъ или послѣ-завтра утромъ (графъ просилъ герцога позволить отослать съ ними и трехъ или четырехъ изъ его лошадей). Узнавъ, что съ лошадьми ѣду я, онъ поручилъ мнѣ своихъ и обѣщалъ при всѣхъ случаяхъ быть готовымъ къ моимъ услугамъ.

10. Послѣ обѣда, императоръ выѣхалъ отсюда въ большихъ саняхъ (снаружи обитыхъ кожею, а внутри прекрасно обдѣланныхъ), въ 8 лошадей. Передъ тѣмъ его величество крестилъ съ нашимъ герцогомъ у полковн. Геннингса. Вечеромъ его королевское высочество

былъ у т. с. Бассевича, гдѣ нашелъ очень большое общество (это случилось въ очередной день тайнаго совѣтника для пріема иностранныхъ министровъ), и хотя увидѣлъ нѣсколько непріятныхъ для себя лицъ, однакожъ не далъ ничего замѣтить и остался тамъ до ночи. Я уже въ 5 часовъ утра былъ у каммергера Нарышкина, чтобъ увѣдомить его, что его высочество отправляетъ со мною въ Москву нѣсколько лошадей и попросить распорядиться о снабженіи меня въ пути фуражомъ и 12-ю лошадьми. Немало было съ нимъ хлопотъ: просьба эта вовсе ему не нравилась, и онъ очень удивлялся, что хотятъ посылать въ Москву лошадей, когда извѣстно, что мы не останемся тамъ болѣе шести недѣль и что, слѣдовательно, лошади должны придти туда незадолго передъ тѣмъ, какъ начнутся сборы въ обратный путь. Но мнѣ удалось наконецъ уговорить его, и онъ обѣщалъ исполнить волю его высочества и устроить все такъ, что я въ тотъ же день получу письменный приказъ какъ относительно фуража, такъ и 12-ти лошадей, а на другой, съ Богомъ, отправлюсь въ дорогу. Однакожъ, такъ какъ эти 12 лошадей были сверхъ обѣщанныхъ его высочеству 75 или 80 безъ платы, и больше нельзя было набрать, то мнѣ слѣдовало получить подорожную на ямскихъ или извощичьихъ лошадей, съ платою за нихъ по установленію, на что я и согласился съ благодарностью, присовокупивъ, что имѣю приказаніе во всякомъ случаѣ только просить, чтобъ мнѣ не отказывали въ лошадяхъ. Плата эта незначительна, и разница между ямскими лошадьми и обыкновенными разгонными (почтовыми) только въ томъ, что съ первыми нужно ѣхать три и четыре станціи, тогда какъ послѣднія мѣняются на каждой станціи. Мнѣ это было все равно, потому что я ѣхалъ съ своими лошадьми и поклажи имѣлъ не очень много. Покончивъ дѣло, мы сѣли пить чай, причемъ вспомнили, что уже были знакомы здѣсь 7 или 8 лѣтъ тому назадъ. Каммергеръ всегда былъ, и до сихъ поръ остался, большимъ другомъ моего покойнаго отца. Тайный совѣтникъ Бассевичъ между прочимъ считалъ также за нужное, чтобъ я выпросилъ себѣ на дорогу унтеръ-офицера или по крайней мѣрѣ солдата гвардіи, который бы заботился по пути о фуражѣ и другихъ надобностяхъ. Когда я заговорилъ и объ этомъ, каммергеръ извинился, что не имѣетъ болѣе унтеръ-офицеровъ, кромѣ тѣхъ, которые должны сопровождать нашего герцога и его багажъ; но тотчасъ же послалъ призвать солдата, которому велѣлъ идти со мною, чтобы тотъ зналъ мою квартиру и могъ вечеромъ принести мнѣ подорожную, далъ нужныя наставленія и приказалъ во всемъ слушаться меня и быть трезвымъ. Усталый до крайности, я легъ въ постель.

11. Около полудня, я получилъ наконецъ лошадей, приготовилъ все къ отъѣзду и затѣмъ, принявъ изъ придворной кассы его высочества 75 рублей на прогоны и изъ императорскаго приказа или канцеляріи [1]) 27 рублей 36 копѣекъ на фуражъ отсюда до Новгорода (потому что до этого города нельзя получать его безъ платы), отправился въ часъ пополудни съ своими людьми и лошадьми въ путь и въ тотъ же день проѣхалъ 25 верстъ. Еще не доѣзжая до первой станціи, я встрѣтилъ на дорогѣ обѣихъ императорскихъ принцессъ со всею ихъ свитою, довольно многочисленною. Онѣ вскорѣ послѣ меня оставили С.-Петербургъ и ѣхали въ сопровожденіи т. с. Толстого. Моя свита состояла, со мною, изъ 8 человѣкъ, но кромѣ того съ нами были — большая карета его высочества, недавно привезенная изъ Берлина, и 5 небольшихъ саней, изъ которыхъ одни служили мнѣ дорожнымъ экипажемъ. Съ половины дороги я послалъ солдата впередъ для заготовленія квартиры, чтò онъ и исполнилъ какъ нельзя лучше; всѣ нужныя распоряженія относительно фуража были сдѣланы имъ съ необыкновенною поспѣшностью, несмотря на то, что мы поздно прибыли на мѣсто. Я велѣлъ одному изъ конюховъ спать въ конюшнѣ при лошадяхъ и имѣть тамъ всю ночь засвѣченный фонарь; поставилъ также крестьянина караулить карету и прочія вещи, приказавъ ему въ тоже время смотрѣть, чтобы никто изъ ямщиковъ не уводилъ своихъ лошадей: они хотя и получаютъ извѣстную плату, однакожъ до того измучены усиленною ѣздою, что охотно оставляютъ уже заработанныя ими деньги и возвращаются домой.

12. Расплатясь поутру за фуражъ и прочее и удостовѣрясь, что люди лошадей накормили и вычистили (за чѣмъ постоянно имѣю бдительный надзоръ), я рано выѣхалъ изъ Славянки [2]), гдѣ мы ночевали, послалъ опять своего солдата впередъ заготовить квартиру и отправился, не спѣша, въ Тосниискую, находившуюся въ 36 верстахъ отъ перваго нашего ночлега. Тамъ мы также намѣрены были ночевать; однакожъ, на половинѣ дороги, въ одной деревнѣ, я велѣлъ дать лошадямъ немного сѣна и напоить ихъ.

13. Я опять рано отправился изъ Тоснинской въ Болото, гдѣ приказалъ хорошенько накормить лошадей сѣномъ и овсомъ. До этого мѣста было 20 верстъ отъ нашего ночлега. Изъ Болота я снова послалъ солдата впередъ, и самъ поѣхалъ вслѣдъ за нимъ въ Бабину, гдѣ мы должны были получить свѣжихъ лошадей, почему я и рѣшился ночевать тамъ. Бабина отъ Болота также въ 20 верстахъ, такъ что

---

[1]) Она называлась *рентереей* или казенною канцеляріей.

[2]) Царская Славянка, селеніе недалеко отъ Петербурга.

мы всего въ этотъ день сдѣлали 40 верстъ. Такъ какъ солдатъ мой уже добылъ новыхъ лошадей, то я старыхъ отпустилъ, заплативъ ямщикамъ по данной мнѣ подорожной, въ силу которой долженъ былъ платить, отъ Петербурга до Новгорода, по полукопѣйкѣ за каждую лошадь и каждую версту, отъ Новгорода же до Москвы только по три копѣйки за каждыя 10 верстъ, слѣдовательно, почти вдвое менѣе. Причина этому, говорятъ та, что крестьяне между Петербургомъ и Новгородомъ большею частью недавно поселены тамъ, почему ихъ всячески щадятъ, желая дать имъ возможность лучше устроиться.

14. Непривычныя къ дорогѣ лошади, послѣ долгаго отдыха въ хорошей конюшнѣ, шли очень хорошо и прошли 25 верстъ до деревни Соснинки, гдѣ мы кормили; отсюда мы отправились далѣе черезъ озеро *Штаммъ* (?) до Весёлки, мѣста нашего ночлега. Передъ деревней намъ пришлось, въ первый разъ съ самаго Петербурга, подниматься на одну гадкую гору. Безъ солдата было бы мнѣ плохо: пріѣхавъ въ деревню и найдя въ ней только одинъ домъ, удобный для помѣщенія всего нашего багажа и лошадей, онъ явился къ капитану (который, находясь тамъ съ эскадрономъ драгунъ, занималъ этотъ домъ и уже спалъ) и представилъ ему сперва учтиво, что сейчасъ прибудутъ вещи и лошади его высочества и что его просятъ уступить для нихъ квартиру на одну ночь, такъ какъ другого удобнаго дома нѣтъ, а ѣхать далѣе уже слишкомъ поздно. Капитанъ не соглашался; тогда солдатъ мой началъ шумѣть и добился-таки наконецъ, что тотъ очистилъ домъ еще прежде, чѣмъ мы пріѣхали. Офицеры армейскихъ полковъ не довѣряютъ солдатамъ гвардіи и неохотно имѣютъ съ ними дѣло. Такимъ образомъ мы добыли себѣ квартиру, которой капитанъ, конечно, никогда бы намъ не уступилъ, еслибъ не было съ нами смѣлаго солдата.

15. Я распорядился, чтобъ выѣхать съ разсвѣтомъ, и взялъ изъ деревни нѣсколько крестьянъ для помощи намъ при спускѣ съ большой горы. Проѣхавъ отъ послѣдняго ночлега 20 верстъ, мы прибыли въ деревню Антоновскій Погостъ, гдѣ нашли нѣкоторыхъ изъ нашихъ людей, а именно пажа Тиха, обоихъ каммеръ-лакеевъ и фельдшера Рипена, отъ которыхъ я узналъ, что императрица выѣхала 12-го, а его высочество вчера, 14-го, и опередилъ ихъ въ эту ночь; т. же с. Бассевичъ съ багажемъ выѣхалъ еше 13-го числа. Фельдшеръ Рипенъ подарилъ мнѣ бутылку Французской водки, которая при большомъ холодѣ мнѣ весьма пригодилась. Отъ нихъ же узналъ я, что мосье Дюваль за день до моего отъѣзда получилъ приказаніе отправиться въ Гамбургъ и еще до нихъ дѣйствительно выѣхалъ изъ Петербурга; меня это очень удивило, тѣмъ болѣе, что случилось такъ неожиданно

и внезапно. Не видавъ на дорогѣ ни императрицы, ни его высочества, ни т. с. Бассевича съ багажемъ, я легко догадался, что всѣ они проѣхали мимо меня ночью; обыкновенно, чтобы легче добыть фуражъ и квартиру, мы останавливались на ночлегъ въ деревняхъ, нѣсколько удаленныхъ отъ большой дороги. Отъ Антоновскаго Погоста, гдѣ мы кормили лошадей, мы проѣхали 15 верстъ и остановились ночевать въ деревнѣ Горбахъ; слѣдовательно сдѣлали въ этотъ день всего только 35 верстъ. Причиною этому было то, что мы не могли доѣхать до Новгорода, до котораго оставалось еще 15 верстъ; да и кромѣ того я былъ увѣренъ, что намъ придется пробыть тамъ полдня или болѣе для полученія отъ губернатора новаго листа о фуражѣ, потому что листъ, данный мнѣ на этотъ предметъ въ Петербургѣ, былъ дѣйствителенъ только до Новгорода. Въ Горбы пріѣхали еще нѣкоторые изъ нашихъ людей, отставшіе отъ прочихъ. Спросивъ у нихъ, кто ѣдетъ въ саняхъ съ его королевскимъ высочествомъ, я получилъ въ отвѣтъ, что графъ Бонде, въ чемъ и былъ уже напередъ убѣжденъ.

16. Я еще до разсвѣта поѣхалъ съ солдатомъ впередъ въ Новгородъ, чтобы заготовить квартиру и лично переговорить съ губернаторомъ, въ надеждѣ, разумѣется, что это ускоритъ мой отъѣздъ оттуда. Мы пріѣхали въ Новгородъ очень рано; но такъ какъ городъ необыкновенно растянутъ, да и багажъ прибылъ за нами слишкомъ скоро, то я не прежде какъ къ вечеру, съ помощью шума и угрозъ (добромъ здѣсь въ дорогѣ возьмешь немного), получилъ конюшню и домъ, гдѣ наконецъ могъ пріютить своихъ людей и лошадей. Добыть нужнаго намъ фуража стоило также немало хлопотъ, потому что въ городахъ это сопряжено съ большими затрудненіями. Остальное время дня я употребилъ на покупку разныхъ необходимыхъ въ дорогѣ вещей и съѣстныхъ припасовъ. По улицамъ я встрѣчалъ множество арестантовъ, изъ которыхъ одни имѣли на ногахъ цѣпи, другіе—большія деревянныя кандалы, а нѣкоторые даже были скованы попарно, подобно охотничьимъ собакамъ. Это были частью должники, частью воры (къ воровству Русскіе очень склонны) и разбойники. Всѣ они собирали по городу милостыню. Вскорѣ послѣ возвращенія моего домой они привезли ко мнѣ сани, отставшія отъ другихъ на дорогѣ изъ Петербурга сюда. Въ нихъ была уложена кухонная посуда его высочества, которую я, въ присутствіи почтоваго чиновника, велѣлъ переписать, запечаталъ и отправилъ на почтовыхъ лошадяхъ вслѣдъ за багажемъ. Здѣсь мы нашли все едва ли не въ половину дешевле, чѣмъ въ Петербургѣ; такъ, напр., превосходнѣйшую тетерку и лучшаго тетерева можно было купить за 5 копѣекъ.

17. Несмотря на мое желаніе выѣхать изъ Новгорода рано утромъ, я долженъ былъ ждать до послѣ-обѣда, пока наконецъ получилъ отъ губернатора подорожную и приказъ о фуражѣ. Онъ далъ мнѣ капрала, въ видѣ коммиссара, для требованія по деревнямъ фуража моимъ лошадямъ; я и отправлялъ его всякій разъ впередъ, чтобъ имѣть все на-готовѣ еще до моего пріѣзда, а гвардейскаго солдата посылалъ вмѣстѣ съ нимъ для заготовленія квартиры. Вечеромъ мы пріѣхали въ погостъ Голино.

18. Отъ погоста Голина до Зайцова, 35 верстъ. Дорога шла через многія непріятныя горы, которыя были хоть и не высоки, но для усталыхъ лошадей очень затруднительны.

19. Отъ Зайцова до *Рехимъ* (Рахина), 50 верстъ; 20-го, отъ Рахина до Валдая, 43 версты, черезъ многія горы. Здѣсь мы сдѣлали привалъ, потому что лошади не шли далѣе. Когда, 21-го числа вечеромъ, вдовствующая царица Прасковія проѣзжала съ своею свитою черезъ Валдай, жители должны были держать изъ оконъ зажженныя свѣчи или лучины для освѣщенія улицъ. Она ѣхала очень медленно, посѣщая, изъ благочестія, всѣ находящіеся по дорогѣ монастыри.

22. Отъ Валдая до *Березеитъ* (?) 37 верстъ; 23-го, до Борозды, 57 верстъ; 24-го, до Будова, 51 верста; 25-го, черезъ городъ Торжокъ до *Маріенне* (Марьина), 42 версты и 26-го, до города Твери, 43 версты. Здѣсь намъ слѣдовало получить новый указъ о фуражѣ.

27. Мы пріѣхали въ большую и прекрасную деревню Городень, принадлежащую князю Меншикову. Здѣсь, когда я обѣдалъ, священникъ поднесъ мнѣ, съ низкимъ поклономъ, большой хлѣбъ, на которомъ сверху лежала соль. Таковъ національный обычай, соблюдаемый съ знатными людьми. Я, съ своей стороны, подарилъ ему полтину. Вечеромъ мы были въ Шошѣ, деревнѣ, принадлежащей княгинѣ Черкасской, такъ что сдѣлали въ этотъ день 47 верстъ.

28. Черезъ городъ Клинъ до Борозды, 43 версты и 29-го, до *Тилене* (?), 54 версты. Незадолго передо мной пріѣхалъ въ эту деревню капитанъ Гослеръ (родомъ изъ Альтоны на Эльбѣ), который у императора, съ самой молодости его величества, въ большой милости. Онъ пригласилъ меня къ себѣ и угостилъ славнымъ холоднымъ кушаньемъ. Отъ него, къ утѣшенію моему, я узналъ, что празднованіе мира въ Москвѣ еще не начиналось.

30. Я отправился впередъ въ Москву, до которой оставалось мнѣ 22 версты. Завидѣвъ башни города, я несказанно обрадовался, что окончилъ свое крайне трудное путешествіе, и молилъ Бога избавить меня впредь отъ подобнаго. Я нашелъ его королевское высоче-

ство въ Нѣмецкой Слободѣ и, поцѣловавъ ему руку, отправился къ т. с. Бассевичу, гдѣ обѣдалъ и получилъ приказаніе дать сопровождавшему меня въ дорогѣ солдату нѣсколько рублей и отпустить его. Квартиру мнѣ отвели у одного Голландскаго маклера, по фамиліи Шёнеманна, но далеко отъ герцога.

Здѣсь одинъ изъ моихъ друзей сообщилъ мнѣ о случившемся послѣ моего отъѣзда изъ Петербурга слѣдующее. 11-го Декабря выѣхали изъ С.-Петербурга императорскія принцессы, а 12-го—императрица. 13-го отправились въ путь т. с. Бассевичъ и Геспенъ, Штамке, Негелейнъ, Сурландъ, придворный проповѣдникъ Ремаріусъ и, вмѣстѣ съ ними, Саксонскій министръ Лефортъ. 14-го, послѣдовалъ за ними его королевское высочество въ сопровожденіи Бонде (который ѣхалъ въ его саняхъ), Альфельда, Лорха и Эдера. Въ Новгородѣ губернаторъ встрѣчалъ герцога съ пушечною пальбою и угощалъ, а городовой магистратъ поднесъ ему цѣлаго битаго быка, множество гусей и куръ, также меду, вина, водки, хлѣба и фруктовъ, что̀ все тамъ и осталось. Въ Вышнемъ-Волочкѣ его высочество имѣлъ остановку за лошадьми и былъ отлично принятъ тамошнимъ градоначальникомъ, который родомъ Калмыкъ*). 17-го, его высочество встрѣчали въ Твери точно такъ же, какъ въ Новгородѣ, потомъ приглашали въ аптеку, гдѣ ему подносили разнаго рода крѣпкіе напитки. 18-го, въ 8 часовъ утра, герцогъ прибылъ въ Москву; слѣд. окончилъ путешествіе въ 4 дня. Тамъ все было въ движеніи, потому что въ этотъ день императоръ имѣлъ торжественное шествіе и самъ лично велъ оба гвардейскіе полка черезъ устроенные тріумфальные врата. У однихъ изъ такихъ воротъ его высочество былъ очень нѣжно принятъ императоромъ, и потомъ отправился въ Нѣмецкую Слободу на приготовленную для него квартиру. До Рождества ничего особеннаго не случилось, но въ этотъ денъ утромъ при дворѣ было торжественное богослуженіе, и его высочество обѣдалъ съ императоромъ и императрицею въ Кремлѣ, куда были приглашены къ императорскому столу и всѣ иностранные министры. На другой день праздника князь Меншиковъ, въ своемъ большомъ домѣ, находящемся также въ Нѣмецкой Слободѣ, великолѣпно угощалъ его высочество со свитою и иностранныхъ министровъ, причемъ однакожъ неимовѣрно пили.

Конецъ первой части.

---

*) Михаилъ Ивановичъ Сердюковъ. П. Б.

тыревъ 1692 [1]); точно также и въ Костромѣ не указаны кн.: Романъ Гагаринъ (находился при возведенiи на престолъ Михаила Феодоровича 1613 г., Юрiй Михайловичъ Аксаковъ 1652 г., Григорiй Андреевичъ Племянниковъ 1689 г., Андрей Алексѣевичъ Мѣшковъ-Плѣщеевъ [2]). Такое же пополненiе должно быть и въ спискѣ воеводъ Ярославскихъ, Угличскихъ и Романово-Борисоглѣбскихъ по даннымъ напечатаннымъ В. И. Лѣствицынымъ [3]). Исправленiе всѣхъ списковъ работа немалая и одному также не посильная; во всякомъ случаѣ благодаря труду А. П. Барсукова, дополнить списки воеводъ уже легко, и мы увѣрены, что въ недалекомъ времени эта цѣль будетъ достигнута и всѣ нуждающiеся въ такого рода свѣдѣнiяхъ, особенно провинцiальные работники, съ благодарностью отнесутся къ А. П. Барсукову, принявшему на себя почнинъ въ этой благотворной работѣ. Изданный Археографической Комиссiей трудъ А. П. Барсукова является поэтому цѣннымъ вкладомъ и необходимой принадлежностью въ библiотекѣ лицъ, занимающихся Русской Исторiей.

А. Титовъ.

Ростовъ Ярославскiй.
1902 Сентября 23.

[1]) Дозорныя и переписныя книги г. Ростова М. 1880.
[2]) Памят. кн. Костромской губ. 1842 г.
[3]) Ярослав. губ. Вѣдомости № 38. 1873 г.